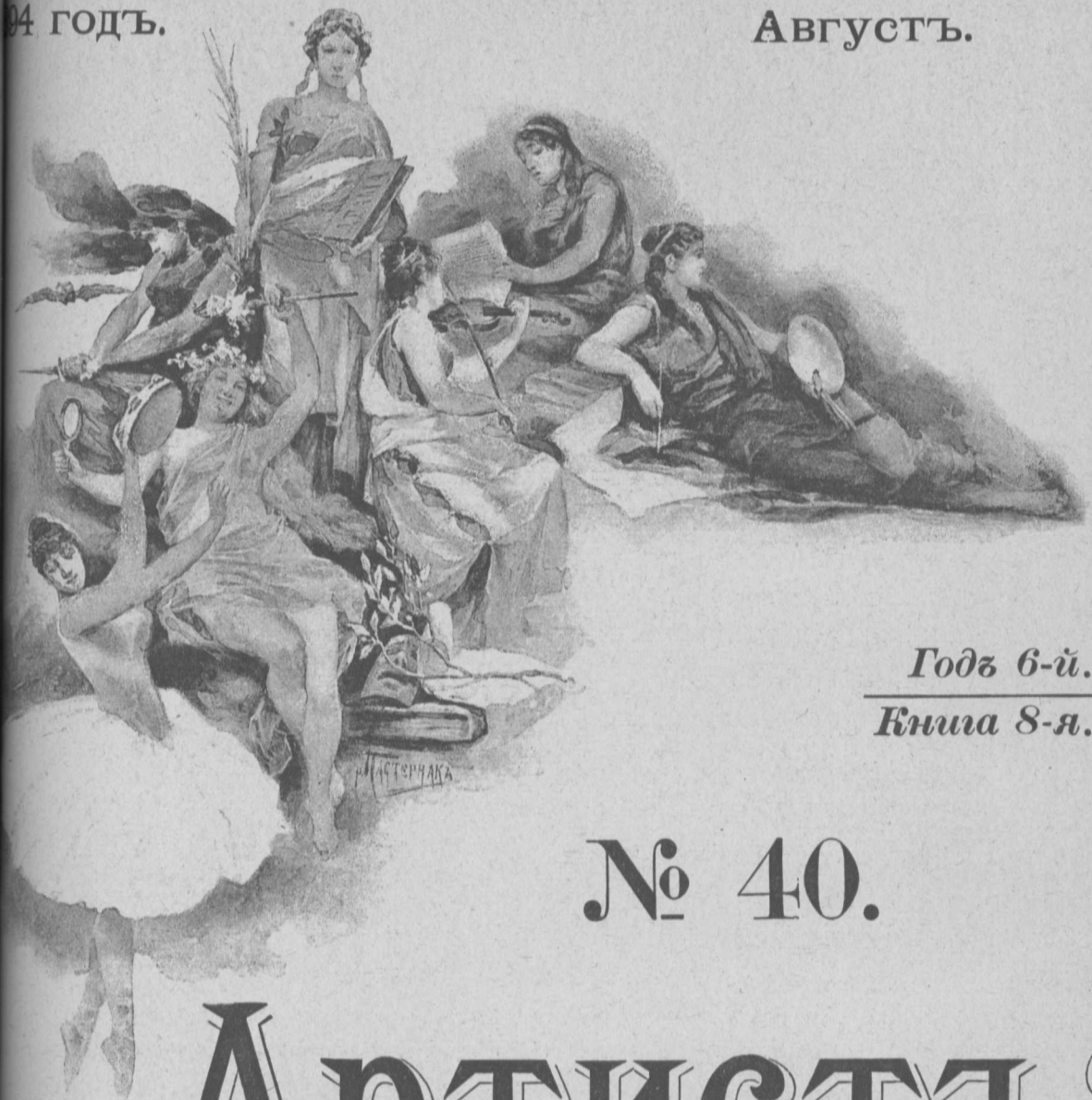
94 годъ. Августъ.



Годъ 6-й.

Книга 8-я.

№ 40.

„Артистъ“

ЖУРНАЛЪ

ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ

И

литературы

МОСКВА.

Типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пименовск. ул., соб. д.

1894.

СОДЕРЖАНІЕ:

Стр.

I. „ВЕЧЕРЪ СЪ ПРИКЛЮЧЕНІЯМИ“ ком. въ 5 д. **Оливера Гольдсмита**, пер. **А. Веселовской** 1

II. О НѢКОТОРЫХЪ НОВЫХЪ НАПРАВЛЕНІЯХЪ ВЪ НАУКѢ ОБЪ ИСКУССТВАХЪ, ст. **П. Викторова**. 33

III. РѢШЕНІЕ, повѣсть **Л. Ф. Нелидовой** (*окончаніе*) 38

IV. ВАГНЕРІАНСКІЙ ВОПРОСЪ (музык. проблема) **Фр. Ницше**, пер. **О. О. Р** . 61

V. СНИМКИ СЪ КАРТИНЪ, ПОРТРЕТОВЪ И РИСУНКОВЪ:

„Когда нѣтъ больше любви“ **Г. Кэна**. 37

Фрина. **Жерома**. 99

Торжество искусства. **Бонна**. . 125

Сцена изъ „Венецейскаго истукана“ д. 1. явл. 6 152

Souvenir du premier empire. **Брамто** 185

Репетиція „Madame Sans-Gêne“ въ присутствіи Сарду. 196

VI. ЛЮБИТЕЛЬНИЦЫ ИСКУССТВЪ. *Соблазнительница.—Гастроль у фокусника.—Говорящая голова*,—разск. **В. Подкольскаго**. 76

VII. ИЗЪ ВИКТОРА ГЮГО, стихотв., пер. **Л. Г.** 85

VIII. ИЗЪ ПРОШЛАГО РУССКОЙ ДРАМЫ. *Я. Б. Княжнинъ и его трагедіи*. Ст. **Юрія Веселовскаго** 86

IX. ОДИНЪ, романъ **И. Потапенко** (*продолженіе*) 100

X. ИЗЪ ФАНТАСТИЧЕСКИХЪ РАЗСКАЗОВЪ ГОФМАНА. „Крейслеріана“ (*окончаніе*).—„Донъ-Жуанъ“. Пер. **А. Страхова** 126

XI. ЭЖЕНЪ СЮ. Э. **Легуве**, пер. Н. П. (*окончаніе*) 143

XII. ОТЕЛЛО, очеркъ **А. Ѳедорова**. 153

XIII. „МОЯ БАЛОВНИЦА“, ром. **А. Коптяева**. 161

XIV. ЭТЮДЪ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО, муз. **Т. Постъ** 164

XV. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — *Замѣтки читателя*. — Литература инстинктовъ. **И. И. Иванова** 167

XVI. СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ:

Московскій лѣтній сезонъ, ст. **В. Е.** 180

Оркестровые вечера г. Арендса. **W.** 182

Корреспонденціи изъ Архангельска, Варшавы, Екатеринбурга, Курска, Майкопа, Мурома, Нижняго-Новгорода, Новочеркаска, Рязани, Томска и Тулы. 186

„АРТИСТЪ“

ЖУРНАЛЪ

ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ

И

ЛИТЕРАТУРЫ.

1894 годъ. Августъ.

№ 40.

Годъ 6-й. Книга 8-я.

МОСКВА.
Типо-литографія Высочайше утвержденнаго Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, собственный домъ.
1894.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. „ВЕЧЕРЪ СЪ ПРИКЛЮЧЕНІЯМИ“ ком. въ 5 д. **Оливера Гольдсмита**, пер. **А. Веселовской** 1

II. О НѢКОТОРЫХЪ НОВЫХЪ НАПРАВЛЕНІЯХЪ ВЪ НАУКѢ ОБЪ ИСКУССТВАХЪ, ст. **П. Викторова**. 33

III. РѢШЕНІЕ, повѣсть **Л. Ф. Нелидовой** (*окончаніе*) 38

IV. ВАГНЕРІАНСКІЙ ВОПРОСЪ (музык. проблема) **Фр. Ницше**, пер. **О. О. Р** . 61

V. СНИМКИ СЪ КАРТИНЪ, ПОРТРЕТОВЪ И РИСУНКОВЪ:

„Когда нѣтъ больше любви“ **Г. Кэна**. 37

Фрина. **Жерома**. 99

Торжество искусства. **Бонна**. . 125

Сцена изъ „Венецейскаго истукана“ д. 1. явл. 6 152

Souvenir du premier empire. **Брамто** 185

Репетиція „Madame Sans-Gêne“ въ присутствіи Сарду. 196

VI. ЛЮБИТЕЛЬНИЦЫ ИСКУССТВЪ. *Соблазнительница.—Гастроль у фокусника.—Говорящая голова*,—разск. **В. Подкольскаго**. 76

VII. ИЗЪ ВИКТОРА ГЮГО, стихотв., пер. **Л. Г.** 85

VIII. ИЗЪ ПРОШЛАГО РУССКОЙ ДРАМЫ. *Я. Б. Княжнинъ и его трагедіи*. Ст. **Юрія Веселовскаго** 86

IX. ОДИНЪ, романъ **И. Потапенко** (*продолженіе*) 100

X. ИЗЪ ФАНТАСТИЧЕСКИХЪ РАЗСКАЗОВЪ ГОФМАНА. „Крейслеріана“ (*окончаніе*).—„Донъ-Жуанъ“. Пер. **А. Страхова** 126

XI. ЭЖЕНЪ СЮ. Э. **Легуве**, пер. Н. П. (*окончаніе*) 143

XII. ОТЕЛЛО, очеркъ **А. Ѳедорова**. 153

XIII. „МОЯ БАЛОВНИЦА“, ром. **А. Коптяева**. 161

XIV. ЭТЮДЪ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО, муз. **Т. Постъ** 164

XV. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — *Замѣтки читателя*. — Литература инстинктовъ. **И. И. Иванова** 167

XVI. СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ:

Московскій лѣтній сезонъ, ст. **В. Е.** 180

Оркестровые вечера г. Аренда. **W.** 182

Корреспонденціи изъ Архангельска, Варшавы, Екатеринбурга, Курска, Майкопа, Мурома, Нижняго-Новгорода, Новочеркаска, Рязани, Томска и Тулы. 186

XVII. ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ 192

XVIII. ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ НОВОСТИ 197

XIX. МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ 202

XX. ХРОНИКА 207

XXI. „ПОЛУСВѢТЪ“ ком. въ 5 д. **А. Дюма**, пер. **А. Е. Кашперовой** . . . .

XXII. „ВЪ АНТРАКТѢ“, карт. **М. П. Клодта**, фотот. Шереръ и Набгольцъ .

XXIII. „ВЪ УБОРНОЙ“, рис. **Л. О. Пастернака**, фототипія К. А. Фишера .

XXIV. „ОБРЫВЪ“, рис. перомъ **А. Н. Шильдера**, фотот. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

Дозволено цензурою. Москва, 17 августа 1894 г.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 2-е полугодіе 1894 г.

Съ 1-го іюля 1894 г. по 1-е января 1895 г.

НА

„Артистъ",

ЖУРНАЛЪ

ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ

И

ЛИТЕРАТУРЫ.

(Годъ 6-й)

„АРТИСТЪ" выходитъ **ежемѣсячно**

12 разъ въ годъ.

Подписная цѣна:	Безъ доставки.	Съ достав. и перес.	Съ перес. за гран.
На годъ	**10** р.	**13** р.	**14** р.
На полгода	**6** »	**7** »	**8** »

Допускается разсрочка: при подпискѣ—**2 р.** и затѣмъ **ежемѣсячно по 1 руб.** до полной уплаты всей подписной суммы.

Отдѣльные №№ «Артиста» по **2 руб.** съ пересылкою.

Съ сентябрьской книжки будутъ начаты:

„**Мгла**"—ром. В. И. Немировича-Данченко.
„**Импрессіонисты**",—пов. П. П. Гнѣдича.

ВЪ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА

„АРТИСТЪ“

ПРОДАЮТСЯ

ОРИГИНАЛЫ КАРТИНЪ

РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ:

Два этюда В. Г. Перова.

А. А. Писемскаго.

„Сѣдые мхи“.

Безъ рамы—26×16 вер. **Въ рамѣ**—34×24 вер. **Цѣна—400 р.**

„Горѣлый лѣсъ“.

Безъ рамы—25×40 сант. **Въ рамѣ**—50×65 сант. **Цѣна 150 руб.**

А. А. Киселева.

„У большой рѣки“.

Безъ рамы—104×175 сант. **Въ рамѣ**—148×219 сант. **Цѣна—800 р.**

(Снимокъ помѣщенъ въ № 34 (февраль 91 г.) „Артиста“).

Н. П. Загорскаго.

(Этюды безъ рамъ.)

„У земскаго“.

65×84 сант. **Цѣна 250 руб.**

„Пѣвица“.

55×85 сант. **Цѣна 200 руб.**

„Въ саду“.

39×49 сант. **Цѣна 200 руб.**

Худ. Пукирева.

„Внутренность избы“.

Безъ рамы—33×25 сант. **Цѣна 100 р.**

„Св. Филиппъ и Іоаннъ Грозный“.

Этюдъ. Безъ рамы—41×33 сант. **Цѣна 75 р.**

Портретъ молодой женщины.

Безъ рамы—74½×62 сант. **Въ рамѣ**—92×79½ сант. **Цѣна—100 р.**

А. Протопопова.

Пейзажъ. Безъ рамы—73×47 сант. **Въ рамѣ**—103×77 сант. **Цѣна—100 р.**

„Жница“.

Безъ рамы—36×46 сант. **Въ рамѣ**—62×72 сант. **Цѣна—100 р.**

„Рыболовы“.

Безъ рамы—62×38 сант. **Въ рамѣ**—88×64 сант. **Цѣна—150 р.**

„У мостика“.

Безъ рамы—67×59 сант. **Въ рамѣ**—93×75 сант. **Цѣна—100 р.**

К. Савицкаго.

„У себя дома“.

Безъ рамы—70×104 сант. **Въ рамѣ**—88×122 сант. **Цѣна 600 р.**

„На бахчѣ“.

Безъ рамы—47×59 сант. **Въ рамѣ**—67×79 сант. **Цѣна 150 р.**

А. Бенуа.

„Пейзажъ“—200 р. Въ рамѣ 59×49 сант. Безъ рамы 33×24 сант. (Акварель).

БЮСТЫ

РАБОТЫ

К. С. Шиловскаго-Лошивскаго:

А. П. Ленскаго въ роли Д. Сезара де Базанъ. ***В. Н. Давыдова*** въ роли Гарпагона. Высота 60 сантиметровъ. Цѣна по **25** руб.

ИЗДАНІЕ ТЕАТРАЛЬНОЙ БИБЛІОТЕКИ С. Ѳ. РАЗСОХИНОЙ

„СЦЕНА“

ВЫХОДИТЪ ОТДѢЛЬНЫМИ ВЫПУСКАМИ.

ЦѢНА 5 Р., СЪ ПЕРЕС. 6 Р.

Отдѣльно каждый выпускъ 1 р. съ пер. 1 р. 25 к.

(Подробности въ объявленіи послѣ текста).

Вышелъ № 40 журнала (августъ 1894 г.)

„ТЕАТРАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА“.

СОДЕРЖАНІЕ: **„Плоды просвѣщенія“**, комедія въ 4-хъ д. *гр. Л. Н. Толстого.* **„Сердцеѣдъ“**, комедія въ 3-хъ д. *Мозера*, пер. *Е. М. Бабецкаго.* **„Въ царствѣ кулисъ“**, шутка-фарсъ въ 2-хъ д. *Н. В. Корцинъ-Жуковскаго.* **„На подмосткахъ“**, статья *Альбера Ламберъ.* **Хроника.**

„РУССКІЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АРХИВЪ“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой и пересылкой . . . . . 12 р. въ годъ.
Безъ доставки и перес. въ Москвѣ и Петербургѣ . . . 10 „ „ „
За границу . . . . . 15 „ „ „

Москва, 2-я Мѣщанская, д. Перлова.

(Подробности въ объявленіи послѣ текста).

Роскошныя изданія В. Г. Готье.

А. С. Пушкинъ **„КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА“**, роскошная книга въ форматѣ in-8⁰, иллюстрированная 12-ю рисунками извѣстнаго академика Павла Петровича Соколова, гравирован. на мѣди въ Парижѣ знаменитымъ граверомъ А. Ламотъ, съ портретомъ Пушкина, копіей съ гравюры Wright'a. Цѣна экземпляру **на веленевой бумагѣ** . . . . . **12 р. 50 к.**

„ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ“, изданіе въ форматѣ in-8⁰, иллюстрировано 24 рис. изъ которыхъ 8 hors texte воспроизведены по способу фотоіалотипіи рисунки; были сдѣланы академик. Павломъ Петровичемъ Соколовымъ въ 1855–60 гг. и предназначались изданію Анненкова соч. А. Пушкина. Коллекція ихъ допол. 2 рис. худ. Л. Л. Бѣлянкина.

Цѣна экземпляру **на японской бумагѣ** . . . . . **25 р.**
„ „ „ **веленевой** „ . . . . . **8 „**

Иллюстрированный альбомъ къ роману **„ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ“** А. С. Пушкина. 48 неизданныхъ рис. акад. Павла Петровича Соколова. 1855—1860. Фот. К. А. Фишеръ. Альбомъ заключ. въ себѣ 40 лис. и обертку, изображ. fac-simile оригинальной рукописи „Евгенія Онѣгина“ съ продолговат. форматѣ in-4⁰.

№№ 26 по 175 **на прекр. велен. бум.** въ изящ. полусаф. пер. съ зол. тис. . . . Цѣна **50 р.**

Гр. А. К. Толстой **„КНЯЗЬ СЕРЕБРЯННЫЙ“** роскош. изд. въ форм. больш. in-8⁰, иллюстров. 12-ю рис. извѣст. худ. Клавдія Васильевича Лебедева и порт. автора, гравирован. à l'eauforte въ Парижѣ знам. грав. А. Лалозъ. Соч. это отпеч. въ колич. 1000 экз. изъ которыхъ:

850 нумерован. **на веленевой бумагѣ** (по особому заказу) . . . . . **цѣна 15 р.**
150 „ „ **тол. япон. бум.**, 2 разр. грав. avant и avec la lettre. . „ **40 „**

С. Васильевъ **„КАРТИНКИ ИТАЛІИ“**. Письма изъ Рима и Флоренціи. Иллюстрированныя 20 фототип. О. Ренара, форматъ in-12⁰. Цѣна . . . . . **3 р.**

Подписчики на журналъ „Артистъ“, выписывающіе изъ книжн. магаз. „Артистъ“ (Страстной бульваръ, д. Адельгеймъ), пользуются 30% скидкой.

Пересылка по разстоянію. Магазинъ высылаетъ немедленно всѣ книги, публиков. друг. книжн. склад. съ наложен. платежемъ. При заказѣ свыше 10 р. просятъ высылать 1/4 стоимости.

ОСТАВШІЕСЯ ВЪ НЕБОЛЬШОМЪ КОЛИЧЕСТВѢ

комплекты журнала „АРТИСТЪ“ за прошлые годы

продаются въ конторѣ редакціи по слѣдующимъ цѣнамъ:

(Экземпляры №№ 1 и 4 всѣ распроданы).	Безъ доставки.	Съ доставкой и пересылкой.	Съ пересылкой съ наложеннымъ платежемъ.
5 книгъ 1-го сезона $18^{89}/_{90}$ г. (№№ 2—3 и 5—7)	6 р. 50 к.	8 р. 50 к.	8 р. 75 к.
7 книгъ 1890 г. (№№ 5—11)	9 „ — „	11 „ 20 „	11 „ 45 „
7 „ 2-го сезона $189^{0}/_{1}$ №№ 8—14) .	9 „ — „	11 „ 20 „	11 „ 45 „
7 „ 1891 г. (№№ 12—18)	9 „ — „	11 „ 20 „	11 „ 45 „
7 „ 3-го сезона $189^{1}/_{2}$ (№№ 15—21).	9 „ — „	11 „ 20 „	11 „ 45 „
9 „ 1892 г. (съ апрѣля 92 г. по январь 93 г.—№№ 1—5 „Дневника Артиста“ и №№ 22—25 „Артиста)“	6 „ 20 „	7 „ 70 „	8 „ — „
12 „ 1892 г. (№№ 19—25 „Артиста“ и №№ 1—5 „Дневника Артиста)“.	10 „ — „	12 „ 50 „	12 „ 80 „
10 „ 1890 г. и $189^{0}/_{1}$ г. (№№ 5—14).	13 „ — „	16 „ 50 „	16 „ 85 „
11 „ 1891 г. и $189^{1}/_{2}$ г. (№№ 12—21)	13 „ — „	16 „ 50 „	16 „ 85 „
14 „ $189^{0}/_{1}$ и 1891 г. (№№ 8—18) .	14 „ — „	17 „ 80 „	18 „ 20 „
12 „ 1890 и 1891 г. (№№ 5—18) .	18 „ — „	23 „ — „	23 „ 50 „
„ 1893 г. (№№ 26—32 „Артиста“ и №№ 6—10 „Дневника Артиста“).	10 „ — „	12 „ 50 „	12 „ 80 „
16 „ (№№ 2—3 и 5—18)	20 „ 75 „	26 „ 50 „	27 „ — „
19 „ (№№ 2—3 и 5—21)	24 „ 75 „	31 „ 50 „	32 „ 20 „
26 „ (№№ 5—25 „Артиста“ и №№ 1—5 „Дневника Артиста“)	28 „ — „	35 „ 50 „	36 „ 30 „
28 „ (№№ 2—3 и 5—25 „Артиста“ и №№ 1—5 „Дневника Артиста“).	31 „ — „	39 „ 20 „	40 „ — „
38 „ (№№ 5—32 „Артиста“ и №№ 1—10 „Дневника Артиста“) . . .	38 „ — „	48 „ — „	49 „ — „
40 „ (№№ 2—3 и 5—32 „Артиста“ и №№ 1—10 „Дневника Артиста“). .	41 „ — „	52 „ — „	53 „ — „
Для гг. подписчиковъ на 1894 г.			
40 „ (№№ 2—3 и 5—32 „Артиста“ и №№ 1—10 „Дневника Артиста“) .	35 „ — „	46 „ — „	47 „ — „

При выпискѣ полнаго комплекта **для гг. подписчиковъ на 1894 г. ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА**: по 5 р. съ правомъ получать съ каждымъ взносомъ 5 книгъ въ хронологическомъ порядкѣ.

При выпискѣ съ наложеннымъ платежомъ слѣдуетъ присылать предварительно одну треть стоимости выписываемыхъ книгъ.

Вечеръ съ приключеніями.

Комедія въ пяти дѣйствіяхъ

Оливера Гольдсмита.

Переводъ А. Веселовской.

Къ представленію дозволено С.-Петербургъ 16 іюля 1894 г. № 4164.

Разрѣшеніе постановки на сценѣ зависитъ отъ мѣстнаго агента Общ. Рус. Драм. Пис.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Сэръ Чарльзъ Марло.
Молодой Марло, его сынъ.
Гардкэстль.
Гэстингсъ.
Тони Ломпкинъ.
Диггори } слуги.
Іеремія }
Миссисъ Гардкэстль.
Миссъ Гардкэстль.
Миссъ Нэзилль.
Служанка.
Содержатель гостиницы, слуги и т. д.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

КАРТИНА I.

Комната въ старомодномъ домѣ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Входятъ **мистеръ** *и* **миссисъ Гардкэстль.**

Миссисъ Гардкэстль. Честное слово, мистеръ Гардкэстль, вы очень странны! Есть ли во всей нашей мѣстности хоть одинъ человѣкъ, который не ѣздилъ бы время отъ времени въ городъ, чтобъ стряхнуть съ себя немного пыль? Возьмемъ хоть двухъ миссъ Гоггсъ и нашу сосѣдку миссисъ Григсби; каждую зиму ѣздятъ онѣ туда на мѣсяцъ, чтобъ пріобрѣсти нѣкоторый лоскъ.

Гардкэстль. Да, и привозятъ съ собой запасъ пустоты и жеманства на цѣлый годъ. Удивляюсь, почему это Лондонъ не оставляетъ своихъ глупцовъ у себя! Въ мое время городское безуміе медленно заползало къ намъ; теперь же оно двигается быстрѣе почтовой кареты. Модничанье пріѣзжаетъ къ намъ нетолько внутри ея, но даже на запяткахъ.

Миссисъ Гардкэстль. Да, ваше время дѣйствительно было хорошее; уже много лѣтъ разсказываете вы намъ про него. А вотъ мы такъ живемъ въ старомъ, развалившемся домѣ, похожемъ ни дать, ни взять на гостиницу, съ той только разницей, что мы никогда не видимъ гостей. Лучшіе посѣтители наши—старая миссисъ Оддфишь, жена пастора, да ма-

---

Съ именемъ Оливера Гольдсмита, одного изъ замѣчательнѣйшихъ англійскихъ *юмористовъ* прошлаго вѣка, потомство привыкло соединять воспоминаніе о томъ, что онъ былъ авторомъ „Векфильдскаго священника“, до сихъ поръ незабытаго и постоянно переводимаго на разные языки, несмотря на то, что уже давно пошло второе столѣтіе со времени появленія этой „идилліи въ прозѣ“. Но даровитый и разносторонній Гольдсмитъ дорогъ своему народу не только какъ заступникъ за та-

ленькій Криппльгэтъ, хромой учитель танцевъ, а всѣ развлеченія состоятъ въ вашихъ вѣчныхъ разсказахъ о принцѣ Евгеніи и герцогѣ Мальборо. Терпѣть не могу этого старомоднаго хлама!

Гардкэстль. А я люблю его, люблю все, что старо, — друзей, время и вино, старые обычаи и книги, и ты сознаешься, я полагаю, Дороти... *(беретъ ее за руку)*, что я довольно таки привязанъ и къ старой женѣ.

Миссисъ Гардкэстль. Боже мой, мистеръ Гардкэстль, вы вѣчно пристаете съ вашими «Дороти», да «старыми женами». Вы можете изображать изъ себя Дарби, а я не хочу быть Іоанной, могу васъ увѣрить. Я на цѣлый годъ моложе того, чѣмъ вы желаете меня сдѣлать! Сложите вмѣстѣ двадцать и двадцать, и получите изъ этого сумму.

Гардкэстль. Позволь-ка: двадцать, прибавленные къ двадцати, составляютъ какъ разъ пятьдесятъ семь!

Миссисъ Гардкэстль. Это ложь, мистеръ Гардкэстль. Мнѣ было всего двадцать лѣтъ, когда у меня родился Тони, сынъ моего перваго мужа, мистера Ломпкина, а Тони еще не достигъ возраста разсудительности.

Гардкэстль. И никогда не достигнетъ, могу за него поручиться. Вы его такъ отлично воспитали.

Миссисъ Гардкэстль. Не бѣда! У Тони Ломпкина хорошее состояніе. Моему сыну не придется жить насчетъ своихъ познаній. Для того, чтобъ тратить полторы тысячи въ годъ, мальчику не нужна, я думаю, большая наука.

Гардкэстль. Чортъ возьми, наука! Да онъ весь состоитъ изъ однѣхъ продѣлокъ, да проказъ!

Миссисъ Гардкэстль. Это въ немъ юморъ, мой милый, и болѣе ничего! Признайте же, мистеръ Гардкэстль, въ мальчикѣ хоть нѣкоторый юморъ!

Гардкэстль. Если жечь обувь слугъ, пугать служанокъ, мучить котятъ, значитъ быть остроумнымъ, онъ остроуменъ. Не далѣе вчераш няго дня, онъ прикрѣпилъ мой парикъ къ спи кѣ стула, и когда я всталъ, чтобъ отвѣсит поклонъ, я подставилъ свою плѣшивую голов прямо въ лицо миссисъ Фриззль.

Миссисъ Гардкэстль. Виновата ли я в этомъ? Бѣдный мальчикъ всегда былъ слиш комъ болѣзненъ, чтобъ заняться чѣмъ-нибуд дѣльнымъ. Школа равнялась бы для него смер ти. Когда онъ нѣсколько окрѣпнетъ, почем знать, что еще будетъ изъ него, когда он изучитъ латынь въ теченіе года или двухъ!

Гардкэстль. Что сдѣлаетъ изъ него латынь Ну, ужъ извините! Нѣтъ, нѣтъ! Пивная, д конюшня, вотъ единственныя школы, которы онъ когда-либо посѣтитъ!

Миссисъ Гардкэстль. Мы не должны посто янно обрывать бѣднаго мальчика. Боюсь, он не долго останется съ нами! Достаточно за глянуть ему въ лицо, чтобъ видѣть, что он въ чахоткѣ!

Гардкэстль. Да, если избытокъ жира одинъ изъ ея признаковъ...

Миссисъ Гардкэстль. Онъ иногда кашляетъ.

Гардкэстль. Да, когда вино попадетъ не въ то горло.

Миссисъ Гардкэстль. Меня просто пугаютъ его легкія.

Гардкэстль. И меня также. Онъ реветъ иногда точно въ рупоръ. *(За сценой раздается громкое гиканье Тони.)* О, вотъ и онъ! Поистинѣ, чахоточная фигура!

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ же и Тони *(проходитъ по сценѣ)*.

Миссисъ Гардкэстль. Тони, куда идешь ты, моя прелесть? Не удѣлишь ли ты отцу и мнѣ хоть немного твоего общества, миленькій мой?

Тони. Я тороплюсь, мать! Не могу остаться...

Миссисъ Гардкэстль. Ты не можешь выходить на воздухъ въ такой холодный вечеръ. У тебя ужасный видъ!

кихъ незамѣтныхъ героевъ, какъ честный труженикъ Примрозъ, отстоявшій свою независимость отъ всякихъ приманокъ, угрозъ и гоненій; его имя связано съ блестящими страницами англійской публицистики и (что по отношенію къ нему цѣнится еще выше) съ переворотомъ, который онъ произвелъ въ англійской комедіи. Судьба надѣлила его всѣми данными для того, чтобъ привить театру здоровое и правдивое бытовое направленіе. Съ ранняго дѣтства онъ узналъ, что такое изнанка жизни. И въ домѣ отца, деревенскаго священника въ Ирландіи, послужившаго оригиналомъ для Примроза, и въ начальной школѣ, и въ грубоватой студенческой средѣ, и въ рядахъ бѣдныхъ литературныхъ тружениковъ, борзописцевъ, компиляторовъ, поставщиковъ легкихъ книжныхъ издѣлій, онъ наглядѣлся на людей и нравы, подмѣтилъ множество типическихъ чертъ, выраженій, оборотовъ, — и проходилъ среди житейскихъ затрудненій съ неистощимымъ юморомъ, умѣньемъ довольствоваться немногимъ, наивною непосредственностью. Его не могло поработить, господствовавшее тогда на англійской сценѣ, чувствительное и назидательное направленіе комедіи. Если онъ и не былъ самъ свободенъ отъ чувствительности, то онъ выразилъ ее лишь въ своемъ романѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ умѣлъ подчинить ее высшимъ гуманнымъ цѣлямъ, что и въ наше время могъ дѣйствовать на такихъ недруговъ сентиментальности, какъ Тэнъ. Векфильдскій священникъ, опозоренный, разоренный, брошенный въ тюрьму, способенъ растрогать читателя, но за зрѣлищемъ его несчастій невольно чудится то царство произвола, которое допускаетъ такую напраслину, — и въ душѣ поднимается требованіе разумныхъ и справедливыхъ улучшеній жизни.

Но Гольдсмитъ былъ одаренъ не только неподдѣльнымъ комизмомъ, но и бойкою веселостью, которая въ состояніи на время разсѣять всякія тежелыя думы, разгладить морщины на челѣ зри-

Тони. Не могу остаться, говорю тебѣ! «Три голубя» съ минуты на минуту ждутъ меня. Тамъ что-то затѣвается.

Гардкэстль. А! пивная! Насиженное мѣсто! Я такъ и думалъ.

Миссисъ Гардкэстль. Низменная, дрянная компанія!

Тони. И вовсе не такая низменная. Тамъ бываетъ Дикъ Мэггинсъ, акцизный сборщикъ, Джекъ Сленгъ, ветеринаръ, тамъ маленькій Эминадебъ играетъ на шарманкѣ, и Томъ Тустъ жонглируетъ оловянными блюдами.

Миссисъ Гардкэстль. Пожалуйста, мой милый, обмани ихъ ожиданія хоть на одинъ вечеръ.

Тони. Обмануть ихъ я не особенно затруднился бы, но я не желаю обмануть самого себя.

Миссисъ Гардкэстль *(удерживаетъ его).* Ты не пойдешь!

Тони. А я тебѣ говорю, что пойду!

Миссисъ Гардкэстль. Повторяю тебѣ, что ты не пойдешь!

Тони. Увидимъ, кто изъ насъ двухъ сильнѣе, ты или я... *(уходитъ таща ее за собой.)*

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Гардкэстль *(одинъ).*

Гардкэстль. А! Вотъ парочка, гдѣ одна сторона портитъ другую. Но не въ заговорѣ ли всѣ въ наше время, чтобъ выбросить за дверь здравый смыслъ и благоразуміе? Вотъ хоть бы моя милая, хорошенькая Кэтъ! Моды нашей поры чуть не заразили и ее! Она года два прожила въ городѣ и теперь такъ же любитъ французскія тряпки, какъ любая изъ женщинъ.

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Входитъ **миссъ Гардкэстль.**

Гардкэстль. Да хранитъ насъ Господь! Ты такая же расфранченная, какъ и всегда, моя Кэтъ! Боже мой! Сколько на тебѣ лишняго шелка, дитя! Никакъ не могу я втолковать глупцамъ, что въ наше время неимущіе могли бы совсѣмъ одѣться тѣмъ, что суетные употребляютъ только на отдѣлку.

Миссъ Гардкэстль. Вамъ извѣстно наше условіе, сэръ! Вы разрѣшили мнѣ принимать, дѣлать визиты и одѣваться поутру, какъ мнѣ угодно, а вечеромъ я облекаюсь въ домашній туалетъ въ угоду вамъ.

Гардкэстль. Помни же, я настаиваю на условіяхъ нашего договора. Кстати, кажется, я сегодня же вечеромъ буду имѣть возможность испытать твое послушаніе.

Миссъ Гардкэстль. Увѣряю васъ, сэръ, что я не понимаю смысла вашихъ словъ.

Гардкэстль. Въ такомъ случаѣ, чтобъ говорить яснѣе, Кэтъ, я жду сегодня изъ города того молодого человѣка, котораго я избралъ тебѣ въ мужья. Я получилъ письмо отъ его отца; онъ увѣдомляетъ меня, что сынъ уже выѣхалъ, и что онъ самъ вскорѣ послѣдуетъ за нимъ.

Миссъ Гардкэстль. Неужели? О, еслибъ я знала это раньше! Боже мой, какъ мнѣ себя вести! Бьюсь объ закладъ, что онъ мнѣ не понравится. Встрѣча наша будетъ такая формальная, такая дѣловая; и мѣста не найдется для дружбы или уваженія.

Гардкэстль. Повѣрь, дитя мое, я никогда не стану стѣснять твоей воли. Но мистеръ Марло, на которомъ остановился мой выборъ, сынъ моего стараго друга, сэра Чарльза Марло; я часто говорилъ съ тобой о немъ. Этотъ молодой человѣкъ получилъ ученое воспитаніе, и готовится поступить на службу. Говорятъ, онъ очень уменъ!

Миссъ Гардкэстль. Неужели?

Гардкэстль. Очень щедръ!

Миссъ Гардкэстль. Я думаю, онъ мнѣ понравится!

Гардкэстль. Молодъ и храбръ.

Миссъ Гардкэстль. Я увѣрена, что онъ мнѣ понравится.

телей и слить всѣхъ въ дружномъ, неудержимомъ смѣхѣ. Строгій обличитель въ своихъ журнальныхъ сатирическихъ статьяхъ (напр. въ *Космополитѣ*, The citizen of the World,—или въ *Китайскихъ письмахъ*), онъ на сценѣ чаруетъ своей веселостью, и въ умѣньи живьемъ возсоздавать смѣшныхъ людей, ставить ихъ въ забавно запутанныя положенія, играть блестками остроумія, онъ напоминаетъ двухъ знаменитыхъ комическихъ писателей прошлаго вѣка, Гольдони и датчанина Гольберга. Уже первая пьеса Гольдсмита „Добродушный человѣкъ“ (The goodnatured man), вопреки недовѣрчивымъ ожиданіямъ актеровъ и директора театра, имѣла большой успѣхъ; когда же, 15-го марта 1773 года, на сценѣ Ковентгардена была поставлена та пьеса, которую мы впервые предлагаемъ теперь въ переводѣ нашимъ читателямъ, восторгамъ не было конца. Бѣднякъ Гольдсмитъ, словно безсознательно совершавшій иногда великія дѣла (такъ „Векфильдскій священникъ“ лишь случайно, по настояніямъ друга автора, попалъ въ печать, хотя въ эту минуту Гольдсмитъ доведенъ былъ до крайней нищеты), увидѣлъ себя вдругъ всеобщимъ любимцемъ, чуть не богачомъ; онъ заработалъ 500 фунтовъ стерл., продалъ въ годъ 6000 экземпляровъ своей пьесы, которая съ той поры считается украшеніемъ англійской комической сцены. И молодая героиня, которая по смыслу одного изъ заглавій пьесы „унижается, для того, чтобъ побѣдить“ (She stoops to conquer; мы предпочли второе заглавіе—The mistakes of a night), и въ особенности Тони Ломикинъ вошли въ кругъ излюбленныхъ сценическихъ типовъ. За исполненіе роли Тони брались, со временъ Гаррика, первые англійскіе актеры, а критики находятъ, что еслибъ Гольдсмитъ не написалъ ничего, кромѣ этого англійскаго *Недоросля*, онъ этимъ уже обезпечилъ бы себѣ почетное мѣсто въ національной литературѣ.

Гардкэстль. И очень красивъ.

Миссъ Гардкэстль. Милый папа, не говорите ни слова болѣе. *(Цѣлуетъ его руку.)* Онъ мой! Я пойду за него!

Гардкэстль. А чтобъ увѣнчать все, Кэтъ, это самый робкій и сдержанный молодой человѣкъ на свѣтѣ.

Миссъ Гардкэстль. Ахъ, вотъ вы опять заморозили меня! Слово «сдержанный» уничтожило всѣ остальныя качества. Говорятъ, будто сдержанный женихъ всегда превращается въ подозрительнаго мужа.

Гардкэстль. Напротивъ, скромность рѣдко обитаетъ въ груди, не украшенной болѣе благородными добродѣтелями. Эта черта его характера раньше всѣхъ остальныхъ поразила меня.

Миссъ Гардкэстль. Онъ долженъ имѣть болѣе замѣчательныя свойства, чтобъ овладѣть мною, могу васъ увѣрить. Однако, если онъ такъ молодъ, красивъ и все прочее, какъ вы говорите, я думаю, это еще сойдетъ. Я, пожалуй, возьму его.

Гардкэстль. Да, Кэтъ, но есть еще одно препятствіе. Столько же шансовъ, что онъ не возьметъ тебя.

Миссъ Гардкэстль. Зачѣмъ обижаете вы меня такимъ образомъ, милый папа? Ну, если онъ откажется, то вмѣсто того, чтобъ разбить свое сердце изъ-за равнодушія жениха, я разобью зеркало за его лесть, настрою свои намѣренія на новый ладъ и поищу менѣе прихотливаго вздыхателя.

Гардкэстль. Прекрасное рѣшеніе! А пока я пойду приготовить слугъ къ его пріему. Мы такъ рѣдко видимъ гостей, что прислуга нуждается въ такой же муштровкѣ, какъ рекруты въ день перваго смотра. *(Уходитъ.)*

Миссъ Гардкэстль *(одна).* Боже мой, извѣстіе, сообщенное папой, всю меня взволновало. Молодой и красивый! Эти качества онъ приберегъ къ концу, но я ставлю ихъ впереди всѣхъ. Умный, добродушный—это хорошо! Но зато сдержанный и сонный, — это говоритъ противъ него. Однако, развѣ его нельзя исцѣлить отъ робости, научивъ его гордиться женой? Да, и не могу ли я... Но, честное слово, я уже распоряжаюсь мужемъ, еще не обезпечивъ за собой жениха.

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Входитъ **миссъ Невилль.**

Миссъ Гардкэстль. Я очень рада, что ты пришла! Скажи мнѣ, Констанція, какова я сегодня? Нѣтъ ли во мнѣ чего-нибудь страннаго? Одинъ ли это изъ моихъ хорошихъ дней? Авантажна ли я?

Миссъ Невилль. Очень авантажна, милая! Однако теперь, когда я опять вглядываюсь... Боже ты мой! ужъ не случилось ли чего съ канарейкой или золотыми рыбками? Не напроказили ли твой братъ или кошка? Или же послѣдній романъ былъ черезчуръ трагателенъ?

Миссъ Гардкэстль. Нѣтъ, ничего изъ всего этого не случилось. Мнѣ угрожаютъ... я едва могу произнести это слово... мнѣ грозятъ... женихомъ.

Миссъ Невилль. А имя его?

Миссъ Гардкэстль. Марло!

Миссъ Невилль. Неужели?

Миссъ Гардкэстль. Сынъ сэра Чарльза Марло.

Миссъ Невилль. Да это самый близкій другъ мистера Гэстингса, моего поклонника! Они никогда не разлучаются. Я увѣрена, что ты видѣла его, когда мы жили въ городѣ.

Миссъ Гардкэстль. Никогда.

Миссъ Невилль. Престранная личность, увѣряю тебя. Среди женщинъ добродѣтельныхъ и съ хорошей репутаціей это скромнѣйшій человѣкъ; но совсѣмъ не такъ опредѣляютъ его характеръ знакомые, когда онъ въ обществѣ существъ иного оттѣнка. Ты меня понимаешь?

Миссъ Гардкэстль. Въ самомъ дѣлѣ странный характеръ! Никогда мнѣ съ нимъ не справиться! Что же мнѣ дѣлать? Ахъ, просто не думать о немъ, а предоставить успѣхъ случаю! Но какъ идетъ твое собственное дѣло, милая? По прежнему ухаживаетъ моя мать за тобой для моего брата Тони?

Миссъ Невилль. Я прямо съ одного изъ нашихъ пріятныхъ tête-a-tête. Она наговорила мнѣ сотню нѣжностей и выставляла свое прелестное чудовище верхомъ совершенства.

Миссъ Гардкэстль. И она настолько пристрастна, что дѣйствительно считаетъ его такимъ. Твое богатство немалый соблазнъ. Къ тому же, она одна имъ распоряжается, и меня не удивляетъ, что ей не хочется выпустить его изъ семьи.

Миссъ Невилль. Такое богатство, какъ мое, которое почти все состоитъ изъ бриллiантовъ, не Богъ вѣсть, какой соблазнъ. Но во всякомъ случаѣ, если только мой милый Гэстингсъ останется мнѣ вѣренъ, я не сомнѣваюсь, что справиться со мной ей будетъ не подъ силу. А пока я позволяю ей воображать, будто влюблена въ ея сына; ей и не снится, что моя привязанность обращена на другого.

Миссъ Гардкэстль. Мой милый братъ твердо стоитъ на своемъ. Я готова полюбить его за то, что онъ тебя такъ ненавидитъ.

Миссъ Нэвилль. Въ сущности, онъ очень добродушное созданіе и навѣрно желаетъ, чтобъ я вышла замужъ за кого угодно, только не за него. Но вотъ тетушкинъ звонокъ даетъ сигналъ для нашей послѣобѣденной прогулки по

саду. Allons! Намъ нужна храбрость, такъ какъ дѣла наши въ критическомъ положеніи.

Миссъ Гарднэстль. Хорошо бы, еслибъ наступило время спать, и все было улажено.

КАРТИНА II.

Пивная. Нѣсколько оборванцевъ сидятъ за трубкой и пуншемъ. **Тони** *во главѣ стола, нѣсколько выше другихъ, съ кіемъ въ рукѣ.*

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Всѣ. Ура, ура, ура! Браво!

Первый неизвѣстный. Ну, господа, теперь потише, выслушаемъ пѣсню! Сквайръ собирается разрѣшиться пѣсней!

Всѣ. Пѣсню, пѣсню!

Тони. Въ такомъ случаѣ, господа, я спою вамъ пѣсню, которую сложилъ въ честь этой пивной, въ честь «Трехъ голубей»:

Пусть школяры томятъ свои мозги
Грамматикой и всякимъ старымъ хламомъ,—
Повѣрьте мнѣ, хорошее питье
Не въ мѣру лучше людямъ помогаетъ!
Пусть, признавъ у древнихъ ихъ боговъ,
Они клянутся Летою и Стиксомъ,
И воспѣваютъ Quis, и Quaes, и Quods,—
Повѣрьте, это все — лишь прахъ и суета!
Тороддль, тороддль, торолль!

Ворчливый методистъ, пожалуй, скажетъ вамъ,
Что пить—тяжелый грѣхъ. Но объ закладъ побьюсь я,
Что проповѣдникъ нашъ сталъ такъ краснорѣчивъ
Съ тѣхъ поръ, какъ налилъ самъ виномъ себѣ желудокъ!
И вы готовы все имъ подарить
За лоскутокъ ихъ скучной старой вѣры?!
Друзья, не лѣзьте же хоть сами вы въ обманъ!
Да, да! всѣ умные вамъ люди это скажутъ!
Тороддль, тороддль, торолль!

Такъ пустимъ же мы чашу круговую
Гулять, друзья, по нашему столу!
Да здравствуетъ веселье и смышленность!
Да здравствуетъ «Три голубя» навѣки!
Тороддль, тороддль, торолль!

Всѣ. Браво, браво!

Первый неизвѣстный. Въ сквайрѣ есть огонекъ!

Второй. Люблю слушать, когда онъ поетъ! Онъ никогда не угощаетъ насъ чѣмъ-нибудь низменнымъ!

Третій. О, провались все низменное! Терпѣть этого не могу!

Четвертый. Благородное во всякое время остается благороднымъ; если это такъ, то и джентльменъ никогда не перестаетъ быть джентльменомъ.

Третій. Мнѣ нравится это правило, мистеръ Меггинсъ. Чтожъ въ томъ, что я обязанъ заставлять плясать медвѣдя? Человѣкъ можетъ оставаться джентльменомъ и при этомъ! Пусть этотъ напитокъ будетъ для меня отравой, если мой медвѣдь когда-либо плясалъ подъ что-нибудь кромѣ самой утонченной музыки,—вотъ напримѣръ, подъ менуэтъ изъ «Аріадны».

Второй. Какая бѣда, что сквайръ еще не вступилъ во владѣніе! Это было бы счастьемъ для всѣхъ содержателей пивныхъ на десять миль въ окружности.

Тони. Вѣрно! Такъ оно и было бы, мистеръ Сленгъ! Я показалъ бы тогда, что значитъ быть разборчивымъ насчетъ компаніи.

Второй. Въ этомъ онъ весь въ своего отца. По истинѣ, сквайръ Ломпкинъ былъ лучшимъ джентльменомъ, какого я когда либо видѣлъ. Согнуть ли въ дугу прямой рогъ, гоняться ли въ чащѣ за зайцемъ или дѣвкой, равнаго ему не было. Такъ и говорили по этимъ мѣстамъ, что у него лучшія собаки, лошади и дѣвушки во всемъ околоткѣ.

Тони. Ей, ей! Когда я достигну совершеннолѣтія, я не окажусь недостойнымъ сыномъ, даю вамъ слово. Я уже теперь намѣтилъ себѣ Бэтъ Боунсеръ и сѣрую кобылу мельника. А пока, друзья, пейте и веселитесь,—вѣдь не вы платите по счету! Ну, Стинго, что тамъ случилось?

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ же и хозяинъ.

Хозяинъ. Два господина подъѣхали къ крыльцу въ почтовомъ дормезѣ. Они заблудились въ лѣсу и что то толкуютъ про мистера Гардкэстля.

Тони. Нѣтъ никакого сомнѣнія, одинъ изъ нихъ тотъ самый, что ѣдетъ ухаживать за моей сестрой. Что, они похожи на лондонскихъ жителей?

Хозяинъ. Могли бы быть изъ Лондона. Они страхъ какъ похожи на французовъ.

Тони. Въ такомъ случаѣ, попросите ихъ сюда, и я мигомъ укажу имъ настоящій путь. *(Хозяинъ уходитъ.)* Господа, они, можетъ быть, недостаточно важны, чтобъ водить съ вами компанію; уйдите же на минуту, и я такъ скоро вернусь къ вамъ, что и лимона не успѣете выжать. *(Толпа уходитъ.)*

Тони *(одинъ).* Вотъ уже полгода, что вотчимъ зоветъ меня псомъ, да щенкомъ. А теперь, еслибъ я захотѣлъ, какъ я могъ бы отмстить старому ворчуну! Но я боюсь... Чего же боюсь я однако? Вскорѣ цѣна мнѣ будетъ цѣлыхъ полторы тысячи въ годъ. Пусть онъ попытается спугнуть меня съ этого, если можетъ!

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Тони; *входитъ* **хозяинъ**, *вводя* **Марло и Гэстингса.**

Марло. Что за скучный, непріятный день провели мы! Намъ сказали, что ѣзды всего сорокъ миль, а мы проѣхали болѣе шестидесяти.

Гэстингсъ. И все только благодаря вашей необъяснимой сдержанности, Марло! Она мѣшала намъ чаще освѣдомляться по пути.

Марло. Признаюсь, Гэстингсъ, я не люблю одолжаться каждому встрѣчному, и часто подвергаться риску выслушивать невѣжливые отвѣты!

Гэстингсъ. За то теперь мы, кажется, не получимъ никакого отвѣта.

Тони. Извините, господа, мнѣ сказали, будто вы освѣдомлялись о какомъ то мистерѣ Гардкэстлѣ. Извѣстно вамъ, въ какой мѣстности вы находитесь?

Гэстингсъ. Отнюдь не извѣстно, сэръ, но мы были бы вамъ очень благодарны за свѣдѣнія.

Тони. И по какой дорогѣ вы ѣхали, вамъ тоже неизвѣстно?

Гэстингсъ. Нѣтъ, сэръ, но если вы можете намъ сказать...

Тони. Ну, господа, если вы не знаете, куда ѣдете, гдѣ находитесь, и по какой дорогѣ прибыли, то первое, что я могу вамъ сообщить, это—что вы заблудились.

Марло. Не требуется никакого привидѣнія, чтобъ намъ это открыть!

Тони. Осмѣлюсь спросить, откуда вы?

Марло. Этого вовсе не нужно знать, чтобъ указать намъ, куда ѣхать.

Тони. Не въ обиду было сказано! Отвѣчать вопросомъ на вопросъ справедливо, какъ вамъ извѣстно. Позвольте узнать, господа, этотъ Гардкэстль не ворчливый ли, старомодный, капризный человѣкъ, съ некрасивымъ лицомъ, дочерью и хорошенькимъ сыномъ?

Гэстингсъ. Мы этого господина не видали, но семья у него такая, какъ вы описываете.

Тони. Дочь высокая, точно мачта, неряшливая, болтливая замарашка; сынъ красивый, благовоспитанный, пріятный юноша, любимый всѣми.

Марло. Въ этомъ наши свѣдѣнія расходятся. Дочь, по слухамъ, красавица, отлично воспитанная, а сынъ неуклюжій олухъ, избалованный, выросшій около материнской юбки.

Тони. Гм!.. Въ такомъ случаѣ, господа, я только могу сказать вамъ, что сегодня вечеромъ вы до дому мистера Гардкэстля, мнѣ кажется, не доѣдете.

Гэстингсъ. Какое несчастье!

Тони. Чертовски длинная, темная, болотистая, грязная, опасная дорога! Стинго, укажите-ка господамъ путь къ мистеру Гардкэстлю *(Подмигиваетъ хозяину.)* Къ мистеру Гардкэстлю изъ Трясиннаго Болота, понимаете.

Хозяинъ. Къ мистеру Гардкэстлю? Батюшки да вы совсѣмъ сбились съ дороги! Когда вы спустились съ холма, вамъ слѣдовало переправиться по Вязкой Тропинкѣ.

Марло. Переправиться по Вязкой Тропинкѣ

Хозяинъ. Далѣе, вы должны были ѣхать все прямо, пока не добрались бы до четырехъ дорогъ.

Марло. До того мѣста, гдѣ встрѣчаются четыре дороги?

Тони. Да, но тутъ ужъ надо было ѣхать только по одной.

Марло. О, да вы шутникъ, сэръ!

Хозяинъ. Потомъ, свернувъ направо, слѣдовало пробираться сторонкой, вплоть до Черепломной Поляны, выслѣдить здѣсь внимательно колесную колею и двигаться впередъ до амбара фермера Мэррена. Добравшись до фермерскаго амбара, вы должны были повернуть направо, потомъ налѣво, а потомъ опять направо кругомъ, пока не увидали бы старой мельницы.

Марло. Да нелегкая васъ возьми! Мы такъ же хорошо отыскали бы градусъ долготы!

Гэстингсъ. Что же теперь дѣлать, Марло?

Марло. Этотъ домъ сулитъ намъ плохое помѣщеніе, однако, быть можетъ хозяинъ въ состояніи будетъ насъ пріютить.

Хозяинъ. Увы, господа, у насъ только одна свободная кровать во всемъ домѣ.

Тони. И насколько мнѣ извѣстно, она уже занята тремя постояльцами. *(Послѣ паузы, во время которой всѣ выказываютъ смущеніе.)* Нашелъ! Не полагаете ли вы, Стинго, что наша хозяйка могла бы помѣстить этихъ господъ передъ каминомъ съ помощью... трехъ стульевъ и одной подушки?

Гэстингъ. Терпѣть не могу спать около огня.

Марло. А я ненавижу ваши три стула и подушку!

Тони. Ненавидите? Неужели? Ну, такъ дайте подумать... Что, еслибъ вы проѣхали еще одну милю до «Бараньей головы»? Старая «Баранья голова», на горѣ—одна изъ лучшихъ гостинницъ во всемъ графствѣ.

Гэстингсъ. О! Значитъ, мы хоть на эту ночь избавились отъ приключеній!

Хозяинъ *(въ сторону, къ Тони).* Не пошлете же вы ихъ къ вашему отцу, точно въ гостинницу?

Тони. Молчи, дуракъ! Пусть они сами сдѣлаютъ открытіе! *(Обращаясь къ пріѣзжимъ.)* Вамъ нужно только ѣхать все прямо, пока вы не доберетесь до большого, стараго дома у самой дороги. Надъ дверью вы увидите пару громадныхъ роговъ. Это служитъ вывѣской. Въѣзжайте на дворъ и зовите громко на всѣ стороны.

Гэстингсъ. Мы вамъ благодарны, сэръ! Слуги не могутъ сбиться съ пути?

Тони. Нѣтъ, нѣтъ. Но вотъ что я вамъ скажу: хозяинъ богатъ и хочетъ прекратить свое дѣло. Поэтому онъ желаетъ, чтобъ его принимали за барина, не въ обиду будь сказано, ха-ха-ха! Онъ станетъ навязывать вамъ свою компанію, и, честное слово, если вы будете слушать его, начнетъ васъ увѣрять, что мать его была альдерменомъ, а тетка—мировымъ судьей.

Хозяинъ. Пренесносный старый болтунъ, это вѣрно, но постели и вино его не уступятъ самымъ лучшимъ во всей округѣ.

Марло. Ну, если онъ снабдитъ насъ всѣмъ этимъ, намъ никакихъ другихъ связей съ нимъ не надо. Ѣхать слѣдуетъ направо, говорите вы?

Тони. Нѣтъ, нѣтъ, все прямо. Я самъ пойду съ вами и покажу вамъ часть дороги. *(Хозяину.)* Цыцъ!

Хозяинъ. Что у васъ за славное, доброе сердце... *(Вслѣдъ ему.)* Ахъ, ты проклятый, злой сынъ дрянной матери!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Старомодный домъ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Входитъ **Гардкэстль.** *За нимъ нѣсколько неуклюжихъ* **слугъ.**

Гардкэстль. Ну, теперь, я надѣюсь, вы въ совершенствѣ умѣете служить за столомъ. Цѣлыхъ три дня училъ я васъ. Каждый знаетъ свое мѣсто и свою обязанность, и можетъ доказать, что привыкъ къ хорошему обществу, хотя и не покидалъ никогда своего дома?

Всѣ. Да, да!

Гардкэстль. Когда пріѣдутъ гости, вы не должны всѣ выскочить и уставиться на нихъ глазами, а потомъ разбѣжаться въ разныя стороны, какъ кролики въ садкѣ.

Всѣ. Нѣтъ, нѣтъ!

Гардкэстль. Тебя, Диггори, я взялъ съ гумна, а теперь ты долженъ находиться при боковомъ столѣ; ты, Роджеръ, возвышенный мною отъ сохи, помѣстись за моимъ стуломъ. Только не стой, засунувъ руки въ карманы! Вытащи же руки, Роджеръ, да и отъ головы отними ихъ, болванъ! Смотри, какъ расправляется съ своими руками Диггори! Онѣ у него немножко неповоротливы, но это не бѣда!

Диггори. Гляди, какъ я ихъ держу! Я научился держать руки такъ, когда готовился поступить въ милицію. Словомъ, когда я былъ въ ученьѣ...

Гардкэстль. Не болтай такъ много, Диггори. Обращай все вниманіе на гостей. Ты долженъ слышать, что мы говоримъ, а самъ о разговорѣ не думать, долженъ видѣть, что мы пьемъ, и о питьѣ не помышлять, видѣть, что мы ѣдимъ, и не вспоминать о ѣдѣ!...

Диггори. Честное слово, ваша милость, это совершенно невозможно. Когда бы Диггори ни видѣлъ, что люди ѣдятъ, хвать, и ему также хочется проглотить кусочекъ!

Гардкэстль. Болванъ! Неужели не все равно наполнять желудокъ въ кухнѣ или въ столовой? Усмири свой аппетитъ этимъ размышленіемъ.

Диггори. Хорошо, очень благодаренъ вашей милости. Постараюсь подкрѣпить свой желудокъ въ кладовой кускомъ холоднаго мяса.

Гардкэстль. Диггори, ты слишкомъ рѣчистъ!.. Далѣе, если я случайно сострю или разскажу за столомъ хорошій анекдотъ, вы не должны всѣ фыркать, точно вы изъ нашей компаніи.

Диггори. Ну, въ такомъ случаѣ, ваша милость, не разсказывайте исторію про Стараго тетерева. Не могу воздержаться при этомъ отъ смѣха, ха-ха-ха! хоть убейте меня. Ужъ двадцать лѣтъ хохочемъ мы надъ этимъ... ха, ха-ха!

Гардкэстль. Ха-ха-ха! Исторія эта недурна. Ну, честный Диггори, надъ ней ты можешь смѣяться, только не забывай, что нужно быть внимательнымъ къ гостямъ. Предположимъ, что кто нибудь попроситъ стаканъ вина, что сдѣлаешь ты? Рюмку вина, сэръ, прошу васъ! *(Обращаясь къ Диггори.)* Ну, что жъ ты не шевелишься?

Диггори. Ахъ, ваша милость, у меня никогда не хватаетъ храбрости, пока я не вижу на столѣ кушаній и напитковъ,—зато тогда я отваженъ какъ левъ.

Гардкэстль. Что жъ, никто изъ васъ не хочетъ двинуться, чтоли?

Первый слуга. Мнѣ приказано не сходить съ мѣста!

Второй слуга. А я увѣренъ, что это не мое дѣло.

Третій. И не мое, ужъ это точно!

Диггори. Чортъ возьми, а я убѣжденъ, что оно не можетъ быть моимъ!

Гардкэстль. Ахъ, вы дураки! Значитъ, пока вы будете спорить, точно господа, гости должны умирать съ голоду. О, вы олухи! Видно, мнѣ придется начать все сызнова... Но кажется, карета въѣзжаетъ на дворъ? По мѣстамъ же, болваны! А я пойду встрѣтить радушно у воротъ сына моего стараго друга. *(Уходитъ.)*

Диггори. Честное слово, мое мѣсто вылетѣло у меня изъ головы!

Роджеръ. А я знаю, что мое мѣсто быть повсюду.

Первый слуга. Чортъ одинъ знаетъ, гдѣ мое!

Второй. Ну мое—не быть нигдѣ, значитъ, я уйду. *(Слуги разбѣгаются въ испугѣ въ разныя стороны.)*

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Входитъ **слуга** *со свѣчами, за нимъ* **Марло и Гэстингсъ.**

Слуга. Милости просимъ, господа, милости просимъ! Пожалуйте сюда.

Гэстингсъ. Послѣ неудачъ нынѣшняго дня поздравляю тебя, Чарльзъ, съ комфортабельной, чистой комнатой и хорошимъ огнемъ. Честное слово, весьма приглядный домъ, старомодный, но почтенный.

Марло. Это обычная судьба большихъ домовъ. Сначала они разоряютъ владѣльца значительными расходами по своему содержанію, а потомъ взимаютъ контрибуцію въ качествѣ гостинницъ.

Гэстингсъ. Совершенно вѣрно! Проѣзжихъ облагаютъ налогомъ, чтобъ заплатить за всю эту роскошь. Нерѣдко замѣчалъ я, что хотя хорошій буфетъ или мраморный каминъ и не ставятся прямо въ счетъ, однако чертовски раздуваютъ его.

Марло. Путешественники всюду должны платить, Джорджъ. Вся разница въ томъ, что въ хорошихъ гостинницахъ дорого платишь за предметы роскоши, а въ плохихъ съ тебя дерутъ шкуру и, вдобавокъ, еще морятъ голодомъ.

Гэстингсъ. Ты много живалъ по гостинницамъ, Марло. Поистинѣ, я часто удивлялся, какъ это ты, столько видѣвшій на свѣтѣ, такой умный, избалованный, никогда не могъ пріобрѣсти достаточнаго количества самоувѣренности.

Марло. Это болѣзнь, свойственная всѣмъ англичанамъ. Но скажи мнѣ, Джорджъ, гдѣ могъ я научиться самоувѣренности, о которой ты говоришь? Жизнь моя большею частью протекла въ школѣ или въ дорогѣ, вдали отъ той прелестной части мірозданія, которая всего больше научаетъ мужчинъ самонадѣянности. Не помню, былъ ли я когда либо близко знакомъ хоть съ одной скромной женщиной, кромѣ матери... зато съ женщинами другого рода, какъ тебѣ извѣстно...

Гэстингсъ. Да, съ ними ты безсовѣстно дерзокъ...

Марло. Вѣдь тѣ нашего сорта.

Гэстингсъ. Зато въ обществѣ порядочныхъ женщинъ я никогда не видывалъ подобнаго идіота, или труса! У тебя тогда такой видъ, словно ты ждешь случая улизнуть изъ комнаты.

Марло. Да вѣдь это потому, что я въ самомъ дѣлѣ желаю улизнуть. Клянусь, часть рѣшался я проломить ледъ и болтать во что бы то ни стало. Только не знаю, какъ это дѣлается,—одного взгляда пары прекрасныхъ глазъ достаточно, чтобъ ниспровергнуть всю мою рѣшимость. Человѣкъ дерзкій можетъ притвориться скромнымъ, но пусть меня повѣсятъ, если скромникъ могъ когда-либо подражать дерзости.

Гэстингсъ. Еслибъ ты въ состояніи былъ сказать порядочной женщинѣ хоть половину тѣхъ красивыхъ вещей, которыя ты расточалъ при мнѣ буфетчицамъ въ гостинницахъ или хотя бы даже горничной, стлавшей въ школѣ наши постели...

Марло. Не могу говорить этихъ прекрасныхъ вещей, Джорджъ! Порядочныя женщины меня замораживаютъ, заставляютъ каменѣть, хотя бы онѣ разсуждали о кометѣ, объ огнедышащей горѣ, или другихъ подобныхъ пустякахъ. Скромная, нарядно одѣтая женщина для меня самый страшный предметъ на свѣтѣ.

Гэстингсъ. Ха-ха-ха! Да какъ же ты можешь, въ такомъ случаѣ, надѣяться жениться?

Марло Никогда я не женюсь, если только, какъ дѣлается у королей и принцевъ, кто нибудь другой не станетъ ухаживать вмѣсто меня за невѣстой. Вотъ еслибъ, какъ бываетъ на востокѣ, меня могли представить женѣ, которую я раньше никогда не видалъ, еще куда бы ни шло! Но продѣлать всѣ ужасы сватовства, съ эпизодической вставкой тетушекъ, бабушекъ, кузинъ, а тамъ выпалить наконецъ страшный, такъ и бьющій въ глаза вопросъ: угодно вамъ идти за меня, сударыня? Нѣтъ, нѣтъ, это напряженіе превышаетъ мои силы, увѣряю тебя.

Гэстингсъ. Жалѣю о тебѣ. Но какъ же собираешься ты поступить съ дѣвушкой, къ которой ѣдешь по желанію твоего отца.

Марло. Какъ и со всѣми прочими дамами. Низко поклонюсь, стану отвѣчать на всѣ ея вопросы *да* или *нѣтъ*... Что же касается остального, то не думаю, чтобъ я посмѣлъ заглянуть ей въ лицо, пока не увижу вновь своего отца.

Гэстингсъ. Удивляюсь, какъ это человѣкъ, такой пылкій въ дружбѣ, можетъ быть такъ холоденъ въ любви!

Марло. Говоря откровенно, дорогой Гэстингсъ, главное, что побудило меня пуститься въ путь, это желаніе устроить твое счастье, а не мое. Миссъ Нэвилль тебя любитъ, семья ея тебя не знаетъ. Въ качествѣ моего друга пріемъ тебѣ обезпеченъ, и пусть твоя честь сдѣлаетъ все остальное.

Гэстингсъ. Милый Марло!.. Однако я сдержу свое волненіе. Еслибъ я былъ негодяемъ и

старался завладѣть чужимъ состояніемъ, ты былъ бы послѣднимъ на свѣтѣ, къ которому я обратился бы за помощью. Но мнѣ нужна только сама миссъ Нэвилль, а она моя съ согласія ея покойнаго отца и по собственной склонности.

Марло. Счастливецъ! Ты такъ талантливъ и ловокъ, что можешь очаровать каждую дѣвушку! Я же обреченъ боготворить весь женскій полъ, и однако бесѣдовать лишь съ тѣми его представительницами, которыхъ я презираю. Заиканіе, прерывающее мою привѣтственную рѣчь, мое глупо-красивое лице—все это никогда не позволитъ мнѣ подняться выше ученицы изъ моднаго магазина, или герцогини изъ Дрюри-Лэнскаго театра. Фу! опять идетъ мѣшать намъ этотъ человѣкъ!

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Тѣ же и Гардкэстль.

Гардкэстль. Еще разъ отъ души привѣтствую васъ, господа! Который изъ васъ двухъ мистеръ Марло? Сердечно радъ вамъ, сэръ! Я, надо вамъ сказать, не привыкъ принимать друзей, грѣя спину передъ огнемъ. Я люблю радушно встрѣчать ихъ по-старому обычаю у воротъ, люблю самъ наблюдать, чтобъ позаботились объ ихъ лошадяхъ и сундукахъ.

Марло *(въ сторону)*. Онъ уже выспросилъ у слугъ наши имена. *(Къ Гардкэстлю.)* Одобряемъ вашу предусмотрительность и ваше гостепріимство, сэръ. *(Къ Гэстингсу.)* Я думаю, не перемѣнить ли намъ завтра утромъ наше дорожное платье, Джорджъ? Я начинаю чертовски стыдиться моего костюма.

Гардкэстль. Прошу васъ, мистеръ Марло, не церемониться въ этомъ домѣ.

Гэстингсъ. Ты, пожалуй, правъ, Джорджъ! первый натискъ—все равно, что полъ-битвы. Думаю начать кампанію въ бѣломъ камзолѣ съ золотымъ шитьемъ.

Гардкэстль. Мистеръ Марло, мистеръ Гэстингсъ—господа! пожалуйста не стѣсняйтесь въ этомъ домѣ. Это храмъ Свободы, господа! Вы можете дѣлать здѣсь все, что вамъ угодно.

Марло. Да, Джорджъ, если мы начнемъ кампанію слишкомъ яростно, у насъ можетъ не хватить аммуниціи до конца. Золотое шитье я приберегу для обезпеченія отступленія.

Гардкэстль. Ваше замѣчаніе насчетъ отступленія напоминаетъ мнѣ про герцога Мальборо, когда мы шли осаждать Денэнъ. Онъ началъ съ того, что, собралъ гарнизонъ...

Марло. Не думаешь ли ты, что жилетъ *ventre d'or* сойдетъ, съ простымъ коричневымъ камзоломъ?

Гардкэстль. Онъ началъ съ того, что собралъ гарнизонъ, состоявшій приблизительно изъ пяти тысячъ человѣкъ...

Гэстингсъ. Не полагаю: коричневое и желтое очень плохо сливаются.

Гардкэстль. Итакъ, господа, какъ я уже говорилъ, собралъ онъ гарнизонъ, состоявшій приблизительно изъ пяти тысячъ человѣкъ...

Марло Дѣвушки любятъ нарядные костюмы.

Гардкэстль. Состоявшій приблизительно изъ пяти тысячъ человѣкъ и обильно снабженный припасами, аммуниціей и прочими принадлежностями войны. Ну, говоритъ герцогъ Мальборо Джорджу Бруксу, стоявшему всего ближе отъ него (вы навѣрно слыхали про Джорджа Брукса), я прозакладую свое герцогство, говоритъ онъ, что овладѣю этимъ городомъ, не проливъ капли крови. И такъ...

Марло. Слушайте, милый другъ, что еслибъ вы дали намъ стаканъ пуншу? Это помогло бы намъ вести осаду энергичнѣе.

Гардкэстль. Пуншу, сэръ? *(Въ сторону.)* Вотъ самый необъяснимый видъ скромности, какой мнѣ когда-либо доводилось встрѣчать!

Марло. Да, сэръ, пуншу! Стаканъ теплаго пунша будетъ намъ очень пріятенъ послѣ дороги. Вѣдь это — храмъ Свободы, какъ вамъ извѣстно.

Гардкэстль. Вотъ чарка, сэръ!

Марло *(въ сторону)*. Кажется, этотъ человѣкъ желаетъ давать намъ въ своемъ храмѣ Свободы только то, что самъ хочетъ.

Гардкэстль *(подаетъ чарку)*. Надѣюсь, она придется вамъ по вкусу. Я приготовилъ пуншъ собственными руками и, вы сознаетесь, я полагаю, что составныя части его изрядны. Не будете ли вы такъ добры чокнуться со мной, сэръ! Пью за наше сближеніе, мистеръ Марло!

Марло. Страшный нахалъ! Но онъ оригиналенъ, и я потѣшу его немного. Сэръ, вашъ покорнѣйшій слуга! *(Пьетъ.)*

Гэстингсъ. Видно, этотъ человѣкъ желаетъ наградить насъ своей компаніей, и, не научившись быть джентльменомъ, забываетъ, что онъ содержатель гостинницы!

Марло. Изъ прекраснаго качества пунша, другъ мой, я заключаю, что дѣла ваши не плохи въ этой мѣстности. Горячая пора, я думаю, во время выборовъ?

Гардкэстль. Нѣтъ, сэръ, я уже давно отказался отъ этого. Съ тѣхъ поръ, какъ знатные господа попали на мысль выбирать другъ друга, никакихъ дѣлъ не осталось «для насъ продающихъ эль.»

Гэстингсъ. Я замѣчаю, что у васъ нѣтъ склонности къ политикѣ?

Гардкэстль. Никакой. Было, правда, время, когда я, не хуже другихъ, злился на ошибки правительства, но, замѣтивъ, что я становлюсь съ каждымъ днемъ все злѣе, а правительство отъ этого не улучшается, я предоставилъ его самому себѣ. Съ той поры я такъ же мало ломаю себѣ голову насчетъ Гайдеръ-

Али или Элли-Кока, какъ и насчетъ Элли-Крокера. Сэръ! вашъ покорнѣйшій слуга!

Гэстингсъ. Значитъ, давая ѣсть наверху и пить внизу, принимая знакомыхъ у себя и забавляя ихъ внѣ дома, вы ведете хорошую, пріятную, суетливую жизнь?

Гардкэстль. Я много въ движеніи, это вѣрно! Половина всѣхъ приходскихъ недоразумѣній улаживается вотъ въ этой самой гостиной.

Марло *(пьетъ).* И въ этой чаркѣ, старый другъ мой, у васъ болѣе сильный аргументъ, чѣмъ во всемъ Вестминстеръ-Голлѣ.

Гардкэстль. Да, молодой другъ мой, въ ней и въ нѣкоторой философіи.

Марло *(въ сторону).* Въ первый разъ слышу про философію содержателя гостинницы.

Гэстингсъ. Такъ что, какъ опытный полководецъ, вы нападаете со всѣхъ сторонъ. Если вамъ кажется, что умы податливы, вы атакуете ихъ своею философіей; если вы находите, что никакого ума нѣтъ, вы дѣйствуете вотъ этимъ! За ваше здоровье, мой философъ! *(Пьетъ.)*

Гардкэстль. Хорошо, очень хорошо, благодарю васъ, ха-ха-ха! Ваши слова на счетъ полководца напомнили мнѣ принца Евгенія, побѣдившаго турокъ въ битвѣ подъ Бѣлградомъ. Вотъ послушайте..

Марло. Вмѣсто битвы подъ Бѣлградомъ пора, мнѣ кажется, говорить объ ужинѣ. Что найдется къ ужину у вашей философіи?

Гардкэстль. Къ ужину, сэръ? *(Въ сторону).* Обращались ли когда-нибудь съ такимъ вопросомъ къ человѣку въ его собственномъ домѣ?

Марло. Да, сэръ, къ ужину. Я начинаю чувствовать аппетитъ. Обѣщаю вамъ страшно опустошить сегодня кладовую.

Гардкэстль *(въ сторону).* Такого нахала, клянусь, глаза мои еще никогда не видывали. *(Обращаясь къ Марло).* Что касается ужина, сэръ, я поистинѣ ничего не могу сказать вамъ. Моя Дороти и кухарка рѣшаютъ это между собой. Я предоставляю все это имъ.

Марло. Предоставляете? Въ самомъ дѣлѣ?

Гардкэстль. Вполнѣ. Кстати, онѣ, кажется, совѣщаются въ эту самую минуту въ кухнѣ насчетъ того, что подать къ ужину.

Марло. Въ такомъ случаѣ, я попрошу ихъ допустить и меня въ тайный совѣтъ. Это у меня ужъ такая привычка. Во время путешествія я всегда люблю самъ распоряжаться насчетъ ужина. Позовите кухарку. Надѣюсь, вы не обижаетесь, сэръ?

Гардкэстль. О, нѣтъ, ничуть; только не знаю, какъ это сдѣлать. Наша кухарка Бриджетъ не очень сообщительна въ подобныхъ случаяхъ. Если мы за ней пошлемъ, она, пожалуй, всѣхъ насъ выгонитъ изъ дому своей бранью.

Гэстингсъ. Въ такомъ случаѣ, покажите намъ списокъ того, что имѣется въ кладовой. Прошу этого у васъ, какъ милости! Я всегда приноравливаю свой аппетитъ къ картѣ кушаній.

Марло *(Гардкэстлю, съ удивленіемъ глядящему на нихъ).* Сэръ, онъ совершенно правъ; это и моя привычка.

Гардкэстль. Сэръ, распоряжайтесь здѣсь. Роджеръ, подай намъ карту сегодняшняго ужина; кажется, она уже составлена. Ваше обращеніе, мистеръ Гэстингсъ, напоминаетъ мнѣ моего дядю, полковника Уоллопа. Онъ всегда говаривалъ, что пока ужинъ не съѣденъ, ни одинъ человѣкъ не можетъ быть въ немъ увѣренъ.

Гэстингсъ *(въ сторону).* Все на высокій ладъ! Дядя у него полковникъ! Сейчасъ узнаемъ, что мать была мировымъ судьей. Но выслушаемъ-ка лучше карту ужина.

Марло *(изучая ее).* Что это такое? Первая смѣна, вторая смѣна, дессертъ. Чортъ возьми, сэръ! Ужъ не воображаете-ли вы, что мы привели къ ужину цѣлую роту или Бедфордскую корпорацію? Двухъ, трехъ легкихъ блюдъ, чисто и хорошо приготовленныхъ, съ насъ хватитъ.

Гэстингсъ. Но прежде всего прослушаемъ карту.

Марло *(читаетъ).* Первое блюдо — свинина съ соусомъ изъ сливъ.

Гэстингсъ. Къ чорту вашу свинину!

Марло. И къ чорту вашъ соусъ изъ сливъ, прибавлю я.

Гардкэстль. Однако, господа, для людей голодныхъ свинина съ соусомъ изъ сливъ славное кушанье.

Марло. Далѣе, телячій языкъ и мозги.

Гэстингсъ. Да вылетятъ вонъ ваши мозги, дорогой сэръ! Терпѣть ихъ не могу!

Марло. Или положите ихъ отдѣльно на тарелку. Я ихъ люблю!

Гардкэстль *(въ сторону).* Не могу взять въ толкъ ихъ наглости! *(Къ нимъ).* Господа, вы мои гости. Дѣлайте такія измѣненія, какъ вамъ угодно. Не желаете ли вы убавить или измѣнить еще что-нибудь?

Марло. Далѣе, пирогъ съ свининой, разварной кроликъ съ сосисками, воздушный пудингъ и блюдо крема.

Гэстингсъ. Чортъ бы взялъ ваши заготовленныя кушанья! Я буду въ такомъ же затрудненіи въ этомъ домѣ, какъ на обѣдѣ у французскаго посла. Я люблю простую ѣду.

Гардкэстль. Ужасно жалѣю, господа, что у меня нѣтъ ничего, что вамъ бы нравилось. Но, если вамъ чего-нибудь особенно хочется...

Марло. Сэръ, ваша карта кушаній такъ прекрасна, что одно блюдо стоитъ другого. Пришлите намъ, чего хотите. Вотъ это насчетъ ужина. А теперь позаботьтесь, чтобъ постели были хорошо просушены и тщательно постланы.

Гардкэстль. Молю васъ предоставить это мнѣ. Не дѣлайте шага ради этого.

Марло. Предоставить это вамъ? Извините, сэръ, увѣряю васъ, я всегда лично забочусь объ этомъ.

Гардкэстль. А я настаиваю, сэръ, чтобъ вы были спокойны на этотъ счетъ.

Марло. Вы видите, что я этого хочу *(въ сторону)*. Никогда не встрѣчалъ я болѣе надоѣдливаго человѣка!

Гардкэстль. Хорошо, сэръ, я желаю, по крайней мѣрѣ, сопровождать васъ *(въ сторону)*. Быть можетъ, это—современная скромность, но я никогда не видывалъ ничего, чтобы такъ походило на старомодную наглость. *(Марло и Гардкэстль уходятъ.)*

Гэстингсъ *(одинъ)*. Любезности этого человѣка становятся тягостными. Но кто можетъ сердиться на ухаживанье, когда оно имѣетъ въ виду сдѣлать пріятное? Ахъ, что я вижу! Клянусь всѣмъ прекраснымъ на свѣтѣ, это миссъ Нэвилль!

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Гэстингсъ и миссъ Нэвилль.

Миссъ Нэвилль. Дорогой Гэстингсъ! Какому неожиданному счастью, какой случайности должна я приписать эту радостную встрѣчу?

Гэстингсъ. Позволь скорѣе мнѣ предложить тебѣ этотъ же самый вопросъ! Никакъ не ожидалъ бы я встрѣтить мою дорогую Констанцію въ гостинницѣ!

Миссъ Нэвилль. Въ гостинницѣ? Ты ошибаешься! Здѣсь живутъ моя тетка и мой опекунъ! Что могло заставить тебя принять этотъ домъ за гостинницу?

Гэстингсъ. Увѣряю тебя, что меня и моего друга, мистера Марло, съ которымъ я пріѣхалъ, прислали сюда, какъ въ гостинницу. Молодой человѣкъ, случайно попавшійся намъ по сосѣдству, указалъ намъ дорогу.

Миссъ Нэвилль. Это навѣрно одна изъ продѣлокъ моего милаго кузена! Я часто говорила съ тобой о немъ. Ха-ха-ха!

Гэстингсъ. Того самаго, за котораго прочитъ тебя тетка? Того, что внушаетъ мнѣ такія справедливыя опасенія?

Миссъ Нэвилль. Вѣрь, тебѣ нечего бояться! Ты боготворилъ бы его, еслибъ зналъ, какъ искренно онъ меня презираетъ! Моей теткѣ это тоже извѣстно; вотъ она и начала ухаживать за мной вмѣсто него и, право, думаетъ, что одержала побѣду.

Гэстингсъ. Дорогая притворщица! Знай же, милая Констанція, я воспользовался счастливой случайностью, представившеюся мнѣ въ видѣ поѣздки моего друга, чтобъ получить доступъ въ эту семью. Лошади, которыя привезли насъ сюда, еще утомлены послѣ дороги, но скоро отдохнутъ, и тогда, если моя милая дѣвочка довѣрится ея преданному Гэстингсу, мы вскорѣ высадимся во Франціи, гдѣ даже среди рабовъ уважаются брачные законы.

Миссъ Нэвилль. Часто говорила я, что хотя и готова повиноваться тебѣ, однако съ сожалѣніемъ откажусь отъ своего маленькаго состоянія. Большая часть его досталась мнѣ отъ дяди, служившаго въ Индіи, и заключается въ драгоцѣнныхъ камняхъ. Съ нѣкоторыхъ поръ я убѣждаю тетку позволить мнѣ ихъ носить, и, кажется, я скоро успѣю въ этомъ. Лишь только они очутятся въ моей власти, ты найдешь меня готовою отдать и ихъ, и себя въ твои руки.

Гэстингсъ. Пусть пропадутъ эти побрякушки! Только тебя мнѣ и нужно... Тѣмъ временемъ надо оставить моего друга Марло въ заблужденіи. Я знаю, странная сдержанность его характера такова, что если онъ неожиданно откроетъ обманъ, онъ тотчасъ же покинетъ домъ, еще прежде, чѣмъ планъ нашъ созрѣетъ для исполненія.

Миссъ Нэвилль. Но какъ поддержимъ мы это недоразумѣніе? Миссъ Гардкэстль только что вернулась съ прогулки... Что, если мы всѣ станемъ продолжать его обманывать?.. *(Совѣщаются.)*

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣ же и Марло.

Марло. Навязчивость этихъ добрыхъ людей надоѣдаетъ мнѣ сверхъ мѣры. Хозяинъ находитъ, вѣроятно, неблаговоспитаннымъ оставить меня одного и поэтому вѣшаетъ мнѣ на шею не только самого себя, но и свою старомодную жену. Они замышляютъ ужинать съ нами, и тогда придется, вѣроятно, встрѣтиться и со всей остальной семьей. Это что такое?

Гэстингсъ. Дорогой Чарльзъ! Позволь мнѣ тебя поздравить! Самая счастливая случайность! Знаешь, кто сейчасъ подъѣхалъ?

Марло. Не могу догадаться.

Гэстингсъ. Наши возлюбленныя, другъ мой, миссъ Гардкэстль и миссъ Нэвилль. Позволь мнѣ представить тебѣ миссъ Констанцію Нэвилль. Обѣдая случайно по сосѣдству, она заѣхала сюда съ подругой на возвратномъ пути, чтобъ перемѣнить лошадей. Миссъ Гардкэстль вышла сейчасъ въ слѣдующую комнату и вернется черезъ минуту. Ну, не счастье ли это, а?

Марло *(въ сторону)*. Я ужъ, по совѣсти, достаточно смущенъ, а это заставитъ меня окончательно растеряться.

Гэстингсъ. Ну, не счастливѣйшая ли это случайность?

Марло. О, да! Очень счастливая... весьма радостная встрѣча!..Но нашъ туалетъ, Джорджъ, какъ тебѣ извѣстно, въ безпорядкѣ. Что, еслибъ мы отсрочили счастье наше до завтра?.. Завтра въ ея собственномъ домѣ... Это будетъ

такъ же удобно. . и болѣе почтительно!.. Словомъ, до завтра. *(Хочетъ уйти.)*

Миссъ Нэвилль. Ни въ какомъ случаѣ, сэръ. Ваша церемонность оскорбитъ миссъ Гардкэстль. Безпорядокъ туалета докажетъ горячность вашего нетерпѣнія. Къ тому же она знаетъ, что вы здѣсь, и позволитъ вамъ повидаться съ ней.

Марло. О, чортъ возьми! Какъ перенесу я это! Гм! гм! Гэстингсъ, не уходи. Ты долженъ помочь мнѣ, понимаешь? Я буду страшно смѣшенъ. Но, была не была! Ободрюсь!

Гэстингсъ. Вздоръ, другъ мой! Смѣло бросайся въ воду, и все будетъ сдѣлано. Вѣдь она только женщина, какъ тебѣ извѣстно!

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Тѣ же и миссъ Гардкэстль *возвращаются съ прогулки, въ шляпкѣ и прочемъ.*

Гэстингсъ (*знакомя ихъ*). Миссъ Гардкэстль, мистеръ Марло. Горжусь тѣмъ, что могу сблизить двухъ столь достойныхъ людей, которымъ нужно только познакомиться, чтобъ уважать другъ друга.

Миссъ Гардкестль *(въ сторону).* Какъ бы мнѣ только встрѣтить моего скромнаго джентльмена съ смущеніемъ на лицѣ и совершенно въ его духѣ. *(Послѣ паузы, во время которой Марло чувствуетъ себя очень неловко и не по себѣ).* Очень рада, что вы благополучно доѣхали, сэръ. Я слышала, у васъ было нѣсколько приключеній по пути...

Марло. Весьма немного, сударыня! Да, было нѣсколько. Да, сударыня, было даже очень много приключеній, но я жалѣлъ бы, сударыня... или, вѣрнѣе, радовался бы всякимъ приключеніямъ... такъ пріятно кончившимся. Гм!

Гэстингсъ *(ему).* Никогда не говорилъ ты лучше во всю свою жизнь! Продолжай, и я ручаюсь за побѣду.

Миссъ Гардкэстль. Боюсь, вы льстите мнѣ, сэръ. Вы, посѣщавшій лучшее общество, найдете мало удовольствія въ уединенномъ деревенскомъ уголкѣ.

Марло *(ободряясь).* Правда, я живалъ въ свѣтѣ, сударыня, но мало посѣщалъ общество. Я только наблюдалъ за жизнью, между тѣмъ какъ другіе ею наслаждались.

Миссъ Нэвилль. Говорятъ, это лучшій способъ наслаждаться жизнью.

Гэстингсъ *(къ нему).* Цицеронъ никогда не выражался такъ хорошо. Еще одна попытка, и успѣхъ твой навѣки обезпеченъ.

Марло *(Гэстингсу).* Гм! Не покидай меня, и когда я стану изнемогать, вставь слово или два, чтобъ снова меня ободрить.

Миссъ Гардкэстль. Боюсь, такія наблюденія не особенно пріятны; вамъ навѣрно приходится болѣе осуждать, чѣмъ одобрять.

Марло. Извините, сударыня. Я всегда радъ повеселиться. Безуміе большинства людей можетъ скорѣе забавлять, чѣмъ тревожить.

Гэстингсъ *(къ нему)* Браво, браво! Никогда во всю твою жизнь не говорилъ ты лучше. И такъ, миссъ Гардкэстль, я вижу, что вы и мистеръ Марло непремѣнно сойдетесь. Наше присутствіе можетъ только помѣшать вашей бесѣдѣ...

Марло. Нисколько, мистеръ Гэстингсъ. Ваше общество намъ пріятнѣе всего. *(Къ нему).* Чортъ возьми, Джорджъ, не уйдешь же ты въ самомъ дѣлѣ! Какъ можешь ты насъ оставить?

Гэстингсъ. Наше присутствіе только помѣшаетъ разговору, поэтому мы удалимся въ слѣдующую комнату. *(Къ нему).* Ты вовсе не принимаешь въ соображеніе, что и намъ нужно устроить себѣ маленькій tête-à-tête. *(Уходятъ.)*

Миссъ Гардкэстль *(послѣ краткаго молчанія).* Но вы не все же были только постороннимъ наблюдателемъ, я полагаю, сэръ? Надѣюсь, дамы привлекали на себя хоть часть вашего вниманія?

Марло *(снова оробѣвъ).* Извините меня, сударыня, я... я... я... до сихъ поръ только... старался .. быть достойнымъ ихъ.

Миссъ Гардкэстль. Иные говорятъ, что это худшій способъ чего-нибудь добиться.

Марло. Быть можетъ, сударыня. Но я люблю бесѣдовать только съ болѣе серьезными и разсудительными изъ женщинъ. Боюсь, однако, что становлюсь надоѣдливъ...

Миссъ Гардкэстль. Нисколько, сэръ. Я и сама ничего такъ не люблю, какъ серьезный разговоръ; я его вѣчно могла бы слушать. Право, я даже часто удивляюсь, какъ это человѣкъ чувствительный можетъ преклоняться передъ легкими, пустыми удовольствіями, гдѣ ничто не проникаетъ въ сердце.

Марло. Это—болѣзнь... ума, сударыня. При разнообразіи вкусовъ, должны же быть люди, лишенные пониманія...

Миссъ Гардкэстль. Вполнѣ согласна съ вами, сэръ. Должны быть люди, которые, не обладая вкусомъ къ утонченнымъ удовольствіямъ, дѣлаютъ видъ, будто презираютъ то, чего не въ состояніи понять.

Марло. Какъ разъ это хотѣлъ я сказать, только вы гораздо лучше выразились. Не могу не замѣтить... мм... мм...

Миссъ Гардкэстль *(въ сторону).* Возможно ли предположить, чтобъ этотъ человѣкъ былъ при случаѣ дерзокъ. *(Къ Марло).* Вы хотѣли сказать, сэръ?..

Марло. Я хотѣлъ сказать, сударыня... увѣряю васъ, я уже забылъ, что хотѣлъ сказать...

Миссъ Гардкэстль *(въ сторону).* Честное слово, и я также. *(Къ Марло).* Вы желали сказать, сэръ, что въ этотъ лицемѣрный вѣкъ... что-то о лицемѣріи говорили вы, сэръ.

Марло. Да, сударыня. Въ этотъ лицемѣр-

ный вѣкъ, мало кто... если навести точныя справки, не... не... мм... мм...

Миссъ Гардкэстль. Вполнѣ понимаю васъ сэръ.

Марло *(въ сторону)*. Честное слово, это больше, чѣмъ я могу сказать про себя.

Миссъ Гардкэстль. Вы находите, что въ этотъ лицемѣрный вѣкъ мало кто не осуждаетъ публично того, что дѣлаетъ втайнѣ, и не полагаетъ, что, прославляя добродѣтель, исполнилъ всѣ свои обязательства.

Марло. Совершенно вѣрно, сударыня. Тѣ, у кого добродѣтели всего чаще на устахъ, всего меньше имѣютъ ее въ сердцѣ. Но я убѣжденъ, что утомляю васъ.

Миссъ Гардкэстль. Ничуть, сэръ. Въ вашемъ обращеніи есть что то такое пріятное и воодушевленное, такая жизненность и сила... Пожалуйста, продолжайте.

Марло. Да, сударыня. Я говорилъ... что бываютъ случаи, когда полное отсутствіе мужества уничтожаетъ все... и ставитъ насъ... въ... мм .. мм...

Миссъ Гардкэстль. Вполнѣ согласна съ вами. Иногда отсутствіе мужества принимаетъ видъ невѣжества и оставляетъ насъ безпомощными, когда мы всего больше хотѣли бы отличиться. Сдѣлайте милость, продолжайте.

Марло. Извольте, сударыня. Съ нравственной точки зрѣнія... Но я вижу, миссъ Нэвилль ждетъ насъ въ слѣдующей комнатѣ. Ни за что на свѣтѣ не желалъ бы я быть навязчивымъ...

Миссъ Гардкэстль. Увѣряю васъ, сэръ, никогда во всю мою жизнь не бесѣдовала я пріятнѣе. Продолжайте, прошу васъ...

Марло. Да, сударыня, я хотѣлъ... Но она манитъ насъ къ себѣ. Сударыня, не позволите ли вы мнѣ имѣть честь васъ проводить?

Миссъ Гардкэстль. Хорошо, въ такомъ случаѣ я вскорѣ послѣдую за вами.

Марло *(въ сторону)*. Этотъ довольно гладкій діалогъ помогъ таки мнѣ! *(Уходитъ.)*

Миссъ Гардкэстль *(одна)*. Ха, ха, ха! Было ли когда либо на свѣтѣ такое прѣсное, сентиментальное свиданіе? Да онъ врядъ ли даже заглянулъ мнѣ въ лицо! Однако, за исключеніемъ его непостижимой робости, онъ ничего себѣ; онъ разсудителенъ, но зато такъ ушелъ въ свои страхи, что это утомляетъ больше, чѣмъ полное невѣжество. Еслибъ я могла внушить ему хоть немного самоувѣренности, это оказало бы одной моей знакомой немалую услугу.

ЯВЛЕНІЕ 7 е.

Входитъ **Тони и миссъ Нэвилль.** *За ними* **миссисъ Гардкэстль и Гэстингсъ.**

Тони. Зачѣмъ бѣгаешь ты за мной, кузина Конъ? Удивляюсь, какъ это тебѣ не стыдно такъ любезничать?

Миссъ Нэвилль. Надѣюсь, кузенъ, что съ родственниками можно говорить, не заслуживая осужденія.

Тони. Да, но я отлично знаю, какого родственника ты желаешь изъ меня сдѣлать, только этому не бывать. Говорю тебѣ, кузина Конъ, не бывать! Отойди отъ меня, я не желаю съ тобой ближе породниться.

(Она идетъ за нимъ, кокетничая, вглубь сцены.)

Миссисъ Гардкэстль. Клянусь, мистеръ Гэстингсъ, ваша бесѣда очень занимательна! Ни о чемъ не люблю я такъ говорить, какъ о Лондонѣ и его модахъ, хотя я сама никогда тамъ не бывала...

Гэстингсъ. Никогда не бывали? Вы меня изумляете! По вашему виду и манерамъ я заключилъ, что вы воспитывались въ Рэнела, Сентъ-Джемсѣ или близь Тоуэрской верфи.

Миссисъ Гардкэстль. О, сэръ, вы это только такъ говорите! Ну какія манеры могутъ быть у насъ, деревенскихъ жителей? Вотъ я влюблена въ городъ, и это помогаетъ стать мнѣ выше нѣкоторыхъ изъ нашихъ сосѣдей; но могутъ ли быть манеры у того, кто не видывалъ Пантеона, садовъ Гротто, и всѣхъ подобныхъ мѣстъ, гдѣ главнымъ образомъ бываетъ знать? Все, что я могу сдѣлать, это наслаждаться Лондономъ изъ вторыхъ рукъ. Я стараюсь изучать каждый tête à tête изъ журнала «Злословіе», а свѣдѣнія о только что вышедшихъ модахъ узнаю изъ писемъ двухъ миссъ Рикетъ изъ Крукедъ-Лена. Скажите, пожалуйста, какъ нравится вамъ моя прическа, мистеръ Гэстингсъ?

Гэстингсъ. Честное слово, она необыкновенно изящна и dégagée! Вашъ парикмахеръ, вѣроятно, французъ?

Миссисъ Гардкэстль. Увѣряю васъ, что я сама причесала голову по рисунку прошлогодняго Дамскаго Меморандума.

Гэстингсъ. Неужели? Появись такая головка въ боковой ложѣ театра, она привлекла бы столько же любопытныхъ взоровъ, какъ жена лордъ-мэра на балу въ Сити.

Миссисъ Гардкэстль. Право, съ той поры, какъ ввели прививку оспы, некрасивой женщины больше не увидишь. Поэтому приходится одѣваться нѣсколько оригинально, а то, пожалуй, затеряешься въ толпѣ.

Гэстингсъ. Съ вами, сударыня, этого не можетъ случиться ни при какомъ туалетѣ. *(Кланяется).*

Миссисъ Гардкэстль. Да, но что значитъ весь мой нарядъ, когда рядомъ со мной такая древность, какъ мистеръ Гардкэстль? Что бы я ни говорила, мнѣ никогда не удается измѣнить ни единой пуговки въ его костюмѣ. Часто желала я, чтобъ онъ бросилъ свой большой льняной парикъ и, какъ дѣлаетъ лордъ Пэтли, обсыпалъ бы пудрой лысыя мѣста.

Гэстингсъ. Вы правы, сударыня. Если теперь между дамами нѣтъ некрасивыхъ, между мужчинами нѣтъ старыхъ.

Миссисъ Гардкэстль. И что же, думаете вы, отвѣтилъ онъ мнѣ? Съ своей обычной готической живостью онъ сказалъ, будто я желаю, чтобъ онъ забросилъ парикъ только для того, чтобъ тотчасъ же превратить его въ накладку для собственнаго употребленія.

Гэстингсъ. Нестерпимо! Въ ваши годы вы можете носить, что хотите, и все должно къ вамъ идти.

Миссисъ Гардкэстль. Скажите, мистеръ Гэстингсъ, какой по вашему самый модный возрастъ въ городѣ?

Гэстингсъ. Нѣсколько времени тому назадъ сорокалѣтній былъ всего болѣе въ модѣ, но, по слухамъ, дамы думаютъ ввести будущей зимою пятидесятилѣтній.

Миссисъ Гардкэстль. Серьезно? Въ такомъ случаѣ, я буду слишкомъ молода для моды.

Гэстингсъ. Ни одна дама не надѣваетъ теперь брилліантовъ, прежде чѣмъ ей не перейдетъ за сорокъ. Вотъ эту дѣвицу, напримѣръ, въ образованныхъ кругахъ считали бы ребенкомъ, просто дѣвочкой.

Миссисъ Гардкэстль. Однако моя племянница воображаетъ себя женщиной и любитъ драгоцѣнные камни, какъ самая старая изъ насъ.

Гэстингсъ. Неужели это ваша племянница? А этотъ молодой человѣкъ, вѣроятно, вашъ братъ?

Миссисъ Гардкэстль. Мой сынъ, сэръ. Они помолвлены. Обратите вниманіе на ихъ маленькія шалости. Они ссорятся и мирятся разъ десять въ день, точно мужъ и жена. *(Обращаясь къ нимъ.)* Ну, Тони, дитя мое, какія нѣжности говоришь ты сегодня вечеромъ твоей кузинѣ Констанціи?

Тони. Никакихъ нѣжностей я не говорилъ, а сказалъ, что очень тяжело, когда за тобой ходятъ по пятамъ. Право, кромѣ конюшни, нѣтъ мѣстечка во всемъ домѣ, гдѣ я былъ бы предоставленъ самому себѣ.

Миссисъ Гардкэстль. Не обращай на него вниманія, милая Конъ! Не то говоритъ онъ за твоей спиной!

Миссъ Нэвилль. Въ поведеніи моего кузена много великодушія. Онъ нападаетъ при людяхъ для того, чтобъ получать прощеніе наединѣ.

Тони. Это чертовски возмутительная ложь!

Миссисъ Гардкэстль. О, онъ прехитрый! Не находите ли вы, мистеръ Гэстингсъ, что между ними есть сходство въ складкахъ рта? Это—до мелочей ротъ Бленкинсоповъ! И они даже одного роста. Станьте-ка другъ къ другу спиной, мои милашки, чтобъ мистеръ Гэстингсъ могъ васъ видѣть. Ну же, Тони!

Тони. Лучше бы ты меня не принуждала, могу тебя увѣрить. *(Мѣряется.)*

Миссъ Нэвилль. Ахъ, Господи, онъ чуть было не пробилъ мнѣ голову.

Миссисъ Гардкэстль. О, что за чудовище! Стыдно, Тони! Мужчина, и такъ себя ведетъ!

Тони. Если я мужчина, отдай мнѣ мои деньги. Не хочу, чтобъ меня долѣе дурачили!

Миссисъ Гардкэстль. И это все, что я получу отъ тебя за хлопоты по твоему воспитанію, неблагодарный мальчикъ! А я-то качала тебя въ люлькѣ и кормила этотъ хорошенькій ротикъ съ ложки! Не за тѣмъ ли, чтобъ принарядить тебя, вышила я этотъ жилетъ? Не прописывала ли я тебѣ лѣкарство каждый день и не плакала ли я, пока оно дѣйствовало?

Тони. Поистинѣ ты имѣла причину плакать, потому что пичкала меня лѣкарствами съ первой минуты, какъ я родился. Всѣ рецепты изъ «Хорошей хозяйки» испробовалъ я по десяти разъ, а на слѣдующую весну ты замышляешь заставить меня продѣлать курсъ лѣченія по Квинси. Но, честное слово, не позволю я дурачить себя дольше, увѣряю тебя!

Миссисъ Гардкэстль. Не для твоей ли все это пользы, асчидъ? Не для твоей ли пользы?

Тони. Въ такомъ случаѣ я желалъ бы, чтобъ ты и меня, и мою пользу оставила въ покоѣ. Вѣчно обрываешь меня, когда я въ духѣ!.. Если мнѣ должна выпасть на долю какая-нибудь польза, пусть она придетъ сама собою; нечего постоянно вколачивать ее въ меня.

Миссисъ Гардкэстль. Это невѣрно! никогда не вижу я тебя въ духѣ. Нѣтъ, Тони, тогда ты идешь въ пивную или на псарню. Ни разу еще не порадовалъ ты меня своими милыми, дикими криками, безчувственное ты животное!

Тони. Ну, мама, твои крики самые дикіе изъ всѣхъ.

Миссисъ Гардкэстль. Слыханное ли дѣло! Вижу, что онъ желаетъ мнѣ разбить сердце, вижу!

Гэстингсъ. Дорогая миссисъ Гардкэстль, позвольте мнѣ отчитать этого молодого человѣка! Я увѣренъ, что сумѣю убѣдить его исполнить свой долгъ.

Миссисъ Гардкэстль. Ну, а я удалюсь. Пойдемъ, милая Констанція! Вы видите, мистеръ Гэстингсъ, въ какомъ я несчастномъ положеніи! Какой другой женщинѣ приходится такъ мучиться съ милымъ, кроткимъ, хорошенькимъ, несноснымъ, непокорнымъ мальчикомъ? *(Уходитъ съ миссъ Нэвилль).*

Тони *(поетъ).* «Ѣхалъ мимо юноша, дѣлалъ, что хотѣлъ! Ренгъ ду дидло ди». Не обращайте на нее вниманія! Пусть плачетъ! Это отрада для ея сердца. Я видѣлъ, какъ она и сестра цѣлый часъ плакали надъ книгой и еще увѣряли, что чѣмъ больше книга

заставляетъ ихъ плакать, тѣмъ она имъ милѣе.

Гэстингсъ. Значитъ, какъ я вижу, вы не особенно дружны съ дамами, мой милый молодой пріятель?

Тони. Это смотря какъ.

Гэстингсъ. Во всякомъ случаѣ, не съ той, что избрала для васъ маменька, могу засвидѣтельствовать. Однако, она кажется мнѣ красивою, добродушною дѣвушкой.

Тони. Это потому, что вы знаете ее не такъ хорошо, какъ я. Я изучилъ каждый дюймъ въ ней, честное слово! Болѣе злой, коварной жабы не найти во всемъ крещеномъ мірѣ.

Гэстингсъ *(въ сторону)*. Очень ободрительно для влюбленнаго!

Тони. Я видѣлъ ее, когда она была не выше вотъ этого. Она такая же продувная, какъ заяцъ въ чащѣ или жеребенокъ въ день перваго выѣзда.

Гэстингсъ. А мнѣ она кажется разсудительной и молчаливой.

Тони. Да, при людяхъ. Но когда она съ своей подругой, она такъ же безпокойна, какъ свинья въ закутѣ.

Гэстингсъ. Но въ ней есть кротость и скромность, которыя меня очаровываютъ.

Тони. Да, только попробуйте немного натянуть поводья, — она лягнетъ и сброситъ васъ въ канаву.

Гэстингсъ. Ну, хоть нѣкоторую красоту вы должны же за ней признать. Хоть нѣкоторую красоту?

Тони. Вздоръ! Это все искусство. Вотъ, еслибъ вы видѣли нашу Бэтъ Боунсеръ, тогда вы могли бы толковать о красотѣ. У той два глаза, черные, какъ терновая ягода, а щеки красныя и широкія, точно подушка на кафедрѣ. Изъ Бэтъ можно сдѣлать двухъ такихъ, какъ Конъ.

Гэстингсъ. Ну, а что сказали бы вы, еслибъ нашелся пріятель и снялъ бы съ васъ эту обузу?

Тони. Такъ таки сразу?

Гэстингсъ. Были ли бы вы признательны тому, кто взялъ бы миссъ Нэвилль, а вамъ предоставилъ бы наслаждаться счастьемъ съ вашей милой Бэтси?

Тони. Да, только гдѣ найдется такой другъ? Кто возьметъ ее?

Гэстингсъ. Я. Если вы только поможете мнѣ, я обязуюсь умчать ее во Францію, и вы больше никогда о ней не услышите.

Тони. Помочь вамъ? Еще бы, до послѣдней капли моей крови. Я запрягу въ вашу коляску такую пару лошадей, которыя въ мигъ васъ увезутъ, а можетъ быть, вы получите и часть ея состоянія, въ видѣ брилліантовъ, которые вамъ и не снились.

Гэстингсъ. Дорогой сквайръ, вы кажется малый смышленый.

Тони. Пойдемте же, и вы увидите еще нѣсколько образцовъ моей смышленности, прежде чѣмъ мы съ вами покончимъ. *(Поетъ.)*

Мы удалые молодцы!
Насъ шумъ и грохотъ не страшатъ!
Не дрогнемъ даже при пальбѣ,
Коль пушки грозно загремятъ!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Входитъ **Гардкэстль.**

Гардкэстль. Что имѣлъ въ виду мой старый другъ сэръ Чарльзъ, когда рекомендовалъ мнѣ своего сына, какъ самаго скромнаго молодого человѣка во всемъ городѣ? Мнѣ онъ кажется нахальнѣйшимъ изъ нахальныхъ болтуновъ. Онъ уже завладѣлъ кресломъ около камина, снялъ сапоги въ гостиной и попросилъ меня приказать, чтобъ ихъ вычистили. Хотѣлъ бы я очень знать, какъ дѣйствуетъ его дерзость на мою дочь. Она навѣрно возмущена.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Входитъ **миссъ Гардкэстль**, *просто одѣтая.*

Гардкэстль. Я вижу, Кэтъ, ты перемѣнила туалетъ, какъ я тебѣ приказывалъ, а между тѣмъ, мнѣ кажется, что въ этомъ не было большой нужды.

Миссъ Гардкэстль. Мнѣ такъ пріятно исполнять ваши приказанія, сэръ, что я подчиняюсь имъ, никогда не взвѣшивая ихъ пригодности.

Гардкэстль. Однако, Кэтъ, я даю тебѣ иногда къ этому поводъ. Въ особенности сегодня, когда я рекомендовалъ тебѣ въ женихи моего скромнаго молодого человѣка.

Миссъ Гардкэстль. Вы приказали мнѣ ожидать чего-то необычайнаго и, по моему, оригиналъ превосходитъ ваши описанія.

Гардкэстль. Никогда еще не былъ я такъ удивленъ во всю жизнь! Онъ сбилъ съ толку всѣ мои умственныя способности.

Миссъ Гардкэстль. Никогда не видывала и я ничего подобнаго, да еще въ свѣтскомъ человѣкѣ.

Гардкэстль. Всему этому онъ научился заграницей... Какъ глупъ я былъ, вообразивъ,

что путешествія развиваютъ въ молодомъ человѣкѣ скромность! Такъ же хорошо могъ бы онъ учиться уму въ маскарадѣ.

Миссъ Гардкэстль. Это выходитъ у него совершенно естественно...

Гардкэстль. Да, благодаря немалому содѣйствію дурного общества и французскаго учителя танцевъ.

Миссъ Гардкэстль. Вы навѣрно ошибаетесь, папа. Французскій учитель танцевъ не могъ придать ему сконфуженнаго вида, неловкаго обращенія, робкихъ манеръ.

Гардкэстль. Чей видъ, чьи манеры, дитя?

Миссъ Гардкэстль. Мистера Марло. Его *mauvaise honte*, его робость поразили меня съ перваго взгляда.

Гардкэстль. Въ такомъ случаѣ твой первый взглядъ тебя обманулъ. Я нахожу мистера Марло однимъ изъ самыхъ беззастѣнчивыхъ людей, когда либо удивлявшихъ мой умъ.

Миссъ Гардкэстль. Вы навѣрно шутите, сэръ! Никогда я не видывала такого скромника.

Гардкэстль. Неужели ты говоришь серьёзно? Зато я не видывалъ такого дерзкаго, хвастливаго молокососа съ самого моего рожденія. Забіяка Досонъ — просто дуракъ сравнительно съ нимъ.

Миссъ Гардкэстль. Удивительно! Онъ встрѣтилъ меня почтительнымъ поклономъ, заикаясь, съ глазами потупленными въ землю.

Гардкэстль. Меня онъ встрѣтилъ громкимъ голосомъ, съ гордымъ видомъ и съ фамильярностью, отъ которой кровь моя застыла.

Миссъ Гардкэстль. Онъ обращался со мной съ уваженіемъ и робостью, порицалъ обычаи нашего вѣка, восхищался осторожностью дѣвушекъ, никогда не смѣющихся, утомилъ меня своими извиненіями за причиненное утомленіе, потомъ вышелъ изъ комнаты съ поклономъ и словами: сударыня, ни за что на свѣтѣ не хотѣлъ бы я васъ задерживать.

Гардкэстль. Онъ говорилъ со мной, словно зналъ меня всю жизнь, предлагалъ двадцать вопросовъ, не ожидая на нихъ отвѣтовъ, прерывалъ лучшія мои замѣчанія какой-нибудь глупой шуткой, а посреди самаго удачнаго моего разсказа о герцогѣ Мальборо и принцѣ Евгеніи, спросилъ, хорошо ли я умѣю дѣлать пуншъ. Да, Кэтъ, онъ спросилъ твоего отца, дѣлаетъ ли онъ пуншъ!

Миссъ Гардкэстль. Кто нибудь изъ насъ двухъ, конечно, ошибается.

Гардкэстль. Если онъ таковъ, какимъ онъ себя выказалъ, я объявляю, что ему никогда не получить моего согласія.

Миссъ Гардкэстль. А если онъ то нахмуренное существо, какимъ я его считаю, онъ никогда не получитъ моего.

Гардкэстль. Итакъ, въ одномъ мы согласны: отвергнуть его.

Миссъ Гардкэстль. Да, но съ нѣкоторой оговоркой. Еслибъ вы нашли его менѣе дерзкимъ, а я болѣе самонадѣяннымъ, если онъ покажется вамъ почтительнѣе, а мнѣ нѣсколько навязчивѣе, право, не знаю,—какъ мужчина, онъ еще такъ себѣ... Не много такихъ встрѣчаемъ мы на скачкахъ.

Гардкэстль. Еслибъ мы нашли его такимъ... Но это невозможно. Первое впечатлѣніе все рѣшило. Оно меня рѣдко обманываетъ.

Миссъ Гардкэстль. Однако, за этимъ первымъ впечатлѣніемъ могутъ скрываться многія прекрасныя свойства.

Гардкэстль. Ну, ужъ если наружность мужчины приходится дѣвушкѣ по вкусу, она тотчасъ же принимается загадывать насчетъ всего остального. Для нея смазливое лицо замѣняетъ здравый смыслъ, а изящная фигура—всѣ прочія добродѣтели.

Миссъ Гардкэстль. Надѣюсь, сэръ, что разговоръ, начавшійся съ комплимента моему здравому смыслу, не кончится насмѣшкой надъ моимъ умомъ?

Гардкэстль. Прости меня, Кэтъ! Если юный нахалъ найдетъ тайну примирить всѣ противорѣчія, онъ еще, пожалуй, можетъ понравиться намъ обоимъ.

Миссъ Гардкэстль. А такъ какъ кто-нибудь изъ насъ непремѣнно ошибается, не попытаться ли намъ сдѣлать еще нѣсколько новыхъ открытій?

Гардкэстль. Согласенъ. Только повѣрь, что я правъ.

Миссъ Гардкэстль. Ну, и вы повѣрьте, что я тоже не очень заблуждаюсь.

(Уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Тони *(вбѣгаетъ съ шкатулкой въ рукѣ).*

Тони. Добылъ же я ихъ наконецъ! Вотъ они! Ожерелья моей кузины Конъ, серьги и все прочее! Не отниметъ моя маменька у этихъ бѣдняжекъ ихъ состояніе! О, Господи! Вы ли это?

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Тони и Гэстингсъ.

Гэстингсъ. Милый другъ, какъ уладили вы все съ вашей матерью? Надѣюсь, вы порадовали ее, притворившись влюбленнымъ въ вашу кузину и готовымъ примириться съ ней? Лошади наши скоро отдохнутъ, и мы тотчасъ же отправимся въ путь.

Тони. А вотъ что поможетъ вамъ покрыть дорожные расходы. *(Отдаетъ ему шкатулку).* Это брилліанты вашей возлюбленной. Сберегите ихъ, и да погибнутъ всѣ, кто захочетъ ихъ у васъ отнять!

Гэстингсъ. Но какъ получили вы ихъ отъ матери?

Тони. Не предлагайте мнѣ вопросовъ, и я не скажу вамъ лжи. Получилъ я ихъ съ помощью вотъ этихъ пальцевъ. Да еслибъ у меня не было ключа къ каждому ящику въ маменькиной конторкѣ, могъ ли бы я ходить въ пивную такъ часто, какъ теперь? Честный человѣкъ имѣетъ во всякое время право украсть у самого себя то, что ему принадлежитъ.

Гэстингсъ. Тысячи людей поступаютъ такъ ежедневно. Но, чтобъ говорить съ вами откровенно, въ эту самую минуту миссъ Нэвилль дѣлаетъ попытку получить брилліанты отъ своей тетушки. Если это ей удастся, это будетъ самымъ деликатнымъ способомъ ихъ добыть.

Тони. Ну, оставьте ихъ у себя, пока не узнаете, какъ удалось дѣло. Только я отлично знаю, какъ все будетъ. Мать скорѣе разстанется съ своимъ единственнымъ здоровымъ зубомъ.

Гэстингсъ. Боюсь ея раздраженія, когда она замѣтитъ, что лишилась брилліантовъ.

Тони. Не заботьтесь о ея раздраженіи: поручите мнѣ вѣдаться съ этимъ. Я столько же цѣню ея гнѣвъ, какъ щелканье хлопушки. Чортъ возьми! Вотъ и онѣ! Удирайте!

(Гэстингсъ уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тони, *входятъ* **миссисъ Гарднэстль и миссъ Нэвилль.**

Миссисъ Гарднэстль. Право, Констанція, ты меня удивляешь! Такая дѣвочка, какъ ты, и вдругъ брилліанты. Настанетъ время для нихъ лѣтъ черезъ двадцать, когда твоя красота будетъ требовать поправки.

Миссъ Нэвилль. Но то, что можетъ поправить красоту въ сорокъ лѣтъ, конечно, увеличитъ ее въ двадцать.

Миссисъ Гарднэстль. Твоя красота, моя милая, въ этомъ не нуждается. Этотъ природный румянецъ выше тысячи украшеній. Къ тому же, дитя мое, брилліанты теперь совсѣмъ не въ модѣ. Развѣ ты не видишь, что половина нашихъ дамъ, милэди Киль-Дейлейтъ, миссисъ Крэмпъ и всѣ прочія, отвозятъ свои брилліанты въ городъ и возвращаются оттуда только со стразами?

Миссъ Нэвилль. Какъ знать, быть можетъ, кто-нибудь, кого мы не назовемъ, предпочтетъ видѣть меня во всемъ моемъ маленькомъ убранствѣ.

Миссисъ Гарднэстль. Посовѣтуйся съ своимъ зеркаломъ и ты убѣдишься, нужны ли тебѣ при такой парѣ глазъ еще какія-нибудь блестки. Какъ ты думаешь, Тони, мой милый? Нужны ли по твоему кузинѣ Конъ алмазы, чтобъ оттѣнить красоту?

Тони. Это потомъ окажется.

Миссъ Нэвилль. Милая тетя, еслибъ вы знали, какое удовольствіе вы мнѣ сдѣлаете!

Миссъ Гарднэстль. Вѣдь это горсть старомодныхъ розетокъ и брилліантовъ съ плоской гранью. Да ты будешь походить въ нихъ на дворъ царя Соломона въ кукольномъ театрѣ. Къ тому же я не скоро найду ихъ. Можетъ быть, они пропали, почемъ я знаю!

Тони *(къ миссисъ Гарднэстль).* Такъ зачѣмъ не говоришь ты ей этого прямо, если она за ними такъ гонится? Скажи ей, что они потеряны. Это единственный способъ ее успокоить. Скажи, что они пропали, и призови меня въ свидѣтели.

Миссисъ Гарднэстль *(Тони).* Вѣдь ты знаешь, мой милый, что я берегу ихъ только для тебя. Значитъ, если я скажу, что они пропали, ты будешь моимъ свидѣтелемъ, не такъ ли? Ха-ха-ха!

Тони. Меня ты не бойся! Я, ей-Богу, скажу, что собственными глазами видѣлъ, какъ ихъ брали.

Миссъ Нэвилль. Они нужны мнѣ лишь на одинъ день. Только для того, чтобъ показать ихъ, а потомъ ихъ можно опять убрать.

Миссисъ Гарднэстль. Скажу откровенно, дорогая Констанція, еслибъ я могла ихъ найти, я дала бы ихъ тебѣ. Ихъ нѣтъ у меня, увѣряю тебя. По всему вѣроятію, они пропали, но, гдѣ бы они ни были, мы должны перенести это терпѣливо.

Миссъ Нэвилль. Не вѣрю. Это только пустой предлогъ, чтобы отказать мнѣ. Я знаю, они слишкомъ цѣнны, чтобъ ихъ можно было хранить такъ небрежно, а такъ какъ вы отвѣчаете за пропажу...

Миссисъ Гарднэстль. Не пугайся, Констанція. Если брилліанты пропали, я должна замѣнить ихъ. Но сынъ мой знаетъ, что ихъ нѣтъ и найти нельзя!

Тони. Могу это засвидѣтельствовать. Ихъ нѣтъ, и найти ихъ нельзя. Готовъ въ этомъ поклясться.

Миссисъ Гарднэстль. Ты должна покориться судьбѣ, моя милая. Если мы теряемъ богатство, мы не должны терять и терпѣнія. Посмотри, какъ я покойна!

Миссъ Нэвилль. Да, люди обыкновенно очень покойно переносятъ чужія несчастія.

Миссисъ Гарднэстль. Право, удивляюсь, какъ это такая умная дѣвушка можетъ думать о подобныхъ пустякахъ! Мы скоро найдемъ брилліанты, а пока ты можешь носить мои гранаты.

Миссъ Нэвилль. Терпѣть не могу гранатъ!

Миссисъ Гарднэстль. Лучшая вещь на свѣ-

тѣ, чтобъ оттѣнять хорошій цвѣтъ лица! Ты часто видала, какъ они красивы на мнѣ. Ты ихъ возьмешь. *(Уходитъ.)*

Миссъ Нэвилль. Больше всего на свѣтѣ терпѣть ихъ не могу! Не уходи, Тони. Ну можетъ ли что-нибудь быть досаднѣе! Потеряла мои брилліанты и хочетъ заставить меня носить ея дрянь!

Тони. Не будь глупа! Если она даетъ тебѣ гранаты, бери все, что можешь получить. Брилліанты и теперь твои. Я укралъ ихъ изъ ея конторки, и она этого не знаетъ. Лети къ твоему милому. Онъ скажетъ тебѣ всѣ подробности. Предоставь мнѣ съ ней справиться.

Миссъ Нэвилль. Милый кузенъ!

Тони. Улетучивайся! Вотъ она! Она уже хватилась брилліантовъ!

(Миссъ Нэвиллъ уходитъ.)

Тони. Чортъ возьми, какъ она вертится и брызжетъ,—словно колесо въ фейерверкѣ!

ЯВЛЕНІЕ 6 е.

Тони, *входитъ* **миссисъ Гарднэстль.**

Миссисъ Гарднэстль. Бѣда! воры! грабители! Мы обмануты, обобраны, погибли! Сдѣлали взломъ!

Тони. Что такое, что такое, мама? Надѣюсь, ничего не случилось съ кѣмъ-нибудь изъ милой нашей семьи?

Миссисъ Гарднэстль. Мы ограблены. Конторку взломали, унесли брилліанты, и я пропала.

Тони. О, только-то! Ха ха-ха! Клянусь, никогда не видывалъ я лучшей игры. Я, право, вообразилъ, что ты въ самомъ дѣлѣ разорена, ха-ха-ха!

Миссисъ Гарднэстль. Да я и вправду разорена! Моя конторка взломана, и все унесено!

Тони. Настаивай на этомъ, настаивай! Я тебѣ свидѣтель, помни это! Зови меня въ свидѣтели!

Миссисъ Гарднэстль. Увѣряю тебя всѣмъ, что мнѣ дорого, Тони: брилліанты исчезли, и я навѣки погибла.

Тони. Да я знаю, что они исчезли, и что я долженъ это говорить.

Миссисъ Гарднэстль. Дорогой Тони, выслушай меня. Они пропали, увѣряю тебя.

Тони. Честное слово, мама, ты смѣшишь меня, ха-ха-ха! Я довольно-таки хорошо знаю, кто ихъ взялъ, ха-ха-ха!

Миссисъ Гарднэстль. Ну, видывалъ ли кто такого болвана! Не можетъ различить шутки отъ серьезнаго. Повторяю тебѣ, я не шучу, дуракъ!

Тони. Отлично, отлично! Ты должна придти въ страшную ярость, и тогда никто не заподозритъ никого изъ насъ. Я свидѣтель, что брилліанты пропали.

Миссисъ Гарднэстль. Ну, что за грубое животное! Слышать ничего не хочетъ! Можешь засвидѣтельствовать, что ты дуракъ! Есть ли на свѣтѣ другая бѣдная женщина, окруженная съ одной стороны глупцами, а съ другой—ворами?

Тони. И это могу засвидѣтельствовать.

Миссисъ Гарднэстль. Засвидѣтельствуй еще что-нибудь, болванъ, и я тотчасъ же выгоню тебя изъ комнаты! Бѣдная племянница! что станется съ ней? Да что ты смѣешься, безчувственное животное, точно ты наслаждаешься моимъ горемъ?

Тони. Я могу это засвидѣтельствовать.

Миссисъ Гарднэстль. Ты хочешь меня оскорбить, чудовище! Я научу тебя сердить мать, научу!

Тони. Могу и это засвидѣтельствовать. *(Убѣгаетъ, она за нимъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Миссъ Гарднэстль *входитъ со служанкой.*

Миссъ Гарднэстль. Что за непостижимое существо мой братъ! Послать ихъ въ этотъ домъ, какъ въ гостинницу! Ха-ха-ха! Не удивляюсь ихъ безцеремонности!

Служанка. Всего лучше то, что когда вы проходили мимо въ вашемъ теперешнемъ нарядѣ, молодой баринъ принялъ васъ за служанку. Такъ-таки за служанку!

Миссъ Гарднэстль Неужели? Въ такомъ случаѣ, обѣщаю оставить его въ этомъ заблужденіи. Скажи мнѣ, Пимпль, какъ тебѣ нравится мой туалетъ? Не находишь ли ты, что я похожа на Черри въ «Продѣлкахъ красавца»?

Служанка. Это такой нарядъ, который въ нашихъ краяхъ носятъ всѣ дамы, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда они дѣлаютъ или принимаютъ визиты.

Миссъ Гарднэстль. И ты увѣрена, что мистеръ Марло не помнитъ моего лица, или моей фигуры?

Служанка. Вполнѣ увѣрена.

Миссъ Гарднэстль. Честное слово, и я такъ думаю, хотя мы бесѣдовали съ нимъ довольно долго. Страхъ его былъ такъ великъ, что онъ ни разу не поднялъ глазъ во все продолженіе свиданія. Да еслибъ онъ и взглянулъ, шляпа моя помѣшала бы ему меня разсмотрѣть.

Служанка. Но на что надѣетесь вы, оставляя его въ этомъ заблужденіи?

Миссъ Гарднэстль. Во-первыхъ, онъ меня увидитъ, а это уже не малая выгода для дѣвушки, выставляющей свое личико на показъ. Затѣмъ я, быть можетъ, пріобрѣту знакомство, и это не маловажная побѣда надъ человѣкомъ, который никогда не знается ни съ кѣмъ, кромѣ

самыхъ бойкихъ представительницъ нашего пола. Но главная моя цѣль застать этого господина врасплохъ и, какъ дѣлаютъ невидимые борцы въ романахъ, изучить силы великана, прежде чѣмъ вызвать его на бой.

Служанка. Увѣрены ли вы, что можете сыграть вашу роль и измѣнить голосъ настолько, чтобъ молодой человѣкъ его не узналъ, какъ онъ ошибся уже насчетъ вашей личности?

Миссъ Гардкэстль. Не бойся; мнѣ кажется, я усвоила себѣ настоящій говоръ буфетчицы изъ таверны. «Ваша милость изволили звать?» «Эй, займитесь же Львомъ!» «Трубокъ и табаку для Ангела!» «Ягненокъ бушуетъ уже съ полчаса!»

Служанка. Отлично, сударыня! Но вотъ и онъ! *(Служанка уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Входитъ **Марло.**

Марло. Что за шумъ во всемъ домѣ! Просто минуты покоя нѣтъ! Войду ли я въ гостиную, я нахожу тамъ хозяина съ его разсказами; бѣгу ли на галлерею, тамъ хозяйка присѣдаетъ до земли. Наконецъ-то я нашелъ свободную минуту и могу предаться размышленіямъ! *(Ходитъ въ раздумьи.)*

Миссъ Гардкэстль. Вы звали, сэръ? Ваша милость изволили звать?

Марло *(все еще погруженный въ свои мысли).* Что касается миссъ Гардкэстль, она слишкомъ серьезна и сентиментальна для меня.

Миссъ Гардкэстль. Ваша милость изволили звать? *(Становится передъ нимъ; онъ отворачивается.)*

Марло. Нѣтъ, дитя мое *(Продолжаетъ думать).* Къ тому же, насколько я могъ разглядѣть, она, кажется, коситъ.

Миссъ Гардкэстль. Я увѣрена, что слышала звонокъ, сэръ!

Марло. Нѣтъ, нѣтъ. *(Размышляетъ).* Я доставилъ удовольствіе своему отцу, пріѣхавъ сюда, а завтра доставлю удовольствіе себѣ, вернувшись домой. *(Беретъ изъ кармана записную книжку и изучаетъ ее).*

Миссъ Гардкэстль. Быть можетъ, другой господинъ звалъ, сэръ?

Марло. Говорю вамъ, что нѣтъ!

Миссъ Гардкэстль. Я была бы очень рада это знать, сэръ! У насъ такое множество слугъ.

Марло. Да нѣтъ же, нѣтъ, повторяю вамъ. *(Глядитъ ей прямо въ лицо).* Да, дитя, мнѣ кажется, я звалъ. Я хотѣлъ..... хотѣлъ.... честное слово, душечка, ты прехорошенькая!

Миссъ Гардкэстль. Что это вы, сэръ! Мнѣ стыдно.

Марло. Никогда не видывалъ я болѣе блестящихъ, лукавыхъ глазокъ. Да, да милая, я звалъ. Есть ли у васъ еще... немного.... Какъ зовете вы это здѣсь въ домѣ?

Миссъ Гардкэстль. Нѣтъ, сэръ, все это уже вышло у насъ десять дней тому назадъ.

Марло. Видно, у васъ можно звать безъ большой пользы для себя. Что, еслибъ я зналъ тебя, чтобъ отвѣдать, такъ, въ видѣ опыта, нектара твоихъ губокъ? Быть можетъ, и въ этомъ я потерпѣлъ бы неудачу?

Миссъ Гардкэстль. Нектаръ! нектаръ! На этотъ ликеръ нѣтъ спроса въ нашихъ краяхъ. Французскій, должно быть? Мы не торгуемъ французскими винами, сэръ.

Марло. Чисто англійскаго происхожденія, увѣряю тебя.

Миссъ Гардкэстль. Странно, въ такомъ случаѣ, что я его не знаю. Мы дѣлаемъ всевозможныя вина въ этомъ домѣ, а я живу здѣсь вотъ ужъ восемнадцать лѣтъ.

Марло. Восемнадцать лѣтъ? Можно бы думать, что ты стояла за прилавкомъ еще до твоего рожденія. Сколько же тебѣ лѣтъ?

Миссъ Гардкэстль. О, сэръ, я не должна говорить вамъ своихъ лѣтъ. Увѣряютъ, будто ни музыкѣ, ни женщинамъ не слѣдуетъ имѣть возраста.

Марло. Если судить на такомъ разстояніи, тебѣ не можетъ быть много больше сорока. *(Приближается.)* Если стать поближе, и столько не будетъ! *(Еще приближается.)* Когда стоишь рядомъ съ иными женщинами, онѣ кажутся еще моложе, но если мы придвинемся очень близко. *(Пытается поцѣловать ее.)*

Миссъ Гардкэстль. Оставайтесь подальше, сэръ. Право, можно подумать, что вы хотите узнать мои годы, какъ дѣлаютъ у лошадей, по зубамъ.

Марло. Увѣряю тебя, дитя, ты обращаешься со мною ужасно дурно. Если ты будешь держать меня на такомъ разстояніи, какъ же намъ познакомиться?

Миссъ Гардкэстль. Да кому нужно съ вами знакомиться? По крайней мѣрѣ я ни чуточки этого не желаю. Я увѣрена, что вы не такъ бойко обращались съ миссъ Гардкэстль, которая только что была здѣсь. Передъ ней вы навѣрно конфузились, раскланивались до земли и говорили ни дать, ни взять, точно передъ мировымъ судьей.

Марло *(въ сторону).* Чортъ возьми, ловко попала! *(Къ ней.)* Чтобъ я боялся миссъ Гардкэстль, душечка? Ха-ха-ха! Боялся неловкой, косой дѣвчонки? Нѣтъ! Вижу, ты меня не знаешь! Я смѣялся и подшучивалъ надъ ней, только, конечно, не хотѣлъ быть слишкомъ суровымъ. Нѣтъ, чортъ возьми, я не могъ быть суровымъ.

Миссъ Гардкэстль. Въ такомъ случаѣ, сэръ, вы, должно быть, большой любимецъ дамъ?

Марло. Да, милашка, большой любимецъ. И, однако, провалиться на мѣстѣ, если я знаю, что ихъ ко мнѣ притягиваетъ. Въ городѣ, въ Дамскомъ клубѣ, онѣ зовутъ меня своей любезной Трещоткой. Трещотка не настоящее мое имя, но меня знаютъ и подъ этимъ названіемъ. Мое имя Соломонсъ; мистеръ Соломонсъ, моя милая, къ вашимъ услугамъ *(Хочетъ поцѣловать ее)*.

Миссъ Гардкэстль. Остановитесь, сэръ. Вы хотѣли меня познакомить съ вашимъ клубомъ, а не съ собою. Вы говорите, что васъ очень любятъ тамъ?

Марло. Да, милая. Миссисъ Мэнтрепъ, лэди Бетти Блэклегъ, графиня Слайго, миссисъ Ленкгорнсъ, старая миссъ Бидди Бэкскинъ и вашъ покорнѣйшій слуга — мы задаемъ въ клубѣ тонъ.

Миссъ Гардкэстль. Въ такомъ случаѣ это, должно быть, превеселое мѣсто.

Марло. Да, насколько карты, ужины, вино и старухи могутъ сдѣлать его веселымъ.

Миссъ Гардкэстль. И милая Трещотка также, ха-ха-ха!

Марло *(въ сторону)*. Эта штучка мнѣ не очень нравится! Мнѣ кажется, она себѣ на умѣ! *(Вслухъ.)* Ты смѣешься, дитя?

Миссъ Гардкэстль. Не могу не смѣяться, когда вспомню, сколько у нихъ остается времени для того, чтобъ заботиться о дѣлахъ или семействахъ.

Марло *(въ сторону)*. Прекрасно! Она не надо мной смѣется! *(Къ ней)*. Работаешь ты когда нибудь, дитя?

Миссъ Гардкэстль. Еще бы! Нѣтъ ширмы или покрывала во всемъ домѣ, которыя не могли бы свидѣтельствовать объ этомъ.

Марло. Вотъ какъ! Въ такомъ случаѣ ты должна показать мнѣ свое вышиванье. Я самъ немного вышиваю и рисую узоры. Если тебѣ нуженъ цѣнитель для твоего рукодѣлія, обратись ко мнѣ *(Хватаетъ ее за руку)*.

Миссъ Гардкэстль. Да, но цвѣта не хороши при свѣчахъ. Вы все увидите поутру. *(Старается высвободиться.)*

Марло. Отчего же не теперь, мой ангелъ? Твоя красота воспламеняетъ такъ, что противиться ей нельзя. — Чортъ возьми! вотъ отецъ! Вѣчное мое счастье! *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Входитъ **Гардкэстль** *и останавливается въ изумленіи.*

Гардкэстль. Такъ-то, сударыня! Вотъ каковъ вашъ скромный возлюбленный! Это вашъ смиренный поклонникъ, глазъ не подымающій отъ земли и преклоняющійся передъ вами только издали? Кэтъ, Кэтъ! Не стыдно ли тебѣ такъ обманывать отца?

Миссъ Гардкэстль. Не вѣрьте мнѣ, пожалуй, милый папа, но онъ остается тѣмъ самымъ скромнымъ человѣкомъ, за котораго я его приняла сначала. Вы скоро такъ же убѣдитесь въ этомъ, какъ и я.

Гардкэстль. Да отсохни моя рука, если его наглость незаразительна. Развѣ я не видѣлъ, какъ онъ схватилъ тебя за руку, какъ онъ дергалъ тебя, точно простую молочницу? А ты еще толкуешь о его скромности и уваженіи! Нечего сказать!

Миссъ Гардкэстль. Но если мнѣ вскорѣ удастся убѣдить васъ, что онъ скроменъ и что его недостатки пройдутъ современемъ, а добродѣтели усилятся съ годами, — надѣюсь, вы его простите?

Гардкэстль. Да эта дѣвчонка просто сведетъ меня съ ума! Говорю тебѣ, я не желаю, чтобъ меня убѣждали. Я уже убѣжденъ. Всего только три часа, какъ онъ въ домѣ, и онъ уже посягнулъ на всѣ мои привиллегіи. Ты можешь одобрять его дерзость и звать ее скромностью, но мой зять, сударыня, долженъ обладать совсѣмъ иными качествами.

Миссъ Гардкэстль. Сэръ, для того, чтобъ убѣдить васъ, прошу дать мнѣ всего только этотъ вечеръ.

Гардкэстль. И половины этого времени тебѣ не достанется! Я хочу сейчасъ же выпроводить Марло вонъ!

Миссъ Гардкэстль. Такъ дайте мнѣ хоть этотъ часъ, и я надѣюсь васъ удовлетворить.

Гардкэстль. Хорошо. Но я не позволю тебѣ шутить съ отцомъ! Чтобъ все было честно и открыто, понимаешь?

Миссъ Гардкэстль. Надѣюсь, сэръ, вы всегда видѣли, что исполненіе вашихъ приказаній моя гордость. Вы такъ добры ко мнѣ, что до сихъ поръ мой долгъ и мои склонности постоянно шли рука объ руку *(Уходитъ)*.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Входятъ **Гэстингсъ и миссъ Нэвилль.**

Гэстингсъ. Ты удивляешь меня! Сегодня вечеромъ сюда ждутъ сэра Чарльза Марло? Откуда взяла ты эти свѣдѣнія?

Миссъ Нэвилль. Можешь на нихъ положиться. Я сейчасъ видѣла письмо сэра Чарльза къ мистеру Гардкэстлю. Въ немъ онъ сообщаетъ, что выѣзжаетъ черезъ нѣсколько часовъ послѣ сына.

Гэстингсъ. Въ такомъ случаѣ, Констанція,

все должно быть кончено до его пріѣзда. Онъ меня знаетъ, и, если застанетъ меня здѣсь, откроетъ мое имя, а быть можетъ и мои намѣренія всѣмъ членамъ семьи.

Миссъ Нэвилль. Надѣюсь, брилліанты въ цѣлости?

Гэстингсъ. Да, да! Я послалъ ихъ Марло. У него ключи отъ нашего багажа. А теперь я пойду приготовлять все для бѣгства. Я уже заручился обѣщаніемъ сквайра дать мнѣ пару лошадей, а если я съ нимъ больше не встрѣчусь, я напишу ему дальнѣйшія инструкціи

Миссъ Нэвилль. Ну, желаю тебѣ успѣха. А пока я позабавлю тетушку, по прежнему прикидываясь страстно влюбленной въ кузена. *(Уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Входятъ **Марло со слугою.**

Марло. Не понимаю, что имѣлъ въ виду Гэстингсъ, посылая мнѣ на храненіе такой цѣнный предметъ, какъ шкатулка, когда онъ знаетъ, что единственное, чѣмъ я располагаю, это мѣсто въ почтовой каретѣ! Отдалъ ли ты шкатулку хозяйкѣ, какъ я тебѣ приказывалъ? Прямо ей на руки сдалъ?

Слуга. Да, ваша милость.

Марло. И она обѣщала хранить ее, не такъ ли?

Слуга. Да, она сказала, что не выпуститъ изъ рукъ шкатулки, потомъ спросила, какъ она ко мнѣ попала, и прибавила, что очень хотѣла бы заставить меня объяснить кое что насчетъ меня самого *(Уходитъ)*.

Марло. Ха-ха-ха! По крайней мѣрѣ хоть брилліанты цѣлы. Въ какую непонятную компанію попали мы! Однако, эта маленькая служанка не выходитъ у меня изъ головы и выгоняетъ изъ нея мысль о нелѣпостяхъ всего остального семейства. Она моя; она должна быть моей, или ужъ я совсѣмъ ошибаюсь.

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Входитъ **Гэстингсъ.**

Гэстингсъ. Чортъ возьми, совершенно забылъ сказать миссъ Нэвилль, что всѣ приготовленія будутъ сдѣланы въ концѣ сада! А, Марло здѣсь, да еще въ веселомъ настроеніи!

Марло. Поздравь меня, Джорджъ! Увѣнчай меня лаврами, засыпь меня ими! Ну, Джорджъ, выходитъ на повѣрку, что мы, скромники, не лишены успѣха у женщинъ.

Гэстингсъ. У нѣкоторыхъ женщинъ, хочешь ты сказать. Но какими успѣхами увѣнчалась скромность твоей милости, что она становится такъ дерзка?

Марло. Не видалъ ли ты соблазнительнаго, маленькаго, живого, очаровательнаго созданья, которое бѣгаетъ по дому съ связкой ключей за поясомъ?

Гэстингсъ. Ну, такъ что жъ?

Марло. Оно мое, плутъ ты этакій! Что за огонь, что за движенія, что за глаза, губки! Только, чортъ возьми, дѣвчонка не хотѣла позволить мнѣ ихъ поцѣловать!

Гэстингсъ. Но увѣренъ ли ты въ ней, вполнѣ ли увѣренъ?

Марло. Да, другъ мой, она обѣщала показать мнѣ наверху свою работу, а я долженъ исправить узоръ.

Гэстингсъ. Но какъ можешь ты, Чарльзъ, украсть честь у женщины?

Марло. Вотъ вздоръ! Мы всѣ знаемъ, что такое честь служанки въ гостиницѣ. Даю тебѣ слово, что я ничего не собираюсь красть. Въ этомъ домѣ нѣтъ ни одной вещи, за которую я не расплатился бы добросовѣстно.

Гэстингсъ. Мнѣ кажется, эта дѣвушка добродѣтельна.

Марло. Если это такъ, я менѣе кого бы то ни было попытаюсь ее совратить.

Гэстингсъ. Надѣюсь, ты позаботился о шкатулкѣ, которую я послалъ тебѣ? Сохранна ли она?

Марло. Да, да. Вполнѣ сохранна. Насчетъ этого я ужъ принялъ мѣры. Но какъ могъ ты счесть уголокъ подъ сидѣньемъ почтовой кареты безопаснымъ мѣстомъ? Ахъ ты, простота! Я позаботился о тебѣ, больше чѣмъ ты самъ. Я....

Гэстингсъ. Что?

Марло. Я отправилъ брилліанты къ хозяйкѣ, чтобъ она ихъ убрала.

Гэстингсъ. Къ хозяйкѣ?

Марло. Къ хозяйкѣ.

Гэстингсъ. Ты это сдѣлалъ?

Марло. Сдѣлалъ. Она отвѣчаетъ теперь за ихъ цѣлость.

Гэстингсъ. Да, безъ свидѣтелей она ихъ ужъ не отдастъ!

Марло. Не правъ ли я былъ? Ты согласишься, я полагаю, что я поступилъ въ этомъ случаѣ очень осторожно?

Гэстингсъ *(въ сторону)*. Онъ не долженъ видѣть моей тревоги.

Марло. Мнѣ кажется, однако, что ты нѣсколько смущенъ? Надѣюсь, ничего не случилось?

Гэстингсъ. Нѣтъ, ничего. Никогда не былъ я веселѣе во всю мою жизнь. Итакъ, ты оставилъ брилліанты у хозяйки, и она, навѣрно, очень охотно приняла на себя обязанность ихъ хранить?

Марло. Даже черезчуръ охотно. Она не только оставила у себя ларчикъ, но, отъ избытка осторожности, хотѣла задержать и посланнаго. Ха-ха-ха!

Гэстингсъ. Хи-хи-хи! По крайней мѣрѣ они въ безопасности.

Марло. Какъ гинея въ кошелькѣ скупого.

Гэстингсъ *(въ сторону)*. Значитъ, те-

перь конецъ всѣмъ надеждамъ на богатство; приходится пуститься въ путь безъ него. *(Къ Марло.)* Ну, Чарльзъ, оставлю тебя мечтать о хорошенькой буфетчицѣ и... хи-хи-хи! Будь такъ же счастливъ въ собственныхъ дѣлахъ, какъ ты былъ въ моихъ *(Уходитъ)*.

Марло. Спасибо, Джорджъ. Ничего большаго мнѣ и не нужно. Ха-ха-ха!

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Входитъ **Гардкэстль**.

Гардкэстель. Я не узнаю больше своего дома. Все перевернулось вверхъ дномъ. Слуги Марло уже перепились. Не хочу терпѣть этого болѣе, но изъ уваженія къ его отцу останусь спокоенъ. *(Къ Марло.)* Вашъ слуга, мистеръ Марло, вашъ покорнѣйшій слуга. *(Низко кланяется)*.

Марло. Сэръ, вашъ покорнѣйшій слуга. *(Въ сторону.)* Что затѣваетъ онъ?

Гардкэстль. Вы понимаете, я полагаю, сэръ, что ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ не можетъ быть здѣсь болѣе пріятнымъ гостемъ, чѣмъ сынъ вашего отца? Надѣюсь, вы такъ думаете?

Марло. Вполнѣ въ этомъ убѣжденъ, сэръ. Я не нуждаюсь въ увѣреніяхъ. Я обыкновенно считаю сына моего отца пріятнымъ гостемъ всюду, гдѣ бы онъ ни появлялся.

Гардкэстль. Не сомнѣваюсь, что вы это дѣлаете, сэръ. Но хотя я и ничего не говорю противъ вашего собственнаго обращенія,—поведеніе вашихъ слугъ нестерпимо. Ихъ привычка пить даетъ всему дому прескверный примѣръ, увѣряю васъ.

Марло. А я утверждаю, мой дорогой сэръ, что это не моя вина. Если они пьютъ не такъ, какъ слѣдуетъ, они заслуживаютъ порицанія. Я приказалъ имъ не щадить подвала *(Говоритъ за кулисы)*. Послушайте, скажите одному изъ моихъ слугъ придти сюда *(Къ Гардкэстлю)*. Самъ я не пью и велѣлъ имъ вознаградить васъ за этотъ недостатокъ.

Гардкэстль. Значитъ, они дѣйствовали по вашему распоряженію. Этого съ меня довольно.

Марло. По моему распоряженію, увѣряю васъ. Вы сейчасъ услышите это отъ одного изъ нихъ.

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Входитъ **слуга** *пьяный*.

Марло. Ну, Іеремія, покажись-ка, плутъ! Что приказывалъ я вамъ? Не говорилъ ли я, чтобъ вы пили въ волю и требовали на пользу хозяина все, что вамъ заблагоразсудится?

Гардкэстль *(въ сторону)*. Я начинаю терять терпѣніе.

Іеремія. Ваша милость, да здравствуетъ на вѣкъ свобода и Флитъ-стритъ! Хотя я только слуга, я такой же человѣкъ, какъ и всѣ. Ни для кого не стану я пить до ужина, чортъ меня побери! Хорошій напитокъ найдетъ себѣ мѣсто послѣ сытной ѣды, но хорошій ужинъ не умѣщается послѣ... *(Икаетъ.)* Честное слово, сэръ...

Марло. Видите, другъ мой, этотъ негодяй такъ пьянъ, какъ только можетъ быть. Не знаю, чего вы еще требуете, если только не желаете утопить бѣднаго малаго въ бочкѣ пива.

Гардкэстль. Я просто съ ума сойду, если стану долѣе сдерживаться! Мистеръ Марло... сэръ... вотъ уже болѣе четырехъ часовъ, какъ я сношу ваши дерзости и не предвижу имъ конца. Теперь я желаю быть здѣсь хозяиномъ, сэръ, и требую, чтобъ вы и ваша пьяная ватага немедленно покинула мой домъ.

Марло. Покинуть вашъ домъ?.. Вы вѣрно шутите, другъ мой? Какъ? Когда я дѣлаю все, что могу, чтобъ вамъ угодить?

Гардкэстль. Увѣряю васъ, сэръ, вы мнѣ не угождаете! Итакъ, я требую, чтобъ вы покинули мой домъ!

Марло. Вы, конечно, говорите не серьезно! Въ ночную пору, да еще въ такую ночь? Вы только желаете посмѣяться надо мной?

Гардкэстль. Вѣрьте, сэръ, я говорю вполнѣ серьезно. Теперь, когда во мнѣ все кипитъ, я вамъ повторяю, что этотъ домъ мой, сэръ, онъ мой, и я приказываю вамъ немедленно его очистить.

Марло. Ха ха-ха! Буря въ лужѣ! Шагу не шагну, увѣряю васъ *(Говоритъ серьезно)*. Вы утверждаете, что это вашъ домъ? Онъ мой. Это мой домъ! Мой, пока я пожелаю въ немъ оставаться. По какому праву приказываете вы мнѣ его покинуть, сэръ? Никогда не видывалъ я еще такой наглости, чортъ возьми, никогда во всю мою жизнь!

Гардкэстль. И я также. Разрази меня Господь, если я когда либо встрѣчалъ что нибудь подобное! Явиться въ мой домъ, требовать, что вздумается, согнать меня съ моего собственнаго кресла, оскорблять семью, приказывать слугамъ напиваться пьяными, и потомъ говорить мнѣ: «этотъ домъ мой, сэръ»! Клянусь всѣмъ, что есть наглаго на свѣтѣ, это меня смѣшитъ! Ха-ха-ха! *(Насмѣшливо)*. Послушайте, сэръ, такъ какъ вы берете домъ, что скажете вы насчетъ обстановки? Вотъ пара серебряныхъ подсвѣчниковъ, вотъ экранъ, вотъ мѣхи съ мѣдными концами. Можетъ быть, и они вамъ нравятся?

Марло. Подайте мнѣ счетъ, сэръ, подайте, и ни слова болѣе!

Гардкэстль. Вотъ еще коллекція гравюръ. Что сказали бы вы о «Карьерѣ Развратника» для вашей собственной спальни?

Марло. Подавайте счетъ, говорю я, и я тотчасъ же разстанусь съ вами и съ вашимъ проклятымъ домомъ.

Гардкэстль. А вотъ еще столъ краснаго дерева, въ которомъ вы можете видѣть ваше собственное лицо.

Марло. Счетъ, повторяю я!

Гардкэстль. Я забылъ про большое кресло, гдѣ вы можете дремать послѣ сытнаго обѣда.

Марло. Подайте счетъ, и ни слова болѣе.

Гардкэстль. Молодой человѣкъ, молодой человѣкъ, по письму вашего отца, я ожидалъ видѣть своимъ гостемъ скромнаго, благовоспитаннаго юношу, а вижу только нахала и забіяку! Но отецъ вашъ скоро будетъ здѣсь и все узнаетъ. *(Уходитъ)*.

Марло. Что же это такое? Ужъ не ошибся ли я насчетъ дома? Все, однако, похоже на гостинницу. Когда зовешь слугъ, они откликаются; приближаясь, прислуживаютъ неловко. И буфетчица есть къ нашимъ услугамъ. Вотъ и она! Сейчасъ она мнѣ все объяснитъ. Куда спѣшишь ты, дитя? На пару словъ!

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Входитъ **миссъ Гардкэстль**.

Миссъ Гардкэстль. Говорите скорѣе! Я тороплюсь *(Въ сторону)*. Кажется, онъ догадывается о своемъ заблужденіи. Но еще рано открывать ему все.

Марло. Пожалуйста, милая, отвѣть мнѣ на одинъ вопросъ. Кто ты и чѣмъ занимаешься въ этомъ домѣ?

Миссъ Гардкэстль. Я бѣдная родственница, сэръ.

Марло. Что? бѣдная родственница?

Миссъ Гардкэстль. Да, сэръ. Бѣдная родственница, приставленная къ ключамъ и обязанная смотрѣть, чтобъ гости не нуждались ни въ чемъ, что я могу имъ дать.

Марло. Это значитъ, ты буфетчица въ этой гостинницѣ?

Миссъ Гардкэстль. Гостинницѣ? Господи! Да что это вамъ вздумалось? Чтобъ одно изъ лучшихъ семействъ въ здѣшней мѣстности содержало гостинницу? Ха-ха-ха! Домъ стараго мистера Гардкэстля — гостинница!

Марло. Домъ мистера Гардкэстля? Это домъ мистера Гардкэстля?

Миссъ Гардкэстль. Да, конечно, а то чей же?

Марло. Теперь все ясно, и меня безсовѣстно обманули. Чортъ побери мою глупую голову! Меня весь городъ поднимете на смѣхъ! Меня выставятъ въ карикатурѣ во всѣхъ книжныхъ лавкахъ! Изъ всѣхъ домовъ на свѣтѣ принять именно этотъ за гостинницу, а стараго друга моего отца за ея содержателя! Какимъ нахальнымъ щенкомъ долженъ онъ меня считать! Какимъ глупымъ щенкомъ считаю я себя самъ! Провалиться мнѣ на мѣстѣ, милая, если я не принялъ васъ за буфетчицу!

Миссъ Гардкэстль. Ахъ! Кажется, въ моемъ поведеніи нѣтъ ничего такого, что могло бы поставить меня на одинъ уровень съ особой этого сорта?

Марло. Ничего, милая, ничего! Но разъ я началъ списокъ промаховъ, я не могъ не включить и васъ туда же. Глупость моя видѣла все вкривь и вкось. Ваше усердіе я принялъ за самонадѣянность, вашу простоту за кокетничаніе. Все это кончено. Сюда я ужъ никогда болѣе не покажусь.

Миссъ Гардкэстль. Надѣюсь, сэръ, я ничѣмъ васъ не разсердила. Право, мнѣ было бы очень жаль оскорбить такого вѣжливаго господина, который наговорилъ мнѣ столько любезностей. Мнѣ было бы весьма прискорбно *(дѣлаетъ видъ, будто плачетъ)*, еслибъ онъ покинулъ этотъ домъ ради меня! Мнѣ, право, было бы очень тяжело, еслибъ обо мнѣ думали дурно. У меня нѣтъ другого богатства, кромѣ хорошей репутаціи.

Марло *(въ сторону)*. Клянусь небомъ, она плачетъ! Это первый знакъ расположенія, когда либо оказанный мнѣ скромною женщиной, и онъ меня трогаетъ! *(къ ней)*. Извините меня, прелестная дѣвушка, но вы единственный членъ семьи, съ которымъ я неохотно разстаюсь. Чтобъ говорить яснѣе, различіе происхожденія, состоянія и воспитанія дѣлаютъ честный союзъ между нами невозможнымъ, а я не могу допустить мысли соблазнить простодушіе, довѣрившееся моей порядочности, и погубить существо, виноватое только тѣмъ, что оно слишкомъ очаровательно.

Миссъ Гардкэстль *(въ сторону)*. Великодушный человѣкъ! Я начинаю увлекаться имъ *(къ нему)*. Но я увѣрена, что моя семья не хуже семьи миссъ Гардкэстль, и хотя я и бѣдна, это небольшое несчастье для человѣка, довольствующагося малымъ. Вплоть до настоящей минуты, мнѣ и въ голову не приходило, что не имѣть состоянія — плохо.

Марло. А почему находите вы это теперь, моя прелестная простушка?

Миссъ Гардкэстль. Потому что это удаляетъ меня отъ того, которому я отдала бы все, еслибъ у меня была тысяча фунтовъ.

Марло *(въ сторону)*. Эта простота чаруетъ меня такъ, что если я останусь здѣсь, — я пропаду. Надо сдѣлать усиліе и проститься съ ней *(Къ ней)*. Ваше сочувствіе очень меня трогаетъ, милая, и еслибъ я могъ жить только для себя, я скоро сдѣлалъ бы выборъ. Но я слишкомъ завишу отъ мнѣнія свѣта и авторитета отца, такъ что... Я едва могу говорить, до того меня это волнуетъ... Прощайте.

Миссъ Гардкэстль *(въ сторону)*. Никог-

да, до этой минуты, не знала я и половины его заслугъ. Онъ не уѣдетъ, если у меня хватитъ силы или умѣнья его удержать. Я все еще остаюсь въ той роли, до которой унизилась, чтобъ побѣдить, но отца я выведу изъ заблужденія, и, быть можетъ, ему удастся шутя удержать мистера Марло отъ исполненія его намѣренія. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Входятъ **Тони и миссъ Нэвилль.**

Тони. Ну, въ слѣдующій разъ ты сама можешь красть для себя! Я свое дѣло сдѣлалъ. Брилліанты опять у нея, это вѣрно, но она полагаетъ, что все это произошло по ошибкѣ прислуги.

Миссъ Нэвилль. Однако, дорогой кузенъ, надѣюсь,—ты не покинешь насъ въ бѣдѣ. Если мать твоя хоть сколько нибудь заподозритъ, что я собираюсь бѣжать, меня, конечно, запрутъ или отправятъ къ теткѣ Педигри, что еще въ десять разъ хуже.

Тони. Это вѣрно, — всевозможныя тетки страшная напасть. Но что же я то могу сдѣлать? Я приготовилъ вамъ пару лошадей, которыя понесутся, какъ вѣтеръ, а ты сознаешься, я думаю, что я достаточно ухаживалъ за тобой на глазахъ матери. Вотъ и она; мы должны понѣжничать еще нѣсколько минутъ, чтобъ она насъ какъ нибудь не заподозрила. *(Уходятъ, дѣлая видъ, будто ластятся другъ къ другу).*

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Входитъ **миссисъ Гардкэстль.**

Миссисъ Гардкэстль. Ну, перепугалась же я! Но сынъ утверждаетъ, будто все это только ошибка слугъ. Однако, я не успокоюсь, пока они не повѣнчаются, а тогда пусть она сама бережетъ свое богатство. Но что вижу я? Клянусь, они нѣжничаютъ другъ съ дружкой. Никогда еще не видала я Тони такимъ оживленнымъ. А! Поймала я васъ, мои хорошенькіе голубки! Воркуете, переглядываетесь украдкой, перешептываетесь?.. А?

Тони. Что касается перешептыванія, мама, мы ворчимъ иногда, это вѣрно. Только избытка любви между нами нѣтъ.

Миссисъ Гардкэстль. Это ворчанье все равно, что масло брызнувшее въ огонь; онъ только ярче вспыхиваетъ отъ этого.

Миссъ Нэвилль. Кузенъ Тони обѣщаетъ нѣсколько болѣе баловать насъ своимъ обществомъ. Онъ съ нами не разстанется теперь. Кузенъ Тони не уйдетъ отъ насъ, не такъ ли?

Тони. О, что за прелестное созданье! Нѣтъ, я скорѣе забуду свою лошадь въ конюшнѣ, чѣмъ разлучусь съ тобой, когда ты такъ улыбаешься. Смѣхъ такъ идетъ къ тебѣ!

Миссъ Нэвилль. Что за очаровательный кузенъ! Можно ли не восторгаться этимъ природнымъ юморомъ, этимъ милымъ, широкимъ, краснымъ, глупымъ *(треплетъ его по щекѣ)*, ахъ! этимъ дерзкимъ лицомъ!

Миссисъ Гардкэстль. Очаровательная невинность!

Тони. Я, право, всегда любилъ каріе глазки кузины Конъ и ея хорошенькіе длинные пальчики, которые она перебрасываетъ по клавишамъ, точно связку коклюшекъ.

Миссисъ Гардкэстль. Ахъ, птицу, и ту онъ сманитъ съ дерева! Никогда еще не была я такъ счастлива! Сынъ мой весь въ отца, бѣднаго мистера Ломпкина. Брилліанты сейчасъ же будутъ твоими, милая Конъ. Ты ихъ получишь. Ну, не прелестный ли онъ мальчикъ, моя дорогая? Завтра же мы васъ обвѣнчаемъ, а окончаніе его воспитанія отложимъ, подобно проповѣдямъ доктора Дроузи, до болѣе подходящаго времени.

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ же и Диггори.

Диггори. Гдѣ сквайръ? У меня есть для вашей милости письмо.

Тони. Отдай его маменькѣ. Она всегда первая читаетъ мои письма.

Диггори. Мнѣ приказано отдать его въ ваши собственныя руки.

Тони. Отъ кого оно?

Диггори. Пусть ваша милость спроситъ это у самого письма.

Тони. Можно же мнѣ однако желать это узнать! *(Поворачиваетъ письмо и разглядываетъ его.)*

Миссъ Нэвилль *(въ сторону).* Мы пропали, пропали! Это письмо отъ Гэстингса. Я узнаю почеркъ. Если тетка увидитъ его, мы навѣки погибли. Я займу ее чѣмъ-нибудь, если сумѣю *(Къ миссисъ Гардкэстль).* Я еще не передала вамъ, какъ бойко отвѣчалъ кузенъ мистеру Марло? Мы такъ смѣялись! Вамъ это необходимо знать. Отойдемте немного всторону, чтобъ онъ насъ не слыхалъ. *(Бесѣдуютъ).*

Тони *(все еще глядя на письмо).* Такого чертовски мелкаго почерка я во всю мою жизнь не видывалъ. Все, что написано печатными буквами, я отлично разбираю. Но здѣсь такія закорючки, росчерки, палочки, что никакъ не разберешь, гдѣ верхъ, гдѣ низъ. «Антонію Ломпкину, сквайру». Странно, я довольно хорошо читаю то, что написано снаружи, гдѣ мое собственное имя, но какъ только я вскрою письмо, все — фьюйть! Это гадко, очень гадко! Вѣдь самыя сливки какъ разъ внутри письма!

Миссисъ Гардкэстль. Ха-ха-ха! Отлично, превосходно! Такъ сынъ мой пришелся не по зубамъ философу?

Миссъ Нэвилль. Да, сударыня, но выслушайте до конца. Отойдемте еще немного вспорону, а то онъ насъ услышитъ. Вы сейчасъ узнаете, какъ онъ опять его смутилъ.

Миссисъ Гардкэстль. Мнѣ кажется, онъ теперь самъ немало смущенъ.

Тони *(все еще разсматривая письмо).* Чертовски кривой почеркъ, словно письмо писали немножко подъ хмѣлькомъ. *(Читаетъ.)* Дорогой сэръ! Да, да, это такъ. А вотъ тутъ М, Т и S. А это что такое, Z или R, хоть убей, не знаю!

Миссисъ Гардкэстль. Что съ тобой, милый? Не могу ли я помочь?

Миссъ Нэвилль. Позвольте мнѣ прочесть, тетя. Никто лучше меня не разбираетъ мелкаго почерка. *(Вырываетъ у него письмо).* Знаешь ты, отъ кого оно?

Тони. Не могу сказать, развѣ что отъ Дика Джинджера.

Миссъ Нэвилль. Вотъ именно *(Дѣлаетъ видъ, будто читаетъ).* Дорогой сквайръ, надѣюсь,—вы такъ же здоровы, какъ и я теперь. Господа изъ Шэкъ-бэгъ клуба въ пухъ и прахъ разбили Гузгринцевъ. Ставки... мм... неравныя схватки... мм! продолжительный бой... Ну, да тутъ все о пѣтухахъ и состязаніяхъ... Это неважно... Бери письмо, спрячь его, спрячь. *(Суетъ ему скомканное письмо.)*

Тони. А я говорю вамъ, миссъ, что это дѣло первой важности. Я не согласился бы лишиться конца письма за цѣлую гинею. Вотъ письмо, мать! Разбери его! Не важно!! *(Даетъ письмо миссисъ Гардкэстль.).*

Миссисъ Гардкэстль. Это что такое? *(Читаетъ.)* «Дорогой сквайръ. Я буду ждать миссъ Нэвилль въ концѣ сада съ дормезомъ и парой, но оказывается, что мои лошади еще не въ состояніи пуститься въ дорогу. Надѣюсь, вы поможете намъ и дадите свѣжихъ лошадей, какъ обѣщали. Надо спѣшить, такъ какъ иначе вѣдьма *(да, вѣдьма!)* мать ваша насъ заподозритъ. Преданный вамъ Гэстингсъ». Пошли мнѣ Господь терпѣнія! Я просто съ ума сойду! Злоба душитъ меня!

Миссъ Нэвилль. Надѣюсь, сударыня, вы сдержите на нѣсколько минутъ вашъ гнѣвъ и не припишете мнѣ дерзости и мрачныхъ замысловъ, которые принадлежатъ другому?

Миссисъ Гардкэстль *(низко присѣдая).* Прекрасно сказано. Вы чудо какъ вѣжливы и любезны, вы просто воплощенная любезность и предусмотрительность. *(Мѣняя тонъ.)* А ты, долговязый, неуклюжій болванъ, у котораго не хватаетъ ума, чтобъ ротъ закрыть, ты тоже былъ въ заговорѣ противъ меня? Но я въ одинъ мигъ разстрою всѣ ваши планы. Что касается васъ, сударыня, то вѣдь пара свѣжихъ лошадей наготовѣ, и было бы жестоко ихъ обмануть. Слѣдовательно, вмѣсто того, чтобъ бѣжать съ вашимъ возлюбленнымъ, соберитесь сейчасъ же бѣжать со мной. Ваша старая тетка Педигри сумѣетъ васъ уберечь, ручаюсь за это. Да и вы, сэръ, можете сѣсть верхомъ и охранять насъ въ дорогѣ. Сюда, Томасъ. Роджеръ, Диггори! Я докажу вамъ, что желаю вамъ больше добра, чѣмъ вы сами себѣ желаете *(Уходитъ).*

Миссъ Нэвилль. Теперь я совсѣмъ погибла!

Тони. Вотъ это такъ вѣрно!

Миссъ Нэвилль. Чего же можно ожидать, когда свяжешься съ такимъ глупымъ малымъ, да еще послѣ всѣхъ знаковъ и кивковъ, которые я ему дѣлала?

Тони. Позвольте, миссъ, вашъ собственный умъ натворилъ бѣду, а вовсе не моя глупость! Вы такъ славно и бойко расправлялись со всѣми своими Шэкъ-бэгами и Гузъ-гринцами! Мнѣ и въ голову не пришло, что вы притворялись.

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Тѣ же и Гэстингсъ. *Вслѣдъ за нимъ* **Марло.**

Гэстингсъ. Я сейчасъ узналъ отъ своего слуги, что вы показали мое письмо и предали насъ. Хорошо это, молодой человѣкъ?

Тони. И онъ туда же! Спросите лучше вонъ эту дѣвицу, кто васъ предалъ. Это дѣло ея рукъ, не моихъ!

Марло *(входя).* Отлично поступили здѣсь со мной! Сдѣлали меня достойнымъ презрѣнія, заставили быть невѣжливымъ, смѣшнымъ, подвергли оскорбленіямъ!...

Тони. Вотъ еще одинъ! Весь старый Бедламъ вырвется, должно быть, скоро на волю.

Миссъ Нэвилль. А вотъ, сэръ, тотъ господинъ, которому всѣ мы обязаны признательностью.

Марло. Что могу я сказать ему, мальчишкѣ, идіоту? Охраною ему служатъ его невѣжество и возрастъ.

Гэстингсъ. Жалкій, презрѣнный дуракъ! Наказывать его значило бы унижать наказаніе.

Миссъ Нэвилль. Да, но онъ достаточно хитеръ и лукавъ, чтобъ потѣшаться надъ нашими затрудненіями.

Гэстингсъ. Щенокъ безчувственный!

Марло. Полный коварства и проказъ!

Тони. Чортъ возьми! Да я съ обоими вами буду драться вотъ этой корзинкой!

Марло. Что касается его, онъ недостоинъ нашего гнѣва. Но ваше поведеніе, мистеръ Гэстингсъ, нужно еще разъяснить. Вамъ извѣстно было мое заблужденіе, однако вы не хотѣли вывести меня изъ него.

Гэстингсъ. Въ ту минуту, когда я измученъ собственными неудачами, время ли для объясненій? Это не по пріятельски, мистеръ Марло!

Марло. Но, сэръ...

Миссъ Нэвилль. Мистеръ Марло, мы не долго оставляли васъ въ заблужденіи; еще не поздно вывести васъ изъ него.

ЯВЛЕНІЕ 11 е.

Тѣ же и слуга.

Слуга. Миссъ Нэвилль, хозяйка приказала вамъ сбираться. Лошадей запрягаютъ. Шляпа и вещи ваши въ сосѣдней комнатѣ. До утра мы должны проѣхать тридцать миль. *(Уходитъ.)*

Миссъ Нэвилль. Хорошо, хорошо. Сейчасъ буду готова.

Марло *(Гэстингсу)*. Прилично ли это было, сэръ, помогать имъ дѣлать меня смѣшнымъ? Выставить меня на позоръ передъ всѣми знакомыми? Не сомнѣвайтесь, сэръ, я потребую объясненія.

Гэстингсъ. А хорошо это было, сэръ, разъ мы ужъ попали на эту тему, отдать то, что я вамъ вручилъ, другому лицу?

Миссъ Нэвилль. Мистеръ Гэстингсъ, мистеръ Марло! Зачѣмъ увеличиваете вы мое горе этою неосновательною ссорой? Прошу васъ, умоляю...

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Тѣ же и слуга.

Слуга. Вотъ вашъ плащъ, сударыня. Хозяйка гнѣвается. *(Уходитъ.)*

Миссъ Нэвилль. Иду. Пожалуйста, успокойтесь. Если я оставлю васъ въ такомъ настроеніи, я просто умру отъ страха.

Слуга *(возвращаясь)*. Вотъ вашъ вѣеръ, ваша муфта и перчатки, сударыня. Лошади готовы.

Миссъ Нэвилль. О, мистеръ Марло, еслибъ вы знали, какая меня ждетъ неволя и злоба, я увѣрена, ваша раздраженіе превратилось бы въ состраданіе!

Марло. Разнообразныя страсти такъ удручаютъ меня, что я не знаю, что и дѣлать. Простите меня; Джорджъ, и ты также прости! Тебѣ извѣстенъ мой пылкій нравъ, и ты не долженъ былъ выводить меня изъ терпѣнія.

Гэстингсъ. Единственнымъ оправданіемъ можетъ служить мнѣ тягость моего собственнаго положенія.

Миссъ Нэвилль. Дорогой Гэстингсъ, если ты чувствуешь ко мнѣ такое расположеніе, какъ я думаю, какъ я надѣюсь, твое постоянство въ теченіе трехъ лѣтъ только усилитъ счастье нашего будущаго союза. Если же...

Миссисъ Гардкэстль *(за дверью)*. Миссъ Невилль, Констанція! Констанція, говорю я!

Миссъ Нэвилль. Иду. Итакъ, помни, постоянство, одно только постоянство, вотъ лозунгъ. *(Уходитъ.)*

Гэстингсъ. Увы! Какъ перенесу я это! Быть такъ близко отъ счастья, да еще какого счастья!...

Марло. Видите ли вы теперь, молодой человѣкъ, послѣдствія вашихъ проказъ? То, что могло быть для васъ простой забавой, превратилось въ разочарованіе, даже горе!

Тони *(пробуждается отъ размышленія)* Ура, я попалъ на мысль! Она здѣсь! Ваши руки! И ваши также, мой бѣдный ворчунъ! Эй, подавайте мнѣ сапоги! А вы ждите меня черезъ два часа въ глубинѣ сада и, если вы не найдете, что Тони Ломпкинъ болѣе добродушный малый, чѣмъ вы полагали, я позволю вамъ завладѣть моей лучшей лошадью, да еще Бэтъ Боунсеръ вдобавокъ. Идемте же! Эй, сапоги! *(Уходятъ.)*

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Сцена изображаетъ садъ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Входятъ **Гэстингсъ и слуга.**

Гэстингсъ. Ты говоришь, что видѣлъ, какъ хозяйка твоя уѣхала съ миссъ Нэвилль?

Слуга. Да, ваша милость. Онѣ уѣхали въ почтовой каретѣ, а молодой сквайръ поскакалъ верхомъ. Теперь онѣ ужъ миль за тридцать отсюда.

Гэстингсъ. Значитъ, всѣмъ моимъ надеждамъ конецъ!

Слуга. Да, сэръ. Старый сэръ Чарльзъ пріѣхалъ. Онъ и хозяинъ хохотали съ полчаса надъ ошибкой мистера Марло. Они сейчасъ будутъ здѣсь.

Гэстингсъ. Въ такомъ случаѣ мнѣ не слѣдуетъ показываться. Я пойду на свиданіе въ концѣ сада, правда, безцѣльное... Почти наступило уже время. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Входятъ **сэръ Чарльзъ и Гардкэстль.**

Гардкэстль. Ха ха-ха! Какимъ повелительнымъ тономъ онъ издавалъ свои приказанія!

Сэръ Чарльзъ. И съ какой сдержанностью встрѣчалъ, вѣроятно, всѣ твои любезности!

Гардкэстль. Вѣдь могъ же онъ замѣтить во мнѣ что-нибудь повыше обыкновеннаго содержателя гостинницы!

Сэръ Чарльзъ. Да, Дикъ, но онъ принялъ тебя за необыкновеннаго хозяина, ха ха-ха!

Гардкэстль. Ну, я въ слишкомъ хорошемъ настроеніи, чтобъ думать о чемъ либо, кромѣ радости. Да, милый другъ, это сліяніе нашихъ семей сдѣлаетъ нашу личную дружбу наслѣдственною, и хотя состояніе моей дочери не велико...

Сэръ Чарльзъ. Что это, Дикъ, неужели ты будешь говорить со мной о деньгахъ? Сынъ мой болѣе чѣмъ обезпеченъ, и ни въ чемъ не нуждается, кромѣ добродѣтельной и хорошей дѣвушки, чтобъ раздѣлить съ нимъ счастье и увеличить его. Если они любятъ другъ друга, какъ тебѣ показалось...

Гардкэстль. Если они любятъ, другъ мой! Говорю тебѣ, что любятъ! Дочь почти что призналась мнѣ въ этомъ.

Сэръ Чарльзъ. Да, только дѣвушки иногда заблуждаются.

Гардкэстль. Я своими глазами видѣлъ, какъ онъ горячо схватилъ ее за руки. А вотъ и онъ самъ, чтобъ сбить тебя со всѣхъ твоихъ *если*. За удачу я ручаюсь!

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Тѣ же и Марло.

Марло. Я пришелъ, сэръ, еще разъ извиниться въ моемъ странномъ поведеніи. Не могу безъ стыда вспомнить о моей дерзости.

Гардкэстль. Это все пустяки, молодой человѣкъ. Вы слишкомъ серьезно относитесь къ этому. Посмѣетесь часа два съ моей дочкой и все уладится. Изъ за этого она не хуже будетъ относиться къ вамъ.

Марло. Сэръ, я всегда буду гордиться ея одобреніемъ.

Гардкэстль. Одобреніе—холодное слово, мистеръ Марло. Если я не ошибаюсь, вы можете разсчитывать на что-то большее. Вы меня понимаете?

Марло. Правду сказать, сэръ, не имѣю этого счастья.

Гардкэстль. Слушайте, другъ мой, я старикъ, однако не хуже вашего понимаю, въ чемъ дѣло, хотя вы и моложе меня. Я знаю, что произошло между вами,—только ни слова объ этомъ.

Марло. Право, сэръ, между нами ничего не было кромѣ глубочайшаго уваженія съ моей стороны и величайшей сдержанности съ ея. Не думаете же вы, что наглость моя коснулась всѣхъ членовъ семьи?

Гардкэстль. Наглость? Нѣтъ, этого я не сказалъ. Это не было въ полномъ смыслѣ слова наглостью, хотя дѣвушки и любятъ подъ часъ, чтобъ съ ними заигрывали и пожалуй даже немного шалили. Только она вовсе не жаловалась, увѣряю васъ.

Марло. Да я и не давалъ ни малѣйшаго повода.

Гардкэстль. Хорошо, хорошо, я ничего не имѣю противъ умѣстной скромности. Но это ужъ черезчуръ, молодой человѣкъ! Можете говорить откровенно. Вашъ отецъ и я мы еще больше полюбимъ васъ за это.

Марло. Да пусть я умру на мѣстѣ, сэръ, если я когда либо...

Гардкэстль. Увѣряю васъ, что она не чувствуетъ къ вамъ ненависти, а такъ какъ я убѣжденъ, что и вы ее любите...

Марло. Дорогой сэръ... я протестую...

Гардкэстль. То я и не вижу причины, почему бы не сочетать васъ такъ скоро, какъ только можетъ это сдѣлать священникъ.

Марло. Но выслушайте меня, сэръ...

Гардкэстль. Отецъ вашъ одобряетъ этотъ бракъ; я въ полномъ восторгѣ. Значитъ, всякая проволочка только надѣлаетъ бѣдъ... И такъ...

Марло. Но отчего не хотите вы меня выслушать? Клянусь всѣмъ, что есть на свѣтѣ справедливаго и вѣрнаго, я никогда не давалъ миссъ Гардкэстль ни малѣйшаго доказательства привязанности и даже отдаленнѣйшаго повода подозрѣвать меня въ расположеніи къ ней. Мы встрѣтились только разъ, и эта встрѣча была формальная, скромная, неинтересная...

Гардкэстль *(въ сторону)*. Формальная, скромная наглость этого человѣка просто невыносима.

Сэръ Чарльзъ. И ты не бралъ ее ни разу за руку, ни въ чемъ не увѣрялъ?

Марло. Призываю небо въ свидѣтели, что я пріѣхалъ сюда, только повинуясь вашимъ приказаніямъ. Я встрѣтился съ миссъ Гардкэстль безъ всякаго волненія и разстался безъ печали. Надѣюсь,—вы не потребуете дальнѣйшихъ доказательствъ моей покорности и не помѣшаете мнѣ уѣхать изъ дома, гдѣ я испыталъ столько непріятностей *(Уходитъ)*.

Сэръ Чарльзъ. Меня удивляетъ, какимъ искреннимъ тономъ онъ говорилъ, уходя.

Гардкэстль. А я дивлюсь упорной смѣлости его заявленій.

Сэръ Чарльзъ. Я жизнью и честью ручаюсь за его правдивость.

Гардкэстль. Вотъ моя дочь; на *ея* правдивость я готовъ поставить, какъ на карту, все свое счастье.

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Тѣ же и миссъ Гардкэстль.

Гардкэстль. Иди сюда, Кэтъ, дитя мое! Отвѣчай искренно и безъ утайки: увѣрялъ тебя мистеръ Марло въ любви и привязанности?

Миссъ Гардкэстль. Вопросъ очень неожиданный. Но такъ какъ вы требуете полнаго довѣрія, то мнѣ кажется, будто онъ увѣрялъ.

Гардкэстль *(сэру Чарльзу)*. Вотъ видите!

Сэръ Чарльзъ. Позвольте узнать, у васъ было съ моимъ сыномъ одно свиданіе, или больше?

Миссъ Гардкэстль. Да, сэръ, нѣсколько.

Гардкэстль. Видите!

Сэръ Чарльзъ. Увѣрялъ ли онъ васъ въ своей привязанности.

Миссъ Гардкэстль. Въ вѣчной!

Сэръ Чарльзъ. Говорилъ ли о любви?

Миссъ Гардкэстль. Очень много.

Сэръ Чарльзъ. Изумительно, — и все это вполнѣ опредѣленно?

Миссъ Гардкэстль. Вполнѣ!

Гардкэстль. Надѣюсь, вы теперь довольны, другъ мой?

Сэръ Чарльзъ. А какъ держалъ онъ себя?

Миссъ Гардкэстль. Какъ большинство настоящихъ вздыхателей. Онъ сказалъ нѣсколько любезностей насчетъ моего лица, много толковалъ о своемъ ничтожествѣ и о моихъ достоинствахъ, упомянулъ о своемъ сердцѣ, произнесъ короткую рѣчь въ трагическомъ тонѣ и закончилъ ее съ кажущейся восторженностью.

Сэръ Чарльзъ. Ну, теперь мнѣ все ясно. Я знаю, какъ покорно и скромно говоритъ онъ съ женщинами. Эта дерзкая, напыщенная манера вовсе не подходитъ къ нему, и я увѣренъ, что портретъ списанъ не съ моего сына.

Миссъ Гардкэстль. Что, еслибъ я доказала вамъ мою искренность? Если вы и мой отецъ спрячетесь черезъ полчаса за это дерево, вы услышите, какъ онъ самъ объяснится мнѣ въ любви.

Сэръ Чарльзъ. Согласенъ. И если онъ окажется такимъ, какъ вы его описали, счастью, которое онъ мнѣ доставлялъ, наступитъ конецъ.

Миссъ Гардкэстль. А если вы не найдете его такимъ, какъ я описала, я боюсь, что мое счастье никогда не начнется. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Входитъ **Гэстингсъ**. *Вслѣдъ за нимъ* **Тони** *въ сапогахъ и весь забрызганный грязью.*

Гэстингсъ. Что я за идіотъ, что дожидаюсь здѣсь человѣка, который находитъ, вѣроятно, удовольствіе сердить меня! Онъ и въ умѣ не имѣлъ быть аккуратнымъ; долѣе ждать я не буду. Но, что вижу я? Это онъ! Быть можетъ, съ вѣстью о моей Констанціи *(Тони входитъ)*.

Гэстингсъ. Мой честный сквайръ! Я вижу, вы вѣрны вашему слозу. Это похоже на дружбу.

Тони. Да, я вашъ другъ, и, какъ сейчасъ узнаете, самый лучшій на всемъ свѣтѣ. Кстати, такая ночная скачка чертовски утомительна. Она болѣе расколотила меня, чѣмъ ѣзда на запяткахъ почтовой кареты.

Гэстингсъ. Но что случилось? Гдѣ оставили вы своихъ спутницъ Въ безопасности ли онѣ? Подъ крышей ли?

Тони. Двадцать шесть миль въ два съ половиною часа не плохая ѣзда, зато паръ такъ и валитъ отъ бѣдныхъ животныхъ; зарѣжьте меня, но я лучше буду гнаться сорокъ миль за лисицей, чѣмъ проѣду десять на такихъ клячахъ.

Гэстингсъ. Хорошо, но гдѣ же оставили вы дамъ? Я умираю отъ петерпѣнія.

Тони. Оставилъ ихъ? Да гдѣ же мнѣ ихъ оставить, какъ не тамъ, гдѣ я ихъ взялъ?

Гэстингсъ. Это загадка.

Тони. Такъ разгадайте мнѣ вотъ что. Что идетъ кругомъ, да кругомъ дома, никогда его не касаясь?

Гэстингсъ. Я все еще блуждаю во тьмѣ.

Тони. Вотъ то-то и есть, пріятель. Я заставилъ ихъ заблудиться. Честное слово, нѣтъ на разстояніи пяти миль отсюда пруда или трясины, вкуса которыхъ онѣ бы не отвѣдали.

Гэстингсъ. Ха-ха-ха! Понимаю. Вы возили ихъ кругомъ, между тѣмъ какъ онѣ воображали, что двигаются впередъ, и привезли ихъ наконецъ домой.

Тони. Вотъ послушайте. Сначала я повезъ ихъ внизъ по Перинному проселку, гдѣ мы прочно увязли въ грязи. Потомъ я потрясъ ихъ по камешкамъ Криво-Косого холма; вслѣдъ за тѣмъ познакомилъ ихъ съ висѣлицей на Тяжело-Древесной полянѣ, а оттуда, описавъ дугу, благополучно погрузилъ ихъ въ прудъ въ концѣ сада.

Гэстингсъ. Ничего не случилось, однако, я надѣюсь?

Тони. Нѣтъ, нѣтъ. Только мать страшно перепугалась. Она воображаетъ, что находится въ сорока миляхъ отсюда. Ей ужъ по горло путешествіе, а лошади едва ползутъ, такъ что если ваша собственная пара готова, вы можете умчаться съ кузиной и, ручаюсь вамъ, ни одна душа не въ состояніи будетъ двинуться за вами.

Гэстингсъ. Какъ мнѣ отблагодарить васъ, мой милый другъ?

Тони. А! Теперь я милый другъ и благородный сквайръ! А до сихъ поръ я только и слышалъ, что идіотъ, щенокъ, да еще что мнѣ нужно животъ распороть! Но къ чорту все это! У насъ послѣ стычки люди цѣлуются и опять друзья. Только, еслибъ вы распороли мнѣ брюхо, я былъ бы теперь мертвый, а вы могли бы цѣловаться съ палачомъ.

Гэстингсъ. Укоръ заслуженный. Но я долженъ поскорѣе освободить миссъ Нэвилль. Если вы займетесь старухой, обѣщаюсь позаботиться о молодой *(Уходитъ)*.

Тони. Не бойтесь. Вотъ и она. Сгиньте.

Она вылѣзла изъ пруда и по поясъ въ тинѣ, точно русалка.

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Тони и миссисъ Гардкэстль.

Миссисъ Гардкэстль. О, Тони, я умираю! Я вся разбита! Расколочена! Этого я не переживу. Послѣдній толчекъ, опрокинувшій насъ въ живую изгородь, нанесъ мнѣ смертельный ударъ.

Тони. Ахъ, мама, всему виною ты! Ты затѣяла бѣжать ночью, не зная дюйма изъ всей дороги.

Миссисъ Гардкэстль. Какъ хотѣла бы я быть дома! Никогда еще не случалось со мной столько приключеній въ такое короткое путешествіе. Увязнуть въ грязи, опрокинуться въ канаву, застрять въ болотѣ, превратиться отъ тряски въ какое то желе, наконецъ заблудиться!.. Какъ ты думаешь, гдѣ мы, Тони?

Тони. По моимъ догадкамъ, около Черепоѣомной Поляны, въ сорока миляхъ отъ дому.

Миссисъ Гардкэстль. О, Господи, Господи! Самое ославленное мѣсто во всемъ околоткѣ! Теперь нужно бы только, чтобъ насъ ограбили, и тогда ничего не оставалось бы желать.

Тони. Не бойся, мама, не бойся! Двое изъ пяти разбойниковъ, грабящихъ здѣсь, повѣшены, а остальные три могутъ насъ не найти. Не бойся!—Что это, человѣкъ скачетъ за нами? Нѣтъ, это только дерево. Не бойся!

Миссисъ Гардкэстль. Испугъ навѣрно убьетъ меня.

Тони. Не кажется ли тебѣ, точно въ чащѣ двигается что-то въ родѣ черной шляпы?

Миссисъ Гардкэстль. О, смерть моя!

Тони. Нѣтъ, это только корова. Не бойся, мама, не бойся!

Миссисъ Гардкэстль. Клянусь своей жизнью, къ намъ идетъ какой-то человѣкъ. Ахъ, я въ этомъ увѣрена! Если онъ насъ увидитъ, мы погибли.

Тони *(въ сторону).* Клянусь всѣмъ, что есть неудачнаго на свѣтѣ, это вотчимъ вышелъ на одну изъ своихъ ночныхъ прогулокъ *(къ матери).* Увы, это разбойникъ съ пистолетами, длиною въ мою руку. Чертовски непривлекательный съ виду человѣкъ!

Миссисъ Гардкэстль. Милосердное небо, храни насъ! Онъ приближается.

Тони. Спрячься въ кусты и предоставь его мнѣ. Если будетъ опасность, я кашляну и сдѣлаю гм! Смотри же, прячься, когда я закашляю! *(Миссисъ Гардкэстль прячется за дерево въ глубинѣ сцены.)*

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Входитъ **Гардкэстль.**

Гардкэстль. Или я ошибся, или я слышалъ голоса людей, нуждавшихся въ помощи. А, Тони, это ты? Я не ожидалъ тебя такъ скоро. Твоя мать и миссъ Нэвилль въ безопасности?

Тони. Въ полной безопасности у моей тетки Педигри. Гм!

Миссисъ Гардкэстль *(сзади).* Ахъ, смерть моя! Видно, есть опасность!

Гардкэстль. Сорокъ миль въ три часа! Многонько что-то, молодой человѣкъ.

Тони. Хорошія лошади и добрая воля сокращаютъ, говорятъ, путешествіе. Гм!

Миссисъ Гардкэстль *(сзади).* Надѣюсь, онъ не сдѣлаетъ милому мальчику никакого вреда!

Гардкэстль. Но я слышалъ здѣсь голосъ. Очень хотѣлъ бы знать, откуда онъ раздавался.

Тони. Это я, сэръ, говорилъ самъ съ собой. Я говорилъ, что сорокъ миль въ четыре часа очень хорошая ѣзда. Гм! Такъ оно и есть. Гм! У меня сдѣлалось что то вродѣ насморка отъ пребыванія на воздухѣ. Войдемте въ домъ, пожалуйста. Гм!

Гардкэстль. Но если ты и говорилъ самъ съ собой, то не могъ же самъ себѣ отвѣчать. Я увѣренъ, что слышалъ два голоса и твердо рѣшился *(говоритъ громче)* узнать, чей второй?

Миссисъ Гардкэстль *(сзади).* Охъ, онъ сейчасъ меня найдетъ! Охъ!

Тони. Зачѣмъ вамъ идти, сэръ, если я вамъ все сказалъ? Гм! Я жизнью пожертвую за правду .. гм... Я все вамъ скажу, сэръ... *(Удерживаетъ его.)*

Гардкэстль. Повторяю, что я не позволю тебѣ меня удержать. Я непремѣнно хочу видѣть, кто тамъ. Напрасно надѣешься ты, что я тебѣ повѣрю.

Миссисъ Гардкэстль *(подбѣгая издали).* О, Господи, онъ убьетъ моего бѣднаго дорогого мальчика. Слушайте, почтенный джентльменъ, излейте свое бѣшенство на меня! Возьмите мои деньги, мою жизнь, но пощадите этого молодого человѣка; пощадите мое дитя, если въ васъ есть хоть какое-нибудь состраданіе!

Гардкэстль. Съ нами крестная сила! Жена моя! Откуда взялась она? Что хочетъ она сказать?

Миссисъ Гардкэстль *(становится на колѣни).* Сжальтесь надъ нами, милый господинъ разбойникъ! Возьмите наши деньги, часы, все, что у меня есть, только пощадите нашу жизнь! Мы не предадимъ васъ въ руки правосудія! Право, никогда, добрый господинъ разбойникъ!

Гардкэстль. Мнѣ кажется, эта женщина ряхнулась! Неужели, Дороти, ты не узнаешь меня?

Миссисъ Гардкэстль. Да, честное слово, это мистеръ Гардкэстль! Страхъ ослѣпилъ ме-

ня! Но кто же могъ ожидать, мой милый, встрѣтиться съ тобой здѣсь, въ этомъ ужасномъ мѣстѣ, такъ далеко отъ дому? Что побудило тебя слѣдовать за нами?

Гардкэстль. Да ужъ не спятила ли ты, въ самомъ дѣлѣ, съ ума, Дороти? Такъ далеко отъ дому, когда мы въ сорока шагахъ отъ подъѣзда! *(Къ Тони)* Это опять одна изъ твоихъ старыхъ шутокъ, безсовѣстный негодяй? *(Къ женѣ).* Неужели ты не узнаешь воротъ и шелковичнаго дерева? Неужели не помнишь пруда, милая?

Миссисъ Гардкэстль. Да, прудъ я буду помнить, пока жива! Я въ немъ нашла себѣ смерть! *(Къ Тони.)* И всѣмъ этимъ я обязана тебѣ, разбойникъ? Я научу тебя обманывать мать, научу!

Тони. Что-жъ, мама, весь приходъ говоритъ, что ты меня избаловала, а вотъ тебѣ теперь и плоды!

Миссисъ Гардкэстль. Я побалую тебя, побалую! *(Уходитъ вслѣдъ за Тони со сцены.)*

Гардкэстль. Въ его отвѣтѣ есть, однако, мораль. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Входитъ **Гэстингсъ и миссъ Нэвилль.**

Гэстингсъ. Дорогая Констанція, что это ты все колеблешься? Если мы промедлимъ еще минуту, все пропадетъ навѣки. Найди въ себѣ сколько-нибудь рѣшимости, и мы вскорѣ укроемся отъ коварства.

Миссъ Нэвилль. Это невозможно. Я совершенно упала духомъ послѣ всѣхъ пережитыхъ волненій и не въ силахъ подвергнуться новымъ опасностямъ. Два, три года терпѣнія увѣнчаютъ насъ наконецъ счастьемъ.

Гэстингсъ. Да такая томительная проволочка хуже непостоянства! Убѣжимъ, моя прелесть! Пусть блаженство наше начнется съ этой самой минуты! Пропадай богатство! Любовь и довольство превращаетъ то, что мы имѣемъ, въ царскій доходъ!

Миссъ Нэвилль. Нѣтъ, мистеръ Гэстингсъ, нѣтъ. Осторожность еще разъ является мнѣ на помощь, и я подчиняюсь ея совѣтамъ. Въ минуту страсти можно презирать богатство; только это всегда ведетъ къ раскаянію. Я рѣшилась обратиться за защитой къ состраданію и чувству справедливости мистера Гардкэстля.

Гэстингсъ. Но, еслибъ онъ даже желалъ, у него нѣтъ силы помочь тебѣ!

Миссъ Нэвилль. У него есть вліяніе, и на это я возлагаю надежды.

Гэстингсъ. У меня нѣтъ надеждъ, но такъ какъ ты настаиваешь, я противъ воли долженъ повиноваться тебѣ. *(Уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Входятъ **сэръ Чарльзъ и миссъ Гардкэстль.**

Сэръ Чарльзъ. Въ какомъ я положеніи! Если оправдается то, что вы говорили, я увижу своего сына виноватымъ, если же онъ будетъ правъ, я лишусь той, которую болѣе всѣхъ желалъ бы назвать дочерью.

Миссъ Гардкэстль. Горжусь вашимъ одобреніемъ, и желаю доказать, что его заслуживаю. Станьте же, гдѣ я вамъ сказала, и вы услышите его объясненіе. Вотъ и онъ.

Сэръ Чарльзъ. Пойду къ вашему отцу и приведу его на мѣсто свиданія.

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Входитъ **Марло.**

Марло. Хотя я и рѣшился ѣхать, я еще разъ зашелъ проститься. До этой минуты я и не зналъ, какъ тяжело мнѣ будетъ разставанье.

Миссъ Гардкэстль *(говоритъ своимъ обыкновеннымъ голосомъ).* Не думаю, чтобы страданія, отъ которыхъ вамъ такъ легко избавиться, были очень велики. Еслибъ вы остались еще день или два, это могло бы уменьшить вашу тревогу, показавъ вамъ ничтожную цѣну того, о чемъ вы считаете теперь нужнымъ жалѣть.

Марло *(въ сторону).* Она съ каждой минутой все больше нравится мнѣ. *(Къ ней).* Это невозможно. Слишкомъ долго шутилъ я съ своимъ сердцемъ. Твердость моя уже начинаетъ подчиняться страсти. Различіе воспитанія и состоянія, гнѣвъ отца, презрѣніе общества, уже теряютъ цѣну въ моихъ глазахъ, и ничто не можетъ заставить меня опомниться, кромѣ мучительнаго усилія воли.

Миссъ Гардкэстль. Въ такомъ случаѣ, поѣзжайте. Я не скажу ни слова болѣе, чтобъ удержать васъ. Хотя моя семья и не хуже той, къ которой вы ѣхали, и воспитаніе мое также, надѣюсь, не ниже,— что значатъ всѣ эти преимущества безъ богатства? Я должна довольствоваться легкимъ одобреніемъ моихъ мнимыхъ достоинствъ, и мнѣ останется, словно насмѣшка, ваше ухаживанье, между тѣмъ какъ серьезныя стремленія ваши направлены къ деньгамъ.

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Сзади нихъ входятъ **сэръ Чарльзъ и Гардкэстль.**

Сэръ Чарльзъ. Сюда, за дерево.

Гардкэстль. Тише, тише, не шумите. Ручаюсь, что моя Кэтъ сконфузитъ его наконецъ.

Марло. Клянусь небомъ, деньги всегда были

моей послѣдней заботой. Сначала мнѣ бросилась въ глаза ваша красота, — кто же можетъ ее видѣть безъ волненія? Но, пока мы разговаривали, открывалась съ каждой минутой новая прелесть, образъ вашъ становился ярче, выразительнѣе. То, что казалось сперва деревенскою неловкостью, представляется теперь утонченною простотой; то, что я принялъ за бойкую самоувѣренность, кажется мнѣ невинною смѣлостью и сознательною добродѣтелью.

Сэръ Чарльзъ. Что это значитъ? Онъ приводитъ меня въ изумленіе.

Гардкэстль. Я вамъ предсказывалъ, какъ будетъ дѣло. Тише!

Марло. Теперь я рѣшаюсь остаться. Я слишкомъ высокого мнѣнія объ умѣ отца, чтобъ сомнѣваться въ его одобреніи, разъ онъ васъ увидитъ.

Миссъ Гардкэстль. Нѣтъ, мистеръ Марло, я не хочу и не могу васъ удерживать. Неужели вы думаете, что я допущу бракъ, въ которомъ есть малѣйшее мѣсто для раскаянія? Или вы полагаете, что я воспользуюсь мимолетною страстью, чтобы потомъ привести васъ въ смущеніе? Ужъ не думаете ли вы, что я въ состояніи наслаждаться счастьемъ, которое пріобрѣту въ ущербъ вашему благополучію?

Марло. Клянусь, для меня нѣтъ другого счастья, кромѣ того, которое вы можете мнѣ дать. Никогда не стану я раскаиваться ни въ чемъ, развѣ только въ томъ, что не замѣтилъ сразу вашихъ достоинствъ. Я останусь здѣсь даже вопреки вашимъ желаніямъ, и хотя бы вы продолжали избѣгать меня, постараюсь, чтобъ мое почтительное ухаживанье искупило легкомысліе прежняго поведенія.

Миссъ Гардкэстль. Прошу васъ, сэръ, отказаться отъ этого намѣренія. Пусть наше знакомство окончится, какъ оно началось, равнодушіемъ. Я могла допустить легкомысленное поведеніе въ теченіе часа или двухъ, но, мистеръ Марло, неужели вы серьезно полагаете, что я соглашусь на союзъ, гдѣ я буду казаться корыстолюбивой, а вы неосторожнымъ? Неужели вы воображаете, что я поддамся самоувѣренному ухаживанью несомнѣвающагося въ себѣ вздыхателя?

Марло (*становится на колѣни*). Похоже это на самоувѣренность? Похоже это на отсутствіе сомнѣній? Нѣтъ, каждая минута показываетъ мнѣ ваши достоинства и только увеличиваетъ мое смущеніе, мою робость. Позвольте мнѣ продолжать...

Сэръ Чарльзъ. Я не въ силахъ долѣе сдерживаться: Чарльзъ, Чарльзъ, какъ ты меня обманулъ? Такъ вотъ твое равнодушіе и твой неинтересный разговоръ?

Гардкэстль. Вотъ ваше холодное презрѣніе, формальное свиданіе? Что скажете вы теперь?

Марло. Что я въ величайшемъ изумленіи. Что значитъ все это?

Гардкэстль. Это значитъ, что вы умѣете говорить, а потомъ отрицать сказанное, какъ вамъ вздумается, что вы можете ухаживать за дѣвушкой наединѣ, и отпираться отъ этого публично, что у васъ есть одни слова для насъ, а другія—для моей дочери.

Марло. Дочери? Эта дѣвушка—ваша дочь.

Гардкэстль. Да, сэръ, моя единственная дочь, моя Кэтъ. Чьей же дочерью ей быть?

Марло. Ахъ, чортъ возьми!

Миссъ Гардкэстль. Да, сэръ, я та самая высокая, косоглазая дѣвица, какою вамъ угодно было меня назвать (*Приседаетъ*). Я та, къ которой вы обращались въ качествѣ скромнаго, кроткаго, сентиментально серьезнаго человѣка, а также и въ роли смѣлой, дерзкой, любезной Трещотки дамскаго клуба. Ха-ха-ха!

Марло. Просто нестерпимо! Это хуже смерти!

Миссъ Гардкэстль. Въ которой же изъ этихъ двухъ ролей прикажете вы намъ съ вами остаться? Говорить ли мнѣ съ заикающимся господиномъ, который глядитъ въ землю, едва возвышаетъ голосъ, ненавидитъ притворство, или съ бойкимъ самонадѣяннымъ существомъ, до трехъ часовъ утра ухаживающимъ за миссисъ Мэнтрепъ, и за старой мисссисъ Бидди Бэкскинъ? Ха-ха-ха!

Марло. Пропадай моя голова! Никогда еще не пытался я быть дерзкимъ безъ того, чтобъ меня тотчасъ же не осаживали! Прочь отсюда!

Гардкэстль. Нѣтъ, чортъ возьми, вы не уйдете! Я вижу, что все это была ошибка, и радуюсь этому. Вы не уйдете, сэръ, я повторяю вамъ. Знаю, что она васъ проститъ. Не простишь ли ты его, Кэтъ? Мы всѣ васъ простимъ! Ободритесь же! (*Они удаляются вглубь сцены. Кэтъ дразнитъ Марло.*)

ЯВЛЕНІЕ 12.

Входятъ **миссисъ Гардкэстль и Тони.**

Миссисъ Гардкэстль. Такъ они уѣхали? Пускай! Мнѣ все равно!

Гардкэстль. Кто уѣхалъ?

Миссисъ Гардкэстль. Моя милая племянница и ея пріѣзжій поклонникъ, мистеръ Гэстингсъ. Тотъ самый, что явился сюда вотъ съ этимъ скромникомъ.

Сэръ Чарльзъ. Кто это, мой славный Джорджъ Гэстингсъ? Да это лучшій человѣкъ на свѣтѣ! Болѣе осмотрительнаго выбора дѣвушка сдѣлать не могла.

Гардкэстль. Если это такъ, я горжусь этимъ союзомъ.

Миссисъ Гардкэстль. Во всякомъ случаѣ,

если онъ увезъ дѣвушку, онъ не прихватилъ съ собой ея богатства. Это останется въ семьѣ, чтобъ утѣшить насъ.

Гардкэстль. Слушай, Дороти, не такъ же ты корыстна?

Миссисъ Гардкэстль. Ну, ужъ это мое дѣло, а не твое.

Гардкэстль. Да, но ты знаешь, что если, достигнувъ совершеннолѣтія, твой сынъ откажется жениться на кузинѣ, все состояніе въ ея полномъ распоряженіи?

Миссисъ Гардкэстль. Да вѣдь онъ еще не совершеннолѣтній, а она не нашла нужнымъ дожидаться его отказа.

ЯВЛЕНІЕ 13.

Тѣ же, **Гэстингсъ и миссъ Нэвилль.**

Миссисъ Гардкэстль *(въ сторону)*. Что это они такъ скоро вернулись? Это мнѣ не нравится!

Гэстингсъ *(къ Гардкэстлю)*. Пусть мое смущеніе послужитъ мнѣ наказаніемъ за попытку бѣжать съ вашей племянницей. Сэръ, мы вернулись, чтобъ аппелировать отъ вашей справедливости къ вашей гуманности. Я ухаживалъ за Констанціей съ согласія ея отца, и страсть наша коренилась сначала въ чувствѣ долга!

Миссъ Нэвилль. Со смерти отца я принуждена была прибѣгать къ притворству, чтобъ избавиться отъ притѣсненія. Въ минуту легкомыслія я готова была пожертвовать своимъ состояніемъ, лишь бы обезпечить себѣ союзъ съ человѣкомъ, мною избраннымъ. Но теперь я поняла свою ошибку и жду отъ вашей нѣжности того, въ чемъ мнѣ отказываетъ близкая родственница.

Миссисъ Гардкэстль. Фу, совсѣмъ точно слезливый конецъ современнаго романа!

Гардкэстль. Что бы тамъ ни было, я радъ, что они вернулись требовать своего. Поди-ка сюда, Тони! Отказываешься ты отъ руки этой дѣвушки, которую я тебѣ теперь предлагаю?

Тони. Что значитъ мой отказъ? Ты знаешь, отецъ, я не могу отказаться отъ нея, пока я не совершеннолѣтній.

Гардкэстль. Когда я думалъ, что, скрывая твой возрастъ, мы приносимъ тебѣ пользу, я соглашался съ желаніемъ твоей матери держать его втайнѣ. Но разъ я вижу, что она дѣлаетъ изъ этого дурное употребленіе, я вынужденъ заявить, что уже три мѣсяца, какъ ты достигъ совершеннолѣтія.

Тони. Достигъ совершеннолѣтія? Я совершеннолѣтній?

Гардкэстль. Уже болѣе трехъ мѣсяцевъ.

Тони. Въ такомъ случаѣ вы сейчасъ увидите, какое употребленіе я сдѣлаю прежде всего изъ своей свободы *(беретъ миссъ Нэвилль за руку)* Призываю всѣхъ присутствующихъ въ свидѣтели, что я, Антоній Ломпкинъ, эсквайръ изъ Пустопорожняго Мѣста, отказываюсь взять тебя, Констанцію Нэвилль, дѣвицу, безъ всякаго опредѣленнаго мѣста на свѣтѣ, въ преданныя и законныя жены. Такимъ образомъ, Констанція Нэвилль можетъ выходить за кого хочетъ, а Тони Ломпкинъ опять свободный человѣкъ!

Сэръ Чарльзъ. Вотъ такъ славный сквайръ!

Гэстингсъ. Дорогой другъ мой!

Миссисъ Гардкэстль. Непокорный сынъ!

Марло. Поздравляю, милый Джорджъ, отъ души поздравляю! Еслибъ я могъ убѣдить вотъ этого маленькаго тирана быть менѣе деспотичнымъ,—я былъ бы счастливѣйшимъ изъ людей, и ты могъ бы, въ свою очередь, меня поздравить.

Гэстингсъ *(къ миссъ Гардкэстль)*. Вы дошли теперь до самой послѣдней сцены всей вашей маленькой интриги. Я знаю, что вы его любите, я увѣренъ, что онъ любитъ васъ, и вы должны быть, и будете ему принадлежать.

Гардкэстль *(соединяетъ ихъ руки)*. И я тоже говорю. Вѣрьте, мистеръ Марло, если она будетъ такою же доброю женой, какою была дочерью, я не думаю, чтобъ вы раскаялись въ своей сдѣлкѣ. А теперь пора ужинать. Завтра мы соберемъ вокругъ себя всѣхъ бѣдняковъ нашего прихода, и ошибки сегодняшняго вечера увѣнчаются веселымъ утромъ. Бери же ее, сынъ мой, и, если ты ошибался насчетъ своей возлюбленной, я желаю, чтобъ ты не ошибся въ выборѣ жены...

(Всѣ уходятъ.)

Занавѣсъ.

О НѢКОТОРЫХЪ НОВЫХЪ НАПРАВЛЕНІЯХЪ ВЪ НАУКѢ ОБЪ ИСКУССТВАХЪ *).

Для всякаго занимающагося наукой объ искусствахъ по временамъ возникаетъ невольный вопросъ, да стоитъ ли заниматься серьезно этимъ дѣломъ, стоитъ ли тратить на него силы, трудъ и т. д. Это тѣмъ болѣе, что далеко не всѣ признаютъ важное общественное значеніе и соціологическую роль искусства, а сами художники по временамъ какъ бы нарочно подтверждаютъ подобнаго рода сомнѣнія, выпуская изъ своихъ мастерскихъ произведенія, удовлетворяющія низменному и пошлому вкусу какихъ-нибудь parvenu изъ буржуазіи, упрекъ, отъ котораго, впрочемъ, совершенно свободно наше родное русское искусство.

Въ концѣ прошлаго года я посѣтилъ Парижъ, гдѣ между другими научными дѣлами старался ознакомиться съ современнымъ состояніемъ науки объ искусствахъ,—а Парижъ въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ иныхъ, является первостепеннымъ центромъ Европы,—и вотъ что мнѣ между прочимъ пришлось услышать. Одинъ выдающійся историкъ и соціологъ, видный сочленъ Парижскаго Антропологическаго Общества, положительно не признавалъ за искусствомъ серьезнаго соціальнаго значенія, мало того онъ аргументировалъ, какъ Платонъ и, нападая на искусство, съ жаромъ восклицалъ «если древній художникъ изображалъ какихъ-нибудь центавровъ, людей съ туловищемъ четвероногихъ, съ такою поразительною живостью, что невольно заставлялъ вѣрить толпу въ существованіе подобныхъ безсмыслицъ, то не безнравственно ли это въ самомъ дѣлѣ»! И дѣйствительно, становясь на точку зрѣнія выдающагося ученаго, можно его аргументацію продолжить и, напримѣръ спросить, не безнравственны ли знаменитыя химеры, украшающія Соборъ Парижской Богоматери, «Les chimères de Notre Dame de Paris», фантастическія, устрашающаго вида существа, какъ бы предназначаемыя лишь для того, чтобы запугивать воображеніе толпы, указывая ей на то, что міръ населенъ чудищами, отъ которыхъ спасаетъ только божество, между тѣмъ какъ то же божество, по ученію самой церкви, есть не затемнѣніе и устрашеніе, а просвѣтлѣніе и милость. Слѣдуя той же аргументаціи и продолжая подбирать подходящіе примѣры, можно было бы составить цѣлый обвинительный актъ противъ искусства и умалить серьезность его нравственнаго и общественнаго значенія до минимума, но такая аргументація въ концѣ концовъ оказалась бы совершенно безплодной, такъ какъ ее съ избыткомъ можно было бы уравновѣсить примѣрами противоположнаго свойства, наглядно убѣждающими насъ въ томъ, что искусство въ своемъ историческомъ развитіи и въ своихъ наиболѣе возвышенныхъ и серьезныхъ проявленіяхъ всегда и всюду было однимъ изъ яркихъ свѣточей человѣчества, увлекавшихъ и увлекающихъ его на путь развитія, совершенства, гуманности. Но, можетъ быть, и подобнаго рода уравновѣшивающая аргументація не удовлетворитъ серьезнаго мыслителя, не желающаго признать научной и соціологической необходимости искусства. Въ такомъ случаѣ нужно искать доводовъ еще глубже и разсмотрѣть, не есть ли искусство одинъ

*) Докладъ, прочитанный авторомъ на Первомъ Съѣздѣ Художниковъ и Любителей 30-го апрѣля 1894 г.

изъ тѣхъ естественныхъ институтовъ самой природы, одно изъ тѣхъ ея установленій, какъ потребность передвигаться, ощущать, слышать, видѣть и т. д. На самомъ дѣлѣ это такъ и есть и подтверждается изученіемъ *началъ* искусства. Мы недавно выслушали съ живѣйшимъ интересомъ сообщеніе одного изъ членовъ съѣзда *В. М. Михайловскаго* «О началѣ искусствъ», познакомившаго насъ съ первобытнымъ искусствомъ у дикарей; его можно было бы продолжить не менѣе интереснымъ сообщеніемъ объ искусствѣ у дѣтей «L'art chez l'enfant», какъ выражаются ученые французскіе изслѣдователи, занимающіеся этими вопросами, и даже еще далѣе — искусствомъ у животныхъ. Что же говорятъ намъ и на что указываютъ подобнаго рода изслѣдованія?

Если дикарь рисуетъ сцены охоты, которой онъ живетъ, и вводитъ въ свои орнаменты фигуры животныхъ, которыми питается, то это безъ сомнѣнія изъ живѣйшей потребности повторить психическими средствами тѣ пріятныя ощущенія, которыя онъ чаще всего извлекаетъ изъ дѣйствительности. Но не то ли же самое у дѣтей. Французскій психологъ *Paulhan* въ статьѣ написанной имъ по поводу книги *Perez'a* «L'Art et la Poésie chez l'enfant *)», приводитъ общеизвѣстные, но пріобрѣтающіе въ данномъ случаѣ особенное значеніе факты. Маленькій ребенокъ, напр., окончивъ ѣсть супъ, продолжаетъ макать ложкой въ пустую тарелку, очевидно стараясь воспроизвести пріятныя для него ощущенія.— Далѣе всякому извѣстно, что дѣти, играя въ куклы, чаще всего воспроизводятъ тѣ же элементарныя и чисто физіологическія удовольствія ѣды, спанья, одѣванья, умыванья и т. д., устраивая для своихъ персонажей кровати, домики; они производятъ шумъ для шума, разсматриваютъ цвѣта изъ потребности и удовольствія разсматривать. Въ ихъ рисункахъ,— я говорю о дѣтяхъ еще *не учившихся рисованію*,—мы видимъ воспроизведеніе домиковъ, изъ которыхъ идетъ дымъ, оконъ, дверей, елокъ, увѣшанныхъ конфектами и т. п. предметовъ уютнаго и пріятнаго домашняго обихода; дѣвочки съ любовью рисуютъ важныхъ дамъ въ нарядныхъ костюмахъ, съ длинными шлейфами, въ шляпкахъ съ перьями и т. п. пріятныя для нихъ вещи, Менѣе физіологическій и, такъ сказать, своекорыстный характеръ имѣетъ искусство доисторическихъ народовъ, причемъ и въ самыхъ объектахъ искусства выступаетъ болѣе возвышенный и эстетическій элементъ. Такъ, египетская пирамида есть воспроизведеніе правильной кристаллической формы, наиболѣе частой и красивой изъ естественныхъ формъ кристалловъ, а капитель египетской колонны—подражаніе цвѣточной чашечкѣ лотоса или папируса, пріятно поражавшихъ глазъ туземнаго художника. Каково бы ни было затѣмъ дальнѣйшее развитіе, осложненіе и усовершенствованіе *первоначальной эстетической эмоціи*, *первоначальной эстетической дѣятельности*, изъ приведенныхъ фактовъ достаточно уже ясно, что, по самому своему происхожденію изъ физіологической необходимости, *это суть естественныя потребности*, *естественные институты человѣка*. А если это такъ, если искусство въ самой своей основѣ есть естественное и вмѣстѣ нормальное установленіе природы, то очевидно и самые споры, еще ранѣе возникавшіе у насъ и когда-то горячо волновавшіе все образованное общество, нужно или не нужно искусствъ, падаютъ сами собой, ибо, очевидно, объ установленіяхъ природы не спорятъ. А слѣдовательно не можетъ быть ни малѣйшихъ сомнѣній и колебаній относительно raison d'être самой науки объ искусствахъ.

Я не беру на себя смѣлости представить хотя бы краткій схематическій обзоръ науки объ изящныхъ искусствахъ во всемъ ея объемѣ, да это и не нужно, такъ какъ многое извѣстно, иного уже касались здѣсь, а главное самая задача обширна и, безъ сомнѣнія, непосильна одному человѣку. Поэтому отмѣчу нѣсколько наиболѣе новыхъ и интересныхъ направленій въ этомъ обширномъ предметѣ.

Здѣсь уже неоднократно говорилось объ эстетическомъ чувствѣ, эстетической эмоціи, вдохновеніи, сознательномъ и безсознательномъ творчествѣ художника, но ни разу не упоминалось названіе той науки, которая пытается въ настоящее время подойти къ разрѣшенію всѣхъ этихъ смутныхъ, даже для образованнаго большинства, вопросовъ, путемъ точнаго наблюденія и опыта. Я говорю объ опытной психологіи, или психологіи физіологической, психо-физіологіи какъ ее иначе называютъ. Основной законъ этой науки, возникшей въ англійской эмпирической школѣ со временъ Локка до Герберта Спенсера и Бена включительно, состоитъ въ томъ, что *ни одно такъ называемое душевное или психическое явленіе, будь то ощущеніе, чувство, мысль, не обходится безъ одновременно сопутствующаго ему физіологическаго, чисто тѣлеснаго процесса, и что всѣ психическія явленія суть не что иное какъ субъективное выраженіе этихъ сопряженныхъ физіологическихъ процессовъ*. Весьма простой опытъ убѣждаетъ въ этомъ: такъ, стоитъ прижать на шеѣ сонныя артеріи, несущія кровь къ мозгу, какъ тотчасъ-же свѣточъ нашей субъективной жизни, наше сознаніе, гаснетъ въ сумеркахъ обморочнаго состоянія. Неисчислимо важны послѣдствія этого психо-физіологическаго закона для науки о человѣкѣ, а въ част-

*) Revue Philosophique 1889, 7, XXVIII

ности для науки о прекрасномъ или эстетики. А въ этой послѣдней неисчислимо важно значеніе психо-физіологическаго закона прежде всего для опредѣленія самой природы эстетическаго чувства. Передъ вами группа молодыхъ дѣвушекъ въ красивомъ воздушномъ полетѣ на качеляхъ. Вы положительно любуетесь красотой качаній этого живого маятника, однако лишь до тѣхъ поръ, пока качели не станутъ подниматься слишкомъ высоко, съ этого момента вы начинаете испытывать положительно непріятное чувство и невольно замѣчаете, что оно происходитъ у васъ отъ ощущенія замираній вашего собственнаго сердца, развивающихся подъ вліяніемъ воображаемаго паденія. Возьмемъ другой примѣръ. Неправда ли, какъ отвратительно изображеніе Данаиды August Rodin'a изъ Люксембургскаго музея. Но всмотритесь подольше, проанализируйте ваше чувство отвращенія и вы увидите, что васъ просто слегка тошнитъ отъ этой облѣзшей и обвисшей фигуры, напоминающей неполный скелетъ. Здѣсь говорилось о знаменитой картинѣ Рѣпина «Іоаннъ Грозный». Но знаете ли какое впечатлѣніе производитъ иногда этотъ chef d'oeuvre реализма: я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ у одной молодой особы, при взглядѣ на это море крови въ знаменитой картинѣ, появилась непреодолимая тошнота. Далѣе, не такъ давно я выходилъ изъ мастерской художника съ однимъ знакомымъ, мужчиной крѣпкихъ нервовъ и превосходнаго здоровья. Мы только что кончили разсматривать картину насильственной смерти, изображенную съ потрясающимъ реализмомъ. И что же, несмотря на божественно возвышенный сюжетъ картины и религіозное воспитаніе моего спутника, онъ отворачивался и отплевывался, какъ будто выходилъ не изъ мастерской художника, а изъ анатомическаго театра *). Итакъ, вы видите, что эстетическія чувства, какъ и всякія другія, прежде всего не есть самостоятельныя субъективныя явленія, а лишь внутренняя сторона неразрывныхъ съ ними физіологическихъ, слѣдовательно чисто матеріальныхъ состояній. За этимъ первымъ положеніемъ психо-физіологической эстетики,—назовемъ такъ вмѣстѣ съ другими изслѣдователями нашу юную науку,—немедленно разрѣшается другое. Если эстетическія чувства, понижаясь къ своей тѣневой сторонѣ, гдѣ они выходятъ уже изъ сферы собственно прекраснаго, тотчасъ же обнаруживаютъ себя непріятнымъ, угнетающимъ дѣйствіемъ на организмъ, то естественно ожидать, что, повышаясь къ своей свѣтлой границѣ, они проявятъ себя извѣстною суммой пріятныхъ, повышающихъ жизнедѣятельность организма воздѣйствій. И дѣйствительно, французскій ученый, *Feré* подтверждаетъ это положеніе въ цѣломъ рядѣ прекрасныхъ опытовъ, а *Henry* указываетъ на возможность ввести въ подобнаго рода опыты точное измѣреніе и даетъ имъ даже математическое обоснованіе. Въ опытахъ *Feré* пріятныя впечатлѣнія повышали силу рукъ, измѣряемую динамометромъ, непріятныя понижали ее. Другими словами, пріятныя ощущенія, лежащія въ основѣ эстетическаго чувства, разсматриваемаго съ физіологической стороны, относятся къ группѣ силопорождающихъ или динамогенныхъ, непріятныя—силозадерживающихъ раздраженій, les irritations nerveuses dynamogenes et inhibitorres, слѣдуя терминологіи Броунъ-Секара. Но такъ какъ подобное же повышеніе и пониженіе функцій организма посредствомъ болѣе или менѣе пріятныхъ ощущеній одинаково приложимо къ психической сторонѣ, то очевидно и здѣсь эстетическія впечатлѣнія заявятъ себя повышеніемъ чувствъ, образовъ, умонастроенія мыслей, неэстетическія—пониженіемъ всего этого. Отсюда третье и на этотъ разъ завершающее положеніе психо-физіологической эстетики: *эстетическія чувства—это собственно сама жизнь, но только въ ея высшихъ какъ тѣлесныхъ, такъ и духовныхъ проявленіяхъ неразрывно.*

Я не могу, при краткости отмѣреннаго мнѣ мѣста, останавливаться надъ приложеніемъ только что выведенной формулы къ объясненію эстетической эмоціи въ произведеніяхъ искусства или эмоціи художественной въ тѣсномъ смыслѣ. Замѣчу только, что въ то время, какъ среди обыкновенныхъ смертныхъ эстетическая эмоція въ широкомъ значеніи есть жизнь въ ея наилучшихъ тѣлесныхъ и духовныхъ проявленіяхъ неразрывно, у художниковъ эта эмоція осложняется унаслѣдованнымъ или пріобрѣтеннымъ (заученнымъ) стремленіемъ или и унаслѣдованнымъ, и пріобрѣтеннымъ вмѣстѣ, къ перевоспроизведенію жизни въ возможно правдивыхъ, специфическихъ формахъ, музыкальныхъ, архитектоническихъ фигурныхъ, живописныхъ, словесныхъ (художники-писатели), а у ученыхъ въ правдивыхъ умственныхъ продуктахъ, причемъ можетъ происходить и нерѣдко происходитъ разъединеніе между собственной жизнью въ дѣйствительности и жизнью въ искусствѣ и наукѣ: одна жизнь можетъ совершенно, такъ сказать, уйти отъ другой, чего, впрочемъ, у самыхъ совершенныхъ представителей искусства и науки, какъ показываетъ исторія, не случается. Замѣчу также, что съ этой точки зрѣнія наиболѣе эстетическимъ народомъ будетъ тотъ, жизнь котораго есть наибольшее проявленіе тѣлесныхъ достоинствъ въ связи съ наибольшимъ произведеніемъ художественныхъ, умственныхъ и общественныхъ продуктовъ. Такимъ народомъ были древніе греки.

*) Простите за примѣры, они не противъ картинъ, которыхъ самъ я глубокій почитатель, а лишь для моей аргументаціи.

Однимъ изъ крупнѣйшихъ приложеній психо-физіологическаго закона эстетики къ искусству является также приложеніе его къ рѣшенію вопроса о красотѣ человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ Аполлонъ Британскаго музея не есть одновременное выраженіе высочайшихъ тѣлесныхъ достоинствъ въ полной гармоніи съ жизнью духа, такъ какъ въ этомъ лицѣ съ физическою красотой соединены выраженіе ума, серьезной мысли, гордой воли и вмѣстѣ съ тѣмъ какого-то неуловимо грустнаго чувства, свойственнаго лишь очень умнымъ и уже отвѣдавшимъ жизни юношамъ. И дѣйствительно, чѣмъ былъ Аполлонъ въ представленіи грека позднѣйшихъ эпохъ? Представитель наивысшихъ проявленій человѣческой жизни: молодости, обновленія, физическаго и духовнаго свѣта, искусства, науки, гнѣвнаго и правдиваго, патріотическаго и гражданскаго мужества,—извѣстно, что самъ Юпитеръ боялся Аполлона,—и вмѣстѣ поэтическаго воодушевленія, нравственнаго искупленія, прощенія, милости и даже исцѣленія. Но развѣ столь многія совершенства могутъ вмѣщаться въ несовершенной, больной или уродливой тѣлесной оболочкѣ! Слѣдовательно и красота есть не что иное, какъ высшее проявленіе тѣлесной и духовной жизни, неразрывно. Пользованіе психо-физіологическимъ закономъ дало бы намъ возможность быстро разобраться и во всѣхъ произведеніяхъ искусства, касающихся горестей и радостей человѣка; къ сожалѣнію, я не могу демонстрировать здѣсь коллекціи снимковъ, собранныхъ мною въ этомъ направленіи по личнымъ впечатлѣніямъ въ европейскихъ музеяхъ. Могу только выразить надежду представить ее въ моихъ будущихъ публичныхъ чтеніяхъ по искусству. Тогда же я постараюсь дать и полное опредѣленіе самого искусства, которое съ точки зрѣнія психо-физіологическаго закона будетъ воспроизведеніемъ собственно не красоты, а жизни, причемъ красота въ искусствѣ, всецѣло зависящая отъ красоты въ жизни, сама по себѣ сводится лишь къ правдѣ изображенія, вмѣстѣ съ тѣмъ выяснится и самый критерій къ оцѣнкѣ его произведеній.

Я не могу не отмѣтить еще одного завоеванія въ области психо-физіологической науки, проливающаго дальнѣйшій свѣтъ на природу и значеніе искусства. Всѣмъ извѣстно такъ называемое *гипнотическое внушеніе*. Въ глазахъ публики это есть сила, посредствомъ которой субъекта можно усыпить и затѣмъ заставить его безпрекословно повиноваться, выражать и дѣлать, что угодно. Въ рукахъ ученыхъ это есть методъ безкровнаго живосѣченія человѣка, посредствомъ котораго можно производить безвредные опыты надъ его психическими функціями, воображеніемъ, волею, надъ всякаго рода чувствованіями, а слѣдовательно и эстетическими. Вотъ эти-то опыты въ состояніи гипнотическаго внушенія, проливаютъ намъ еще болѣе яркій свѣтъ на природу эстетическаго чувства, такъ какъ во истину можно сказать загипнотизированному субъекту «будьте красивы» и онъ будетъ красивъ, если не чертами лица, когда субъектъ некрасивъ въ дѣйствительности, то мимическимъ выраженіемъ. И вотъ тогда-то оказывается, что эстетическая эмоція и вмѣстѣ съ тѣмъ ея выраженіе, что само по себѣ красота, есть высшее и легчайшее напряженіе тѣла и духа, есть восторгъ, восхищеніе, какъ бы неодолимая преданность какой-то высшей, но гармонической благожелательной силѣ. Посмотрите въ самомъ дѣлѣ на мадоннъ Мурильо и Прюдона. Неправда ли, объ несомнѣнной красоты, но что здѣсь красивѣй,—форма или выраженіе? Мнѣ кажется оба фактора сливаются и переходятъ другъ въ друга. Вмѣстѣ съ тѣмъ обѣ мадонны какъ бы загипнотизированы какою-то высшею волей, обѣ находятся въ глубоко-восторженномъ экстатическомъ состояніи, какъ бы подъ вліяніемъ какого-то непреодолимаго внушенія или властнаго, но незримаго, внутренняго голоса. Вся разница въ томъ, что мадонна Мурильо, та, которая со сложенными руками, находится въ состояніи пассивнаго созерцательнаго экстаза, какъ бы въ полномъ самоотреченіи отъ самой себя и своей тѣлесной оболочки, тогда какъ мадонна Прюдона, та, которая съ простертыми кверху руками, находится въ состояніи дѣятельнаго, активнаго экстаза, и если она тоже устремляется къ небу, то, безъ сомнѣнія, со всѣмъ пыломъ земной страсти.

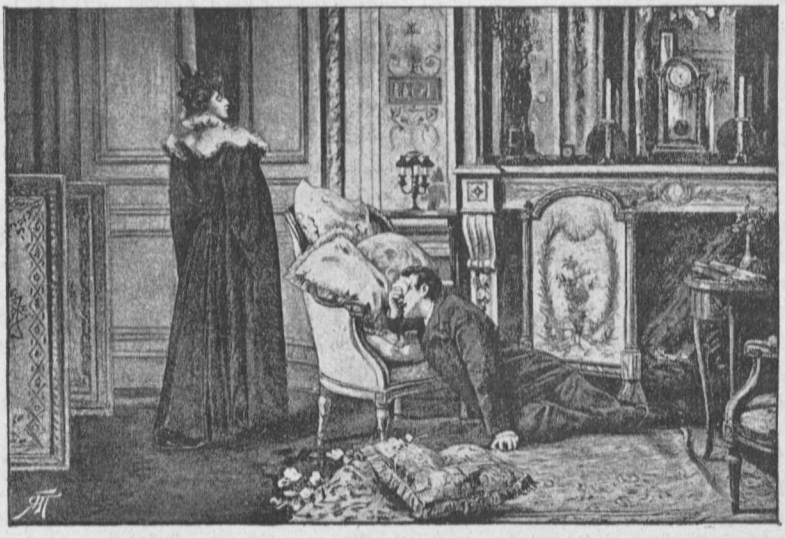
Вопросъ этотъ настолько интересенъ, что знаменитый нейропатологъ, покойный проф. *Шарко* и его другъ и ученикъ *Поль Рише*,—первый страстный любитель искусства, второй къ тому же и прекрасный художникъ (скульпторъ), посвятили его разработкѣ совмѣстный трудъ и напечатали чрезвычайно интересную книгу «Les Demoniaques dans l'Art». Дѣло въ томъ, что въ такъ называемомъ истерическомъ гипнозѣ есть одна фаза развитія, сопровождающаяся страстными позами «les attitudes passionnées», въ которыхъ можетъ выражаться то или другое, но только всегда экзальтированное чувство. Въ такихъ случаяхъ экзальтированный субъектъ имѣетъ видъ изступленнаго или одержимаго «possedé».

Подобнаго рода изученіе показываетъ, что всякаго рода чувство, коль скоро оно достигаетъ крайней степени, становится экзальтированнымъ, оно роковымъ образомъ начинаетъ внушать, гипнотизировать. Но такъ какъ свѣтлыя чувства повышаютъ жизнь, мрачныя же угнетаютъ ее и парализуютъ, то ни для самого художника, ни для общества далеко не безразлично содержаніе произведеній искусства и

способъ ихъ выраженія. Произведенія искусства, поддерживающія принципъ жизни—безсознательно или сознательно со стороны художника, это все равно, не нарушатъ психо-физіологическаго закона эстетики, который, какъ мы видѣли, сводится къ тому же поддержанію жизни въ дѣйствительности и искусствѣ, а потому не будутъ ни въ какомъ случаѣ отринуты обществомъ, хотя бы оно и поступало въ свою очередь безсознательно или сознательно; произведенія искусства противоположнаго свойства, а также и безразличныя—будутъ или отринуты или забыты. Отсюда легко убѣдиться, что такъ называемая свобода творчества весьма условна и подобно тому, какъ, перенося краски на полотно, художникъ не можетъ безнаказанно нарушать законовъ физики, точно также создавая содержаніе картины, онъ не можетъ нарушать законовъ психо-физіологіи. Къ сожалѣнію, я не могу вопроса о значеніи внушенія въ искусствѣ разбирать здѣсь далѣе, интересующихся же этимъ предметомъ въ подробностяхъ могу отослать къ интересной работѣ Лильскаго профессора *Paul Sourian* «La Suggestion dans l'Art» (1893). Могу только отмѣтить, что изученіе внушенія, какъ мы его теперь понимаемъ, въ приложеніи къ искусству проливаетъ не менѣе яркій свѣтъ и на самые трудные и запутанные вопросы науки объ искусствѣ — о безсознательномъ и сознательномъ творчествѣ, о природѣ художественнаго таланта, генія и проч. Но и подобные вопросы неожиданно оказываются связанными неразрывными узами съ другимъ вопросомъ *о психо-физіологіи самихъ художниковъ*. И здѣсь могу ограничиться лишь краткимъ указаніемъ на интересную работу другого ученаго изслѣдователя *Lucien Arreat* «Psychologie du Peintre». Оказывается, что большинство художниковъ обладаетъ нервнымъ, легко внушимымъ темпераментомъ, что въ связи съ другими свойствами индивидуальности, ума и характера, а также и въ зависимости отъ образованія, воспитанія, среды, ведетъ или къ побѣдѣ и генію или, наоборотъ, къ паденію, вырожденію и декадентству.

Таковы новыя теченія въ наукѣ объ искусствѣ, съ которыми я счелъ долгомъ васъ познакомить, хотя бы въ очень краткихъ и несовершенныхъ чертахъ. Эти данныя еще болѣе говорятъ въ пользу серьезнаго и важнаго значенія искусства, такъ какъ онѣ безповоротно утверждаютъ за нимъ огромную *внушающую силу* въ современномъ *научномъ* значеніи этого слова. Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ наглядно указываютъ и то мѣсто, которое должно быть отведено современнымъ ученымъ среди художниковъ. Уже по самой сути дѣла вы убѣждаетесь, что ученые должны быть самыми надежными друзьями художниковъ. Скажу болѣе: они должны быть братьями по духу, ибо дѣло тѣхъ и другихъ одинаково есть *правда, истина, добро*, красота же, какъ извѣстно, присоединяется сама собой. Но для кого же эта правда, истина, добро? Неужели только для самихъ себя? О, конечно, нѣтъ, потому что подобнаго рода союзъ былъ бы лишенъ тогда самыхъ надежныхъ основъ своего нравственнаго могущества!.. Для общества, для духовнаго просвѣтлѣнія и поднятія народа, для народностей и всего человѣчества.

П. Викторовъ.



Парижскій салонъ 1894 г.
Г. Кэнъ. „Когда нѣтъ больше любви".

Рѣшеніе.

(Окончаніе.)

XXXVIII.

Первое, что бросилось ей въ глаза, были освѣщенныя окна ея комнатъ, свѣтившіяся со двора желтоватыми пятнами въ верхнемъ этажѣ темной стѣны. При контрастѣ съ темнотой, освѣщеніе казалось особенно яркимъ и ей пришло въ голову невольное соображеніе, что оно не могло бы быть такимъ, если бы дѣвушка убирала на ночь комнату, какъ всегда, съ одной свѣчой.

Швейцарская и корридоры освѣщались скупо висячими лампами съ крашенными кругами абажуровъ и расходящимися лучами копоти на бѣлой краскѣ. Знакомая атмосфера — сложный запахъ изъ множества разнородныхъ людскихъ запаховъ многихъ, въ одномъ мѣстѣ скученныхъ, человѣческихъ жилищъ — охватили Мирру и окончательно перевели ее къ дѣйствительности.

Было, повидимому, еще не поздно. Изъ затворенныхъ дверей комнатъ слышался говоръ и звукъ шаговъ. Въ глубинѣ корридора, по направленію къ ея номеру, раздавались звуки гармоники, пѣніе и громкій смѣхъ въ нѣсколько голосовъ.

Проходя мимо комнаты профессора, она замѣтила блестѣвшую даже и въ темнотѣ, металлическую, новенькую дощечку и не прочла, а угадала на ней фамилію новаго квартиранта. Мирра шла близко къ стѣнѣ, съ усиліемъ передвигая ноги, соображая, несмотря на утомленіе, что въ этотъ разъ при дурномъ освѣщеніи, — которое всегда было непріятно ей, незамѣтно было состояніе ея костюма, если бы кто-нибудь встрѣтился на дорогѣ и увидалъ ее. Но въ корридорѣ не было никого. Смѣхъ и говоръ съ каждымъ шагомъ откровеннѣе доносились изъ глубины. Дойдя до дѣвичьей, смежной съ ея номеромъ, она остановилась у стѣны.

Дверь была открыта наполовину. Въ комнатѣ на знакомомъ, насквозь просаленномъ столѣ, съ прогорѣвшими ямками и черными пятнами, горѣла низкая, безъ колпака, жестяная лампа посреди пустыхъ и невыпитыхъ еще бутылокъ пива и водки, тарелокъ съ закусками и сластями. Вокругъ стола, на стульяхъ и деревянныхъ табуретахъ расположились женскія и мужскія фигуры въ разнообразныхъ положеніяхъ. Двѣ женщины сидѣли на колѣняхъ у мущинъ. Въ одной изъ нихъ Мирра не сразу, несмотря на близость разстоянія, признала Олю.

Блѣдное со времени болѣзни, хорошенькое и изнеможенное лицо дѣвушки, закраснѣлось, какъ бы вылѣпленными въ щеки, ярко-красными пятнами. Остриженные и подвитые волосы на лбу развились и упали внизъ. Голубой платочекъ прикрывалъ безпорядокъ платья. Охвативъ одной рукой шею державшаго ее человѣка, она запрокинула назадъ голову, зажмурившись и раскачиваясь, выводила голосомъ мотивъ пѣсни, которая подхватывалась остальными подъ аккомпаниментъ гармоники.

Человѣкъ въ пиджакѣ и высокихъ сапогахъ стоялъ избоченившись, раскачиваясь слегка въ тактъ пѣснѣ.

Волны густого дыма, съ ѣдкимъ запахомъ дурного табаку, стояли въ воздухѣ.

Кто-то взвизгнулъ. Гармонія перемѣнила темпъ и грянула «барыню».

Мирра вздрогнула и отступила назадъ.

Никто не замѣтилъ ея.

Она тихо отошла отъ двери и остановилась у стараго буфета, на который жильцы, уходя, клали обыкновенно ключи отъ комнатъ.

На грязной, закоптѣлой доскѣ буфета лежали два ключа съ круглыми бляхами мѣдныхъ нумерковъ. Нумера были не тѣ, ея ключа не было.

Она оглянулась съ тоской, думая, что придется идти назадъ въ дѣвичью, когда вдругъ разглядѣла ключъ на противоположной сторонѣ, въ дверяхъ своей комнаты. На минуту ей послышались движеніе и шаги за стѣной. Она пошла скорѣй, отворила дверь и лицомъ къ лицу столкнулась съ Костромитиновымъ.

Оба остановились и смотрѣли другъ на друга, не скрывая удивленія.

Мирра тихо потянула за собой дверь и опустилась на сундукъ.

Костромитиновъ стоялъ на порогѣ въ полуоборотъ, освѣщенный сзади яркимъ свѣтомъ зажженныхъ лампъ, элегантный, представительный, въ чемъ-то свѣтломъ и нарядномъ, распространяя вокругъ запахъ знакомыхъ духовъ. Мирра снизу, сощурившись отъ свѣта, на минуту молча смотрѣла на него. Она недоумѣвала какимъ образомъ онъ могъ явиться къ ней, не предупредивши, въ необычный часъ. Егоръ Андреевичъ былъ пораженъ ея блѣдностью и общимъ видомъ.

Онъ тотчасъ же нашелся и заговорилъ первый.

— Вотъ что значитъ преданность и любовь! Дежурю у васъ здѣсь битый часъ. Позвольте мнѣ помочь вамъ — говорилъ онъ, наклоняясь къ ея ботинкамъ. Но она тогчасъ же отстранила его.

— Благодарствуйте. Все такъ грязно, промокло. Я не могла найти извощика—какъ-бы оправдываясь, прибавила она и, сбросивъ пальто, прошла къ себѣ въ спальню.

Онъ пошелъ за ней, переговариваясь на ходу и черезъ затворившуюся дверь. Проходя мимо, Мирра невольно оглядѣла комнату.

Обѣ лампы были зажжены. На столѣ кипѣлъ самоваръ, стояла корзинка съ фруктами, и какіе-то припасы и коробочки разставлены были у ея мѣста, подлѣ подноса съ чашками.

Несмотря на ея неоднократные протесты, Костромитиновъ являлся иногда съ дарами — конфектами и фруктами — находя, что если свѣтскіе обычаи дозволяли подобнаго рода приношенія въ присутствіи и съ разрѣшенія старшихъ родственниковъ—не было основанія, лишившись родителей, лишать себя возможности принять коробку конфектъ отъ добраго знакомаго, соединяя ее съ ни на чемъ не основанными опасеніями и задними мыслями.

Стоя у стѣны, скрестивъ ноги и взглядывая поперемѣнно на заостренные, только что входившіе въ моду, концы своихъ башмаковъ и на затворенную дверь, Егоръ Андреевичъ терпѣливо ожидалъ, когда дверь отворится. Въ ожиданіи онъ разсказывалъ громкимъ голосомъ, какъ позволилъ себѣ войти безъ хозяйки, спасаясь отъ ужасовъ погоды, какъ затѣмъ самъ хозяйничалъ, чтобы убить время до ея возвращенія, распорядился затопить каминъ, зажечь лампы...

Къ удивленію своему Мирра узнала изъ его словъ, что сама разрѣшила ему прійти въ этотъ вечеръ, не входившій въ счетъ вечеровъ, назначенныхъ для чтенія Фауста, и даже извѣстила его объ этомъ письмомъ, отъ котораго онъ былъ, повидимому, въ восхищеніи. Тутъ только она вспомнила о посланной запискѣ и ей сдѣлалось понятнымъ все.

Она сидѣла въ креслѣ у кровати въ темной спальнѣ, не имѣя силъ встать, шевельнуться и зажечь свѣчу. Все въ ней ныло тупой болью. Руки оледенѣли. Чувство странной тяжести оставалось въ головѣ и хотѣлось спать.

Между тѣмъ съ каждой минутой становилось все болѣе неловкимъ заставлять ожидать гостя, прождавшаго уже напрасно цѣлый часъ, и переодѣваться нужно было съ ногъ до головы. Все промокло насквозь, отсырѣло и загрязнилось.

Она отстранила ногой тяжело упавшія на полъ, намокшія юбки и, боясь потерять лишнее время и не имѣя силы надѣть корсетъ, накинула утренній сѣрый халатъ съ кистями у пояса и, наскоро пригладивъ волосы, отворила дверь.

Костромитиновъ продолжалъ говорить о письмѣ. Онъ остановился, пораженный перемѣной въ ея костюмѣ, въ которомъ она никогда не появлялась передъ нимъ, и почти въ тоже мгновеніе выраженіе какъ бы пониманія, одобренія и восхищенія прошло по его лицу и онъ возобновилъ похвалы полученной запискѣ съ усиленной горячностью.

— Да, на это мастерицы и способны только женщины—говорилъ онъ, подвигая ей стулъ и усаживаясь самъ на привычномъ мѣстѣ, на диванѣ съ подушками, между тѣмъ какъ Мирра сѣла къ чайному столу.

— Все готово. Пока вы переодѣвались, я, какъ видите, не терялъ времени. Кажется и нѣтъ ничего особеннаго, вся записка — нѣсколько свѣтскихъ, незначущихъ словъ. А между тѣмъ какъ сказано. Слова—точно... точно банты изъ лентъ, артистически завязанные, которымъ могла бы позавидовать Sévigné. Чудо, чудо! — прибавилъ онъ, цѣлуя концы пальцевъ и взялъ изъ рукъ ея стаканъ съ чаемъ, освобождая мѣсто на тѣсномъ, заставленномъ столѣ.

— Мерсі, все есть. Я со сливками... Ну, что же, я не былъ неблагодаренъ и не даромъ провелъ время безъ васъ? Каминъ какъ... въ декабрѣ, и если вы озябли... A propos, мнѣ насилу удалось вытребовать дровъ, и вообще не худо бы обратиться къ вашему управляющему и посовѣтовать ему перемѣнить штатъ прислуги,—прибавилъ онъ.—Это становится невозможнымъ, наконецъ. Сегодня тутъ происходитъ оргія какая-то и я не могъ представить себѣ, что вамъ придется идти мимо и, можетъ быть, видѣть ее.

— Сегодня хоронили профессора. Поминки, вѣроятно, — сказала Мирра, съ удивленіемъ прислушиваясь къ звуку собственнаго голоса и не узнавая его.

Ей было странно говорить и видѣть себя на своемъ всегдашнемъ мѣстѣ, за столомъ, передъ самоваромъ, посреди знакомыхъ предметовъ обстановки и вещей. Она поднесла къ губамъ чашку, сдѣлала одинъ глотокъ и почувствовала, что не можетъ пить. Несмотря на утомленіе, жажды не было. Холодъ не возбуждалъ желанія согрѣться. Чувство страннаго онѣмѣнія, какъ бы отчужденія всего, внутри ея существа лишало ее возможности согласиться на упрашиванья Костромитинова: съѣсть что нибудь изъ роскошнаго ассортимента дорогихъ лакомствъ, приготовленныхъ для нея на столѣ. Она переложила попавшійся сверху подъ руку въ нарядной бонбоньеркѣ ломтикъ ананаса на блюдечко своей чашки и забыла про него, забывая отвѣты, отвѣчая невпопадъ на вопросы Егора Андреевича.

Онъ по своему объяснилъ себѣ ея состояніе. Полученное письмо давало ключъ къ объясненію всѣхъ возможныхъ странностей въ теченіе этого вечера. Въ дѣйствительности письмо не представляло собою ничего особеннаго. Но — по контрасту ли довѣрчиваго въ минуту восхищенія закатомъ, вечеромъ и весной, болѣе экспансивнаго настроенія, съ обычной сдержанностью молодой дѣвушки, по общей ли всѣмъ людямъ склонности читать между строкъ то именно, что хотѣлось прочесть, но записка произвела особое впечатлѣніе на Егора Андреевича. Онъ мысленно сказалъ себѣ: теперь или никогда. Благоразумныя размышленія относительно неопредѣленности будущаго, давно уже блѣднѣвшія и отступавшія на задній планъ, отступили теперь окончательно. Онъ уже не задавалъ себѣ вопроса, что онъ будетъ дѣлать, очутившись въ фальшивомъ положеніи, которое еще недавно казалось ему невозможнымъ въ его лѣта, при его общественномъ положеніи. Тысячи людей на его глазахъ завязывали подобнаго рода отношенія каждый день; никто не осложнялъ ихъ излишнею щепетильностью. Онъ широкой рукой заплатилъ ей дань въ продолженіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ. Ждать еще было бы нелѣпо по отношенію къ нему и, можетъ быть, непрактично и неблагоразумно для объекта его влеченія — самой молодой дѣвушки. Ему не были извѣстны въ подробности причины, заставлявшія ее сильно измѣняться въ теченіе послѣдняго времени, таять и блѣднѣть на глазахъ у всѣхъ, но не нужно было особой проницательности для того, чтобы представить ихъ себѣ.

«Нуждается, денегъ нѣтъ, разумѣется... Можетъ быть, непріятности съ редакціей... Гонораръ не дозволяетъ взять, а ѣсть между тѣмъ нечего. Не на что было извозчика нанять. А долго ли простудиться и захирѣть. И прощай, красота!» — думалъ онъ про себя, поднявшись съ дивана и уговаривая Мирру помѣняться мѣстами, чтобъ поскорѣе согрѣться и отдохнуть.

— Не бережете вы себя! Право, это непростительно. Хоть бы меня пожалѣли, если не жалѣете себя, — говорилъ онъ, помогая ей перейти на диванъ, ловко и бережно поправляя и закладывая подушки за спиной. — Voila qui est fait! Что, все еще болитъ голова? Я не хочу принять это за тонкій намекъ на то, будто я долженъ уйти, — прибавилъ онъ съ значительной улыбкой, какъ бы говорившей, что онъ понимаетъ ея положеніе. — Я такъ ждалъ, какъ мальчишка ожидалъ нынѣшняго вечера.

Мирра молча вопросительно взглянула на него.

Костромитиновъ подвинулъ ей подушку подъ ноги, отошелъ къ столу и прислонился къ доскѣ, крѣпко взявшись за нее обѣими руками. Его рослая, сильная, красивая фигура подалась впередъ, казалась больше и сильнѣе въ этомъ положеніи, въ тѣснотѣ маленькаго помѣщенія. Свѣтлый цвѣтъ галстука и жилета былъ ему къ лицу и молодилъ, придавая особый тонъ свѣжести всему костюму. Запахъ сильныхъ духовъ, неразлучный съ нимъ и которымъ были пропитаны всѣ его вещи, наполнялъ комнату. Егоръ Андреевичъ говорилъ не умолкая, съ несвойственнымъ ему оживленіемъ, не замѣчая молчаливости своей слушательницы.

— Васъ удивляютъ мои слова? Вы съ такимъ видомъ сейчасъ взглянули на меня, ma chère enfant, — говорилъ онъ, на разстояніи всей комнаты, не спуская глазъ съ ея лица, досадуя на головную боль, которая дѣлала его менѣе обыкновеннаго привлекательнымъ. — А между тѣмъ это такъ, и я дѣйствительно ждалъ и былъ бы обиженъ, если бы не дождался. Что хотите! Безполезно долѣе скрывать отъ себя, да, пожалуй, и отъ васъ. Случилось то самое, чего я ожидалъ, хотя и боялся всегда: я привыкъ къ вамъ. Да, вотъ привыкъ бывать здѣсь, топить вашъ каминъ, подавать подушки, пить чай. Меня тянетъ сюда, какъ не тянетъ никуда, ни въ какое другое мѣсто въ N. Вамъ не вѣрится, кажется это удивительнымъ? Вы что-то сказали? Нѣтъ?

— Я ничего ...не сказала, — отвѣтила Мирра такъ тихо, что ему едва удалось разслышать ея слова.

Костромитиновъ отошелъ отъ стола, оглядѣлъ комнату и послѣ минутнаго колебанія помѣстился рядомъ съ нею, съ другой стороны низкаго, стариннаго дивана. Онъ вдругъ замолчалъ, оперся ладонями въ колѣни и опустилъ голову.

Размышляя въ теченіе послѣднихъ дней неизмѣнно въ судѣ во время веденія дѣлъ, на пріемѣ, среди разговоровъ съ кліентами, дома

у себя въ каждую минуту дня и ночи объ одномъ и томъ же предметѣ—Егоръ Андреевичъ не могъ не находить своего положенія до нѣкоторой степени исключительнымъ. Какъ онъ самъ сказалъ, онъ ждалъ этого вечера и не только ждалъ, но, не признаваясь въ этомъ самому себѣ, заранѣе и внимательно готовился къ нему.

Благодаря хорошей погодѣ, жаркимъ днямъ и исключительно ранней веснѣ, уже нѣсколько дней какъ можно было перемѣнить зимніе, толстые и толстившіе его сюртуки на костюмъ demie-saison, лучше облегавшій, позволивъ себѣ при этомъ ранѣе обычнаго срока свѣтлый галстухъ и даже жилетъ. На бѣду погода перемѣнилась съ полудня, но онъ все же надѣлъ сшитую осенью за границей синюю англійскую пару, придумавъ себѣ, въ случаѣ чего, сказать, будто выѣхалъ изъ дому съ утра. Онъ зналъ по опыту и по себѣ, какъ много значили иногда эти мелочи: наружность, тонъ туалета, духи. Онъ самъ любилъ чувствовать и сознавать въ себѣ это ощущеніе физическаго благосостоянія вмѣстѣ съ запахомъ своего здороваго, выхоленнаго тѣла, хорошаго табаку, тонкаго вина и любимыхъ духовъ. Пренебрегать не слѣдовало ничѣмъ. Правда, она была молода. Но, кто знаетъ! Изъ молодыхъ бываютъ раннія, и рыбьяго темперамента предположить въ ней было нельзя.

И тѣмъ не менѣе воображеніе рѣшительно отказывалось подсказать ему ту форму, въ которую могло вылиться то, что онъ мысленно, про себя, подсмѣиваясь надъ самимъ собой, называлъ своей *декларацією*. Послѣ перваго объясненія въ любви съ своей бывшей женой, съ лишнимъ двадцать лѣтъ тому назадъ, ему случалось не одинъ разъ чувствовать себя такимъ образомъ наканунѣ рѣшительной минуты, не испытывая при этомъ особаго волненія. Все рѣшалось просто, иногда даже черезъ-чуръ просто, безъ лишнихъ объясненій, нѣмыми и краснорѣчивѣе словъ говорившими взглядами, полунамеками, полусловами.

На этотъ разъ дѣло стояло иначе, и онъ не могъ не чувствовать различія. Обстановка, взаимныя положенія — все было другое. Она не принадлежала, какъ это случалось до сихъ поръ по большей части, къ обществу, въ которомъ онъ жилъ, волей неволей считаясь съ нимъ, и никакой страстной любовью онъ не могъ вызвать въ себѣ по отношенію къ ней, того, хотя бы и внѣшняго, но невольно бережнаго и почтительнаго отношенія, которое внушала ему, можетъ быть, въ дѣйствительности несравненно менѣе заслуживая его, самымъ положеніемъ своимъ дѣвушка и женщина изъ общества.

«Да и кто знаетъ, почемъ я могу знать», думалъ про себя Егоръ Андреевичъ, обсуждая свое и ея положеніе и стараясь понять и не пропустить ни малѣйшей черты. «При этой независимости, свободѣ жизни и знаменитой женской полноправности, она уже пять лѣтъ могла пользоваться свободой, видѣть и принимать когда хотѣла и кого вздумается. Можетъ быть я уже и не первый и раньше передо мной... Вересовъ тотъ же самый за доставленные переводы получалъ позволеніе цѣловать ручку. Можетъ быть и болѣе, и я не знаю что... Le revers de la medaille есть и здѣсь, какъ и во всемъ. Отсутствіе маменекъ и тетенекъ имѣетъ и свою дурную сторону. Можно будетъ поселить съ нею компаніонку, старушку какую-нибудь», порѣшилъ онъ, дѣлая мысленный скачекъ и обходя рѣшительную минуту, которую оставалось еще пережить.

Разсуждая хладнокровно и взвѣшивая умомъ, онъ находилъ, что при данныхъ обстоятельствахъ лучшаго выбора сдѣлать было нельзя. Правда, она была бѣдна и, сблизившись съ нею, необходимо было взять на себя заботы о ея существованіи. Но ему хорошо было извѣстно, во что обходилась яко-бы безкорыстная, свѣтская любовь: драгоцѣнныя бездѣлки, которыя необходимо было подносить въ видѣ постоянныхъ знаковъ вниманія, займы безъ отдачи, уплаты карточныхъ проигрышей, иногда вдвойнѣ за мужа и жену. Въ данномъ случаѣ не представлялось ничего подобнаго. Молодая дѣвушка была непрактична, повидимому, но разсудительна и не расположена къ обычному, женскому мотовству. Онъ долго и пристально изучалъ ее и въ этомъ отношеніи, входилъ въ ея хозяйственные разсчеты, подъ видомъ шутки заглядывалъ въ счетныя книжки и даже комоды и шкафы и оставался каждый разъ доволенъ всѣмъ видѣннымъ. Она соединяла въ себѣ пріемы и привычки, какіе даются строгимъ домашнимъ воспитаніемъ, то, что онъ называлъ видомъ enfant de bonne maison, съ особеннымъ оттѣнкомъ чего-то новаго, оригинальнаго, чего онъ не встрѣчалъ въ заурядныхъ свѣтскихъ барышняхъ N...скаго общества. На ея сторонѣ были прежде всего преимущества образованія. Она много читала и продолжала читать, занимаясь литературной работой. Съ своимъ видомъ семнадцатилѣтней дѣвочки она поражала иногда глубиной и серьезностью пониманія жизни и житейскихъ отношеній. При этомъ съ нею можно было говорить о нихъ, говорить обо всемъ, не рискуя встрѣтить жеманной уклончивости, ненавистной для него дамской pruderie, за которой по его наблюденіямъ скрывалась неизмѣнно всегда развращенность чувства и воображенія. Правда, ему случалось замѣчать недомысліе, излишнюю экзальтированность, иногда полуребяческое, полунигилистическое упорство въ отношеніи нѣкоторыхъ вопросовъ; но все это были прежде всего признаки и результаты ея молодости, такъ

какъ она была молода, также несомнѣнно молода, какъ несомнѣнно было то, что не былъ молодъ онъ самъ.

Но развѣ онъ былъ старъ? Развѣ старость было то чувство, которое охватило его, когда два дня тому назадъ онъ получилъ письмо, сто разъ читалъ и перечитывалъ, и цѣловалъ тоненькія строчки и насилу удержался, чтобы сейчасъ же не надѣлать глупостей, мальчишескихъ выходокъ, летѣть къ ней, говорить о своей любви.

И вотъ то самое, что казалось возможнымъ и легкимъ два дня тому назадъ, всего болѣе затрудняло его теперь. Главное затрудненіе было въ способѣ выраженія. Еще дома наканунѣ, обдумывая какъ и что онъ будетъ говорить, Егоръ Андреевичъ рѣшилъ про себя, что обычная, банальная форма не къ лицу ему въ его лѣта и въ тѣхъ особенныхъ условіяхъ, на которыя переводило ихъ немедленно это объясненіе.

«Ну, хорошо, я скажу ей: я люблю васъ», разсуждалъ онъ самъ съ собою. «И что же? Дальше то что, затѣмъ? Жениться я не могу. Я женатъ». На этой мысли онъ всегда останавливался. Она была несомнѣннымъ, твердымъ пунктомъ, съ котораго начинался поворотъ и новый ходъ размышленій. «Какъ будто только и свѣту, что въ окнѣ въ самомъ дѣлѣ и счастье возможно только въ женитьбѣ!» возражалъ онъ самъ себѣ. «Скорѣе какъ разъ наоборотъ. Я женился на своей женѣ и не сдѣлалъ ея и себя счастливѣе. А кто можетъ помѣшать нашему счастью здѣсь, неоглашенному и неизвѣстному никому. Да и зачѣмъ непремѣнно здѣсь! Можно уѣхать, перемѣнить, нарочно отдѣлать помѣщеніе скромное, уютное и не въ garnies, а гдѣ нибудь... Уѣхать за границу, наконецъ».

На этой мысли онъ прервалъ самого себя. Какъ бы то ни было, все это зависѣло не отъ него одного и онъ не зналъ еще ничего положительнаго.

Егоръ Андреевичъ повернулъ голову и взглянулъ на ту, къ кому относились всѣ размышленія, въ чьихъ рукахъ было то или другое осуществленіе желаній и надеждъ.

Мирра сидѣла не шевелясь, сложивъ на колѣняхъ руки и вздрогнула всѣмъ тѣломъ, когда Костромитиновъ шутливо окликнулъ ее. Ея взглядъ остановился на немъ съ выраженіемъ удивленія, какъ будто она не ожидала увидѣть его и была поражена тѣмъ, что онъ былъ тутъ подлѣ нея и обращался къ ней.

Егоръ Андреевичъ еще разъ пошутилъ надъ ея разсѣянностью, хотя отчасти она непріятно подѣйствовала на него.

«Кой чортъ! Чему же это она однако удивляется? Ужъ не ошибся ли я, и ей, можетъ быть, въ мечтаніяхъ пріятнѣе было бы увидать на моемъ мѣстѣ другого кого-нибудь? Можетъ быть, прославленнаго литератора? На здоровье! Но при чемъ же я здѣсь въ такомъ случаѣ?»

Костромитиновъ не былъ вхожъ въ литературные кружки, и журнальныя новости поздно достигали до него. Онъ не встрѣчалъ въ обществѣ и за послѣднее время мало слышалъ о Петрѣ Николаевичѣ. Исторія съ потерей мѣста для Анны и полученіемъ его Вересовымъ, оставалась неизвѣстной ему. Мирра не сочла нужнымъ ни однимъ словомъ обмолвиться о ней, отвѣчая односложно на поспѣшные его вопросы, въ другое время, навѣрное, поразившіе бы ее своей горячностью и настойчивостью.

Отвѣты ея и всего болѣе выраженіе, съ которымъ они были сказаны, успокоили Егора Андреевича. Онъ тотчасъ же просіялъ и заговорилъ прежнимъ тономъ, убѣдившись въ безопасности соперника.

— Au fond c'est un pauvre sire,—заявилъ онъ, нагибаясь впередъ корпусомъ и слегка раскачиваясь.—Это всегда было мое мнѣніе и я только удивлялся и не перестаю удивляться одному—вашему пристрастію. Не могу понять, чѣмъ онъ съумѣлъ заслужить его. Своей близостью къ литературѣ вообще? Это всегда почему-то дѣйствуетъ на женщинъ. Что онъ собственно дѣлаетъ теперь, интересно знать? Опять статьи пишетъ?

— Пишетъ статьи—повторила Мирра.

Костромитиновъ засмѣялся непріятнымъ смѣхомъ.

— На здоровье! И разумѣется критическія? Только приходило ли вамъ когда нибудь въ голову, что такое сами господа критики въ наше время? Я не о Sainte Beuve и не о Гервинусѣ говорю, а о заурядныхъ критикахъ, какіе пишутъ въ нашихъ журналахъ и газетахъ. Не шутя! Qu'est ce un critique? C'est généralement un homme de lettres, qui n'a pas pu produire de son propre crû une véritable oeuvre,—объявилъ Костромитиновъ, скромно умалчивая объ имени автора, изъ произведенія котораго онъ почерпнулъ это новое, пришедшееся ему по сердцу, опредѣленіе. Онъ всего нѣсколько дней передъ тѣмъ вычиталъ его самъ въ новой книжкѣ моднаго писателя и тогда же какъ находкѣ обрадовался ему, рѣшивъ воспользоваться первымъ же случаемъ, чтобы поставить на настоящее мѣсто ненавистнаго, прославленнаго литератора. Случай не замедлилъ представиться и онъ былъ доволенъ собой.

— C'est mon opinion et je le partage,—весело прибавилъ онъ.—И не будемъ больше говорить о немъ. Я бы самъ по себѣ и вообще не сталъ бы о немъ заговаривать, но вы знаете... Нѣтъ, вы не знаете меня...

Онъ покраснѣлъ неожиданно и на минуту замялся.

— Дѣло въ томъ, что я... Я не могъ ви-

дѣть тогда въ концертѣ и... вообще... Я не могу не быть ревнивъ. Et bien oui, j'étais jaloux et je le suis encore. Ревность—*чудовище съ зелеными глазами*... Вы представляете ее себѣ? И когда я представлю себѣ, что онъ тоже можетъ быть здѣсь, сидѣть подлѣ васъ такъ, на этомъ самомъ диванѣ, говорить съ вами и... и я ужъ не знаю что.

— Петръ Николаевичъ не бываетъ здѣсь,— сказала Мирра такъ тихо, что Костромитиновъ невѣрно разслышалъ ея отвѣтъ.

— Въ томъ то и дѣло, что бываетъ, и съ нимъ можетъ случиться то же самое, что случилось со мной. Вы вотъ удивляетесь тому, что я успѣлъ привыкнуть—продолжалъ онъ, проводя рукой по атласистой, во время разговора порозовѣвшей лысинѣ и наклоняясь такъ, чтобъ его глаза пришлись въ уровень ея лицу.—Нѣтъ, а я всю жизнь удивлялся какъ разъ наоборотъ тому, что люди считаются со всевозможными причинами и вліяніями и забываютъ это, самое важное и могущественное изъ всѣхъ—вліяніе привычки. Впрочемъ кто-то сказалъ: si j'avais le folie de croire au bonheur, je le chercherais dans l'habitude. Мнѣ очень жаль, что это не я сказалъ. Я бы желалъ это сказать. Меня предупредили и похитили мою мысль. Но все равно. Вы слишкомъ молоды, чтобы оцѣнить ея значеніе, а у меня составилась моя собственная философія на этотъ счетъ. Хотите ее узнать?—И не получивъ отвѣта и не смущаясь, онъ продолжалъ:

— Я считаю привычку... Вы такъ смотрите на меня? Да-съ, эту самую привычку, всѣми презираемую и приписываемую у насъ филистерамъ, знаете-ли, чѣмъ я считаю ее? Началомъ и основаніемъ всякой настоящей привязанности—ни болѣе, ни менѣе. Amour coup de foudre, разумѣется, это можетъ быть. Это бываетъ, говорятъ, въ романахъ вѣроятно чаще чѣмъ въ жизни. Но даже и въ романахъ, если они похоже изображаютъ жизнь, эта внезапная любовь проходитъ такъ же скоро, какъ и появляется. Основаніе прочному, серьезному чувству можетъ быть положено только однимъ—привычкою. И я берусь доказать...—Онъ улыбнулся и не договорилъ доказательства.—У меня плохая память, я забылъ грамматическія тонкости, но вѣдь корень у этихъ словъ—*привычка* и *привязанность* одинъ и тотъ-же, мнѣ кажется, не правда ли? Вы не забыли грамматики?

Егоръ Андреевичъ продолжалъ быть доволенъ собой. Самое трудное—начало было сдѣлано. Оставалось идти дальше, развивая свою мысль, любимую мысль, которую онъ считалъ своей, за которую всегда стоялъ, защищая отъ нападеній легкомысленныхъ или лицемѣрныхъ по его мнѣнію. На этотъ разъ она особенно кстати пришла ему на умъ. Говорить о привязанности было несравненно легче, нежели объясняться въ любви, а между тѣмъ въ концѣ концовъ дѣло сводилось къ одному и тому-же. Вообще же все было хорошо, кромѣ одного—настроенія его собесѣдницы. Оно не на шутку начинало безпокоить его.

Размышляя о предстоящемъ свиданіи, Костромитиновъ заранѣе порѣшилъ про себя, что молодая дѣвушка должна была непремѣнно робѣть, должна была смущаться и конфузиться. Это было въ порядкѣ вещей и не могло быть иначе. Но что-то новое, особенное, не похожее на робость и смущеніе было въ ней въ этотъ вечеръ, чего онъ не могъ не видѣть и не умѣлъ себѣ объяснить.

«Неужели непониманіе, не догадывается?» думалъ про себя Егоръ Андреевичъ и тотчасъ-же опровергъ самого себя, чувствуя непригодность этого соображенія. «Но нѣтъ, не можетъ быть. А записка какъ же? Да и наконецъ если и нѣтъ личной опытности, литераторъ точно потерпѣлъ фіаско на всѣхъ пунктахъ, такъ должно же быть знаніе теоретическое, хотя бы только то, какое даютъ романы, современное чтеніе. Переводить Зола и изображать собою статую невѣдѣнія... Плохо это вяжется между собой. Такъ неужели же?..»

Появившаяся мысль заставила его усмѣхнуться и пожать плечомъ.

«Неужели рѣшительно необходимы точки на і и неизбѣжна вся эта банальщина, спряженіе во всѣхъ наклоненіяхъ глагола *любить, люблю, я васъ люблю*,—и безъ этого нельзя?» Онъ рѣшился попытаться въ послѣдній разъ и началъ издалека упрекомъ въ похоронномъ настроеніи, въ которомъ не разсчитывалъ видѣть ее въ этотъ вечеръ. И за что? Что могло повліять? Похороны профессора? Умеръ старикъ, никому не нужный, успѣвшій пожить на своемъ вѣку.

— Оставимъ мертвымъ хоронить своихъ мертвецовъ...

На дворѣ все еще бушевала вьюга. Капли дождя съ жалобнымъ звономъ ударяли въ стекла. Вѣтеръ вылъ въ трубахъ. За стѣной продолжалось пѣніе. Въ освѣщенную, натопленную комнату въ незавѣшанныя окна смотрѣла ночь.

Мирра сидѣла неподвижно, опустивъ голову, повторяя въ умѣ послѣднія слова, поразившія слухъ.

«...Мертвые... хоронить мертвецовъ... Этой фразы и раньше она не понимала никогда. Возможно ли? Какъ могутъ мертвые дѣлать что нибудь, хоронить мертвецовъ? Не могутъ. Но мертвой можно быть и тогда, когда еще и не похоронили, не опустили еще въ землю. Холодно ли, или тепло тамъ подъ землей? Прошли ли уже насквозь черезъ землю и крышку гроба капли дождя? Дождь льетъ съ утра. Первый день тамъ, въ глубинѣ, внутри земли. Тихо-ли тамъ? Или есть свои шумы и звуки, особен-

ные, внутренніе, глубокіе какъ могилы. Есть мертвые и зато нѣтъ живыхъ. Никто не говоритъ. Корень словъ одинъ и тотъ же, но развѣ важны корни? Важно...»

Ей показалось вдругъ, что она слышитъ пѣніе. Она приподнялась, выпрямилась и подняла голову, всматриваясь въ крестообразный переплетъ рамы, отчетливо бѣлѣвшій на фонѣ стеколъ. Стекла, черныя и обрызганныя каплями, мѣшали доходить голосамъ и только одинъ не стѣсняемый ничѣмъ голосъ, которому никто не мѣшалъ, ближе и ближе слышался подлѣ нея сильный и нѣжный, настойчивый и требовавшій вниманія.

Она слушала и желала быть внимательной, смутно чувствуя важность для себя происходившаго и въ то же время не могла сосредоточить вниманія. Съ той минуты какъ она вошла въ комнату послѣ уличнаго скитанія, Мирра испытывала ощущеніе, какое бываетъ послѣ качки на кораблѣ или нѣсколькихъ дней непрерывнаго путешествія въ вагонѣ, когда уже и по пріѣздѣ долгое время еще остается тяжесть и круженіе въ головѣ, продолжается шумъ и звонъ, прерываемый безпорядочно-смѣшанными звуками, свистками, восклицаніями, обрывками слышаннаго. Она усиливалась и не могла разслышать: откуда, съ какой стороны раздавалось пѣніе? Раньше ли она слышала, или слышитъ теперь странныя, не замолкающія слова? Они сплетались уродливымъ каламбуромъ въ ея воображеніи: *привязанность къ своимъ привычкамъ*, *или привычка къ своимъ привязанностямъ*...

Но выговаривавшій слова, до шопота пониженный, нѣжный голосъ обрывался и дрожалъ отъ волненія. Красивые глаза съ измѣнившимъ ихъ, никогда не виданнымъ въ нихъ выраженіемъ, искали ея взгляда. Сильная рука овладѣла ея рукой и держала ее въ плѣну.

Мирра попробовала высвободить руку.

Ей это не удалось.

Она безпомощно оглянулась вокругъ и увидала фигуру Костромитинова уже не на диванѣ рядомъ съ собой, а внизу дивана, на коврѣ у подушки, на которой стояли ея ноги.

Онъ согнулся ниже и припалъ къ ея ногамъ.

Задыхающійся шопотъ послышался ей.

— Мирра, ангелъ мой! Вы знаете... Вы не можете не знать... Я люблю васъ.

«А такъ вотъ когда! Вотъ оно! Говорятъ это, или поютъ? Гдѣ поютъ? L'amour qui nous appelle... Мертвые своихъ мертвецовъ... Онъ говоритъ... Что онъ говоритъ?..»

Она вдругъ поняла.

Выраженіе страдальческаго недоумѣнія смѣнилось выраженіемъ ужаса въ ея лицѣ. Ей захотѣлось встать, освободиться, бѣжать. Силы измѣнили ей. Голубая, колеблющаяся пелена протянулась передъ глазами. Все стало уплывать вслѣдъ за ней. Мирра покачнулась и упала впередъ на лицо, головою на столъ и сознаніе оставило ее.

Обморокъ продолжался не болѣе минуты.

Ее разбудилъ знакомый звукъ, металлическое громкое щелканье задвижки въ дверяхъ, которую она запирала сама каждый вечеръ передъ отходомъ ко сну. Открывъ глаза, она увидала Костромитинова.

Онъ отходилъ отъ двери, осторожно ступая, и опустился на прежнее мѣсто на коврѣ.

Силясь проснуться, сквозь обморочное оцѣпенѣніе она чувствовала порывистыя объятія. Онъ цѣловалъ ея ноги, колѣни, складки платья, осыпая ее нѣжными названіями. Не увѣренія въ привязанности, признанія и клятвы любви шептали дрожавшія губы. Дрожа и обжигая ее своимъ прикосновеніемъ, рука обвилась вокругъ ея таліи, и она увидала другую руку, захватившую кисти пояса. Неумѣлые, прыгающіе пальцы, натягивая узелъ, силились развязать поясъ, обрывали и разстегивали пуговицы...

Оцѣпенѣніе изчезло разомъ. Она стояла у противуположной стѣны, стиснувъ руки и прижимая ихъ къ груди, обезумѣвшими глазами глядя передъ собой.

Костромитиновъ тяжело поднялся съ ковра и пошелъ за ней, протягивая объятія.

— Мирра, ангелъ мой! Дитя мое! Мирра, одно слово...

Онъ остановился, встрѣтивъ вытянутую, не гнувшуюся, какъ бы окаменѣвшую въ своемъ движеніи маленькую руку.

— Мирра! Боже мой! Что случилось? Что могло показаться вамъ? Сокровище мое, я всю жизнь свою, всю...

Онъ также не могъ говорить.

Страсть, долго сдерживаемая, прорвалась и охватила его. Онъ дрожалъ мелкой дрожью съ головы до ногъ, тяжело переводя дыханіе, попробовалъ отстранить, отвести вытянутую руку и, не успѣвъ, согнулся, приблизилъ губы и покрылъ ее поцѣлуями.

Рука сжалась и опустилась сама собой.

Костромитиновъ рванулся впередъ, охватилъ ея плечи, но не удержалъ и шатаясь взялся за стулъ, чтобы не упасть.

Онъ стоялъ противъ двери въ тѣсной, заставленной мебелью комнатѣ, загораживая дорогу и тотчасъ сообразилъ это, зная, что для того, чтобы уйти, она должна будетъ проскользнуть мимо него, и готовый на все. Но она вдругъ исчезла изъ его глазъ. Оглянувшись, онъ не сразу увидалъ ее въ углу самомъ дальнемъ отъ выхода, у дверей спальни.

Она стояла подлѣ окна, схватившись рукой за витую колонку старинной краснаго дерева этажерки, опустивъ другую руку на ребро подоконника. Твердый и громкій, какого онъ на

разу не слышалъ въ теченіе всего вечера, голосъ проговорилъ безъ признаковъ внѣшняго волненія.

— Если вы сдѣлаете шагъ, я буду кричать. Я позову людей.

Костромитиновъ вздрогнулъ и опустился на стулъ.

Впродолженіе нѣсколькихъ минутъ онъ сидѣлъ молча, обмахивая платкомъ разгоряченное лицо; потомъ всталъ, провелъ платкомъ по головѣ, налилъ воды на чайномъ столѣ, залпомъ выпилъ стаканъ и вернулся на прежнее мѣсто.

Проходя мимо, онъ оглянулся на Мирру, все также въ угрожающемъ положеніи продолжавшую стоять у окна, видимо готовую каждую минуту привести угрозу въ исполненіе.

Костромитиновъ недоумѣвалъ. Онъ былъ взволнованъ, взбѣшенъ, но главное чувство было все-же недоумѣніе. Сбылась минута, которой онъ ожидалъ впродолженіе двухъ лѣтъ. (Только тутъ онъ понялъ, какъ ни одного дня не переставалъ ея ожидать). Все было счастливо и соотвѣтствовало ожиданіямъ и вдругъ неожиданная выходка разстроивала все.

«Что же это? Ужъ не притворство-ли?» невольно подумалъ онъ. «Притворяется! Искусная актриса, комедія...»

Одинъ взглядъ въ направленіи окна разсѣялъ это предположеніе.

Онъ увидалъ безъ кровинки блѣдное лицо съ выраженіемъ ужаса въ неподвижныхъ глазахъ. Чувство жалости шевельнулось въ немъ рядомъ съ не стихнувшей страстью.

Не вставая, чтобы не испугать ея, онъ повернулся самъ вмѣстѣ съ тяжелымъ стуломъ въ направленіи къ окну и заговорилъ голосомъ, глухимъ отъ сдерживаемаго волненія.

— Я не хотѣлъ испугать васъ. Мнѣ жаль...— И вдругъ, какъ бы чувствуя, что все это было не то, и онъ не то хотѣлъ говорить, онъ схватилъ себя за голову.

— Мирра, зачѣмъ, зачѣмъ! Какъ мы могли бы быть счастливы! Дорогая...

— Чего вы хотите отъ меня?—спросила она, не мѣняя положенія и только сильнѣе, всѣмъ корпусомъ и запрокинутой головой прижимаясь къ узкому простѣнку, какъ бы желая раздвинуть стѣну и уйти въ нее.

Костромитиновъ будто только и ждалъ этого вопроса. Слова, признанія, увѣренія полились одно за другимъ. Онъ говорилъ о страсти, внушенной ему съ первой минуты перваго свиданія; (теорія привычки безжалостно разбивалась теперь имъ самимъ) о счастьи возможномъ, ожидавшемъ обоихъ, о поѣздкѣ за границу и жизни вдвоемъ. Говорилъ о своихъ надеждахъ и мечтаніяхъ, и о запискѣ, полученной накануѣ и дававшей ему право надѣяться и мечтать.

Говоря онъ всталъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ окну.

Мирра не замѣчала его. Она думала о другомъ: о письмѣ, о которомъ не разъ упоминалось въ теченіе вечера. Письмо вдругъ припомнилось ей отъ слова до слова, и она не нашла ни одного, которое могло бы подать поводъ къ чудовищному недоразумѣнію.

Костромитиновъ вывелъ ее изъ затрудненія.

— Вы писали, чтобы я приходилъ, что вы ждете меня... что вы рады видѣть меня... Гдѣ же это все, эта радость, Мирра? Радость моя...

Онъ былъ въ двухъ шагахъ отъ окна и остановился, замирая отъ ожиданія. Спокойный видъ ея при его приближеніи обнадежилъ и обманулъ его.

«Кто знаетъ, можетъ быть, это былъ только испугъ, неожиданность. Можетъ быть, удалось тронуть, и слова подѣйствовали. Должна же она видѣть, понять, что такъ нельзя, что это выше силъ».

Потерянная надежда оживилась въ сердцѣ. Улегавшаяся страсть новымъ жаромъ взбунтовала кровь, отуманивъ умъ.

Онъ ринулся впередъ и привлекъ ее къ себѣ на грудь...

Ощущеніе холода и рѣзкаго ворвавшагося вѣтра заставило его очнуться.

Онъ увидѣлъ себя на прежнемъ мѣстѣ у окна и надъ собой на черномъ фонѣ открывшагося, воздушнаго пространства фигуру Мирры, стоявшей на окнѣ, на бѣломъ полу подоконника; изъ-за края отпахнувшагося халата видны были маленькія, обутыя въ туфли, ноги. Она держалась рукой за верхнюю часть переплета рамы, каждую минуту рискуя потерять равновѣсіе.

Хмѣль страсти разомъ соскочилъ съ Костромитинова. Онъ сдѣлалъ невольное движеніе въ сторону окна и остановился, пораженный неожиданностью.

— Если вы осмѣлитесь... дотронетесь до меня... Я брошусь внизъ.

Егоръ Андреевичъ былъ слишкомъ спокойный и разсудительный человѣкъ, чтобы повѣрить, хотя бы и сгоряча, явно нелѣпой, преувеличенной угрозѣ, разсчитанной на его устрашеніе. Поэтому послѣ перваго впечатлѣнія невольнаго испуга отъ неожиданности онъ тотчасъ же опомнился и отошелъ отъ подоконника, не ожидая повторенія странныхъ словъ, которыя для него въ эту минуту имѣли одно рѣшающее значеніе. Ими полагался конецъ несомнѣнный и рѣшительный его ожиданіямъ и мечтамъ. На этотъ ли вечеръ, или навсегда, этого онъ не зналъ и не могъ думать о срокѣ въ данную минуту. Горечь обманутаго ожиданія, разочарованіе страсти, разбуженной и не нашедшей удовлетворенія, мутнымъ осадкомъ легли на душу, возбуждая озлобленіе къ той, въ комъ онъ видѣлъ преднамѣренную причину всего.

Въ первую минуту онъ молчалъ и не находилъ словъ для выраженія этого озлобленія.

Но слова нашлись.

Онъ выговаривалъ ихъ съ нескрываемымъ раздраженіемъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ элегантными оборотами и плавно льющимся краснорѣчіемъ, которымъ отличались его рѣчи, произносимыя въ защиту кліентовъ во время обязательнаго судоговоренія. Въ голосѣ и выраженіяхъ была даже нѣкоторая грубость; онъ даже возвысилъ голосъ раза два въ особенно сильныхъ мѣстахъ.

Мирра слушала, стоя на подоконникѣ, также неподвижно держась за раму, какъ она неподвижно стояла передъ тѣмъ у стѣны.

— Вводить въ заблужденіе человѣка, принимать его по вечерамъ съ глазу на глазъ въ продолженіе двухъ лѣтъ... Помилуйте! Я не манекенъ и не семидесятилѣтній старикъ! Да и вы не семнадцатилѣтняя дѣвочка, надѣюсь! Вы не могли не понимать. Это, это... Знаете ли вы какъ это называется? Это кокетство, которое ведетъ къ печальнымъ послѣдствіямъ. Не у всякаго найдется мое самообладаніе, которымъ вы слишкомъ злоупотребляли хотя бы только въ теченіе нынѣшняго вечера. Вы назначили сегодня мнѣ свиданіе у себя. Вы не можете отрицать этого. У меня есть письменныя доказательства...

И какъ это случается съ людьми, для которыхъ говореніе сдѣлалось не только средствомъ выражать свои мысли, но и обратилось въ привычное, практическое дѣло само по себѣ съ выработанными для него практическими пріемами—знакомыя, стереотипныя слова тотчасъ вызвали за собой знакомую интонацію, и онъ произнесъ фразу о письменныхъ доказательствахъ невольно тѣмъ самымъ тономъ, какимъ произносилъ, употребляя ее въ судебныхъ рѣчахъ. Между тѣмъ положеніе защищаемыхъ кліентовъ въ судѣ не могло имѣть ничего общаго съ его собственнымъ настоящимъ положеніемъ; это невольно тотчасъ же вспомнилось ему, и уже не приготовленная интонація, а безсильная обида возмущеннаго человѣка заслышалась въ его голосѣ, когда онъ продолжалъ:

— Разумѣется, я говорю не ради того. Я не могу сдѣлать никакого употребленія изъ вашей корреспонденціи—вы это прекрасно знаете. Но любопытно, что вы могли имѣть въ виду. Назначить свиданіе и... Вотъ къ чему привело оно. Къ какому объясненію! И къ какому положенію! — сказалъ онъ, презрительнымъ жестомъ указывая на окно. — Я полагаю, теперь довольно всего и возможно прекратить эту комедію. Вы рискуете простудиться. Да и поздно вѣроятно. Мое почтеніе!

Онъ захватилъ перчатки и мягкую шляпу со стола, и быстрыми шагами направился къ выходу, но не разсчиталъ и сильно толкнулся о запертую дверь.

Металлическое щелканье еще разъ донеслось до ушей Мирры вмѣстѣ съ шумомъ удалявшихся шаговъ. Женскій тонкій взвизгивающій голосъ и явно пьяный мужской ворвались въ открытую дверь. Потомъ кто-то снаружи затворилъ дверь, шаги смолкли, и все затихло.

XXXIX.

Первымъ движеніемъ Мирры, послѣ того какъ заперлась дверь, и она почувствовала, что осталась одна, было выпустить раму и сѣсть. Пальцы ея застыли и онѣмѣли на холоду и, продлись это еще нѣсколько минутъ, ей пришлось бы привести угрозу въ исполненіе, потому что ноги отказывались ее держать. У нея не нашлось даже силъ, чтобы спуститься съ окна. Она сѣла тутъ же на подоконникѣ, согнувъ ноги и прислонясь къ косяку въ привычной позѣ, въ которой любила сидѣть послѣдніе дни съ тѣхъ поръ, какъ вынули зимнія рамы, пользуясь высотой третьяго этажа, откуда ее трудно было видѣть и ей, наоборотъ, было видно все далеко вокругъ.

Въ эту минуту за темнотой ночи нельзя было видѣть ничего; но она и не хотѣла смотрѣть. Къ чувству усталости послѣ ходьбы (она ходила по улицамъ болѣе двухъ часовъ) присоединилось продолжительное душевное напряженіе и изнеможеніе послѣ него, вызванное происшедшею жестокою сценой, и она чувствовала теперь одно: желаніе закрыть глаза, перестать двигаться и перестать себя сознавать. У нея не явилось даже мысли закрыть окно. Для этого нужно было притворить двѣ половинки рамы, поднять задвижку, и для всего этого нужны были силы, которыхъ не было въ ней. Ночная сырость, поднимавшаяся изъ глубины двора, достигала до нея, но она не чувствовала холода.

Кругомъ между тѣмъ все начинало успокоиваться обычнымъ чередомъ.

Огромный, вѣчно наполненный, вѣчно шумящій улей-домъ затихалъ, готовясь ко сну.

Смолкли голоса и пѣніе за стѣной. Рядомъ въ сосѣднемъ номерѣ нѣсколько времени раздавались еще тяжелые и размѣренные шаги сосѣда—одинокаго жильца, любившаго ходить по комнатѣ взадъ и впередъ; потомъ стихли и шаги.

Оля постучалась въ дверь, выглянула на минуту, спросила: не нужно ли чего? И не получивъ отвѣта и, видимо, не желая, или не будучи въ состояніи ничего замѣчать, удалилась, затворивъ за собой дверь.

Прошло болѣе часу.

Мирра сидѣла, скрестивъ руки, прислонясь къ косяку, и не знала, спала ли она, или не спала. Вдругъ, какъ бываетъ это во снѣ и въ

забытьи, что-то съ силой встряхнуло, толкнуло ее изнутри. Она вздрогнула, разомъ открыла глаза и выпрямившись, пересѣла на окнѣ.

Въ комнатѣ было свѣтло. Обѣ лампы горѣли, рабочая на столѣ и другая нарядная и высокая, сохранившаяся отъ времени домашней обстановки, и которую она берегла и зажигала въ рѣдкихъ случаяхъ ради праздниковъ или гостей. Но гостей не было, а лампа была зажжена, и она сама сидѣла на подоконникѣ у открытаго окна.

«Что это? Который часъ?» подумала Мирра въ первую минуту, все еще не совсѣмъ очнувшись и плохо соображая.

Она повернулась, спустила ноги и взялась уже за спинку стула, чтобы легче сойти, но вдругъ съ живостью отдернула руку и остановилась, какъ бы увидавъ что-то необыкновенное, внушавшее ужасъ и отвращеніе.

Видъ стула въ измятомъ, сбитомъ на сторону, коленкоровомъ чахлѣ и то, какъ онъ стоялъ неправильно, бокомъ къ окну, какъ его сдвинулъ съ мѣста и оставилъ уходя Костромитиновъ, разомъ напомнилъ ей все.

Она зажмурилась, провела рукой по лицу и тотчасъ открыла глаза.

Около этого стула, здѣсь подлѣ окна, часъ тому назадъ, происходила борьба. Онъ схватилъ ея руки и притянулъ ее къ себѣ, увлекая за собой, но рядомъ стоялъ стулъ; онъ споткнулся и задѣлъ за стулъ; она воспользовалась минутой, высвободилась и вскочила на окно, съ котораго не сходила уже съ тѣхъ поръ.

«Да, такъ! Это такъ. И это все было. Да, вотъ что было. Теперь ясно все!» сказала себѣ Мирра и вдругъ почувствовала, что то смутное настроеніе какъ бы внутренней, душевной мглы, застилавшей для нея все со времени извѣстія объ отъѣздѣ Анны, разсѣевалось передъ нею, и она въ первый разъ ясно начинала видѣть себя, свое положеніе, то, что случилось и что должно было явиться теперь, какъ прямое и необходимое послѣдствіе всего этого случившагося.

Она раздумала и не спустилась съ окна, а только ближе придвинулась къ стѣнѣ, сгорбившись, наклонивъ голову, крѣпко охвативъ себя пальцами за локти въ своемъ желаніи занять какъ можно меньше мѣста, сжаться и уйти въ себя. И одно за однимъ впечатлѣнія и событія этого дня стали медленно выплывать и проноситься въ ея воображеніи.

Это былъ роковой, несомнѣнно отмѣченный день. Онъ начался похоронами и ими оканчивался. Человѣкъ, который часъ назадъ ушелъ отъ нея, ушелъ навсегда и, какъ мертвый, навсегда былъ потерянъ для нея. Но онъ ушелъ не одинъ. Что то вслѣдъ за нимъ также ушло изъ этой комнаты съ тѣмъ, чтобъ не возвратиться никогда.

Она подняла голову и усталыми и слабыми глазами съ опухшими вѣками, какъ послѣ тяжелаго сна, оглядѣла комнату.

Все въ комнатѣ и вокругъ было на своемъ мѣстѣ; кромѣ сдвинутаго стула и усиленно-яркаго освѣщенія все оставалось въ привычномъ, знакомомъ положеніи. Яркій свѣтъ раздражалъ и безпокоилъ, заставлялъ отворачиваться и закрывать глаза, но мысль пойти погасить лампу не приходила на умъ. Въ углу, близко отъ лампы, на открытой полкѣ, какъ всегда въ стройномъ порядкѣ, стояли присланные изъ редакціи желтые томики иностранныхъ романовъ—подлинники прошедшихъ и будущихъ переводовъ. Одинъ раскрытый съ забытымъ на немъ ножомъ, лежалъ на столѣ подлѣ кресла у самаго окна.

Мирра смотрѣла въ уголъ, не отводя глазъ.

Знакомыя книжки были главною и неизмѣнною принадлежностью ея существованія впродолженіе послѣднихъ лѣтъ. Книжки были ея молчаливыми собесѣдниками, стойкими противниками, съ которыми она вела непрерывную, ежедневную войну. И никогда въ спорахъ съ живыми людьми не обнаруживала она такой запальчивой горячности, какъ въ безмолвной полемикѣ съ невидимыми авторами и фантастическими героями, оживавшими передъ нею во время переводной работы. Имъ, не стѣсняясь, она бросала упреки въ преувеличеніи, непониманіи людей, въ умышленномъ сгущеніи красокъ и любви къ циническимъ подробностямъ, въ изображеніи мрачныхъ и грязныхъ сторонъ жизни. Каждая новая книжка являлась съ своей новой аргументаціей. Она не уступала. Споръ продолжался изо дня въ день.

Въ эту ночь конченъ былъ споръ. Побѣда была не на ея сторонѣ. Она сознавала себя побѣжденной. Правы были онѣ—грубыя, циническія книжки. Ужасъ и цинизмъ переводныхъ романовъ поблѣднѣлъ передъ цинизмомъ живой жизни, передъ ужасомъ безобразной сцены, героиней которой пришлось быть на этотъ разъ не вымышленному лицу, не героинѣ французскаго романа, а ей—Миррѣ самой.

Лицо ея слабо закраснѣлось при воспоминаніи, но тотчасъ же краска сбѣжала съ него. Оно было неузнаваемо; глубокая черта легла у губъ; глаза смотрѣли жесткимъ взглядомъ; лицо казалось постарѣвшимъ на нѣсколько лѣтъ.

«Да, такъ вотъ оно что! Да, это такъ!» шептала она про себя, не мѣняя положенія, тѣснѣе прижимаясь къ окну, и снова погрузилась въ свои размышленія. «Вотъ къ чему привело идеальное воспитаніе на семейныхъ добродѣтеляхъ, на англійскихъ сказкахъ и Тургеневскихъ романахъ. При первомъ толчкѣ рухнуло все, разлетѣлось въ прахъ. Открылись глаза... Только зачѣмъ было закрывать глаза? Зачѣмъ давать воспитаніе, съ которымъ нечего дѣлать въ жиз-

ни? Зачѣмъ? Зачѣмъ? Да, зачѣмъ?» повторяла она, не разжимая губъ, обращаясь съ вопросами къ каждому предмету въ комнатѣ.

И въ первый разъ въ продолженіе всей жизни горькое чувство шевельнулось въ ней по отношенію къ тѣмъ, кого теперь нельзя было спросить, отъ кого въ свое время зависѣли характеръ и ошибки воспитанія.

Основаніе каждому дѣлу—правда. Любимыя, подлинныя слова... Часто приходилось слышать ихъ за время воспитанія. А правды не было въ немъ. Была ложь. Хорошіе люди, хорошія дѣла, честность, нравственность, долгъ... Слова, хорошія слова! Въ жизни гдѣ они видали ихъ? Кому нужно это все? Героини Зола знаютъ, что нужно. И не нужно скрывать. Нужно имѣть мужество, отпуская въ жизнь свою дочь, сказать ей: иди и не вѣрь никому. И знай, не будетъ пощады тебѣ. Не защитятъ и не спасутъ хорошія слова. Долой Тургеневщину! Выписать романы Зола въ женскія учебныя заведенія, дать въ руки молодымъ дѣвушкамъ. Пусть читаютъ. Пусть знаютъ, что ожидаетъ ихъ. Онѣ вѣдь всѣ ждутъ героевъ, *Лаврецкихъ*, *Инсаровыхъ*, героевъ *Первой любви*. Но любви нѣтъ никакой! Нѣтъ ея! Ужасъ есть! Ужасъ!» почти крикнула она вслухъ, прижавъ руки къ груди, чувствуя приливъ прежняго волненія, новаго ужаса, отъ котораго перехватывало дыханіе.

И ужасныя, грубыя картины и грубыя слова приходили на умъ, вставали въ памяти, просились на языкъ. Она съ отвращеніемъ покачала головой и тотчасъ сама остановила себя.

«Что же дѣлать! Поздно отворачиваться. Въ жизни оно такъ. Грубое и дурное составляетъ суть жизни, а совсѣмъ, совсѣмъ не идеальное и хорошее, какъ учили насъ. Теперь ясно это, видно вполнѣ, нѣтъ сомнѣнія. Идеальное хорошо въ гостиной, можетъ быть—въ литературѣ, въ салонныхъ разговорахъ, можетъ быть—въ адвокатскихъ рѣчахъ, въ публичныхъ лекціяхъ. А какъ дойдетъ до дѣла, два человѣка, съ глазу на глазъ, одинъ на одинъ... въ пустой комнатѣ... Господи! О, Господи!»

Стонъ вырвался у нея, судорога пробѣжала по лицу.

Ей вспомнился Костромитиновъ, его свѣтскій тонъ и изящный видъ, который она цѣнила въ немъ и, можетъ быть, перецѣнивала.

«И конечно, безъ сомнѣнія перецѣнивала. Да, вотъ и это тоже старательно привитая воспитаніемъ черта—любовь къ внѣшности, къ красотѣ, изяществу. Съ какой заботливостью прививали, воспитывали ее! А между тѣмъ—грязь подъ этой красотой, мерзость въ этомъ изяществѣ! Все—ложь, фальшь, мишура, ловушка, чтобъ возбудить инстинкты во вкусѣ Зола!»

Она вздохнула и медленно опустила голову.

«Или не тамъ я искала, гдѣ нужно было, по привычкѣ увлекаясь внѣшностью? Можетъ быть были другіе, не свѣтскіе, простые, серьезные, хорошіе люди?»

Но въ ту же минуту, едва поставивъ вопросъ, она съ силой тряхнула головой, сморщившись, какъ отъ нестерпимой боли. Другая фигура, не свѣтская и не представительная, безъ претензіи на изящество встала въ воображеніи.

«Это ли не простота! Серьезный, искренній тонъ и слова, слова безъ конца, а на дѣлѣ... Надругательство надъ всѣмъ, о чемъ говорятъ на словахъ, хула на Духа Святаго. И вотъ она—жизнь! Хотѣлось ее узнать: что тамъ за стѣнами, за стеклами этихъ оконъ? Я манила, я звала ее—жизнь. Она откликнулась и вошла на зовъ ко мнѣ сюда, въ меблированную комнату. Вотъ она! Хочешь ее такую? Вотъ они всѣ: Сережа, Дольникова, Вересовъ и Костромитиновъ. И такіе они всѣ. И это правда, а не прежнее, о чемъ говорили, когда занимались воспитаніемъ. Нѣтъ, нѣтъ! Не оно, не оно! Если бы было оно—не было бы всего этого. А это все есть, и останется навсегда, сегодня и завтра, и черезъ годъ, и завтра... Да, завтра... Завтра встану, Оля принесетъ самоваръ... Ну, и потомъ? Дальше что? То что было до сихъ поръ? Чай пить, книжки переводить! Прежнее и по старому?»

Она даже усмѣхнулась, такъ невѣроятна показалась ей эта мысль возвращенія къ старому, невозможная уже по той причинѣ, что все то самое, что составляло суть и основу этого стараго, было разрушено и перестало существовать. Кто то вдругъ подошелъ и безжалостной рукой расшаталъ въ самыхъ основаніяхъ обманчиво-прочное зданіе ея душевнаго благополучія, не оставивъ ничего, за что можно было бы схватиться, положить въ основу новаго устройства, чтобы продолжать жить.

«Кончено это! Да, кончено все! Больше нѣтъ ничего», мысленно рѣшала она, перебирая въ умѣ все тѣ же соображенія и тѣмъ сильнѣе убѣждаясь въ вѣрности своей мысли. «Всѣ мы такъ ужь воспитаны, что непремѣнно ждемъ на свою долю чего то удивительнаго, самаго лучшаго и прелестнаго. Но прелестнаго нѣтъ ничего. И развѣ я двухъ людей потеряла, разувѣрившись въ тѣхъ двоихъ и теряя ихъ теперь? Кому я могу повѣрить послѣ нихъ? И почемъ я могу знать, что не будетъ опять обмана, опять лживыхъ словъ, дружескихъ чувствъ, за которыми одно—желаніе выждать срокъ, захватить врасплохъ и добиться своего. И вездѣ, и у всѣхъ одно и то же. Любовь къ народу и восхищеніе искусствомъ, Фаустъ, чтеніе... Ахъ!.. Я одна могла вѣрить всему, пойти на эту приманку. Другіе знали навѣрное и давно видѣли все».

Ей вспомнился вдругъ взглядъ Оли и улыбка, когда, отвѣчая какъ то на вопросъ: не былъ

М. П. КЛОДТЪ.

„Въ антрактъ“.

(XXII передвижная выставка 1894 года).

Фототипія Шерера и Набгольца.

Право репродукціи принадлежитъ „Артисту“.

Фототипія Шерер, Набгольцъ и Ко въ Москвѣ.

Фототипія Шерерь, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

ли кто въ отсутствіи ея, она сказала: — Баринъ былъ. И на повторенный вопросъ опять улыбаясь, повторила съ удареніемъ:—Какой! Нешто не знаете? *Баринъ*, я говорю.

Вся кровь бросилась тогда въ лицо Мирры. «Какъ смѣть такъ улыбаться! Позволить себѣ такимъ тономъ говорить со мной!» негодуя и возмущаясь, думала она тогда.

Теперь она не чувствовала въ себѣ возмущенія.

«Что-же, Оля была права. Она уже тогда видѣла и понимала то, чего не замѣчала я. Какъ опытный человѣкъ, не получившій идеальнаго воспитанія, она предвидѣла неизбѣжныя послѣдствія фальшивыхъ отношеній и этой улыбкой заранѣе признавала ихъ и приравнивала меня къ себѣ. Оттого-то я такъ и оскорбилась тогда. А между тѣмъ развѣ это было невѣрно и не сбылось? Все, все было вѣрно и все то же самое и даже пріемы одни и тѣ же у всѣхъ. Тамъ водка и пряники, здѣсь покрасивѣй и подороже. Но развѣ не все равно!»

Она съ омерзѣніемъ взглянула въ сторону стола съ яркимъ кругомъ абажура на бѣлой скатерти и розовой коробкой по серединѣ круга у огня.

«Завтра все это увидятъ... найдутъ», подумала она и вдругъ остановилась, ловя себя на чемъ то *новомъ*, внезапно появившемся въ умѣ, пугаясь этого *новаго* и перебивая ходъ собственныхъ мыслей.

Но *новое* не было новымъ для нея. Оно давно гнѣздилось невѣдомо для сознанія, тайно въ душевной глубинѣ и выплывало теперь на поверхность, находя для себя выраженіе въ мысляхъ и робко въ первый разъ, мысленно произнесенныхъ словахъ.

Мирра вздрогнула, широко открыла глаза и тотчасъ, уже не про себя, а вслухъ шопотомъ, какъ бы оспаривая и въ чемъ то стараясь увѣрить самое себя, стала повторять одни и тѣ-же слова.

— Ну-да, ну-да! Разумѣется увидятъ и найдутъ. Безъ меня найдутъ, потому что не будетъ меня. Потому что не могу же я быть... вообще быть, и здѣсь быть... .

Она все быстрѣй и быстрѣй повторяла тѣ же слова, захвативъ рукой кисти халата, играя и перекидывая ихъ передъ собой. Но вдругъ выраженіе страданія исказило ея лицо. Она крѣпко сжала, взглянула на нихъ и съ силой отбросила отъ себя кисти. Онѣ описали круговое движеніе и воротились обратно на ея колѣни.

Мирра подняла руки и закрыла лицо.

Ей вспомнился эпизодъ страшнаго вечера, сразу разбудившій ее изъ обморочнаго состоянія, минута, когда она открыла глаза и увидѣла подлѣ себя, рядомъ со своимъ плечомъ съ полузакрытыми глазами и улыбкой самозабвенія, красивую голову, отклоненную назадъ, между тѣмъ какъ дрожавшіе пальцы держали кисти пояса и разрывали и натягивали узелъ.

«Куда отъ него уйти! Куда уйти мнѣ отъ этого воспоминанія», съ отчаяніемъ думала она, быстрѣй и быстрѣй движеніями маленькихъ рукъ отряхивая платье, съ закрытыми глазами сильнѣе затягивая запутавшіеся шнурки. «Оно пойдетъ неотвязно, слѣдомъ за мной, какъ кисти у пояса и никогда, никогда»...

— Уйти совсѣмъ, уйти навсегда—говорилъ тихій голосъ изъ таинственной глубины.

Уже смѣлѣй, не удивляясь и не пугаясь, а внимательно, почти съ любопытствомъ прислушиваясь, она затихла сама, сложила руки и найдя новое, болѣе удобное положеніе, поправилась всѣмъ тѣломъ и передвинулась на окнѣ.

И опять, еще разъ, въ сотый разъ въ теченіе этого вечера побѣжала мысль по знакомому пути, отмѣчая новыя вѣхи на немъ и не измѣняя направленія. Картины прошедшей жизни, словно листы живописнаго альбома, который переворачивала невидимая рука, безконечно развертывались и протягивались передъ нею. Она не узнавала знакомыхъ картинъ въ новомъ освѣщеніи, которое придавало имъ новое пониманіе ею всего окружающаго; но чѣмъ болѣе невозможнымъ казалось представить себѣ повтореніе чего-либо, хотя бы отдаленно-похожаго на это прошлое, тѣмъ яснѣе являлось сознаніе своего безсилія что либо перемѣнить, передѣлать въ немъ, повернуть стрѣлку и рѣшительнымъ движеніемъ перевести жизнь на новый путь. Дѣйствительность стояла на лицо, не оставляя мѣста иллюзіямъ.

«Да, это все такъ, такъ», думала она. «Но что бы ни думать, перемѣнить ничего нельзя. Все останется по старому—необходимость работать, переводы. Я могу мучиться, могу умирать каждый день, но если я хочу жить, я должна переводить, потому что они не могутъ, потому что теперь можетъ быть и не захотятъ ждать».

Въ первый разъ ей представилась эта новая сторона ея положенія въ томъ измѣненномъ видѣ, который придавало ей удаленіе Анны и замѣщеніе ея Вересовымъ. Не могло быть сомнѣнія въ справедливости предсказанія Анны относительно того, что Вересовъ могъ лишь временно удовлетвориться отвоеванной, незначительной ролью секретаря. Она должна была послужить переходомъ, ступенькой для дальнѣйшаго возвышенія. Его авторитетъ и значеніе въ редакціи увеличивались на глазахъ у всѣхъ. Не было ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что со временемъ въ его руки могло перейти завѣдываніе журналомъ и самый журналъ изъ слабыхъ рукъ неудавшагося медика, ставшаго неудавшимся литераторомъ.

Миррѣ вдругъ представилась не въ иноска-

заніи, а въ дѣйствительности рука Петра Николаевича. Короткая и широкая съ расширеніями въ суставахъ, рука эта держала пачку денегъ, обтрепанныхъ и нечистыхъ, мелкихъ кредитокъ. Деньги были гонораръ за доставленные переводы. Рука протягивалась къ ней съ кредитками и что-то давало ей понять, что отнынѣ предстояло всегда такъ, именно этимъ способомъ получать деньги за исполненную работу. Способъ этотъ не былъ принятъ въ редакціи, и она наравнѣ со всѣми получала деньги черезъ посыльнаго артельщика, расписываясь въ книгѣ о полученіи; но при томъ состояніи мыслей, которое было въ ней въ эту минуту, ей казалось возможнымъ все. Она отворачивалась, чтобы не видать руки и не хотѣла брать грязныхъ бумажекъ. Но не взять ихъ значило остаться безъ денегъ, рисковать умереть голодною смертью.

Мысль о голодѣ, впрочемъ, несмотря на то, что ей не разъ пришлось испытать его въ теченіе послѣдняго времени, безпокоила ее менѣе всего. Несравненно и неизмѣримо важнѣе было другое—чувство голода душевнаго, которое угрожало ей теперь съ одновременной потерею наиболѣе близкихъ людей.

«Никого! Одна»—шептала она, ломая пальцы, съ искренней безнадежностью, которую возбуждаетъ всегда сознаніе огромности потери, заслоняющей все остальное. «Одна на свѣтѣ... А между тѣмъ я знаю себя. Я люблю людей. Я не могу жить безъ людей. Всѣ любятъ что нибудь:—театръ, музыку, игры, развлеченія. Я любила одно—людей и разговоры. Я лишилась ихъ и не сумѣю найти. Замѣнить Анну Михайловну, дождаться ее... Встрѣтить новаго Вересова, добиваться новыхъ знакомствъ, ѣздить на вечера, просиживать часы въ ожиданіи съ измученнымъ, голоднымъ лицомъ! Не могу, не могу!»

Ей живо представились картины популярныхъ общественныхъ вечеровъ и фигуры дѣвушекъ знакомыхъ и незнакомыхъ, между которыми она ясно видѣла теперь также и себя. И если ей всегда было мучительно больно и жаль другихъ, тѣхъ чужихъ дѣвушекъ, которыя могли такъ ожидать и смотрѣть—себя она ненавидѣла за этотъ голодный взглядъ. Она не прощала его себѣ.

«А между тѣмъ, кто знаетъ, можетъ быть это все и не такъ и тамъ, именно тамъ ожидало меня мое счастье, котораго я не сумѣла найти». Ей вспомнилась видѣнная на одномъ изъ вечеровъ фигура юноши-студента: хорошее, молодое лицо и особенно серьезное, задумчивое выраженіе, съ которымъ онъ смотрѣлъ на нее, оглядываясь нѣсколько разъ, когда ей случалось вставать и проходить мимо. Одинъ разъ она неожиданно повернула голову и встрѣтила не серьезный, а сдержанно-восхищенный взглядъ. Имъ видимо хотѣлось заговорить, обоихъ влекло другъ къ другу. Но онъ не нашелся, не сумѣлъ подойти; Вересовъ подошелъ, отвлекъ ее въ сторону. Имъ не случилось встрѣтиться еще разъ.

А затѣмъ пройдетъ еще годъ, еще два, три года и надежда встрѣтить кого-нибудь будетъ уменьшаться съ каждымъ днемъ. И невольно въ жалкомъ, измученномъ выраженіи застынутъ поблекшія, помертвѣвшія черты. Воображеніе быстрѣй и быстрѣй бѣжало впередъ. Она видѣла уже себя въ знакомомъ образѣ старой, жалкой, сгорбленной старухи, одинокимъ, безпомощнымъ существомъ. Желтыя книжки по-прежнему остаются единственнымъ средствомъ къ существованію и бываетъ хуже, когда не бываетъ ихъ... «Шить умѣете? Почемъ гербъ гладью?»—спрашиваетъ Алина Павловна. Она получаетъ заказъ скаредный, жалкій и возвращается съ нимъ ночью, одна, пѣшкомъ. Дождь идетъ, вѣтеръ валитъ съ ногъ. Слабыя, старыя ноги скользятъ. Грязь кругомъ, грязь подъ ногами, грязь и темнота...

Ходьба ночью въ дурную погоду по улицамъ имѣла всегда особенное, преувеличенно-страшное значеніе въ глазахъ Маріи Евграфовны. Необходимость идти угнетала ее какъ кошмаръ.

«Но она—та жалкая старуха, та не смѣетъ отказаться, та должна идти. Идетъ и спотыкается, хватается за стѣны. Прохожіе толкаютъ ее. Грязь, грязь!» въ ужасѣ шепчетъ Мирра, вздрагивая плечами и сжимая руки, чувствуя горячія капли на нихъ, слезы жалости къ несчастной идущей женщинѣ. «Бѣдная!.. Но она—это вѣдь не она. Это я. Я сама», соображаетъ вдругъ Мирра и не можетъ удержать поднимающихся рыданій. Они сотрясаютъ все ея тѣло. Слезы падаютъ на холодныя, озябшія руки. Холодъ пробѣгаетъ вдоль спины. А по странной прихоти воображенія въ умѣ рисуется уже другая, ничѣмъ не связанная, яркая картина.

Холода нѣтъ. Свѣтло и тепло. Лѣтній солнечный день. По тропинкѣ вдоль зеленыхъ полей идетъ бодрая, высокая фигура. Рядомъ съ нею, усиливаясь чтобы поспѣть, и не отставая ни на шагъ, бѣжитъ дѣвочка подростокъ. И это тоже она, отецъ и она, ихъ обычная прогулка вдвоемъ. Они говорятъ, разговоръ не прерывается ни на минуту, говорятъ о литературѣ и служебныхъ дѣлахъ, объ искусствѣ и новыхъ книгахъ и о житейскихъ отношеніяхъ. Тонъ серьезный, чуть-чуть пониженный до уровня дѣтскаго пониманія. Но она все понимаетъ и принимаетъ къ сердцу, всѣмъ интересуется, все хочетъ знать. Она слушаетъ съ бьющимся сердцемъ, съ восторгомъ и восхищеніемъ, стараясь не проронить ни слова, надѣется и мечтаетъ со временемъ... Гдѣ это время? Куда сги-

нули, исчезли мечты? Забыто, забыто все! Было что-то хорошее, свѣтлое, далекое тамъ впереди. Къ нему нужно было идти. А идти пришлось не къ нему. Смерть пришла, измѣнила, исковеркала жизнь. Заботы о кускѣ хлѣба, поденщина. Тускло впереди...

«*Если не можешь сдѣлать блага, удались отъ зла.* Не могу. Не могла сдѣлать того немногаго, которое поставила передо мной, на моей дорогѣ судьба»...

Комната съ казенными, двуцвѣтными стѣнами, желѣзная кровать, наивныя и любопытныя лица кругомъ... Маленькая женщина съ недоброю улыбкой протягиваетъ младенца, завернутаго въ пестрые лоскуты. Она—Мирра принимаетъ его на свои руки и выпускаетъ его изъ своихъ рукъ.

«И ребенокъ погибъ, и мать погибла...Неужели, неужели же оттого?... Умѣли отстоять свое, узнали уставъ новой жизни, умѣли жить и дѣлать благо другія—бодрыя и сильныя, смѣлыя и рѣшительныя... А теперь одно остается, одно! Спасти себя. Спасти отъ жизни. Страшна она—жизнь, страшнѣе смерти. *J'aimerais mieux profaner un hôtel, que mon corps.* Кто это сказалъ? Какая нибудь Шарлотта или Клара? Да, да, кто нибудь изъ нихъ. Это въ ихъ духѣ. Вотъ онѣ какія чистыя, какія прекрасныя! И какъ это имъ легко. Грязь жизни отмели съ ихъ дороги заботливыя руки. Ими любуются, объ нихъ пишутъ писатели. Костромитиновы глазъ не осмѣливаются поднять на нихъ. Неприступна ихъ чистота. Костромитиновы чувствуютъ это съ перваго слова, по первому взгляду. А со мной онъ не чувствовалъ этого. И онъ былъ правъ, а я была виновата. Да, онъ былъ правъ, потому что онъ видѣлъ, что я понимаю его и оставляю, не гоню его прочь. А я хотѣла и не могла прогнать. Я знала, что это не любовь, но мнѣ хотѣлось любви. Я знала, что это не хлѣбъ, но я была голодна. Голодные не разборчивы въ выборѣ. И не было выбора, и не было подвига. Вересовы и Костромитиновы... Переводы вмѣсто подвиговъ... Но кончено все. Теперь все прошло. Послѣднее остается. Пора!»

— Пора!—говоритъ тихій голосъ, и рыданія одни отвѣчаютъ ему. Она слушаетъ его и чувствуетъ, что это не чужой голосъ, это ея собственный голосъ, это она сама, ея собственная душа, мысль ея души, затаенная, долго таившаяся, побѣдительно вставшая теперь, отстраняя и заслоняя собой все остальное.

Мирра поднимаетъ голову и долго, пристально, не мигая смотритъ передъ собой и глубоко переводитъ дыханіе. Рыданія затихаютъ, черты успокаиваются. Строгое выраженіе появляется въ обострившихся, нѣжныхъ чертахъ и уже не покидаетъ лица, и завершившійся ходъ скорбной мысли заключается однимъ простымъ вопросомъ: *какъ?*

Вопросъ этотъ не застигаетъ ее неожиданно. Тамъ, гдѣ до времени таилась мысль, въ глубинѣ душевнаго тайника созрѣвало обсужденіе вопроса, много разъ представлявшагося воображенію до того дня, когда ему пришлось стать вопросомъ практическимъ, требующимъ немедленнаго рѣшенія. Не разъ въ пережитыя горькія минуты приходилось ей наединѣ съ самой собою обсуждать подручные способы избавленія себя отъ жизни непосильно тяжелой, терявшей въ глазахъ ея привлекательность и смыслъ. Способы эти были разнообразные, иногда дѣтскіе и неосуществимые. У нея являлась мысль броситься съ высоты разворошенной насыпи, въ глубину семейнаго склепа, въ день похоронъ матери и только во время подхваченное движеніе, принятое за обморокъ, спасло ее отъ возможности разбиться о каменныя плиты. Она думала о голодѣ, о различныхъ способахъ отравленія.

«Они воображаютъ, что если они наклеютъ ярлыки съ мертвой головой и скрещенными косточками и не продадутъ яду, нельзя будетъ найти чѣмъ отравить себя, когда понадобится, безъ нихъ», думала она иногда съ насмѣшливымъ и торжествующимъ выраженіемъ, наблюдая въ аптекахъ осторожность, съ которой производилась выдача опасныхъ лѣкарствъ. «Какъ будто бы нельзя отравить себя тѣмъ, чего они не боятся и о чемъ никогда не думаютъ, первымъ, что попадется подъ руку».

На бѣломъ, нарядномъ туалетномъ столикѣ, напротивъ дверей отворенной спальни посреди мелкихъ бездѣлокъ, стояли доведенные до возможнаго изящества, съ притертыми пробками лѣкарственные пузырьки.

«Налить, смѣшать одеколонъ съ іодомъ. Сережа прописалъ мышьякъ. Налить мышьяку. Бертолетовая соль, спиртъ для кофе. Сожжетъ и подѣйствуетъ... Гадко! Пахнетъ... Не проглотить... тошнота». Она чувствовала уже во рту вкусъ спирта, и противный, луковый запахъ іода, раздражая ноздри, заранѣе возбуждалъ тошноту. «Нѣтъ не это, нельзя. Другое... Знаю».

Но другого, она вспомнила, не было подъ руками. И спичекъ не было. Завтра можно было приготовить и достать нужное. Она на минуту задумалась и тотчасъ же рѣшительно тряхнула головой. Ждать было нельзя. Она знала, что *завтра* не могло уже наступить для нея. Не только до завтра, невозможно было отложить на одинъ часъ. Она чувствовала уходившія силы, слабость мысли и воли, утомленіе и боль онѣмѣвшихъ членовъ.

Всего труднѣе было оставаться сидѣть на холодныхъ и жесткихъ доскахъ подоконника;

но по какому-то странному, непонятному для нея самой соображенію, она не рѣшалась встать и уйти съ окна. Мысль пойти въ спальню, лечь въ постель, вытянуться, закрыться одѣяломъ, приходила на умъ. Ощущеніе теплаго, мягкаго прикосновенія нѣжной лаской на минуту представилось ей. Она уперлась рукой въ шершавый, выбѣленный мѣломъ косякъ окна и, потянувшись, оглядѣла спальню.

Постель не была оправлена на ночь. Закрытыя покрываломъ подушки бѣлѣли въ слабомъ освѣщеніи.

«Оля забыла, не приготовила? Такъ нужно. Да, не нужно, не нужно идти», думала она, отказываясь отъ намѣренія и рѣшая вопросъ. «Зажжена лампадка. Кто зажегъ? Оля не входила. Я, но когда? Не помню. Да, все такъ! Но скорѣе нужно. Главное—скорѣй. А еще... не молилась я. Помолиться и лечь. Поздно. Пора».

Она шевельнулась, пробуя стать на колѣни, какъ дѣлала всегда передъ отходомъ ко сну; но рѣзкая боль въ колѣняхъ, въ сочлененіяхъ, не дала ей согнуться и перемѣнить положенія. И не мѣняя положенія, сильнѣе всѣмъ тѣломъ упираясь на одну руку, загнувъ голову, чтобы видѣть дальше, она нѣсколько секундъ вглядывалась въ дальній, освѣщенный уголъ спальни, не отводя глазъ.

Строгій, весь изъ прямыхъ, удлиненныхъ линій темный ликъ стариннаго греческаго письма загадочно смотрѣлъ, обнаженный отъ ризы, озаряясь снизу трепетнымъ огонькомъ.

Отуманенные глаза съ послѣднимъ, страстнымъ моленіемъ о помощи и указаніи устремились на образъ въ ожиданіи отвѣта...

Мирра тяжело вздохнула, перекрестилась и съ тѣмъ самымъ движеніемъ, съ которымъ ложилась въ постель, осторожно, чтобы не разбудить боли, перекачнувшись на бокъ, легла на окно. Это было нужно, она чувствовала это. Что она сдѣлаетъ дальше, что должно было сдѣлаться—она все еще не знала и не могла бы сказать. Но лечь было нужно, и она легла.

Широкій, углубленный подоконникъ стариннаго, огромнаго окна почти хваталъ для ея роста, и ложась она смутно ожидала испытать знакомое чувство облегченія, пріятнаго потягиванья усталыхъ членовъ, которое испытывала каждый разъ, ложась ночью въ постель. Но лежать было жестко, холодно и неудобно, слишкомъ коротко для ногъ и, вмѣсто облегченія, колючая, острая боль пронизала ее снова отъ колѣнъ до головы.

«Да, все такъ. Такъ нужно все. Облегченія уже не можетъ быть. Скорѣй. Надо скорѣй».

Не ожидая облегченія, машинально уступая боли, она сдѣлала безпокойное, сильное движеніе, легла наискось и почувствовала подъ рукой выступъ подоконника и холодное, леденящее прикосновеніе чего-то, что не было уже подоконникомъ.

Ложась, въ первую же минуту она закрыла глаза и, хотя кругомъ было свѣтло, она не видѣла свѣта и чувствовала темноту. Рука, передвигаясь, нащупала покатый выступъ желѣзнаго листа, прибитаго къ стѣнѣ съ наружной стороны окна. Быстрая, какъ молнія вспыхнувшая, мысль мгновенно освѣтила окружавшую темноту.

«Еще разъ... подвинуться еще и не будетъ листа... Не будетъ ничего... Оно... А, такъ вотъ какое оно! Темно... не видно... Увидятъ. Боже мой! Господи! Ты меня прости...»

Опершись ладонями обѣихъ выпрямленныхъ, загнутыхъ назадъ рукъ, она поднялась, выпрямила спину и однимъ сильнымъ, быстрымъ движеніемъ перекачнулась всѣмъ тѣломъ на середину желѣзнаго листа.

Листъ погнулся подъ тяжестью. Соскользнувшая, судорожно сжавшаяся рука послѣднимъ, конвульсивнымъ движеніемъ попыталась на секунду удержаться, хватаясь за острый край, обрѣзая пальцы и не удержалась.

Слабый, чуть слышный крикъ, шорохъ, желѣзный звукъ погнувшагося и выпрямленнаго листа нарушили тишину.

Выпавшій за день снѣгъ заглушилъ звукъ паденія.

XL.

Въ началѣ второго часа ночи генеральша Лозовская не спала еще и стояла на молитвѣ передъ божницею, занимавшею весь уголъ просторнаго, прекраснаго номера, лучшаго въ домѣ.

Генеральша только что окончила партію въ пикетъ съ новымъ управляющимъ, который сразу сумѣлъ завоевать ея симпатіи обходительностью, угодливостью, а всего болѣе, очевидно, вполнѣ искренней готовностью предоставить себя въ ея распоряженіе каждый вечеръ ради игры въ карты, чувствуя къ нимъ столь же сильную склонность, какъ и она сама. Оба только что разстались съ пріятнымъ сознаніемъ возможности свидѣться на другой же день, не имѣя для этого надобности выходить изъ дому, подвергая себя неожиданностямъ дурной погоды, бушевавшей впродолженіе цѣлаго вечера.

Новый управляющій былъ пожилой, вдовый, одинокій человѣкъ и получалъ квартиру тутъ же въ домѣ, въ счетъ жалованья. Старый управляющій былъ напротивъ молодой, семейный человѣкъ, имѣлъ отдѣльную квартиру и почти не показывался въ меблированныхъ комнатахъ.

Окончивъ игру и размышляя о преимуществахъ новаго передъ старымъ съ ея личной точки зрѣнія, генеральша собственными руками перенесла и уложила собачку въ обитую красной фланелью, стеганую корзиночку, отпустила на время дѣвушку и стала къ образамъ на ши-

томъ коврикѣ, соблюдая привычный обрядъ передъ отходомъ ко сну. Она дочитывала уже послѣднія, заложенныя закладкой, пожелтѣлыя страницы молитвенника, когда странный шумъ отъ чего-то какъ бы срывающагося сверху и съ быстротой летящаго внизъ, заставилъ ее поднять голову. Что-то темное, длинное, огромное, какъ показалось ей, мгновенно пролетѣло мимо незавѣшеннаго окна. Затѣмъ послышался стонъ, и тотчасъ же затихло все.

Старушка вздрогнула, перекрестилась, подергала чепчикъ и съ минуту прислушалась, недоумѣвая: почудилось-ли ей что-либо на яву, было-ли что-нибудь, или не было ничего. Она попробовала вернуться къ молитвеннику, но не могла. Постоявъ съ минуту и успокоившись, она сообразила, что почудиться чему-нибудь было бы невѣроятно. Ей не случалось задремать стоя, тѣмъ болѣе на молитвѣ, — да и раньше ее не клонило ко сну.

Она подошла къ окну, поглядѣла въ него, но, боясь холода, не рѣшилась открыть и позвала дѣвушку.

Сѣдая, въ такомъ же чепцѣ — и похожая на нее лицомъ, дѣвушка выглянула изъ-за перегородки, запахивая кофточку.

Генеральша объяснила ей, въ чемъ дѣло, приказала одѣться и пойти самой посмотрѣть.

— Сердце не на мѣстѣ. Я всю ночь не усну, все будетъ думаться: что бы такое могло быть? Ты пойди сама. Сама посмотри. Я увижу изъ окна.

Отводя душу воркотней, копотливо по старушечьи одѣваясь, дѣвушка появилась наконецъ изъ-за перегородки, одѣтая, до послѣдней минуты не теряя надежды, что барыня образумится, раздумаетъ и не пошлетъ ее среди ночи въ холодъ и темноту. Но пришлось идти. Она вышла, и вмѣсто ожидаемаго возвращенія съ извѣстіями, генеральша услыхала подъ окнами своихъ комнатъ голоса, восклицанія, плачущій женскій голосъ и суетню и новые, прибывающіе голоса, между тѣмъ какъ никто не являлся съ разъясненіемъ того, что все это значило и она чувствовала себя въ критическомъ положеніи, одолѣваемая безпокойствомъ и любопытствомъ и невозможностью удовлетворить ихъ.

Пріотворивъ дверь въ слабо, по ночному освѣщенный корридоръ, она увидала своего недавняго партнера—управляющаго, поспѣшно пробѣгавшаго къ выходу, вдѣвая на ходу рукавъ теплаго пальто. Онъ замѣтилъ ее, но не остановился и только махнулъ рукой. Въ сосѣднихъ нумерахъ задвигались также, заслышались шаги. Весь домъ былъ на ногахъ и страшная новость успѣла уже облетѣть всѣ комнаты, когда вернулась въ слезахъ, съ свернутымъ комочкомъ передъ глазами мокрымъ платкомъ первая посланная и объявила, что «Болотинская барышня наложила на себя руки, выбросилась изъ окна».

Несмотря на поздній часъ ночи, распорядительностью новаго управляющаго были тотчасъ приняты необходимыя мѣры и разосланы гонцы. Поѣхали за докторомъ, дали знать полиціи, ближайшей родственницѣ и Аннѣ Михайловнѣ, къ которой рыдая и захлебываясь отъ слезъ, сразу очнувшись послѣ вечерняго хмѣля, опрометью бросился самъ Андрей. Поддавшись душевному разстройству, онъ однако невѣрно взялъ поворотъ, сбился съ дороги, пробродилъ болѣе часу и уже свѣтало, когда Анна, наскоро одѣвшись и отрядивъ его за извозчикомъ, вмѣстѣ съ нимъ подъѣзжала къ воротамъ Черенинскаго дома.

Весенняя, ранняя заря занималась надъ городомъ. Тянулъ предразсвѣтный холодокъ. Въ сторонѣ двора, подъ знакомыми окнами, стояла кучка народа, сдержанно разговаривая. Всѣ тотчасъ-же посторонились, давая дорогу подъѣхавшей дамѣ съ взволнованнымъ, блѣднымъ лицомъ.

Замирая отъ ужаса, не вѣря возможности несчастія до послѣдняго мгновенія, Анна быстрыми шагами перешла длинный дворъ и остановилась впереди собравшейся толпы.

— Птиченька!—вырвалось у нея глухимъ рыданіемъ.

Въ блѣдныхъ лучахъ занимающагося утра, на снѣгу, затоптанномъ вокругъ, но не тронутомъ подлѣ самаго тѣла, она лежала склонивъ голову къ плечу, откинувъ въ сторону раненую руку, въ сѣромъ платьѣ, напоминая подстрѣленную птичку и казалось только что перестала дышать. Выраженіе страданія сохранилось еще у губъ и въ остановившихся, полузакрытыхъ глазахъ. Голова уцѣлѣла и незамѣтно было внѣшняго поврежденія тѣла. Смерть была несомнѣнная, но не смѣли тронуть тѣла въ ожиданіи врача.

Стоя на снѣгу на колѣняхъ, въ короткой кофточкѣ, безъ шляпы, съ съѣхавшимъ назадъ, развязаннымъ платкомъ, Анна не отводила глазъ отъ лица своего друга, терзая себѣ сердце повторяющимися вопросами. «Зачѣмъ? Что случилось? Что могло заставить? За что?»

Онѣ видѣлись въ этотъ самый вечеръ, всего нѣсколько часовъ тому назадъ и, кромѣ понятнаго, вполнѣ естественнаго огорченія, которое она приписывала своему отъѣзду и размолвкѣ съ Вересовымъ, незамѣтно было ничего особеннаго, что могло бы подать поводъ къ какимъ-либо опасеніямъ. Что-нибудь было еще, должно было случиться потомъ послѣ ухода, прибавилось новое и перетянуло въ сторону внезапнаго рокового рѣшенія. Но сколько она ни думала, здѣсь, въ виду неостывшаго еще тѣла, Анна не могла разрѣшить сомнѣній. Разъясненіе должно было найтись тамъ, въ ком-

натѣ на верху. Могло быть оставлено письмо, записка. Но даже въ томъ случаѣ, если бы не нашлось ни одного слова, видъ, въ которомъ была оставлена комната, расположеніе вещей, занимавшихъ въ послѣднюю минуту, ей, хорошо знавшей привычки, вкусы, подробности жизни покойной, могли быть понятны признаки и мелочи, ускользавшіе отъ наблюденій постороннихъ лицъ. Но комната была заперта. Никого не впускали въ нее. Управляющій уѣхалъ въ участокъ, доктора еще не было, а никому изъ присутствовавшихъ у нея не могло явиться желанія задавать какіе бы то ни было вопросы.

Аннѣ пришлось не раньше, а вмѣстѣ со всѣми посторонними, съѣхавшимися для составленія акта полицейскими и врачемъ, съ помощью прислуги переносившими тѣло, войти въ комнату.

Первый взглядъ, съ первыхъ же шаговъ, неопровержимо и ясно подтвердилъ худшія изъ ея предположеній.

Обѣ лампы горѣли еще, непріятно мѣшаясь желтыми огнями съ блѣднымъ утреннимъ освѣщеніемъ. Раскрытыя коробки дорогихъ лакомствъ стояли нетронутыя на столѣ и никакая записка, ни одинъ предметъ въ комнатѣ не показывали приготовленія къ самоубійству, заранѣе обдуманному и въ послѣднюю минуту лишь приведенному въ исполненіе.

Съ возбужденнымъ, энергическимъ лицомъ, безъ слезъ, съ чувствомъ слѣдователя, прибывшаго на мѣсто преступленія, Анна переходила отъ одного къ другому предмету въ комнатѣ, доискиваясь сама не зная чего, какихъ-либо вещественныхъ доказательствъ, которыя могли бы подтвердить ея предположенія. Въ спальнѣ постель оставалась нетронутая, закрытая покрываломъ. Очевидно она не ложилась въ эту ночь. Все кругомъ было въ обычномъ, безукоризненномъ порядкѣ, кромѣ чайнаго стола и кое-гдѣ передвинутой мебели. На вопросы Оля и Андрей давали безтолковые, нелѣпые отвѣты.

«Пьяны были навѣрное и не помнятъ ничего», думала Анна, глядя въ ихъ разстроенныя, опухшія физіономіи, слушая вопросы полицейскихъ, которые составляли актъ, и понимая, что этимъ путемъ добиться ничего было нельзя.

«Что *онъ* былъ здѣсь—въ этомъ сомнѣнія нѣтъ», рѣшала она про себя. «Его дары, и приношенія. Некому кромѣ него. Я пойду его спрошу. Онъ долженъ знать. И хоть бы найти что-нибудь, платокъ, перчатку, отнести ему, бросить въ лицо. Ничего нѣтъ. Чисто обдѣлываютъ свои дѣла эти господа. Но все равно, я не посмотрю на это и пойду. Я заставлю его отвѣтить себѣ и скажу ему въ глаза все».

Что было это *все*, которое она собиралась сказать Костромитинову, Анна хорошенько не знала еще сама. Она испытывала поднимавшійся въ ней гнѣвъ, взрывъ негодованія и мстительнаго чувства и инстинктивно поддавалась ему, чтобы не отдаться тоскѣ мучительной и безъисходной, разрывавшей ей душу при видѣ того, что происходило вокругъ.

Полицейскій врачъ, осмотрѣвъ тѣло, констатировалъ переломъ спинныхъ позвонковъ. Смерть должна была быть мгновенною по его словамъ.

Маленькій и толстый, въ неопрятномъ мундирѣ и съ сонными лицомъ, докторъ обратился къ Аннѣ съ своимъ заявленіемъ, соболѣзнующимъ тономъ, очевидно предполагая въ ней родственницу умершей.

Анна сидѣла подлѣ окна, на стулѣ въ сбитомъ чахлѣ и ничего не нашлась отвѣтить, машинально слѣдя за тѣмъ что дѣлалось вокругъ и въ чемъ сама она не чувствовала себя въ силахъ принять какое либо активное участіе.

Вокругъ происходила обычная въ подобныхъ случаяхъ суматоха, еще усиленная въ этотъ разъ исключительностью обстановки меблированныхъ комнатъ, отсутствіемъ руководящаго всѣмъ, распоряжающагося лица.

Докторъ, исполнивъ свое дѣло и давъ подпись на составленномъ актѣ, уѣхалъ, торопясь къ утреннему пріему въ участкѣ. Полицейскіе также ушли. Кто-то говорилъ о вскрытіи, неизбѣжномъ для самоубійцъ. Группа женщинъ съ генеральской горничной во главѣ обступили диванъ, на который перенесено было холодѣвшее уже тѣло. Незнакомые, посторонніе люди входили и выходили, хлопали дверями, говорили, покачивали головами и оглядывали комнату.

Анна продолжала сидѣть, чувствуя себя въ неловкомъ положеніи и не зная, что предпринять, чтобы выйти изъ него. Будь возможность помочь, спасти, ухаживать за раненой, она бы знала, что дѣлать, и сумѣла бы найтись. Здѣсь же представлялась область чуждыхъ ей, неизвѣстныхъ, хотя и необходимыхъ житейскихъ дѣйствій, въ которыхъ она чувствовала полную свою несостоятельность. Между тѣмъ близость ея къ покойницѣ, извѣстная всѣмъ, какъ бы налагала на нее отвѣтственность и обязанности своего рода, исполненія которыхъ явно ожидали отъ нея всѣ.

Двѣ женщины вопросительно обернулись въ ея сторону и Оля подошла къ окну, закрывая фартукомъ опухшее отъ слезъ лицо. Кто-то замѣтилъ, что пора бы омыть покойницу, покуда не закоченѣло тѣло.

Анна поднялась съ мѣста, чувствуя возраставшее замѣшательство, когда дверь осторожно отворилась и пропустила сѣдую голову, и вслѣдъ за головой въ комнатѣ появился небольшого роста, худощавый и благообразный старикъ.

Остановившись на порогѣ, Астафьичъ нето-

ропливо перекрестился на образъ, поклонился отдѣльно, какъ знакомой, Аннѣ Михайловнѣ и другимъ, бывшимъ въ комнатѣ, и, протѣснившись между стоявшими, подошелъ къ дивану.

Что-то дрогнуло въ сухихъ, старческихъ чертахъ, несмотря на привычное самообладаніе. Онъ тряхнулъ головой, отвернулся отъ любопытствующихъ, устремленныхъ на него женскихъ лицъ и подошелъ къ Аннѣ Михайловнѣ.

— Ихъ превосходительство Александра Павловна не такъ здоровы. Разстроились очень, не могутъ быть — началъ онъ почтительнымъ шопотомъ, склонивъ голову и показывая глазами въ сторону дивана. — Обрядить бы надо. Какъ изволите приказать?..

— Ахъ пожалуйста! Я не знаю. Я готова все, — торопливо заговорила Анна, чувствуя, что найдена помощь и выходъ изъ затруднительнаго положенія и сдѣлала шагъ въ направленіи дивана.

— Да вы не извольте безпокоиться. Помилуйте, гдѣ-же самимъ! Старушку бы вашу сюда прислать, Дарью Ивановну. Она бы подсобила, что нужно, обрядить какъ быть должно.

«И когда онъ успѣлъ познакомиться, узнать Дарью!» думала Анна, одѣваясь въ передней, куда Астафьичъ вышелъ провожать ее, подалъ калоши и держалъ наготовѣ пальто. Она чувствовала, что могла теперь спокойно уйти, оставляя хозяиномъ положенія надежнаго человѣка и уходя, на всякій случай предупредила только о вскрытіи.

Тонкія, характерныя губы старика, не взирая на всю почтительность, сложились презрительной усмѣшкой при словахъ о вскрытіи, и онъ рѣшительно отвергъ возможность этого предположенія.

— Потрошить-съ! — повторилъ онъ, усиливая тономъ презрительность выраженія. — Помилуйте! Чего-же тутъ, кому потрошить. Дѣло прямое-съ! Замучились. Во страхѣ Господнемъ возрощены были, а вотъ грѣхъ какой... попустилъ Господь. Не съ нихъ взыщется. Ну теперь все же какъ долгъ христіанскій велитъ. Въ случаѣ чего докторъ свой есть, Сергѣй Андреевичъ. Да и генеральша не дозволятъ того, будутъ хлопотать.

И отворивъ дверь и почтительно вытянувшись, онъ пропустилъ передъ собой Анну Михайловну.

Дорогой, во время ходьбы на воздухѣ и дома, отославъ Дарью и оставшись съ сыномъ, Анна неотступно думала объ одномъ — свиданіи съ Костромитиновымъ. Оно казалось ей теперь своего рода долгомъ совѣсти передъ покойной и дѣломъ необходимости. Она не могла ясно вообразить себѣ подробностей этого свиданія, того, какъ она войдетъ, что скажетъ, что сдѣлаетъ, какъ можетъ принять ее въ сущности почти незнакомый ей человѣкъ. Она даже не знала его адреса, но она рѣшила увидать его и колебалась только относительно того, какимъ образомъ мотивировать и обставить свое посѣщеніе. Пойти-ли въ судъ, вызвать его въ судѣ или пойти на квартиру къ нему, или пригласить его пріѣхать къ себѣ? Но онъ могъ отказаться и не принять приглашенія.

Анна рѣшила узнать адресъ и отправиться къ нему въ домъ.

«Войду и посмотрю ему въ глаза. Только это одно. Да и больше ничего. Тогда все узнаю. И онъ будетъ знать, что есть человѣкъ, который знаетъ все».

«Ну а дальше? Что же однако потомъ?» спрашивала она себя черезъ минуту. Развѣ имъ, такимъ какъ онъ, это не все равно! А надо, чтобы было не все равно, чтобы онъ почувствовалъ, зналъ. Наказать нужно. Да, наказать. Это необходимо. Но какъ? Напечатать все... Но гдѣ? Въ какой формѣ? Не примутъ. Да и долго ждать... револьверъ?.. Застрѣлить его? Самое лучшее! Да, да, необходимо застрѣлить. Стрѣляли-же въ Семенова и въ Горскаго, и тоже женщины. Другого способа нѣтъ и нельзя оставлять безнаказаннымъ. Тогда пойметъ, почувствуетъ наконецъ. Револьвера нѣтъ. Ну, это пустяки, можно достать. Дѣти... Да, вотъ дѣти... Да, это вопросъ».

И она почувствовала при этомъ вопросѣ сильнѣй съ первой минуты не покидавшее ее сознаніе чего-то, что было *не такъ* и что, несмотря на всѣ усилія ума, не налаживалось почему-то и не устраивалось въ этихъ соображеніяхъ.

«Дѣти? Да, конечно. Но развѣ я не заступилась бы, позволила бы оскорбить свое дитя, Вѣрочку, напримѣръ, мою собственную дочь? И развѣ она не была дочерью для меня, самымъ дорогимъ, близкимъ по душѣ, прелестнымъ ребенкомъ? Какъ она уходя прижалась ко мнѣ въ послѣднюю минуту». И при этомъ воспоминаніи слезы налились ей въ глаза. Анна съ трудомъ удержала рыданіе. «Какъ было не понять, отпустить ее, не побѣжать за ней въ ту минуту! Какое ослѣпленіе нашло!» Ей вспомнилось измученное лицо, блѣдность, растерянный видъ Мирры, ея тревожные и настойчивые вопросы. И какой отвѣтъ она ей дала! И что можно было сказать кромѣ общихъ мѣстъ? Но не даютъ успокоенія общія мѣста.

Тяжелое, безплодное сожалѣніе, сознаніе вины непоправимой закрадывалось въ душу, заслоняя мысль о мщеніи и наказаніи виновнаго.

Но отступить сразу было невозможно. Возмущенное чувство требовало удовлетворенія и, уже не думая о револьверѣ, она все же рѣшила пойти и увидать Костромитинова съ мыслью на мѣстѣ, смотря по обстоятельствамъ, принять тотъ или другой образъ дѣйствія.

Ей не пришлось осуществить свой планъ

такъ скоро, какъ она надѣялась. Дарья не возвращалась. Нужно было самой вести на прогулку все еще слабаго и болѣвшаго Митю. Потомъ пріѣхалъ Моховъ, привезъ обѣщанныя деньги и книгу, которую нужно было перевести. Онъ казался пораженнымъ и искренно опечаленнымъ судьбою юной сотрудницы журнала и вызвался самъ помѣстить сочувственную замѣтку въ *Союзѣ* и на завтрашній день некрологъ въ одной изъ газетъ. Потомъ явились кое-кто изъ общихъ пріятельницъ за подтвержденіемъ страшнаго извѣстія, а послѣ возвращенія Дарьи пришлось бѣжать самой въ домъ Черенина, узнать что сдѣлано и не нужно-ли чего, денегъ на необходимые расходы для панихидъ и похоронъ.

Въ комнатѣ шли приготовленія къ первой панихидѣ, когда Анна взошла въ нее и остановилась удивленная и растроганная.

«Да ему бы гдѣ нибудь администраторомъ, церемоніймейстеромъ служить!» думала она, невольно, несмотря на грусть, сжимавшую ей сердце и слезы, застилавшія глаза, любуясь неторопливой распорядительностью, спокойными пріемами и утонченнымъ тактомъ распорядителя, совершившаго такъ скоро и просто все необходимое въ той области и жизненномъ дѣлѣ, которыя были обставлены такими непреодолимыми затрудненіями для нея самой.

Посреди комнаты — изъ нея было вынесено все лишнее—на столѣ, покрытомъ подколотой по угламъ бѣлоснѣжной скатертью, на подушкѣ съ нарядными оборками, причесанная, убранная и нарядная лежала покойница. Какъ это бываетъ всегда съ мертвыми лицами черезъ нѣсколько часовъ послѣ смерти, черты расправились и не сохранили своего первоначальнаго выраженія. Совершенное спокойствіе было въ нѣжныхъ, кроткихъ чертахъ, и невольно при взглядѣ на нихъ въ душѣ Анны сильнѣй и настойчивѣй зашевелилось сомнѣніе въ осуществимости своего плана и значеніи его для той, ради кого она могла желать его осуществленія.

Не могла ли быть, напротивъ, оскорбительной для ея памяти возможность какого бы то ни было подозрѣнія? Позволительно ли было допустить соединеніе ея имени съ именемъ человѣка, которому въ дѣйствительности не угрожали никакія улики, никакое обличеніе. Да и Богъ вѣсть, были ли основанія для рѣшительнаго обвиненія исключительно одной стороны, и не правъ ли былъ честный старикъ, по своему понявъ значеніе происшедшей драмы и выразивъ его однимъ простымъ словомъ: «замучилась». Подробности и перипетіи этой жизненной драмы проходили у всѣхъ на глазахъ. Вина была безъ сомнѣнія, но... «не съ нея взыщется». Виноваты были всѣ, если нужно было непремѣнно найти виноватаго, а въ обѣлѣніи и отмщеніи не могла нуждаться она, такая свѣтлая и чистая, съ этимъ дѣтскимъ лицомъ и невозмутимо, торжественно-спокойнымъ выраженіемъ.

Анна подошла ближе и стала на колѣни.

Молиться она не могла. Но тишина давно неиспытаннаго умиленія охватила ее. Еще недавно казавшіеся неотложными и важными, бродившіе въ умѣ ея вопросы и мысли представились такими ничтожными теперь передъ таинственнымъ величіемъ совершившагося, и она поднялась съ колѣнъ умиротворенная и растроганная, въ первый разъ со времени рокового извѣстія вполнѣ овладѣвъ собой.

Панихида началась. Она стала у стѣны со свѣчой и оглядѣла собравшихся, невольно обративъ вниманіе на общій составъ, по большей части незнакомой ей публики, собравшейся къ панихидѣ.

Почти все была женская молодежь, молодыя дѣвушки. Маша Леонтьева стояла впереди всѣхъ, подлѣ самой покойницы розовая, взволнованная. Не плакалъ никто. Всѣ крѣпились изъ всѣхъ силъ, чтобы сохранить по мужски необходимое самообладаніе. Но серьезны и задумчивы были молодыя лица. Страшная загадка этой неожиданной, таинственной смерти угнетала всѣхъ, наводя на мысли о своей судьбѣ и собственной жизни, такой же молодой, бродившей и не установившейся.

За недосугомъ Мирра мало посѣщала курсы и не успѣла сблизиться ни съ кѣмъ за исключеніемъ Леонтьевой; это не мѣшало ей пользоваться общей симпатіей съ тѣмъ особымъ оттѣнкомъ сдержанности и уваженія, который всегда примѣшивается къ отношеніямъ, не переступающимъ извѣстныхъ границъ въ сближеніи.

По окончаніи панихиды молодыя дѣвушки сговаривались между собой относительно будущихъ панихидъ, выноса и вѣнковъ. Предполагалось нести гробъ на рукахъ, но было недостаточно народу. Не всѣ еще знали и не всѣ собрались. Кто-то вспомнилъ о публикаціяхъ въ газетахъ.

Астафьичъ успокоилъ всѣхъ извѣстіемъ, что публикаціи были посланы уже отъ имени генеральши Полозовой.

XLI.

На другое утро объявленія о смерти дѣйствительно появились въ двухъ наиболѣе распространенныхъ газетахъ вмѣстѣ съ сочувственной замѣткой, написанной Моховымъ. Но и кромѣ замѣтки въ тотъ же день въ газетѣ противуположнаго направленія, на первомъ мѣстѣ напечатана была статья, избравшая себѣ темой печальный случай, обставивъ его неизбѣжными добавленіями, обобщеніями и разсужденіями въ извѣстномъ вкусѣ и съ извѣстными пріемами краснорѣчія.

Егоръ Андреевичъ чувствовалъ себя не въ духѣ и не совсѣмъ здоровымъ, второй день не

выходилъ изъ дому и не безъ удовольствія пробѣгалъ начало статьи за утреннимъ завтракомъ, когда фраза *бросилась изъ окна* заставила его вздрогнуть и опустить газету. Онъ тотчасъ же поднялъ ее, перевернулъ страницу, и обѣ руки его задрожали, и краска сбѣжала съ лица.

На первой страницѣ вверху въ траурной каемочкѣ значилось:

Александра Павловна Полозова съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщаетъ родныхъ и знакомыхъ о кончинѣ племянницы своей Маріи Евграфовны Болотиной. Панихиды...

Но онъ не могъ читать далѣе.

Въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ онъ неподвижно смотрѣлъ на газету, валявшуюся у его ногъ, и, казалось, не вѣрилъ глазамъ. Сомнѣній однако быть не могло. Онъ еще разъ взялъ и перечиталъ объявленіе, положилъ на столъ газетный листъ и, заложивъ руки въ карманы, началъ непривычно скорыми шагами ходить взадъ-впередъ по комнатѣ.

Впечатлѣніе было сильное и тѣмъ сильнѣй, чѣмъ менѣе онъ ожидалъ его. Онъ не вѣрилъ возможности безумнаго поступка тогда въ минуту, когда ему угрожали имъ, и холодъ и дрожь ужаса пробѣгали по немъ при одной мысли, что только благоразуміе, а можетъ быть, и одна счастливая случайность избавили его отъ возможности быть свидѣтелемъ преступленія, отвѣтственность за которое могла пасть также нѣкоторымъ образомъ и на него.

«Положимъ доказательствъ, уликъ не было никакихъ, и кого же, въ самомъ дѣлѣ, можно сдѣлать отвѣтственнымъ въ наше время за сумасбродства и выходки, какія могутъ прійти въ головы представительницъ современнаго женскаго поколѣнія!» думалъ онъ, мысленно выражаясь словами только что прочитаннаго краснорѣчиваго обличенія «Но какъ благополучно однако удалось убраться во время. Уголовщина вѣдь. Только Богъ и спасъ отъ уголовщины. Не хорошо, не хорошо. Ай-ай-ай!»

Онъ сдѣлалъ поворотъ въ комнатѣ и остановился передъ столомъ съ объявленіемъ. Неуловимое движеніе прошло по взволнованному, озабоченному лицу.

«Да и полно, спасъ ли еще?» пришло ему вдругъ на умъ неожиданное соображеніе. «Богъ знаетъ, что тамъ дѣлается теперь. Хорошо какъ... А если... вскрытіе... родственники... братецъ какой-то недавно отыскался. Да и наконецъ эта бѣшеная... Анна Михайловна. Всегда были контры, пикировка и кто можетъ знать! Тоже представительница новаго поколѣнія»... Онъ кисло усмѣхнулся, взглянулъ въ окно и вдругъ вынулъ часы.

«Половина десятаго. Проспалъ сегодня, нервы не въ порядкѣ. Еще бы! Передряга такая, что хоть кого! А остаться здѣсь — и того хуже будетъ, совсѣмъ расклеишься. Пойдутъ охи да ахи, сплетни и пересуды. Въ сущности я могъ ничего не знать. Разумѣется. Вчера не видалъ никого и могъ уѣхать, не читая газетъ. Такъ, такъ! Превосходно. Отличная мысль!»

Онъ подумалъ еще съ минуту, допилъ остывшій стаканъ, тронулъ пуговку воздушнаго звонка и приказалъ вошедшему Степану лошадей къ одиннадцати-часовому поѣзду.

Аналогичность его положенія съ бывшимъ раньше, изъ котораго его такъ удачно вывело своевременное удаленіе, представилась ему ясною до очевидности. Оставалось, не мудрствуя лукаво, прибѣгнуть къ испытанному средству и удалиться еще разъ тѣмъ болѣе, что и въ предлогахъ для этого не было недостатка: его давно вызывали по дѣлу въ Москву, и при частыхъ отлучкахъ, поѣздка не могла представить собой ничего неожиданнаго и необыкновеннаго.

«Все равно, ѣхать на похороны, присутствовать, видѣть ее я бы не могъ. Нервы не выдержатъ. Жаль, разумѣется жаль. Изящная была головка. А что погубило? Они это тутъ прекрасно подмѣтили. Очень вѣрно, но не все. Одностороннее освѣщеніе. Будь время посвободнѣе, можно бы написать и освѣтить по своему. Надо будетъ подумать дорогой, взять съ собой».

И, положивъ въ карманъ недочитанную газету и взглянувъ на часы, онъ поспѣшно сталъ собираться въ дорогу.

Алина Павловна также не находила возможнымъ для себя присутствіе на похоронахъ и панихидахъ, предпочитая у себя на дому предаваться сокрушенію о случившемся. Первое извѣстіе, принесенное ей Астафьичемъ, заставило ее упасть въ обморокъ, непродолжительный, но послѣ котораго она почувствовала себя такъ дурно, что по совѣту племянника легла въ постель и не выходила изъ комнаты.

Она отпустила отъ себя Астафьича на всѣ три дня до окончанія похоронъ, добровольно отказавшись отъ его услугъ, и, принеся эту жертву племянницѣ и щедрой рукой отпустивъ деньги на расходы съ наставленіемъ Астафьичу, чтобы все было *какъ слѣдуетъ* — считала долгъ свой исполненнымъ и себя вправѣ позаботиться о собственномъ здоровьѣ и спокойствіи. Выписанная немедленно, старушка чиновница до нѣкоторой степени замѣняла Астафьича, исполняя порученія, подавала капли и держала реплики въ нескончаемыхъ разговорахъ, темою которыхъ было печальное происшествіе.

Алина Павловна не переставала повторять, что всегда ожидала этого и что если не этимъ, такъ другимъ чѣмъ нибудь, но все должно было печально окончиться.

— Все не по-просту, не по-людски было.

Хотѣлось все доказать что-то особенное, необыкновенное. Ну, вотъ доказала. Себя погубила, да и мнѣ то каково. Вѣдь не чужая. Въ годъ не поправишься теперь, послѣ этакаго удара. Сорокоустъ нужно будетъ заказать, душенька Марья Ивановна, здѣсь и въ деревнѣ,—прибавила она, нюхая узелокъ и обращаясь къ чиновницѣ.

Похороны назначены были въ деревнѣ, въ родовомъ имѣніи, принадлежавшемъ Алинѣ Павловнѣ и гдѣ похоронены были отецъ и мать Марьи Евграфовны.

На панихиды съ каждымъ разомъ собиралось все больше народу, такъ что комната съ трудомъ вмѣщала молящихся.

Анна Михайловна съ религіозною точностью исполнила данное обѣщаніе. Двѣ монашенки въ первый же день были выписаны изъ монастыря и читали по очереди днемъ и ночью. Благодаря ранней веснѣ хороши и дешевы были цвѣты; каждый день доставлялись свѣжіе вѣнки и ничто въ обстановкѣ свѣтлой, установленной цвѣтами комнаты не напоминало мрачнаго впечатлѣнія, которое такъ поразило Мирру въ день смерти профессора. Днемъ комнату заливало лучами весеннее солнце, наполняли молодыя женскія лица; а по ночамъ, въ мерцающемъ освѣщеніи обвитыхъ розовыми лентами въ высокихъ подсвѣчникахъ церковныхъ свѣчей, продолжалось чтеніе и собиралось своеобразное общество.

Проводивъ, по окончаніи службы послѣднихъ посѣтителей и сдѣлавъ на завтра необходимыя распоряженія, Астафьичъ удалялся въ переднюю, заботливо снималъ новый, парадный сюртукъ и, аккуратно сложивъ, укладывалъ на сундукѣ, а самъ переодѣвался въ ватную кацавейку, въ которой и садился на стулъ у входа въ комнату. Всѣ три ночи онъ не раздѣвался и дремалъ сидя на стулѣ, не ложась ни на одну минуту.

Поздно вечеромъ, управившись съ дѣлами, пріотворялъ дверь и робко спрашивалъ позволенія войти Андрей. Получивъ позволеніе, онъ входилъ, клалъ земной поклонъ и усаживался на полу подлѣ выступа печи, охвативъ руками колѣни и опустивъ на нихъ голову. Оба молчали, изрѣдка переговариваясь незначительными, односложными словами. Андрей часто встряхивалъ остриженной въ скобку головой, вздыхалъ, проводилъ рукой по глазамъ и продолжалъ сидѣть до утра.

А въ тишинѣ, не умолкая, раздавалось чтеніе, и тихіе женскіе голоса произносили спокойно, словно не подозрѣвая глубокаго и роковаго значенія:

... человѣкъ яко трава, днiе его яко цвѣтъ сельній, тако отцвѣтетъ. Яко духъ пройде въ немъ и не будетъ и не познаетъ ктому мѣста своего...

Въ яркій, веселый день хоронили Марью Евграфовну. Народу собралось больше, нежели ожидали, судя по послѣдней панихидѣ, Астафьичъ и Анна Михайловна.

Толпа молодыхъ дѣвушекъ въ свѣтлыхъ платьяхъ (по усердной, убѣдительной просьбѣ Астафьича никто не надѣлъ траура) настояла на своемъ желаніи самимъ вынести гробъ и нести до церкви. Длинный дворъ дома Черенина еще разъ усыпали ельникомъ и опять по нему протянулась процессія. Также былъ гробъ, колыхавшійся на длинныхъ перевязяхъ, и тоже раздавалось унылое пѣніе, но ноты скорби и унынія терялись среди общаго, не удержимаго ликованія оживающей природы, расцвѣтающей весны, безоблачныхъ небесъ, юныхъ лицъ и юныхъ голосовъ. Кто-то посреди несшихъ гробъ засмѣялся дорогою, какъ это случается иногда въ минуты смущенія съ нервными людьми, и никому не показалось это неумѣстнымъ и оскорбительнымъ. Несмотря на сознаніе важности и печальнаго значенія происходившаго, на душѣ у всѣхъ было тихо и свѣтло.

Бѣлый гробъ, разубранный вѣнками, поставили изъ церкви подъ бѣлый катафалкъ и процессія тронулась за нимъ.

Большинство дѣвушекъ курсистокъ и нѣсколько человѣкъ ближайшихъ знакомыхъ выразили желаніе идти пѣшкомъ.

Однимъ изъ первыхъ шелъ Семенъ Андреевъ съ вѣнкомъ отъ редакціи *Союза*, выступая и священнодѣйствуя, подобравъ верхнюю губу съ приличнымъ случаю выраженіемъ, между тѣмъ какъ шустрые глазки обѣгали процессію, производя счетъ каретъ, вѣнковъ, интересныхъ лицъ въ виду завтрашней, интересной корреспонденціи.

Вересовъ присутствовалъ на всѣхъ панихидахъ и явился на похороны. Онъ былъ сильно пораженъ первымъ извѣстіемъ, не хотѣлъ вѣрить и тотчасъ же отправился въ квартиру Марьи Евграфовны. Здѣсь онъ долго и неподвижно стоялъ у гроба, силясь разгадать смыслъ загадки, отъ которой не было ключа ни въ одной изъ готовыхъ, современныхъ формулъ, имѣвшихся въ его распоряженіи.

Вслѣдъ за замѣткой Мохова, онъ также помѣстилъ сочувственную статью, въ которой причислялъ личность покойной талантливой переводчицы къ свѣтлымъ явленіямъ текущей дѣйствительности и, упоминая о безвременной кончинѣ ея, обѣщалъ вернуться въ одной изъ ближайшихъ статей своихъ къ изложенію общественныхъ условій, долженствующихъ сдѣлать невозможнымъ повтореніе печальныхъ явленій въ новомъ и свѣтломъ будущемъ.

Слова эти не были преувеличеніемъ для него. Именно такимъ—новымъ и свѣтлымъ, представлялось ему его будущее. Какъ это слу-

чается иногда, самое несчастье, смерть, такъ поразившая его, въ то же время служили какъ бы для того, чтобы живѣе и рельефнѣе оттѣнить его собственное бодрое настроеніе. Оно невольно просилось, вырывалось наружу въ оживленномъ тонѣ сочувственной статьи, во взглядѣ, въ улыбкѣ, которую приходилось сдерживать, въ походкѣ въ то время, какъ онъ шелъ за гробомъ посреди толпы молодыхъ дѣвушекъ съ бѣлымъ вѣнкомъ изъ маргаритокъ, присланныхъ Гудовичемъ, перевязанныхъ бѣлыми лентами. Концы лентъ держала Ельцова—пышная блондинка съ бархатными глазками.

Вѣра Павловна также была въ числѣ провожатыхъ и изъявила желаніе идти до вокзала пѣшкомъ. Она измѣнилась, посвѣжѣла и похорошѣла за послѣдніе мѣсяцы. Костюмъ ея ничѣмъ не напоминалъ давно заброшенныхъ, черныхъ чахольчиковъ и теперь, за одно съ другими, одѣвшись въ свѣтлый весенній туалетъ съ модной шляпкой, напоминавшей пирожное, она весело болтала съ своимъ кавалеромъ, не безъ усилія возвращая себя къ мысли о печальной церемоніи, которая обращалась въ весеннюю прогулку въ интересномъ обществѣ и могла бы продолжаться безъ конца.

Сергѣй Болотинъ, согласно своему медицинскому идеалу, какъ бы только что извлеченный изъ футляра, безукоризненный по обыкновенію, элегантный и единственный изъ всѣхъ облеченный въ трауръ—крепъ на шляпѣ и рукавѣ по заграничному обыкновенію,—не раздѣлялъ, повидимому, пріятнаго настроенія своей дамы и имѣлъ болѣе обыкновеннаго чопорный и строгій видъ.

Онъ долгое время колебался относительно того, какимъ образомъ поставить себя и отнестись къ событію, поразившему его, помимо всего другого, неблаговидностью съ точки зрѣнія приличій и условій свѣтской жизни. Броситься изъ окна третьяго этажа, лежать ночь на дворѣ, на виду у всѣхъ, было, по его мнѣнію, экстравагантною выходкой, которую не могло оправдать никакое отчаяніе. Допуская его, онъ видѣлъ болѣе цѣлесообразные и лучше обставленные средства и способы дѣйствія. Въ то же время съ своей личной точки зрѣнія онъ считалъ возможнымъ найти выходъ всегда изъ каждаго положенія при извѣстной долѣ находчивости и рѣшительности, которыя надо было сознательно и заблаговременно воспитать въ себѣ, вмѣсто разслабляющей сантиментальности, всегда отличавшей бѣдную дѣвушку.

Невысокое мнѣніе о женскомъ умѣ и способностяхъ значительно понизилось еще со времени печальнаго случая и онъ съ нескрываемымъ пренебреженіемъ относился къ своей дамѣ, слушая ея болтовню, оглядывая возбужденное лицо и пестрый туалетъ. Ему непріятно было предпочтеніе, которое она явно оказывала ему, слишкомъ явно и слишкомъ откровенно, на глазахъ у всѣхъ. Призвавъ на помощь находчивость и рѣшительность характера, Сергѣй высвободилъ свою руку и откланялся Вѣрѣ Павловнѣ подъ предлогомъ усталости, ссылаясь на необходимость провожать тѣло до имѣнія, куда онъ долженъ былъ ѣхать въ сопровожденіи Астафьича.

Старикъ бодрымъ, привычнымъ движеніемъ, словно и не чувствуя усталости послѣ безсонныхъ ночей и утомительныхъ хлопотъ, соскочилъ съ козелъ, отворилъ дверцу щегольской, наемной кареты и подсадилъ барина. Онъ почтительно выслушалъ приказаніе обогнать процессію и ѣхать впередъ, чтобы раньше явиться на вокзалъ для необходимыхъ распоряженій, и вернулся на козлы, путаясь въ ливреѣ сѣрой, съ красной выпушкой, поношенной, но единственной во всемъ поѣздѣ.

Анна ѣхала въ маленькой, двухмѣстной каретѣ вдвоемъ съ Митей, безутѣшно оплакивавшимъ тетю Мику въ продолженіе всѣхъ трехъ дней. Она съ умысломъ устроилась такъ, чтобы быть одной и не видѣть постороннихъ лицъ, допустивъ на козлы Андрея безъ ливреи, въ свѣжей, синей, праздничной поддѣвкѣ и съ лицомъ, опухшимъ отъ совмѣстнаго дѣйствія вина, горя и слезъ.

Когда кареты, выравниваясь передъ церковью, остановились, чтобы пропустить впередъ процессію, Анна Михайловна увидала передъ собою всѣхъ проходившихъ, невольно отмѣчая про себя установившуюся группировку и размѣщеніе отдѣльныхъ лицъ и паръ.

Бѣлый катафалкъ и изящный, бѣлый, наглухо завинченный уже теперь гробъ подъ нимъ, представился ей вдругъ чѣмъ-то совершенно отдѣльнымъ, самостоятельнымъ, не имѣвшимъ никакой внутренней связи съ тѣмъ, что окружало его.

Мысль эта поразила Анну. Она высунула голову изъ окна кареты и, не спуская глазъ, слѣдила за процессіею, которая медленно развертывалась передъ нею до тѣхъ поръ, пока установились и ушли впередъ послѣдніе ряды. Кучеръ тронулъ лошадей. Карета вдвинулась въ рядъ и покатилась, подскакивая на выбоинахъ весенней мостовой.

Анна откинулась къ стѣнкѣ и задумалась.

«Черезъ полчаса, много часъ все будетъ кончено», думала она, представляя себѣ дорогія черты такими, какъ она видѣла ихъ въ послѣдній разъ, какими онѣ должны были быть теперь тамъ, въ этомъ одинокомъ бѣломъ гробѣ, одиноко подвигавшемся впереди. Въ первый разъ чувство примиренія съ совершившимся сошло въ душу ея и осталось въ ней.

Анна вынула платокъ и тихо плакала, не стыдясь и не удерживая слезъ. Онѣ смывали

и уносили съ собой слѣды накипѣвшаго и невыплаканнаго горя въ теченіе послѣднихъ тяжелыхъ дней.

Она сняла шляпу, положила ее на колѣни и, зажмурившись, представляла себѣ шествіе въ томъ видѣ, какъ оно только что проходило передъ глазами, дѣлая усиліе мысли, чтобы вообразить себѣ Мирру не умершую, а живую и такъ, чтобы она сама принимала участіе въ процессіи. Но ничего не выходило. Воображеніе отказывалось представить себѣ и оставляло ее лежать тамъ, гдѣ она была.

«А въ самомъ дѣлѣ, какъ бы я желала ее вообразить себѣ! Съ кѣмъ рядомъ поставила бы ее тамъ, среди всей этой толпы, которая собралась ее провожать и размѣстилась и распредѣлилась, какъ хотѣла и могла?» думала Анна, задавая себѣ вопросъ, и не нашла отвѣта на него. «Нѣтъ ей мѣста, нѣтъ пары и она ея не могла найти. Она поняла это и ушла сама. И благо ей. Она могла, она имѣла право уйти».

Анна тяжело вздохнула. Чувство зависти не разъ шевелилось въ ней при мысли о невозможности для нея такого же права, такого же отчаяннаго, но зато безповоротнаго рѣшенія, которое разомъ полагало конецъ всему: сомнѣніямъ, тревогамъ, воспоминаніямъ прошлаго, опасеніямъ за будущее и, всего болѣе—неустанной, изнурительной, ежедневной работѣ ради этого будущаго и борьбѣ за него, которой не предвидѣлось срока и конца.

«Что-то будетъ еще? Что ждетъ впереди? Четыре года. А тамъ... Опять работа... Больные, лѣченіе... искупленіе... Есть же что-нибудь тамъ, куда она ушла...»

Митя съ удивленіемъ оглянулся на мать.

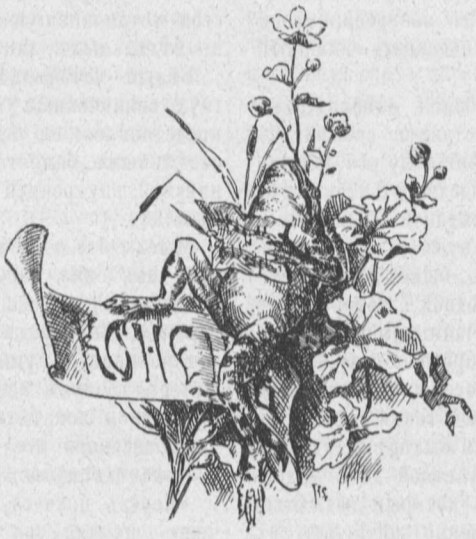
Анна сняла съ него шапочку, откинула волосы и, притянувъ къ себѣ, покрывала его горячими, страстными поцѣлуями. Мальчикъ перекачивалъ головку, поднималъ плечи, ежился и отклонялъ шейку, съ недоумѣніемъ глядя на мать удивленными, большими глазами.

Анна не выпускала его и продолжала ласкать.

Въ эту минуту, этими поцѣлуями она прощалась со своимъ прошлымъ, съ своею молодостью, съ тою, въ комъ было для нея олицетвореніе и повтореніе ея молодости, съ мыслями, и чувствами, и волненіями, которыя играли такую роль въ прошломъ и для которыхъ не оставалось мѣста въ будущемъ...

Черезъ недѣлю Анна Михайловна уѣхала въ Швейцарію.

Л. Нелидова.



Вагнеріанскій вопросъ*).

(МУЗЫКАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА)

Фридриха Ницше.

Переводъ О. О. Р.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я хочу облегчить себя немного. Совсѣмъ не по злобѣ хвалю я въ этомъ письмѣ Бизэ на счетъ Вагнера. Среди шутокъ я выясняю кое-что, недопускающее шутки. Повернуться спиной къ Вагнеру было для меня неизбѣжностью, и открыть такимъ образомъ для себя новые источники наслажденія—шагомъ впередъ. Никто, можетъ быть, больше, чѣмъ я, и съ большей опасностью, чѣмъ я, не былъ погруженъ въ вагнеріанство; никто болѣе энергично не защищался противъ него и никто больше меня не радовался, когда избѣжалъ его вліянія. О, это—длинная исторія! Желаете ли выслушать ее? Если бы я былъ моралистомъ,—кто знаетъ?—какъ бы я все это назвалъ. Быть можетъ — *побѣдой надъ самимъ собой*. Но философъ не долюбливаетъ моралистовъ и, тѣмъ болѣе,—красивыхъ словъ...

Какое первое и послѣднее требованіе философа по отношенію къ самому себѣ? Оно заключается въ побѣдѣ надъ своимъ вѣкомъ, въ постановкѣ себя «внѣ вѣка». Противъ кого онъ долженъ выдержать самую тяжелую борьбу? Противъ того, въ комъ онъ узнаетъ самого себя, какъ сына своего вѣка. Вотъ почему я, какъ и Вагнеръ, сынъ вѣка т.-е. *декадентъ*. Съ той только разницей, что я это сознаю и отъ этого защищаюсь. Угрожающей мнѣ опасности противится заключенный во мнѣ философъ.

Что меня въ сущности больше всего занимало—такъ это проблема декадентства. Для этого я имѣю свои основанія. Вопросъ о «добрѣ» и «злѣ» есть не что иное, какъ только варіація этой проблемы. Если мы будемъ имѣть общій взглядъ на симптомы декадентства, тогда станетъ понятнымъ смыслъ морали, станетъ понятнымъ то, что скрыто подъ выраженіями самыми священными, и формулами самими уважаемыми, каковы: *вырождающаяся жизненность*, желаніе гибели, великая усталость. Мораль есть не что иное, какъ *отрицаніе* жизни.

Для того, чтобы выполнить такого рода задачу, мнѣ была необходима извѣстнаго рода выдержка; мнѣ надо было объявить войну всему, что было во мнѣ больного, включая туда и Вагнера, и Шопенгауэра, и всю современную «гуманность», мнѣ надо было изолироваться, сдѣлаться на нѣкоторое время индиферентнымъ

*) Въ нашемъ журналѣ предположенъ рядъ статей, такъ или иначе касающихся Вагнера. Желаніе привести, наконецъ, въ ясность теоретическія положенія знаменитаго германскаго композитора, разобрать ихъ со всѣхъ сторонъ—побуждаетъ насъ дать мѣсто на страницахъ „Артиста“ какъ важнѣйшее изъ того, что было написано самимъ Вагнеромъ (кстати, его статьи не появлялись еще въ русскомъ переводѣ), такъ и значительнѣйшее изъ сдѣланнаго кѣмъ бы то ни было въ области критики Вагнеровой реформы. На первый разъ выбираемъ „Вагнеріанскій вопросъ“—Фридриха Ницше. Германскій философъ не щадитъ германскаго музыканта. Но это не должно смутить насъ. Наравнѣ съ тѣмъ, что осуждаетъ Вагнера, мы дадимъ нашимъ читателямъ и мнѣнія его почитателей. Намъ кажется, подобный пріемъ никого не спутаетъ: пусть выскажется обвинитель, пусть приводитъ свои доводы защитникъ, пусть знакомитъ насъ со своими теоріями самъ тотъ, о комъ идетъ рѣчь,—и, въ итогѣ, будетъ, думаемъ, не затемненіе, а шагъ впередъ въ сторону выясненія вопроса, среди массы извѣстнаго, въ сущности, такъ еще поверхностно, вопроса, о которомъ было такъ много произнесено вздорнаго, пристрастнаго какъ въ смыслѣ похвалы, такъ и въ смыслѣ порицанія.

Ред.

ко всему, овладѣть собой въ виду всѣхъ вѣяній вѣка, всѣхъ удобствъ его,—и моимъ образцомъ, какъ наиболѣе высокимъ, долженъ былъ быть *Заратустра* *), взглядъ котораго на разстояніи безпредѣльнаго пространства обнимаетъ проявленія гуманности и поднимается надъ ней даже выше... Такая цѣль, — какой жертвы не заслуживала она! Какой «побѣды надъ самимъ собой»! Какого «отреченія»! Самое большое доказательство тому — мое *выздоровленіе*. Вагнеръ принадлежитъ теперь только къ моимъ болѣзнямъ. Я не хотѣлъ бы остаться неблагодарнымъ къ этой болѣзни. Если я въ этомъ письмѣ утверждаю, что Вагнеръ—человѣкъ *опасный*, то я равномѣрно поддерживаю и то, что онъ необходимъ—для философа. Другіе могутъ обойтись и безъ Вагнера, но—философъ долженъ принять его во вниманіе. Совѣстью-обвинительницею своего вѣка нужно быть философу! А для этого ему необходимо обладать въ этомъ отношеніи наилучшимъ знаніемъ. Но гдѣ найдетъ онъ въ лабиринтѣ современной души проводника лучшаго и знатока болѣе краснорѣчиваго, чѣмъ Вагнеръ? Чрезъ Вагнера современность выражается на самомъ своемъ *интимномъ* языкѣ. Она не скрываетъ ни добра, ни зла, она отбросила здѣсь всякую стыдливость. Даже болѣе. Возможно даже приблизительно разсчитать, во *сколько оцѣнитъ* современную душу, лишь только мы будемъ имѣть ясное понятіе добра и зла у Вагнера. Я вполнѣ понимаю современнаго музыканта, когда онъ говоритъ: «я ненавижу Вагнера, но не могу выносить другой музыки». Но я также понимаю философа, если онъ говоритъ: «Вагнеръ—*резюмируетъ* современность,—надо сначала быть вагнеріанцемъ».

I.

Письмо изъ Турина.
Май 1888 г.

«Говорить *суровое* смѣясь»...

Вчера я слушалъ—повѣрите ли вы?—двадцатый разъ шедевръ Бизэ. Я его прослушалъ вновь и до конца, съ наслажденіемъ сосредоточиваясь надъ нимъ своими мыслями. Эта побѣда надъ моимъ терпѣніемъ удивляетъ меня. Какъ подобнаго рода твореніе дѣлаетъ васъ болѣе совершеннымъ! Тогда самъ въ нѣкоторомъ родѣ дѣлаешься «шедевромъ». И дѣйствительно, каждый разъ, когда я слушалъ «*Кармэнъ*», мнѣ казалось, что я становился болѣе философомъ и лучшимъ философомъ, чѣмъ я былъ прежде. Я дѣлался такимъ великодушнымъ, такимъ счастливымъ, такимъ покойнымъ... Пять часовъ въ креслѣ—первый шагъ къ «святости». Осмѣлюсь ли все высказать?

Оркестровка Бизэ почти единственная, которую я выношу еще. Та, другая, столь превозносимая теперь оркестровка Вагнера, грубая, дѣланная, наивная (что позволяетъ ей говорить сразу тремъ чувствамъ современной души), какъ плачевна по моему мнѣнію она! Я сравниваю ее съ вѣтромъ сирокко. Отъ скуки меня бросаетъ въ потъ, и—*мои* хорошія минуты исчезли.

Но музыка Бизэ мнѣ кажется совершенствомъ. Она подходитъ къ вамъ легко, граціозно, вѣжливо. Она очень любезна, она не бросаетъ васъ въ потъ. «Все, что имѣетъ какое-нибудь достоинство,— легко, и боги имѣютъ легкія ноги»—вотъ первый тезисъ моей эстетики. Музыка Бизэ жестока, утонченна, фатальна. И все таки она остается популярной: ея утонченность расовая, а не индивидуальная. Музыка Бизэ— богата, опредѣленна. Она создаетъ, организуетъ, она—законченна. Поэтому она является противоположностью музыкальному полипу «безконечной мелодіи». Слышаны ли были когда-нибудь на сценѣ звуки болѣе трагической скорби? И какъ они достигнуты? Безъ всякой гримасы, безъ фальши, безъ *поддѣлки* грандіознаго стиля. Наконецъ эта музыка, даже съ точки зрѣнія музыкальной, приводитъ въ гармонію всѣ качества слушателя, какъ существа интеллигентнаго; и въ этомъ отношеніи она—полная противоположность музыкѣ Вагнера, который былъ *самымъ грубымъ* изъ геніевъ (Вагнеръ принимаетъ насъ за... Онъ повторяетъ одну вещь до тѣхъ поръ, пока не начнутъ отчаиваться и вслѣдствіе этого вѣрить).

Еще разъ. Когда этотъ Бизэ говоритъ со мной, я дѣлаюсь лучшимъ музыкантомъ, лучшимъ *слушателемъ*. Да и можно ли лучше слушать? Я просто погребаю свои уши *подъ* этой музыкой,—я понимаю причины, ее породившія. Мнѣ кажется, что я присутствую при ея зарожденіи, я дрожу при видѣ опасностей, которыми обыкновенно сопровождается смѣлость, я въ восхищеніи отъ ея удачныхъ ходовъ. И—странная вещь!—я въ сущности объ этомъ и не думаю, или скорѣе я не знаю, какъ я объ этомъ думаю. Потому что въ этотъ моментъ совершенно различныя мысли проходятъ въ моей головѣ. Замѣчаете-ли вы, какъ музыка дѣлаетъ умъ *свободнымъ*? Какъ она даетъ мысли крылья? Какъ дѣлаешься болѣе философомъ по мѣрѣ того, какъ дѣлаешься болѣе музыкантомъ? Тогда сѣрое небо абстракціи кажется изборожденнымъ молніей, и этотъ свѣтъ дѣлаетъ видимой филигранную ткань вещей. Начинаешь рѣ-

*) Заратустра—иначе Зороастръ—древній религіозный законодатель и пророкъ Персовъ. Здѣсь намекъ на одно изъ главныхъ сочиненій Ницше—„Такъ говоритъ Заратустра". *Примѣч. перевод.*

шать великія проблемы, какъ бы съ высоты замѣчаешь вселенную. Однако я здѣсь опредѣляю пафосъ. Непредвидѣнные *отвѣты* приходятъ мнѣ въ голову, я чувствую тогда холодную дрожь мудрости, *разрѣшенныхъ* проблемъ... Гдѣ я?

Бизэ возбуждаетъ мое творчество. Прекрасное всегда возбуждаетъ мое творчество. Въ этомъ—моя признательность и ея единственное доказательство, которое я даю прекрасному.

II.

Но твореніе Бизэ «спасаетъ» также. Не одинъ только Вагнеръ является «спасителемъ». Вмѣстѣ съ Бизэ бросаешь *сырой* сѣверъ и туманы вагнеріанскаго идеала. Уже сама тема способствуетъ этому. Она заимствуетъ у Мериме логику страсти, ея прямой ходъ, ея *непоколебимую* необходимость. Тема обладаетъ прежде всего – свойствомъ жаркихъ странъ: сухостью воздуха, его *прозрачностью*. Вотъ климатъ различный во всѣхъ отношеніяхъ отъ нашего! Здѣсь выражена различная отъ нашей чувственность, различная степень чувствительности и совершенно другая веселость. Да, эта музыка весела, но не на французскій или нѣмецкій ладъ. Ея веселость — чисто африканская. Въ ней замѣтна фатальность. Радость здѣсь—кратка, внезапна, безжалостна. И Бизэ можно позавидовать въ томъ отношеніи, что онъ далъ право гражданства этой чувствительности, которая до сихъ поръ не имѣла своего выраженія въ музыкѣ цивилизованной Европы, — я хочу сказать право гражданства для чувствительности южной, пылающей, какъ бы вылитой изъ мѣди. Какое наслажденіе доставляютъ намъ эти послѣ-полуденные часы, позолоченные счастьемъ! Какъ умиротворяетъ насъ этотъ мавританскій танецъ! Какъ его усталая меланхолія отвѣчаетъ нашимъ всегда неудовлетвореннымъ желаніямъ! И наконецъ — любовь, любовь *настоящая*. Не любовь «молодой благородной дѣвушки»; не слезливая сантиментальность. Но любовь во всей ея *фатальности*, ужасѣ, откровенности, ясности, дикости. Вотъ дѣйствительно — природа! Любовь—средства которой война, а основаніе — *смертельная ненависть* половъ. Я не знаю, гдѣ трагическій духъ, который есть сущность любви, выражался бы съ такой суровостью и въ такой трагичной формѣ, какъ въ этомъ крикѣ Дона-Хозэ, которымъ оканчивается опера:

Да, это я убилъ ее,
Кармэнъ, мое божество!

Такая осмысленность любви (единственная, которая была бы достойна философа)—рѣдка: она возвышаетъ произведеніе искусства среди тысячи другихъ. Потому что артисты въ этомъ отношеніи—обыкновенно такъ же, какъ и всѣ, и даже болѣе—*не знаютъ* любви. Самъ Вагнеръ не зналъ ее. Они вѣрятъ тому, что они освобождены отъ самихъ себя чрезъ любовь, потому что они желаютъ счастья другому созданію, и часто даже—на счетъ своего собственнаго. Но въ награду за это они желаютъ *обладать* этимъ созданіемъ... Самъ богъ - Амуръ въ этомъ отношеніи не дѣлаетъ исключенія. Онъ очень далекъ отъ мысли: «если я тебя люблю, то касается ли это тебя?» — и онъ дѣлается жестокимъ, если его взаимно не любятъ. *Любовь* — съ этимъ словомъ выигрываютъ все у людей и у боговъ—*есть самое эгоистическое изъ всѣхъ чувствъ и, слѣдовательно, если оно задѣто, то оно менѣе всего благородно* (Бенжаменъ Констанъ).

III.

Видите ли вы уже, какъ эта музыка сдѣлала меня лучшимъ? *Нужно музыку сдѣлать болѣе естественной.* Я имѣю свои основанія, чтобы избрать эту формулу *). Надо воротиться къ природѣ, къ здоровью, къ веселости, къ юности, къ *силѣ*! И тѣмъ не менѣе я былъ когда-то самымъ убѣжденнымъ изъ вагнеріанцевъ... И я относился къ Вагнеру серьезно... Ахъ, старый фокусникъ! достаточно мы гордились тобой!

Первое изъ чудесъ его искусства—это увеличительное стекло: смотришь сквозь него и не вѣришь своимъ глазамъ, — все дѣлается великимъ: *даже Вагнеръ становится великимъ человѣкомъ*... О, какъ умна эта гремучая змѣя! Всю свою жизнь онъ не уставалъ повторять слова: «резигнація», «законность», «чистота»; адресуя свои похвалы цѣломудрію, онъ удалился отъ *развращеннаго* свѣта! И мы повѣрили ему...

Но слушаете ли вы меня? Предпочитаете ли вы *проблему* вагнеріанскую проблемѣ Бизэ? И я ее цѣню: она имѣетъ свою прелесть. Проблема *искупленія* тоже вѣдь достойна уваженія. Вагнеръ никогда болѣе глубоко не мыслилъ, какъ въ проблемѣ искупленія. Опера Вагнера есть вмѣстѣ съ тѣмъ и опера искупленія. У него всегда найдется кто-нибудь, кому необходимо спасаться: молодой человѣкъ или дѣвица; это—его проблема. И съ какой щедростью онъ повторяетъ этотъ «*руководящій мотивъ*». Какія драгоцѣнныя и глубокія точки зрѣнія открываетъ онъ намъ! Кто научилъ бы насъ, что невинность очень пригодна для спасенія интереснаго грѣшника (какъ въ «*Тангейзерѣ*»)? Или,—что вѣчный жидъ спасется и *сдѣлается осѣдлымъ* (какъ въ «*Морякѣ-Скитальцѣ*»)? Или, — что ста-

*) См соч. Ницше: „По ту сторону добра и зла“. стр. 220. *Прим. перевод.*

рая, испорченная женщина предпочитаетъ болѣе всего быть спасенной цѣломудренными молодыми людьми (какъ въ «*Парсифалѣ*»? Или, — что прекрасная, молодая дѣвушка хочетъ быть спасенной преимущественно рыцаремъ, послѣдователемъ Вагнера (какъ въ «*Мейстерзингерахъ*»)? Или,—что замужнія женщины очень любятъ быть спасенными какимъ-нибудь рыцаремъ (какъ въ «*Изольдѣ*»)? Или,— что самъ «старый богъ», компрометированный морально во всѣхъ отношеніяхъ, былъ спасенъ въ концѣ концовъ свободнымъ мыслителемъ, врагомъ морали (какъ въ «*Кольцѣ Нибелунговъ*»)? Удивляйтесь глубинѣ этой послѣдней оперы. Понимаете ли вы ее? Что касается меня, то Богъ да избавитъ меня отъ ея пониманія!.. Если бы можно было изъ цитированныхъ твореній извлечь еще кое-какія указанія, то я имѣлъ бы еще болѣе желанія доказать то же, чѣмъ опровергать. Что вагнеріанскій балетъ можетъ довести васъ до отчаянія и до добродѣтели—то еще разъ замѣтно въ «*Тангейзерѣ*». Что можно подвергнуться скверными послѣдствіямъ, если не ложишься спать въ опредѣленный часъ, то это еще разъ видно въ «*Лоэнгринѣ*». Что никогда не чувствуешь потребности хорошо знать ту, на которой женишься, это трижды понятно въ «*Лоэнгринѣ*» же. Въ «*Тристанѣ и Изольдѣ*» прославляется совершеннѣйшій супругъ, который въ извѣстномъ случаѣ только то и дѣлаетъ, что спрашиваетъ: «но почему вы мнѣ этого раньше не сказали? Нѣтъ ничего проще!» Отвѣтъ:

Не могу тебѣ сказать,
Того, что спросишь ты,
Ты никогда не долженъ знать...

«*Лоэнгринъ*» содержитъ въ себѣ торжественное провозглашеніе разслѣдованій и слѣдственныхъ вопросовъ. Вагнеръ символизируетъ христіанскую мысль такъ: «ты долженъ *вѣрить* и нужно, чтобы ты вѣрилъ». Любовь къ знанію выходитъ такимъ образомъ посягательствомъ на все возвышенное и святое. «*Морякъ-Скиталецъ*» выспренно поучаетъ, что женщина привлекаетъ даже наиболѣе блуждающаго человѣка къ осѣдлости, или—говоря языкомъ Вагнера—она «спасаетъ» его. Здѣсь мы позволимъ себѣ сдѣлать одинъ вопросъ. Положимъ, что все это вѣрно, но—желательно ли это? *Что* произойдетъ съ «вѣчнымъ жидомъ», обожаемымъ женщиной и сдѣлавшимся чрезъ нее *осѣдлымъ*? Онъ тотчасъ перестаетъ блуждать, онъ женится и—становится поэтому неинтереснымъ для насъ. И дѣйствительно. Опасность для артиста, для генія,—а они то и есть вѣчные жиды,—это женщина. *Любящія* женщины—погибель для нихъ. Кто изъ насъ имѣлъ въ себѣ настолько характера, чтобы не быть увлеченнымъ, «спасеннымъ», когда почувствовалъ, что съ нимъ обходятся какъ съ богомъ? Сейчасъ же *уступаютъ* женщинѣ Человѣкъ всегда былъ трусомъ предъ вѣчно-женственнымъ. Наши любовницы это знаютъ. Изъ многочисленныхъ примѣровъ любви—и по справедливости, можетъ быть, самыхъ знаменитыхъ—мы можемъ заключить, что любовь не что иное, какъ самый утонченный *паразитизмъ*, способъ залѣзать въ чужую душу. Но какъ все это дорого стоитъ всегда!

Всѣмъ извѣстно, какъ отнеслись къ Гете въ Германіи, этой старой пуританской жеманницѣ. Онъ былъ всегда скандаломъ для нѣмцевъ. Онъ имѣлъ искреннихъ поклонницъ только среди евреекъ. Шиллеръ, «благородный» Шиллеръ, вколачивающій имъ въ уши великія слова,—вотъ кто имъ былъ по сердцу! За что же они упрекали Гете? За его «*Венерину гору*» и за «*Венеціанскія эпиграммы*». Уже Клопштокъ читалъ ему нравоученія. Было время, когда Гердеръ, говоря о Гете, съ наслажденіемъ произносилъ слово «піапъ». Единственнымъ достоинствомъ «*Вильгельма Мейстера*»—было его достоинство, какъ симптома декаданса и моральнаго банкротства. «Собраніе прирученныхъ животныхъ» и «безчестіе» героя приводило въ отчаяніе Нибура, и онъ кончилъ тѣмъ, что могъ какъ *Битерольфъ* (изъ «*Тангейзера*») плачевно пропѣть: «ничто не производитъ столь тягостнаго впечатлѣнія, какъ зрѣлище великаго ума, обрѣзывающаго себѣ крылья и отдающаго свою силу на служеніе низшимъ цѣлямъ *вмѣсто того, чтобы отдаться возвышеннымъ предначертаніямъ*»... Но благородная дѣвственница возмегодовала: всѣ маленькіе дворы, всѣ «Вартбурги» Германіи открещивались отъ Гете, отъ того «нечистаго духа», который былъ въ Гете. *Эту исторію* Вагнеръ и положилъ на музыку. Онъ безъ сомнѣнія *спасаетъ* Гете, но онъ спасаетъ его черезчуръ ужъ ловко,— поддерживая и сторону благородной дѣвы. Гете спасенъ. Молитва спасаетъ его, и благородная дѣва *поднимаетъ его до себя*.

Но что подумалъ бы Гете о Вагнерѣ? Гете былъ однажды спрошенъ, какова судьба романтиковъ, какая участь грозитъ имъ всѣмъ? Вотъ его отвѣтъ: «удушеніе отъ частаго повторенія моральныхъ и религіозныхъ абсурдовъ». Болѣе кратко — «*Парсифаль*». — Философъ прибавляетъ къ этому еще эпилогъ. *Святость*, будучи, можетъ быть, послѣднимъ цѣннымъ предметомъ, который можетъ видѣть народъ и женщина, заключаетъ въ себѣ идеальный горизонтъ для близорукихъ отъ природы. Что же касается философовъ, то для нихъ всякій горизонтъ — вещь непонятная и закрываетъ только имъ двери какъ разъ тамъ, гдѣ *начи-*

нается ихъ міръ, *ихъ* опасность, *ихъ* идеалъ. Скажемъ болѣе вѣжливо: *для массы недостаточно философіи; ей нужна святость.*

IV.

Я хочу еще разъ пересказать исторію «*Кольца Нибелунговъ*». Ея мѣсто здѣсь. Она тоже есть исторія искупленія, съ той только разницей на этотъ разъ, что здѣсь самъ Вагнеръ спасенъ. Вагнеръ половину своей жизни вѣрилъ въ *революцію*, хотя только одинъ французъ можетъ вѣрить въ нее. Онъ старался отыскать ее въ руническихъ знакахъ миѳологіи; онъ вѣрилъ, что открылъ въ *Зигфридѣ* типичнаго революціонера. «Что служитъ началомъ всего зла въ мірѣ?»—спросилъ себя Вагнеръ. «Устарѣлые договоры»,—отвѣтилъ онъ, подобно всѣмъ революціоннымъ идеологамъ. По нѣмецки это—обычаи, законы, кодексы морали, учрежденія, вотъ что служитъ основаніемъ старому міру и старому обществу. «Какимъ образомъ искоренить зло въ мірѣ? Какъ разрушить старое общество?» О, для этого только одно есть средство—объявить войну «договорамъ», традиціямъ, морали. *Вотъ именно это и сдѣлалъ Зигфридъ.* Онъ начинаетъ хорошо: уже его рожденіе есть объявленіе войны для морали,—онъ рождается благодаря адюльтеру... Этого однако нѣтъ въ легендѣ. Это самъ Вагнеръ изобрѣлъ такую радикальную черту, въ этомъ отношеніи онъ *исправилъ* легенду... Зигфридъ какъ началъ, такъ и продолжаетъ: онъ слѣдуетъ только первому импульсу, онъ разрушаетъ всякую традицію, всякое уваженіе, всякій *страхъ*. То, что ему не нравится, онъ опрокидываетъ однимъ ударомъ шпаги. Онъ прямо и безъ всякаго уваженія подбѣгаетъ къ старымъ божествамъ на приступъ. Но главная его цѣль—*эмансипировать женщину*, «спасти» Брунегильду... Зигфридъ и Брунегильда! Таинство свободной любви! Заря золотого вѣка! Сумерки боговъ старой морали! *Зло разрушено...* Корабль Вагнера долго слѣдуетъ *этой* точкѣ зрѣнія и не безъ веселости. Несомнѣнно, что Вагнеръ отыскивалъ въ этой точкѣ зрѣнія *свою* возвышенную цѣль. Но что происходитъ? Несчастье. Корабль Вагнера сѣлъ на подводный камень, и,—Вагнеръ тамъ и остался. Этотъ подводный камень—философія Шопенгауэра, и Вагнеръ, такимъ образомъ, сталъ въ *оппозицію* вселенной. Что внесъ онъ въ музыку? Оптимизмъ! Вагнеръ былъ сконфуженъ. Онъ долго колебался и, казалось, отчаявался... Наконецъ онъ замѣтилъ лазейку. Подводная скала, на которую онъ сѣлъ,—ну что, если онъ изъ нея сдѣлаетъ свою *заранѣе намѣченную цѣль*, свою тайную мысль, желаемое направленіе своего путешествія? *Пристать здѣсь?* Да, такова была его цѣль. *Путешествовалъ недурно, но случилось кораблекрушеніе...* И онъ принялся переводить «Кольцо Нибелунговъ» на шопенгауэровскій языкъ. Все падаетъ, все рушится, новый міръ созданъ такъ же худо, какъ и старый. *Нирвана*, эта индійская Цирцея, дѣлаетъ ему глазки. Брунегильда, которая по первому замыслу должна бы оставить насъ съ пѣсней въ честь свободной любви, чаруя соціальный міръ утопіей «все будетъ хорошо»,—теперь уже намѣрена дѣлать другое. Она должна изучить сперва Шопенгауэра; она должна изложить стихами четвертую книгу «міра, какъ воля и представленіе». *Вагнеръ былъ спасенъ...* На хорошій конецъ это было сохраненіе балласта при кораблекрушеніи. Благодѣяніе, оказанное Вагнеру Шопенгауэромъ, неизмѣримо. Съ перваго же раза *философъ декаданса дѣлаетъ отъ себя подарокъ артисту декаданса.*

V.

Артисту декаданса—вотъ слово! Здѣсь и начинается моя тревога. Я очень далекъ отъ того, чтобы въ качествѣ спокойнаго зрителя присутствовать, когда этотъ декадентъ лишаетъ насъ здоровья и вмѣстѣ съ тѣмъ—музыки! Дѣйствительно ли Вагнеръ человѣкъ? Не болѣзнь ли это скорѣе? Онъ дѣлаетъ больнымъ все, до чего только ни коснется,—*онъ и музыку сдѣлалъ больной.* Онъ—типичный декадентъ, чувствующій себя необходимымъ въ сферѣ своего извращеннаго вкуса, мстящій поэтому вкусу болѣе возвышенному, знающій какъ придать силу закона своему извращенію, силу прогресса,—высшей цѣли.

Противъ него и не думаютъ защищаться. Его могущество въ обольщеніи достигаетъ чуда и возлѣ него носятся густыя облака фиміама. Не убѣдилъ онъ только *нищихъ духомъ!*

Меня одолѣваетъ желаніе отворить окна. Воздуха! побольше воздуха! Пусть восхищаются до изнеможенія Вагнеромъ въ Германіи—это меня не удивляетъ. Меня удивило бы противоположное. Нѣмцы изобрѣли себѣ Вагнера, котораго могутъ чтить. Они никогда не были психологами,—они только безсознательно высказываютъ благодарность. Но восхищаться одинаково Вагнеромъ въ Парижѣ, гдѣ кромѣ психологовъ почти никого нѣтъ!.. И въ Петербургѣ, гдѣ даже предчувствуютъ то, чѣмъ не занимаются въ Парижѣ!.. Вотъ до какой степени значитъ Вагнеръ родствененъ всему этому декадентскому обществу Европы, если его самого не считаютъ декадентомъ! Ему онъ принадлежитъ, онъ его главное лицо, его имя—самое великое... Вознося его до облаковъ, чествуютъ себя. Поэтому не защищаться противъ Вагнера—и это является симптомомъ декаданса. Инстинктъ атрофированъ. То, чего должно избѣгать, привлекаетъ; и у всѣхъ на

языкѣ то, что еще скорѣе ведетъ къ пропасти. Хотите примѣръ? Для этого стоитъ понаблюдать режимъ анемичныхъ, подагриковъ, діабетиковъ. А опредѣленіе вегетаріанца—существа, которое нуждается въ изнуряющей и портящей діэтѣ. Видѣть, что зловредное—зловредно и *возможность* защищаться отъ всего зловреднаго—это еще признакъ юности, жизненной энергіи. Истощенный *тянется* къ зловредному, вегетаріанецъ—къ овощамъ. Но даже самая болѣзнь можетъ быть стимуломъ жизни: надо быть только достаточно здоровымъ для этого возбуждающаго средства. Вагнеръ увеличиваетъ истощеніе: *для этого только* онъ такъ и притягиваетъ къ себѣ слабыхъ и истощенныхъ. О, я вижу радость этой старой гремучей змѣи, когда она замѣчаетъ, что къ ней идутъ «малыя дѣти»!

Я выставляю на видъ эту точку зрѣнія,—искусство Вагнера—больное искусство. Проблемы, выдвинутыя имъ на сцену, настоящія проблемы истеріи. Конвульсивность его темперамента, его возбужденная чувствительность, его вкусъ, его упрямство, передѣланное имъ въ принципы, и, кромѣ того, подборъ его героевъ и героинь—все это вмѣстѣ представляетъ безъ сомнѣнія картину болѣзни. Ничто лучше не узнано и лучше не изслѣдовано въ настоящее время, какъ первичный характеръ вырожденія, который кристаллизуется въ искусствѣ и въ артистѣ. Наши медики и психологи въ Вагнерѣ имѣютъ для себя самый интересный, если не самый полный случай. Дѣйствительно, ничего нѣтъ болѣе современнаго, какъ эти болѣзни всего организма, этой расшатанности и возбужденности нервной системы. Вотъ почему Вагнеръ есть *преимущественно современный артистъ*—Каліостро современности. Въ его искусствѣ въ самой обольстительной формѣ смѣшано то, что необходимо современному свѣту—три великихъ возбудителя истощенныхъ: *грубость, искусственность, идіотизмъ*.

Вагнеръ — большое несчастіе для музыки. Онъ въ музыкѣ нашелъ средство возбуждать усталые нервы и такимъ образомъ онъ сдѣлалъ музыку больной. Его изобрѣтательный геній силенъ въ искусствѣ возбужденія самыхъ истощенныхъ и оживленія полу-мертвецовъ. Онъ можетъ быть учителемъ по ловкости въ гипнотизмѣ; онъ самыхъ сильныхъ людей опрокидываетъ какъ быковъ. *Успѣхъ* Вагнера, успѣхъ, основанный на нервахъ и слѣдовательно на женщинахъ, сдѣлалъ весь честолюбивый міръ ученикомъ его мистическаго искусства. И не только на честолюбивыхъ, но и на *мудрыхъ* онъ повліялъ. Только въ наше время изъ больной музыки можно составить капиталъ. Наши большіе театры живутъ Вагнеромъ.

VI.

Я вновь позволю себѣ легкую шутку. Я представлю себѣ, какъ *успѣхъ* Вагнера воплощается въ фигуру, переодѣвается въ костюмъ филантропа и музыканта-знатока и присоединяется къ молодымъ артистамъ. Какъ онъ можетъ тогда говорить?

Друзья мои,—сказалъ бы онъ;—пять словъ между нами. Гораздо легче создать дурную музыку, чѣмъ хорошую. Такъ что же! Но если она болѣе выгодна, болѣе захватываетъ, болѣе краснорѣчива, болѣе восторженна, болѣе позитивна и болѣе *вагнеріанская!.. Прекрасное, вѣдь, удѣлъ немногихъ*. Плохая шутка! Мы понимаемъ по латыни. Мы, можетъ быть, понимаемъ и свои интересы. Прекрасное также имѣетъ свои шипы,—мы это знаемъ. Но къ чему тогда красота? Почему не величіе, не возвышенное, не грандіозное трогаетъ *массы*? И еще разъ,—легче быть грандіознымъ, чѣмъ красивымъ. Мы это также знаемъ...

Мы знаемъ массу, мы знаемъ театръ. Избранные германскіе юноши, рогатые Зигфриды и прочіе вагнеріанцы имѣютъ большую потребность возвышеннаго, глубокаго, сокрушающаго. И это мы знаемъ. А остальные—кретины цивилизаціи, развращенные, вѣчные женолюбцы, гастрономы—вѣдь также имѣютъ потребность возвышеннаго, глубокаго, сокрушающаго. Все это имѣетъ одну и ту же логику—«кто насъ сокрушаетъ, тотъ и силенъ; кто насъ возвышаетъ, тотъ—божество; кто заставляетъ насъ мечтать—глубокъ». Скажемъ, господа музыканты, откровенно: мы ихъ хотимъ сокрушить, возвысить и заставить мечтать. Все это мы можемъ.

Въ этомъ и заключается искусство возбуждать мечты. Именно здѣсь наша концепція «стиля» беретъ свою точку отправленія. Прежде всего—никакой мысли! Нѣтъ ничего болѣе компрометирующаго, какъ мысль. Но состояніе души, *предшествующее* мысли! Работа мысли еще не творящей, обѣщаніе будущей мысли, міръ передъ божественнымъ твореніемъ, возобновленіе хаоса... Вѣдь хаосъ заставляетъ мыслить... На языкѣ учителя это означаетъ безконечность, но безъ мелодіи. Продолжаемъ. Искусство сокрушенія принадлежитъ отчасти и психологіи. Изслѣдуемъ прежде всего средства! Нѣкоторыя изъ нихъ задѣваютъ даже внутренности (они, выражаясь языкомъ Генделя, *открываютъ* двери), другія—чаруютъ спинной мозгъ. Важенъ цвѣтъ звука. *Что* звучитъ—это почти не важно. Остановимся *на этомъ*! къ чему разбрасываться? Пусть нашъ звукъ будетъ характеренъ до безумія. Это припишутъ нашему уму, если мы начнемъ угадывать при помощи звуковъ. Будемъ раздражать нервы, пришибать ихъ до смерти, употребимъ громъ и молнію. Вотъ что сокрушаетъ...

Но прежде всего сокрушаетъ *страсть*. Послушаемъ о страсти. Страсть—это самое лучшее! Страстнымъ всегда возможно быть! Красота трудна для достиженія! Остерегаемся ее! И въ особенности—*мелодіи*. Унизимъ, друзья мои, унизимъ мелодію, если мы имѣемъ еще серьезное стремленіе къ идеалу, унизимъ ее! Самое опасное—это красивая мелодія. Она-то и губитъ вкусъ. Мы погибли, друзья мои, если мы снова полюбимъ красивыя мелодіи!

Принципъ—мелодія безнравственна. *Доказательство*—Палестрина. *Мораль*—«Парсифаль». Отсутствіе мелодіи освѣщаетъ даже...

Но вотъ опредѣленіе страсти. Страсть—это гимнастика безобразнаго на энгармонической струнѣ. Осмѣлимся, друзья мои, быть безобразными. Самъ Вагнеръ осмѣлился на это! Безстрашно затронемъ всю грязь самыхъ ужасныхъ гармоній! Не будемъ беречь нашихъ рукъ! Здѣсь прежде всего сдѣлаемся *естественными*.

Послѣдній совѣтъ! Возможно, что онъ резюмируетъ все. *Будемъ идеалистами!* И это будетъ если не очень умно, то болѣе или менѣе смѣло. Будемъ ходить поверхъ облаковъ, проповѣдывать безконечное, окружать себя великими символами! Встаньте! Бумъ-бумъ! Нѣтъ лучшаго совѣта. Пусть «глубокіе вздохи» служатъ намъ доказательствомъ, а наша «прекрасная душа»—адвокатомъ. Но и добродѣтель тоже имѣетъ свои основанія. «Развѣ не добродѣтельно то, что насъ дѣлаетъ лучшими?» таковъ всегда выводъ гуманности. Будемъ улучшать человѣчество! Такимъ-то образомъ дѣлаются добродѣтельными (точно также дѣлаются и «классиками»: Шиллеръ былъ «классикомъ»). Искать средства обольщать низкія чувства, искать красоту, все это обезсилило итальянцевъ: останемся нѣмцами! Даже музыкальныя тенденціи самого Моцарта—Вагнеръ говоритъ это для нашего утѣшенія—были въ сущности фривольны. Не будемъ никогда соглашаться съ тѣмъ, что музыка служитъ «отдыхомъ», что она «веселитъ», что она доставляетъ «наслажденіе». *Не будемъ никогда давать наслажденія!*.. Мы погибли, если возвратимся къ искусству гедоническому... Это дурная черта XVIII вѣка. Напротивъ, ничего не можетъ быть лучше (это по секрету) извѣстной дозы *ханжества*,—извините за выраженіе. Это придаетъ извѣстнаго рода достоинства. Выберемъ часъ, когда прилично будетъ видѣть все въ черномъ цвѣтѣ и будемъ вздыхать публично, по христіански, выставляя на видъ свое христіанское соболѣзнованіе. «Человѣкъ погибъ. Кто спасетъ его? *Какъ онъ будетъ спасенъ*?» Не будемъ отвѣчать. Будемъ осторожны. Наложимъ узду на наше честолюбіе, стремящееся основать религіи. Но никто не имѣетъ права сомнѣваться въ томъ, что *мы* это знаемъ, что *наша* музыка одна это знаетъ. (См. соч. Вагнера: «Искусство и религія»).

VII.

Но, довольно, довольно! Я боюсь, что скоро узнаютъ, и очень ясно подъ моими шутливыми сарказмами мрачную дѣйствительность,—изображеніе упадка искусства, а также паденіе артистовъ. Я буду еще имѣть случай (въ одной изъ главъ моего капитальнаго сочиненія — подъ заглавіемъ «физіологія искусства») показать детально, что вся эта метаморфоза искусства въ комедіантство есть также проявленіе физіологическаго вырожденія (болѣе точное—форма истеріи), какъ вообще всякая порча и слабость въ томъ искусствѣ, которое освятилъ Вагнеръ. Нельзя понять Вагнера, если смотрѣть на него только какъ на игру природы, капризъ, случайность. Это не «дефективный» геній, не «преждевременно рожденный», не «противорѣчивый», какъ мы о немъ слышали. Вагнеръ былъ всегда чѣмъ-то *совершеннымъ*,—*типичнымъ декадентомъ*, которому никогда не доставало своей «свободной воли» и каждый импульсъ котораго управлялся необходимостью. Что есть интереснаго у Вагнера, такъ это безспорно та логика, съ которой физіологическій порокъ подъ формами практической и технической (въ реформѣ принциповъ и въ кризисѣ вкуса) идетъ отъ заключенія къ заключенію, послѣдовательно со ступеньки на ступеньку.

Я здѣсь остановлюсь только на вопросѣ о *стилѣ*. Какая характерная черта всякаго *литературнаго* декаданса? Она состоитъ въ томъ, что нѣтъ жизни въ цѣломъ, въ ансамблѣ. Слово дѣлается властелиномъ фразы, фраза затемняетъ смыслъ страницы, страница живетъ на счетъ цѣлаго произведенія, ансамбль перестаетъ быть ансамблемъ. И вотъ признакъ всякаго декадентскаго стиля: анархія элементовъ, упадокъ воли или, выражаясь «языкомъ морали»,—«свобода индивидуума», распространеніе политической теоріи: «*равноправіе* для всѣхъ». Жизнь, *равномѣрная* жизненность, сила и роскошь жизни становятся тогда удѣломъ низшихъ созданій, вездѣ—параличъ, усталость, оцѣпенѣлость, или *скорѣе*—раздоръ и хаосъ, жизнь ускользаетъ изъ ансамбля, и онъ становится сфабрикованнымъ, расчитаннымъ, искусственнымъ.

У Вагнера сначала—галлюцинація не ударенія, но мимики. Это для мимики онъ разыскиваетъ музыкальную семіотику. И если хотятъ удивляться Вагнеру, то нужно видѣть его именно здѣсь, въ этомъ именно мѣстѣ его работы: надо видѣть къ какимъ дѣленіямъ онъ приступаетъ, какъ онъ ихъ одухотворяетъ, какъ онъ ихъ выдвигаетъ, какъ онъ ихъ дѣлаетъ

ощутимыми. Но здѣсь то и кончается его могущество. Остальное ничего не стоитъ. Какъ шатко, какъ вынуждено, какъ первично его искусство *развитія*, его усиліе сдѣлать заплаты тамъ, гдѣ дѣло не идетъ впередъ естественнымъ путемъ! Его манера напоминаетъ братьевъ Гонкуровъ, стиль которыхъ такъ похожъ на стиль Вагнера. Испытываешь сожалѣніе при видѣ такой тягостной работы. Пусть Вагнеръ маскируетъ подъ именемъ принципа свое безсиліе въ творчествѣ органической формы, пусть онъ создаетъ «драматическій стиль» тамъ, гдѣ мы только видимъ его безсиліе во всякомъ стилѣ; все это указываетъ только на смѣлую привычку, которая сопровождала Вагнера цѣлую жизнь! Онъ ставилъ принципъ тамъ, гдѣ ему недоставало способности (будучи въ этомъ отношеніи совершенно различенъ — скажемъ мимоходомъ — отъ старичка *Канта*, смѣлаго въ *другомъ* отношеніи: вездѣ, гдѣ ему не доставало принципа, онъ въ глубинѣ человѣка полагалъ «способность»...) Повторяю, — Вагнеръ достоинъ удивленія и даже любви за его простое открытіе второстепеннаго, за изображеніе деталей. Въ этомъ отношеніи онъ имѣетъ полное право быть первоклассным учителемъ, нашимъ самымъ великимъ музыкальнымъ *миніатюристомъ*, умѣющимъ на самомъ маленькомъ пространствѣ сосредоточить безконечность нѣжности и желаній. Его богатство колорита, полутѣней, таинственныхъ и умирающихъ проблесковъ даетъ намъ столько изнѣженности, что послѣ Вагнера всѣ музыканты кажутся грубыми. Если хотятъ мнѣ въ этомъ повѣрить, то для этого не нужно выводить самую возвышенную концепцію Вагнера изъ того, что дѣйствительно нравится въ немъ. То, чѣмъ онъ хочетъ обольстить массы, намъ противно, какъ крикливая фреска. Къ чему намъ раздражающая грубость увертюры «Тангейзера» или циркъ Валькирій? То, что въ музыкѣ Вагнера сдѣлалось популярнымъ внѣ стѣнъ театра, отличается сомнительнымъ вкусомъ и губитъ вкусъ. Маршъ изъ «Тангейзера» кажется мнѣ пошленькимъ, — увертюра «Моряка-Скитальца» — пустымъ шумомъ; прелюдія «Лоэнгрина» даетъ намъ первый, очень ясный и счастливый примѣръ возможности усыпленія музыкой (я отрицаю всякую музыку, цѣль которой обольстить нервы). Но отъ Вагнера магнетизера и живописца фресокъ надо отличать другого Вагнера, собирателя маленькихъ драгоцѣнностей, — въ этомъ онъ нашъ величайшій музыкальный меланхоликъ, полный свѣта, нѣжности, утѣшенія, безъ предшественниковъ передъ собой, учитель въ выраженіи ипохондрической радости, приводящей въ столбнякъ... Лексиконъ интимнаго вагнеріанскаго языка — это въ общемъ коротенькія фразы въ размѣрѣ отъ пяти до пятнадцати тактовъ, — музыка, *которой никто не зналъ*... Да, Вагнеръ имѣлъ добродѣтель декадентовъ — состраданіе.

VIII.

«Прекрасно! Но какимъ образомъ *можетъ* нравиться этотъ декадентъ тому, кто вовсе не музыкантъ и не декадентъ?» Это — другой вопросъ. Подумайте немного. Вы не знаете, что такое Вагнеръ. Онъ — великій комедіантъ. Замѣчали ли вы когда-нибудь въ театрѣ болѣе глубокій и *болѣе тяжелый* эффектъ? Взгляните на этихъ молодыхъ людей, истощенныхъ, блѣдныхъ, безъ дыханія. Вотъ вамъ — вагнеріанцы! Они не смыслятъ въ музыкѣ и однако для нихъ Вагнеръ — господинъ. Искусство Вагнера давитъ со всѣхъ сторонъ. Уйти — это все, что вы можете сдѣлать. Комедіантъ-Вагнеръ — тиранъ. Его пафосъ разрушаетъ всякій вкусъ, всякое сопротивленіе. Кто обладаетъ этимъ убѣдительнымъ могуществомъ приспособленія? Это выраженіе вагнеріанскаго пафоса, это «*я больше не допущу васъ*» до крайнихъ предѣловъ чувства, эта ужасающая *продолжительность* въ положеніяхъ, гдѣ одно уже ожиданіе душитъ васъ!

Дѣйствительно ли Вагнеръ — музыкантъ? Во всякомъ случаѣ онъ былъ чѣмъ-то *болѣе*: несравненнымъ шутомъ, самымъ великимъ изъ клоуновъ, самымъ удивительнымъ театральнымъ геніемъ, какого когда-либо имѣли нѣмцы. Это *по преимуществу нашъ сценическій* человѣкъ. Мѣсто Вагнера не въ исторіи музыки, но въ другомъ мѣстѣ; и его нельзя смѣшивать съ чистыми геніями музыки. Въ музыкальномъ отношеніи онъ просто былъ тѣмъ, чѣмъ и былъ всегда — *дѣланнымъ* музыкантомъ и *дѣланнымъ* поэтомъ, потому что къ этому принуждалъ его геній, его тиранъ — комедіантство.

Вагнеръ *не* былъ музыкантомъ по инстинкту. Это онъ очень хорошо доказалъ, жертвуя всѣми законами и, говоря яснѣе, всѣмъ стилемъ въ музыкѣ, чтобы сдѣлать изъ нея то, въ чемъ онъ имѣлъ потребность, — театральную реторику, средство для выраженія, самую грандіозную мимику, внушеніе, психологическій пейзажъ. Здѣсь Вагнеръ имѣетъ полное право явиться предъ нами, какъ первѣйшій новаторъ — *онъ увеличилъ до безконечности силу выраженія въ музыкѣ*. Онъ — Викторъ Гюго въ музыкѣ, разсматриваемой какъ разговоръ, какъ рѣчь, предполагая всегда, что музыка *можетъ быть* иногда и не музыкой, но рѣчью, орудіемъ, *служанкой драмы*. Вагнеріанская музыка, если ее судить *не* съ театральной точки зрѣнія (очень снисходительной), просто напросто — плохая музыка, въ общемъ — самая плохая. Пусть музыкантъ не знаетъ считать далѣе трехъ — и онъ будетъ «драматичнымъ», онъ будетъ «вагнеріанцемъ»...

Вагнеръ совершилъ почти открытіе какой-то *элементарной* магіи, которая можетъ быть представляема при посредствѣ музыки. Внутреннее чувство, которое онъ имѣлъ къ этому, достигло крайности, какъ и его инстинктъ — совершенно отринуть высшія правила—*стиль*. *Достаточно* самыхъ элементарныхъ пріемовъ—грома, сутолоки, красокъ,—короче: музыкальный матеріализмъ. Съ музыкальной точки зрѣнія Вагнеръ никогда не можетъ считаться музыкантомъ. Онъ ищетъ эффекта и только эффекта. Онъ очень хорошо знаетъ въ чемъ ему надо произвести эффектъ! Онъ обладаетъ въ этомъ отношеніи, какъ и Шиллеръ, отсутствіемъ совѣсти, какимъ обладаетъ и каждый «человѣкъ театра»; онъ обладаетъ также ихъ презрѣніемъ къ вселенной, которая пресмыкается у его ногъ!.. Это—комедіантъ, какъ и тотъ, который имѣетъ преимущество надъ другими людьми въ слѣдующемъ познаніи: то, что должно казаться вѣрнымъ, далеко не всегда можетъ быть вѣрнымъ. Это положеніе было формулировано *Тальмой*. Въ немъ выражена вся психологія комедіантства; въ немъ безъ сомнѣнія заключена также и мораль его. Музыка Вагнера никогда не была истинной.

Но *ее считаютъ за таковую*,—и все въ порядкѣ.

Насколько остаешься въ этомъ отношеніи наивнымъ и вагнеріанцемъ, настолько можно даже повѣрить, что Вагнеръ обладаетъ музыкальнымъ богатствомъ, даже расточительностью, и что онъ на почвѣ звуковъ является большимъ владыкой. Въ немъ удивляются тому, чему удивляются молодые французскіе юноши въ Викторѣ Гюго—«королевскому благородству». Позже имъ обоимъ начинаютъ удивляться по другимъ причинамъ—какъ учителямъ, какъ образцамъ экономіи, какъ *благоразумнымъ* амфитріонамъ. Никто не сравнится съ ними въ искусствѣ изображать царскій столъ съ такими незначительными издержками. Вагнеріанецъ со своимъ легковѣрнымъ желудкомъ удовлетворяется той монастырской порціей, которую даетъ ему его господинъ. Мы же, ищущіе какъ въ книгахъ, такъ и въ музыкѣ *вещественнаго*, и думая, что воображаемые столы сверхъ сервированы, не удовлетворяемся всѣмъ этимъ. По нѣмецки это означаетъ, что Вагнеръ не позволяетъ намъ достаточно пожевать. Его *речитативъ*, въ которомъ мало мяса, но много костей и бульону, можно окрестить названіемъ «Alla genovese» (по генуэзски). Здѣсь я не хочу быть нелюбезнымъ по отношенію къ Генуэзцамъ, но къ *старому речитативу*, *сухому речитативу*. Что же касается «*руководящихъ мотивовъ*», то въ этомъ отношеніи я отказываюсь отъ кулинарныхъ знаній. Я оцѣнилъ бы ихъ, если бы нужно было, какъ идеальныя зубочистки,—хорошій случай отвязаться отъ обѣденныхъ *остатковъ*. Есть кромѣ этого еще «*аріи*» Вагнера... однако я не скажу болѣе ни слова.

IX.

Вагнеръ даже въ обрисовкѣ дѣйствія является комедіантомъ по преимуществу. Что ему прежде всего представляется—такъ это сцена извѣстнаго эффекта,—настоящаго *дѣйствія**) съ мимическимъ горельефомъ, сцена *разрушительная*. Онъ ее углубляетъ и изъ нея выводитъ характеры. Все остальное вытекаетъ изъ этого, сообразно технической экономіи, которая неособенно хитра. Вагнеръ не имѣетъ передъ собой публики Корнеля, а просто XIX вѣкъ. Вагнеръ поступаетъ почти «однимъ, необходимымъ способомъ», какъ поступилъ бы всякій современный комедіантъ: рядъ сильныхъ сценъ, одна другой сильнѣе, а въ промежуткѣ между ними, чтобы ихъ запомнить,—много *мудрой* глупости. Прежде всего онъ ищетъ себѣ гарантію въ эффектѣ: онъ начинаетъ третьимъ актомъ, онъ *дѣлаетъ провѣрку* своему произведенію при посредствѣ крайняго эффекта, который оно можетъ дать. Съ такой цѣлью театра, какъ руководителя, невозможно избѣгнуть опасности создать драму на живую нитку. Драма руководится *суровою* логикой,—но для чего Вагнеру логика! Еще разъ. Вагнеръ *не имѣлъ* передъ собой публики Корнеля, а просто—нѣмцевъ. Извѣстно къ какой технической проблемѣ драматургъ напрягаетъ всѣ свои силы, часто даже обливаясь кровавымъ потомъ,—къ той, чтобы дать *необходимость* завязкѣ и развязкѣ дѣйствія и, такимъ образомъ, чтобы онѣ обѣ были одинаково возможны и давали впечатлѣніе свободы (принципъ наименьшаго дѣйствія). Но Вагнеръ здѣсь меньше всего обливается кровавымъ потомъ; конечно, въ завязкѣ и развязкѣ онъ практикуетъ принципъ наименьшаго усилія. Положимъ какую-нибудь вагнеровскую «завязку» подъ микроскопъ. Можно будетъ посмѣяться—увѣряю васъ въ этомъ. Нѣтъ ничего веселѣе завязки «*Тристана*»,

---

*) Для эстетики было настоящимъ несчастіемъ то, что слово „драма“ всегда переводили словомъ „дѣйствіе“. Не одинъ Вагнеръ здѣсь ошибается. Всѣ впадаютъ въ эту ошибку, даже филологи, которые должны знать это лучше. Античная драма имѣла своею цѣлью передачу великихъ *патетическихъ сценъ*; она совершенно исключала дѣйствіе (присоединяя его или *до*, или *послѣ* начала сцены). Слово „драма“ происхожденія дорическаго и на обыкновенномъ дорическомъ языкѣ оно обозначало „явленіе“, „исторію“, два слова со священнымъ смысломъ. Самая ранняя драма воспроизводила мѣстную легенду, „священную исторію“, на которой опиралось учрежденіе культа (такимъ образомъ это слово означаетъ не дѣйствіе, но явленіе: слово δρᾶν въ дорическомъ языкѣ ни въ какомъ случаѣ не означаетъ „дѣйствія“).

Примѣчаніе Фр. Ницше.

или даже скорѣе «*Мейстерзингеровъ*». Вагнеръ совсѣмъ *не* драматургъ. Онъ любилъ слово «драма»—вотъ и все; онъ всегда любилъ звонкія слова. Слово «драма» въ его твореніяхъ—простое противорѣчіе (и ловкость: Вагнеръ всегда выказывалъ себя вѣрнымъ господиномъ предъ словомъ «опера»). Онъ никогда не былъ достаточно психологомъ для драмы; онъ инстинктивно избѣгаетъ психологической правдивости. Какимъ образомъ? Ставя на ея мѣсто идіосинкразію. Не правда ли, современно, по парижски, по декадентски? *Завязки*, которыя, говоря мимоходомъ, Вагнеръ знаетъ какъ нужно развязать при посредствѣ своихъ драматическихъ изобрѣтеній,—совершенно другой природы. Даю одинъ примѣръ. Положимъ Вагнеръ нуждается въ женскомъ голосѣ. Цѣлый актъ *безъ* женскаго голоса—это совсѣмъ не идетъ! Но въ данный моментъ ни одна изъ «героинь» не свободна. Что тогда дѣлаетъ Вагнеръ? Онъ выпускаетъ на сцену самую старую женщину въ свѣтѣ, Эрду. «Подымайтесь, бабушка! Надо пѣть!» Эрда поетъ. Цѣль Вагнера достигнута. И онъ тотчасъ выгоняетъ старую даму. «Зачѣмъ вы пришли? Уходите! Продолжайте пожалуйста спать!» А въ итогѣ—сцена, полная миѳологическаго трепета, которая заставляетъ *мечтать* вагнеріанца...

«Но *содержаніе* вагнеріанскаго текста, его миѳологическое содержаніе, вѣчное содержаніе!» Вопросъ: какъ испытать это вѣчное содержаніе? Химикъ отвѣчаетъ: надо перевести Вагнера на реальную почву, на современную,—будемъ еще болѣе жестки—на буржуазную! Что произойдетъ тогда съ Вагнеромъ? Попытаемся узнать. Нѣтъ ничего лучшаго и болѣе забавнаго для бесѣды во время прогулки, какъ пересказать Вагнера въ *уменьшенныхъ* размѣрахъ; напримѣръ, разсказать о «*Парсифалѣ*», какъ о кандидатѣ теологіи, прошедшемъ второй курсъ (это необходимо для *чистаго безумія*). Какіе сюрпризы мы тамъ найдемъ! Повѣрите ли вы, что всѣ безъ исключенія героини Вагнера, если отнять у нихъ героическую ихъ внѣшность, очень похожи на m-me Бовари, и настолько похожи, что можно подумать, что *Флоберъ*, передѣлавъ свою героиню на скандинавскій или карѳагенскій ладъ, преподнесъ ее Вагнеру, миѳологизировавъ ее. Да въ общемъ Вагнеръ и не интересовался другими вопросами, кромѣ тѣхъ, которыми интересуются современные маленькіе парижане. Всегда—въ пяти шагахъ отъ госпиталя! Настоящіе современные вопросы! Настоящіе вопросы *великаго города!* Не сомнѣвайтесь!

Замѣтили ли вы (это уже по ассоціаціи идей), что героини Вагнера не имѣютъ дѣтей? Онѣ ихъ *не могутъ* имѣть... Та безнадежность, съ которой Вагнеръ поднялъ вопросъ о рожденіи Зигфрида, показываетъ насколько Вагнеръ былъ современенъ въ этомъ отношеніи. Зигфридъ «*эмансипируетъ женщину*», но безъ надежды на потомство. Еще одна вещь приводитъ насъ въ недоумѣніе: Парсифаль—отецъ Лоэнгрина! Но какъ это случилось? Надо ли вспомнить здѣсь, что «цѣломудріе дѣлаетъ *чудеса*?» Вагнеръ сказалъ: «*въ цѣломудріи—первая сила*».

X.

Еще мимоходомъ одно слово на счетъ писаній Вагнера. Онъ между прочимъ—школа *благоразумія*. Система принциповъ, выставляемая Вагнеромъ, состоитъ въ повтореніи на сто различныхъ ладовъ: имѣющій уши да слышитъ. Быть можетъ я буду имѣть право на публичную признательность, выразивъ точно три его драгоцѣнныхъ принципа. Вотъ они.

Все то, что Вагнеръ *не можетъ*, достойно презрѣнія.

Вагнеръ *могъ бы* больше, но—изъ принципа *не хочетъ*.

То, что Вагнеръ *можетъ*, никто до него не находилъ.

И послѣ него никто не найдетъ и *не долженъ* найти...

Эти три положенія—квинтъэссенція вагнеріанской литературы. Все остальное—«литература». Ни одна музыка до сихъ поръ не нуждалась въ литературѣ. Не потому ли такъ трудно понимать музыку Вагнера? Или можетъ быть ее понимаютъ *очень легко?* Вагнеръ цѣлую жизнь не уставалъ повторять, что его музыка означаетъ не только музыку, но что-то гораздо большее, что-то безконечно большее!..

«*Не только музыку*»—такъ ни одинъ артистъ-музыкантъ не говоритъ! Повторяю, что Вагнеръ не могъ создать ничего цѣльнаго—онъ не имѣлъ выбора, онъ долженъ былъ создавать недоношенныя творенія, «мотивы», мимику, формулы, удвоенія; онъ былъ въ музыкѣ ораторомъ, онъ *долженъ былъ* выставлять съ предвзятой точки зрѣнія на первый планъ свое: «вотъ символъ!» «Музыка всегда была *средствомъ*»—такова его теорія и такова его же *практика*. Но ни одинъ музыкантъ не думаетъ такъ... Вагнеръ нуждался въ литературѣ, чтобы убѣдить весь свѣтъ въ томъ, что его музыка серьезна, глубока, потому что она «*означаетъ* безконечное». Онъ всю свою жизнь былъ комментаторомъ «идеи». Что означаетъ Эльза? Безъ сомнѣнія Эльза—это «*инстинктъ народнаго духа*» («такое воззрѣніе заставило меня сдѣлаться совершеннымъ революціонеромъ». Цитата изъ сочин. Вагнера).

Вспомнимъ, что Вагнеръ былъ молодъ въ то время, когда Гегель и Шеллингъ мутили умы, что Вагнеръ полными руками почерпнулъ то, что одни только нѣмцы могутъ принять за серьезное, именно: «идею», т.-е. что-то темное, неизвѣстное; а у нѣмцевъ ясность озна-

чаетъ противорѣчіе, логика—отрицаніе. Шопенгауэръ выяснилъ заблужденія Гегеля и Шеллинга съ суровостью, но справедливо. Но и самъ онъ, этотъ старый пессимистическій фальшивый монетчикъ, также заблуждался, какъ и его болѣе знаменитые современники. Но оставимъ мораль. Гегель означаетъ *вкусъ*... и не только нѣмецкій вкусъ, но и европейскій, вкусъ, столь хорошо понятый Вагнеромъ, который чувствовалъ себя какъ бы рожденнымъ для него и который онъ обезсмертилъ. Вагнеръ сдѣлалъ только примѣненіе этого вкуса къ музыкѣ; онъ выковалъ стиль «обозначающій безконечное»,—онъ сдѣлался *наслѣдникомъ Гегеля*... И какъ поняли Вагнера! Люди, восторгавшіеся Гегелемъ, восторгаются теперь Вагнеромъ; его школа *пишетъ* стилемъ Гегеля. Прежде всего Вагнера поняла нѣмецкая молодежь. Для нея достаточно было двухъ словъ—«безконечности» и «обозначенія»; отъ нихъ она почувствовала невыразимое удовольствіе. Но не чрезъ *музыку* Вагнеръ завоевалъ молодежь. *Идея*, изобиліе загадокъ въ его искусствѣ, его игра въ жмурки среди сотни символовъ, многоцвѣтность его идеала—вотъ что соблазнило молодежь. И это все благодаря генію, которымъ обладаетъ Вагнеръ,—генію нагромождать тучи, его жестикуляціи, его способности ходить по воздуху, его искусству быть вездѣ и въ то же время нигдѣ,—все это тѣ же средства, которыми волновалъ и соблазнялъ Гегель. Погруженные въ это вагнеріанское разнообразіе, въ это изобиліе, въ эти капризы, юноши вѣрили въ свое оправданіе передъ самими собой и въ свое «спасеніе». Они съ трепетомъ слушали, какъ *великіе символы* проявлялись въ видѣ глухого грома въ отдаленномъ туманѣ. Они не сердились, если иногда атмосфера становилась холодной и ужасающей. Всѣ они, какъ и Вагнеръ, всѣ безъ исключенія *изъ одной и той же семьи* дурного времени въ Германіи. Ихъ богъ — богъ Вотанъ; но Вотанъ есть богъ дурныхъ временъ. Да, юноши германскіе имѣютъ для этого свои основанія. Развѣ они *могли бы жалѣть* объ отсутствіи того, о чемъ мы, потомки Альціона, сожалѣемъ въ Вагнерѣ — о *веселомъ знаніи* *), о легкихъ ногахъ, объ умѣ, о жарѣ, о граціи, о сильной логикѣ, о танцахъ звѣздъ, о возвышенномъ духѣ, о потокахъ тропическаго свѣта, о совершенствѣ...

XI.

Я установилъ мѣсто Вагнеру,—*онъ не принадлежитъ* исторіи музыки. Что прежде всего выражаетъ онъ въ этой исторіи? *Явленіе комедіанства въ музыкѣ*—фактъ капитальный, заставляющій думать и можетъ быть даже и бояться. Формула — слѣдующая: «Вагнеръ и Листъ». Никогда законность существованія музыкантовъ и ихъ «чистота» не подвергались подобной опасности; на нее можно указать пальцемъ: большой успѣхъ,—успѣхъ у массъ не касается чистыхъ представителей искусства. Для того, чтобы достигнуть успѣха, надо быть комедіантомъ. Викторъ Гюго и Рихардъ Вагнеръ доказываютъ одну и ту же истину: въ декадентской цивилизаціи, вездѣ, гдѣ власть попадаетъ въ руки массъ, чистота становится излишней, невыгодной; она дѣлаетъ васъ негоднымъ для жизни. Только комедіантъ возбуждаетъ еще *большой* энтузіазмъ. Такимъ образомъ возникаетъ *золотой вѣкъ* комедіантства какъ для Вагнера, такъ и для всего, что касается его искусства. Вагнеръ выступаетъ съ барабанами и флейтами во главѣ всѣхъ артистовъ экспрессіи, представительности, добродѣтели. Вагнеръ прежде всего убѣдилъ капельмейстеровъ, машинистовъ и пѣвцовъ. Не забудемъ также музыкантовъ оркестра: онъ ихъ тоже «спасъ»—отъ скуки... Оживленіе, вызванное Вагнеромъ, распространилось даже въ сферу знанія: возникаютъ спеціальныя науки. Для примѣра укажу на заслуги *Гуго Римана* въ ритмикѣ. Онъ первый показалъ глубокую важность пунктуаціи—даже въ музыкѣ (къ несчастію, онъ употребилъ пошлое слово «фразеологія»). Подобные люди—высказываю это съ признательностью—самые лучшіе и самые достойные почитатели Вагнера. Они имѣютъ полное право на это почитаніе. Одинаковый инстинктъ привязалъ ихъ къ Вагнеру. Они находятъ въ немъ свой самый возвышенный типъ; они чувствуютъ себя побѣжденными его силой и могуществомъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ ихъ подогрѣлъ своимъ огнемъ. Только здѣсь вліяніе Вагнера было дѣйствительно *благодѣтельнымъ*, если оно было когда-нибудь таковымъ. Никогда еще столько не думали въ этой сферѣ знанія, не желали, не работали. Вагнеръ далъ толчекъ ихъ сознанію. До Вагнера они ничего не требовали отъ себя, чего требуютъ и *достигаютъ* теперь. Раньше—они были очень скромны. Съ тѣхъ поръ какъ Вагнеръ царитъ въ театрѣ, воцарился въ немъ и новый духъ: требуютъ величайшихъ трудностей, порицаютъ рѣзко, хвалятъ не часто,—хорошее и прекрасное изгнано. Уже не нуждаются больше во вкусѣ и даже въ голосѣ. Распѣваютъ вагнеровскія оперы одряхлѣвшими голосами,—это производитъ «драматическій» эффектъ. Даже природныхъ дарованій не нужно. Прежде всего экспрессія во что бы то ни стало,—экспрессія въ томъ смыслѣ, въ какомъ ее понимаетъ вагнеріанскій идеалъ. Идеалъ декаданса совершенно не уживается съ природными дарованіями. Нужна только *добродѣтель*, т.-е. дрессировка, автоматизмъ, «отреченіе».

*) Намекъ на соч. Ницше: „Веселое знаніе“ (La gaija scienza). *Прим. перевод.*

Ни вкуса, ни голоса, ни таланта. Вагнеріанскій театръ нуждается только въ одномъ—*въ Германцахъ*!.. Опредѣленіе Германца—повиновеніе и длинныя ноги. Фактъ знаменательный, что появленіе Вагнера совпадаетъ съ созданіемъ германской «имперіи»: эти два факта могутъ также послужить признакомъ повиновенія и длинныхъ ногъ. Никогда лучше не командовали, никогда лучше не повиновались. Вагнеріанскіе капельмейстеры вполнѣ достойны своего вѣка, который наше потомство когда-нибудь назоветъ *классическимъ вѣкомъ войны*. Вагнеръ прекрасно понялъ искусство командованія; въ немъ онъ также великій профессоръ. И онъ скомандовалъ—постоянную дисциплину надъ собой. Въ этомъ отношеніи Вагнеръ, можетъ быть, представляетъ величайшій образецъ въ исторіи искусства, образецъ властвованія надъ собой («онъ превзошелъ въ этомъ отношеніи даже Альфіери, который по этой части былъ самымъ близкимъ родственникомъ Вагнеру»;—замѣтка одного туринца).

XII.

Изъ того, что наши комедіанты теперь болѣе уважаемы, чѣмъ когда-нибудь, не будемъ заключать, что они менѣе опасны... Кто же теперь будетъ сомнѣваться въ вѣрности слѣдующихъ *трехъ положеній*, которыя *я хотѣлъ* выдвинуть и ради которыхъ мой гнѣвъ, моя тревога, моя любовь къ искусству заставили меня высказаться.

Пусть театръ никогда не будетъ властелиномъ искусствъ.

Пусть комедіантство не сбиваетъ съ настоящей дороги истинныхъ художниковъ-музыкантовъ.

Пусть музыка не будетъ искусствомъ лжи.

Post-scriptum.

Суровость этихъ послѣднихъ словъ позволяетъ мнѣ высказать здѣсь нѣсколько мыслей, содержащихся въ одномъ моемъ еще неизданномъ сочиненіи,—мыслей, которыя разсѣютъ всякое сомнѣніе относительно моей рѣзкости въ этомъ вопросѣ. Это сочиненіе имѣетъ такое заглавіе: «*Что стоитъ намъ Вагнеръ*?»

Вагнеріанизмъ—дорогъ. Уже теперь мы это смутно чувствуемъ. И даже успѣхъ Вагнера, его *тріумфъ* не колеблетъ этого предчувствія. Но раньше онъ былъ поразителенъ и возобновлялся впродолженіе почти всей жизни Вагнера. То сопротивленіе, которое Вагнеръ встрѣчалъ среди нѣмцевъ, не должно быть вмѣнено ему въ заслугу. Противъ него защищались какъ противъ болѣзни *не* при помощи аргументовъ (отрицать болѣзнь нельзя), но при помощи всевозможныхъ преградъ—недовѣрія, дурного расположенія духа, тошноты,—защищались отъ него, какъ отъ мрачной тяжести; какъ будто Вагнеръ таилъ въ себѣ великую опасность.

Гг. эстетики поступили не особенно ловко, объявивши при помощи всевозможныхъ «*если*» и «*потому-что*» смѣшную войну принципамъ Вагнера. Что значили для Вагнера принципы вообще и свои собственные въ частности? Инстинктъ слабѣетъ, когда начинаетъ разсуждать, и это потому что онъ разсуждаетъ,—поэтому именно онъ и слабѣетъ. И если есть еще у насъ, несмотря на декадансъ всей Европы, нѣкоторая степень здоровья и инстинктивное чутье грозящихъ опасностей, то я цѣню это *глухое* сопротивленіе по отношенію къ Вагнеру. Оно дѣлаетъ намъ честь, оно позволяетъ намъ имѣть надежды. Французы не пользуются такимъ здоровьемъ. Нѣмцы, *медлители по преимуществу* въ ходѣ исторіи, являются въ данный моментъ народомъ самымъ отсталымъ съ точки зрѣнія цивилизаціи. А это имѣетъ свои удобства. Благодаря этому они являются народомъ относительно еще *молодымъ*...

Вагнеріанизмъ — дорогъ. Недавно только нѣмцы разучились испытывать страхъ въ присутствіи Вагнера. Желаніе *избавиться отъ него* проглядывало при каждомъ удобномъ случаѣ. Развѣ не памятенъ курьезный и очень недавній случай. Это произошло на похоронахъ Вагнера. Первое вагнеріанское общество (города Мюнхена) возложило на его могилу вѣнокъ съ *надписью*, ставшей скоро знаменитой. «*Искупленіе искупителю*» гласила эта надпись. Каждый, я думаю, удивится возвышенному вдохновенію, продиктовавшему подобную надпись, а также хорошему вкусу, на который вагнеріанскіе партизаны взяли себѣ привилегію. Но многіе также (это было оригинально!) сдѣлали въ этой надписи маленькую поправку: «искупленіе *искупителя*». Я думаю, что это поймутъ.

Вагнеріанизмъ—дорогъ. Опредѣлимъ его вліяніе на цивилизацію. То волненіе, которое произвелъ Вагнеръ, куда оно прежде всего ведетъ? Какимъ образомъ оно постоянно росло, увеличивалось? Явилось высокомѣріе профановъ и идіотовъ по отношенію къ искусству. Это они организуютъ вагнеріанскія общества, это они желаютъ навязать намъ свой «вкусъ», они хотѣли бы даже быть судьями-цѣнителями какъ въ музыкѣ, такъ и среди музыкантовъ. Затѣмъ—увеличивается (и постоянно) индиферентность ко всякой суровой, сознательной дисциплинѣ въ искусствѣ. Ее замѣнили вѣрой въ геніальность, что по нѣмецки означаетъ — безстыжій индифферентизмъ (формула этого выражена въ „*Мейстерзингерахъ*“). Наконецъ—и это худшее—явилась *театрократія*, безумная вѣра въ *превосходство* театра, въ право *господства* театра надъ искусствомъ... Но надо въ сотый разъ повторить вагнеріанцамъ, *что такое* театръ. Онъ есть всегда нѣчто *низшее* искусства, что-то второстепенное, грубое, лживое, приспособленное ко вкусамъ толпы... Въ

этомъ отношеніи Вагнеръ ничего не измѣнилъ: Байрейтъ—это большая, но *дурная* опера... Театръ—это форма идолопоклонства по отношенію вкуса; театръ—это массовой заговоръ, плебисцитъ *противъ* хорошаго вкуса... *Вагнеріанскій вопросъ очень хорошо все это доказалъ:* онъ увлекъ массу, онъ испортилъ вкусъ, онъ даже испортилъ нашъ вкусъ къ оперѣ.

Вагнеріанизмъ—дорогъ.

Что сдѣлалось съ мыслью? *Освободилъ ли Вагнеръ мысль?* Для него всѣ двусмысленности подходящи,—однимъ словомъ все, что можетъ убѣдить нерѣшительныхъ глупцовъ, немогущихъ понять *причину* его очарованія. Вагнеръ—великій обольститель. Умственная усталость, дряблость, пессимизмъ,—все это находитъ себѣ тайное пристанище въ его искусствѣ. Самый черный обскурантизмъ скрывается у него подъ сіяющей оболочкой идеала. Онъ льститъ всѣмъ нашимъ буддійскимъ инстинктамъ, онъ одѣваетъ ихъ въ музыку; онъ льститъ всякой формѣ христіанства и вмѣстѣ съ тѣмъ всякому религіозному выраженію декаданса. Откройте уши! Все, что пустило корни на почвѣ *развращенной* жизни, всѣ фокусы трансцендентнаго, все это нашло въ Вагнерѣ своего возвышеннаго философа, и не при посредствѣ формулъ (Вагнеръ слишкомъ хитеръ, чтобы ихъ употреблять), но чрезъ возбужденіе нашей чувственности, имѣющее своимъ результатомъ изнѣженность и разбитость духа. Музыка подобна Цирцеѣ... Въ этомъ отношеніи его послѣдняя опера есть вмѣстѣ съ тѣмъ и его самый великій фокусъ. «Парсифаль» всегда сохранитъ свое мѣсто въ искусствѣ обольщенія, какъ *геніальное* произведеніе. Удивляюсь этому произведенію. Я хотѣлъ бы быть его творцомъ. Но пока я его еще не создалъ, *я понимаю его.* Никогда Вагнеръ не былъ такъ вдохновенъ, какъ при концѣ своей музыкальной карьеры. Сліяніе красоты съ болѣзненностью такъ тонко, что даже бросаетъ, такъ сказать, тѣнь на все *предшествующее* Вагнеру искусство... Это послѣднее слишкомъ лучезарно и здорово. Вы понимаете это? Здоровье, свѣтъ производятъ тѣнь... Почти *противорѣчіе!* Вотъ гдѣ мы становимся на точку зрѣнія *чистаго безумія.* Никогда не было болѣе великаго учителя, чѣмъ Вагнеръ, въ искусствѣ творчества священныхъ тяжелыхъ благовоній; никогда еще не являлся болѣе великій знатокъ всего *маленькаго* безконечнаго, конвульсій, экстазовъ, всего, что есть женственнаго въ словарѣ счастья! Пейте же, друзья мои, квинтъэссенцію этого искусства! Ни въ какомъ другомъ мѣстѣ вы не найдете болѣе пріятнаго способа разнѣжить вашъ умъ, забыть подъ розовымъ кустомъ вашу мужественность... Ахъ, старый магикъ! Фокусникъ изъ фокусниковъ! Какъ онъ хорошо понимаетъ способъ вести войну съ *нами*, свободными умами! Какъ онъ своими очаровательными аккордами льститъ низкимъ сторонамъ современной души! Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ вы не найдете этой *смертельной вражды* къ духу разума

Мнѣ приходилось наблюдать молодыхъ людей, долго подверженныхъ его вліянію. Ближайшее послѣдствіе, испытываемое вами, послѣдствіе сравнительно невинное, касается вкуса. Вагнеръ дѣйствуетъ какъ застарѣлый алкоголизмъ. Онъ засоряетъ, притупляетъ желудокъ. Его специфическое вліяніе—разрушеніе ритмическаго чувства. Вагнеріанецъ не любитъ ритма. Онъ относится къ нему, какъ къ чему-то скверному. По его мнѣнію это значитъ «затронуть болото», употребляя греческую пословицу. Но что еще хуже у вагнеріанца—такъ это извращеніе пониманія. Юноша дѣлается тряпкой, идеалистомъ. По его мнѣнію, онъ превзошелъ всѣ науки. Въ этомъ отношеніи онъ становится на одинъ уровень со своимъ учителемъ. Онъ дѣлается философомъ и пишетъ «Байрейтскіе листки». Онъ съ необыкновенною легкостью разрѣшаетъ всевозможные вопросы. Но опаснѣе всего у вагнеріанца извращеніе нервной системы. Прогуливаясь ночью по городу, вы вдругъ слышите торжественное и бѣшеное завываніе инструментовъ, смѣшанное съ дикимъ воемъ голосовъ. Что происходитъ? Это молодые люди разыгрываютъ Вагнера...

Да, для молодыхъ людей Вагнеръ вреденъ. Но онъ еще болѣе вреденъ для женщинъ. Что такое вагнеріанка съ точки зрѣнія медицинской? Для медика не трудно разрѣшить этотъ вопросъ, когда онъ предложитъ женщинамъ выбрать того или другаго музыканта. Женщины уже выбрали. Для нихъ невозможно служить сразу двумъ господамъ, если одинъ изъ нихъ называется Вагнеромъ. Вагнеръ *спасъ* женщину. Въ награду за это женщина выстроила ему Байрейтъ. Совершенная жертва, полная отдача себя. Ничего у ней не остается—все *ему*. Для своего учителя женщина готова пасть; она дѣлается трогательной, готова явиться предъ нимъ нагой. Вагнеріанка, эта граціозная двусмысленность среди всѣхъ современныхъ двусмысленностей, *воплощаетъ* въ себѣ вагнеріанскій вопросъ. *Въ ней—тріумфъ Вагнера...*

Второй Post-scriptum.

Мое письмо, кажется мнѣ, подверглось недоразумѣнію. На нѣкоторыхъ лицахъ я замѣчаю выраженіе благодарности. Я слышу даже возгласы скромной веселости. Здѣсь, какъ и въ большинствѣ случаевъ, я предпочелъ бы, чтобы меня поняли. Но съ тѣхъ поръ, какъ новое насѣкомое, червякъ «Германской имперіи», знаменитая *Ринокссера*, опустошаетъ виноградники нѣмецкой мысли, меня совсѣмъ перестали понимать. Это доказываетъ „*Крестовая*

Газета“, не говоря уже о „*Литературномъ Листкѣ*“. Я далъ нѣмцамъ самыя глубокія книги изъ всѣхъ вообще, какія они имѣютъ,— поэтому я имѣю основаніе думать, что нѣмцы меня совсѣмъ не поймутъ. Если я въ этомъ письмѣ полемизирую съ Вагнеромъ, съ нѣмецкимъ «вкусомъ», если я жестокъ по отношенію къ байрейтскому кретинизму, то это не значитъ, что я одинаково отношусь и къ *другимъ* музыкантамъ. Эти другіе по сравненію съ Вагнеромъ въ этомъ отношеніи не могутъ стать на одной доскѣ. Все идетъ къ худшему. Декадансъ — явленіе всеобщее. Болѣзнь имѣетъ глубокіе корни. Если имя Вагнера обозначаетъ *упадокъ музыки*, подобно тому какъ имя Бернини — упадокъ скульптуры, то это въ сущности говоря, не вина Вагнера. Онъ только ускоряетъ этотъ упадокъ, но такимъ образомъ, что по справедливости приходится ужасаться при видѣ этого упадка, этого крушенія. Другіе музыканты — *колеблются*. Вотъ только въ чемъ разница; ничто другое!..

Что есть общаго между Вагнеромъ и этими «другими», то это можно пересчитать: упадокъ способности къ композиціи, злоупотребленіе традиціонными пріемами безъ возможности *оправдать* развязку, фальшивая подражательная поддѣлка великихъ образцовъ, до которыхъ теперь никто не въ состояніи возвыситься за недостаткомъ силы, гордости, *здоровья*, увѣренности въ себѣ. Жизнь, сосредоточенная въ деталяхъ, а не въ цѣломъ; страсть во что бы то ни стало; утонченность вмѣсто *простой здоровой* жизни; всегда поменьше здоровья и побольше — нервовъ. Въ данное время я не знаю ни одного музыканта, способнаго создать *цѣльную* увертюру, и никто такого не знаетъ... Знаменитая, современная музыка въ сравненіи съ вагнеровской совсѣмъ не «самая лучшая» музыка, но только болѣе нерѣшительна, болѣе безразлична. Безразлична потому, что вообще *несовершенное уступаетъ совершенному*. Вагнеръ всегда былъ чѣмъ то совершеннымъ, онъ представлялъ собой совершенную, полную порчу. Онъ дѣйствительно олицетворялъ въ себѣ храбрость, волю и *убѣжденіе* въ этой порчѣ. Что значитъ послѣ этого Іоганнъ Брамсъ!.. Хорошо, что нѣмцы его дурно поняли: они его приняли за противника Вагнера, потому что противникъ былъ имъ *необходимъ*. Изъ этого не слѣдуетъ, что музыка имъ *необходима*. Просто нужно побольше музыки! Если мы не богаты, то по крайней мѣрѣ надо гордиться своей бѣдностью! Симпатія къ музыкѣ Брамса, помимо партійныхъ интересовъ и недоразумѣній, была долго для меня загадкой и только случайно я замѣтилъ, что Брамсъ вліяетъ на людей только извѣстнаго сорта. Онъ имѣетъ меланхолію безсилія. Если онъ творитъ, то не вслѣдствіе избытка силъ; онъ *жаждетъ* этого избытка. Пусть онъ подражаетъ и заимствуетъ формы стиля у старыхъ мастеровъ или у современной утонченности (онъ въ этомъ отношеніи конія своего учителя), но все таки у него есть активныя, энергичныя *желанія*. И это поняли всѣ потерявшіе равновѣсіе отъ полноты своихъ желаній. Брамсъ слишкомъ мало личенъ, онъ разбрасывается. И всѣ безцвѣтные люди любятъ его за это. Въ частности онъ музыкантъ для извѣстной группы женщинъ. Сдѣлайте пятьдесятъ шаговъ дальше и вы найдете вагнеріанокъ (точно также, какъ пятьдесятъ шаговъ дальше Брамса найдете Вагнера). Кромѣ этого, вы найдете вагнеріанокъ типа самаго характернаго, интереснаго и въ особенности самаго *граціознаго*. Брамсъ трогателенъ, когда онъ таинственно мечтаетъ или же плачетъ надъ собой. Это дѣлаетъ его *современнымъ*. Но онъ становится холоденъ, онъ перестаетъ вліять на насъ, лишь только начинаетъ думать, что онъ *наслѣдникъ классиковъ* — музыкантовъ. Брамса охотно называютъ *наслѣдникомъ* Бетховена... Я не знаю болѣе скромнаго и вѣжливаго названія. То, что въ современной музыкѣ имѣетъ претензію на «большой стиль», ложно или по отношенію къ намъ *или скорѣй* по отношенію къ самому себѣ. Подобнаго рода альтернатива достаточна для того, чтобы призадуматься. Она разъясняетъ вопросы относительно цѣнности этихъ двухъ гипотезъ. «Ложно по *отношенію къ намъ*»: инстинктъ большинства протестуетъ, ибо не желаетъ быть обманутымъ; что касается меня, то я бы всегда предпочелъ *этотъ* типъ другому (ложно по *отношенію къ самому себѣ*). Таковъ *мой* вкусъ. Для «бѣдныхъ духомъ» существуетъ формула болѣе ясная: Брамсъ *или* Вагнеръ... Но Брамсъ *не* комедіантъ.

Теперь можно составить себѣ понятіе объ *остальныхъ* музыкантахъ, слѣдовавшихъ послѣ Брамса. Я не буду говорить о подражателяхъ Вагнера, напримѣръ о Гольдмаркѣ: онъ со своей „*Королевой Савской*“ годится на задній дворъ,— это можно доказать. Что торжествуетъ теперь въ музыкѣ, такъ это детальность. Что хорошо еще выполняютъ, то это все таки— детали. Только еще въ нихъ проявляется сила. Но въ сущности музыка не можетъ вылѣчиться отъ своей главной болѣзни — отъ необходимости быть выраженіемъ психологическаго конфликта, отъ необходимости быть *современной*. Наилучшая школа, наилучшее воспитаніе, глубокое знакомство со старыми учителями—музыкантами, все это останется палліативомъ или скорѣе чѣмъ-то *фиктивнымъ*. И все потому, что нѣтъ извѣстныхъ качествъ въ крови,— будь это могучая сила Генделя или сверкающая жизненность Россини. Не всякій *въ правѣ* имѣть учителя. И это вѣрно не только отно-

сительно личностей, но и цѣлыхъ столѣтій. Но возможность появленія болѣе высокой музыки не уничтожена еще до тѣхъ поръ по крайней мѣрѣ, пока гдѣ-нибудь въ Европѣ существуютъ еще *остатки* болѣе сильныхъ расъ, остатки, состоящіе изъ людей выше своего вѣка. Все это позволяетъ намъ еще надѣяться на *возрожденіе* красоты и совершенствованія даже въ музыкѣ. По крайней мѣрѣ нѣкоторыя исключенія даютъ намъ право на эту надежду. Но если предположить, что вырожденіе есть явленіе *всеобщее и необходимое*, то тогда никакіе боги не спасутъ музыку отъ упадка.

Эпилогъ.

Чтобы отдохнуть — забудемъ на мгновеніе этотъ тѣсный міръ. Философъ послѣ того, какъ онъ столь долго занимался «вагнеріанскимъ вопросомъ», чувствуетъ потребность вымыть себѣ руки. Я сейчасъ дамъ свое опредѣленіе „*современнаго*“. Мѣрило жизненныхъ силъ всякой эпохи заключаетъ въ себѣ равнымъ образомъ какъ добродѣтели ей дозволенныя, такъ и добродѣтели ей запрещенныя. Или—если эпоха обладаетъ добродѣтелями жизни *прогрессивной*, тогда она всѣми силами сопротивляется добродѣтелямъ жизни *регрессивной*; если же эта эпоха представляетъ собой жизнь *регрессивную*, тогда она, само собой разумѣется, нуждается въ добродѣтеляхъ *эпохи упадка* и ненавидитъ все то, что полно жизни и силъ. Эстетика неразрывно связана съ этими біологическими посылками, и существуетъ какъ эстетика декаданса, такъ и эстетика классическая. «Прекрасное же для себя» есть только химера, какъ и всякій идеализмъ. Въ сферѣ моральныхъ цѣнностей, сферѣ болѣе тѣсной, нѣтъ большихъ противоположностей, какъ мораль *христіанская* и мораль *классическая*. Первая *раціонализируетъ* міръ, вторая—запрещаетъ исключительную *привязанность къ міру* и ко всему, что есть въ немъ. Эти антитезы въ моральной оптикѣ, *онъ обѣ* необходимы: это два способа видѣть, къ которымъ нельзя подходить ни съ аргументами, ни съ отрицаніемъ. Христіанства нельзя отрицать. Разрушать же пессимизмъ, какъ философію, было бы неразумно. Концепціи «истины» и «ошибки» не имѣютъ по моему мнѣнію, никакого смысла въ оптикѣ. Одно, что надо разрушать, это лицемѣріе, это скверное инстинктивное побужденіе, которое *отказывается* смотрѣть на эти антитезы, какъ антитезы: какъ это и было у Вагнера, который въ подобномъ лицемѣріи обладалъ достаточной выучкой. Бросать украдкой взгляды на мораль классиковъ, *высшую* мораль (въ этомъ отношеніи исландская легенда — документъ самый важный) и въ то же время говорить о доктринѣ противоположной, о доктринѣ «униженности», «*потребности* искупленія»!.. Я удивляюсь,—замѣчу мимоходомъ, скромности христіанъ, путешествующихъ въ Байрейтъ. Что касается меня, то я бы не вынесъ нѣкоторыхъ словъ въ устахъ Вагнера. Въ нихъ есть такія воззрѣнія, которыя *не* принадлежатъ Байрейту... Какъ! Христіанство, приспособленное можетъ быть самими же *вагнеріанками* для вагнеріанокъ! (потому что къ старости Вагнеръ сдѣлался совсѣмъ *женскаго рода*).

Двойственность, подобная байрейтской двойственности,—не исключеніе теперь. Мы всѣ знаемъ антиэстетическую концепцію «христіанскаго рыцаря» (Вагнера). Эта *невинность* въ противорѣчіи, это «чистое сознаніе» въ лжи—*современно по преимуществу*; констатируя это, мы почти опредѣляемъ современность. Съ соціологической точки зрѣнія, современный человѣкъ представляетъ собой *вторичную* (*гетерогеничную*) *систему моральныхъ цѣнностей*, онъ въ одно и то же время сидитъ на двухъ стульяхъ, въ одно и то же время говоритъ и *да*, и *нѣтъ*. Что же поэтому удивительнаго въ томъ, что въ наше время вторичная мораль сдѣлалась такъ цѣнна и даже геніальна, если *Вагнеръ* «жилъ среди насъ»! Поэтому я не безъ основанія назвалъ Вагнера Каліостро современности... Но всѣ мы, не зная и не желая этого, всѣ мы имѣемъ въ крови мѣрило, слова, формулы морали совсѣмъ *противоположнаго* происхожденія,—всѣ мы, выражаясь физіологически, *двойственны*... Гдѣ и какъ начать *діагнозъ современной души?* Смѣлымъ разрѣзомъ опухоли этихъ противорѣчивыхъ инстинктовъ, выдѣленіемъ моральныхъ цѣнностей одна отъ другой, полной вивисекціей на ея *самомъ поучительномъ* случаѣ. И въ этомъ отношеніи вагнеріанскій вопросъ есть для философа *счастливый случай* и поэтому понятно, что все написанное здѣсь внушено благодарностью.

Любительницы искусства.

I. Соблазнительница.

Безоблачное небо залито багровымъ закатомъ. Образовавшіеся за день снѣжныя проталины и ручейки покрываются тоненькимъ, какъ пленочка, льдомъ. Капли съ огромныхъ ледяныхъ сосулекъ на крышѣ падаютъ все рѣже и рѣже. Рыхлый, крупитчатый снѣгъ дѣлается тверже. Чувствуется легкій вечерній морозецъ, но, несмотря на это, приближающаяся весна даетъ о себѣ знать во всемъ: и въ особомъ освѣщеніи предметовъ, и въ весеннемъ запахѣ, и въ воркованьѣ голубей, и въ чириканьѣ воробушковъ, и въ отдаленномъ пронзительномъ концертѣ котовъ. Катя, дочь сапожнаго мастера Григорьева, хорошенькая, румяная, восьмилѣтняя дѣвочка, катается на дворѣ съ полурастаявшей и почернѣвшей ледяной горы на салазкахъ. Шубка, варяшки и даже платокъ на головѣ Кати въ снѣгу. Салазки частенько опрокидываются и Катя вверхъ тармашками слетаетъ въ сугробы. Но Катя не смущается. Она поднимется, отряхнетъ шубку, поправитъ платокъ и, взявъ за веревочку салазки, снова карабкается съ ними на гору. Въ наступающей тишинѣ сумерокъ все явственнѣе доносятся съ ярмарочной площади однообразные звуки шарманокъ, писк, визгъ, бряцанье бубновъ, оглушительные, какъ выстрѣлы, удары турецкихъ барабановъ, хохотъ и гулъ толпы. Катя останавливается по временамъ, выставляетъ изъ-подъ платка снѣжной варяшкой ухо, прислушивается и вздыхаетъ. Экіе счастливцы! Экое веселье! Только не для нея оно. Катѣ не позволяютъ даже на улицу выходить,—играй себѣ на дворѣ. На ярмаркѣ она всего два раза была въ своей жизни съ матерью: разъ въ третьемъ году, да разъ въ прошломъ. Въ третьемъ году Катя была совсѣмъ еще маленькая и, увидя издали размалеванную рожу клоуна, испугалась и расплакалась. „Какая была глупая!“—подумала она. Ее больше интересовали тогда румяныя, нарядныя куклы и всякія игрушки. Въ прошломъ году, заинтересованная балаганными чудесами разсказами брата, она попросила у матери позволенія зайти въ балаганъ, но мать сердито оглянула ее и дернула за рукавъ:

— Это ты што это? Ошалѣла никакъ? И не заикайся у меня!

— Што же, мамаша? А какъ же Петя-то?—захныкала Катя.

— Поговори ищо! Ишь какая балаганница выискалась!

— А ка... какъ же Пе... Пе... Петя-то?

— Замолчи у меня, дурища! Постомъ великимъ по балаганамъ ходить... Хоть бы подумала, дура!

— А ка... какъ же Пе... Петя-то?

— Да хоть бы и не постомъ,—продолжала мать, — это я и позволю дѣвченкѣ на всяку пакость глядѣть? Да што я обезумѣла, што-ли? Нѣтъ, матушка, пока жива и близко не подпущу!

— А ка... какъ же Пе... Петя-то?

— Што же, Петю-то не драли за вихры? Петя-то не стоялъ на колѣняхъ? Забыла?

— Н-ну, такъ што-жь?

— А тоже! Забудь и думать, изъ головы выкинь! И родителей то выпорола бы, которые пущаютъ дѣтей по представленьямъ!

Этимъ и закончилась Катина попытка попасть въ балаганъ.

Въ нынѣшнемъ году Катя еще ни разу не была на ярмаркѣ, да и мало было надежды на это въ будущемъ: купленный матерью въ прошломъ году ситецъ оказался весьма недоброкачественнымъ. Мать цѣлый годъ бранила пріѣзжихъ ярмарочныхъ торговцевъ и дала себѣ слово никогда ничего не покупать на ярмаркѣ. „У нашего Титова,—говорила она,—хоть и ругаютъ его, а все, за что ни возьмись, лучше. Онъ хоть и возьметъ копѣйку, другую лишнюю, за то ужь не подсунетъ гнилья... По совѣсти торгуетъ!“

Между тѣмъ Петя успѣлъ уже нѣсколько разъ побывать съ товарищами на ярмаркѣ, купилъ тамъ крошечный перочинный ножичекъ и былъ въ балаганахъ. Послѣднее обстоятельство онъ, конечно, скрывалъ отъ родителей, особенно отъ богомольной матери, но передъ Катей не утаилъ этого и долго съ восторгомъ разсказывалъ ей о своихъ впечатлѣніяхъ. Балаганъ въ нынѣшнемъ году, по его словамъ, въ пятьсотъ тысячъ милліоновъ разъ лучше, чѣмъ въ предшествовавшіе годы. „Петрушка“ выдѣлываетъ такія штуки, что просто „уморушка“, а большого балагана и описать невозможно! Чего-чего только тамъ нѣтъ: и ученыя собаки, и фокусникъ, глотающій шпагу, и панорама, и куплетистъ-разсказчикъ, и акробаты, и насквозь прострѣленный турокъ...

— Насквозь?!—въ изумленьи спрашиваетъ Катя съ разгорѣвшимися глазами и личикомъ.

— Насквозь! Ей-Богу право!—крестится Петя. —Прямо, вотъ, какъ отъ пупка, черезъ весь животъ, до спины, ей-Богу! Трубка такая вставлена... Посмотришь въ нее, а тамъ, съ другого конца, часы подставятъ или свѣчу...

— И живъ?!

— Живъ!

Глазенки Кати еще болѣе разгораются и она спрашиваетъ:

— Ну, а кишки-то какъ же? Я думаю, и ихъ видно?

— Нѣтъ, кишекъ не видать: кто ихъ знаетъ, какъ онѣ тамъ! Говорятъ, мошенничество просто, поддѣлали какъ-то, да и турокъ-то будто не турокъ, а служитель ихній же... Ну, да это что! А вотъ интересно, такъ интересно: какъ акробаты египетскую пирамиду дѣлаютъ!

— Какъ же это?

— А вотъ какъ. Возьмутъ, напримѣръ, столъ, вотъ такой же какъ нашъ, потомъ стулъ деревянный... Дай-ка мнѣ стулъ-то!

Катя съ готовностью подаетъ брату стулъ. Петя ставитъ его на столъ, влѣзаетъ и пытается изобразить „египетскую пирамиду“.

Всѣ эти разсказы брата о балаганныхъ чудесахъ доводятъ Катю до того, что она спитъ и видитъ себя въ балаганѣ. Но матери она боится заикнуться...

Катя еще разъ выставляетъ ухо по направленію доносящагося ярмарочнаго гула, еще разъ глубоко вздыхаетъ и снова карабкается съ салазками на гору. Промчавшись стрѣлой, она, по обыкновенію, падаетъ въ сугробъ, поднимается и видитъ около себя свою подругу Олю, дочь портного Ѳедорова.

— Здравствуй, Катя. Катаешься? — говоритъ подруга.

— Катаюсь, — отвѣчаетъ дѣвочка, — давай вмѣстѣ, хочешь?

— А ты полно-ка, чего тутъ кататься! Я за тобой зашла, пойдемъ...—Оля при этомъ таинственно оглядывается вокругъ и плутовски улыбается.

— Куда?—изумленно спрашиваетъ Катя.

— Въ балаганъ!

Катя вспыхиваетъ, широко раскрываетъ глаза и выпускаетъ изъ рукъ веревочку отъ салазокъ. Нѣсколько мгновеній она безмолвно смотритъ на подругу, потомъ приходитъ въ себя и со вздохомъ говоритъ:

— Полно! Да развѣ мнѣ можно? Развѣ меня мамаша пуститъ? Что ты!

— И не надо—шепчетъ Оля, опять озираясь вокругъ.—Пусть не пускаетъ, ты и не спрашивайся!... Прямо сейчасъ, вотъ, выйдемъ за ворота и—маршъ!

Катя грустно улыбается и отрицательно качаетъ головой.

— Эхъ, ты, дурища!—укоряетъ Оля.— Да если бы мнѣ, да я бы, кажись, не знай куда побѣжала! Пойми ты, тетеха, вѣдь не куда-нибудь къ „Петрушкѣ", а въ самый большой балаганъ, на вечернее приставленье, которое бываетъ съ фиверками, да съ пантаминами! За Варюшкой зайдемъ, втроемъ и побѣжимъ... То-то веселье-то, мамыньки! Ну, пойдемъ что-ли?! Домой вернешься,—скажешь матери, у Варюшки была... Ну, дернетъ, можетъ быть, разъ, другой за ухо, да съ тѣмъ и останется. А зато смѣху-то што будетъ! Про меня-то не говори матери, что со мной была: меня она не любитъ, какъ разъ изъ-за меня и безъ ужина оставитъ, а про Варюшку ничего, Варюшка смирная...

— А деньги-то? — робко спрашиваетъ Катя.

— Ха-ха-ха-ха! — заливается Оля. — Деньги! Если бы за деньги, такъ ништо я-бы зашла за тобой? Я теперь, Катенька,—съ гордостью добавляетъ она,—совсѣмъ даромъ могу, да еще двухъ подругъ захочу такъ проведу!

— Н-ну?!

— Ей Богу, право! Провалиться на этомъ мѣстѣ!—и для большаго убѣжденія подруга размашисто крестится на востокъ.

— Да какъ же это ты?

— Да такъ ужь, счастье такое! Имъ безпремѣнно нужно было двухъ кошекъ на фокусы... Ну ужь, а насчетъ кошекъ-то знаешь, чать, какая я дошлая... Вотъ я иду третьеводня мимо балагана... Да я тебѣ дорогой разскажу... Ну, идемъ что-ли?!

— Боязно, Оленька... А какъ увидитъ кто? — шепчетъ Катя, со страхомъ поглядывая на окна, въ одномъ изъ которыхъ, въ мастерской, затеплился уже огонекъ лампы.

— Ну, вотъ, что: идти, такъ идти!— рѣшительно заявляетъ подруга. — Надо еще за Варюшкой забѣжать, а то какъ разъ прозѣваемъ начало-то!

Катя дрожитъ какъ въ лихорадкѣ, крестится и, искоса поглядывая на окна, какъ будто ни въ чемъ не бывало, идетъ съ подругой къ воротамъ и везетъ за собой салазки. Калитка чуть слышно щелкаетъ, салазки остаются на дворѣ и дѣвочки, съ сильно бьющимися сердчишками, бѣгомъ бѣгутъ по тротуару, желая скорѣе завернуть за уголъ и скрыться изъ виду. Черезъ нѣсколько минутъ онѣ добѣгаютъ до третьей своей подруги, толстенькой, веснусчатой Варюшки, которая, по обыкновенію, апатично сидитъ у воротъ на лавочкѣ и безмолвно лущитъ подсолнухи. Варюшка безмолвно, сходивъ только кой за какимъ дѣломъ за ворота, принимаетъ приглашеніе и идетъ съ подругами. Она переваливается, пыхтитъ, сопитъ и едва поспѣваетъ за ними.

— Постойте, дѣвыньки!—жалобно взываетъ она по временамъ. — Куды вы? я не поспѣю за вами...

— Иди, иди скорѣе! Чего тамъ? Опоздаемъ ищо! — съ веселымъ смѣхомъ въ одинъ голосъ отвѣчаютъ Катя и Оля. Онѣ взяли другъ друга за руки и, раскачивая ими, быстро спѣшатъ впередъ. Катя крѣпко обнимаетъ иногда Олю, взвизгиваетъ и прискакиваетъ на одной ногѣ. Она съ отчаяніемъ махнула рукой на все „домашнее" и всецѣло отдалась своему счастью. Она безъ умолку разспрашиваетъ Олю, заглядываетъ ей въ глаза и съ каждою минутой чувствуетъ себя все счастливѣе. Вотъ промелькнули бульваръ, Семеновская улица, Ильинская... Звуки шарманокъ, барабанные удары, писк, визгъ и гулъ толпы приближаются... Каждую минуту приходится наталкиваться на возвращающійся съ ярмарки народъ. Слышатся пьяныя пѣсни, крики извозчиковъ. Гдѣ-то пиликаетъ гармоника, пищитъ пѣтушокъ. Въ сгущающихся сумеркахъ тамъ и сямъ вспыхиваютъ огоньки. Все ближе и ближе. Волны народа становятся гуще, грязь непролазнѣе. Вотъ мелькаютъ флаги и ярко освѣщенныя изнутри полотняныя крыши балагановъ...

— Торопитесь, господа, торопитесь!— слышится хриплый, пропитый голосъ.— Сичасъ начинается, сичасъ, сію минуту! Блестящее, разнохарактерное приставленье! Небывалыя чудеса чорной магіи и акробаты! Торопитесь: не хватитъ билетовъ! Совсѣмъ почти задаромъ: всего три копѣйки билетъ!

— Сюда, господа публика, пожалуйте, сюда, сюда! — съ ожесточеніемъ и необыкновенной жестикуляціей кричитъ у входа въ большой балаганъ толстый, красноносый человѣкъ въ мѣховой шапкѣ и рваномъ лѣтнемъ пальтишкѣ.—Сюда, сюда, здѣсь самый лучшій, большой балаганъ-театръ, извѣстный во всѣхъ частяхъ свѣта! Пожалуйте, господа, торопитесь! Сичасъ начинается эфектное вечернее приставленье въ трехъ отдѣленіяхъ по самой разнообразной программѣ!

Сюда, сюда, всѣ чудеса здѣсь!
Иди народъ что есть!
Всѣмъ мѣста хватитъ!
Кто пятачокъ заплатитъ!

Красноносый человѣкъ однимъ прыжкомъ подскакиваетъ къ кассовому столу, схватываетъ огромный колоколъ, какіе привязываются обыкновенно подъ дугами пожарныхъ лошадей, и начинаетъ звонить.

— Послѣдній звонокъ! Начинается! Пожалуйте! Торопитесь! — чуть слышится его голосъ.

Катя, Оля и Варюшка протискались въ самый передъ и съ разинутыми ртами благоговѣйно внимаютъ толстому человѣку.

— Дяденька, а дяденька! — робко пытается Оля обратить на себя его вниманіе. — Дяденька, вы вчерась обѣщали...

Но толстый человѣкъ продолжаетъ кричать, размахивать руками и названивать.

На минуту на верхнемъ балкончикѣ балагана показывается клоунъ. Онъ раза два перекувыркивается, прокрикиваетъ попѣтушиному и тотчасъ же исчезаетъ.

— Дяденька, а дяденька! — въ десятый разъ повторяетъ Оля.

— Чего пищишь? Чего лѣзешь? — прикрикиваетъ наконецъ на нее толстякъ.

— Я вамъ кошечекъ принесла... Пропустите, дяденька... Обѣщались.. съ подружками...

— А-а, это ты? Ну, скорѣе! Сколько васъ тутъ? Цѣлый полкъ, чай, нагнала? Авдотья Ивановна, пропустите. Скорѣе, скорѣе.

Оля съ Катей въ одинъ мигъ вспрыгнули на подмостки и очутились передъ Авдотьей Ивановной въ бархатной шубкѣ и въ шляпѣ съ цѣлымъ огородомъ яркихъ цвѣтковъ. Она сердито оглянула дѣвочекъ и молча указала рукой на входъ. Толстая, неповоротливая Варюшка заглядѣлась въ это время на чудовищную рожу, нарисованную на балаганной вывѣскѣ, и не успѣла за подругами. Когда она полѣзла на подмостки, ее кто-то оттолкнулъ изъ публики и она только увидѣла, какъ за подругами задернулась входная занавѣска. Варюшка затерла рукавомъ глаза и въ страхѣ отъ одиночества въ огромной, незнакомой толпѣ, кое какъ выбралась изъ нея и бѣгомъ пустилась домой.

Катя съ Олей, по указанію верзилы въ синемъ кафтанѣ, обшитомъ шнурами и позументами, садятся на самую послѣднюю скамейку. Народу довольно много. Шарманка съ шипѣньемъ и присвистомъ наигрываетъ какую-то унылую мелодію. На освѣщенной коптящими лампами сценѣ, обитой краснымъ кумачемъ, двое большихъ акробатовъ и одинъ маленькій — семейство „европейски-извѣстныхъ“ эквилибристовъ Гавриловыхъ — продѣлываютъ знакомую Катѣ по разсказамъ брата, „египетскую пирамиду“. Глаза у Кати сдѣлались огромные, совсѣмъ черные, ротъ полураскрытъ. Она крѣпко прижимается къ подругѣ и держитъ ее за руку.

— Мамыньки, упадетъ! Милая, упадетъ! Ей-Богу, право, упадетъ! — шепчетъ она въ страхѣ.

— Тише, а ты! Молчи! Небось, они ужъ умѣютъ! — толкаетъ ее Оля.

— А Варюшка-то гдѣ? — вспоминаетъ вдругъ Катя.

Дѣвочки на минуту оглядываются, смотрятъ по сторонамъ и, не найдя подруги, тотчасъ же забываютъ о ней. Акробаты, между тѣмъ, съ честью выходятъ изъ своего рискованнаго положенія и подъ градомъ апплодисментовъ убѣгаютъ за кулисы. Фигуры ихъ, обтянутыя въ бѣлое трико съ темно-малиновыми опоясками, усѣянными блестками, долго еще стоятъ въ воображеніи дѣвочекъ, окруженныя непонятно-привлекательнымъ поэтическимъ ореоломъ. Вотъ на смѣну ихъ появляется толстый, рыжебородый господинъ въ потасканной фрачной парѣ и въ грязной сорочкѣ безъ галстука. Онъ начинаетъ стрянать яичницу въ шляпѣ, приглашая къ себѣ публику на ужинъ. Публика гогочетъ. Всюду веселыя, довольныя лица. Яичница готова. Фрачный господинъ дотрогивается до шляпы своей магической палочкой, съ разстановкой говоритъ „разъ — два — три!“ и вынимаетъ изъ шляпы одну изъ Олиныхъ кошекъ. Восторгу публики и особенно двухъ дѣвочекъ нѣтъ предѣла. Онѣ до слезъ заливаются звонкимъ смѣхомъ, хлопаютъ въ ладоши, подпрыгиваютъ.

— Это моя кошка-то, моя! — шепчетъ Оля сидящимъ впереди.

— Да, да, это ея! Это она принесла, ей Богу, право! — съ гордостью поддерживаетъ Катя.

Но господинъ уже покончилъ съ яичницей и выводитъ на сцену двухъ дрессированныхъ собакъ въ женскихъ платьяхъ и шляпкахъ. Шарманка начинаетъ играть „По улицѣ мостовой“. Собаки становятся въ позиціи, встряхиваютъ платками и выступаютъ „павами-лебедками“. Шумъ, крикъ, хохотъ.

— Куда же вы лѣзете то? Погодите, успѣете! — слышится за входной занавѣской дерзкое замѣчаніе Авдотьи Ивановны.

— Да какъ-же, помилуйте! — горячится мужской голосъ. — Она здѣсь, я навѣрное знаю! Искали, искали, — съ ногъ сбились! Вѣдь ночь на дворѣ. Мать къ подружкѣ ея бѣгала, та и сказала. Съ ними была, — видѣла!

— Ну, такъ что-же такое? Не съѣдятъ ее тамъ! Дайте, вотъ, отдѣленіе кончится... Нельзя же нарушать!

— Пропустите пожалуйста, сдѣлайте милость, я потихонечку, никого не обезпокою!

Катя прислушивается. Сердчишко ея на мгновеніе замираетъ. Голосъ ей кажется знакомымъ. Но, нѣтъ, этого не можетъ быть! Это просто ей кажется отъ страху, потому что убѣжала безъ спросу.

Собакъ смѣняютъ опять акробаты и маленькій, потѣшный клоунъ съ нарумяненными щеками и поддѣльнымъ аршиннымъ носомъ. Онъ лаетъ, кудахтаетъ, вертится колесомъ и мѣшаетъ акробатамъ, ежеминутно вскакивая то тому, то другому на плечи. Клоуна бьютъ, пинаютъ, и, наконецъ, всѣ въ общей свалкѣ исчезаютъ за кулисы. Хохотъ, апплодисменты. Занавѣсъ задергивается. Катя съ Олей въ неописанномъ восторгѣ прыгаютъ, визжатъ и стучатъ ногами. Катю кто-то дергаетъ за рукавъ. Она оборачивается и видитъ предъ собой отца. Катя блѣднѣетъ и замираетъ.

— А-а, ты вотъ гдѣ, мерзавка! — сердито шепчетъ отецъ. — Н-ну, погоди!

Онъ беретъ ее за руку и, не говоря больше ни слова, выводитъ изъ балагана.

Темная, звѣздная ночь. Морозитъ. Непролазная ярмарочная грязь немного застыла. Подъ ногами хруститъ ледокъ. Ряды лавокъ уже заперты. Прохожіе попадаются рѣдко. Тишина.

Катя едва успѣваетъ за отцомъ. Онъ идетъ быстро-быстро и тащитъ ее за руку. Сердце въ ней колотитъ, какъ молотокъ, слезы приступаютъ къ горлу, душатъ. Катя начинаетъ плакать. Плачетъ, плачетъ, — отецъ все молчитъ. Проходятъ Ильинскую, Семеновскую, бульваръ, у Кати и слезъ больше нѣтъ, а отецъ все молчитъ. Вотъ Рождественская площадь, вотъ Мѣшковъ переулокъ, — отецъ молчитъ. Вотъ и домъ... Во всѣхъ окнахъ огонь... Вотъ калитка. Отецъ сердито поднимаетъ защелку... У Кати замираетъ сердце...

II. Гастроль у фокусника.

На сценѣ городского театра заѣзжій „профессоръ магіи, гипнотизеръ и предсказприжаторъ“ Фальке со своимъ помощникомъ дѣлаютъ кой-какія приспособленія къ вечернему представленію. Сцена освѣщена, но зрительный залъ зіяетъ темнотой. Отъ этого фигуры на сценѣ кажутся гораздо рѣзче, рельефнѣе. Фальке—неопредѣленной національности. Онъ сухощавъ, высокаго роста, съ крупными чертами лица, быстрыми, черными глазами, съ курчавой, полусѣдой шевелюрой, нафабренной эспаньолкой и въ коротенькой франтовской курточкѣ. Помощникъ его маленькій, прихрамывающій человѣчекъ съ рыженькой, мочальной бородкой—изъ юркихъ, вездѣсущихъ ярославцевъ. Одѣтъ болѣе, чѣмъ печально. Фальке то и дѣло на него кричитъ, топаетъ ногами и ругаетъ „русскимъ осломъ“. Ярославецъ, прихрамывая, суетливо бѣгаетъ по сценѣ и что-то бормочетъ себѣ подъ носъ. Фальке, развалившись, сидитъ на стулѣ, спиной къ зрительному залу, и попыхиваетъ сигарой.

— Катова? — спрашиваетъ онъ помощника своимъ птичьимъ, гортаннымъ голосомъ.

— Кажись будто все... — отвѣчаетъ тотъ, останавливаясь и оглядываясь кругомъ.

— Сторожъ! — на весь театръ вскрикиваетъ Фальке. — Сторожъ! Сторожъ!

Изъ за декораціи, изображающей средневѣковую улицу, показывается заспанная, давно небритая физіономія театральнаго сторожа Власыча. Позѣвывая, онъ приглаживаетъ ладонью всклокоченные волосы и довольно либеральнымъ тономъ спрашиваетъ:

— Чево вамъ угодно?

— Къ вечеръ таставай мнэ пожалистъ тэвочки.

Физіономія сторожа выражаетъ недоумѣніе.

— Три штуки, — вставляетъ ярославецъ, — лѣтъ, эдакъ, восьми, десяти...

— А-а-а! — произноситъ сторожъ. — Представлять, значитъ?..

— Да, да, намъ для живой картины нужно... Душъ изображать...

— Таставай нэпрэмѣнно. На вотка наключаешь! — добавляетъ Фальке и, надѣвъ пальто съ цилиндромъ, уходитъ изъ театра.

— Ишь ты вѣдь дѣло-то какое! — самъ съ собой разсуждаетъ сторожъ. — Гдѣ я тебѣ ихъ достану? Кабы свои были, такъ такъ! А то гдѣ ихъ взять-то? На водку то оно, конечно, на водку... Безъ этого и думать нечего, а только, вотъ, гдѣ ихъ взять то? Ба, да у Ѳедорова портного дѣвчоночка есть! Бойкая такая дѣвчоночка, вездѣ безъ призору бѣгаетъ... Пойду-ка поговорю съ ей, можа, и подругъ какихъ подберетъ, право! Бойкая такая дѣвчоночка...

Сторожъ тушитъ лампы, запираетъ те-

атръ и отправляется къ портному Ѳедорову.

Вечеръ. Театръ еще не освѣщенъ. Коптятъ только двѣ лампы у кулисъ по бокамъ занавѣса. Въ райкѣ, съ правой стороны, опираясь подбородкомъ на барьеръ, сидитъ смазливенькая горничная и, пощелкивая подсолнухами, сплевываетъ кожурки прямо въ партеръ. Съ лѣвой стороны, какъ разъ противъ горничной, сидитъ напомаженный военный писарь съ серебряной цѣпочкой отъ несуществующихъ часовъ и, покручивая усъ, всѣми силами старается обратить на себя вниманіе vis-à-vis. Но горничная всецѣло погружена въ свое занятіе и въ созерцаніе пустыхъ стульевъ партера.

По узенькой деревянной лѣстницѣ балкона раздается топотъ и дѣтскій смѣхъ.

— Вотъ и садитесь тутъ на первой-то лавочкѣ,—слышится голосъ сторожа,—ничего, садитесь, я скажу тамъ, никто васъ не тронетъ, а нужны будете, такъ я позову васъ... Садитесь, ничего!

Оля, Катя и Варюшка садятся на балконѣ, противъ сцены, и тотчасъ же перегибаются черезъ барьеръ, со страхомъ и изумленьемъ заглядывая внизъ.

— Эка, дѣвыньки, страсть-то какая!—говоритъ Катя.

— Н-да, махина!—соглашается Оля.

— Не дай Богъ туды кувырнуться! — вставляетъ Варюшка и подальше отодвигается отъ барьера.

— Кого же это насъ заставятъ представлять?—съ улыбкой задумывается Катя.—Да и какъ мы будемъ-то, дѣвыньки? Ничего-то вѣдь не умѣемъ... Страхъ даже беретъ!

— Ну, вотъ! — отвѣчаетъ Оля. — Фокусники то они дошлые: въ одну минуту всему научатъ! Можетъ быть турками нарядятъ или пажами...

— Сторожъ-то говорилъ души представлять,—замѣчаетъ Варюшка.—А каки таки души, кто ихъ знаетъ?

— Можетъ быть,—пытается разгадать Катя,—усопшія тѣни мертвецовъ...

— О, Господи!—вздыхаетъ Варюшка,—страсть-то какая! Боязно, дѣвыньки... Потомъ пожалуй всю ночь и не уснешь!

Подруги заливаются надъ Варюшкой звонкимъ, веселымъ смѣхомъ.

— Глупая! Кабы всамдѣлишные мертвецы, а то представленье! Чего же бояться-то?

Варюшка съ сомнѣньемъ покачиваетъ головой и, позѣвывая, апатично оглядываетъ театръ.

Мало-по-малу публики начинаетъ прибавляться. Привалила цѣлая ватага семинаристовъ, мастеровые, приказчики, швейки. Лампы зажигаются. Въ оркестрѣ показывается голая, какъ колѣно, голова контрабасиста. Двѣ ложи подрядъ занимаются многочисленнымъ купеческимъ семействомъ. Въ партерѣ появляются офицеры, гимназисты, дамы. „Наголодавшись“ послѣ разбѣжавшагося драматическаго товарищества, обыватели рады и черной магіи. На сценѣ раздается первый звонокъ. Изъ подземелья въ оркестрѣ длинной вереницей тянутся музыканты. Они разсаживаются за свои пюпитры, вынимаютъ изъ футляровъ скрипки, флейты, волторны, перелистываютъ ноты, протираютъ очки, сморкаются. Опираясь на загородку оркестра, два-три мѣстныхъ „льва“ разглядываютъ въ бинокли публику и раскланиваются по сторонамъ. Сдержанный говоръ, смѣхъ, шуршанье платьевъ. Въ райкѣ тамъ и сямъ раздаются робкіе, одинокіе хлопки. Постепенно они дѣлаются дружнѣе и, наконецъ, разражаются однимъ могучимъ трескомъ. Въ отвѣтъ на сценѣ даютъ второй звонокъ. Музыканты нестройно пилятъ и пищатъ, настраивая инструменты и заглушая говоръ толпы. Появляется дирижоръ и взмахиваетъ своей палочкой.

Дѣвочки вздрагиваютъ отъ неожиданности и въ изумленьи и въ восторгѣ глядятъ другъ на друга.

— Эка онъ ка-акъ!—шепчетъ Варюшка.—Просто индо даже поджилки затряслись!

— А ловко все-таки, дѣвыньки!—улыбается Катя.

— Ужь ищо бы,—авторитетно добавляетъ Оля,—они уже умѣютъ. Съизмалѣтства можетъ обучены къ этому!

По окончаніи музыки наскоро дребезжитъ третій звонокъ, занавѣсъ взвивается и на сцену изъ средневѣковой улицы въ элегантной фрачной парѣ и бѣломъ галстухѣ выходитъ Фальке. Онъ съ озабоченнымъ видомъ осматриваетъ, все ли въ порядкѣ на длинномъ столѣ, покрытомъ краснымъ сукномъ съ золотыми кистями, и, обращаясь къ публикѣ на ломаномъ русскомъ языкѣ, начинаетъ показывать давно извѣстные, видѣнные и перевидѣнные всѣми фокусы.

Дѣвочки замираютъ и превращаются въ слухъ и вниманіе.

— Н-ну ужь, это, вотъ, чудеса, такъ чудеса!—думаетъ Катя.—Это не то что въ балаганѣ! Петя только хвастается всегда, что онъ все видѣлъ и знаетъ, а эдакія чудеса ему, поди, и во снѣ не снились!

Катя совершенно спокойна нынче и всецѣло отдается неизвѣданнымъ впечатлѣніямъ. Дома гости и уходъ ея „обстряпанъ“ такъ, что никто ее не будетъ отыскивать.

— Пустите-ка, дѣвочки, не на своихъ мѣстахъ сидите!—говоритъ имъ билетеръ, пропуская толстаго мужчину и женщину въ золотой брошкѣ.

— Насъ Власычъ посадилъ,—бойко заявляетъ Оля,—мы души будемъ преставлять!

— Это все единственно: души ли, или чего тамъ, а проданы мѣста, такъ вы и должны ослобонить.

— Зачѣмъ же, дяденька? Власычъ сказалъ...

— Убирайтесь, убирайтесь, нечего тутъ! Вонъ на задней скамейкѣ слободно. Подите и сядьте тамъ.

Огорченныя „души“ карабкаются черезъ перегородки и лѣзутъ наверхъ на заднюю лавочку. Но чрезъ минуту онѣ забываютъ о своемъ изгнаніи и съ разгорѣвшимися глазенками слѣдятъ за фокусами. Время для нихъ летитъ незамѣтно. Первое и второе отдѣленія, кажется имъ, заняли не больше какъ полчаса.

Вотъ показывается въ корридорѣ всклокоченная голова Власыча. Онъ манитъ дѣвчатъ пальцемъ и говоритъ:

— Скорѣе, дѣвчатки, скорѣе! Сичасъ вашъ чередъ. Бѣгите, бѣгите, тамъ ужь декорацію переставляютъ!

Подруги, сломя голову, бѣгутъ съ лѣстницы, выбѣгаютъ на морозъ, на улицу, бросаютъ по пути комками снѣга въ фонарный столбъ и со смѣхомъ отыскиваютъ дверь, ведущую за кулисы.

— Погодите, дѣвыньки, на минуточку, погодите, одной-то боязно!—проситъ Варюшка.—Я сичасъ, скорехонько...

— Да, есть когда теперь! Хочешь, чтобы фокусникъ-то осерчалъ? Приспичило дурѣ! Послѣ-то не успѣешь? Иди, иди, нечего тамъ!

Варюшка пыхтитъ и бѣжитъ за подругами.

— Вы, что ли?—лаконически обращается къ нимъ за кулисами ярославецъ.

— Мы!—за всѣхъ отвѣчаетъ Оля.

— Ну, подите вотъ сюда, переодѣвайтесь!

Онъ ведетъ ихъ въ одну изъ уборныхъ, освѣщенную стеариновымъ огаркомъ, и достаетъ изъ чемодана старые, затасканные костюмы.

— Одѣвайтесь скорѣе!—говоритъ ярославецъ.—Я потомъ приду посмотрю на васъ. Картина будетъ изображать побѣду добра. Ты,—обращается онъ, взглянувъ на Варюшку,—будешь въ серединѣ сидѣть и меня, злого духа, мечомъ пронзать, а вы двѣ одинакенькія, по бокамъ ея, цвѣты станете разсыпать. Торопитесь, торопитесь!

Ярославецъ уходитъ и затворяетъ за собой дверь. Подруги торопливо сбрасываютъ съ себя платьишки, шепчутся, спорятъ, надѣваютъ кисейныя рубашонки, потомъ какіе-то широкія красныя кальсончики, вродѣ турецкихъ шароваръ (почему это нужно было для безплотныхъ душъ—неизвѣстно!), голубыя мантіи съ золотыми блестками и пр., и пр.

— Готовы?—спрашиваетъ за дверью ярославецъ.

— Готовы!—весело отвѣчаютъ дѣвочки.

Онъ отворяетъ дверь и подруги въ изумленьи отступаютъ назадъ, Варюшка крестится. Передъ ними страшилище съ черной рожей, съ рожками, въ черной мантіи.

— Ну, пойдемте, сейчасъ начинается!—говоритъ ярославецъ. — Эхъ, да у тебя руки-то больно грязныя!—замѣчаетъ онъ Варюшкѣ.—Надо попудриться.

Онъ достаетъ изъ чемодана коробочку и пудритъ Варюшкѣ за одно съ руками лицо и шею.

— И насъ, дяденька, и насъ попудрите!—умоляютъ Катя съ Олей.

Ярославецъ осматриваетъ ихъ и также пудритъ.

— Ну, теперь совсѣмъ готовы, идемте!

Дѣвочки конфузливо хихикаютъ и идутъ за „чортомъ“ на сцену. Ихъ размѣщаютъ въ грубо намалеванныхъ кучевыхъ облакахъ: Варюшку садятъ на какомъ-то фантастическомъ тронѣ (ящикѣ, оклеенномъ золотой бумагой) и даютъ въ правую руку длинный деревянный мечъ. Оля съ Катей встаютъ по бокамъ Варюшки, съ огромными картонными рогами изобилія и намѣреваются осыпать ее бумажными цвѣтами. Внизу, у ногъ Варюшки, ложится пронзенный злой духъ—ярославецъ и пытается изобразить на своей физіономіи страшную „демоническую“ скорбь.

— Нэ шевелиться, нэ мигать ни одинъ глазъ!—сердито приказываетъ фокусникъ.

Дѣвочки смотрятъ на него съ благоговѣйнымъ страхомъ. Варюшка дрожитъ и перебираетъ въ головѣ молитвы.

— Разъ, два! — говоритъ фокусникъ, постепенно удаляясь за кулисы и ударяя потихоньку въ ладоши.—Три!

Занавѣсъ шумно взвивается и цѣлое море свѣта изъ зрительнаго зала и рампы мгновенно ослѣпляетъ дѣвочекъ. Съ обѣ-

ихъ сторонъ кулисъ на нихъ направленъ яркій красный свѣтъ бенгальскаго огня. Дѣвочки инстинктивно жмурятъ глаза и въ первую минуту ничего не видятъ. Мало-по-малу, какъ бы въ туманѣ, начинаютъ вырисовываться сотни человѣческихъ головъ и лицъ... Проходитъ минута, другая, третья. Дѣвочкамъ, напрягшимъ всѣ свои силы и помыслы, чтобы не мигнуть, не шевельнуться, не кашлянуть, минуты эти кажутся часами. Руки у нихъ дрожатъ, ноги подкашиваются, въ глазахъ темнѣетъ. Варюшка ни жива, ни мертва. Сердце у нея застыло. Она чувствуетъ только, какъ длинный мечъ прыгаетъ у нея въ рукахъ и невольно тычетъ въ спину ярославца. Ярославецъ что-то шипитъ, а сбоку у бенгальскаго огня морщится и сердито грозитъ пальцемъ фокусникъ. Варюшкѣ кажется, что еще минута и—она тутъ же умретъ на мѣстѣ. Но, вотъ, заскрипѣли блоки и занавѣсъ падаетъ. Слышится неопредѣленный гулъ и апплодисменты. Фокусникъ какъ сумашедшій выбѣгаетъ на сцену и топаетъ ногами.

— На мѣстахъ! На мѣстахъ! Занавѣсъ! Занавѣсъ!

Варюшка мгновенно разражается плачемъ.

— Что ты? Что орешь? Что случилось?— бѣсится фокусникъ.

Но Варюшка, приподнявъ мантію, съ позоромъ бѣжитъ со своего трона.

— У-у, безстыдница!—шепчутъ ей въ догонку подруги.

III. Говорящая голова.

Оля, по справедливому замѣчанію Власыча, дѣйствительно, безъ всякаго призору бѣгаетъ вездѣ и всюду. Смотрѣть за ней некому. Родители ея работаютъ съ утра до ночи. Отецъ, портной, частенько „зашибаетъ“; мать ходитъ „по людямъ“ стирать бѣлье. Воспитаніе Оли предоставлено волѣ Божіей. Десяти лѣтъ она не знаетъ ни одной буквы. Прошлой осенью Олю помѣщаютъ въ городское училище, но черезъ два мѣсяца ее оттуда исключаютъ за лѣнь и непозволительныя шалости. Оля цѣлые дни бродитъ по городу, дерется съ мальчишками. Страсть ея—всевозможныя зрѣлища, начиная съ уличныхъ скандаловъ, военныхъ парадовъ, торжественныхъ процессій и кончая всевозможными „представленіями“. Кромѣ того, Оля—страстная любительница пѣнія. Постоянно что-нибудь мурлычитъ. Слухъ и память у нея замѣчательные: разъ услышитъ — запомнитъ. Голосъ свѣженькій, звонкій.

— На клиросъ бы тебѣ, въ монахини! — говоритъ иногда отецъ, когда бываетъ „выпивши“.

Оля скачетъ вокругъ него на одной ногѣ и, вдругъ, запѣваетъ; „разбивъ мое сердце безбожно, она мнѣ сказала: прости!“ или „праздникомъ свѣтлымъ вся жизнь предо мною...“ Отецъ укоризненно покачиваетъ головой, ударяетъ себя по ляшкамъ, а самъ колышется отъ сдерживаемаго пьянаго смѣха.

— Н-ну, дошлая!.. Н-ну, бой!.. Ахъ, штобъ-те тутъ! Н-ну, ну!

Таланты Оли дѣлаются извѣстными шарманщику, который живетъ съ Ѳедоровыми на одномъ дворѣ. Въ одинъ прекрасный вечеръ онъ заходитъ въ лачужку портного и предлагаетъ дѣвочкѣ два рубля въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы она ходила съ нимъ по дворамъ и пѣла подъ аккомпаниментъ шарманки. Оля увлекается этимъ артистическимъ предложеніемъ и соглашается съ одного слова. Но отецъ опираетъ руки въ бока, покачиваетъ головой и пристально смотритъ поверхъ очковъ на шарманщика.

— Сошлись! Порѣшили! – презрительно говоритъ онъ, спустя нѣсколько мгновеній.—Н-ну, а я-то, такъ себѣ, швабра мочальная, а не отецъ родной? Меня-то не надо спросить, согласенъ я или нѣтъ?

— Да, вѣдь, что же, Тихонъ Палчъ,— почесывается шарманщикъ, — дѣвочка у васъ безъ дѣла бѣгаетъ, сами знаете, а тутъ...

— Это я, по-твоему, и допущу свою дочь до эдакаго дѣла, а?

— Вѣдь я, Тихонъ Палчъ, не воровать ее нанимаю! Всякій по своему заработываетъ, кто какъ можетъ: вы, вотъ, иголкой, я шарманкой, третій лопатой, а дѣвочкѣ даденъ отъ Бога голосъ...

— А?!—перебиваетъ Ѳедоровъ.—Чтобы моя единственная дочь трепалась съ тобой по дворамъ и которая на публичность глотку драла? Кто ты такой есть? Откуда ты взялся? Почемъ я тебя знаю? Да, можетъ, ты...

— Помилуйте, Тихонъ Палчъ, слава Богу, второй годъ живу въ городѣ и паспортъ имѣю...

— Пашпортъ... А, можетъ, у тебя и нѣтъ его? Ну-ка, покажи!

Шарманщикъ съ готовностью вынимаетъ изъ бокового кармана куцавейки засаленную бумажку съ копченой печатью и пускаетъ въ ходъ все свое краснорѣчіе о томъ, что пѣть подъ шарманку нѣтъ ни-

какого позора, что дѣвочка будетъ не какая-нибудь актерка или арфистка, а будетъ только при дѣлѣ и станетъ зарабатывать себѣ на башмачишки.

— Это на два цѣлковыхъ-то?—ехидно улыбается Ѳедоровъ.—Да она съ тобой на четыре истаскаетъ! Мнѣ же придется доплачивать!

— Полноте, Тихонъ Палчъ, што же она безъ меня-то меньше бѣгаетъ?—убѣждаетъ шарманщикъ.

Начинается ряда. Рядятся, рядятся, наконецъ, соглашаются на двухъ съ полтиной и бутылкѣ водки на угощенье отца. Когда приходитъ мать съ работы и узнаетъ о заключенной сдѣлкѣ, то также предъявляетъ свои материнскія права. Она кричитъ на всю лачужку, безъ толку двигаетъ горшками, стучитъ ухватами, безжалостно отшвыриваетъ подвернувшагося подъ ноги котенка, бросаетъ на полъ какія-то тряпки, потомъ постепенно стихаетъ, выпиваетъ поднесенный стаканчикъ и, такимъ образомъ, признаетъ сдѣлку.

Съ слѣдующаго же дня начинается артистическая дѣятельность Оли. Она въ одинъ вечеръ, со словъ шарманщика, разучиваетъ тѣ пѣсни и опереточныя аріи, которыя играетъ шарманка и съ утра отправляется съ нимъ по городу. Ходитъ она мѣсяцъ, другой, третій, ходитъ не только по дворамъ, но и по пивнымъ, и по харчевнямъ. Успѣхъ увлекаетъ Олю. Когда она поетъ, приподнимая тоненькими ручонками юбочку, „смотрите здѣсь, глядите тамъ, нравится-ль все это вамъ?“, пьяная компанія гогочетъ, поощряетъ дѣвочку. Съ близкими своими подругами, Варюшкой и Катей, она видится теперь рѣдко и, когда встрѣчается, то съ жаромъ и гордостью разсказываетъ только о своихъ успѣхахъ, вставляя ежеминутно фразу „у меня талантъ!“, пойманную гдѣто въ трактирѣ. Оля начинаетъ уже подумывать о хорошенькихъ мальчикахъ и „влюблена“, какъ таинственно говоритъ подругамъ, въ какого-то Сему, молоденькаго трактирнаго полового. Шарманщикъ очень доволенъ Олей: дѣвчонка бойкая, „понимающая“, съ хорошенькими глазенками и голоскомъ. Она замѣтно подняла его заработокъ. Шарманщикъ держится за нее крѣпко и въ будущемъ, когда ей минетъ четырнадцать, пятнадцать лѣтъ, возлагаетъ на нее самыя розовыя надежды. Онъ увѣренъ, что уговоритъ, къ тому времени, Олиныхъ родителей отпустить ее вмѣстѣ съ нимъ поѣздить по другимъ городамъ... Но, вотъ, черезъ годъ пріѣзжаетъ въ городъ музей съ восковыми фигурами, съ „секретнымъ“ анатомическимъ кабинетомъ за особую плату, съ крокодилами, удавами и „говорящей головой“.

Однажды вечеромъ Оля куда-то исчезаетъ и на утро заявляетъ шарманщику, что больше она у него не будетъ служить.

Шарманщикъ таращитъ глаза и глухо спрашиваетъ:

— Куда же ты?

— Въ говорящія головы поступила! Это не то, что съ тобой шататься по холоду... Сиди себѣ въ столѣ эдакомъ, особенномъ, съ зеркалами, да съ благородной публикой разговаривай, разныя предсказанія дѣлай... Меня ужь научили. Страсть занятно! Да и жалованье-то не два съ полтиной, а цѣлыхъ три! Прощайте, желаю здравствовать!

Шарманщикъ уныло побрелъ одинъ. Мечты его разлетѣлись.

Черезъ мѣсяцъ Оля уѣхала изъ роднаго города съ музеемъ.

Что съ ней теперь? Гдѣ она, читатель?

В. Подкольскій.

Изъ В. Гюго.

„Comme dans les étangs assoupis dans les bois“...

V. Hugo.

Души у многихъ изъ насъ—точно лѣсныя озёра:
Кажутся зеркаломъ свѣтлымъ для взора.
Еле колышется вѣтромъ случайнымъ волна,
Призрачной жизни полна.

—

Лѣсъ отражается въ ней свѣжій, зеленый, дремучій,
Небо, лучи, мимолетныя тучи...
А въ глубинѣ—тамъ темно... Нѣтъ ни луча, ни отрады,
Въ тинѣ свиваются черные гады.

Л. Г.

Изъ прошлаго русской драмы.

Я. Б. Княжнинъ и его трагедіи.

I.

По мѣрѣ того, какъ все дальше отходятъ отъ насъ событія, лица и преданія восемнадцатаго вѣка, много литературныхъ именъ постепенно изглаживается изъ памяти русскаго общества и становится достояніемъ однихъ библіографовъ, историковъ литературы и вообще болѣе или менѣе тѣснаго кружка лицъ, спеціально занимающихся прошлымъ родной словесности. Нѣкоторымъ писателямъ, сравнительно, болѣе посчастливилось, — ихъ имена окружены и до сихъ поръ почетомъ и уваженіемъ; другимъ выпала на долю судьба иного рода: въ свое время превознесенные до небесъ, вліявшіе на умы, находившіе подражателей, въ наши дни они мало читаются, ихъ труды почти забыты, ихъ могилы по большей части заброшены. Къ числу этихъ писателей принадлежитъ Яковъ Борисовичъ Княжнинъ. Сочиненія его болѣе не издаются (только въ этомъ году, въ изданной подъ редакціей С. Венгерова христоматіи «Русская поэзія», перепечатана значительная часть его стихотворныхъ произведеній) новыхъ критическихъ изслѣдованій объ немъ,— а ихъ вообще было очень немного,— мы болѣе не встрѣчаемъ, обстоятельной біографіи, которая бы удовлетворяла современнымъ научнымъ требованіямъ, онъ до сихъ поръ не дождался,— да, вѣроятно, и не дождется... Равнодушіе, съ которымъ русское общество относится въ наше время къ Княжнину, выразилось, между прочимъ, и въ томъ фактѣ, что совершенно безслѣдно прошли двѣ годовщины: столѣтняя со дня смерти писателя — 14-го января 1891 года, и полуторастолѣтняя со дня его рожденія—3-го октября 1892 года. Прибавимъ, что и въ прошломъ году исполнилась одна годовщина, имѣющая отношеніе, если не къ біографіи Княжнина, то, по

крайней мѣрѣ, къ посмертной исторіи его произведеній: въ 1793 году стряслась гроза надъ княжнинскою трагедіей «Вадимъ», о которой намъ придется говорить ниже; къ этому же году относится *единственный* въ прошломъ вѣкѣ критическій разборъ трагедіи, написанный Клушинымъ и появившійся въ «С.-Петербургскомъ Меркуріи». Всѣ эти годовщины не вызвали появленія какихъ-либо новыхъ статей или изслѣдованій, посвященныхъ Княжнину и его произведеніямъ. Въ послѣдній разъ въ русскомъ обществѣ и литературѣ снова сказался нѣкоторый интересъ къ его дѣятельности въ 50-хъ годахъ, подъ вліяніемъ появившагося въ 1847—48 году четвертаго (смирдинскаго) изданія его сочиненій; съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, но дѣло впередъ почти не подвинулось, и стоитъ просмотрѣть хотя бы русскіе историческіе журналы за послѣднія десятилѣтія, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ мало вниманія удѣляется въ нихъ автору «Росслава» и «Вадима», «Хвастуна» и «Чудаковъ». А между тѣмъ, этотъ забытый теперь писатель до самой смерти пользовался, въ широкихъ размѣрахъ, расположеніемъ публики, его пьесы вызывали восторгъ у зрителей, послѣ перваго представленія «Дидоны» кто-то прямо назвалъ его «русскимъ Расиномъ», а подъ портретомъ, который прилагался къ собранію его сочиненій, даже въ 1817 году*) еще красовалась слѣдующая хвалебная подпись:

Се образъ Княжнина, кого за лирный гласъ
И сами Граціи украсили короной!
Напрасно мыслимъ мы, что въ Греціи Парнассъ;
Онъ здѣсь его воздвигъ Росславомъ и Дидоной.

Многія лица, бывшія современниками Княжнина или даже знавшія его близко, перенесли и въ первую половину 19-го вѣка почтительное и сочувственное отношеніе къ дѣятельности того, кто въ ихъ время считался однимъ изъ главныхъ руководителей эстетическаго вкуса и общественнаго самосознанія въ Россіи. Горячимъ сочувствіемъ и уваженіемъ проникнутъ, напр, отзывъ о Княжнинѣ Сергѣя Глинки въ его «Запискахъ»; митрополитъ Евгеній въ своемъ знаменитомъ «Словарѣ»**) и неизвѣстный авторъ біографіи, приложенной къ третьему изданію собранія сочиненій Княжнина и, очевидно, принадлежащей лицу, близко знавшему писателя,—также относятся къ нему съ глубокимъ уваженіемъ и высоко ставятъ его трагедіи, вмѣстѣ съ нѣкоторыми комедіями и мелкими стихотвореніями. Мы видимъ, такимъ образомъ, что Княжнину все же выпала на долю болѣе завидная судьба, чѣмъ его учителю и предшественнику Сумарокову; авторъ «Семиры» и «Дмитрія Самозванца», когда-то съ горделивою самоувѣренностью писавшій: «что только видѣли Аѳины, и видитъ Парижъ, и что они по долгомъ увидѣли времени, ты нынѣ то вдругъ, Россія, стараніемъ моимъ увидѣла», лишился расположенія публики еще при жизни. Всѣми покинутый, многими ненавидимый за свою раздражительность и претенціозность, опустившійся умственно и физически, въ концѣ предавшійся вину, одиноко доживалъ въ Москвѣ свой вѣкъ писатель, несомнѣнно оказавшій въ свое время, несмотря на всѣ свои странности и прямо комическія стороны характера, важныя услуги русской словесности. Когда онъ умеръ, нѣсколько московскихъ актеровъ собрали между собою деньги на его погребеніе, и въ присутствіи *двухъ-трехъ* лицъ опустили его тѣло въ могилу на кладбищѣ Донского монастыря *). Повторяемъ, Княжнинъ былъ въ этомъ отношеніи счастливѣе; пора забвенія,—окончательнаго или только временнаго, нельзя сказать съ увѣренностью,—наступила для него много лѣтъ спустя послѣ его смерти.

Но, быть можетъ, это забвеніе справедливо? Быть можетъ, теперь, когда сто лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ послѣднихъ дней славнаго драматурга екатерининской эпохи, мы найдемъ, безпристрастно и спокойно оцѣнивая его дѣятельность, что значеніе его въ исторіи русской литературы было не велико,—по крайней мѣрѣ, недостаточно велико для того, чтобы память о немъ могла жить «въ грядущемъ поколѣньѣ?» Намъ думается, что нѣтъ. Разумѣется, многое изъ того, чѣмъ восторгались современники, что восхваляютъ, напр., въ своихъ отзывахъ митрополитъ Евгеній или Сергѣй Глинка, не производитъ на насъ никакого впечатлѣнія. Въ трагедіяхъ Княжнина напыщенный пафосъ многихъ монологовъ, высокопарный и тяжелый слогъ, строгое соблюденіе требованій ложно-классической теоріи,—все это, на первыхъ порахъ, непріятно поражаетъ насъ; изобиліе восклицаній, обращеній, страшныхъ угрозъ и клятвъ утомляетъ современнаго читателя, и даже производитъ порой странное, почти комическое впечатлѣніе; такъ, въ трагедіи «Дидона» получаютъ, разумѣется, непредвидѣнный авторомъ смыслъ слова Ярба, который въ серединѣ длиннаго и трескучаго монолога восклицаетъ:

Но что! Слова мои напрасно я теряю!

А между тѣмъ, этими монологами въ свое время восторгались, видя въ нихъ образцы истиннаго трагическаго стиля, ихъ произносили

*) Собраніе сочиненій Я. Княжнина, изданіе 3-е, въ пяти томахъ. Спб. 1877.

**) „Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей", митрополита Евгенія, изданіе Москвитянина, М. 1845; о Княжнинѣ—стр. 287—294.

*) „Александръ Петровичъ Сумароковъ", статьи В. Стоюнина, въ „Музыкальномъ и Театральномъ Вѣстникѣ" за 1856 годъ.—Сумароковъ умеръ 1-го октября 1777 года.

со сцены и вызывали шумное одобреніе публики лучшіе актеры той эпохи, и самъ знаменитый Дмитревскій.... Въ комедіяхъ Княжнина также нѣкоторыя частности не произведутъ теперь того впечатлѣнія, какое онѣ производили въ 18-мъ вѣкѣ; многія ситуаціи покажутся неестественными, карикатурными, тѣ или другія остроты—недостаточно смѣшными, воспроизведеніе русскаго быта—не вполнѣ точнымъ. И, несмотря на все это, мы не можемъ, однако, утверждать, чтобы произведенія Княжнина въ наше время совершенно утратили значеніе; появившись въ просвѣтительную эпоху, когда затронуты были разнообразные нравственные и общественные вопросы, когда во всей Европѣ прислушивались къ голосу Вольтера и энциклопедистовъ, когда могло пустить болѣе или менѣе глубокіе корни такое любопытное историческое явленіе, какъ «просвѣщенный абсолютизмъ», они стали яркимъ отраженіемъ владѣвшихъ тогда умами, какъ въ Россіи, такъ въ особенности на Западѣ, идей и принциповъ. Въ силу этого они имѣли культурное, просвѣтительное значеніе, съ которымъ долженъ считаться и поздній изслѣдователь; въ этомъ — право Княжнина на вниманіе къ нему потомства,—по крайней мѣрѣ, всѣхъ тѣхъ, кого интересуетъ послѣдовательный ростъ культурнаго развитія русскаго общества.

Но, независимо отъ этого, Княжнинъ важенъ въ исторіи русской литературы и по своимъ связямъ съ цѣлымъ рядомъ писателей, дѣйствовавшихъ въ 18-мъ вѣкѣ, или въ началѣ 19-го. Послѣдователь и преемникъ Сумарокова, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ повліялъ на группу молодыхъ писателей, выступившихъ, съ теченіемъ времени, на литературномъ поприщѣ. Глинка разсказываетъ, что Княжнинъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ другомъ Карамзина, Петровымъ, который читалъ ему письма, получавшіяся отъ Карамзина изъ-за границы и вошедшія впослѣдствіи въ составъ «Писемъ русскаго путешественника». Княжнинъ хвалилъ первые опыты начинающаго литератора, и однажды,—если вѣрить Глинкѣ,—произнесъ слѣдующія пророческія слова: «Привѣтствую русскую словесность съ новымъ писателемъ: юный Карамзинъ создастъ новый, живой, одушевленный слогъ». Къ числу учениковъ и послѣдователей Княжнина принадлежалъ и Озеровъ, послѣдній крупный представитель русскаго псевдоклассицизма, сначала во всемъ подражавшій своему учителю (такимъ подражаніемъ отличается, напр., трагедія «Ярополкъ и Олегъ»), а впослѣдствіи превзошедшій его и давшій въ трагедіяхъ «Эдипъ въ Аѳинахъ», «Фингалъ» и «Димитрій Донской» лучшіе, высшіе образцы того рода литературныхъ произведеній, который въ Россіи повелъ свое начало отъ безжизненной пьесы Ломоносова и страдающихъ чрезмѣрнымъ паѳосомъ и напыщенностью сумароковскихъ трагедій. Княжнинъ, какъ ученикъ Сумарокова и учитель Озерова, уже въ силу одного этого всегда останется памятнымъ въ исторіи русской литературы 18-го вѣка.

Мы не имѣемъ въ виду подробно разсмотрѣть всѣ произведенія Княжнина или отыскать у него что-нибудь особенно новое, никѣмъ еще не отмѣченное*). Мы ставимъ себѣ задачей изученіе частнаго, но весьма любопытнаго вопроса, который, кажется, никѣмъ еще не былъ спеціально разработанъ (бо́льшая часть изслѣдованій вращалась до сихъ поръ около разбора содержанія, опредѣленія источниковъ и критики художественной стороны пьесъ): насколько просвѣтительныя идеи, заимствованныя съ Запада и при содѣйствіи Екатерины,—по крайней мѣрѣ, временно,—восторжествовавшія въ Россіи, отразились въ *трагедіяхъ* Княжнина (комедіи его, также заслуживающія большого вниманія, не войдутъ, такимъ образомъ, въ нашъ обзоръ). Приводя примѣры изъ княжнинскихъ трагедій, мы постараемся обобщить собранныя данныя и формулировать воззрѣнія, которыя Княжнинъ, хотя и подражая почти всегда западнымъ образцамъ, старался привить русскому обществу.

II.

Княжнинъ былъ сыномъ екатерининской эпохи. Первая трагедія его «Дидона» появилась черезъ два года послѣ созыва коммиссіи по составленію новаго уложенія, а умеръ онъ въ 90-хъ годахъ, заставъ послѣдній періодъ екатерининскаго царствованія. Мы привыкли называть Державина «пѣвцомъ Екатерины»; но не слѣдуетъ никогда забывать, что кромѣ него цѣлый рядъ писателей выступилъ на защиту тѣхъ принциповъ и реформъ, которыя прославили лучшую часть царствованія Екатерины. Общественное значеніе трагедій, комедій и въ особенности сатирическихъ журналовъ того времени было громадно. Немного найдется въ прошломъ русской словесности такихъ эпохъ, когда бы она такъ сильно волновалась насущными вопросами современности, преслѣдуя, главнымъ образомъ, не художественныя цѣли, а проведеніе въ жизнь тѣхъ или другихъ идей. Въ торжественномъ монологѣ какой-нибудь трагедіи слышатся порой отголоски «Наказа» или «Инструкціи кн. Н. И. Салтыкову»; доклады и разсужденія Бецкаго на-

*) Лучшія работы о Княжнинѣ: В. Стоюнина—въ „Библіотекѣ для Чтенія“ 1850 года; А. Галахова—въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1850 года (№ 4, 8, 12); М. Лонгинова—въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1860 года („Матеріалы для исторіи русскаго просвѣщенія и литературы. IV. Я. Б. Княжнинъ и трагедія его „*Вадимъ*“).

ходятъ себѣ подчасъ отраженіе на страницахъ «Живописца» или «Всякой Всячины»*). Разумѣется, благородныя рѣчи героевъ драматическаго произведенія являются, съ современной точки зрѣнія, не сценичными; по временамъ ходъ дѣйствія какъ бы прерывается, и начинаются разсужденія на отвлеченныя темы, — напр. объ идеальномъ правителѣ, о значеніи воспитанія, о долгѣ и чести. Но публикѣ 18-го вѣка всѣ подобныя отступленія казались гораздо болѣе интересными, чѣмъ намъ; она, въ значительной степени, приходила въ театръ съ цѣлью *учиться;* поэтому, напр., разсужденія Стародума въ «Недорослѣ», теперь сокращаемыя или совсѣмъ выпускаемыя при постановкѣ пьесы, въ дни Фонвизина считались одною изъ главныхъ частей комедіи. Въ любопытномъ предисловіи къ изданному въ концѣ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка «Драматическому словарю»**) мы находимъ разсужденія на тему о значеніи театра, какъ школы нравовъ. Неизвѣстный авторъ называетъ театръ зеркаломъ, въ которомъ каждый можетъ себя видѣть. «Кто-бъ могъ удостовѣриться», продолжаетъ авторъ, «чтобы онъ не былъ въ какомъ-нибудь лицѣ представленъ на театрѣ, когда ни есть? Ясно увидишь свое образованіе, свой недостатокъ, какъ напримѣръ скупого въ чрезмѣрности, расточителя безъ поправленія, жестокаго до ужаса, лицемѣра, ревниваго». Далѣе онъ замѣчаетъ, что различные пороки «представляются на театрахъ для нравоученія и поправки нашей». Подобный взглядъ не разъ высказывался и въ сатирическихъ журналахъ того времени, когда въ нихъ заходила рѣчь о назначеніи театра и драматическихъ произведеній. Такъ, Новиковъ, посвящая своего «Живописца» автору комедіи «О, время», т.-е. императрицѣ Екатеринѣ, прославляетъ этого автора, пожелавшаго остаться неизвѣстнымъ, за то, что онъ написалъ пьесу, обличающую пороки, которые господствуютъ въ Россіи. «Продолжайте, государь мой», говоритъ далѣе Новиковъ, «къ славѣ Россіи, къ чести своего имени и къ великому удовольствію единоземцевъ вашихъ; продолжайте, говорю, прославлять себя вашими сочиненіями: перо ваше достойно равенства съ Мольеровымъ. Слѣдуйте-жъ его примѣру: взгляните безпристрастнымъ окомъ на пороки наши, закоренѣлые худые обычаи, злоупотребленія и на всѣ развратные наши поступки; вы найдете толпы людей, достойныхъ вашего осмѣянія, и вы увидите, какое еще пространное поле къ прославленію вашему осталось»*).

Такимъ образомъ, проповѣдь со сцены пользовалась большимъ сочувствіемъ у русской публики въ екатерининскую эпоху. Разумѣется, эта проповѣдь имѣла различный характеръ, смотря по тому, выражалась ли она въ видѣ величаваго, а иногда и высокопарнаго монолога въ трагедіи, или въ болѣе легкой, комической формѣ; но слѣдуетъ имѣть въ виду, что трагедіи, хотя сюжеты ихъ заимствовались подчасъ изъ очень отдаленныхъ вѣковъ, имѣли иногда весьма близкое отношеніе къ русской современности, и авторъ пользовался ими для проведенія въ русскую публику тѣхъ взглядовъ и понятій, которые онъ считалъ для нея полезными и своевременными. Во Франціи, съ теченіемъ времени, ясно опредѣлилось нѣсколько основныхъ темъ, которыя по преимуществу разработывались драматургами въ ихъ произведеніяхъ. Французскій изслѣдователь, Леонъ Фонтэнъ, въ своей книгѣ о театрѣ и философіи въ 18-мъ вѣкѣ**), сдѣлалъ опытъ классификаціи этихъ темъ; напримѣръ, онъ устанавливаетъ такія подраздѣленія: «Мысли о короляхъ, о происхожденіи ихъ власти и ихъ обязанностяхъ. Республиканскія трагедіи. Защита королевской власти. Доказательства превосходства человѣческой природы. Нападки на придворное дворянство. Изображеніе человѣка изъ народа» и т. д. Подобную же работу можно было бы предпринять и для русской драматической литературы 18-го вѣка, также разработывавшей извѣстный кругъ идей, изложеніе которыхъ, часто повторявшееся, принимало иногда даже нѣсколько шаблонную форму.

Княжнинъ былъ однимъ изъ идейныхъ драматурговъ екатерининской эпохи. Это былъ человѣкъ, искренно преданный Екатеринѣ и тѣмъ взглядамъ, которымъ она покровительствовала въ лучшіе годы своего царствованія. По своему общественному положенію онъ довольно близко стоялъ къ нѣкоторымъ лицамъ, игравшимъ видную роль въ дѣлѣ введенія реформъ и преобразованій. Въ особенности онъ былъ близокъ къ Бецкому, который взялъ его въ свои секретари; постепенно Княжнинъ пріобрѣлъ полное довѣріе своего начальника и сдѣлался его правою рукою. Есть извѣстія, что ему поручено было слѣдить за ходомъ преподаванія въ Смольномъ Монастырѣ, за Воспитательнымъ Домомъ, что уставъ послѣдняго, въ общихъ чертахъ намѣченный Бецкимъ, былъ окончательно разработанъ его секретаремъ, что почти всѣ бумаги, всѣ доклады Бецкаго не обошлись безъ участія Княжнина. Зная общій духъ всѣхъ

*) Лучшая характеристика сатирическихъ журналовъ и ихъ отношенія къ русской дѣйствительности — у А. Аоанасьева: „Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 годовъ. Эпизодъ изъ исторіи русской литературы прошлаго вѣка“. М. 1859.

**) „Драматическій Словарь“, М. 1787.

*) „Живописецъ“. Часть I, изданіе пятое. Спб. 1793. При Императорск. Академіи Наукъ. Стр. II.

**) Léon Fontaine: „Le théâtre et la philosophie au XVIII siècle“. Paris. 1879.

мѣръ и распоряженій основателя Воспитательнаго Дома, который, не обладая, правда, самъ особыми талантами и опредѣленными воззрѣніями, отличался умѣніемъ искусно угадывать и излагать филантропическіе и просвѣтительные планы своей государыни*), мы заранѣе можемъ сказать, какіе, приблизительно, взгляды будетъ защищать его секретарь, когда приметсяся за свои литературныя произведенія. При разборѣ трагедій Княжнина намъ придется отмѣчать, какъ онъ возвеличивалъ иногда, подъ вымышленными именами, Екатерину, какъ правительницу. Мы не имѣемъ основанія заподозрѣвать его въ намѣреніи льстить; всѣ показанія сходятся въ томъ, что онъ не искалъ почестей и ненавидѣлъ лесть; его сочувствіе Екатеринѣ было вполнѣ сознательно и обосновано,—онъ смотрѣлъ на нее, какъ на сторонницу и защитницу дорогихъ ему идей, какъ на одну изъ наиболѣе видныхъ представительницъ «просвѣщеннаго абсолютизма», энергическая дѣятельность которой вызывала удивленіе какъ въ Россіи, такъ и на Западѣ. Онъ зналъ, что Екатерина могла, пользуясь своею властью, повести Россію по новому, широкому пути. Посвящая ей свою трагедію «Дидона», Княжнинъ говоритъ, между прочимъ:

...Вотъ будутъ какъ твои народы восклицать,
Вкушающи твоихъ уставовъ нектаръ сладкій,
Которыхъ мудростью съ престола твоего
Ты, человѣчества исправя всѣ упадки,
Возводишь на чреду достойную его,
Иль, лучше такъ сказать, твоей души достойну.
Содѣлавъ власти цѣпь свободну, легку, стройну,
Ты въ счастьи равенство намъ первая нашла,
Блаженствомъ никого изъ насъ не обошла.

Далѣе Княжнинъ высказываетъ мнѣніе, что въ дни Екатерины возвратился на землю,— если только когда-нибудь былъ прежде,— золотой вѣкъ, когда всюду царствовали любовь и миръ,

Когда не зрѣли львы величья мѣры въ томъ,
Чтобы имъ кланялись, усердно бья челомъ,—
Какъ будто бы того, что лбу покорныхъ больно,
Для отличенія властителей довольно.

Княжнинъ, какъ писатель, защищавшій въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ общіе принципы и положенія, не былъ первымъ иниціаторомъ этого направленія въ русской литературѣ. Въ трагедіяхъ Сумарокова мы встрѣчаемъ нерѣдко обширныя тирады, имѣющія сходство съ тѣми или другими монологами, которые произносятъ герои его ученика, Княжнина. Читаемъ ли мы въ «Титовомъ милосердіи», «Владисанѣ» или «Росславѣ» разсужденія объ идеальномъ правителѣ, намъ не могутъ не вспомниться подобныя же разсужденія сумароковскихъ героевъ,—напр., слова Ксеніи въ «Димитріи Самозванцѣ»:

Блаженъ на свѣтѣ тотъ порфирапосный мужъ,
Который не тѣснитъ свободы нашихъ душъ,
Кто пользой общества себя превозвышаетъ,
И снисхожденіемъ санъ царскій украшаетъ,
Даруя подданнымъ благополучны дни,
Страшатся коего злодѣи лишь одни.

Понятіе о долгѣ (или «должности», по старинному обозначенію), какъ главномъ двигателѣ всѣхъ поступковъ человѣка достойнаго, которое, какъ мы вскорѣ увидимъ, играетъ столь важную роль въ княжнинскихъ трагедіяхъ, также впервые съ особенною опредѣленностью было формулировано въ Россіи Сумароковымъ*); такъ напр., Гостомыслъ говоритъ въ трагедіи «Синавъ и Труворъ»:

Гдѣ должность говоритъ, или любовь къ народу,
Тамъ нѣтъ любовника, тамъ нѣтъ отца, ни роду;
Кто должности своей храненіе являетъ,
Храня ее въ бѣдахъ, свой духъ успокояетъ.

Подобное сходство темъ у Сумарокова и Княжнина, конечно, нисколько не удивительно; независимо отъ того, что Княжнинъ былъ ученикомъ и послѣдователемъ своего старшаго собрата по литературѣ**), при этомъ играло роль и то обстоятельство, что на Западѣ, какъ мы уже сказали, постепенно сложился опредѣленный контингентъ темъ и мотивовъ, которые и были пересажены на русскую почву драматургами 18-го и отчасти 19-го вѣка (напр. Озеровымъ). Мы подошли теперь къ весьма важному вопросу: о степени подражанія Княжнина западно европейскимъ образцамъ. Его часто упрекали въ томъ, что у него нѣтъ ничего своего. Пушкинъ, въ извѣстномъ, часто цитировавшемся стихѣ «Евгенія Онѣгина» (глава I, строфа 18), называетъ его «переимчивымъ». Въ 1824-мъ году, въ статьѣ, написанной по поводу появленія, подъ редакціей Дюпрэ де Сенъ Мора, русской антологіи на французскомъ языкѣ, прямо говорилось, что Княжнинъ довелъ подражаніе иностраннымъ авторамъ до *неправеднаго присвоенія чужой собственности****). Значительно раньше этого, во второй половинѣ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка, Крыловъ, тогда только что выступавшій въ качествѣ писателя, вывелъ, въ своей комедіи «Проказники», Княжнина подъ именемъ Риомокра-

*) Первый трудъ Бецкаго появился въ 1764 году. Онъ озаглавленъ: „Генеральное учрежденіе о воспитаніи обоего пола юношества, конфирмованное ея императорскимъ величествомъ“ и представляетъ собою изложеніе взглядовъ самой Екатерины.

*) О Сумароковѣ, его трагедіяхъ и о мѣстѣ, которое онъ занимаетъ въ исторіи русской литературы 18-го вѣка, кромѣ уже названныхъ нами статей В. Стоюнина, см. также книгу Н. Булича: „Сумароковъ и современная ему критика“. Спб. 1854.

**) Всего 17-ти лѣтъ отъ роду, въ 1759 году, Княжнинъ уже принималъ участіе въ „Трудолюбивой Пчелѣ“ Сумарокова. Новиковъ въ своемъ „Опытѣ историческаго словаря россійскихъ писателей“, изданномъ въ 1772 году, говоря о сотрудникахъ „Пчелы“, упоминаетъ о Княжнинѣ, наряду съ Дмитревскимъ, Аблесимовымъ и Козицкимъ.

***) „Вѣстникъ Европы“ 1824 года, № 22.

да*). Правда, всегда находились критики, которые выступали на защиту Княжнина, стараясь доказать, что подражаніе французскимъ образцамъ не превратило его въ безличнаго и безцвѣтнаго писателя, что онъ всегда умѣлъ вкладывать въ заимствованный сюжетъ что-нибудь свое, что мысли и образы иностраннаго писателя онъ умѣлъ выражать *творческимъ русскимъ словомъ* (выраженіе С. Глинки). Кто же правъ? Тщательныя изслѣдованія показали, что, дѣйствительно, нѣкоторыя изъ трагедій Княжнина представляютъ собою близкое подражаніе пьесамъ Вольтера, Метастазіо, Де-Беллуа, Мере и др.**), другія въ отдѣльныхъ частностяхъ носятъ слѣды чужого вліянія. Намъ думается, что установленіе этого факта все же не даетъ намъ права отказать Княжнину въ извѣстномъ, болѣе или менѣе почетномъ литературномъ имени. Если въ русской литературѣ и жизни 18-го вѣка мы будемъ считать все подражательное не заслуживающимъ вниманія, намъ придется очень многое отбросить. «Наказъ», полный заимствованій изъ Монтескье и Беккаріи, педагогическія сочиненія Екатерины, написанныя подъ сильнымъ вліяніемъ Локка и Монтаня, тѣмъ не менѣе доставили ей славу, какъ законодательницѣ и защитницѣ новой, гуманной педагогіи. Значеніе лицъ, бравшихъ на себя труды знакомить своихъ соотечественниковъ съ идеями Запада, въ прошломъ столѣтіи было несравненно больше, чѣмъ въ наши дни. При маломъ распространеніи знанія иностранныхъ языковъ, при недостаточной способности русскаго общества разбираться въ томъ, что хорошо и что дурно въ западной жизни (вспомнимъ нападки сатирическихъ журналовъ и комедій того времени на безтолковое подражаніе всему французскому, будь оно полезно и важно для русскаго человѣка, или нѣтъ), наконецъ, при полномъ отсутствіи русскихъ литературныхъ образцовъ, напр., для созданія трагедіи или комедіи на родномъ языкѣ, весьма важную услугу своему обществу оказывали писатели, хорошо знакомые съ иностранною литературою и главными идеями, выразительницей которыхъ она являлась, и бравшіе на себя задачу быть истолкователями этихъ идей, пересаживая притомъ на русскую почву тѣ или другіе литературные виды. Съ этой точки зрѣнія можно реабилитировать и дѣятельность Княжнина. Принимая во вниманіе всѣ данныя, собранныя критикою и показывающія, что нашъ драматургъ дѣлалъ заимствованія изъ многихъ иностранныхъ писателей, мы не станемъ, разумѣется, по поводу какой-нибудь эффектной сцены, завѣдомо подражательной, восхищаться силою таланта Княжнина, какъ это дѣлали въ доброе старое время. Но мы отмѣтимъ тотъ фактъ, что русскій драматургъ съ особенною любовью остановился на идеяхъ просвѣтительныхъ и гуманныхъ, что онъ далъ русской публикѣ возможность лишній разъ услышать со сцены благородныя рѣчи, что онъ познакомилъ ее косвенно съ цѣлымъ рядомъ произведеній, въ то время весьма популярныхъ у западноевропейской публики. Мы не забудемъ и того, что Княжнинъ никогда не заимствовалъ рабски, чуть не дословно; онъ умѣлъ вставлять въ создаваемыя имъ драматическія произведенія свои собственныя мысли и пожеланія,—въ особенности имѣющія отношеніе къ просвѣтительной и филантропической дѣятельности Екатерины. Все это даетъ намъ право снова вспомнить о Княжнинѣ и, въ частности, остановиться на его трагедіяхъ, которыя дали въ свое время поводъ называть его,—какъ и Сумарокова,—«русскимъ Расиномъ».

*) См. объ этомъ статью Л. Н. Майкова „Первые шаги Крылова на литературномъ поприщѣ“—„Русскій Вѣстникъ“ 1889 года.

**) Довольно полное указаніе источниковъ, откуда Княжнинъ заимствовалъ сюжеты нѣкоторыхъ своихъ трагедій,—см. у А. Галахова, въ указанныхъ выше статьяхъ.—Любопытно, что Княжнинъ никогда особенно не подражалъ ни Расину, ни Корнелю.

III.

Каковы же были тѣ идеи, которыя Княжнинъ, подражая преимущественно французскимъ драматургамъ, проводилъ въ своихъ трагедіяхъ? Въ ряду этихъ идей прежде всего слѣдуетъ отмѣтить высокое понятіе о достоинствѣ человѣка. Быть человѣкомъ, въ истинномъ смыслѣ этого слова,—честь, которой не всѣ достигаютъ; названіе «человѣкъ» выше чѣмъ санъ правителя,—вотъ какія мысли проводятъ нерѣдко княжнинскіе герои, подражая своимъ французскимъ прототипамъ. Въ трагедіи «Титово милосердіе» сенаторъ Публій говоритъ:

Чѣмъ болѣ кто на тронѣ человѣкъ,—
Тѣмъ болѣ тотъ богамъ подобенъ.

Самъ Титъ высказываетъ сходную съ этимъ мысль; когда благодарный народъ хочетъ, за услуги, оказанныя государству и за человѣколюбивое отношеніе къ подданнымъ, причислить его къ богамъ, онъ отвѣчаетъ, между прочимъ:

Пріятнѣй мнѣ стократъ
На тронѣ имя человѣка.

Эта идея человѣческаго достоинства складывалась на Западѣ въ теченіе всего 18-го вѣка и получила особое развитіе подъ вліяніемъ энциклопедистовъ; ею же проникнуты и сочиненія Екатерины, защищавшей въ «Наказѣ» гуманное отношеніе даже къ подсудимымъ и преступникамъ, а въ основу воспитательной системы стремившейся положить не наказанія, въ особенности тѣлесныя, унижающія и позорящія человѣка, а принципы чести и стыда. Понятіе о высокомъ значеніи слова «человѣкъ»

вполнѣ естественно связывалось, такимъ образомъ, съ проповѣдью гуманности. У Княжнина въ трагедіи «Росславъ» русскій посолъ Любомиръ, на вопросъ взбѣшеннаго Христіерна, кто смѣетъ давать ему какія-либо указанія и предъявлять требованія, пока онъ на престолѣ и пользуется безграничною властью, отвѣчаетъ:

Человѣчество, коль можешь ты внимать
Священный гласъ его, самихъ царей судящій!

Въ другомъ своемъ произведеніи, именно въ рѣчи, произнесенной на публичномъ собраніи Академіи Художествъ (въ 1779 году), Княжнинъ едва ли не всего яснѣе формулировалъ только-что отмѣченный нами взглядъ на званіе человѣка. «Если разумъ, оставленный на произволъ судьбы», говоритъ онъ между прочимъ, «не вспомоществуемый сердцемъ, не имѣя сопутникомъ своимъ благонравія, безплоденъ, а иногда и вреденъ бываетъ*); то уже сего единаго довольно къ ясному изображенію того, коликія пользы ниспосланы Россіи такими благотворящими установленіями, *которыя рожденнаго человѣкомъ уготовляютъ быть во все теченіе жизни достойнымъ сего священнаго имени*». Въ концѣ рѣчи Княжнинъ, обращаясь къ воспитанникамъ Академіи, называетъ ихъ счастливыми, потому что они родились «въ благословенный вѣкъ, красующійся человѣколюбіемъ», когда всѣ заботы направлены къ тому, чтобы «вспомоществуя, несчастнымъ благотворить, и человѣчество упадшее возводить воспитаніемъ на *степень человѣчества*».

Что же требуется отъ идеальнаго человѣка? Болѣе всего: владѣть своими страстями и ставить долгъ по отношенію къ родинѣ, обществу и ближнимъ вообще — выше личныхъ выгодъ и стремленій. На идеѣ борьбы между этими двумя началами, — эгоистическимъ и гуманнымъ, полнымъ любви къ людямъ и обществу, была въ значительной степени построена французская псевдо-классическая трагедія. Эта идея была перенята и русскими драматургами прошлаго вѣка, въ томъ числѣ и Княжнинымъ. Едва ли не во всѣхъ его трагедіяхъ мы видимъ героя, который борется между двумя противоположными стремленіями и, по большей части, выходитъ побѣдителемъ изъ этой борьбы, сохранивъ свое внутреннее достоинство. Такъ, въ «Дидонѣ» Эней, горячо любящій карѳагенскую царицу и долгое время не рѣшающійся покинуть ее, въ концѣ превозмогаетъ себя и разстается съ тою, которую любитъ, потому что на немъ лежитъ великій долгъ, — возстановить на новой почвѣ разрушенный Иліонъ и создать для своихъ соотечественниковъ новое государство. Въ трагедіи «Владиміръ и Ярополкъ» изображается, между прочимъ, внутренняя борьба, которую переживаетъ Ярополкъ; онъ любитъ плѣнную греческую княжну Клеомену, но вельможи находятъ, что его бракъ съ нею былъ бы вреденъ для всего государства, — и вотъ Ярополкъ начинаетъ колебаться между личнымъ желаніемъ и общею пользою; на этотъ разъ побѣда остается, однако, на сторонѣ эгоизма; Ярополкъ рѣшаетъ обвѣнчаться съ Клеоменою, — но вскорѣ его постигаетъ кара: онъ падаетъ отъ руки своего брата Владиміра, настроеннаго полоцкою княжною Рогнѣдою, которую Ярополкъ разлюбилъ, и которая, желая отомстить ему, обѣщала Владиміру свою любовь въ награду, если онъ возьмется убить брата. Въ «Вадимѣ» Рамида, дочь главнаго героя трагедіи, страстно любящая Рюрика, слышитъ укоризненныя рѣчи отца, убитаго горемъ при вѣсти о томъ, что его дочь полюбила человѣка, захватившаго въ свои руки прежде независимый Новгородъ; Вадимъ требуетъ, чтобы она забыла свою любовь и поклялась выйти за того изъ гражданъ, — «за вольность общества кто паче всѣхъ герой». Рамида поражена; вначалѣ ей кажется совершенно невозможнымъ разлюбить Рюрика, но постепенно она дѣлаетъ надъ собою усиліе, заглушаетъ свою страсть, старается усвоить мысли отца, и послѣ его паденія закалывается, добровольно лишая себя возможности когда-либо стать супругою Рюрика.

Подобныхъ примѣровъ можно было бы еще не мало привести изъ трагедій Княжнина. Одна изъ этихъ трагедій всецѣло построена на контрастѣ между долгомъ и любовью къ родинѣ и обществу, съ одной стороны, и личными интересами и выгодами — съ другой. Мы говоримъ о «Росславѣ». Эта пьеса имѣла въ свое время громадный успѣхъ. По словамъ автора біографіи Княжнина, приложенной къ третьему изданію его сочиненій, во время перваго представленія «публика съ восторгомъ приняла несравненное произведеніе пера великаго стихотворца, и можно сказать, что каждый стихъ сопровождала громкими рукоплесканіями.» По окончаніи спектакля послышались единодушные вызовы автора; Княжнинъ, всегда отличавшійся скромностью и застѣнчивостью, не рѣшился показаться публикѣ, и, какъ разсказываетъ Глинка, Дмитревскій, игравшій заглавную роль, выйдя на авансцену, сказалъ: «Сочинителя нѣтъ въ театрѣ; но голосъ вашъ, столь для него лестный и перешедшій и въ мое сердце, передамъ ему съ чувствомъ благодарности за тотъ торжественный вызовъ, которымъ вы увѣнчали его». «Росславъ» долгое время былъ однимъ изъ наиболѣе популярныхъ произведеній Княжнина; и дѣйствительно, даже съ со-

*) Невольно вспоминаются при этомъ многія сентенціи, вложенныя Фонвизинымъ въ уста Стародуму, напр.: „Чѣмъ умомъ величаться, другъ мой? Умъ, коль онъ только что умъ, — сущая бездѣлица .. Прямую цѣну уму даетъ благонравіе: безъ него умный человѣкъ — чудовище“. „Недоросль“, д. IV, явл. 2.

временной точки зрѣнія, мы должны признать эту трагедію одною изъ лучшихъ у изучаемаго нами драматурга. Но въ чемъ же состоятъ ея достоинства, что было причиною того успѣха, какимъ она пользовалась въ прошломъ вѣкѣ? Не одна только завязка, а благородный духъ, которымъ проникнута вся пьеса, идея долга, составляющая ея основу, — вотъ что вызывало восторгъ у зрителей. Герой трагедіи, Росславъ, представляетъ собою образецъ любви къ родинѣ, которую ничто не можетъ вырвать изъ его сердца. Родина дорога для него не только какъ страна, къ которой онъ принадлежитъ по своему происхожденію, но и какъ общество гражданъ, благо которыхъ близко его сердцу. Самое слово «общество», являющееся несомнѣннымъ анахронизмомъ въ трагедіи, относящейся по своему сюжету къ отдаленной эпохѣ, которая ничего общаго не имѣла съ просвѣтительнымъ вѣкомъ и его мечтами, не сходитъ съ устъ Росслава. Такъ онъ говоритъ однажды Христіерну:

Ты долгомъ чтишь меня къ измѣнѣ принуждать,
А я—за общество со славой умирать!

Подобно этому, въ другомъ мѣстѣ трагедіи, Росславъ, бесѣдуя съ Любомиромъ, замѣчаетъ:

Я зрю съ презрѣніемъ тираново гоненье;
За общество ношу сихъ узъ обремененье.

Главная часть завязки трагедіи состоитъ въ томъ, что Христіернъ желаетъ, подъ страхомъ смерти, принудить своего плѣнника Росслава открыть ему важную тайну, а именно заставить его сообщить ему, гдѣ находится Густавъ Ваза, сторонникъ русскихъ, который готовится къ борьбѣ съ Христіерномъ и скрывается гдѣ-то въ русскихъ предѣлахъ, подготовляя будущій походъ свой въ Швецію. Росславъ не прельщается ни жизнью, ни свободой, ни какими бы то ни было наградами, и наотрѣзъ отказывается открыть тайну, которая имѣетъ значеніе и для Россіи, и для ея союзника, Густава. Непоколебимой волѣ героя приходится выносить тяжелое испытаніе; княжна Зафира, охваченная любовью къ плѣнному полководцу и, въ свою очередь, любимая имъ, не разъ начинаетъ убѣждать и умолять его, чтобы онъ выдалъ тайну, только бы ей не пришлось потерять его; она терзаетъ его сердце своими мольбами, называя его жестокимъ, упрекая въ томъ, что онъ ее не любитъ, если можетъ что нибудь ставить выше ея любви. Но Росславъ превозмогаетъ себя, остается вѣренъ своимъ принципамъ, и въ его рѣчахъ попрежнему чувствуется самоотверженный и благородный духъ. Нѣкоторыя фразы, взятыя изъ роли Росслава и проникнутыя этимъ духомъ, были въ свое время извѣстны каждому сколько нибудь образованному русскому; такъ напр., Росславъ въ разговорѣ съ полководцемъ Христіерна, Кедаромъ, произноситъ слѣдующія, знаменитыя въ прошломъ вѣкѣ, слова:

Тиранка слабыхъ душъ, любовь—раба героя.
Коль счастья съ должностью не можно согласить,
Тогда пороченъ тотъ, кто хочетъ счастливъ быть.

Несомнѣнно, что, ставя главною цѣлью каждаго человѣка строгое исполненіе «должности», трагедіи Княжнина имѣли важное воспитательное и облагораживающее значеніе *). Для общества Екатерининской эпохи, въ которомъ, несмотря на внѣшній европейскій лоскъ, все еще процвѣтали, по свидѣтельству многихъ современниковъ, взяточничество, лихоимство и забота о своихъ выгодахъ, въ ущербъ общественнымъ, которое не вполнѣ еще выработало въ себѣ понятіе объ обязанностяхъ каждаго гражданина въ государствѣ и о необходимости обуздывать свои эгоистическія наклонности ради общаго блага, весьма полезно было слышать со сцены благородную проповѣдь, подобную той, съ которою обратился къ русской публикѣ Княжнинъ устами своего Росслава **).

IV.

Заключая въ себѣ рядъ сентенцій, относящихся къ характеристикѣ идеальнаго человѣка вообще, вѣрнаго своему долгу и готоваго служить обществу, трагедіи Княжнина еще подробнѣе затрогиваютъ свойства идеальнаго правителя. Въ западно-европейской литературѣ XVIII вѣка, подъ воздѣйствіемъ философскихъ и политическихъ ученій, нерѣдко въ драматическомъ произведеніи важную роль играютъ монологи, въ которыхъ разсматривается вопросъ о назначеніи власти, объ ея отношеніи къ народу, правахъ этого народа и т. д. Постепенно взглядъ на королевскую власть сталъ видоизмѣняться у французскихъ драматурговъ,— и на короля все чаще начинали смотрѣть, какъ на перваго слугу народа и государства. Фонтэнъ, въ упомянутой выше книгѣ, дѣлаетъ

*) Этого значенія не отрицаютъ и наиболѣе суровые къ Княжнину изслѣдователи. Такъ наприм., проф. А. Архангельскій, въ своей статьѣ „Русскій театръ XVIII вѣка (Очерки и матеріалы)“, помѣщенной въ „Русск. Обозрѣніи“ 1894 года, №№ 5 и 6, назвавъ трагедіи Княжнина „неестественными, риторичными и напыщенными“, тѣмъ не менѣе замѣчаетъ: „Впрочемъ, возвышенныя чувства, о которыхъ говорили со сцены герои Княжнина, идеи долга, чести, любви къ отечеству,—не могли не вызывать въ зрителяхъ сочувствія; фразы и риторика зрителями принимались за внутренній жаръ“.

**) Обстоятельную и довольно яркую характеристику нравственнаго и культурнаго уровня русскаго общества при Екатеринѣ,—см. въ книгѣ А. Незеленова „Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ (1769—1785)“. Спб. 1875; глава I.—„Нравы русскаго общества екатерининскаго времени“.

любопытное сопоставленіе: онъ указываетъ на то, что Корнель, въ одной трагедіи, влагалъ въ уста одному изъ своихъ героевъ сентенцію о томъ, что слишкомъ счастливъ народъ, который можетъ умереть за своего короля; между тѣмъ въ «Эдипѣ» Вольтера провозглашается діаметрально противоположное: «умереть за свою страну,— вотъ обязанность короля», говоритъ поэтъ-философъ. Съ теченіемъ времени въ трагедіяхъ все яснѣе и опредѣленнѣе выражаются мысли, въ родѣ той, наприм., что обязанность правителя—защищать права гражданъ, что онъ долженъ служить для народа образцомъ во всѣхъ отношеніяхъ, и т. д. *). Въ Россіи на страницахъ Наказа публика могла найти много новыхъ, до тѣхъ поръ совершенно непривычныхъ для нея взглядовъ на обязанности правителя. Екатерина писала, между прочимъ: «... Сіе можетъ не понравиться ласкателямъ, которые по всѣ дни земнымъ обладателямъ твердятъ, что народы ихъ для нихъ сотворены. Однако же мы думаемъ и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, *что мы сотворены для нашего народа*». Въ томъ же Наказѣ вдумчивый и развитой читатель встрѣчалъ указанія на то, что во всякомъ государствѣ должна существовать, въ извѣстныхъ размѣрахъ, «вольность гражданъ», что всѣ должны быть равны передъ закономъ; все это не могло не производить большого впечатлѣнія на современниковъ, какъ и разсужденія о вредѣ пытокъ, о необходимости болѣе гуманныхъ законовъ, о значеніи разумно организованнаго и направленнаго къ пользѣ гражданъ государственнаго механизма и т. д. Новыя идеи, провозглашенныя Екатериною, естественно должны были оказать вліяніе и на литературныхъ дѣятелей того времени; и дѣйствительно, въ Наказѣ – источникъ многихъ тенденціозныхъ монологовъ, встрѣчающихся въ трагедіяхъ Сумарокова и особенно Княжнина. Въ немъ, въ значительной степени, почерпнулъ изучаемый нами драматургъ свои мечты объ идеальномъ правителѣ,— хотя вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не мало позаимствовалъ и изъ сочиненій западноевропейскихъ псевдо-классиковъ.

Всего яснѣе формулировалъ Княжнинъ воззрѣнія своего вѣка на этотъ вопросъ въ трагедіи «Титово милосердіе». Эта пьеса составлена была имъ подъ довольно сильнымъ вліяніемъ какъ пьесы Метастазіо (того же названія), такъ и трагедіи Де-Беллуа «Титъ», хотя и переведенной на русскій языкъ двумя годами позже появленія княжнинской пьесы *), но, вѣроятно, знакомой ему еще въ подлинникѣ. Княжнинъ не ограничился, однако, простымъ подражаніемъ и заимствованіемъ; его трагедія имѣетъ прямое отношеніе къ русской дѣйствительности. Титъ считался въ 18-мъ вѣкѣ образцомъ идеальнаго государя, — друга своихъ подданныхъ, филантропа и «человѣка на тронѣ». Въ рѣчи на публичномъ собраніи Академіи Художествъ Княжнинъ говоритъ: «Сколько было на престолахъ истинныхъ благотворителей роду человѣческому? Титъ, Маркъ Аврелій, Великій Петръ, Екатерина». Въ цитированной уже нами біографіи Княжнина мы читаемъ: «Премудрой Екатеринѣ угодно было видѣть на нашемъ собственномъ языкѣ изображеніе великаго Тита, *какъ совершенное подобіе ангельской души ея*». Директоръ театра Бибиковъ, согласно желанію императрицы, предложилъ написать пьесу о Титѣ Княжнину, который исполнилъ свою задачу въ *три недѣли*. «Титово милосердіе», являясь по сюжету заимствованнымъ изъ вышеупомянутыхъ иностранныхъ пьесъ, заключаетъ въ себѣ множество общихъ разсужденій, проникнутыхъ просвѣтительнымъ духомъ 18-го вѣка. Титъ въ подданныхъ своихъ хочетъ видѣть друзей; за свои труды на пользу народа онъ не ищетъ другой награды, кромѣ его любви. Современники Княжнина видѣли въ словахъ Тита:

Отечества отца
Дражайше нареченье
Есть Титова вѣнца
Верховно украшенье

намекъ на Екатерину, которой въ 1767 году члены Коммиссіи поднесли титулъ «великой, премудрой и *матери отечества*».

Когда народъ привѣтствуетъ Тита и осыпаетъ его похвалами, онъ отвѣчаетъ:

Престаньте каждаго во мнѣ вы долгъ владыки
Считати за дѣла велики,
Пусть вашъ глаголъ всечасно мнѣ твердитъ
Не то, что сдѣлалъ я,—что дѣлать надлежитъ!
Се долгъ прямой друзей къ сѣдящимъ на престолѣ.

Онъ хочетъ быть достойнымъ названія «отца отечества», быть близкимъ къ народу, не превозноситься надъ нимъ («властители—такіе жъ человѣки»). Онъ обращается къ сенаторамъ со словами:

Прострите быстро ваши взоры
Въ подвластны намъ вселенныя концы.
Не кроется-ль гдѣ зло, которо бы хоть мало
Покой и счастіе народовъ отнимало?
Вѣщайте мнѣ сіе: всегда я помню то,
Что все мое величіе ничто,
Когда подвластные стонаютъ.

*) Этимъ объясняется, конечно, тотъ фактъ, что Княжнинъ, сынъ 18-го вѣка, считалъ болѣе замѣчательными и достойными подражанія произведенія новѣйшихъ драматурговъ, близкихъ ему по духу, чѣмъ пьесы писателей вѣка Людовика XIV. Любопытно, однако, что одинъ изъ самыхъ позднихъ русскихъ псевдоклассиковъ, Катенинъ, дѣйствовавшій въ 19-мъ вѣкѣ, былъ опять послѣдователемъ Корнеля и Расина, и не признавалъ драматурговъ 18-го вѣка.

*) Русскій переводъ напечатанъ былъ въ Москвѣ, въ 1787 году.

Онъ считаетъ благотвореніе «единымъ утѣшеніемъ монарховъ»; онъ чувствуетъ себя отвѣтственнымъ за благоденствіе страны. Великодушіе и милосердіе, на которомъ построена развязка трагедіи,—отличительныя черты Тита. Онъ прощаетъ обиды, нанесенныя ему лично, умѣетъ стать выше ихъ. Когда ему подаютъ списокъ лицъ, осужденныхъ за оскорбленіе величества, онъ его разрываетъ и хочетъ уничтожить тотъ законъ, который, по его словамъ, внушенъ не стремленіемъ къ истинѣ, а трусостью. Съ полнымъ сознаніемъ своей правоты передъ народомъ, онъ восклицаетъ:

Возможетъ ли молва монарха оскорблять?
Коль истину она удобна мнѣ являть,
То истина должна меня наставить,
Какъ мнѣ поступокъ мой исправить;
А если ложь сплетаетъ злой языкъ,
То долженъ мной быть презрѣнъ клеветникъ;
И чтобы онъ меня престалъ безславить,
И могъ прощенье заслужить,
Не наказаньемъ,—
Однимъ благодѣяньемъ
Его къ себѣ желаю обратить.

Воззрѣнія Тита въ княжнинской трагедіи на понятіе о преступленіи и на отношеніе къ преступникамъ имѣютъ много общаго съ теоріями «Наказа». Екатерина много говоритъ о необходимости предупреждать преступленія, вести предварительный допросъ правильно и основательно, смотрѣть на наказанія не какъ на средство мучить людей, но какъ на способъ помѣшать преступнику долѣе вредить обществу. «Искусство (опытъ) научаетъ насъ, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ кроткія наказанія, сердце гражданъ оными столько же поражается, какъ въ другихъ мѣстахъ жестокими... По мѣрѣ, какъ умы живущихъ въ обществѣ просвѣщаются, такъ умножается и чувствительность каждаго особо гражданина; а когда въ гражданахъ возрастаетъ чувствительность, то надобно, чтобы строгость наказаній умалялась», — вотъ что говорила, между прочимъ, Екатерина по вопросу о необходимости смягченія наказаній. Извѣстно также изреченіе ея о томъ, что лучше оправдать десять виновныхъ, нежели осудить одного невиннаго. Подобныя же мысли высказываетъ и Титъ. Когда при немъ употребляютъ выраженіе

Преступники закона,
Сужденные навѣкъ,

онъ восклицаетъ:

Навѣкъ! какъ будто бы во адѣ!
Или низвергшійся въ пороки человѣкъ,
Узрѣвъ, ко собственной досадѣ,
То все, чѣмъ онъ мрачилъ себя,
Въ путь добродѣтели не можетъ обратиться?
. . . . . .
Нерѣдко въ строгости законы суть неправы!
О, судіи, внемлите вы уставы,
Что человѣчество гласитъ.
Несчастныхъ сихъ я узы разрѣшаю.
Убійцамъ лишь единымъ не прощаю;
Въ томъ благость мнѣ сама претитъ.

Когда открывается, что противъ него составленъ заговоръ, въ которомъ принялъ участіе его близкій другъ Секстъ, облагодѣтельствованный имъ, Титъ колеблется между двумя чувствами: съ одной стороны, онъ знаетъ, что законъ требуетъ казни виновныхъ; съ другой стороны, голосъ милосердія внушаетъ ему простить ихъ; быть можетъ, подъ вліяніемъ его великодушія, они раскаются и сдѣлаются его вѣрными друзьями. Послѣднее чувство беретъ верхъ: Титъ разрываетъ смертный приговоръ и прощаетъ обвиненныхъ. И въ словахъ, которыя онъ произноситъ, уничтожая приговоръ, снова слышится отголосокъ идей Екатерины:

Живите... И когда моя порфира
Должна мнѣ чѣмъ содѣлать стыдъ,
Пусть лучше голосъ міра
Во благостяхъ меня, не въ казняхъ укоритъ!

Трагедія «Титово милосердіе» едва ли не всего менѣе изучалась критикою; ее считали не заслуживающею вниманія, какъ простую передѣлку пьесы Метастазіо (на подражаніе Де-Беллуа никѣмъ еще не было указано *). Мы старались установить тотъ фактъ, что, заимствуя сюжетъ, съ незначительными только измѣненіями, переводя подчасъ цѣлыя сцены изъ иностраннаго произведенія, Княжнинъ сумѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ поставить свою пьесу въ связь съ идеями екатерининской поры. Культурное и общественное значеніе этой трагедіи въ эпоху, когда сцена служила цѣлямъ публицистики, было весьма велико; она произвела сильное впечатлѣніе на зрителей, и, какъ разсказываетъ современникъ, «ни одного разу занавѣсъ безъ того не опускался, чтобы зритель не провожалъ актеровъ съ наполненными слезъ глазами» **).

V.

Отдѣльныя сентенціи объ обязанностяхъ правителя разсѣяны почти во всѣхъ трагедіяхъ Княжнина. Въ «Дидонѣ» главная героиня на-

*) Указаніемъ на этотъ источникъ княжнинской трагедіи мы обязаны покойному академику Н. С. Тихонравову.

**) Единодушный успѣхъ, выпавшій на долю „Титовому милосердію“ и „Росславу“ знаменателенъ въ томъ отношеніи, что, по свидѣтельству современниковъ, несмотря на высокое понятіе болѣе развитой части общества о театрѣ, какъ школѣ нравовъ, такъ называемая „большая публика“ въ екатерининскую эпоху все еще не умѣла держать себя въ зрительной залѣ, такъ что во время хода дѣйствія часто громко разговаривали, шумѣли и даже грызли орѣхи. См. Л. Н. Майкова, „Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій“; статья „Театральная публика во времена Сумарокова“.

дѣлена нѣкоторыми чертами Екатерины; она—мудрая правительница, повелѣвающая обширными землями, сумѣвшая подчинить себѣ вельможъ и заставить ихъ трудиться на общую пользу. Гетульскій царь Ярбъ, добивающійся ея руки и явившійся къ ней, выдавая себя за Ярбова посла, въ слѣдующихъ словахъ восхваляетъ ея плодотворную дѣятельность:

Доколѣ Ярбово желанье изъяснится,
Внемли сіе, что онъ дѣламъ твоимъ дивится,
Которыми царей ты многихъ превзошла.
Тамъ дикія мѣста, пустыню ты нашла,
Гдѣ пышный градъ, твоей премудростью творенный,
Несется къ облакамъ, на зависть всей вселенной.
Градъ созданъ, кажется, небесною рукой,
Обуреваемымъ надежда и покой.
На тронъ ты вознеслась для подданныхъ блаженства.

Въ другомъ мѣстѣ, когда Ярбъ начинаетъ грозить Дидонѣ, говоря, что ея подданные возмутятся противъ нея, недовольные тѣмъ, что она приблизила къ себѣ чужестранца Энея, царица спокойно отвѣчаетъ:

Блаженствомъ подданныхъ моихъ мой тронъ крѣпится;
Тиранамъ лишь однимъ рабовъ своихъ страшиться!

Въ «Росславѣ» главный герой, являясь, какъ мы уже видѣли, образцомъ горячей любви къ родинѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ противопоставляется авторомъ тирану Христіерну, какъ защитникъ идеи гуманнаго и справедливаго правительства; такимъ же является и русскій посолъ Любомиръ. Весьма интересна въ этомъ отношеніи вторая сцена 2-го акта, когда посолъ передаетъ Христіерну тѣ условія мира, которыя предлагаетъ русскій князь, Христіернъ не хочетъ слышать о мирѣ; онъ намѣренъ продолжать войну не потому, чтобы этого требовало благо страны, а только изъ тщеславія, чтобы не показалось, будто онъ унижается передъ соперникомъ. Любомиръ упрекаетъ тирана въ томъ, что онъ, «жертвуя лишь гордости одной», хочетъ вести кровавую войну, которая погубитъ множество его подданныхъ. Завязывается оживленный споръ, во время котораго Христіернъ, слыша смѣлыя, полныя сознанія собственнаго достоинства, рѣчи своего плѣнника и чужеземнаго посла, приходитъ въ страшную ярость, и тѣмъ вызываетъ невольный вопросъ Росслава:

Иль можетъ правдою царь быти огорченъ?

Наконецъ, разгнѣванный Христіернъ велитъ заключить Росслава въ оковы, а Любомиру поручаетъ передать своему повелителю, какъ мало онъ его страшится. Любомиръ отвѣчаетъ весьма характерною для 18-го вѣка общею тирадой, которую, разумѣется, въ дѣйствительности взбѣшенный тиранъ никогда не далъ бы докончить своему противнику. Онъ говоритъ между прочимъ:

Безстрашенъ буди царь; но, чѣмъ сильнѣй властитель,
Тѣмъ больше долженъ быть онъ истины хранитель,
И чтить священнѣйшимъ народныхъ правъ законъ.
. . . . . .
Законовъ первый рабъ, онъ подданнымъ примѣръ.

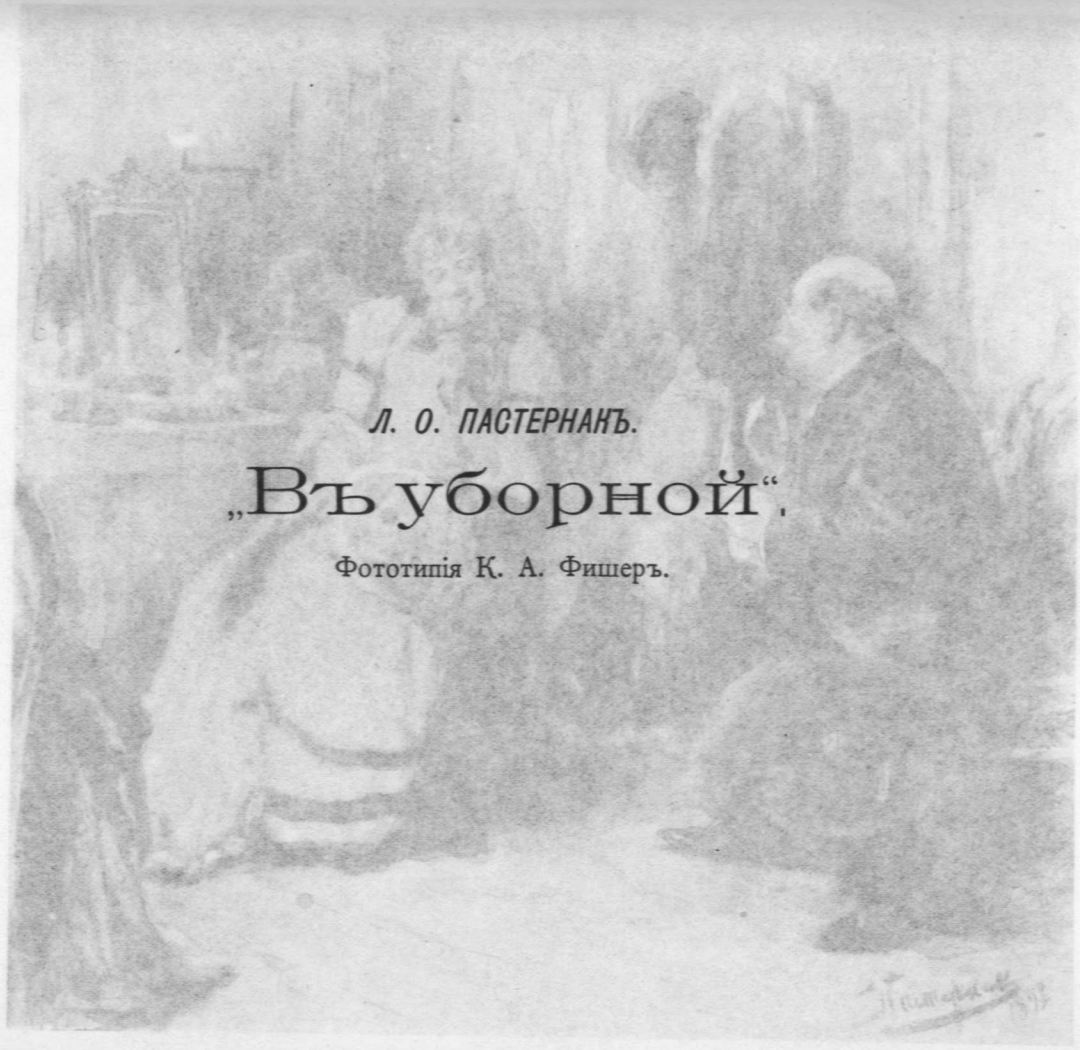
Подобныхъ монологовъ немало въ трагедіи. Особенною силой отличается тотъ, который произноситъ Росславъ, когда воины Христіерна готовятся увести его въ темницу. Этотъ монологъ, начинающійся словами «Цари! васъ смерть зоветъ предъ судъ необходимый», по мысли сходенъ съ извѣстнымъ стихотвореніемъ Державина «Властителямъ и судіямъ», едва не имѣвшимъ для поэта весьма печальныхъ послѣдствій. И въ монологѣ Росслава, и въ стихотвореніи Державина проводится та мысль, что недостойныхъ правителей ждетъ грозный и неумолимый судъ, передъ которымъ они должны будутъ дать отчетъ въ своихъ беззаконіяхъ и понести заслуженное наказаніе.

Въ трагедіи «Владиміръ и Ярополкъ» много разсужденій относительно назначенія правителя вложено въ уста Сваделю, вельможѣ Ярополка. Во «Владисанѣ» главный герой является отцомъ подданныхъ, благодѣтелемъ своей страны. Его ошибочно считаютъ убитымъ, но память о немъ живетъ въ народѣ. Юный сынъ его, Велькаръ, также не забылъ наставленій своего отца:

Я помню моего родителя реченья;
Онъ часто говорилъ: царевы утѣшенья,—
Зрѣть счастье подданныхъ, — превыше суть всего.

Мать Велькара, Пламира, хочетъ, чтобы онъ былъ достоинъ своего отца, достоинъ народной любви, «одной властителямъ приличной славы сей». Но вотъ является самъ Владисанъ, въ одеждѣ бѣднаго странника, и застаетъ народъ оплакивающимъ его кончину. Это зрѣлище посмертной скорби народной, вполнѣ безкорыстной, а не внушенной надеждою на какія-либо милости, производитъ на Владисана сильное впечатлѣніе. Лишенный царства, принужденный видѣть, какъ узурпаторъ готовъ захватить престолъ, онъ, тѣмъ не менѣе, чувствуетъ себя счастливымъ и могущественнымъ, потому что на его сторонѣ любовь народа. Онъ обращается мысленно къ тѣмъ «властителямъ міра», которые окружены лестью и пользуются при жизни чуть не божескими почестями, съ вопросомъ:

Скажите, тщетностью взнесенны до небесъ,
Все ваше стоитъ-ли величье капли слезъ,
Которы подданныхъ любовь монарху мертву
Отъ сердца искренна лiетъ на гробѣ въ жертву?
Се слава истинна; иной владыкамъ нѣтъ.



Л. О. ПАСТЕРНАКЪ.

„Въ уборной".

Фототипія К. А. Фишеръ.

Остановимся, въ заключеніе, нѣсколько подробнѣе на трагедіи «Вадимъ». Трагедія эта имѣла, какъ извѣстно, весьма печальную судьбу, которая, вмѣстѣ съ карой, постигшей Радищева за его «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», и трагическимъ исходомъ дѣятельности московскихъ масоновъ, съ Новиковымъ во главѣ, является фактомъ весьма характернымъ для послѣднихъ лѣтъ екатерининскаго царствованія *). Написанная въ 1789 году, въ самомъ началѣ французской революціи, трагедія должна была идти на петербургской сценѣ въ томъ же году, причемъ было уже составлено распредѣленіе ролей, и роль Вадима поручена была извѣстному Плавильщикову. Подъ вліяніемъ французскихъ событій, встревожившихъ значительную часть русскаго общества, Княжнинъ рѣшилъ взять пьесу назадъ, считая ея постановку несвоевременною. Въ 1793 году, уже послѣ смерти автора, «Вадимъ» былъ напечатанъ, сначала отдѣльно**), затѣмъ въ «Россійскомъ Ѳеатрѣ»***). Къ тому времени во Франціи революціонное движеніе приняло необыкновенно широкіе размѣры; въ январѣ 1793 года былъ казненъ король; терроръ все болѣе и болѣе входилъ въ свои права. Подъ вліяніемъ этихъ событій, Екатерина стала относиться вдвойнѣ подозрительно къ русской литературѣ, боясь, какъ бы французскія идеи не нашли сторонниковъ и не получили развитія и въ Россіи. Этимъ объясняется и суровая кара, постигшая «Вадима». Изъ 39-й части «Ѳеатра» трагедія была вырѣзана, причемъ случайно пострадали и произведенія, рядомъ съ нею помѣщенныя, между прочимъ комическая опера Крылова «Филомела» (въ настоящее время существуетъ только 2 экземпляра этой части «Ѳеатра» съ не вырванной трагедіей); вмѣстѣ съ тѣмъ отданъ былъ приказъ отбирать въ книжныхъ лавкахъ экземпляры отдѣльнаго изданія трагедіи, что, впрочемъ, какъ обнаружилось на дѣлѣ, было весьма трудно, такъ какъ въ 2—3 дня разошлись сотни экземпляровъ «Вадима», а лица, ранѣе купившія ее, не всегда склонны были возвращать ее обратно. Трагедія Княжнина показалась, по словамъ митрополита Евгенія, «набатомъ»; Екатерина хотѣла даже, одно время, велѣть сжечь ее рукою палача. Княгиня Дашкова, какъ президентъ Академіи Наукъ, оставившая въ своихъ запискахъ и письмѣ къ кн. Воронцову любопытный разсказъ объ инцидентѣ съ «Вадимомъ», впала временно въ немилость у императрицы, которая не могла ей простить, что она позволила напечатать подобную книгу въ подвѣдомственной ей академической типографіи.

Разсматривая теперь, черезъ сто лѣтъ, надѣлавшую столько шума трагедію, всякій безпристрастный изслѣдователь далеко не найдетъ ее такою опасною, какою она казалась въ прошломъ вѣкѣ, притомъ въ эпоху французской революціи. Мы видѣли, что нападки на тирановъ и вообще на недостойныхъ правителей встрѣчались и въ прежнихъ трагедіяхъ Княжнина, выраженныя порою даже въ очень рѣзкой формѣ. Отличіе «Вадима» состоитъ собственно въ томъ, что на этотъ разъ тирану противопоставляется не идеальный государь, а народное самоуправленіе. Впрочемъ, хотя дѣйствіе происходитъ все время въ Новгородѣ, въ пьесѣ нѣтъ ничего спеціально русскаго, она разыгрывается, такъ сказать, внѣ времени и пространства; да и вообще почти всѣ трагедіи Княжнина плохо прикрѣплены къ какой-нибудь странѣ или мѣстности. Невольно вспоминается замѣчаніе Булича, который говоритъ, что «ко всѣмъ трагедіямъ Сумарокова легко можно поставить эпиграфомъ извѣщеніе, находящееся при его трагедіи *Мстиславъ*: дѣйствіе происходитъ въ Тмутаракани». Въ рѣчахъ героевъ трагедіи, Вадима, Пренеста и Вигора, дѣйствительно, чувствуется ненависть къ тиранамъ; но, какъ справедливо указалъ въ своей статьѣ о Княжнинѣ и его «Вадимѣ» Лонгиновъ, Екатерина въ прежніе годы своего царствованія не считала нужнымъ преслѣдовать пьесы, проникнутыя подобными идеями. Въ 1785 году въ Москвѣ поставлена была трагедія не особенно выдающагося, но и не лишеннаго дарованія литератора екатерининской поры, Николева, «Сорена». Въ этой трагедіи, какъ и въ «Вадимѣ», было немало нападокъ на тирановъ, вмѣстѣ съ защитою народныхъ правъ. Пьеса очень понравилась публикѣ, и выдержала нѣсколько представленій подрядъ. Но

*) Объ исторіи съ „Вадимомъ“ см. письма княгини Дашковой къ кн. А. Р. Воронцову,—въ „Архивѣ кн. А. Р. Воронцова“, т. V, М. 1872; „Записки княгини Дашковой“, часть II; „Изъ розыскного дѣла о трагедіи Княжнина „Вадимъ“—пять документовъ, напечатанныхъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1863 года; упомянутую выше статью М. Лонгинова „Я. Б. Княжнинъ и трагедія его Вадимъ“—„Русскій Вѣстникъ“ 1860 года; словарь митрополита Евгенія. Ранѣе ставшіе извѣстными факты сгруппированы и повторены въ различныхъ трудахъ, напр. въ библіографическомъ словарѣ Губерти „Матеріалы для русской библіографіи“, вып. II, М. 1881, въ книгѣ А. М. Скабичевскаго „Очерки исторіи русской цензуры“ и т. д.

**) „Вадимъ Новгородскій“, трагедія въ стихахъ, въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненіе Я. Б. Княжнина Спб. 1793. При Императорской Академіи Наукъ. Въ малую восьмушку, 73 страницы.—Мы пользовались экземпляромъ библіотеки московскаго Историческаго Музея. Замѣтимъ, однако, что трагедія была перепечатана въ 1871 году въ „Русской Старинѣ“, томъ II, съ предисловіемъ Ефремова.

***) Княжнинъ, при жизни, былъ однимъ изъ сотрудниковъ „Россійскаго Ѳеатра“, выходившаго въ 1786—1794 годахъ. Такъ онъ помѣстилъ въ этомъ знаменитомъ театральномъ сборникѣ свои трагедіи „Владиміръ и Ярополкъ“ и „Софонисба“.

вскорѣ она обратила на себя вниманіе московскаго главнокомандующаго, графа Брюса, который, увидавъ, что въ пьесѣ встрѣчаются тирады противъ самовластія, счелъ нужнымъ запретить ея дальнѣйшія представленія. Узнавъ объ этомъ, императрица въ рескриптѣ на имя Брюса выразила свое изумленіе по поводу запрещенія трагедіи. «Смыслъ такихъ стиховъ, которые вы замѣтили», писала она, между прочимъ, «никакого не имѣетъ отношенія къ вашей государынѣ. *Авторъ возстаетъ противъ самовластія тирановъ, а Екатерину вы называете матерью*». Это отношеніе къ дѣлу является рѣзкимъ контрастомъ той карѣ, которой подвергнутъ былъ «Вадимъ»; за нѣсколько лѣтъ совершилась перемѣна въ образѣ мыслей Екатерины, и Лонгиновъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что «*Сорена* оправдана потому, что явилась въ 1785 году, а *Вадимъ* осужденъ по случаю появленія своего въ печати въ 1793-мъ».

Еще одно замѣчаніе по поводу «Вадима». Если рѣчи главнаго героя отличаются энтузіазмомъ и подчасъ благородствомъ, если, такимъ образомъ, можно было предполагать, что на его сторонѣ всецѣло симпатіи автора, то не слѣдуетъ упускать изъ виду, что и противникъ его, Рюрикъ, представитель принципа твердой государственной власти, надѣленъ многими положительными свойствами *). Это вовсе не чистокровный тиранъ; онъ не захватилъ власти, а принялъ ее по просьбѣ гражданъ, для охраненія ихъ спокойствія и безопасности; онъ открыто заявляетъ передъ народомъ, что никогда не хотѣлъ стѣснять его правъ:

Я помнилъ завсегда, что есть на небесахъ
Судьи, гремящіе земныхъ владыкъ въ сердцахъ,
Которые, царя колебля на престолѣ,
Всечасно вопіютъ его всевластной волѣ:
„Намъ каждая слеза текущая видна,
Котора пышностью твоей допущена:
Мы слышимъ каждый стонъ, невнемлемый тобою,
Изъ слабаго влекомъ насильственной рукою;
Мы каплю каждую пролитой крови зримъ,—
Вострепещи со всѣмъ сіяніемъ твоимъ!
Не оправдай себя, великъ обремененьемъ,
Необходимостью,—тирановъ извиненьемъ!“

Отъ этихъ словъ не отказались бы и Титъ, и Владисанъ, и другіе, въ свое время идеализованные драматургомъ герои. Рюрикъ является иногда чуть ли не представителемъ «просвѣщеннаго абсолютизма», пользующимся сильною, неограниченною властью, но употребляющимъ ее на благо народа и государства. Одно время онъ готовъ даже сложить съ себя вѣнецъ, если народъ того пожелаетъ; а въ концѣ трагедіи мы находимъ его монологъ, въ которомъ онъ надъ трупомъ Вадима рѣшаетъ быть отнынѣ всецѣло «жертвой сей странѣ», первымъ слугою своего государства. На нашъ взглядъ, нельзя все же сказать, чтобы трагедія имѣла главною, а тѣмъ болѣе,—исключительною цѣлью возвеличеніе Рюрика; но, съ другой стороны, несомнѣнно, что всѣ, только что отмѣченныя нами особенности его характера очень ослабляютъ степень «опасности», которую, по взгляду современниковъ, представляла трагедія; эти особенности были, однако — умышленно или невольно,—совершенно упущены изъ виду тѣми, кто внушилъ Екатеринѣ, что княжнинскій «Вадимъ» можетъ въ чемъ-либо повредить прочности и спокойствію ея обширнаго государства.

——

Разсматривая княжнинскія трагедіи, мы старались отмѣчать ихъ культурное значеніе, независимо отъ того, какое мѣсто принадлежитъ въ нихъ подражательному элементу, признавая, вмѣстѣ съ тѣмъ, несомнѣнную заслугу и за самимъ подражаніемъ, если оно состояло не только въ заимствованіи внѣшней формы литературныхъ произведеній, но и въ пересадкѣ на русскую почву наиболѣе важныхъ и плодотворныхъ идей и принциповъ, созданныхъ и возвѣщенныхъ европейскому обществу 18-го вѣка, съ одной стороны философами и политическими писателями, съ другой—находившимися подъ ихъ вліяніемъ драматургами и вообще литераторами. Мы не коснулись только одной трагедіи Княжнина,—«Софонисба»,—которая для нашей цѣли не представляетъ собою ничего интереснаго, да и вообще принадлежитъ къ самымъ слабымъ произведеніямъ Княжнина. Мы съ самаго начала поставили себѣ задачей разсматривать только трагедіи изучаемаго нами автора; но слѣдуетъ помнить все время, что и комедіи его во многихъ отношеніяхъ интересны и также заслуживали бы подробнаго анализа. Нѣкоторыя изъ нихъ, правда, не поднимаются выше фарса или совершенно безсодержательной комической оперы; нѣкоторыя страдаютъ чрезмѣрною подражательностью; но иногда Княжнинъ довольно опредѣленно возстаетъ противъ различныхъ отрицательныхъ сторонъ спеціально русской жизни,—напримѣръ даже противъ крѣпостного права, притомъ въ такую эпоху, когда сама Екатерина перестала уже особенно покровительствовать идеѣ коренного улучшенія быта

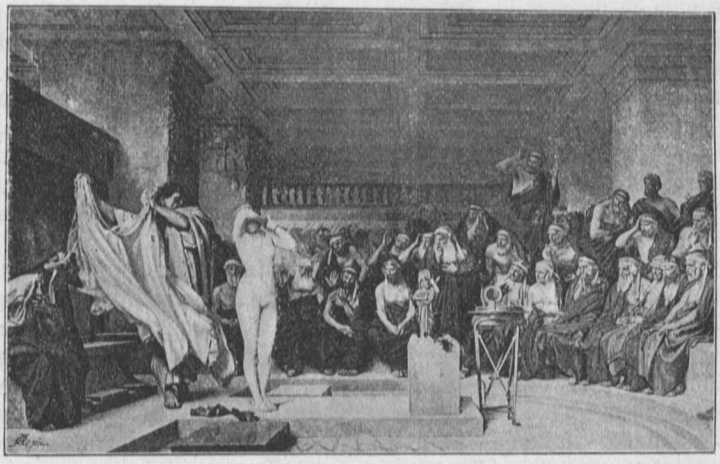
*) Проф. А. Архангельскій, въ цитированной выше статьѣ, находитъ даже возможнымъ такъ характеризовать общій духъ трагедіи: „Въ рѣчахъ Вадима есть, дѣйствительно, нѣсколько мѣстъ рѣзкихъ, выражающихъ республиканскія идеи; но главная, основная идея трагедіи—*строго монархическая*. Пьеса рѣзко выставляетъ гибельныя слѣдствія прежней новгородской вольности и прославляетъ монархическое правленіе Рюрика,—Рюрикъ является спасителемъ Новгорода, возстановившимъ спокойствіе и порядокъ, „идеаломъ мудраго правителя“. Въ свое время сходную съ этимъ мысль высказалъ митрополитъ Евгеній.

крестьянъ *). Благодаря знакомству драматурга со многими талантливо написанными пьесами западно-европейскаго комическаго репертуара **), комедіи его, по большей части, довольно веселы и живы, хотя иногда и недостаточно приноровлены къ условіямъ русской жизни. Если имѣть въ виду дѣятельность Княжнина на поприщѣ трагедіи, и комедіи, нельзя будетъ, кажется, утверждать, чтобы онъ не имѣлъ права на болѣе или менѣе почетное мѣсто въ исторіи русской драмы 18-го вѣка и заслуживалъ того забвенія и игнорированія, которое выпало ему на долю въ наше время. Въ этомъ случаѣ мы, положительно, можемъ поучиться у французовъ; извѣстно, съ какимъ уваженіемъ и сочувствіемъ относится до сихъ поръ французская публика и критика къ дѣятельности драматурговъ 17-го вѣка, главнымъ образомъ, Расина и Корнеля; пьесы ихъ и донынѣ идутъ на сценѣ, при участіи первыхъ актеровъ. Конечно, этотъ культъ драматурговъ-псевдоклассиковъ, такъ или иначе устарѣвшихъ въ наши дни, доходитъ иногда до крайностей даже у болѣе развитыхъ, шире смотрящихъ на дѣло французскихъ критиковъ; несомнѣнно и то, что Расинъ и Корнель представляютъ собою болѣе крупныя величины, чѣмъ Сумароковъ, Княжнинъ или Озеровъ; пьесы послѣднихъ никогда не стали бы у насъ репертуарными и не собирали бы многочисленныхъ зрителей. Но, думается, было бы данью уваженія къ дѣятельности людей, работавшихъ на пользу русскаго театра, еслибы изрѣдка, хотя бы въ дни рожденія и смерти того или другого русскаго драматурга 18-го вѣка, на сценѣ московскаго Малаго театра ставились ихъ лучшія пьесы. Такъ-называемой большой публики подобные спектакли, конечно, не привлекли бы; но они представили бы несомнѣнный историческій историко-литературный интересъ для всѣхъ лицъ, болѣе или менѣе близко принимающихъ къ сердцу постепенное развитіе русской драмы. Тогда пришлось бы вспомнить и о Княжнинѣ, который, хотя и не былъ «русскимъ Расиномъ», какъ его называли современники, но все же немало потрудился на пользу русскаго театра и русской словесности.

Юрій Веселовскій.

*) Комическая опера Княжнина „Несчастье отъ кареты“, съ значительною для того времени смѣлостью изображающая безправное и необезпеченное положеніе крестьянъ, появилась въ 1779 г.

**) Въ комедіяхъ Княжнина встрѣчается нерѣдко подражаніе Бомарше, Мольеру, Детушу, Брюэ и другимъ драматургамъ. На „Сбитенщикѣ“ Княжнина чувствуется одновременно нѣкоторое вліяніе и Мольера, и Бомарше (именно его „Севильскаго цирюльника“).



Жерромъ. Фрина.

ОДИНЪ.

XLIII.

Щербанскій и Нина съ дѣтьми проѣхали прямо въ Швейцарію, нигдѣ не останавливаясь. Это было утомительное путешествіе, особенно мучительное для Валерія Аполлоновича, которому все время казалось, что Нина не только не развлекается дорожными перемѣнами, но, напротивъ, съ каждымъ днемъ становится мрачнѣе. Она мало обращала вниманія на раскрывавшіеся по обѣ стороны дороги разнообразные виды, большею частью лежала и дѣлала видъ, что спитъ. Когда Валерій Аполлоновичъ говорилъ ей:

— Посмотри, Нина, какой чудный видъ! Вонъ тамъ вдали синѣютъ горы, здѣсь въ долинѣ мчится рѣка!..

Она покорно приподнималась, глядѣла въ окно и говорила:—Да, это красиво!

Но говорила это такимъ тономъ, изъ котораго было видно, что ее совсѣмъ не занимаютъ картины природы.

Валерій Аполлоновичъ ломалъ голову надъ вопросомъ: „неужели послѣ того, что случилось, она можетъ сожалѣть о томъ, что осталось позади?“ И онъ рѣшалъ этотъ вопросъ: „Нѣтъ, этого не можетъ быть. Нина не изъ тѣхъ женщинъ, которыя тѣмъ больше привязываются, чѣмъ больше ихъ оскорбляютъ. И не можетъ же она сожалѣть о томъ счастьѣ, которое оказалось такимъ плохимъ! Она просто чувствуетъ себя неловко въ новомъ, слишкомъ новомъ положеніи—вотъ и все!“

Онъ выбралъ французскую Швейцарію потому, что она была совершенной новостью для Нины. Здѣсь ничто не будетъ пробуждать у нея воспоминаній о путешествіи съ Камилломъ, когда она вѣрила, что у нея есть счастіе и что оно безконечно.

И вотъ они пріѣхали въ Женеву. Тихій городъ, спокойный, мирный, благодушный; ясный воздухъ, зеркальное озеро, туманныя очертанія дальнихъ горъ,—ото всего этого на Нину повѣяло миромъ и какъ-то вдругъ спала съ души ея тяжесть, давившая ее во всю дорогу. Она, отпустивъ дѣтей съ няней въ англійскій садъ, гуляла съ Валеріемъ Аполлоновичемъ и Лизой, осматривала городъ и окрестности. Все, что было для нея своимъ кровнымъ еще нѣсколько дней тому назадъ, вдругъ до такой степени сдѣлалось для нея чужимъ, что она не могла говорить о немъ. И она говорила сама, безъ вопроса съ чьей либо стороны:

— Мнѣ жаль не людей и не жизни, которую я вела, а того, о чемъ я мечтала и еще больше, въ чемъ была долго увѣрена, что оно существуетъ. Слишкомъ ужъ большое несходство между мечтой и дѣйствительностью. Вотъ отчего на душѣ у меня лежалъ камень. Но тутъ я воскресаю. Я только боюсь, что и то, что мнѣ теперь кажется прекраснымъ, вблизи окажется грубымъ и пошлымъ. Вонъ тѣ горы, которыя манятъ къ себѣ своей туманной синевой, не окажутся ли вблизи совсѣмъ иными? Я научилась ничему не довѣрять...

— Нѣтъ, Нина,—мягко возражалъ ей Щербанскій,— природа никогда не обманетъ. Она не выдаетъ грубое за прекрасное. Вотъ на дняхъ ты увидишь горы вблизи и убѣдишься, что онѣ тамъ еще лучше...

Дней черезъ пять они переѣхали въ сѣверовосточный уголъ Женевскаго озера и поселились на самомъ берегу его, въ двухъ шагахъ отъ Шильонскаго замка. Какъ разъ противъ балкона ихъ виллы, по ту сторону озера, возвышалась снѣжная верхушка Dent de Midi и видна была зеленая долина Роны. Съ другой стороны висѣлъ надъ ними цвѣтущій Гліонъ съ ведущей къ нему снизу чуть не отвѣсной линіей рельсовъ, по которой тихо ползутъ вверхъ и внизъ вагоны funiculaire.

Время наполнялось поѣздками въ долину и дальше, осмотромъ окружныхъ замковъ и гротовъ; къ вечеру уставали, такъ что оставалось только ложиться спать и некогда было углубляться въ размышленія и воспоминанія.

Щербанскій съѣздилъ въ Женеву, разсчитывая получить тамъ грозное посланіе отъ Ребелли, но, къ своему удивленію, ничего не получилъ. „Неужели онъ примирился?“ подумалъ онъ, но тутъ же самъ не повѣрилъ этому. Онъ зналъ, что Камиллъ легко перенесъ бы потерю Нины, если бы это не было связано съ тысячью побочныхъ неудобствъ. Онъ очень хорошо представлялъ себѣ жизнь маленькаго города, какимъ былъ T***, гдѣ все на виду, жизнь каждаго интересуетъ всѣхъ, каждый зависитъ отъ всѣхъ и всѣ другъ друга остерегаются и подстерегаютъ. Въ такихъ городахъ семейная исторія является событіемъ и даетъ пищу толкамъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Ребелли, занимающіе въ T*** видное положеніе, конечно, не могутъ отнестись къ этому спокойно.

И его даже обезпокоило неполученіе грознаго письма. Онъ уже склоненъ былъ предположить, что Камиллъ предпочелъ добиваться своихъ правъ оффиціальнымъ путемъ. Вѣдь права его велики и несомнѣнны. Нину онъ не можетъ заставить вернуться, но онъ будетъ требовать дѣтей. Если даже предположить, что это ему не удастся, все же Нинѣ придется перенести много мучительнаго безпокойства.

Но вернувшись домой, Валерій Аполлоновичъ нашелъ письмо отъ Мити; Митя прислалъ письмо къ нему Камилла и свой отвѣтъ. Тонъ письма Ребелли былъ далеко не воинственный; напротивъ, онъ, повидимому, собирался дѣйствовать на сердце. Нечего и говорить, что Валерій Аполлоновичъ ни слова не сказалъ Нинѣ объ этомъ эпизодѣ. Вслѣдъ за этимъ была получена телеграмма отъ Мити о возстановленіи комерческихъ отношеній. Валерій Аполлоновичъ сразу согласился, что Митя правъ. Свое распоряженіе онъ сдѣлалъ подъ вліяніемъ непосредственнаго чувства негодованія. Очень мало занимаясь дѣлами, онъ даже не представлялъ себѣ, въ какой зависимости отъ него находится фирма Ребелли.

Въ слѣдующую поѣздку въ Женеву онъ, наконецъ, получилъ письмо отъ Камилла. Тутъ была только одна просьба передать Нинѣ письмо, которое при этомъ прилагалось. Письмо было въ запечатанномъ конвертѣ и Щербанскій, заранѣе рѣшившій ни въ какомъ случаѣ не отдавать его Нинѣ, два дня носилъ его въ карманѣ нераспечатаннымъ. Въ сущности онъ сознавалъ, что при данныхъ обстоятельствахъ онъ имѣлъ право прочитать это письмо. Онъ даже долженъ былъ сдѣлать это, такъ какъ надо же кому-нибудь слѣдить за движеніемъ дѣла. Но щепетильность мѣшала ему рѣшиться на это. Ему казалось, что онъ будетъ тогда виноватъ не передъ Ребелли, а передъ Ниной, такъ какъ письмо адресовано ей и ей только одной принадлежитъ право распечатать его. Онъ долго боролся и даже посовѣтовался съ Лизой. Лизавета Петровна, конечно, ни минуты не колебалась.

— Вы должны прочитать письмо!—горячо промолвила она. — Надо же знать, что онъ думаетъ и что собирается предпринять. Иначе мы не можемъ быть готовы, а слѣдуетъ ждать всего.

— Но это не основаніе!—возразилъ Щербанскій, — я всегда считалъ, что право распечатать письмо, адресованное мнѣ, есть мое священное право!..

— Но неужели вы думаете, что Нина можетъ что-нибудь имѣть противъ того, что вы воспользуетесь ея правомъ? Черезъ годъ она скажетъ вамъ спасибо!..

Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, онъ, наконецъ, рѣшился и распечаталъ письмо. Камиллъ писалъ:

„Дорогая Нина! Прежде всего говорю тебѣ по чистой совѣсти: ты была права, поступивъ такъ, какъ поступила. Ты была права въ тотъ моментъ, когда, узнавъ о моемъ поступкѣ, не нашла ничего другого, какъ сейчасъ же уѣхать. Мой поступокъ былъ для тебя оскорбленіемъ и ты должна была возненавидѣть меня. Но я говорю: въ тотъ моментъ, когда узнала, потому что ты тогда не могла разсуждать, а потомъ ты уже была не права, потому что

должна была потребовать отъ меня объясненія. И я объяснилъ бы тебѣ вотъ что.

„То, что я сдѣлалъ, тебѣ кажется чудовищнымъ, потому что ты воспиталась въ другой средѣ и при другихъ понятіяхъ. Но я воспитался въ той средѣ, въ которой это считается въ порядкѣ вещей, никого не удивляетъ и, мало того, это почти необходимый признакъ принадлежности къ хорошему обществу. Еслибъ ты поближе присмотрѣлась къ жизни нашего круга въ Т***, то узнала бы, что у всѣхъ почти людей моего состоянія и моего возраста есть, кромѣ ихъ семействъ, другія женщины. Можно ли думать, что они всѣ любятъ этихъ женщинъ и не любятъ своихъ женъ? Нѣтъ. Эти женщины для нихъ забава и они ихъ мѣняютъ, какъ дѣти мѣняютъ игры. Подумай, Нина, откуда я могъ набраться другихъ понятій, когда всѣ, среди кого я росъ, думали такъ? Теперь, когда надо мной стряслась бѣда, я словно переродился и вижу, что такъ думать и жить пошло и низко, и сознаю всю глубину моего паденія и силу оскорбленія, которое нанесъ тебѣ. Если бы ты, вмѣсто того, чтобъ тихонько отъ меня убѣгать, посвящая въ нашу интимную жизнь Валерія Аполлоновича и твоего брата, обратилась ко мнѣ за разъясненіемъ, то я тогда же сказалъ бы тебѣ то же самое. И тогда мы избѣжали бы скандала, который, какъ ты знаешь, только намъ доставляетъ горе, а всѣмъ другимъ великое удовольствіе.

„Итакъ, Нина, ты видишь, что я сознался свою вину. Если я, вмѣсто того, чтобъ защищаться и во что бы то ни стало стараться выставить себя правымъ, прямо говорю тебѣ: я сознаю свою вину, то уже это показываетъ, что я искренно раскаиваюсь. Можетъ быть, тебѣ это будетъ непонятно, но клянусь, что, несмотря на мой поступокъ, я люблю тебя и ты единственный человѣкъ, котораго я люблю. Ты, конечно, не знаешь, что эти женщины вовсе не требуютъ отъ насъ любви и любить ихъ мы считаемъ смѣшнымъ. Мы беремъ ихъ, хотя онѣ намъ не нужны, мы беремъ ихъ потому, что это считается красивымъ и, если хочешь знать, считается даже признакомъ хорошаго положенія дѣлъ. Вѣдь носятъ же всѣ приличные люди въ рукахъ палки, хотя въ нихъ нѣтъ никакой надобности, да и опираться на нихъ нельзя. Но это придаетъ извѣстную полноту туалету, извѣстный шикъ. Точно такъ ты должна понимать и мой поступокъ. Я никогда не сомнѣвался въ томъ, что люблю тебя, но въ тотъ моментъ, когда узналъ о настоящей причинѣ твоего отъѣзда, я почувствовалъ это съ страшной силой. Вина моя передъ тобой велика, но нѣтъ такой великой вины, за которую можно человѣка, считавшаго себя счастливымъ, вдругъ лишить всего—жены и дѣтей, семейнаго очага, однимъ словомъ—сдѣлать его совсѣмъ одинокимъ.

„Будь же справедлива, Нина! Послѣ того, какъ я сознался свою вину и раскаялся, справедливость состоитъ въ томъ, чтобъ ты вернулась ко мнѣ съ дѣтьми. Можешь ли ты сомнѣваться въ томъ, что послѣ всего случившагося, я уже не позволю себѣ ничего похожаго на то, что было? Въ ту же минуту, какъ я узналъ о твоемъ жестокомъ рѣшеніи, я вычеркнулъ изъ своей жизни ту позорную страницу, которая была причиной моего несчастья и вычеркнулъ навсегда. Вернись же, Нина, пока не поздно. До сихъ поръ никто, рѣшительно никто не знаетъ о дѣйствительномъ значеніи твоего отъѣзда. Всѣ думаютъ, что поѣхала прокатиться, но чего мнѣ стоитъ поддерживать этотъ взглядъ! Даже отецъ мой не знаетъ истины. Подумай, что твое упорство можетъ пошатнуть наши дѣла и разорить насъ, а вѣдь нашъ капиталъ есть капиталъ нашихъ дѣтей. Подумай обо всемъ этомъ, Нина, и вернись домой, слышишь: *домой*, потому что какъ бы тебя тамъ ни любили, какъ бы ни заботились о тебѣ, все таки *дома* ты здѣсь и только здѣсь. Здѣсь ты хозяйка и госпожа, а тамъ—ты гостья, хотя бы и дорогая, а все же гостья. Безконечно любящій тебя и глубоко несчастный Камиллъ“.

Письмо это поставило Щербанскаго въ большое затрудненіе. Въ принципѣ у него было рѣшено не допускать къ Нинѣ никакихъ извѣстій изъ Т***. Но искренній и, повидимому, прямодушный тонъ письма поколебалъ его. Имѣетъ ли онъ право такъ категорически рѣшать вопросъ о счастьи Нины? Вѣдь все таки, если предположить, что Камиллъ искренно сознался свою низость и въ самомъ дѣлѣ рѣшилъ повести другую жизнь, если допустить, что, несмотря ни на что, онъ ее любитъ, то для Нины нельзя отыскать болѣе прочнаго и положительнаго счастья, какъ жизнь съ нимъ, *дома*, въ своей семьѣ. То, что пишетъ Камиллъ, возможно. Это глубокая пошлость, но это бываетъ. Нерѣдко люди пустые, питая искреннюю привязанность къ женщинѣ, изъ-за тщеславія измѣняютъ ей. Онъ встрѣчалъ женъ, которыя примирялись съ этимъ. Нина, ко-

нечно, примириться съ этимъ не можетъ, но если это останется въ прошломъ, то, быть можетъ, она найдетъ въ себѣ силы простить.

Онъ самъ не могъ рѣшить этого вопроса и обратился къ Лизаветѣ Петровнѣ. Онъ дѣлалъ это здѣсь, въ Швейцаріи, во всѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось Нины.

— Вотъ письмо, прочитайте его и скажите: какъ по вашему? чувствуется въ немъ искренность?

Лизавета Петровна прочитала. — Да, сказала она,—оно очень трогательно—это письмо, и хорошо написано. Одно только: какъ только онъ дошелъ до мѣста, гдѣ надо сказать прямо о его отношеніяхъ къ той женщинѣ, какъ перемѣнился его языкъ. Вмѣсто того, чтобъ просто заявить: я навсегда прекратилъ всякую связь съ этой женщиной, онъ говоритъ объ этомъ какъ то непросто: я вычеркнулъ изъ своей жизни позорную страницу... Ахъ, когда человѣкъ, да еще находясь въ горѣ, ищетъ какихъ то особенныхъ словъ, значитъ, онъ не твердъ въ своемъ дѣлѣ... Не порвалъ онъ съ нею, я это чувствую...

— Такъ что письмо, по вашему, слѣдуетъ сжечь?

— Нѣтъ. Я бы отослала его Митѣ. Пускай-ка онъ съѣздитъ на денекъ въ Т*** и насчетъ этого разузнаетъ. Если Камиллъ это совралъ, то ужъ ничему отъ него вѣрить нельзя. А если это правда, если въ самомъ дѣлѣ онъ порвалъ всякую связь съ этой женщиной, то значитъ онъ искренен и мы тогда обязаны отдать Нинѣ письмо. Почемъ знать, Валерій Аполлоновичъ, можетъ быть она еще будетъ съ нимъ счастлива?!

Лизавета Петровна была горячей сторонницей примиренія Нины съ мужемъ. Она не могла себѣ представить, чтобъ Нина могла быть счастлива внѣ семейной жизни, которая для нея, старой дѣвицы, была недосягаемымъ идеаломъ. Но она не была слѣпа и очень хорошо понимала, что это примиреніе возможно только при безусловно вѣрныхъ гарантіяхъ. Камилла она не одобряла. Насколько прежде онъ ей нравился и она старалась помѣшать Митѣ въ его, какъ она думала, „интригѣ“ противъ Камилла, настолько теперь онъ сталъ ей ненавистенъ. Человѣкъ, который могъ такъ пошло измѣнить Нинѣ, не могъ пользоваться ея симпатіей. Но она понимала, что жена не въ состояніи смотрѣть ея глазами и что для нея счастье состоитъ въ этомъ человѣкѣ и потому, обсуждая положеніе, всякій разъ откладывала въ сторону свои личныя антипатіи. Вѣдь она давно не жила своими личными чувствами. Вся ея жизнь, всѣ ея чувства были органической частью жизни и чувствъ Валерія Аполлоновича, Нины и даже Мити, которому она въ послѣднее время стала прощать его проницательность.

Валерій Аполлоновичъ отослалъ письмо Митѣ, а дней черезъ десять получилъ отъ него отвѣтъ.

Митя писалъ: „Удивляюсь, какъ вы хоть на одну минуту могли повѣрить въ искренность этого письма. Я прочиталъ его и тотчасъ же сказалъ: все ложь отъ начала до конца. Я видѣлъ его здѣсь, когда онъ пріѣзжалъ хлопотать о возстановленіи коммерческихъ отношеній. Если онъ и скорбѣлъ, то единственно объ этихъ отношеніяхъ. Всѣ его мысли были объ этомъ; онъ торопилъ меня съ телеграммой, забѣгалъ узнавать, нѣтъ ли отвѣта, и при этомъ его цвѣтущая внѣшность даже какъ будто выиграла. Вы недоумѣваете, зачѣмъ ему лицемѣрить въ такомъ случаѣ? О, какъ зачѣмъ? Нина ему необходима, въ этомъ я не сомнѣваюсь. Эти господа любятъ, чтобъ у нихъ былъ такъ называемый „домашній очагъ“, чтобъ въ этомъ очагѣ тлѣлъ огонекъ; они предпочитаютъ согрѣваться въ кабакахъ и въ непристойныхъ домахъ, но иногда имъ это надоѣдаетъ и тогда они любятъ завернуть на минутку къ „домашнему очагу“. Есть люди, обѣдающіе постоянно въ ресторанахъ, но у нихъ иногда является страстное желаніе съѣсть домашній обѣдъ и Богъ знаетъ, чего они не дали бы въ эти минуты за тарелку простого супа, свареннаго простой кухаркой. Кромѣ того этотъ господинъ принадлежитъ къ людямъ, которые не могутъ не лицемѣрить. Онъ вѣдь латинской крови, а въ этой крови лежатъ зародыши лицемѣрія. Но все это мои соображенія. Я, разумѣется, ими не ограничился, а поѣхалъ въ Т*** и провелъ тамъ двѣнадцать часовъ. Я воспользовался для этого воскресеньемъ (такъ какъ мы уже ходимъ въ гимназію). Я зашелъ повидаться съ дворникомъ той дачи, на которой жили Бузковы и уже отъ него узналъ, что Камиллъ Ребелли три раза на день катитъ мимо дачи по пути къ „новой дорогѣ“, гдѣ живетъ его Агата. Но желая быть точнымъ и основательнымъ, я ждалъ, пока увижу его самъ. Я сталъ усердно прогуливаться по морскому побережью. Мнѣ пришлось гулять часа три, и я изрядно утомилъ свои ноги, чтобъ узнать то, въ чемъ не сомнѣвался. Въ

четыре часа показался знакомый мнѣ экипажъ моего зятя. Они ѣхали вдвоемъ. Я остановился неподалеку отъ дороги и, когда экипажъ поровнялся со мной, я посмотрѣлъ въ лицо господину Ребелли, въ упоръ, и приподнялъ шапку. Бѣдный Камиллъ до того смутился, что не зналъ, куда дѣваться и какъ быть. Онъ торопливо снялъ шляпу и отвѣтилъ мнѣ почти съ видомъ какого-то униженія. Несомнѣнно, я ему доставилъ одну изъ самыхъ мучительныхъ минутъ. Я убѣдился, что Агата—красивая женщина.

„Возвращаю вамъ письмо Ребелли и совѣтую отослать его въ Т*** безъ всякихъ приписокъ. Онъ и такъ пойметъ все".

— Но я все таки не думалъ, что онъ такой негодяй!— въ бѣшенствѣ воскликнулъ Щербанскій.

Лизавета Петровна, само собою разумѣется, принялась плакать. Возвращеніе Нины къ семейному счастью, единственный видъ счастья, какой Лиза допускала для женщины, становилось отдаленнымъ и гадательнымъ.

Валерій Аполлоновичъ отослалъ Камиллу обратно его письмо.

XLIV.

Мѣсяцъ, проведенный въ Территé, послѣ того какъ Валерій Аполлоновичъ подвелъ ему нравственный итогъ, оказался для него очень тяжелымъ. Старикъ былъ въ какомъ-то непрерывно-напряженномъ состояніи. Онъ какъ бы весь отдался заботѣ о томъ, чтобы по возможности облегчить для Нины слишкомъ крутую перемѣну въ обстановкѣ. Онъ придумывалъ для нея развлеченія, всюду не только сопровождалъ, но возилъ ее, иногда почти насильно. Кромѣ того у него была постоянная забота о томъ, чтобы Нину не встревожило какое-нибудь неосторожно сказанное слово, или, что было возможно, какая-нибудь случайная встрѣча. Вѣдь русскіе всюду заграницей толкутся, почему здѣсь не оказаться какому-нибудь обывателю Т.***?

Но больше всего хлопотъ доставляли ему дѣти. Они не то чтобы скучали по отцу, этого онъ не замѣтилъ, да и едва ли это было, такъ какъ и дома они видѣлись и проводили время съ Камилломъ не часто; но просто по привычкѣ они часто спрашивали, почему папа не съ ними и скоро ли они поѣдутъ домой. Всякій разъ, когда кто-нибудь изъ дѣтей задавалъ такой вопросъ, Нина блѣднѣла и опускала глаза и это разстраивало ее на цѣлый день. И устранить это не было никакой возможности.

Вообще Валерій Аполлоновичъ замѣчалъ, что его усилія какъ будто не приводятъ къ желанному результату. Нина, тотчасъ по пріѣздѣ въ Швейцарію, очень оживилась и была такъ спокойна и весела, что напоминала прежнюю Нину-институтку. Щербанскій уже сталъ думать, что ея рана заживаетъ и скоро заживетъ совсѣмъ. Но это скоро перемѣнилось. Оживленіе покинуло ее, она стала предпочитать одиночество, какъ то неохотно соглашалась на предложеніе Щербанскаго съѣздить куда-нибудь въ окрестности, а когда ей показывали какую-нибудь достопримѣчательность,—она смотрѣла такъ, какъ будто ничего не видѣла. Ему даже стало казаться, что его присутствіе непріятно Нинѣ, что оно раздражаетъ ее и она относится къ нему враждебно.

„Какъ жаль,—думалъ онъ,—что Митя не можетъ сюда пріѣхать! Онъ сильнѣе меня и, конечно, сумѣлъ бы повліять на нее лучше".

Но Митю онъ, разумѣется, не звалъ, не желая отрывать его отъ ученья.

Каждый день, когда Валерій Аполлоновичъ ложился спать, онъ чувствовалъ себя въ концѣ разбитымъ. Его старческому организму, который въ послѣднія недѣли сталъ необыкновенно быстро разрушаться, это было не подъ силу. Онъ ложился въ постель изнеможенный, съ разстроенными нервами, съ безсонницей. Безпокойныя мысли, наполнявшія его голову, гнали прочь отъ него сонъ.

Онъ думалъ о томъ, что жизнь прожита и пришла къ концу. Жизнь прожита и счастья у него не было. Молодость ушла на неудачную мучительную привязанность къ женщинѣ, которая до конца жизни казалась для него идеаломъ. Это была пылкая, почти безумная любовь. Но женщина выбрала другого и этотъ другой былъ его давній другъ. Онъ собралъ всѣ силы своего характера, сдѣлалъ страшное насиліе надъ своимъ сердцемъ, чтобъ превратить страстное чувство къ женщинѣ въ чистую дружескую привязанность и это ему удалось. Потомъ лучшіе годы ушли на борьбу съ ея мужемъ ради нея. Онъ видѣлъ ея муки и не могъ облегчить ихъ; онъ видѣлъ, какъ ее оскорбляли и позволялъ себя оскорблять ради нея. Но это не помогло. Однажды онъ долженъ былъ разомъ потерять и ее, и прежняго друга. Онъ отстранился. Но у

него на рукахъ осталась Нина, которой онъ и посвятилъ свою жизнь. Тамъ, гдѣ прежде были всѣ его привязанности, драма шла дальше своимъ естественнымъ путемъ и пришла къ печальному концу. Ихъ обоихъ не стало. Онъ убилъ ее своимъ ужаснымъ характеромъ и самъ умеръ оттого, что убилъ ее. Потомъ вдругъ неожиданно—явился на сцену Митя, этотъ удивительный мальчикъ, словно уже родившійся на свѣтъ взрослымъ и понимающимъ смыслъ жизни. Это—его новая привязанность, потому что Митя сразу приковалъ его къ себѣ. Но странно: въ то время, какъ къ Нинѣ онъ питаетъ отеческую любовь, къ Митѣ—уваженіе. Мальчикъ сразу внушилъ ему это чувство—своимъ самостоятельнымъ характеромъ, своимъ оригинальнымъ умомъ. Онъ занялся ими обоими. У него въ жизни не было другихъ заботъ. Дѣла его давно наладились и шли сами собой. Но что онъ сдѣлалъ для нихъ хорошаго? Помогъ ли онъ имъ быть счастливыми? Кто изъ нихъ счастливъ? Нина? Объ этомъ не можетъ быть рѣчи... Она сдѣлала нелѣпый выборъ, наиболѣе нелѣпый, какой только могла сдѣлать. Онъ видѣлъ это еще тогда, но у него не хватило ни характера, ни авторитета внушить ей это и остановить ее. Митя, съ своей странной способностью понимать жизнь, опередилъ его, предсказавъ почти съ точностью развязку. Но если Нина не была способна сдѣлать лучшій выборъ, то кто же виноватъ въ этомъ, какъ не онъ,—единственный человѣкъ, имѣвшій вліяніе на ея дѣтство, и во власти котораго было внушить ей тѣ или другіе взгляды на жизнь и людей. Онъ оправдывалъ тогда свою слабость тѣмъ, что если Нина будетъ заблуждаться, то, значитъ, будетъ счастлива; и это, конечно, было бы такъ. Но оказалось, что нельзя вѣчно заблуждаться и Нина страдала давно, только самолюбіе мѣшало ей показать свои муки. Будетъ ли счастливъ Митя? Никогда! Потому что этотъ юноша не умѣетъ заблуждаться. Онъ слишкомъ ясно все видитъ, а это все, что нужно для несчастья. Положимъ, Митя пришелъ къ нему уже такимъ, а онъ, Валерій Аполлоновичъ, ничего не сдѣлалъ, чтобъ дать другое направленіе его міросозерцанію. Итакъ, жизнь пришла къ концу, и оказывается, что она прожита безъ пользы. Это сознаніе еще больше отягчало старика. Онъ какъ то гнулся точно подъ давленіемъ непосильной тяжести, и съ каждымъ днемъ сильнѣе падалъ духомъ. У него явилось ясное ощущеніе конца. Смерть представлялась ему близкой и ему казалось, что это вопросъ нѣсколькихъ недѣль или даже дней.

Подъ вліяніемъ такого настроенія, онъ написалъ Митѣ письмо, которое какъ бы было его завѣщаніемъ. Онъ писалъ:

„Милый другъ мой, Митя! Ты, такъ глубоко понимающій жизнь и умѣющій предузнавать грядущія событія, не удивишься, если я скажу тебѣ, что ощущаю приближеніе конца моего. Я слишкомъ мало совершилъ дѣльнаго и полезнаго, но и то малое, что я совершилъ, оказывается мнѣ непосильнымъ. Мнѣ уже ничего не остается, потому что нравственныя силы, да и физическія тоже, покидаютъ меня. Я скоро умру и долженъ съ тобой поговорить. Послѣ моей смерти будетъ поступлено согласно моему духовному завѣщанію, которое я уже совершилъ. Въ немъ, говорю тебѣ его напередъ, ты единственный наслѣдникъ съ тѣмъ, чтобы ты по братски дѣлился съ сестрой. Я это сдѣлалъ потому, что не сомнѣваюсь въ твоей честности, отписать же что-нибудь на ея имя значило бы впутать въ наслѣдованіе господъ Ребелли, чего не должно быть. Не буду говорить тебѣ о томъ, какъ ты долженъ употребить это наслѣдство. Оно довольно велико и ты, по закону, вступишь въ полное владѣніе имъ лишь черезъ два года съ лишнимъ. Употреби его по твоему вкусу. Я хочу только одного: чтобъ ты и сестра твоя, при помощи этого богатства, получили какъ можно больше наслажденія отъ жизни; я сказалъ бы: счастья, но я солгу, если скажу, что вѣрю въ возможность его. Да, Митя,—хотя бы наслажденія: прочнаго или нѣтъ, разумнаго или безразсуднаго, все равно, всякое наслажденіе есть уже плюсъ. Я прожилъ жизнь безъ наслажденія и это, говорю тебѣ отъ чистаго сердца, очень скучно, мой милый. Ты юноша съ большимъ, проницательнымъ умомъ, и потому не сдѣлаешь слишкомъ крупныхъ ошибокъ. Вѣдь ошибка только та, что приноситъ страданіе—тебѣ же самому, или ближнему. Пусть твои поступки будутъ не походить на поступки другихъ, пусть они идутъ въ разрѣзъ съ воззрѣніями всего міра, пусть они не логичны, не послѣдовательны, даже безумны, но если это приноситъ счастье тебѣ или ближнему,—они не ошибка.

О сестрѣ твоей. Она—моя мучительная забота. Я утомился въ борьбѣ съ ея мрачнымъ настроеніемъ, ничего не достигъ, и мои руки опускаются. Ахъ, я слишкомъ слабъ для этого. И боюсь, не сдѣ-

лали ли мы насилія надъ ея душой, поддержавъ ея рѣшеніе,—рѣшеніе первой минуты. Ей слишкомъ нужна семья въ полномъ видѣ и она чувствуетъ себя среди насъ одинокой. Если бъ ты былъ здѣсь, другое дѣло. Ты на нее вліяешь, ты ободрилъ бы ее, а мы съ Лизаветой Петровной оба слишкомъ слабы для этого. Но смотри, береги ее, у нея нѣжная душа. Это хрупкое созданіе требуетъ осторожнаго обращенія. Ты будешь у нея одинъ, не забывай этого. И потомъ вотъ что, мой другъ: если бы когда-нибудь возникъ вопросъ о выборѣ для нея новаго счастья, не будь слишкомъ строгъ и не измѣряй ея требованія по своему масштабу: Нина—простая душа, ей нужно гораздо меньше, чѣмъ тебѣ. Это тоже помни.

Лизаветѣ Петровнѣ я ничего въ завѣщаніи не назначаю. Это излишне, потому что ты самъ объ ней позаботишься.

Такъ какъ по закону ты вступишь въ безконтрольное пользованіе имуществомъ только по достиженіи совершенныхъ лѣтъ, я же хорошо знаю, что по своему умственному уровню ты стоишь и теперь выше любого взрослаго, то я оставлю тебѣ наличными деньгами нѣкоторую крупную сумму, которую ты получишь прямо въ твои руки и распорядишься ею до совершеннолѣтія. Опекуномъ же твоимъ я назначаю управляющаго конторой Ивана Петровича, человѣка вѣрнаго, честнаго и преданнаго намъ.

Не забудь наградить всѣхъ, кто служилъ при нашихъ торговыхъ дѣлахъ, имѣя при этомъ въ виду, что все наше благосостояніе образовалось, благодаря трудамъ этихъ людей. А затѣмъ, мой другъ, послѣднее. Ты хорошо поступишь, если приложишь всѣ старанія, чтобъ разыскать твою тетушку, Марью Андреевну, примириться съ нею и облегчить ея послѣдніе годы. Ей, должно быть, тяжело жить. Отъ меня она не взяла бы помощи изъ гордости, а отъ тебя, можетъ быть, возьметъ.

Прощай, мой другъ! У меня есть необъяснимое чувство, что я тебя больше не увижу. Поклонись твоему Бузкову и попроси его отъ меня пользоваться свободно нашими средствами. Скажи, что это послѣднее желаніе человѣка, который искренно былъ къ нему привязанъ. Обнимаю тебя. Твой Валерій Щербанскій".

Но письмо это пролежало у него въ карманѣ недѣли двѣ. Ему все казалось, что посылка его будетъ преждевременна. Но вотъ однажды, послѣ утомительнаго дня, когда онъ, стараясь разогнать тучу, съ утра омрачавшую лицо Нины, девять часовъ кряду таскался съ нею по ущельямъ и гротамъ, но не достигъ цѣли, потому что Нина была все время молчалива и вернулась домой такой же мрачной, какъ была утромъ,—онъ къ вечеру почувствовалъ такую слабость, такой полный упадокъ духа, что ему казалось: онъ умретъ въ эту ночь. Въ этотъ вечеръ онъ отослалъ письмо Митѣ и одновременно съ этимъ сдѣлалъ распоряженіе Ивану Петровичу вручить Митѣ крупную сумму, о которой онъ писалъ.

Митя и Бузковъ ходили въ гимназію, но ни тотъ, ни другой не обнаруживали прежняго старанія. Митя, стоявшій долгое время въ числѣ первыхъ учениковъ, часто отказывался отвѣчать урокъ, заявляя, что не приготовилъ его. Но прежняя репутація еще подлерживала его на нѣкоторой высотѣ. Бузковъ же и прежде ограничивавшійся минимумомъ, теперь сразу сталъ себя вести, какъ безнадежный. Учителя говорили ему: Если вы, Бузковъ, такъ намѣрены заниматься весь годъ, то вамъ лучше теперь же оставить гимназію и не тратить даромъ времени. Аттестата зрѣлости вамъ все равно не получить.

На это Бузковъ отвѣчалъ, только не учителямъ, а Митѣ:

— Не хочу я этого аттестата, потому что все равно помру раньше, чѣмъ онъ дастъ мнѣ какое-нибудь право. И вѣдь это въ сущности нужно не мнѣ, а моимъ родителямъ... Нельзя ли какъ нибудь откупиться отъ нихъ, какъ ты думаешь?

Митя видѣлъ, что его другу въ самомъ дѣлѣ надрываться надъ учебниками излишне. Онъ видимо шелъ на убыль. Объ этомъ можно было судить не только по его внѣшнему виду, но и потому еще, что онъ неимовѣрно увеличилъ порцію куренія. Это всегда у него было дурнымъ признакомъ. Чѣмъ плоше было его здоровье, чѣмъ вреднѣе былъ ему табакъ, тѣмъ больше онъ дымилъ. Теперь онъ выпускалъ изо рта папиросу только когда сидѣлъ на урокахъ въ гимназіи и это было для него мучительно.

Митя предложилъ:—Ты напиши родителямъ, что получилъ выгодное мѣсто, что боялся прозѣвать его и для доказательства посылай имъ каждый мѣсяцъ рублей двѣсти. Вѣдь деньги же есть...

— Щербанскаго? Покорно благодарю.

Митя замолкъ. Убѣждать его было безполезно. Бузковъ могъ надувать себя, добросовѣстно прочитывая каждый день въ кабинетѣ Щербанскаго по нѣсколько

страницъ изъ „Мессинской невѣсты“, чтобъ оправдать полученіе пятидесяти рублей въ мѣсяцъ, но взять деньги изъ кассы Щербанскаго просто *такъ*, онъ ни за что не соглашался.

Когда же Митя получилъ это письмо и въ то же время Иванъ Петровичъ исполнилъ порученіе,—онъ завелъ рѣчь съ Бузковымъ.

— Ну, Семенъ Иванычъ, я думаю, теперь ты уладишь дѣло съ твоими родителями. Вѣдь эти деньги—мои. Притомъ же эта приписка на счетъ тебя, не доказываетъ ли она, что твоя щепетильность была неосновательна?

Бузковъ затянулся табачнымъ дымомъ и задумался.

— Видишь ли, мой другъ, ты психологъ и знаешь, гдѣ у меня больное мѣсто... Это дурно съ твоей стороны!—сказалъ онъ, уже видимо сдаваясь.—Ты знаешь, что для меня нѣтъ ничего мучительнѣе этой гимназіи. Когда я сижу на урокѣ, я думаю: мнѣ жить осталось какихъ-нибудь два-три года. Каждый день на счету, каждый часъ дорогъ,—а я трачу ихъ на ненужное для меня и безполезное для кого бы то ни было сидѣніе на урокахъ. Ты это знаешь и ловко ударяешь въ извѣстныя тебѣ струны...

— Итакъ,—съ улыбкой промолвилъ Митя,—пиши-ка письмо родителямъ! Я надѣюсь, что Валерій Аполлоновичъ еще поживетъ, но будемъ считать, что эти деньги мои... И знаешь что, Семенъ Иванычъ,—я сдѣлаю тебѣ компанію.

— Это какъ?

— Я тоже уйду изъ гимназіи. Къ чему мнѣ это? Вѣдь тамъ добываютъ дипломы. А мнѣ онъ ненуженъ... Мы съ тобой поѣдемъ смотрѣть свѣтъ. Вѣдь свѣтъ великъ, а мы ничего не видали, кромѣ этихъ сомнительныхъ Т***, да С***. Идетъ?

Бузковъ съ несвойственною его натурѣ порывистостью обнялъ товарища.

— Ну, тогда идетъ!

Онъ сѣлъ и написалъ письмо. Онъ объяснилъ, что его пригласили учителемъ въ отъѣздъ заграницу и предложили хорошія условія, которыя даютъ ему возможность ежемѣсячно посылать имъ по двѣсти рублей, и тутъ же для доказательства приложилъ эту сумму. Онъ прибавлялъ, что для здоровья его вредно учиться въ гимназіи.

— Напиши, что Надя съ тобой ѣдетъ,—подсказалъ Митя.

— Ты на ней женишься, что ли?—спросилъ Бузковъ.

Митя разсмѣялся.—Ну, вижу, что ты совсѣмъ не понимаешь нашихъ отношеній!.. Въ этомъ нѣтъ никакой надобности...

— Я мало вѣрю въ такія отношенія!—замѣтилъ Бузковъ.

— Мы тебя увѣримъ!..

Бузковъ приписалъ на счетъ Нади.

На другой день они оба подали прошенія объ увольненіи ихъ изъ гимназіи, чѣмъ произвели въ школѣ настоящую сенсацію.

XLV.

День отъѣзда не былъ опредѣленъ. Они не торопились. Бузковъ переселился къ Митѣ и занимался спеціально тѣмъ, что, какъ онъ выражался, „разминалъ кости“. Занятіе это состояло въ томъ, что онъ отказывался вставать утромъ, стараясь по возможности проспать все то время, когда полагалось сидѣть въ гимназіи. Затѣмъ ѣлъ, пилъ, немного гулялъ, послѣ обѣда валялся на диванѣ, дымилъ папиросой, рано ложился спать, и вообще какъ бы старался наверстать то время, которое онъ не доспалъ въ теченіи семи лѣтъ, будучи гимназистомъ. Разумѣется, все это было преувеличено и дѣлалось болѣе или менѣе съ комической миной. Это былъ своего рода фарсъ, которымъ онъ хотѣлъ выразить „протестъ противъ насилія“, когда его заставляли вставать и ложиться противъ желанія.

Митя относился къ дѣлу проще; но тоже отдыхалъ. Мысль объ отъѣздѣ какъ-то не приходила ему въ голову. Письмо Щербанскаго, которое въ первый моментъ произвело на него сильное впечатлѣніе и встревожило его, потомъ стало казаться ему простымъ проявленіемъ старчества.—„Нѣтъ никакой надобности допускать, что предчувствіе можетъ играть какую-нибудь роль въ нашей жизни. Смерть приходитъ безъ предчувствій и когда ее не просятъ. А съ предчувствіемъ люди живутъ десятки лѣтъ. Все это пустое, старческая слабость духа и только“.

Тѣмъ не менѣе поѣздка все таки была ихъ цѣлью. Она побудила ихъ выйти изъ гимназіи и предпринять все то, что они сдѣлали въ послѣднее время и, хотя они о ней и не думали, но она какъ-то сама собой стояла передъ ними и все, что они ни дѣлали теперь, окрашивалось въ прощальный колоритъ. Они ѣздили за городъ, посѣщали ближній лѣсъ, ходили вмѣстѣ въ театръ и все это имѣло видъ какъ бы прощальныхъ визитовъ.

Однажды Бузковъ предложилъ прока-

титься на лодкѣ. У Щербанскаго былъ хорошенькій паровой катеръ, но они рѣшили взять простую лодку, чтобы быть только втроемъ. Это было передъ вечеромъ. Солнце заходило и его косые лучи скользили по поверхности рѣки розоватымъ блескомъ. Первымъ сѣлъ грести Бузковъ, Надя вызвалась управлять рулемъ. Они плыли по теченію тихо и молча, но Митя и Надежда Ивановна молчали просто, Бузковъ же какъ-то сурово и многозначительно. Это было молчаніе, которое много обѣщало. Его длинное лицо было блѣдно, голова слегка наклонена, а глаза смотрѣли исподлобья. Проплывъ съ версту, онъ оставилъ весла и молча пересѣлъ на Митино мѣсто; Митя также молча замѣнилъ его на веслахъ.

Надя очень хорошо чувствовала, что молчаніе брата не обѣщаетъ ничего хорошаго. Какая-то глубокая грусть свѣтилась въ его лицѣ, и она съ минуты на минуту ждала, что онъ заговоритъ и почти знала, о чемъ заговоритъ онъ. Въ послѣднее время онъ слишкомъ часто возвращался къ своей излюбленной темѣ,— смерти. Въ эту недѣлю отдыха онъ какъ будто отдыхалъ и отъ этой темы, ни разу не затронувъ ее, но за то теперь, казалось, онъ собирался и въ этомъ отношеніи наверстать потерянное время.

— Ты, кажется, не вѣришь въ предчувствіе? — промолвилъ Бузковъ своимъ грубоватымъ тономъ, не глядя на Митю, но очевидно обращаясь къ нему.

— До сихъ поръ у меня не было основаній вѣрить въ нихъ,—отвѣтилъ Митя съ усмѣшкой.

— А я вѣрю, — коротко и нѣсколько рѣзко заявилъ Бузковъ.

— Ну, что-жъ, тебѣ и книги въ руки...

— Впрочемъ, я вѣрю только въ свои предчувствія, а до остальныхъ мнѣ нѣтъ дѣла. Напримѣръ, я очень твердо знаю, что вижу эти берега и этотъ городъ въ послѣдній разъ. Ну, городъ, чортъ съ нимъ,—ибо, прибавилъ онъ съ саркастической усмѣшкой, — городъ есть имя существительное, собирательное, означающее собраніе человѣческихъ существъ, а эти послѣднія не внушаютъ мнѣ никакой симпатіи. Существа грязныя и по преимуществу производящія грязь; но рѣки мнѣ жаль.

— На чемъ же основано это предчувствіе?— спросилъ Митя.

— На чемъ?—Бузковъ поднялъ голову,— да очень ясно: на томъ, что я отсюда уѣзжаю и скоро умру.

Онъ сказалъ это совершенно просто, безъ подчеркиванія и безъ прежняго мрачнаго выраженія и точно также продолжалъ:

— И въ сущности говоря, я солгалъ,— мнѣ и города жаль и это удивительно и досадно. Почему мнѣ жаль его? Вѣдь у меня нѣтъ ни одного добраго воспоминанія о немъ. Сколько я помню, онъ всегда былъ для меня тюрьмою: здѣсь меня систематически заставляли дѣлать то, что мнѣ не нравилось. Я долженъ былъ покидать постель какъ разъ въ тѣ часы, когда сонъ наиболѣе сладокъ. Я долженъ былъ выучивать то, что не возбуждало во мнѣ никакого интереса. Я долженъ былъ сидѣть неподвижно въ то время, когда у меня кости болѣли и требовали движенія. Я долженъ былъ дышать спертымъ воздухомъ въ то время, какъ мои слабыя легкія требовали кислорода. Я долженъ былъ почтительно снимать шапку передъ людьми, которыхъ я не уважалъ, однимъ словомъ, я долженъ былъ насиловать себя каждый часъ, каждую минуту выворачивать себя на изнанку. Почемъ знать, быть можетъ, мои легкія были бы крѣпче и у меня не было бы предчувствія о смерти, если бы я прожилъ эти годы на волѣ, гдѣ-нибудь въ лѣсу, на просторѣ полей. Быть можетъ, я не былъ бы такъ уменъ, но зато у меня было бы лишнихъ десять лѣтъ жизни. Насиліе, насиліе не надъ человѣкомъ даже, а надъ ребенкомъ, вотъ основа моихъ воспоминаній объ этомъ городѣ, и мнѣ его жаль, жаль, въ самомъ дѣлѣ жаль. Удивительное дѣло! Оказывается, что можно полюбить зло, также точно, какъ и добро, стоитъ только привыкнуть къ нему. Добро, это есть ничто иное, какъ зло, къ которому мы привыкли. Взять, напримѣръ, эскимосовъ. По всей вѣроятности, они случайно попали на дикій сѣверъ, когда-нибудь въ періодъ великаго переселенія народовъ. И надо думать, что они очень много страдали отъ холода и бѣдности почвы въ первое время и очень ясно сознавали, что это зло, но затѣмъ въ теченіе многихъ лѣтъ привыкли, и прежнее зло стало для нихъ добромъ. Когда они попадаютъ въ лучшія условія, теплый край, то страдаютъ. Вотъ и я, посылая проклятіе городу и сознавая все зло, которое онъ мнѣ сдѣлалъ, я говорю: мнѣ жаль его...

Едва ли Митя внимательно слушалъ то, что говорилъ товарищъ. Надя, молча наблюдавшая обоихъ, и это чувствовала, и понимала, что и состояніе ея друга необычно. Онъ былъ взволнованъ, нервенъ и это настроеніе росло по мѣрѣ того,

какъ солнце спускалось къ западу. Привыкнувъ понимать малѣйшую новую черточку на его лицѣ, она знала, что передъ нимъ проносится его прошлое... И правда, всѣ пятнадцать лѣтъ, прожитые въ С., проходили передъ нимъ въ живыхъ, яркихъ картинахъ. До сихъ поръ онъ никогда еще такъ тщательно не собиралъ своихъ воспоминаній. Сколько страннаго и непослѣдовательнаго было въ его жизни! Первымъ явился образъ тетушки,— первый человѣкъ, котораго онъ увидѣлъ, первое существо, заронившее въ его душу понятіе о добрѣ и злѣ и зародившее тѣ противорѣчія и сомнѣнія, которыми всегда былъ полонъ его умъ. Тетушка! Что за странное существо! Гдѣ она? Что она чувствуетъ къ нему, безконечно ли она добра или безконечно зла? И эта тайна, въ которую облечены первые годы его жизни. Вѣдь въ сущности онъ и до сихъ поръ ничего не знаетъ навѣрно, о Ворошиловскихъ событіяхъ. Отецъ и мать представляются ему въ видѣ какихъ-то гигантскихъ тѣней. Они для него не живыя существа, а какія-то соединенія нравственныхъ качествъ. Потомъ Щербанскій. Если бы не было этой тайны, то Валерій Аполлоновичъ казался бы ему просто безконечно добрымъ человѣкомъ, случайно полюбившимъ его, человѣкомъ несчастнымъ, неудачникомъ, которому нужна была чья-нибудь любовь, и этимъ онъ объяснилъ бы его привязанность къ Нинѣ и къ нему. Но эта тайна, вѣдь она можетъ всему дать другую неожиданную окраску. Онъ закрылъ глаза и ему представилось: гдѣ-то, въ какомъ-то безвоздушномъ пространствѣ, будто Щербанскій и тетушка стоятъ другъ противъ друга и враждуютъ, да, именно враждуютъ. Это какая-то дѣятельная вражда, безконечная, непрерывная. Почему? Въ послѣдніе годы онъ объ этомъ не думалъ, его захватила жизнь и понесла по теченію. Но все-таки тайна остается тайной и ее надо узнать для того, чтобы быть справедливымъ. Встрѣча съ Ниной, эти слезы, нервный припадокъ, жизнь душа въ душу... затѣмъ врывается фигура Ребелли, чуждая, грубая, совсѣмъ изъ другого міра и становится къ нимъ близко, близко. Размолвка съ Ниной, съ Ниной, единственнымъ существомъ, которое онъ любилъ горячо. Это ужасное предсказаніе, которымъ онъ омрачилъ ея душу и, что хуже всего, вѣдь оно сбылось, сбылось проклятое. Поѣздка въ Т., его открытіе, отчаяніе Нины... Тутъ случайная встрѣча съ Надей. Вотъ она сидитъ противъ него, смотритъ на него и читаетъ въ его душѣ. Онъ знаетъ, что она читаетъ все ясно и точно. Эта дѣвушка какой-нибудь мѣсяцъ-два тому назадъ была ему чужой и вдругъ стала его частью. Почему она ему такъ необходима? Вѣдь у нихъ нѣтъ тѣхъ отношеній, которыя называются любовными?.. Дружба съ Бузковымъ. Этотъ юноша, понимающій жизнь, какъ мудрый старикъ, и вмѣстѣ съ этимъ носящій въ своемъ организмѣ зачатки смерти... Вотъ они вмѣстѣ покидаютъ гимназію. Митя покидаетъ потому, что Бузкову надо послѣдніе годы, какъ онъ выражался, „погрузиться въ жизнь и пройти ея сокращенный курсъ“... Письмо Щербанскаго, онъ— наслѣдникъ милліоннаго состоянія, будущій глава торговаго дома, какъ думаетъ Иванъ Петровичъ... Развѣ это не безумная феерія? Развѣ жизнь не есть рядъ безсмысленныхъ, ни на чемъ не основанныхъ, ничѣмъ неоправдываемыхъ скачковъ?

Всѣ эти мысли мелькали въ его головѣ въ то время, когда Бузковъ высказывалъ простымъ, почти игривымъ тономъ свои мрачныя заключенія.

— Я радъ,—сказалъ Митя, когда Бузковъ кончилъ,—что мы ѣдемъ. Въ самомъ дѣлѣ, ты правъ, что можно полюбить какое-нибудь мѣсто просто потому, что привыкъ къ нему. И это не значитъ полюбить, а значитъ сдѣлаться рабомъ его. Твои эскимосы, когда пришли на сѣверъ, навѣрно протестовали, противъ холода, стужи, безплодія почвы. Они тогда были еще личностями и у нихъ были свои требованія, но затѣмъ они незамѣтно приспособлялись т.-е. входили въ сдѣлку съ мѣстными условіями. Мало по малу они стали рабами новаго мѣста. Вѣдь не природа подчинилась имъ, воздухъ не сталъ теплѣе оттого, что имъ было холодно, почва не стала плодороднѣе оттого, что имъ нечего было ѣсть. Они приспособились къ холоду, они научились ѣсть тюленій жиръ, они сдѣлали уступки. Если бы необходимость заставила ихъ переселиться южнѣе, они опять протестовали бы. На новомъ мѣстѣ человѣкъ протестуетъ противъ всего, что не похоже на старое, и это поддерживаетъ въ немъ свободную личность. Надо перемѣнять мѣсто. Люди были свободными до тѣхъ поръ, пока не сдѣлались осѣдлыми. Осѣдлость—начало рабства. Человѣкъ портится, начинаетъ приспособляться къ условіямъ природы. Недаромъ умный начальникъ часто перемѣщаетъ чиновниковъ съ мѣста на мѣсто. На одномъ и томъ же мѣстѣ и у чест-

ныхъ людей много шансовъ сдѣлаться мошенниками...

— Что за странныя у васъ головы,— тихо промолвила Надя,—посмотрите кругомъ, какъ хорошо, вотъ солнце зашло, берегъ темнѣетъ, посмотрите; мѣсяцъ поднялся и мнѣ кажется, что и онъ и вся природа прощаются съ нами.

— Чортъ возьми, это очень красиво: природа прощается съ нами. Право это очень красиво и какъ жаль, что все это ложь,—воскликнулъ Бузковъ.

— Какъ ложь?—спросила Надя.

— Конечно ложь: никто и ничто съ нами не прощается, а все дѣлаетъ свое дѣло.

Митя подняль голову и вдумчиво поглядѣлъ въ темнѣющую даль.

— Можетъ быть и не ложь, мягко сказалъ онъ,—почемъ ты знаешь, что это ложь?

— Знаю, милый, навѣрно знаю,—промолвилъ Бузковъ тономъ сожалѣнія,— ахъ чортъ возьми, а какъ бы это было хорошо, если бы въ самомъ дѣлѣ рѣка сказала намъ: прости! Мѣсяцъ ласково улыбнулся, камышъ прошепталъ: „не забывай“, а берегъ прогудѣлъ бы: „возвращайтесь, друзья мои“. Тутъ что хорошо? То, что если бы они это намъ сказали, то были бы вполнѣ искренны.

Уже было совсѣмъ темно, когда они причалили къ пристани Щербанскаго. Ихъ удивило, что въ такой поздній часъ на пристани были люди и слышался говоръ, кто-то держалъ въ рукахъ фонарь. Ихъ замѣтили и послышался голосъ Ивана Петровича.

— Мы васъ ждемъ, Дмитрій Дмитріевичъ! Я даже посылалъ внизъ по рѣкѣ, да не нашли васъ.

— Зачѣмъ я вамъ?—спросилъ Митя. Въ голосѣ Ивана Петровича было что-то тревожное.

— Да вотъ-съ депеша изъ за-границы.

— Отъ Валерія Аполлоновича?

— Нѣтъ-съ, отъ вашей сестрицы.

— Ну, такъ что же?

— Депеша,—ужъ навѣрно что нибудь не ладно,—промолвилъ Иванъ Петровичъ, въ теченіи своей долговременной коммерческой дѣятельности не потерявшій страха къ телеграммамъ.

Митя вышелъ на берегъ. Ему подали конвертъ, онъ распечаталъ и прочиталъ. „Валерій Аполлоновичъ опасно боленъ. Если можешь, пріѣзжай немедленно, ты необходимъ. Нина“.

— Вотъ видите, недаромъ я безпокоился и не даромъ это письмо— отъ Валерія Аполлоновича. Ужъ онъ предчувствовалъ,— съ какой-то особенной почтительностью проговорилъ Иванъ Петровичъ.

— Я поѣду,—сказалъ Митя.—Но я думаю, что Нина преувеличиваетъ. Валерій Аполлоновичъ еще долго проживетъ.

— Дай то Богъ! А ужъ я за приказаніями—къ вамъ, Дмитрій Дмитріевичъ.

— Голубчикъ Иванъ Петровичъ, что же я вамъ приказывать буду? Вѣдь я ровно ничего не понимаю въ дѣлахъ. Если вы будете слушаться моихъ приказаній, то черезъ два дня всѣ дѣла погибнутъ.

— Нѣтъ-съ, что жъ, надо только вникнуть. Свое дѣло всякому станетъ понятно.

— Если вамъ угодно, то вотъ вамъ приказаніе: дѣлайте, какъ знаете.

Иванъ Петровичъ улыбнулся, почтительно снялъ фуражку и поклонился уже совсѣмъ, какъ подчиненный начальнику.

XLVI.

Уѣхать на другой день было невозможно. Митя, разумѣется, могъ бы достать заграничный паспортъ тотчасъ же и уѣхать одинъ, но онъ не придавалъ большого значенія телеграммѣ и думалъ, что слишкомъ торопиться не къ чему. Поэтому онъ рѣшилъ дождаться Бузковыхъ. Имъ объяснили, что о паспортѣ долженъ просить ихъ отецъ, въ особенности это относилось къ Надѣ. Они послали телеграмму и къ вечеру того же дня пріѣхалъ старикъ Бузковъ. Это былъ высокій, худой старикъ, еще хорошо сохранившійся, бодрый, съ густыми сѣдыми волосами, низко остриженными, въ длинномъ черномъ сюртукѣ, въ форменной фуражкѣ безъ кокарды. Встрѣча его съ дѣтьми не отличалась особенной трогательностью. Онъ обнялъ ихъ и поцѣловалъ формально, какъ родитель, но не обнаружилъ ни особенной ласки, ни глубокого чувства. Митя это видѣлъ и Бузковъ, отведя его въ сторону, объяснилъ.

— Это, братъ, порода такая. Ты думаешь, онъ не достаточно любитъ? Нѣтъ, у него внутри все дрожитъ отъ чувства, но старинная выдержка заставляетъ его быть сдержаннымъ. Отчасти онъ конфузится чувства. Есть такіе люди, вотъ и я тоже. Мнѣ тысячу разъ хотѣлось объясниться тебѣ въ любви, но я никогда этого не сдѣлалъ.

Митя крѣпко пожалъ его руку, потому что это вѣдь было въ сущности ничто иное, какъ объясненіе въ любви.

Впрочемъ старикъ немного поплакалъ, когда остался наединѣ съ Надей. Передъ

Надей онъ почему-то не стыдился чувства.

— Ѣдете,—говорилъ онъ, вытирая слезы цвѣтнымъ платкомъ,—а куда, и зачѣмъ, и вернетесь ли, Богъ знаетъ.

И вообще первые часы онъ казался крайне огорченнымъ и подавленнымъ, но при этомъ онъ дѣятельно хлопоталъ о паспортахъ. Митѣ пришло въ голову утѣшить его, но такъ, чтобы не зналъ нетолько Бузковъ, но и Надя. Онъ улучилъ минуту и сказалъ ему.

— Видите ли, вашъ Сеня не такъ то здоровъ и ему тамъ будетъ лучше. При томъ же, онъ въ короткое время заработаетъ большія деньги. Я только боюсь, какъ бы онъ не истратилъ ихъ зря. Вѣдь онъ не умѣетъ обращаться съ деньгами (при этомъ онъ старался имѣть видъ человѣка практическаго и какъ нельзя лучше умѣющаго обращаться съ деньгами). Я даже думаю, не поступить ли намъ такъ. За годъ онъ заработаетъ больше трехъ тысячъ; что, если бы я передалъ вамъ теперь же эту сумму? Вы распорядились бы ею разумнѣе, чѣмъ онъ.

Старикъ немного опѣшилъ:—но какъ же? Вѣдь онъ еще не заработалъ.

— Все равно заработаетъ и вѣдь они у него пропадутъ, а у васъ принесутъ пользу. Вѣдь онъ ни въ чемъ не будетъ нуждаться, точно также, какъ и ваша дочь. Это—условіе.

Быть можетъ, старикъ долго колебался бы, если бы Митя не пустилъ въ ходъ средство Щербанскаго. Говоря свое предисловіе, онъ уже вложилъ старику въ руки чекъ и тому оставалось только спрятать его въ карманъ.

Было замѣчено, что послѣ этого эпизода грусть стараго Бузкова значительно смягчилась и онъ уже не такъ мрачно смотрѣлъ на отъѣздъ дѣтей. „Богъ знаетъ, что за таинственная сила заключается въ деньгахъ“, думалъ про себя Митя,—„вѣдь вотъ этотъ старикъ, несомнѣнно любитъ своихъ дѣтей, ихъ поѣздка для него горе, а между тѣмъ присутствіе въ его карманѣ чека на три тысячи незамѣтно для него самого какъ бы уменьшаетъ его горе. Вотъ сила, съ которой надо бороться. Никогда я не подчинюсь деньгамъ, въ этомъ даю себѣ клятву“.

Къ вечеру слѣдующаго дня все было готово. Молодые люди уѣхали. Старикъ плакалъ, но грусть его смягчалась, когда онъ ощупывалъ лѣвый карманъ своего сюртука, гдѣ лежалъ чекъ.

Поѣздъ, въ которомъ они ѣхали, былъ обставленъ съ большимъ комфортомъ. Бузковъ, войдя въ вагонъ, испробовалъ мягкость постели и нашелъ, что она барская; какъ только поѣздъ двинулся, онъ тотчасъ же началъ анализировать свои ощущенія.

— Мнѣ кажется,—сказалъ онъ,—что желѣзныя дороги современемъ смогутъ служить для людей суррогатомъ той свободы, которую они утратили. Когда сидишь въ вагонѣ и поѣздъ мчитъ тебя на всѣхъ парахъ, то чувствуешь себя какъ бы оторваннымъ отъ всякой почвы. Гдѣ мы теперь? Въ Россіи или въ Австріи? Столько же тамъ, сколько здѣсь, потому что все равно предметы мчатся мимо оконъ настолько быстро, что даже не оставляютъ впечатлѣнія. И въ это время чувствуешь себя какъ бы свободнымъ отъ всѣхъ обязательствъ. Если бы мы узнали, что въ двухъ шагахъ отъ насъ страшный пожаръ, мы бы все равно промчались мимо. Поѣздить на желѣзной дорогѣ годъ безъ остановки,—можно сдѣлаться закоренѣлымъ эгоистомъ.

Вообще въ дорогѣ онъ чувствовалъ себя хорошо. Надя немного грустила, но она показывалась къ нимъ рѣдко, большую часть времени проводя въ своемъ купэ, День за днемъ дорога прошла быстро. Впечатлѣнія были самыя поверхностныя. Два три поразительныхъ вида, кое-что красивое, а въ общемъ ничего опредѣленнаго. Рядъ станцій и вокзаловъ, до щепетильности похожихъ одинъ на другой, перемѣна языка, сперва на нѣмецкій, потомъ на французскій, и только въ Женевѣ, когда они въ первый разъ за всю дорогу покинули желѣзнодорожную обстановку, вышли изъ вокзала и сѣли въ экипажъ, они впервые ясно почувствовали себя въ другой странѣ, гдѣ все ново и оригинально. Теплый, мягкій воздухъ, тихое озеро вдали, быстро несущаяся Рона, богатая растительность, поэтическіе лебеди, плавающіе у береговъ, грандіозный фонтанъ, бьющій какъ бы изъ самаго озера, вдали туманныя очертанія горъ, среди которыхъ блещетъ кристальная вершина Монъ-Блана, тихія улицы, несмотря на то, что они полны народа, что-то необыкновенно мирное, спокойное и добродушное во всемъ: въ цвѣтѣ воздуха и неба, въ архитектурѣ домовъ, въ лицахъ прохожихъ, все это успокоительно подѣйствовало на ихъ нервы, нѣсколько разстроенные дорогой.

Въ Женевѣ нельзя было оставаться. Они пріѣхали утромъ и съ вокзала имъ пришлось прямо ѣхать на пароходъ. Они выбрали пароходъ ради отдыха, и въ

самомъ дѣлѣ они всю дорогу любовались чудными берегами Лемана, гористыми и причудливыми справа и густо заселенными слѣва. Солнце свѣтило ярко, поверхность озера была тиха, вода прозрачна.

Часамъ къ пяти они были въ Монтре. Бузковы поѣхали прямо въ отель, довѣрившись вкусу кучера. Они попали въ шикарный Hôtel des Alpes, а Митя поѣхалъ въ виллу, которую занималъ Щербанскій. Почему-то онъ не испытывалъ ни тревоги, ни дурныхъ предчувствій. Онъ былъ совершенно увѣренъ, что Щербанскій уже всталъ съ постели и встрѣтитъ его съ свой обычной, нѣсколько печальной улыбкой;—но онъ ошибся.

XLVII.

Онъ нашелъ Нину въ маленькомъ садикѣ, террасами спускавшемся отъ нижняго этажа виллы къ самому озеру. Дѣти какъ-то слишкомъ тихо играли въ саду. Нина сидѣла за круглымъ столомъ, опершись локтями на него и положивъ голову на руки. При появленіи Мити, она порывисто встала и сдѣлала нѣсколько шаговъ къ нему. Они поцѣловались.

— Хорошо, что ты пріѣхалъ, я просто растерялась!

Митя внимательно взглянулъ на нее. Она значительно похудѣла и лицо ея было болѣзненно блѣдно. Большіе глаза смотрѣли какъ-то вяло, какъ бы утомленные, слегка воспаленныя вѣки свидѣтельствовали о слезахъ.

— Неужели онъ такъ плохъ? спросилъ Митя:—я, признаюсь, этому не вѣрилъ.

— О, да. Онъ очень спокоенъ, но кажется нѣтъ надежды. Онъ страстно хотѣлъ видѣть тебя, онъ очень тебя любитъ; можетъ быть, это его вылѣчитъ. Какъ грустно, Митя!

— Я никакъ не думалъ... Что же это за болѣзнь?

— Что-то странное, какъ будто и никакой болѣзни нѣтъ, просто слабѣетъ и слабѣетъ безъ конца; впрочемъ, можетъ быть, докторъ мнѣ не хочетъ сказать. Мнѣ онъ говоритъ, что надѣется, но я вижу, что это неправда. Онъ очень одряхлѣлъ, Валерій Аполлоновичъ.

Нина присѣла, прибѣжали дѣти, Митя поцѣловалъ ихъ и замѣтилъ, что они поправились и расцвѣли.

— Да, имъ это полезно,—промолвила Нина, какъ бы желая этимъ сказать, что кому-то другому это не такъ полезно.

— А ты?—спросилъ Митя,—ты почему не поправилась?

— Не знаю. Мнѣ кажется, что я поправилась,—сказала Нина, не глядя на него.

„Кажется, она опять хочетъ уйти въ самое себя“, подумалъ Митя и перемѣнилъ разговоръ.

— Онъ меня приметъ?—спросилъ онъ.

— Сейчасъ, нѣтъ. Сегодня ты его не увидишь. Онъ заснулъ и докторъ очень дорожитъ этимъ.

— Въ такомъ случаѣ.... Вѣдь я пріѣхалъ не одинъ, а съ Бузковыми.... Ты вѣдь помнишь Бузкова? Ну, и его сестра здѣсь.

— Бузковы? и сестра? Зачѣмъ же они здѣсь?

— Они мои друзья,—отвѣтилъ Митя.

— Хотя бы и такъ, все-таки странно... Почему же друзья непремѣнно должны ѣхать за тобой?

— Потому, что Нина, мы *такіе* друзья.... Намъ только втроемъ хорошо.... Зачѣмъ же намъ разлучаться?

— Ты всегда былъ странный, Митя, и друзья твои странные.

— Ты не всегда находила это, Нина.— Они замолчали.

„Что же это, подумалъ Митя, мы начинаемъ почти съ размолвки“...

Онъ сказалъ:—Когда ты узнаешь ихъ ближе, то не будешь находить ихъ странными. А гдѣ же Лизавета Петровна?

— Ахъ, да,—воскликнула Нина и съ лица ея сошла холодная тѣнь, которая набѣжала во время разговора,—я не знаю, что съ нею... Она поражаетъ меня. Съ тѣхъ поръ, какъ заболѣлъ Валерій Аполлоновичъ, она не перестаетъ рыдать. Я не видѣла такого отчаянія.

— Тутъ ничего нѣтъ страннаго,— замѣтилъ Митя, — она привыкла къ нему.

— Отъ привычки такъ не плачутъ.

— Привыкла и полюбила, — сказалъ Митя, вспомнивъ давнишній разговоръ въ лодкѣ. „А можетъ быть и влюблена“, подумалъ онъ про себя, хотя мысль о томъ, что Лиза могла быть влюблена, да еще въ Валерія Аполлоновича, тутъ же показалась ему самому нелѣпой. „Но вѣдь нелѣпое такъ часто встрѣчается въ жизни,— размышлялъ онъ, — и право даже чаще, чѣмъ разумное“.

— Ты сходи къ ней, Митя, она въ своей комнатѣ; можетъ быть, тебѣ удастся утѣшить ее.

— Я схожу, сказалъ Митя: — а затѣмъ... у васъ, вѣроятно, тѣсно; не лучше ли мнѣ устроиться въ отелѣ? Тамъ и Бузковы.

Нина съ удивленіемъ подняла на него глаза.

— Это будетъ странно... Но правда, у насъ нѣтъ свободной комнаты. Докторъ велѣлъ больному отвести три, чтобы было больше воздуха. Пожалуй, остановись въ гостинницѣ.

Весь этотъ разговоръ ясно показалъ Митѣ, что Нина къ нему охладѣла; а у него была такая примѣта, что если она охладѣла къ нему, то значитъ думаетъ о Ребелли.

И онъ даже вздрогнулъ, когда, въ тотъ моментъ, какъ онъ хотѣлъ уйти, Нина остановила его и съ смущеніемъ въ лицѣ, прерывающимся голосомъ спросила:

— Скажи же, Митя, ты ничего не слышалъ про... про Камилла?

Митя сразу не нашелся отвѣтить. И она уловила его колебаніе.

— Не можетъ быть, чтобы онъ ничего не предпринималъ. Не можетъ быть, чтобы отъ него даже не было письма На меня смотрятъ какъ на ребенка,—нервно промолвила она.

— Я ничего не могу тебѣ сказать на это, Нина. Ты прости меня, я еще озабоченъ... Я пойду къ Лизѣ...

И онъ, какъ бы избѣгая необходимости объясняться, пошелъ въ домъ, а Нина сѣла за столъ и приняла прежнюю позу.

На лѣстницѣ онъ встрѣтилъ няньку, которая проводила его къ Лизѣ. Онъ постучалъ и затѣмъ вошелъ. Лиза вытирала слезы. Лицо ея было красно и трудно было разобрать, произошли ли въ немъ какія-либо перемѣны. Въ волосахъ появилось больше сѣдинъ, она встрѣтила его молча и молчаніемъ своимъ какъ бы говорила, что дѣло плохо. Митя счелъ своимъ долгомъ заговорить.

— Полно, Лизавета Петровна, вѣдь это въ порядкѣ вещей.

— Хорошихъ людей слишкомъ мало, Митя, а такихъ, какъ онъ, больше нѣтъ.

— И все таки это въ порядкѣ вещей.

— Вы его не любите, Митя.

— Мнѣ кажется, что люблю, только я плакать не умѣю. Я остановлюсь въ гостинницѣ, — прибавилъ онъ, — а завтра утромъ, какъ только онъ проснется, пришлите за мной.

Онъ назвалъ гостинницу. Лиза даже этимъ не поразилась, хотя въ обычное время это показалось бы ей чудовищнымъ. Она отнеслась къ этому какъ то апатично и сказала:

— Хорошо, мы пришлемъ. Вы видѣли Нину? Она страдаетъ, бѣдняжка. Никогда мы не сможемъ замѣнить ей то, что она потеряла.

Митя вышелъ на улицу въ самомъ мрачномъ настроеніи. Очевидно, здѣсь, подъ этимъ чуднымъ небомъ, на берегу голубого озера, среди роскошныхъ, покрытыхъ зеленью горъ, все шло на убыль. Всѣ какъ то подались назадъ. Ясно, что Нина жалѣетъ о прошломъ, ясно, что у Лизаветы Петровны въ сердцѣ какая то рана, ясно также, что Щербанскій здѣсь сократилъ свою жизнь. Значитъ, природа оказалась слабѣе тѣхъ недуговъ, которые они привезли съ собой. Она ничего имъ не помогла. Только дѣти воспользовались ею. Имъ Швейцарія пошла въ прокъ. Нина не удержалась, чтобы не спросить о Камиллѣ, въ ея тонѣ слышалась враждебность не только по отношенію къ нему, но и къ Щербанскому, и это не смотря на то, что Валерій Аполлоновичъ лежалъ въ постели и умиралъ.

И у Мити въ первый разъ въ жизни шевельнулось какое то недоброе чувство къ Нинѣ? Что же это она? Если она такъ любовно думаетъ о своемъ Камиллѣ, то значитъ она не выше его и тогда, конечно, не зачѣмъ было разлучать ихъ. Онъ спасалъ ее, онъ считалъ ее оскорбленной, онъ защищалъ ея человѣческое достоинство, но тогда ему казалось, что это ей нужно, что это сдѣлаетъ ее счастливой; оказывается, что ей ничего этого не нужно, что ея счастье въ Камиллѣ, не смотря ни на что, не смотря на то глубокое свинство, которымъ онъ ее окружилъ. А можетъ быть ему это только показалось. Разстроенные нервы, утомленіе, надоѣдливость болѣзни, хлопоты, все это раздражило Нину и сдѣлало ее несправедливой.

Съ дороги его вернули, нянька догнала его и сказала, что пріѣхалъ докторъ. Онъ вернулся. Ихъ оставили въ отдѣльной комнатѣ. Докторъ былъ среднихъ лѣтъ, довольно толстый, съ лицомъ здоровымъ, цвѣтущимъ и добродушнымъ. Серьезная мина, которую онъ принялъ при появленіи Мити, повидимому, стоила ему большихъ усилій. Вѣроятно, онъ считалъ, что у него для Мити есть тайна и потому, плотно притворивъ дверь, онъ сказалъ по французски:

— Я не могъ быть откровененъ съ дамами, но вамъ долженъ сказать, что нашъ больной безнадеженъ.

— Что же у него.

Докторъ нахмурился. Онъ не любилъ давать отчетъ непосвященнымъ.

— Я затрудняюсь объяснить вамъ это.

Попросту говоря, сердце его устало отъ волненій и отказывается работать.

Это было не ясно, но Митя рѣшилъ не допытываться. Докторъ прибавилъ:

— Но вы обязаны пригласить профессора изъ Женевы, у васъ есть настолько средствъ, чтобы не избѣгать этого. Быть можетъ, я ошибаюсь. При этомъ и ваша совѣсть впослѣдствіи будетъ чиста, какъ у человѣка, сдѣлавшаго все, что отъ него зависѣло.

Митя спросилъ имя профессора, докторъ назвалъ. Онъ простился съ докторомъ и отправился въ отель. Когда Бузковъ узналъ объ этомъ, то вызвался тотчасъ же ѣхать въ Женеву.

— Мнѣ хочется быть чѣмъ нибудь въ самомъ дѣлѣ полезнымъ Щербанскому,— сказалъ онъ,—вѣдь все, что я до сихъ поръ для него дѣлалъ, было его добродѣтельной выдумкой, а это, можетъ быть, будетъ существеннымъ.

И онъ въ тотъ же вечеръ уѣхалъ въ Женеву.

Наступили сумерки тихіе и ясные, когда они проводили Семена. Они направились по широкой дорогѣ къ отелю.

— Развѣ ты устала?—спросилъ Митя у своей спутницы.

— Нисколько. Дорога была такъ покойна, что я скорѣе отдохнула, чѣмъ устала,—отвѣтила Надя.

— Въ такомъ случаѣ почему бы намъ не пройтись?

— Я согласна.

Они минули свой отель и, оставивъ позади себя городъ, пошли по направленію къ долинѣ, гдѣ изъ озера выходитъ широкая Рона. Они шли тихо и молча. Сумерки сгущались. На чистомъ небѣ зажигались пока еще блѣдныя звѣзды. Очертанія горъ тускнѣли, становились менѣе опредѣленными и потому болѣе таинственными. Послѣдній рядъ домовъ кончился, они вошли въ долину и, обернувшись назадъ, смотрѣли на озеро. Съ лѣвой стороны, на французскомъ берегу, у подножья горъ раскинулся густой лѣсъ, а надъ нимъ высились темныя громады, казавшіяся безконечными и своими вершинами уходившими въ небо. Справа—непрерывный рядъ маленькихъ городковъ, раскинувшихся по берегу, сливался во что то неопредѣленное и безформенное. Только частые огни, между которыми тамъ и здѣсь яркимъ бѣловатымъ свѣтомъ горѣли электрическіе фонари, свидѣтельствовали о томъ, что это города, населенные живыми людьми. Кругомъ было тихо. По гладкой поверхности озера издали безшумно плыли два—три запоздавшихъ парохода. Дневная жизнь здѣсь прекращается рано. Несмотря на высокую культуру, люди въ этомъ краю стоятъ близко къ природѣ. Встаютъ почти съ солнцемъ и ложатся съ наступленіемъ вечера.

По мѣрѣ того какъ мракъ сгущался, картина становилась волшебнѣе. Изъ за верхней линіи горъ выплыла луна и разомъ перемѣнилась вся картина. Темный лѣсъ, ростущій по склонамъ горъ, сдѣлался какъ бы прозрачнымъ. Можно было разглядѣть узкія тропинки, капризными извилинами ведущія къ вершинамъ. Кое гдѣ обнажились причудливыя скалы. Озеро какъ бы зажглось и, казалось, испускало серебристый свѣтъ. Мѣсяцъ подымался выше и выше, и вдругъ передъ ними выступилъ, словно вынырнулъ изъ воды, до сихъ поръ незамѣтный Шильонскій замокъ.

— Ты знаешь, что это? — спросилъ Митя.

— Нѣтъ,—отвѣтила Надя.

— Это Шильонскій замокъ,—промолвилъ онъ.

— Я слышала, но право не знаю, чѣмъ онъ замѣчателенъ.

— Ты не читала Байрона?

— Кое что... но все таки, не знаю.

— Здѣсь страдалъ Бониваръ.

— Кто такой Бониваръ и за что онъ страдалъ?

— Онъ страдалъ за свободу своей страны. Видишь ли, это было такъ...

Они стояли лицомъ къ озеру. Митя началъ свой разсказъ тихо, часто останавливаясь и ища словъ. Но съ каждымъ новымъ словомъ онъ воодушевлялся и становился краснорѣчивѣе. Голосъ его дрожалъ, его охватило какое то странное волненіе, онъ словно переживалъ событія, о которыхъ разсказывалъ. Надя слушала съ замираніемъ. Но вдругъ она замѣтила, что у него на глазахъ появились слезы.

— Странно, ты разсказываешь о давно минувшемъ и плачешь,— промолвила она.

Митя остановился и на губахъ его появилась слабая улыбка.

— Да, это странно,—согласился онъ.— Но ты не думай, что это слезы жалости. Ты не думай, что мнѣ жаль Бонивара. Я никогда не плачу, когда передо мной совершается страданіе. Но у меня какъ то невольно подступаютъ слезы, когда я вижу и слышу или вспоминаю о подвигѣ. Я не знаю, почему это.

— Но погоди,—сказала Надя,—я тебѣ вытру слезы.

И она вытерла ему слезы своимъ платкомъ.

Митя взялъ ее за руку.

— Я испытываю странное чувство,— сказалъ онъ голосомъ, дрожащимъ отъ волненія.—Я никогда еще не видѣлъ такой грандіозной картины, такого широкаго размаха, такого обилія красоты. Это какая то расточительность природы. Не знаю, почему мнѣ страшно. Мнѣ кажется, что на меня надвигается какая то громада. Это—жизнь, которая скоро начнется. Я говорю о самостоятельной жизни, потому что до сихъ поръ я не былъ отвѣтственъ передъ самимъ собою за каждый свой шагъ. Теперь, быть можетъ завтра, я долженъ буду распоряжаться не только своей судьбой, но и судьбой другихъ и вотъ я не знаю, какъ надо поступить...

— Развѣ не знаешь? Надо поступать такъ, какъ хочется, какъ говоритъ сердце,—возразила Надя.

— Вотъ въ томъ то и дѣло, оттого то мнѣ и страшно. Мнѣ страшно потому, что я не хочу жить, какъ живутъ другіе, какъ живутъ всѣ. Вѣдь люди отдаютъ себя жизни, они предоставляютъ себя въ ея распоряженіе и она поступаетъ съ ними, какъ хочетъ. Оттого между ними такъ въ ходу эти слова: везетъ или не везетъ, счастливъ или несчастливъ. Они плывутъ по теченію, кому выпадетъ тихая погода, кто не встрѣтитъ рифовъ и мелей — про того говорятъ, что онъ былъ счастливъ, что ему везло, а всѣ другіе несчастливы. Я этого не хочу и не могу, я хочу взять жизнь по своему, я хочу умѣть плыть и противъ теченія. Я не знаю, какъ это сдѣлать, но только по своему. У меня нѣтъ ни плана, ни задачи, но я не хочу быть ни счастливымъ, ни несчастнымъ, это гордость—моего ума. Да, когда я на минуту закрываю глаза, мнѣ кажется, что этотъ врагъ—жизнь надвигается на меня и никогда еще мнѣ это не казалось до такой степени, какъ теперь, въ виду этихъ широкихъ линій и густыхъ красокъ, которыя разлиты въ здѣшней природѣ... И какой это страшный врагъ! Мнѣ кажется, что на меня злобно глядятъ громады горъ! Посмотри, развѣ ты не видишь вонъ, Dent de Midi потрясаетъ своей сѣдой головой и оскаляетъ зубы... Посмотри, вонъ задвигался Гліонъ и съ страшнымъ шумомъ и грохотомъ несется на насъ съ своимъ funiculair'омъ, съ своей желѣзной дорогой, стремительно бѣгущей въ высь къ облакамъ, съ своими бѣлыми нарцисами... Развѣ ты не слышишь, не видишь?...

Онъ какъ бы съ ужасомъ закрылъ лицо руками и пошатнулся. Надя поддержала его и помогла ему усѣсться на траву.

— Что съ тобой, Митя?—спросила она. Но онъ молчалъ. Она поняла, что и ей надо молчать, сѣла рядомъ съ нимъ, взяла его руку и молча тихо пожимала ее.

Но вотъ онъ поднялъ голову, взглянулъ на нее и улыбнулся.

— Я разсмѣшилъ тебя, Надя, — усталымъ голосомъ промолвилъ онъ,—видишь, какія со мной бываютъ шутки. Я не испугалъ тебя?

— О, нѣтъ,—промолвила, она, стараясь успокоить его своимъ простымъ тономъ.— Ты вовсе не былъ страшенъ. Ты поэтъ, вотъ и все.

Они посидѣли здѣсь съ полчаса, затѣмъ встали. Митя предложилъ ей руку и они тихонько пошли по берегу озера. Митя думалъ о своемъ настроеніи, которое съ такой силой овладѣло имъ и прошло. Откуда оно? Вглядываясь теперь въ окружающую природу и въ городъ, лежавшій передъ ними, онъ видѣлъ, что для его порыва во всемъ этомъ не было достаточныхъ причинъ. Такая тишина, такой покой. Что за мирный городъ! Въ воздухѣ носится что-то доброе, почти счастье.

Они бродили до восхода солнца, потомъ пошли на первый поѣздъ изъ Женевы и встрѣтили Семена.

— Ну, я вамъ добылъ профессора,—весело воскликнулъ Бузковъ, выходя изъ вагона·

— А мы не спали всю ночь,—сообщила Надя,—все бродили.

— Это удивительно, если принять во вниманіе, что вы не влюблены другъ въ друга,—замѣтилъ Бузковъ.

Часовъ около восьми Щербанскій проснулся, узналъ о пріѣздѣ Мити и потребовалъ его къ себѣ.

XLVIII.

Валерій Аполлоновичъ сдѣлалъ напрасную попытку подняться на локтѣ, но онъ былъ слишкомъ слабъ для этого. Онъ ограничился тѣмъ, что вынулъ изъ подъ одѣяла руку и протянулъ Митѣ. Митя пожалъ ее.

— Садись, голубчикъ, — промолвилъ Щербанскій, слабымъ движеніемъ глазъ указавъ ему на кресло.—Это хорошо, что ты пріѣхалъ.

— Что съ вами?—спросилъ Митя,—я никакъ этого не ждалъ.

— И представь, что ничего... У другихъ, когда они умираютъ, есть утѣшеніе

въ томъ, что имъ извѣстно, отъ какой болѣзни они умираютъ. У меня этого нѣтъ. Просто сердце износилось и отказывается дѣйствовать. Слабѣетъ съ каждымъ часомъ.

— Сегодня пріѣдетъ изъ Женевы профессоръ,—сказалъ Митя.—Я надѣюсь, что онъ васъ поправитъ.

— Нѣтъ, милый, не поправитъ. Пусть пріѣзжаетъ твой профессоръ, это нужно для тебя, для Нины, для Лизы, и потому я его не отрицаю, но мнѣ онъ не поможетъ. У меня вѣдь странность. Мѣсяцъ тому назадъ я былъ совершенно здоровъ, но ясно чувствовалъ, что скоро умру. Я именно чувствовалъ, что сердце у меня износилось и скоро откажется работать. Можетъ быть, и поправлюсь и поживу немного, но только очень, очень немного и, признаюсь, я бы жалѣлъ объ этомъ.

Онъ замолчалъ и Митя ясно видѣлъ, что рѣчь утомила его и ему нуженъ отдыхъ. Онъ мало перемѣнился. Правда, сильно похудѣлъ и прибавилось сѣдинъ, но черты остались прежнія. Только выраженіе было не то нервное, непостоянное, озабоченное, какое бывало у него въ прежнее время, а спокойное, сосредоточенное и какъ бы законченное. Да и тонъ, какимъ онъ говорилъ, вполнѣ соотвѣтствовалъ этому выраженію. Это былъ тонъ человѣка, примирившагося съ фактомъ, ни о чемъ не жалѣющаго, и сознающаго, что все такъ и должно быть, какъ идетъ.

Минуты двѣ Шербанскій отдыхалъ и затѣмъ заговорилъ опять. Онъ не выпускалъ Митиной руки и слабо пожималъ ее.

— Видишь ли, если я останусь жить,— говорилъ онъ медленно, останавливаясь послѣ каждаго слова и даже какъ будто послѣ каждой буквы,—то это была бы излишняя проволочка. Жить хорошо, когда знаешь, что проживешь долго, но жить, ожидая каждую минуту смерти,— неинтересно. Это даже не значитъ жить, это значитъ только *не умирать*. И притомъ жить можно только для кого-нибудь или для себя. Истинные эгоисты и истинные альтруисты одинаково счастливы. А эти средніе люди, которые постоянно колеблются между собой и ближнимъ, они не счастливы. Я для себя жить не могу, такая у меня натура, а для кого-нибудь уже не умѣю. Ну, что же, мнѣ оставалось бы допустить, чтобы другіе жили для меня, на это я тоже неспособенъ. Ты, Митя, въ томъ возрастѣ, когда человѣкъ хочетъ во что бы то ни стало жить на свой страхъ, да и характеръ у тебя такой... и живи такъ. Будешь ли ты счастливъ или несчастливъ, все равно ты будешь удовлетворенъ, а вѣдь это главное. Нина...

Онъ опять замолкъ. Видимо, ему было очень трудно говорить, но онъ непремѣнно хотѣлъ досказать.

— Нина безнадежна, промолвилъ онъ.— Мы съ тобой сдѣлали ошибку.—Ей нужна ея семья со всѣми муками. Это ты имѣй въ виду и не насилуй ея желаній. Видишь ли, когда человѣкъ что-нибудь теряетъ, то нужно это чѣмъ нибудь замѣнить, мы же помогли ей потерять, но ничѣмъ не замѣнили и замѣнить не можемъ.

Онъ повернулъ голову и долгимъ взглядомъ посмотрѣлъ на Митю.

— Скажи пожалуйста, почему ты никогда не спрашиваешь меня о томъ, о прошломъ?... Когда ты былъ мальчикомъ ты страдалъ отъ этого, а затѣмъ какъ будто потерялъ къ этому интересъ.

— Это правда, сказалъ Митя,—но недавно мысль объ этомъ опять овладѣла мной.

— Ну, такъ вотъ здѣсь въ столѣ ты найдешь мои записки. Не думай, что я велъ дневникъ, это было бы смѣшно, но я записалъ то, что играло важную роль въ жизни моей, твоей и въ особенности Нины. Я записалъ на случай, что умру внезапно и не успѣю разсказать. Прошу тебя только вѣрить, что тамъ правда. Ну, вотъ я совсѣмъ ослабѣлъ... Совсѣмъ.

И говоря эти послѣднія слова, онъ почти уже засыпалъ. Митя тихо поднялся, осторожно высвободилъ свою руку изъ его руки и, убѣдившись, что онъ спитъ, подошелъ къ столу, вынулъ изъ ящика тонкую тетрадь, положилъ ее въ карманъ и вышелъ.

XLIX.

Митя вошелъ въ номеръ Hôtel des Alpes и торжественно положилъ тетрадь на столъ.

— Вотъ,—сказалъ онъ, комически важно,—вотъ тетрадь, изъ которой мы, наконецъ, узнаемъ тайну моего происхожденія.

Бузковъ приподнялся на диванѣ, на которомъ лежалъ.

— Развѣ есть тайна?—спросилъ онъ.

— Въ сущности говоря, я этого не знаю. Кажется, однако, что я произошелъ правомѣрнымъ порядкомъ, но сестра моя находится подъ сомнѣніемъ.

— Это любопытно,—промолвилъ Бузковъ.—Я всегда думалъ, что ты долженъ былъ произойти на свѣтъ какимъ-нибудь

особеннымъ образомъ, а не такимъ пошлымъ, какъ всѣ.

— Какъ, напримѣръ, мы съ тобой,—замѣтила Надя изъ другой комнаты.

— Это мы сейчасъ увидимъ,—промолвилъ Митя и, усѣвшись въ просторномъ креслѣ у стола, раскрылъ тетрадь.

— Но погоди,—перебилъ его Бузковъ,— каково же положеніе старика?

— По моему, совсѣмъ плохо, несомнѣнно плохо.

— И ты это говоришь такъ спокойно... Что за безсердечное животное!... Вотъ что значитъ произойти на свѣтъ не такъ какъ всѣ,—шутливо замѣтилъ Бузковъ.

Митя не обратилъ на это вниманія и громко началъ чтеніе. Онъ прочиталъ слѣдующее.

„Это не записки и не дневникъ, я никогда не былъ настолько положительнымъ и сосредоточеннымъ человѣкомъ, чтобы аккуратно записывать событія моей жизни, да и жизнь моя такого рода, что въ ней нѣтъ ничего заслуживающаго отмѣтки. Не ничего, а почти ничего и это „почти“ и является причиной этой тетради. Въ моей жизни было нѣсколько лѣтъ, въ продолженіи которыхъ произошли событія, могущія наполнить цѣлую жизнь иного человѣка, и потому я не жалуюсь. Я мысленно распредѣляю эти событія на всю мою жизнь и, несмотря на то, что вся она, кромѣ этихъ лѣтъ, была незначительна, я все-таки, благодаря событіямъ этихъ лѣтъ, говорю—„я жилъ“.

— Гм... произнесъ Бузковъ глубокомысленно,—начинается заманчиво.

— Можешь ли ты, хоть къ этому отнестись серьезно?—послышался изъ сосѣдней комнаты укоризненный голосъ Нади.

— А развѣ это необходимо?—спросилъ Бузковъ.

— По крайней мѣрѣ—внимательно,—отвѣтилъ Митя.—А главное не перебивать.

— Я буду нѣмъ, какъ скала, но если я засну, то прошу не будить меня,—промолвилъ Бузковъ и съ комическимъ видомъ повернулся на другой бокъ и уткнулся въ подушку.

Митя продолжалъ.

„Но я счелъ необходимымъ записать это, въ виду того, что чувствую себя недостаточно прочнымъ. Я могу каждую минуту умереть и боюсь, какъ бы не оставить послѣ себя недоразумѣніе, могущее сдѣлаться роковымъ для людей, которыхъ я люблю.

Я буду говорить о времени отдаленномъ. Это было больше двадцати лѣтъ назадъ. Нѣтъ, это было гораздо раньше, когда молодые люди, студенты Ворошиловъ и Щербанскій, сошлись за стаканомъ вина, но страннымъ образомъ сошлись такъ, чтобы никогда не расходиться. Были сказаны при этомъ совершенно незначительныя слова, но, по всей вѣроятности, имъ помогли взгляды и они почему-то вдругъ одновременно поняли, что натуры ихъ сродны и что жить имъ другъ безъ друга было бы тяжело. Странно, что натуры эти по внѣшнимъ признакамъ были крайне несходны, какъ несходны они были по внѣшности. Ворошиловъ—высокій, стройный юноша съ кудрявой головой, съ энергичнымъ, рѣшительнымъ взглядомъ черныхъ глазъ, статный красавецъ, съ властными движеніями, всегда всѣхъ покоряющій, легко пріобрѣтающій друзей, какъ и легко ихъ теряющій, впрочемъ, — широкая необузданная натура, склонная къ безумствамъ, кутежамъ, способная дѣлать мерзости, съ милой, добродушной, почти ангельской улыбкой, но совершенно также и съ той же улыбкой умѣющая совершать подвиги. У Ворошилова было столько друзей, сколько знакомыхъ. Были ли они искренни, неизвѣстно, но всѣ считали своимъ долгомъ казаться его друзьями. Не слѣдуетъ думать, что онъ обладалъ какимъ-нибудь внѣшнимъ вліяніемъ, что отъ него что-нибудь зависѣло. Нѣтъ, просто это была сила, нравственная сила, для всѣхъ очевидная, а слабые люди всегда склонны унижаться передъ силой. Напрасно думаютъ, что сила давитъ слабыхъ умышленно. Слабые сами склоняются передъ ней, просто потому, что она сила, они ищутъ, они жаждутъ быть у ея ногъ, они были бы несчастными, если бы она ихъ не покорила. Таковъ былъ Ворошиловъ. Щербанскій былъ совсѣмъ въ другомъ родѣ. Это былъ человѣкъ средняго роста, съ незначительнымъ блѣднымъ лицомъ. Онъ былъ тонокъ и худъ. Въ характерѣ его было что-то скромное, нерѣшительное. Когда ему предстояло сдѣлать какой-нибудь шагъ, хотя бы самый обыкновенный, какой дѣлаютъ всѣ каждый день, у него былъ такой видъ, какъ будто онъ не былъ увѣренъ въ своемъ правѣ на это. Даже, когда онъ садился за обѣденный столъ, посмотрѣвъ на него, казалось, что онъ еще не вполнѣ увѣренъ, имѣетъ ли онъ право пообѣдать. Была между ними еще та разница, что Ворошиловъ былъ коренной помѣщикъ, столбовой дворянинъ, со всей

широтой дворянскихъ пріемовъ того времени, со всей смѣлостью и увѣренностью человѣка, знающаго, что жизнь для него праздничный пиръ и что онъ на этомъ пиру желанный гость, между тѣмъ какъ Щербанскій былъ сыномъ очень богатаго, но скромнаго и мужиковатаго хлѣбнаго торговца; и хотя время это было временемъ сліянія сословій, хотя желанные гости на „жизненномъ пиру“ всячески старались показать намъ, что они охотно протягиваютъ намъ руку и хотятъ сидѣть съ нами рядомъ, тѣмъ не менѣе въ этой манерѣ, черезчуръ любезной и предупредительной, проглядывало снисхожденіе и ясно было, что насъ только допускаютъ, оказывая намъ великодушіе. Деньги, которыми въ большомъ количествѣ обладалъ Щербанскій, деньги и тогда, какъ всегда, были конечно силой, но ихъ значеніе еще не было такъ велико, какъ въ позднѣйшее время. Деньгамъ тогда еще не противопоставлялись благородство и чистота рода, тогда какъ теперь они все смели, все взяли въ плѣнъ, все передъ ними преклонилось, къ лучшему или къ худшему, это говорить не мнѣ“.

— Однако,—я никакъ не ожидалъ отъ Валерія Аполлоновича такой проникновенности,—замѣтилъ Бузковъ глухимъ голосомъ, раздавшимся откуда-то изъ глубины подушки.

— Если ты заснешь, я тебя не буду будить,—съ умышленной небрежностью промолвилъ Митя и сталъ читать дальше, въ то время какъ изъ сосѣдней комнаты послышался смѣхъ Нади.

„Однимъ словомъ, была такая минута, когда не смотря ни на что, не смотря на разность характеровъ и общественныхъ положеній, между Ворошиловымъ и Щербанскимъ установилась дѣятельная дружба. Если я разскажу одинъ случай, который совпадалъ съ этимъ событіемъ, то заранѣе предупреждаю, что никоимъ образомъ не ставлю этотъ случай въ прямую связь съ событіемъ. Наканунѣ этого дня, Ворошиловъ, за годъ передъ тѣмъ сдѣлавшійся полновластнымъ распорядителемъ отцовскаго имѣнія, получилъ извѣстіе, что имѣніе будетъ продано за долги, если къ такому то сроку не будутъ внесены деньги. Щербанскій, будучи знакомъ съ нимъ до этого момента почти только шапочно, какъ человѣкъ встрѣчавшійся часто въ аудиторіи и не имѣвшій съ нимъ ничего общаго, былъ случайно свидѣтелемъ, когда Ворошиловъ получилъ это извѣстіе. Изъ тона, какимъ было произнесено проклятіе, онъ понялъ, что у Ворошилова денегъ нѣтъ, и что этотъ левъ, безпечно швырявшій направо и налѣво деньгами, черезъ двѣнадцать часовъ можетъ оказаться въ положеніи человѣка, которому нечѣмъ платить за квартиру. Онъ выбралъ удобный моментъ и, оставшись наединѣ съ Ворошиловымъ, подошелъ къ нему и тихо сказалъ.

— Если вы позволите, я уплачу эти деньги...

Ворошиловъ презрительно обернулся и посмотрѣлъ на него свысока.

— У васъ ихъ слишкомъ много?—заносчиво произнесъ онъ.

— Да, у меня ихъ достаточно.

— И васъ они обременяютъ?

— Пожалуй, если хотите.

— И вы не будете считать это слишкомъ большимъ одолженіемъ.

— Никакимъ,—отвѣтилъ Щербанскій.

— Въ такомъ случаѣ, благодарю васъ.

Это было очень дурно и произвело на него дурное впечатлѣніе. Разставшись съ нимъ Щербанскій далъ себѣ слово исполнить обѣщаніе, но затѣмъ не только не искать дружбы Ворошилова, но стараться быть отъ него какъ можно дальше.

Но это ему не удалось. На другой день, случайно онъ очутился въ ресторанѣ, гдѣ праздновалось какое-то общестуденческое событіе и случайно же (все самое важное въ нашей жизни дѣлаетъ случай; на долю разума остаются пустяки) оказался за однимъ столомъ съ Ворошиловымъ. Столъ былъ густо уставленъ бутылками, очевидно было много выпито. Лились бойкія, громкія, живыя рѣчи и въ тотъ моментъ, когда онъ занялъ свое мѣсто, говорилъ именно Ворошиловъ. Онъ говорилъ какой-то торжественный тостъ, въ напыщенныхъ выраженіяхъ, о какомъ-то высокомъ предметѣ, не то о наукѣ, не то о искусствѣ, не то о свободѣ, рука его была протянута впередъ и въ ней онъ держалъ бокалъ. Но, увидѣвъ Щербанскаго, онъ вдругъ какъ то вздрогнулъ и оборвалъ рѣчь. Минутная заминка, но вотъ онъ опять поднялъ бокалъ и громче прежняго воскликнулъ:

— Ахъ, къ чорту науку, искусство и свободу! Ничего они не стоютъ передъ человѣческимъ сердцемъ! Господа, предлагаю тостъ за вновь прибывшаго товарища, за моего друга Щербанскаго!

Хотя за столомъ у Щербанскаго не было ни одного друга, но достаточно было, чтобы это сказалъ Ворошиловъ. Раздалось дружное ура. Всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ, со всѣхъ сторонъ потянулись къ нему руки съ бокалами. Онъ

былъ смущенъ, тронутъ, почти потрясенъ и съ этой минуты началась его дружба съ Ворошиловымъ...“

Бузковъ порывисто поднялся и сѣлъ на диванѣ.

— Чортъ возьми, какъ это трогательно,—промолвилъ онъ.—Я думалъ, что это бываетъ только въ романахъ.

Надя уже стояла въ дверяхъ и внимательнымъ, долгимъ взглядомъ слѣдила за читающимъ Митей. При восклицаніи брата лицо ея выразило неудовольствіе.

— Ахъ какой неспокойный,— промолвила она.

— Да нѣтъ, я искренно восхищаюсь,— отвѣтилъ Бузковъ, но въ голосѣ его было что-то плутовское. Кажется онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ восхищенъ, но еще не вполнѣ согласенъ признаться въ этомъ. Онъ вообще не выносилъ ничего трогательнаго и боялся сбиться на мелодраму.

Митя продолжалъ.

„Подробности и мелочи я пропускаю, скажу только, что дружба была искренняя, съ обѣихъ сторонъ. Очень скоро оба они сдѣлались другъ для друга необходимыми и не было такого общества или такого дома, въ которомъ былъ бы одинъ и не было бы другого. Не было, за исключеніемъ одного. Въ городѣ была семья, состоявшая изъ тетки и двухъ племянницъ. Это были богатые люди, но жившіе тихо и очень скромно Въ одну изъ племянницъ, Катерину Ивановну, былъ влюбленъ Щербанскій. Это была его единственная привязанность, и, что была отчасти дружеская измѣна, онъ не рѣшался ввести Ворошилова въ этотъ домъ. Самому ему казалось, что это такъ выходитъ случайно. Не было, молъ, подходящаго случая, вотъ и все. Но въ дѣйствительности онъ, самъ того не сознавая, боялся Ворошилова, боялся его могущественнаго вліянія на людей, боялся потерять Катерину Ивановну.

Однажды онъ вдругъ это понялъ и въ ту же минуту назвалъ себя трусомъ и далъ себѣ слово ввести Ворошилова въ этотъ домъ. Онъ это сдѣлалъ и, дѣлая это, онъ чувствовалъ, что это должно кончиться роковымъ образомъ. Отношенія его съ Катериной Ивановной были таковы, что онъ любилъ ее безумно, но никогда не говорилъ ей объ этомъ. Она же вела себя такъ доброжелательно, что онъ былъ увѣренъ въ сочувствіи. Но не прошло и недѣли послѣ перваго появленія въ этомъ домѣ Ворошилова, какъ Щербанскій понялъ, что дѣвушка уже вся подъ его вліяніемъ. Да иначе и быть не могло. Онъ отстранился, уступилъ ее другу, а чувство затаилъ въ себѣ.

Тутъ опять пропускается цѣлый рядъ событій и годовъ. Они оба кончили курсъ и всѣ трое въ деревнѣ: Щербанскій, Ворошиловъ и Катерина Ивановна. Катерина Ивановна — жена Ворошилова. Парочка влюблена и, казалось, у нея все есть для счастья. Состояніе ихъ не велико, но Щербанскій очень богатъ, а они привыкли ни въ чемъ не считаться. Въ деревнѣ появилось новое лицо, сестра Ворошилова, Марья Андреевна. Эта женщина была, повидимому, всецѣло поглощена хозяйствомъ. На ея плечахъ лежало все, и она дѣлала все покорно и, можетъ быть, добровольно. Все было бы хорошо, если бы у Марьи Андреевны не было одной страсти, сдѣлавшейся потомъ для всѣхъ роковой и разрушившей дружество, казавшееся непоколебимымъ. Это было обожаніе брата, а отсюда ревность по отношенію ко всѣмъ, кого онъ любилъ. Сперва эта ревность направлялась исключительно на Катерину Ивановну. Щербанскій же, напротивъ, пользовался ея расположеніемъ. Легко было замѣтить, что Щербанскій ей нравился и можетъ быть у нея были какіе-нибудь расчеты на него. Она относилась къ нему благосклонно и эта благосклонность по временамъ доходила до нѣжности,—но вотъ она замѣтила, что Щербанскій, какъ ни старался скрыть это, въ сущности любитъ Катерину Ивановну, и этого было достаточно, чтобы она сдѣлалась его врагомъ. Съ этого момента миръ въ Ворошиловкѣ былъ нарушенъ. Начались таинственные переговоры Марьи Андреевны съ братомъ, многозначительные взгляды, которыми обращалось его вниманіе на нѣчто таинственное, намеки на вѣроломство и измѣну. Ворошиловъ долго колебался и отгонялъ отъ себя искушеніе, но доведенный сестрой до крайне-нервнаго состоянія онъ, въ сущности безхарактерный и слабый, далъ волю своей натурѣ, сталъ уѣзжать изъ дома, начались кутежи, попойки, новыя знакомства, явились даже женщины. Катерина Ивановна глубоко страдала. Щербанскій былъ постоянно при ней, но ни однимъ намекомъ не обнаруживалъ своего чувства, онъ только вступался за обиженную, внушалъ ей рѣшимость и давалъ ей понять, что она заслуживаетъ лучшей доли. Марья Андреевна, подъ вліяніемъ своей двойной ревности, не останавливалась ни передъ чѣмъ. Казалось, поведеніе брата ей доставляло удовольствіе. Она поощряла его новыми подозрѣніями и на-

конецъ, когда у Катерины Ивановны родилась дочь Нина, она увѣрила слабаго, разбитаго кутежами, разстроеннаго брата въ томъ, что это ребенокъ не его, а Щербанскаго. Несмотря ни на что, Ворошиловъ былъ страстно привязанъ къ своей женѣ, (это бываетъ въ дикихъ натурахъ) и одного намека было достаточно, чтобы загорѣлась буря. Онъ повѣрилъ. Съ Щербанскимъ произошла послѣдняя ссора. Онъ объявилъ, что Нины не признаетъ, и Нина еще грудным ребенкомъ очутилась вмѣстѣ съ Щербанскимъ въ городѣ С. въ его домѣ, который онъ получилъ въ наслѣдство отъ отца.

Послѣ этого Щербанскій не видѣлъ Ворошилова никогда въ жизни. Онъ слѣдилъ за нимъ, насколько могъ, и знаетъ что далѣе Ворошиловъ жилъ безвыѣздно въ деревнѣ. Наступилъ моментъ, когда онъ понялъ свою жену, но это было слишкомъ поздно. Потомъ произошла трагедія. Катерина Ивановна родила Митю и умерла, Ворошиловъ удара не перенесъ и умеръ отъ нервной горячки въ ту же недѣлю.

Вотъ правда, которую я считалъ своимъ долгомъ записать. Ясно, что тайны здѣсь нѣтъ и, такъ какъ я скоро умру, то вотъ мой завѣтъ Митѣ. Этотъ завѣтъ есть результатъ всей моей жизни, которая научила меня ясно смотрѣть на вещи. Я въ такомъ теперь состояніи, что никому не способенъ мстить или желать зла. Я безстрастенъ и потому справедливъ. Завѣтъ мой вотъ каковъ: Не слѣдуетъ во всей этой исторіи искать виноватыхъ. Виноватыхъ нѣтъ. Всѣ жили страстями. Всѣ поступали сообразно имъ, всѣ были въ ихъ власти. Я говорю это къ тому, что если ты, Митя, когда-нибудь встрѣтишь свою тетушку Марью Андреевну, то протяни ей руку, потому что она такъ же страдала, какъ и другіе."

Митя положилъ на столъ тетрадь и остался въ креслѣ, задумавшись. Бузковъ поднялся съ дивана и медленно заходилъ по комнатѣ, скрестивъ на груди руки.

— Да,—сказалъ онъ,—великій человѣкъ твой Валерій Аполлоновичъ.

— Да, великій,—откликнулась Надя.— Великій потому, что жилъ сердцемъ, не мѣшалъ ему управлять своими поступками.

— Голубушка, да вѣдь и Ворошиловъ жилъ сердцемъ.

— Нѣтъ не сердцемъ, а страстями, это разница.

— Ну, чортъ его знаетъ, гдѣ онѣ помѣщаются эти страсти.

— Я не знаю, гдѣ онѣ помѣщаются, знаю только, что въ сердцѣ ихъ нѣтъ. Это я знаю навѣрно, по себѣ знаю.

Въ это время постучали въ дверь. Оказалось, что пришли изъ виллы съ тревожной запиской отъ Нины. Нина сообщала, что Валерію Аполлоновичу очень худо и просила Митю немедленно явиться.

L.

Оказалось, что профессоръ изъ Женевы уже пріѣзжалъ, видѣлъ Щербанскаго и сообщилъ Нинѣ самыя неутѣшительныя вѣсти. Митя засталъ сестру въ слезахъ, а Лизавета Петровна даже уже не плакала, а лежала въ какомъ-то безпамятствѣ. Профессоръ сказалъ, что вызывать его изъ Женевы было безполезнымъ дѣломъ, но все-таки взялъ огромный кушъ. Митя вошелъ къ Щербанскому. Лицо Валерія Аполлоновича было совсѣмъ безкровное. Онъ слабо повелъ глазами и сказалъ едва слышнымъ голосомъ, часто дѣлая паузы.

— Вотъ ужъ теперь навѣрно... по лицу этого господина видѣлъ... хотя онъ говорилъ такія утѣшительныя вещи... Ты знаешь, Митя, я умеръ бы недѣлю назадъ, но ждалъ тебя... Ты не смѣйся!.. Это въ самомъ дѣлѣ такъ. Человѣкъ можетъ задержать смерть. Я нарочно сознательно старался экономно расходовать силу сердца... никого къ себѣ не пускалъ, молчалъ, прогонялъ мысли, не волновался... теперь все это можно. Прощай же и будь такимъ правдивымъ человѣкомъ, какъ былъ мальчикомъ.

Онъ сдѣлалъ слабое движеніе рукой, Митя взялъ его руку и крѣпко пожалъ, но въ то же время почувствовалъ въ рукѣ Щербанскаго какъ бы желаніе привлечь его къ себѣ. Онъ подошелъ ближе къ его головѣ, наклонился и поцѣловалъ старика въ сухія холодѣющія губы. Валерій Аполлоновичъ впалъ въ забытье и больше не приходилъ въ себя. Въ эту ночь онъ умеръ.

Утромъ на другой день, въ то время, какъ въ домѣ начались хлопоты, Митя ходилъ въ саду, стараясь собрать всѣ свои разсѣянныя мысли и обсудить наступившее такъ внезапно свое новое положеніе. Кромѣ хода, который велъ изъ сада въ домъ, была небольшая калитка на улицу. И въ то время, какъ онъ стоялъ у низенькой каменной стѣны, примыкавшей къ самому озеру, калитка тихо, какъ-то несмѣло отворилась и вошелъ господинъ очень приличнаго вида, въ щеголеватомъ короткомъ пиджакѣ, щепе-

тильно бѣломъ воротничкѣ, съ тросточкой. Очень молодой человѣкъ небольшого роста съ лицомъ иностранца, живущаго въ Россіи, смуглый съ темными большими глазами, маленькимъ лбомъ. Онъ оглядѣлся во всѣ стороны, какъ бы отыскивая кого-нибудь и, увидѣвъ Митю, пошелъ къ нему, приподнявъ надъ головой соломенную шляпу.

— Pardon, monsieur... Est ce que je peux voir madame Rebelli?..

Митя вздрогнулъ, какъ бы разбуженный отъ своихъ мыслей, съ удивленіемъ посмотрѣлъ на гостя и, несмотря на то, что въ акцентѣ его не было ничего подозрительнаго, онъ сразу понялъ, что этотъ господинъ долженъ имѣть прямое отношеніе къ городу Т. Митя сказалъ по-русски:

— Теперь едва ли, она очень озабочена. Въ эту ночь умеръ...

— Неужели господинъ Щербанскій скончался?—совершенно правильно русскимъ языкомъ поспѣшно спросилъ гость.

«Онъ знаетъ положеніе дѣлъ,—ясно, что онъ не первый день живетъ въ Монтре,» подумалъ Митя, подозрительно взглянувъ на собесѣдника.

— Можетъ быть, я могу что-нибудь передать ей?—спросилъ онъ вслухъ.

— Я просилъ бы васъ... Для госпожи Ребелли есть письмо...

— Изъ Т., отъ Камилла? – вырвалось у Мити.

Молодой человѣкъ смутился. Повидимому, онъ проговорился нечаянно и сказалъ то, что не долженъ былъ говорить. Но теперь ужъ ему идти назадъ было неловко.

— Да, вы угадали, но я хотѣлъ бы передать ей лично.

— Я братъ Нины Дмитріевны,—съ нѣкоторой строгостью въ голосѣ произнесъ Митя, — и у васъ нѣтъ основаній недовѣрять мнѣ.

Гость еще болѣе смутился, быстро полѣзъ въ карманъ и вынулъ оттуда письмо.

— Это правда... въ такомъ случаѣ прошу васъ, передайте... я живу здѣсь въ Веве .. вы вѣроятно знаете Hôtel de Cygne.

— Нѣтъ, я не знаю, я здѣсь слишкомъ недавно,—отвѣтилъ Митя.—Больше вамъ ничего не угодно? — прибавилъ онъ сурово.

Но тутъ же подумалъ, что нѣтъ никакихъ основаній быть грубымъ съ этимъ господиномъ, который смущается и очевидно не вполнѣ точно исполняетъ порученіе, и онъ прибавилъ:

— Вы понимаете, что мы всѣ озабочены!..—и поклонился.

И гость тоже поклонился и промолвилъ:

— Моя фамилія—Унито.

Затѣмъ онъ вышелъ.

Митя подержалъ письмо въ рукахъ, внимательно осмотрѣлъ его и положилъ въ карманъ. О томъ, чтобы передать его сейчасъ же Нинѣ не могло быть и рѣчи. Это была новая забота, которая ворвалась въ его голову, и безъ того наполненную тревожными мыслями. Онъ вошелъ въ домъ, мелькомъ взглянулъ какъ какіе-то посторонніе люди убираютъ комнату для покойника (эти люди неизвѣстно откуда выползаютъ во всѣхъ странахъ міра) и убѣдившись, что все идетъ, какъ слѣдуетъ, тѣмъ больше, что блѣдное лицо Лизаветы Петровны мелькало здѣсь, онъ пошелъ въ свой отель. Здѣсь онъ сообщилъ Бузковымъ о письмѣ.

— По моему,—сказалъ Семенъ Ивановичъ,—распечатать и прочитать.

Надя ужаснулась отъ этого предложенія.

— Распечатать письмо, адресованное другому! Я не сдѣлала бы этого, еслибы знала, что въ немъ мнѣ угрожаютъ смертью.

— Если бы ты это знала, то тебѣ незачѣмъ было бы и читать его?—съ кривой усмѣшкой замѣтилъ Бузковъ.—Но въ томъ то и дѣло, что намъ неизвѣстно, чѣмъ здѣсь угрожаютъ. Впрочемъ,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Митѣ, — знаешь что я тебѣ скажу? По всему вижу, что рано или поздно долженъ свершиться законъ человѣческой глупости. Ты меня прости,—вѣдь рѣчь идетъ о твоей сестрѣ, но повѣрь, что она вернется къ господину Ребелли.

— И такъ, что же дѣлать съ письмомъ?—спросилъ Митя.

На это отвѣтила Надя:

— Я тоже думаю, что она возвратится, но надо, чтобы впослѣдствіи ты не чувствовалъ себя виноватымъ въ этомъ и потому возврати письмо этому господину и пусть онъ передаетъ его, какъ хочетъ.

Митя согласился. Онъ тотчасъ же взялъ фіакръ и поѣхалъ въ Веве, нашелъ отель, а въ отелѣ пріѣзжаго господина и возвратилъ ему письмо.

— Развѣ госпожа Ребелли не хочетъ принять?—спросилъ тотъ.

— Не знаю,—отвѣтилъ Митя,— но я не могу передать ей.

— Но какая причина?

— Причина та,—промолвилъ Митя,— что я не сочувствую этой перепискѣ. Скажите,—прибавилъ онъ,—вы единственно за этимъ пріѣхали сюда?

— Единственно за этимъ. И развѣ это не доказываетъ, какъ сильно господинъ Ребелли желаетъ вернуть къ себѣ свою супругу?

— Безъ сомнѣнія, доказываетъ,— согласился Митя. — Но я не знаю, по какимъ побужденіямъ онъ это дѣлаетъ,— вѣдь вамъ, вѣроятно, извѣстна вся эта исторія.

— Конечно, но вѣдь это были такіе пустяки, изъ-за которыхъ не стоило портить жизни.

— Вы думаете? Ну я объ этомъ другого мнѣнія.—Митя раскланялся и хотѣлъ итти.

— Виноватъ, — остановилъ его хозяинъ,—какимъ же путемъ я могу передать это письмо госпожѣ Ребелли?

— Ничего не могу вамъ посовѣтовать. Я бы предпочелъ, чтобы вы вовсе не передавали его.

— Но я не могу же не исполнить порученія?

— Это ваше дѣло,—отвѣтилъ Митя и вышелъ.

Щербанскаго, конечно, рѣшено было похоронить въ Россіи. Къ вечеру былъ готовъ металлическій гробъ и въ ночь нужно было отправить его. Нина все время была въ состояніи какой-то апатіи и когда возникъ вопросъ о томъ, чтобы ѣхать вмѣстѣ съ гробомъ въ Россію, она не выразила ни малѣйшаго желанія.

— Зачѣмъ мнѣ ѣхать, — говорила она,—тамъ у меня нѣтъ ничего опредѣленнаго. Ты знаешь, какъ я была привязана къ Валерію Аполлоновичу, но зачѣмъ онъ перехватывалъ письма? Это такъ нехорошо, это оставило во мнѣ такое тяжелое чувство къ нему. Конечно, объ этомъ говорить теперь нечего, но мнѣ жаль, что моя привязанность какъ будто была заслонена этимъ непріятнымъ чувствомъ.

— Значитъ, ты хотѣла бы чего-нибудь опредѣленнаго?—сказалъ Митя.

— Я думаю, кто же не хочетъ этого?

— Напримѣръ, ты могла бы вернуться къ мужу?

— Я не знаю, что онъ объ этомъ думаетъ. Объ этомъ такъ много старались.

— Но если бы онъ желалъ этого?

— Я хотѣла бы узнать это отъ него.

— Какъ неопредѣленно ты отвѣчаешь! Но я вижу, что ты способна вернуться къ нему... Но неужели ты можешь забыть или простить оскорбленіе, которое онъ тебѣ нанесъ, Нина? Неужели ты могла бы примириться опять съ той пошлой, мерзкой жизнью, которой онъ тебя окружилъ?

Нина поблѣднѣла и нахмурилась.

— Перестань говорить объ этомъ. Ты ничего не понимаешь въ жизни. Ты всегда смѣло судилъ о томъ, чего не понималъ. Это было очень дурно съ твоей стороны.

Было рѣшено, что въ Россію поѣдетъ Митя. Лизавету Петровну объ этомъ не спрашивали. Ее ни о чемъ нельзя было спрашивать. Она была въ такомъ состояніи, что, казалось, ничего не была способна понимать. Кто-то видѣлъ, какъ она укладывала какіе-то узелки, а когда стемнѣло, было замѣчено, что ея нѣтъ въ домѣ. Она исчезла. Такъ какъ она не являлась часа два, хотя была уже ночь, то въ домѣ поднялась тревога, ее стали искать, но напрасно. Очевидно, она уѣхала съ какимъ-нибудь поѣздомъ и это было необъяснимо. Но Митя никакъ не могъ отложить свой отъѣздъ, онъ только на нѣсколько минутъ зашелъ въ отель и здѣсь узналъ, что Надя рѣшила съ нимъ ѣхать. Когда онъ выразилъ удивленіе, Надя замѣтила:

— Развѣ тебя это обременяетъ? Я же сказала тебѣ, что всегда буду съ тобой.

Бузковъ усмѣхнулся.

— Я думаю,—сказалъ онъ,—что она тебѣ будетъ полезна. Помилуй Богъ, одному сопровождать покойника. А тамъ на мѣстѣ устраивать торжественные похороны! Но боюсь, какъ бы вы не вернулись изъ Россіи женатыми...

Надя гнѣвно посмотрѣла на него.

— Умный ты человѣкъ, Семенъ, и обо всемъ мыслишь по своему, а тутъ все сбиваешься на обыкновенное... Ничего ты не понимаешь и никогда этого не будетъ.

Митѣ понравилось, съ какимъ выраженіемъ твердости и увѣренности сказала она это. Онъ отвѣтилъ, что ему, разумѣется, будетъ пріятно ѣхать съ Надей, но что онъ не хотѣлъ доставлять ей излишнихъ затрудненій.

— Ну, а я буду здѣсь наслаждаться природой, — сказалъ Бузковъ;—я замѣчаю, что здѣшній воздухъ оживляетъ меня и чего добраго, придется отложить мои похороны на порядочный срокъ. Пожалуй, здѣсь я раздумаю и поживу еще...

Часа въ два ночи поѣздъ, увозившій гробъ, вышелъ изъ Монтре. На немъ уѣхали Митя и Надя.

LI.

Въ С. они пріѣхали утромъ. На вокзалѣ ихъ встрѣтилъ Иванъ Петровичъ. Онъ былъ въ черномъ сюртукѣ и встрѣча эта походила на торжественное представленіе подчиненнаго начальнику. Къ каждому слову Иванъ Петровичъ прибавлялъ „съ“ и вообще смотрѣлъ на Митю какъ на полновластнаго распорядителя торговаго дома.

— Что съ вами, Иванъ Петровичъ?— спросилъ его Митя.—Отчего вы такъ ко мнѣ перемѣнились?

— Я къ вамъ—какъ къ покойнику Валерію Аполлоновичу,—отвѣтилъ Иванъ Петровичъ добродушно и искренно.—Вы, можетъ не знаете, какое теперь у васъ большое дѣло... Вѣдь вы почти что первый богачъ въ С...

— Но право же,—отвѣтилъ Митя,— я не сталъ понимать въ дѣлахъ ни на іоту больше и, если бы вы, Иванъ Петровичъ, сегодня отказались управлять ими, то завтра, быть можетъ, я сталъ бы первымъ бѣднякомъ въ С. Не правда ли?

— Какъ же можно, чтобы я отказался?—промолвилъ Иванъ Петровичъ,—вѣдь это мой хлѣбъ.

— Благодарю васъ,—отвѣтилъ Митя.

Такъ какъ Иванъ Петровичъ недѣлю тому назадъ зналъ о смерти Щербанскаго, то къ торжественнымъ похоронамъ все было уже готово и на другой день по пріѣздѣ они совершились. Когда блестящая процессія шла изъ церкви на кладбище и Митя рядомъ съ Надей шли за гробомъ, къ нимъ подбѣжалъ господинъ, въ которомъ Митя тотчасъ же узналъ Камилла. У него было очень печальное лицо, на рукавѣ его изящнаго пиджака былъ нашитъ траурный крепъ.

— Какъ это неожиданно!—промолвилъ Камиллъ.—Никакъ нельзя было думать...

— Почему же?—спросилъ Митя.—Вѣдь это со всякимъ въ концѣ концовъ случится...

— Да, но... Валерій Аполлоновичъ былъ еще такъ бодръ... Мой отецъ и мать очень извиняются передъ вами, они не могли пріѣхать по нездоровью. Они очень, очень извиняются передъ вами.

— Передо мной?— спросилъ Митя.— Почему же передо мной? Вѣдь не меня же хоронятъ?..

— Да, но... Вы ближайшій человѣкъ покойнику. Но скажите, неужели вы пріѣхали одни?

— Какъ видите,—отвѣтилъ Митя.—Я вотъ съ Надеждой Ивановной Бузковой,— сказалъ онъ, показавъ на Надю.

Камиллъ почтительно поклонился Надѣ, очевидно, подозрѣвая въ ней будущую жену новаго главы торговаго дома. Онъ сказалъ:

— Признаюсь, я нѣсколько удивленъ...

— Что нѣтъ моей сестры?—спросилъ Митя.

— Да, это странно.

— Кстати,— промолвилъ Митя, пристально взглянувъ на него.—Я встрѣтилъ тамъ вашего посланнаго, но я не нашелъ возможнымъ передать ваше письмо сестрѣ.

— О,—отвѣтилъ Камиллъ, повидимому нисколько не смутившись.—Это вы напрасно сдѣлали. Мои чувства къ Нинѣ таковы, что никакія мѣры не могутъ остановить меня. Я своего добьюсь. Никто не долженъ стоять между мужемъ и женой. Это дѣло интимное и васъ извинить въ этомъ можетъ только ваша молодость.

Митя на это ничего не отвѣтилъ. Камиллъ тоже помолчалъ и затѣмъ заговорилъ дѣловымъ тономъ:

— По всей вѣроятности, покойникъ оставилъ завѣщаніе? Онъ былъ такой аккуратный человѣкъ.

— Надо думать,—отвѣтилъ Митя.

— Неужели вамъ ничего неизвѣстно?

— Да вѣдь это въ концѣ концовъ станетъ всѣмъ извѣстно,—промолвилъ Митя тономъ, показывавшимъ, что онъ больше не желаетъ продолжать объ этомъ. Камиллъ это понялъ и, нѣсколько отставъ отъ него, шелъ отдѣльно. Но все время на похоронахъ онъ былъ на виду и даже дѣлалъ какія-то распоряженія, очевидно, стараясь подчеркнуть свое родство съ покойникомъ и свою близость къ торговому дому.

Когда все было кончено, на другой день утромъ Камиллъ сдѣлалъ Митѣ визитъ, объявивъ, что онъ пришелъ откланяться передъ отъѣздомъ въ Т. и пообѣщавъ зачѣмъ-то въ скоромъ времени пріѣхать.

Прошло нѣсколько дней, Митя давно порывался уѣхать въ Швейцарію, но Иванъ Петровичъ не пускалъ его. Онъ говорилъ о томъ, что необходимо ознакомиться съ дѣлами, а главное дождаться оффиціальнаго объявленія завѣщанія. Что касается знакомства съ дѣлами, то Митя не торопился. Духовное же завѣщаніе ему было извѣстно изъ письма Щербанскаго. Тѣмъ не менѣе онъ остался. Надя поселилась въ домѣ Щербанскаго и оба они не имѣли понятія о томъ, какіе толки возбуждало это обстоятельство. Очень немногіе, въ томъ числѣ Иванъ Петровичъ,

объясняли дѣло предстоящимъ бракомъ, большинство же смотрѣло на дѣло проще и называли Надю его любовницей. При этомъ всѣ высказывали удивленіе, что онъ, будучи обладателемъ большого состоянія, выбралъ такую невзрачную, скромную и ничѣмъ не замѣчательную дѣвушку.

Наконецъ, были выполнены всѣ формальности и содержаніе завѣщанія стало извѣстнымъ. Тотчасъ же въ мѣстныхъ газетахъ появились подробныя свѣдѣнія. Между прочимъ съ таинственнымъ видомъ сообщалось о какой то тайнѣ въ жизни Щербанскаго и самыя необыкновенныя вещи о новомъ наслѣдникѣ, молодомъ Ворошиловѣ. Изумлялись тому обстоятельству, что Щербанскій довѣрчиво оставилъ все состояніе одному Дмитрію Ворошилову и высказывали сомнѣніе въ томъ, что онъ поступитъ съ другими наслѣдниками великодушно Митя все это читалъ и первый разъ въ жизни почувствовалъ себя какимъ-то общественнымъ достояніемъ, о которомъ свободно можетъ говорить и писать всякій. „Это произошло, благодаря моему богатству,—думалъ онъ.—Еслибы на моемъ мѣстѣ былъ чурбанъ, то съ нимъ было бы то же самое».

Вечеромъ въ день объявленія завѣщанія къ нему явился Иванъ Петровичъ и, сохраняя глубоко почтительный видъ, заговорилъ о томъ, что покойникъ поступилъ странно.

— Не то, чтобы я сомнѣвался въ вашей добротѣ,—мягко, почти нѣжно говорилъ онъ,—я знаю, что вы денегъ не любите и не цѣните, но вѣдь какое это для васъ затрудненіе. Покойникъ зналъ, кто чего стоитъ, а вы вѣдь никого не знаете, трудно ли впасть въ ошибку? Пойдутъ недовольство, нареканія и всякія непріятности.

— Вы мнѣ поможете въ этомъ, Иванъ Петровичъ!

— Что-жъ, я, конечно, готовъ, какъ могу, но все же таки... Напримѣръ, я вамъ скажу касательно Камилла Федоровича...

Митя сдѣлалъ изумленное лицо.

— Причемъ же тутъ Камиллъ Федоровичъ—спросилъ онъ.

Иванъ Петровичъ въ свою очередь выразилъ удивленіе.

— А какъ же?—промолвилъ онъ,—вѣдь онъ же, можно сказать, какъ бы близкій родственникъ.

— Я не считаю его родственникомъ,—отвѣтилъ Митя, но тутъ же вспомнилъ, что Иванъ Петровичъ не посвященъ въ семейныя тайны Нины, и прибавилъ:—Дѣло въ томъ, Иванъ Петровичъ, что между Камилломъ и Ниной произошли нѣкоторыя обстоятельства...

— Я знаю,—тихо проговорилъ Иванъ Петровичъ.

— Вы знаете? Откуда?

— Да такъ, доходило до меня... кое что слышалъ, кое о чемъ догадался.

— Тѣмъ лучше... Если вы знаете, то сами должны понимать, что Камиллъ Федоровичъ не можетъ считаться намъ своимъ человѣкомъ.

Иванъ Петровичъ усмѣхнулся и покачалъ головой.

— Нѣтъ, Дмитрій Дмитріевичъ, это не такъ. Разумѣется, ежели позволите мнѣ высказать свой взглядъ...

— Пожалуйста, пожалуйста,—промолвилъ Митя, хотя тутъ же подумалъ: „твой взглядъ мнѣ ясенъ, онъ не можетъ быть инымъ, какъ взглядъ всѣхъ“.

— Я полагаю,—разсудительно сказалъ Иванъ Петровичъ,—что первое то, что они мужъ и жена. Уже это всякій знаетъ, что ежели Богъ соединилъ, такъ тутъ толковать нечего. А второе—такъ, по моему, и дѣлу неправильный ходъ данъ.

— Вотъ какъ! Какой же по вашему ходъ надо было дать?

— А никакого. Мало ли что бываетъ въ нѣдрахъ семейства? Можетъ, еще не такія дѣянія, ну, а потомъ все прощается и забывается и полагаю я, что вамъ, Дмитрій Дмитріевичъ, какъ брату, надо бы даже постараться объ этомъ.

— О чемъ?—спросилъ Митя.

— А о томъ, чтобы соединить ихъ.

— А если такъ,—продолжалъ своимъ тономъ Иванъ Петровичъ,—то значитъ и по вашему Камиллъ Ѳедоровичъ все же родственникъ и, слѣдовательно, въ наслѣдованіи участвовать долженъ.

— Никогда, никогда! — воскликнулъ Митя.—Вы знаете очень хорошо, что мнѣ денегъ не жаль, что я вовсе не корыстенъ и вы убѣдитесь въ этомъ очень скоро, но я предпочитаю употребить эти деньги полезнѣе и справедливѣе... Камиллу я не дамъ ни одного рубля.

Онъ заявилъ это такимъ энергичнымъ тономъ, что Иванъ Петровичъ въ первую минуту смутился и не посмѣлъ ничего возразить. Митя замѣтилъ это и продолжалъ мягче:

— Я не вѣрю въ его любовь къ сестрѣ, ему нужны только деньги для поправленія дѣлъ.

— Но, значитъ, тогда вы и Нину Дмитріевну обидите?

— Нина Дмитріевна можетъ во всякое время пользоваться всѣмъ состояніемъ Валерія Аполлоновича... но такъ, чтобы это не приносило выгодъ Ребелли.

Иванъ Петровичъ опять усмѣхнулся.

— Это вы, Дмитрій Дмитріевичъ, по молодости своей говорите. Нельзя отдѣлять женино добро отъ мужняго. Вмѣстѣ живутъ и дѣла общія! Это такъ искони заведено.

— Не будемъ объ этомъ говорить, Иванъ Петровичъ; у меня на это свои взгляды и я надѣюсь, что сумѣю быть твердымъ. А васъ я попрошу привести въ ясность цифру, которой равняется состояніе Валерія Аполлоновича и затѣмъ составить предположеніе, кому какую сумму надо дать, чтобы никто изъ работавшихъ въ дѣлахъ Щербанскаго не былъ обиженъ,—рѣшительно никто, Иванъ Петровичъ!

— Хорошо-съ, я это сдѣлаю,—отвѣтилъ Иванъ Петровичъ нѣсколько сухо, очевидно недовольный разногласіемъ во взглядахъ. Онъ поднялся и сталъ раскланиваться. Митя не удерживалъ его.

(Продолженіе слѣдуетъ).

И. Потапенко.

Парижскій салонъ 1894 г. **Бонна.** Торжество искусства.

Крейслеріана.

Пер. **А. Страхова.**

(Окончаніе.)

V.

Врагъ музыки.

Человѣкъ, въ высшей степени музыкальный, несомнѣнно, представляетъ собою нѣчто умилительное: какъ бы одаренный особенною силой, онъ легко и весело обходится съ величайшими музыкальными массами, которыя композиторъ соорудилъ изъ безчисленнаго множества нотъ и звуковъ самыхъ разнообразныхъ инструментовъ; эти массы воспринимаются его умомъ и чувствомъ безъ особеннаго душевнаго возбужденія, безъ тягостныхъ вспышекъ пламеннаго восторга и мучительной скорби.—При такихъ условіяхъ можно наслаждаться и виртуозностью исполнителей и даже, безъ всякой опасности, выражать вслухъ свои радостныя чувства, льющіяся изъ глубины души. Не говорю уже о счастіи быть самому виртуозомъ: при этой мысли мнѣ станетъ еще досаднѣе, такъ какъ мое чувство совершенно неспособно къ воспринятію музыки: этимъ и объясняется моя неуспѣшность въ этомъ прекрасномъ искусствѣ, проявленная мною, къ сожалѣнію, еще съ дѣтства.—Мой отецъ, несомнѣнно, былъ дѣльнымъ музыкантомъ; онъ много игралъ на большомъ фортепіано и часто просиживалъ за нимъ до глубокой ночи. Когда въ нашемъ домѣ бывалъ концертъ, мой отецъ игралъ очень длинныя вещи, причемъ другіе аккомпанировали ему въ очень малыхъ размѣрахъ на скрипкахъ, басахъ, флейтахъ и валторнахъ. Когда длинная пьеса оканчивалась, всѣ очень шумѣли и кричали: «Браво, браво! какой прекрасный концертъ, какая искусная, чистая игра!» И при этомъ съ благоговѣніемъ произносили имя Эммануила Баха!—Но отецъ такъ много билъ и звенѣлъ, что мнѣ казалось, будто тутъ нѣтъ никакой музыки: подъ музыкой я понимаю мелодіи, идущія прямо къ сердцу; поэтому мнѣ представлялось, что отецъ играетъ только для забавы и что другіе точно также видятъ въ музыкѣ лишь одно развлеченіе.—На этихъ концертахъ я всегда былъ одѣтъ въ праздничный кафтанчикъ и долженъ былъ сидѣть подлѣ матери на высокомъ стулѣ и слушать въ полномъ спокойствіи. Время тянулось для меня ужасно долго и я, конечно, не могъ бы просидѣть терпѣливо, если бы не развлекался странными гримасами и комическими движеніями исполнителей. Особенно памятенъ мнѣ старый адвокатъ, который всегда игралъ возлѣ

моего отца на скрипкѣ: говорили, что онъ страшный энтузіастъ и что въ безумной экзальтаціи, до которой доводитъ его геній Эммануила Баха, Вольфа, или Бенды, онъ беретъ звуки нечисто и не выдерживаетъ такта.— Этотъ человѣкъ теперь какъ будто стоитъ передо мной. Онъ носилъ кафтанъ цвѣта сливы съ вызолоченными пуговицами, маленькую серебряную шпагу и рыжеватый, слегка напудренный парикъ, сзади котораго спускался небольшой кошелекъ волосъ. Приступалъ онъ къ дѣлу съ невыразимою важностью. Когда мой отецъ раскладывалъ по пультамъ ноты, адвокатъ обыкновенно возглашалъ: ad opus! Затѣмъ онъ правою рукой бралъ скрипку, а лѣвой снималъ парикъ и вѣшалъ его на гвоздь. Послѣ этого онъ начиналъ работать; наклоняясь все болѣе и болѣе къ нотамъ, его красные глаза, сверкая, выступали изъ орбитъ; на лбу у него появлялись капли пота. Однажды вышло такъ, что онъ кончилъ ранѣе остальныхъ; онъ не мало этому дивился и очень злобно смотрѣлъ на другихъ. Звуки его скрипки часто казались мнѣ похожими на пищанье, которое извлекалъ изъ нашего кота сосѣдній мальчикъ Петръ, производившій естественно-историческія изслѣдованія о музыкальныхъ талантахъ кошекъ: онъ искусно прищемлялъ коту хвостъ и продѣлывалъ разные другіе эксперименты, за что отецъ иногда билъ его.—Словомъ, адвокатъ въ кафтанѣ цвѣта сливы — его звали Музевіусъ—вполнѣ вознаграждалъ меня за муку молчаливаго сидѣнья, такъ какъ я чрезвычайно забавлялся его гримасами, комическими прыжками по струнамъ и визжаньемъ его скрипки. Однажды онъ произвелъ переполохъ во время концерта: отецъ выскочилъ изъ-за фортепіано, и всѣ бросились къ Музевіусу, опасаясь, что съ нимъ сдѣлался злокачественный припадокъ. Именно, онъ началъ трясти головой,—сначала слегка, но потомъ въ возраставшемъ crescendo замоталъ все сильнѣе и сильнѣе, причемъ страшно ерзалъ смычкомъ по струнамъ, щелкалъ языкомъ и топалъ ногой. Но вся буря произошла оттого, что около него съ необыкновеннымъ упрямствомъ кружилась и жужжала маленькая муха, тысячу разъ изгонялась адвокатомъ и каждый разъ снова садилась ему на носъ.—Иногда моя тетка пѣла арію. Ахъ, какъ я всегда при этомъ радовался! Я очень любилъ ее; она баловала меня и часто пѣвала мнѣ разныя прекрасныя пѣсни. Голосъ у нея былъ отличный и проникалъ въ глубину моей души; я хорошо помню эти пѣсни и еще теперь напѣваю ихъ про себя потихоньку.— Было какое-то торжественное событіе, когда тетка раскладывала голоса арій Гассе, Траэтты, или другихъ композиторовъ; адвокату не позволялось тутъ участвовать. Уже во время интродукціи, когда тетка еще не начинала пѣть, сердце у меня билось и мною овладѣвало странное ощущеніе горя и радости, такъ что я едва могъ собраться съ духомъ. Но когда тетка начинала пѣть, я горько плакалъ и меня удаляли изъ комнаты при сильной брани отца. Отецъ часто спорилъ съ теткой; она утверждала, что музыка вовсе не производитъ на меня непріятнаго, отталкивающаго впечатлѣнія и что мое поведеніе надо объяснять крайнею воспріимчивостью моей натуры; отецъ, напротивъ, прямо ругалъ меня глупымъ мальчишкой, который лаетъ отъ неудовольствія, какъ антимузыкальная собака. Тетка не только меня защищала, но даже приписывала мнѣ глубоко скрытое музыкальное чувство, указывая главнымъ образомъ на слѣдующее обстоятельство: часто, когда отецъ оставлялъ фортепіано открытымъ, я по цѣлымъ часамъ съ любовью извлекалъ изъ него звуки и отыскивалъ благозвучные аккорды. Когда мнѣ удавалось обѣими руками вызвать чудное, пріятное созвучіе двухъ, трехъ и даже шести нотъ, я безъ устали повторялъ эти аккорды и наслаждался ихъ звукомъ. Я клалъ голову на фортепіанную крышку и закрывалъ глаза; я находился въ другомъ мірѣ, и наконецъ горько плакалъ, самъ не понимая—отъ радости, или отъ горя. Тетка часто подслушивала меня и радовалась; отецъ, напротивъ, видѣлъ въ этомъ только дѣтскія шалости. Вообще, сколько я видѣлъ, между ними было полное несогласіе не только во взглядахъ на меня, но и относительно другихъ вещей, а главнымъ образомъ музыки. Теткѣ очень нравились разныя музыкальныя произведенія, особенно итальянскія, отличавшіяся простотой и отсутствіемъ блеска, но горячій отецъ называлъ эту музыку вздоромъ, отнюдь не способнымъ заинтересовать умъ. Отецъ всегда говорилъ объ умѣ, тетка о чувствѣ. Наконецъ она добилась того, что отецъ пригласилъ стараго кантора, игравшаго въ домашнихъ концертахъ на альтѣ, обучать меня фортепіанной игрѣ. Но—увы! тутъ скоро выяснилось, что тетка возлагала на меня слишкомъ большія надежды и что отецъ былъ правъ. У меня не было недостатка ни въ чувствѣ такта, ни въ пониманіи мелодіи, какъ справедливо утверждалъ канторъ; но все дѣло испортила моя колоссальная неспособность. Когда мнѣ надо было играть упражненія, я садился за фортепіано съ добрымъ намѣреніемъ заняться прилежно, но скоро противъ воли я переходилъ къ отыскиванію пріятныхъ аккордовъ, и дѣло останавливалось. Весьма много я трудился надъ упражненіями въ разныхъ тонахъ и дошелъ наконецъ до проклятаго тона, который означается четырьмя діэзами и называется, какъ я еще теперь хорошо помню, E-dur. На пьесѣ было написано большими буквами: Scherzando presto. Когда канторъ сыгралъ мнѣ эту

вещь, я услыхалъ какіе-то прыжки, скачки, которые мнѣ очень не понравились. Ахъ, сколькихъ слезъ, сколькихъ поощрительныхъ тумаковъ отъ несчастнаго кантора стоило мнѣ проклятое presto! Наконецъ наступилъ ужасный для меня день, въ который я долженъ былъ показать отцу и его музыкальнымъ друзьямъ достигнутыя мною познанія и сыграть все пройденное мною. Я зналъ все хорошо, кромѣ страшнаго presto въ E-dur; наканунѣ вечеромъ я въ отчаяніи сѣлъ за фортепіано, чтобы выучить эту вещь, чего бы это ни стоило. Самъ не знаю, какимъ образомъ я сталъ играть пьесу не по указаннымъ клавишамъ, а по сосѣднимъ съ ними; мнѣ удалось разучить, вся пьеса оказалась легче прежняго, и я не пропустилъ ни одной ноты, хотя впрочемъ игралъ въ другомъ тонѣ; мнѣ казалось, что такъ выходило даже лучше, чѣмъ при исполненіи кантора. У меня стало легко и свободно на душѣ; на другой день я смѣло сѣлъ за фортепіано, бодро исполнилъ эту пьесу, и отецъ постоянно восклицалъ: «я этого не ожидалъ!» Когда скерцо было окончено, канторъ сказалъ совершенно искренно: «Это былъ трудный тонъ E-dur!» Мой отецъ обратился къ одному пріятелю и замѣтилъ: «Видите, какъ славно мальчуганъ овладѣлъ труднымъ E-dur!» «Позвольте, почтеннѣйшій, возразилъ тотъ: это былъ F-dur!» «Нѣтъ, нѣтъ, вовсе нѣтъ», отвѣчалъ отецъ. «Увѣряю васъ, настаивалъ пріятель; да вотъ, мы сейчасъ посмотримъ». Оба подошли къ фортепіано. «Видите», торжественно вскричалъ отецъ, указывая на четыре діэза. «И все таки мальчикъ игралъ F-dur», сказалъ пріятель.—Я долженъ былъ повторить пьесу. Я приступилъ къ этому совершенно спокойно; да мнѣ и не совсѣмъ было ясно, о чемъ они такъ серьезно спорили. Отецъ смотрѣлъ на клавиши; едва я взялъ нѣсколько нотъ, какъ рука отца свиснула у меня за ухомъ: «Нелѣпый, глупый мальчишка», закричалъ онъ въ сильномъ гнѣвѣ. Съ воплемъ убѣжалъ я оттуда, и съ той поры мое музыкальное образованіе было окончено навсегда. Тетка думала, что правильное исполненіе мною цѣлой пьесы, только въ другомъ тонѣ, именно служитъ доказательствомъ настоящаго музыкальнаго таланта; но я теперь даже самъ увѣренъ, что мой отецъ основательно прекратилъ мое музыкальное образованіе, потому что моя неспособность, неповоротливость и неловкость моихъ пальцевъ пошли бы наперекоръ всѣмъ усиліямъ. Но кажется, что и мой духъ не обладаетъ способностью къ музыкѣ. Часто во время игры извѣстныхъ виртуозовъ, когда всѣ приходили въ шумный восторгъ, я ощущалъ только скуку и отвращеніе и при этомъ подвергалъ себя осмѣянію, такъ какъ не могъ не высказать откровенно своего мнѣнія, подсказаннаго внутреннимъ чувствомъ. Смѣялись любители искусства, восхищенные музыкой—люди, конечно, компетентные въ этомъ дѣлѣ. Да вотъ, недавно со мной былъ подобный случай, когда черезъ нашъ городъ проѣзжалъ знаменитый піанистъ, и я слушалъ его у одного изъ моихъ знакомыхъ. «Сегодня, любезнѣйшій, сказалъ мнѣ этотъ знакомый, вы навѣрно исцѣлитесь отъ вашей вражды къ музыкѣ: знаменитый X. расшевелитъ и вдохновитъ васъ». Я долженъ былъ, вопреки моему желанію, сѣсть близъ самаго фортепіано. Виртуозъ началъ ѣздить вверхъ и внизъ по инструменту и поднялъ страшный шумъ, отъ котораго у меня закружилась голова и на душѣ стало очень тягостно. Но вскорѣ одно постороннее обстоятельство отвлекло мое вниманіе, и я, совсѣмъ не слыша піаниста, уставился сосредоточенно на фортепіано; поэтому, когда онъ наконецъ пересталъ гремѣть и бушевать, пріятель схватилъ меня за руку и воскликнулъ: «Э! да вы совсѣмъ оцѣпенѣли! Ага, дружокъ! Наконецъ-то вы ощущаете глубокое, захватывающее вліяніе музыки?» — Я откровенно сказалъ, что я собственно мало слышалъ піаниста; что я, напротивъ, очень заинтересовался его быстрыми прыжками вверхъ и внизъ по инструменту и послѣдовательнымъ мелканіемъ молоточковъ. Послѣ моихъ словъ всѣ разразились громкимъ хохотомъ. Часто меня бранятъ безчувственнымъ, бездушнымъ, если я моментально убѣгаю изъ комнаты, какъ только откроютъ фортепіано, или какая-нибудь дама беретъ гитару и откашливается, собираясь пѣть: я уже знаю, что во время обычнаго исполненія домашней музыки я чувствую себя плохо и разстраиваю себѣ нервы. Это истинное бѣдствіе, потому что я такимъ образомъ возбуждаю къ себѣ презрѣніе высоко-образованнаго общества. Конечно, такой голосъ и такое пѣніе, какъ у моей тетки, прямо проникаетъ въ мое сердце и возбуждаетъ во мнѣ чувства, которыхъ я не могу передать никакими словами: при такомъ пѣніи я, полный блаженства, возвышаюсь надъ всѣмъ земнымъ, и для передачи этого состоянія нельзя найти соотвѣтственнаго выраженія; но, слушая такую пѣвицу и находясь въ такомъ настроеніи, я совершенно не могу, подобно другимъ, выражать мое изумленіе вслухъ: я сохраняю молчаніе и смотрю вглубь самого себя, потому что всѣ звуки, затихшіе извнѣ, еще отражаются въ глубинѣ моего сердца; за это меня бранятъ холоднымъ, безчувственнымъ, врагомъ музыки. Наискосокъ отъ меня живетъ капельмейстеръ, у котораго по четвергамъ бываютъ квартеты; лѣтомъ ко мнѣ оттуда доносятся тихіе звуки, такъ какъ тамъ играютъ при открытыхъ окнахъ вечеромъ, когда на улицахъ стихнетъ. Тогда я сажусь на софѣ и, закрывъ глаза, слушаю съ величайшимъ наслажденіемъ—

но только во время перваго квартета; при второмъ звуки мнѣ кажутся уже нестройными: они какъ будто борются съ мелодіями перваго квартета, еще живущими въ моей душѣ; третьяго квартета я уже не могу слушать—тутъ я долженъ просто бѣжать. Вслѣдствіе этого капельмейстеръ часто смѣялся надо мной, говоря, что музыка обращаетъ меня въ бѣгство. Я слышалъ, какъ они играли по 6 и по 8 квартетовъ; удивляюсь ихъ, по истинѣ, необычайной крѣпости духа и ихъ музыкальнымъ силамъ, благодаря коимъ они могутъ исполнять заразъ столько музыки и воспроизводить живо всѣ музыкальные образы въ томъ видѣ, какъ они были задуманы и прочувствованы композиторомъ. То же самое происходитъ со мною въ концертахъ: уже первая симфонія нерѣдко производитъ на меня такое сильное впечатлѣніе, что для всего остальнаго я дѣлаюсь мертвымъ. Одна начальная фраза иногда такъ меня возбуждаетъ, потрясаетъ съ такою силою, что я страстно желаю яснѣе разглядѣть всѣ чудныя видѣнія, окружившія меня, порываюсь вмѣшаться въ ихъ дивную пляску и совершенно слиться съ ними. Мнѣ иногда представляется, какъ будто музыка, слышимая мною—я самъ. Поэтому я никогда не спрашиваю объ имени композитора: для меня это кажется совершенно безразличнымъ. Мнѣ кажется, что гдѣ-то очень высоко двигаются только психическіе элементы и что я въ этомъ настроеніи сочинилъ много прекраснаго. Я пишу все это только для себя и ужасаюсь при мысли, что эти вещи какъ-нибудь сорвутся у меня съ языка при врожденной мнѣ простодушной откровенности. Какъ-бы меня осмѣяли! Навѣрно, иные музыкальные бандиты усумнились бы въ нормальности моего душевнаго состоянія! Всякій разъ, какъ я послѣ первой симфоніи спѣшу изъ концертной залы, они кричатъ мнѣ вслѣдъ: «Вотъ бѣжитъ врагъ музыки!» Они сожалѣютъ обо мнѣ, такъ какъ теперь каждый образованный человѣкъ основательно требуетъ, чтобы вмѣстѣ съ искусствомъ благопристойныхъ поклоновъ и умѣньемъ говорить даже о непонятныхъ предметахъ люди свѣта проявляли и любовь къ музыкѣ. Но мое несчастіе именно и состоитъ въ томъ, что эта любовь часто загоняетъ меня въ уединеніе; тутъ вѣчно властвующая Сила возбуждаетъ удивительный шумъ дубовыхъ листьевъ надъ моей головой и дивное журчанье сосѣдняго ручейка; эти звуки таинственно смѣшиваются съ голосами, живущими въ моей груди, и отражаются въ нихъ великолѣпной музыкой—да, въ этомъ мое горе! Ужасная неповоротливость, проклятая неспособность къ воспріятію музыки, конечно, вредитъ мнѣ и въ оперѣ. Иногда, конечно, я тутъ могу разслышать какой-то удачный музыкальный шумъ, который очень успѣшно прогоняетъ демона скуки или еще болѣе злобныхъ привидѣній: съ такимъ же успѣхомъ передъ караванами громко ударяютъ въ цимбалы и литавры, чтобы отогнать дикихъ звѣрей; но, если этотъ ревъ повторяется часто,—если я вижу людей, говорящихъ только сильными музыкальными акцентами, то передо мной быстро раскрывается область чудесъ подобно блестящей звѣздѣ и мнѣ тогда очень трудно держаться подъ ураганомъ, который охватываетъ меня и грозитъ унести въ міръ безконечнаго. Но я стараюсь привыкнуть, посѣщаю нѣсколько разъ такую оперу, и на душѣ у меня становится лучше и свѣтлѣе; всѣ образы выступаютъ изъ своей мрачной оболочки и приближаются ко мнѣ, и я тогда вижу, какъ дружелюбно они относятся ко мнѣ и какъ радостно сочувствуютъ моимъ порывамъ къ лучшей, неземной жизни. Я думаю, что слышалъ «Ифигенію» Глука навѣрно разъ 50. Но настоящіе музыканты основательно смѣются и говорятъ: «Мы все поняли съ перваго раза, и въ третій разъ уже намъ скучно». Меня просто преслѣдуетъ какой-то злобный демонъ и ставитъ меня въ невольное комическое положеніе, такъ что распространяются смѣшные анекдоты о моей враждѣ къ музыкѣ. Такъ на дняхъ, я изъ любезности къ пріѣзжему знакомому пошелъ въ оперу. Сижу, погруженный въ раздумье, между тѣмъ какъ на сценѣ происходитъ нелѣпый музыкальный шумъ. Сосѣдъ тихонько толкаетъ меня и говоритъ: «Какое превосходное мѣсто!» Я размышлялъ, и въ эту минуту мнѣ представилось, что онъ говоритъ о мѣстѣ въ партерѣ, гдѣ мы сидѣли. Я простодушно отвѣтилъ: «Да, хорошее мѣсто; только немного сквозитъ!» Онъ очень смѣялся, и анекдотъ о врагѣ музыки распространился по всему городу: надо мной всюду трунили, припоминая о сквознякѣ въ оперѣ, хотя я и сказалъ сущую правду.

Повѣрятъ ли, что, несмотря на все это, существуетъ настоящій музыкантъ, который держится мнѣнія моей тетки относительно моихъ музыкальныхъ способностей? Конечно, никто не придастъ большой цѣны моему заявленію, если я скажу, что этотъ музыкантъ-капельмейстеръ Іоганнъ Крейслеръ, котораго всюду разславили сумасшедшимъ; но я не мало горжусь тѣмъ, что онъ не отказывается пѣть и играть для меня по моему личному вкусу, т.-е. именно такъ, какъ мнѣ пріятно слышать. На дняхъ, когда я ему жаловался на мою музыкальную неспособность, онъ сказалъ: «Васъ можно сравнить съ тѣмъ ученикомъ въ *Саисскомъ* храмѣ *), который кажется менѣе искуснымъ, чѣмъ его товарищи; однако этотъ ученикъ нашелъ чудесный камень, котораго другіе не могли найти при всѣхъ усиліяхъ».

*) Намекъ на мистическій романъ Новалиса *Ученики въ Саисѣ*.

Я не понялъ его, потому что не читалъ сочиненій Новалиса, на которыя и указалъ мнѣ Крейслеръ. Сегодня я послалъ за ними въ публичную библіотеку; но книга еще не получена: она должна быть очень интересной и ее, вѣроятно, всегда читаютъ. Однако, нѣтъ: сейчасъ я получаю сочиненія Новалиса, два томика, и библіотекарь поручаетъ мнѣ передать, что съ подобными книгами онъ всегда къ моимъ услугамъ, такъ какъ онѣ всегда въ библіотекѣ; только онъ не могъ скоро найти Новалиса, котораго запряталъ далеко, потому что эту книгу никогда не спрашиваютъ. Мнѣ теперь хочется посмотрѣть, что тутъ за ученики въ Саисѣ.

VI.

Объ изреченіи Саккини *) и о такъ называемомъ эффектѣ въ музыкѣ.

Въ музыкальномъ словарѣ Гербера разсказывается о знаменитомъ Саккини слѣдующее. Когда Саккини обѣдалъ въ Лондонѣ у знаменитаго гобоиста Лебрена, кто-то изъ присутствовавшихъ высказалъ упрекъ, который часто дѣлаютъ итальянскимъ композиторомъ, а именно, что они недостаточно модулируютъ. «Мы модулируемъ въ церковной музыкѣ, сказалъ Саккини: тутъ вниманіе можетъ легче слѣдить за искусными измѣненіями тоновъ, потому что ему не мѣшаютъ побочные предметы зрѣлища; но въ театрѣ музыка должна быть ясной и простой; должна болѣе трогать сердце, чѣмъ потрясать; должна быть доступной даже неопытному слуху. Тотъ, кто сочиняетъ разнообразныя мелодіи, не измѣняя въ нихъ тона, показываетъ больше таланта, чѣмъ тотъ, кто измѣняетъ тонъ ежеминутно».

Это интересное изрѣченіе Саккини обнаруживаетъ все направленіе тогдашней итальянской оперной музыки, которое осталось въ сущности тѣмъ же и до нашего времени. Итальянцы не поднялись до такой высоты воззрѣнія, чтобы считать оперу тѣсною совокупностію словъ, дѣйствія и музыки, которыя должны производить на зрителя дружное, цѣлостное впечатлѣніе; музыка была для нихъ, скорѣе, случайной спутницей театральной пьесы и выступала тамъ и сямъ въ качествѣ отдѣльнаго искусства безъ всякаго отношенія къ цѣлому. Такимъ образомъ въ моментахъ развитія дѣйствія музыка итальянцевъ была поверхностной и легкой, и только примадонна или премьеръ въ своихъ, такъ называемыхъ, сценахъ выступали съ выразительной или, вѣрнѣе, съ истинной музыкой. Но и тутъ заботились только о томъ, чтобы показать во всемъ блескѣ пѣніе, даже часто одно только искусство пѣвцовъ, безо всякаго отношенія къ моменту дѣйствія.

Саккини не допускаетъ въ оперѣ сильныхъ, потрясающихъ звуковъ, и относитъ ихъ къ области церковной музыки; онъ велитъ театру имѣть дѣло только съ пріятными, неглубоко захватывающими чувствами; онъ желаетъ возбуждать не сильное изумленіе, а лишь спокойное умиленіе. Но вѣдь опера своимъ мощнымъ соединеніемъ человѣческой рѣчи съ общимъ языкомъ музыки должна производить именно сильное, глубоко-захватывающее дѣйствіе на душу! Такова задача оперы уже по самой ея природѣ. Наконецъ Саккини хочетъ сдѣлаться доступнымъ даже непривычному слуху посредствомъ простоты, или, вѣрнѣе, монотонности. Но вѣдь величайшее или, вѣрнѣе, истинное искусство композитора состоитъ именно въ томъ, чтобы тронуть зрителя правдивостью выраженія и потрясти его такъ, какъ этого требуетъ моментъ дѣйствія; композиторъ даже самъ, подобно поэту, создаетъ этотъ моментъ. У него въ полномъ распоряженіи всѣ средства, представляемыя неисчерпаемымъ богатствомъ музыкальнаго искусства, и онъ ими пользуется, по мѣрѣ надобности, для достиженія той правдивости. Такимъ образомъ самый непривычный слухъ пойметъ въ болѣе важномъ отношеніи искуснѣйшую модуляцію, ея быструю перемѣну въ надлежащемъ мѣстѣ. Этимъ я хочу сказать не то, что профанъ разберетъ техническое построеніе музыки — это и не важно — но онъ будетъ совершенно охваченъ моментомъ дѣйствія. Напр. въ «Донъ-Жуанѣ» статуя Командора поетъ свое страшное *da!* въ основномъ тонѣ E; композиторъ переходитъ отъ него терціей въ C-dur, въ которомъ тонѣ и поетъ далѣе Лепорелло: музыкальный профанъ не пойметъ техническаго построенія этого перехода, но въ душѣ содрогнется вмѣстѣ съ Лепорелло. Точно также и высоко-образованный музыкантъ въ моментъ глубокаго вдохновенія мало будетъ думать о технической сторонѣ музыки: тутъ ему представляется уже сцена и онъ стоитъ наравнѣ съ профаномъ.

Въ церковной музыкѣ, входящей въ составъ богослуженія, мы слышимъ звуки неба, повѣствующіе намъ о безконечно прекрасномъ царствѣ вѣры и любви. Мы уносимся этой музыкой къ небесамъ; закваска зла, порождавшая страсти, остается въ покинутой нами земной жизни, и даже страданіе теперь превратилось въ пламенное стремленіе къ вѣчной любви. Не слѣдуетъ ли отсюда само собой, что именно изъ церковной музыки нужно удалять модуляціи, выражающія разстройство и смущеніе духа, потому что онѣ производятъ тутъ смятеніе и охватываютъ духъ земными порывами? Поэтому замѣчаніе Саккини надо

*) Знаменитый въ свое время драматическій композиторъ (1734—1786 г.).

понимать какъ разъ въ обратномъ смыслѣ, хотя онъ подъ усиленной модуляціей церковной музыки подразумѣвалъ только большее богатство гармоническаго матеріала, такъ какъ прямо указалъ на композиторовъ своей страны и, конечно, имѣлъ въ виду старую итальянскую школу. Относительно оперной музыки онъ, вѣроятно, измѣнилъ свое мнѣніе, когда услыхалъ въ Парижѣ оперы Глука: иначе онъ, вопреки собственному принципу, не сочинилъ бы сильной, глубоко-захватывающей сцены проклятія въ своей оперѣ «Эдипъ въ Колонахъ».

Глукъ впервые ясно выразилъ въ своихъ произведеніяхъ ту истину, что опера должна представляться цѣльной совокупностью слова, дѣйствія и музыки; но какая истина не толкуется вкривь и вкось и не производитъ самыхъ странныхъ недоразумѣній? Какія образцовыя произведенія не порождали, при слѣпомъ подражаніи, самыхъ смѣшныхъ копій? Близорукій взоръ можетъ разсматривать геніальныя произведенія только по мелочамъ и видитъ только разбросанныя черты картины: однѣ изъ нихъ онъ порицаетъ, другія считаетъ достойными подражанія. «Вертеръ» Гете произвелъ плаксивую сентиментальность того времени; его «Гецъ фонъ-Берлихингенъ» породилъ нелѣпые споры, въ которыхъ раздавались голоса дикой грубости и прозаическаго тупоумія. Самъ Гете говоритъ, что эти произведенія въ большинствѣ случаевъ дѣйствовали матеріальнымъ образомъ («Поэзія и правда», ч. 3). Можно также сказать утвердительно, что дѣйствіе сочиненій Глука и Моцарта, помимо текста, въ чисто-музыкальномъ отношеніи, было только матеріально. Взоры были направлены именно на матеріальную сторону музыкальнаго произведенія, а высшій духъ, которому должна подчиняться эта матерія, не былъ открытъ. Критиковали такимъ образомъ особенно Моцарта и находили, что разнообразная, удивительная модуляція и частое употребленіе духовыхъ инструментовъ въ его произведеніяхъ производятъ изумительное дѣйствіе; отсюда выводится заключеніе о непригодности вычурной инструментовки и прихотливой, немотивированной модуляціи. Эффектъ сталъ лозунгомъ композиторовъ, и достиженіе эффекта во что бы то ни стало, сдѣлалось цѣлью ихъ стремленій. Но эта самая погоня за эффектомъ показываетъ, что онъ отсутствуетъ и не легко дается въ руки. Однимъ словомъ, чтобы насъ тронуть, чтобы овладѣть нашимъ сердцемъ, художникъ самъ долженъ глубоко вдохновиться; искусство сочинять сильно-дѣйствующую музыку состоитъ только въ томъ, чтобы съ большей силой закрѣпить въ нотахъ то, что безсознательно воспринято въ глубинѣ души вдохновеніемъ. Поэтому, если молодой музыкантъ спрашиваетъ, какъ ему приступить къ сочиненію выразительной, эффектной оперы, то ему можно отвѣтить только слѣдующее: «читай поэму, совершенно углубись въ нее, вникай всѣми силами твоей фантазіи въ моменты дѣйствія; живи жизнью дѣйствующихъ лицъ; ты самъ тиранъ, герой, влюбленная; ты чувствуешь горе, восторгъ любви, позоръ, страхъ, ужасъ, даже невыразимую смертную муку, отраду счастливаго возрожденія; ты сердишься, приходишь въ ярость, надѣешься, предаешься отчаянію; кровь кипитъ у тебя въ жилахъ, пульсъ бьется сильнѣе; въ пылу вдохновенія, охватившаго твое сердце, вспыхиваютъ звуки, мелодіи, аккорды, и поэма изливается изъ твоей души чудною музыкальною рѣчью. Техническая подготовка будетъ состоять у тебя въ изученіи гармоніи, произведеній великихъ мастеровъ и въ самостоятельныхъ упражненіяхъ; проходя эту школу, ты все яснѣе и яснѣе будешь понимать твою внутреннюю музыку; ни одна мелодія, ни одна модуляція, ни какой либо инструментъ не ускользнутъ отъ тебя; вотъ, ты и найдешь не только желанный эффектъ, но и средства къ его достиженію и заключишь ихъ въ волшебную книгу партитуры, какъ духовъ, подчиненныхъ твоему могуществу». Конечно, всѣ эти совѣты имѣютъ только слѣдующій смыслъ: «Пожалуйста, любезнѣйшій, заботьтесь только о томъ, чтобы сдѣлаться музыкальнымъ геніемъ; все остальное придетъ къ вамъ уже само собой!» Но въ дѣйствительности дѣло обстоитъ именно такъ, а не иначе.

Тѣмъ не менѣе, возможенъ случай, что какой-нибудь композиторъ скрываетъ подъ спудомъ тлѣющую въ немъ искру истиннаго дарованія. Недовѣряя собственнымъ силамъ, онъ тушитъ творческіе порывы, зарождающіеся въ его душѣ, и стремится тщательно воспользоваться всѣмъ, что онъ нашелъ эффектнаго въ произведеніяхъ великихъ мастеровъ; вслѣдствіе этого онъ впадаетъ въ подражаніе одной только формѣ, которая не можетъ одухотворить сочиненія: она подчинена духу и создается только имъ однимъ. Вѣчные крики театральныхъ директоровъ, желающихъ заманить публику: «Давайте намъ эффекта! только эффекта!» и требованія quasi—знатоковъ, которымъ кажется въ пьесѣ мало перца, повергаютъ музыканта въ полное отчаяніе, и онъ, гдѣ только возможно, старается перещеголять тѣхъ мастеровъ еще большимъ эффектомъ. Такимъ образомъ происходятъ странныя композиціи, въ которыхъ рѣзкіе переходы и сильные аккорды всевозможныхъ духовыхъ инструментовъ слѣдуютъ другъ за другомъ безо всякой причины, т.-е. нисколько не мотивируются моментами самой пьесы; получаются только пестрыя краски, которыя не сливаются въ одну стройную

картину. Въ этомъ случаѣ композиторъ похожъ на крѣпко спящаго человѣка, котораго ежеминутно будитъ сильный стукъ; онъ постоянно просыпается и снова каждый разъ впадаетъ въ глубокій сонъ. Подобные сочинители чрезвычайно изумляются, если, несмотря на всѣ ихъ усилія, ихъ твореніе не производитъ ожидаемаго ими эффекта; они, конечно не думаютъ о томъ, что несравненно сильнѣйшее дѣйствіе произвела бы музыка въ томъ видѣ, какъ ее создалъ ихъ личный геній и какъ она вылилась прямо изъ ихъ собственнаго сердца, хотя въ этомъ видѣ она и казалась имъ очень простой и поверхностной. Ихъ боязливое недовѣріе къ собственнымъ силамъ ослѣпило ихъ разумъ, и они не поняли тѣхъ образцовыхъ произведеній, которымъ они подражали: у образца, въ которомъ должно искать эффекта, они заимствовали одни только средства для произведенія эффекта. Но, какъ уже выше сказано, только духъ, держа въ полномъ подчиненіи средства, придаетъ тѣмъ произведеніямъ неотразимую силу; только внутренняя музыка, которая вылилась мощнымъ потокомъ прямо изъ души, можетъ проникнуть въ душу слушателя. Духъ понимаетъ только языкъ духа.

Поэтому невозможно дать правила для произведенія музыкальнаго эффекта; тутъ умѣстны только руководящіе намеки, которые могутъ возвратить на путь истины композитора, очутившагося въ разладѣ съ самимъ собой и сбившагося съ дороги, подобно человѣку, ослѣпленному блуждающими огнями.

Первое и главное въ музыкѣ, что охватываетъ человѣческій духъ удивительными чарами, есть мелодія.—Безъ выразительной, пѣвучей мелодіи всякія инструментальныя прикрасы и т. п. будутъ только блестящимъ, пустымъ нарядомъ: если онъ не служитъ украшеніемъ живому тѣлу, какъ напр. въ «Бурѣ» Шекспира, то обращается только въ случайную внѣшнюю побрякушку, которая интересна только для глупой толпы. Но этимъ не все еще сказано о мелодіи. Пѣвучесть въ высшемъ значеніи этого слова—вотъ самое прекрасное опредѣленіе для означенія истинной мелодіи. Она должна быть пѣснью, льющеюся свободно и непринужденно изъ груди человѣка, который самъ есть инструментъ, звучащій самыми чудными и таинственными тонами природы. Не обладающая такою пѣвучестью мелодія представляется только рядомъ отдѣльныхъ звуковъ, которые безуспѣшно стремятся превратиться въ музыку. Трудно представить, до какой степени въ послѣднее время заброшена мелодія, главнымъ образомъ вслѣдствіе ложнаго пониманія Керубини; благодаря усиленнымъ стремленіямъ къ оригинальности и эффекту, въ большинствѣ музыкальныхъ произведеній совершенно отсутствуетъ пѣвучесть. Но какъ же простые напѣвы старыхъ итальянцевъ, сопровождаемые часто однимъ только басомъ, затрогиваютъ и возвышаютъ духъ съ такою неотразимою силою? Не заключается ли причина этого обстоятельства именно въ прекрасной, дѣйствительно поющей мелодіи? Вообще, мелодія есть неоспоримое природное свойство итальянскаго народа, проникнутаго музыкой; хотя нѣмецъ и развился до болѣе высокаго, или, вѣрнѣе, до истиннаго воззрѣнія на оперу, все-таки ему необходимо всячески сближаться съ духомъ старыхъ итальянцевъ, чтобы они влили въ его сердце таинственную, магическую силу и воспламенили въ немъ мелодію. Превосходный примѣръ подобнаго искренняго сближенія мы видимъ въ великомъ Моцартѣ, въ груди котораго горѣла итальянская мелодія. Какой композиторъ превосходитъ его въ пѣвучести? Каждая изъ его мелодій, даже безъ украшеній оркестра, проникаетъ глубоко въ сердце, и этимъ именно объясняется чудное дѣйствіе его композицій.

Что касается до модуляцій, то онѣ должны мотивироваться только моментами дѣйствія пьесы, въ которыхъ различнымъ образомъ проявляется возбужденное состояніе духа. Эти душевныя движенія бываютъ то медленны, то сильны, порою представляются могучими; иногда они зарождаются постепенно, иногда охватываютъ человѣка внезапно. Сообразно съ этимъ и композиторъ, уже одаренный отъ природы чудною способностью къ комбинаціи звуковъ и техническимъ изученіемъ только приводящій въ ясное сознаніе свои музыкальные образы, будетъ переходить то въ близкіе, то въ отдаленные тоны, иногда соблюдая при этомъ постепенность, а иногда дѣлая скачки. Истинный геній не хлопочетъ о томъ, чтобы поразить слушателя натянутой искусственностью: этимъ обнаружится только полное отсутствіе искусства; истинный геній лишь записываетъ звуки, въ которыхъ ему обрисовались моменты дѣйствія во время вдохновенія, и музыкальнымъ ариѳметикамъ остается лишь воспользоваться примѣрами изъ его произведеній. Насъ далеко бы завела дальнѣйшая бесѣда о глубокомъ искусствѣ гармоніи, и мы не будемъ распространяться о томъ, что оно имѣетъ основаніе въ нашемъ духѣ и что человѣку, глубже проникающему въ эту область духа, становятся ясными таинственные законы, которыхъ нельзя найти ни въ какомъ учебникѣ. Укажемъ только отдѣльное явленіе и замѣтимъ, что рѣзкіе переходы производятъ сильное впечатлѣніе только въ томъ случаѣ, когда тоны, несмотря на свою разнородность, находятся въ тайномъ отношеніи, которое ясно для композитора. Вышеупомянутое мѣсто изъ дуэта въ «Донъ-Жуанѣ» можетъ служить и здѣсь примѣромъ. Сюда относятся также эп-

гармоническіе *) переходы, надъ которыми часто смѣялись вслѣдствіе ихъ неправильнаго употребленія: они вносятъ именно то таинственное отношеніе, и безъ сомнѣнія, нерѣдко производятъ сильное дѣйствіе. Тутъ иногда какая-то тайная, симпатическая связь соединяетъ отдаленные тоны; а иногда какая-то не отразимая антипатія раздѣляетъ даже самые близкіе тоны. Самая обыкновенная, часто употребляемая модуляція, именно изъ тоники въ доминанту и наоборотъ, иногда является неожиданной и замысловатой, а иногда противной и несносной.

Сильное впечатлѣніе, производимое геніальными твореніями великихъ мастеровъ, конечно много зависитъ и отъ инструментовки. Но здѣсь невозможно дать хотя бы одно какое-нибудь правило, потому что эта сторона музыкальнаго искусства окутана мистическимъ туманомъ. Каждый инструментъ производитъ различное дѣйствіе въ разныхъ случаяхъ, такъ что напримѣръ нельзя сказать, что сила и мощь могутъ выражаться безусловно, только совокупнымъ дѣйствіемъ всѣхъ инструментовъ. Отдѣльный звукъ какого-нибудь инструмента часто приводитъ въ трепетъ слушателя: поразительные примѣры этого мы видимъ въ операхъ Глука. Вообще, чтобы получить правильное понятіе о способности каждаго инструмента къ различнымъ эффектамъ, стоитъ только подумать, съ какимъ разнообразнымъ эффектомъ употребляется Моцартомъ одинъ и тотъ же инструментъ, напримѣръ, гобой.—Въ этомъ отношеніи возможны только намеки.—Продолжая держаться сравненія музыки съ живописью, можно сказать, что въ душѣ художника музыкальная поэма представляется законченной картиной, при созерцаніи которой онъ уже легко найдетъ ту правильную перспективу, безъ которой невозможна правдивость.—Къ инструментовкѣ также относятся разныя украшенія сопровождающихъ инструментовъ; часто подобное украшеніе, прямо вылившееся изъ сердца, придаетъ правдивости выраженія величайшую силу. Такъ, напримѣръ, глубоко охватываетъ слушателя распространеніе аккомпанимента въ октавахъ второй скрипки и альта въ аріи Моцарта: «Non mi dir bel idol mio» etc. Искусственное придумываніе фигуръ точно также неудобно: живыя краски музыкальной поэмы выдвигаютъ малѣйшую деталь во всемъ блескѣ, и всякое чуждое украшеніе будетъ только обезображивать произведеніе. Тоже слѣдуетъ сказать и о выборѣ тона, о forte и piano: все это зависитъ отъ существеннаго смысла пьесы и примѣняется не съ тѣмъ, чтобы какъ нибудь разнообразить музыку. Тоже слѣдуетъ сказать и о всѣхъ остальныхъ второстепенныхъ средствахъ выраженія, находящихся въ распоряженіи музыканта.

Сомнѣвающагося, бьющаго на эффектъ, недовольнаго композитора, если только въ немъ есть талантъ, можно утѣшить лишь слѣдующими соображеніями: настоящее, основательное знакомство съ твореніями мастеровъ поставитъ его въ таинственное соприкосновеніе съ ихъ духомъ, который пробудитъ въ немъ дремлющую силу и вдохновитъ его; изъ глубокаго сна онъ очнется къ новой жизни и услышитъ чудные звуки своей внутренней музыки; затѣмъ, изученіе гармоніи и техническія упражненія дадутъ ему силу овладѣть музыкой, которая прежде, пролетая мимо него, не давалась ему въ руки; одушевленіе, создавшее пьесу, удивительнымъ эхо откликнется со всею силою въ душѣ слушателя, такъ что и онъ вкуситъ то блаженство, которое испыталъ музыкантъ въ священныя минуты творчества. Это и будетъ настоящимъ эффектомъ музыкальнаго произведенія, вылившагося изъ глубины души.

*) Энгармоническими называются тоны, различные по своему названію, но тождественные по степени своей высоты, напр. h– ces.

VII.

Посланіе Іоганна Крейслера.

Милый мой Іоганнъ! Такъ какъ ты теперь рѣшительно хочешь уйти изъ школы и самостоятельно дѣйствовать въ обширной подлунной, то я, въ качествѣ твоего учителя, нахожу умѣстнымъ положить въ твой дорожный сакъ школьное свидѣтельство, которое ты могъ бы предъявлять въ видѣ паспорта всѣмъ музыкальнымъ гильдіямъ и цехамъ. Я могъ бы это сдѣлать безъ дальнѣйшихъ околичностей; но созерцая тебя въ зеркалѣ, я ощущаю въ душѣ скорбь. Мнѣ слѣдовало бы еще разъ высказать тебѣ все, что мы сообща продумали и прочувствовали въ извѣстные моменты школьной жизни. Ты уже знаешь, о чемъ я думаю. Но такъ какъ при словахъ одного изъ насъ другой также не можетъ удержать языка, то будетъ гораздо удобнѣе, если я напишу нѣкоторыя изъ моихъ мыслей въ видѣ увертюры, и тебѣ можно будетъ подчасъ прочесть это къ твоему собственному благу и назиданію.—Ахъ, милый Іоганнъ! кто знаетъ тебя лучше, чѣмъ я? кто, какъ не я, глубоко заглядывалъ въ твою душу и даже, проникнувъ въ твои сокровенные помыслы, глядѣлъ на міръ ея очами?—Поэтому я думаю, что и ты отлично знаешь меня и что именно вслѣдствіе этого наши взаимныя отношенія всегда были сносны, хотя мы держались самыхъ разнообразныхъ мнѣній другъ о другѣ: иногда мы считали себя необычайно мудрыми, даже геніальными; но потомъ мы находили себя достаточно безтолковыми и глупыми и даже немножко сумасбродами. Обрати вниманіе, дорогой школьникъ: я сказалъ *мы*.

Мнѣ представляется, что употребляя съ благородною скромностью множественное число, я собственно подразумѣвалъ въ единственномъ числѣ одного меня; мнѣ кажется, что въ концѣ концовъ оба мы составляемъ одно лицо. Но вѣдь насъ двое бесѣдующихъ: освободимся же отъ этой нелѣпой мечты! Поэтому, еще разъ, милый Іоганнъ:—кто знаетъ тебя лучше, чѣмъ я? Никто. Поэтому никто не можетъ съ большимъ правомъ утверждать, что ты теперь уже прошелъ полный курсъ школы и можешь приступить къ самостоятельному образованію и развитію твоихъ талантовъ.

Все, что существенно необходимо для этой цѣли, у тебя уже есть, а именно: ты такъ изощрилъ свой слуховой органъ, что иногда слышишь голосъ поэта, скрытаго въ твоей груди (говоря по Шуберту) *), и въ самомъ дѣлѣ думаешь, что это слова не твои, а кого-то другого.—Въ теплую іюльскую ночь сидѣлъ я уединенно на дерновой скамьѣ въ извѣстной тебѣ жасминной бесѣдкѣ. Сюда вошелъ нашъ скромный молодой пріятель Хризостомъ и разсказалъ удивительныя вещи изъ своей ранней юности. Вотъ, что говорилъ онъ: «Маленькій садъ моего отца примыкалъ къ лѣсу, гдѣ постоянно раздавались звуки пѣсенъ. Тутъ соловей ежегодно свивалъ себѣ гнѣздо на прекрасномъ старомъ деревѣ, у подножія котораго лежалъ камень, покрытый удивительными узорами мховъ и красноватыхъ жилъ. Отецъ разсказывалъ мнѣ объ этомъ камнѣ баснословныя вещи. Есть преданіе, что много, много лѣтъ тому назадъ неизвѣстный, знатный человѣкъ странной наружности и въ необыкновенномъ костюмѣ пришелъ во владѣтельный замокъ. Чужеземецъ производилъ на всѣхъ удивительное впечатлѣніе: на него не могли долго смотрѣть безъ ужаса и однако не въ силахъ были отвести глаза, устремленные на него. Владѣтель замка въ скоромъ времени очень его полюбилъ, хотя часто признавался, что въ присутствіи гостя онъ ощущалъ себя какъ-то странно и испытывалъ леденящее чувство ужаса, когда чужеземецъ за бокаломъ вина разсказывалъ о далекихъ неизвѣстныхъ земляхъ, чудныхъ людяхъ и животныхъ, видѣнныхъ имъ въ его далекихъ странствіяхъ, и что тогда его рѣчь звучала какимъ-то удивительнымъ тономъ, которымъ онъ ясно выражалъ неизвѣстныя, таинственныя вещи.—Никто не могъ оторваться отъ чужеземца, часто даже не могли наслушаться его разсказовъ, которые непонятнымъ образомъ превращали темную, смутную догадку въ ясные, отчетливо сознаваемые образы. Когда же чужеземецъ игралъ на лютнѣ и пѣлъ на неизвѣстномъ языкѣ пѣсни необычайнаго напѣва, то всѣ слушатели были подъ обаяніемъ чего-то сверхъестественнаго и говорили: «это не въ силахъ человѣка; это долженъ быть ангелъ, принесшій на землю звуки небеснаго пѣнія Херувимовъ и Серафимовъ». Чужеземецъ совершенно опуталъ своими тайными, неотразимыми чарами молодую, прекрасную дочь владѣтеля замка. Онъ училъ ее пѣнію и игрѣ на лютнѣ, и въ короткое время они тѣсно сблизились другъ съ другомъ. Часто чужеземецъ пробирался въ полночь къ старому дереву, гдѣ дѣвушка уже поджидала его. Затѣмъ издалека можно было разслышать ея пѣніе и лютню чужеземца; но мелодіи звучали такъ странно, такъ ужасно, что никто не осмѣливался не только выдать влюбленныхъ, но даже подойти близко къ мѣсту ихъ свиданія. Однажды утромъ чужеземецъ внезапно исчезъ; пропала и дѣвушка, и ее безуспѣшно искали во всемъ замкѣ. Отецъ ея, въ мучительномъ страхѣ, предчувствуя что то ужасное, бросился на коня и поскакалъ къ лѣсу, въ безутѣшной скорби громко призывая по имени свою дочь. Когда онъ подскакалъ къ камню, гдѣ чужеземецъ часто сидѣлъ и бесѣдовалъ съ его дочерью, грива горячаго коня поднялась дыбомъ, онъ захрапѣлъ, зафыркалъ, остановился, и его нельзя было тронуть съ мѣста, точно онъ былъ заколдованъ адскимъ духомъ. Сѣдокъ думалъ, что конь пугается странной формы камня; онъ слѣзъ и хотѣлъ провести коня мимо, но его сердце замерло въ ужасѣ и онъ остановился оцѣпенѣлый, увидавъ крупныя капли крови, струившіяся въ обиліи по камню. Егеря и крестьяне, прибѣжавшіе вслѣдъ за господиномъ, какъ бы по указанію свыше, сдвинули съ большимъ усиліемъ камень въ сторону и нашли подъ нимъ несчастную дѣвушку: она была убита нѣсколькими ударами кинжала и зарыта въ землѣ, а возлѣ нея лежала разбитая лютня. Съ того времени соловей ежегодно здѣсь на деревѣ свиваетъ гнѣздо и въ полночь поетъ жалобныя пѣсни; а изъ крови произошли страшные мхи и травы, которые теперь чудными узорами красуются на камнѣ. Такъ какъ я былъ еще очень малъ, я не смѣлъ безъ позволенія отца ходить въ лѣсъ; но то дерево, и въ особенности камень, влекли меня къ себѣ неудержимою силой. Калитка садовой стѣны часто оставалась незапертой, я прокрадывался изъ сада къ любимому камню и не могъ до сыта налюбоваться его мхами и травами, представлявшими собою самыя странныя фигуры. Я часто старался отыскивать смыслъ въ этихъ образахъ и какъ будто видѣлъ въ нихъ подробное изображеніе разныхъ чудесныхъ исторій, которыя разсказывала мнѣ мать. Потомъ, когда я смотрѣлъ на камень, я невольно вспоминалъ прекрасную пѣсню, которую отецъ пѣлъ почти ежедневно, аккомпанируя себѣ на клавикордахъ; эта пѣсня всегда трогала меня такъ сильно, что я забывалъ любимыя дѣт-

*) Символика грезъ, соч. Шуберта. *Прим. Гоф.*

скія игры и слушалъ ее со слезами на глазахъ. Равнымъ образомъ, когда я слушалъ эту пѣсню, мнѣ вспоминались любимые мхи, такъ что обѣ эти вещи—пѣсня и мхи—въ скоромъ времени слились у меня въ представленіе одного предмета, и я въ моемъ умѣ едва могъ различать ихъ другъ отъ друга. Съ того времени во мнѣ стала быстро развиваться склонность къ музыкѣ, и мой отецъ, самъ хорошій музыкантъ, рѣшилъ заниматься со мной музыкой. Онъ думалъ образовать изъ меня не только бойкаго піаниста, но и композитора, видя съ какимъ рвеніемъ я отыскивалъ на фортепіано мелодіи и аккорды, которые иногда заключали въ себѣ много выраженія и внутренней связи. Но часто я горько плакалъ, даже въ сильномъ унынiи хотѣлъ совсѣмъ бросить фортепіано, потому что, прикасаясь къ клавишамъ, всегда слышалъ не то, чего мнѣ хотѣлось, а что то другое. Неизвѣстные напѣвы, никогда мною не слышанные, раздавались въ моей душѣ, и тогда мнѣ казалось, что во мхахъ камня, какъ въ чудесныхъ образахъ, были спрятаны не звуки отцовской пѣсни, а именно тѣ напѣвы, звучавшіе во мнѣ подобно голосамъ духовъ; я думалъ, что если посмотрѣть съ любовью на чудные мхи, то пѣсни дѣвушки обнаружатся въ блестящихъ звукахъ ея прекраснаго голоса. Въ самомъ дѣлѣ, смотря на камень, я часто погружался въ мечты и слышалъ тогда прелестное пѣніе дѣвушки, которое наполняло мою грудь чуднымъ горемъ, полнымъ отрады. Но когда я хотѣлъ пропѣть или сыграть эти звуки на фортепіано, все слышанное мною столь ясно обращалось въ одно темное, спутанное предчувствіе этой пѣсни. Я нерѣдко прибѣгалъ къ ребяческому, сумасбродному пріему: закрывалъ инструментъ и слушалъ, не раздадутся ли яснѣе напѣвы: я думалъ, что звуки должны обитать тамъ, какъ бы заколдованные. Я просто впалъ въ отчаяніе, и когда мнѣ приходилось играть пѣсни и упражненія моего отца, которыя стали мнѣ противны и несносны, я терялъ всякое терпѣніе. Вслѣдствіе этого я совершенно запустилъ техническое изученіе музыки, и мой отецъ, разувѣрившись въ моихъ способностяхъ, прекратилъ наши музыкальныя занятія. Позднѣе, въ бытность мою въ городскомъ лицеѣ, любовь къ музыкѣ снова пробудилась во мнѣ, но инымъ образомъ. Техническіе успѣхи многихъ учениковъ возбудили во мнѣ желаніе сравняться съ ними. Я сталъ заниматься очень усердно; но чѣмъ болѣе овладѣвалъ я механизмомъ игры, тѣмъ менѣе удавалось мнѣ снова подслушать тѣ звуки, которые нѣкогда лились въ моей груди чудесными мелодіями. Лицейскій директоръ музыки, старый человѣкъ и, какъ говорили, замѣчательный контрапунктистъ, училъ меня генералъ-басу и композиціи. Онъ даже хотѣлъ руководить меня въ искусствѣ изобрѣтенія мелодій, и я немало гордился моими успѣхами, когда выдумывалъ какую-нибудь тему, подходящую ко всякимъ контрапунктическимъ измѣненіямъ. Поэтому я считалъ себя уже настоящимъ музыкантомъ, когда черезъ нѣсколько лѣтъ возвратился въ мою деревню. Тутъ въ моей комнаткѣ еще стояло маленькое старинное фортепіано, за которымъ я прэсиживалъ по ночамъ и проливалъ слезы негодованія. Увидалъ я также и чудный камень; но, поумнѣвъ, я теперь подсмѣивался надъ моимъ дѣтскимъ сумасброднымъ желаніемъ разсмотрѣть во мхахъ мелодіи. Однако я долженъ былъ въ душѣ признаться, что уединенное таинственное мѣсто подъ деревомъ напѣваетъ мнѣ звуки какихъ-то чудныхъ предчувствій. Да! когда я лежалъ на травѣ, прислонившись къ камню, и вѣтеръ шумѣлъ листьями деревъ, я слышалъ милые, прелестные звуки духовъ, но эти мелодіи уже давно покоились въ моей груди: тутъ онѣ только просыпались и оживали! Все, что я сочинилъ, казалось мнѣ нелѣпымъ и безвкуснымъ; я даже сознавалъ полное отсутствіе во мнѣ музыки, и всѣ мои стремленія представлялись мнѣ лишенными смысла. Грезы открыли мнѣ свое блестящее, великолѣпное царство, и я утѣшился. Я видѣлъ камень—его красныя жилки восходили на подобіе темной гвоздики, запахъ которой явственно летѣлъ кверху въ видѣ свѣтлыхъ, звучащихъ лучей. Эти лучи звучали длинными, возрастающими тонами соловья и сливались въ образъ чудной женщины; а этотъ образъ снова представлялся въ видѣ небесной, великолѣпной музыки!»

Ты видишь, милый Іоганнъ, что исторія нашего Хризостома, несомнѣнно, весьма поучительна, почему она и заняла значительное мѣсто въ этомъ посланіи. Очевидно, высшая сила, возбудившая Хризостома, повліяла на него изъ глубины баснословныхъ временъ! Наше царство не отъ міра сего, говорятъ музыканты,—гдѣ найдемъ мы въ природѣ, подобно живописцамъ и ваятелямъ, прототипъ нашего искусства? Звукъ живетъ повсюду; звуки, т.-е. мелодіи, говорящіе высшимъ языкомъ царства духовъ, живутъ только въ душѣ человѣка. Но, если звукъ живетъ вездѣ, то не проникнута ли вся природа и музыкой? Тѣло, тронутое механическимъ образомъ, издаетъ звукъ и такимъ образомъ заявляетъ о своемъ существованіи, возбужденномъ къ жизни, или вѣрнѣе—его внутренній организмъ проявляетъ сознательное бытіе. Точно также человѣкъ, посвятившій себя искусству, пробуждаетъ въ природѣ музыку, и она высказывается мелодически и гармонически въ созвучіяхъ, слышныхъ только ему. Музыкантъ, т.-е. тотъ, въ комъ музыка развита до степени яснаго сознанія, окруженъ отовсюду мелодіей и гармоніей. Ког-

да музыкантъ говоритъ, что цвѣтъ, запахъ, лучи представляются ему звуками, въ соединеніи которыхъ онъ видитъ чудный концертъ, то это не пустой образъ, и тутъ вовсе нѣтъ аллегоріи. По выраженію одного остроумнаго физика, слухъ есть внутреннее зрѣніе; точно также для музыканта зрѣніе есть внутренній слухъ: музыка наполняетъ его духъ, участвуетъ во всѣхъ его движеніяхъ и звучитъ изо всего, что видитъ глазъ музыканта. Такимъ образомъ внезапныя возбужденія музыканта, зарожденіе мелодій въ его душѣ, безсознательное или—точнѣе—невыразимое словами постиженіе тайной музыки природы является у музыканта принципомъ его жизни, всѣхъ его дѣйствій. Внятные звуки природы, шелестъ вѣтра, журчаніе ручья и т. п.—для музыканта сначала отдѣльно взятые аккорды, затѣмъ мелодіи съ гармоническимъ сопровожденіемъ. Вмѣстѣ съ постиженіемъ у музыканта пробуждается и воля, и тогда онъ относится къ окружающей его природѣ, какъ магнетизеръ къ сомнамбулисткѣ: живая воля музыканта задаетъ природѣ вопросъ, и она никогда не оставитъ его безъ отвѣта. Чѣмъ живѣе, чѣмъ глубже постиженіе, тѣмъ выше стоитъ музыкантъ въ роли композитора, и самое искусство композиціи заключается въ способности удерживать тѣ порывы особенною духовною силой и увѣковѣчивать ихъ записываніемъ. Эта способность есть результатъ художественно-музыкальнаго развитія, при которомъ музыкантъ достигаетъ свободнаго и быстраго воображенія знаковъ музыки, т.-е. нотъ. Въ рѣчи существуетъ такая тѣсная связь между звукомъ и словомъ, что мысль появляется въ насъ одновременно съ изображающими ее знаками, т.-е. начертаніями буквъ; но музыка есть общій языкъ природы и говоритъ съ нами странными, таинственными тонами: напрасно мы стремимся установить эти тоны въ форму знаковъ—искусственное сцѣпленіе нотъ даетъ намъ только намекъ на то, что мы подслушали. Милый Іоганнъ! теперь я оставляю тебя, снабженнаго этими небольшими наставленіями, у дверей храма Изиды, чтобы ты прилежно производилъ дальнѣйшія изслѣдованія, и ты самъ ясно увидишь, въ какомъ отношеніи я считаю тебя способнымъ приступить къ самостоятельному занятію музыкой. Покажи это посланіе тѣмъ, которые, не вполнѣ, можетъ быть, сознавая это, стоятъ вмѣстѣ съ тобой у дверей храма; а тѣмъ, которые не умѣютъ извлечь для себя поученія изъ исторіи злого чужеземца и дѣвушки, ты разъясни сущность дѣла; укажи имъ, что эта чудная сказка, такъ повліявшая на жизнь Хризостома, имѣетъ слѣдующій смыслъ: злая воля враждебной силы причиняетъ земную гибель; сначала тутъ происходитъ демоническое злоупотребленіе музыкой,—но затѣмъ полетъ въ вышину, преображеніе въ звукѣ и пѣснѣ!

Теперь я обращаюсь къ вамъ, добрые маэстро и студенты! Всѣ вы, собравшіеся у дверей великой мастерской, примите дружески Іоганна въ вашу среду! Не сердитесь на него, если онъ, обязанный только подслушивать вмѣстѣ съ вами, можетъ быть отважится когда-нибудь тихонько постучать въ двери святилища. Вы пишете ноты опрятно и изящно; не вмѣните ему въ преступленіе, если онъ намараетъ иногда каракули: изящному письму онъ желаетъ учиться именно у васъ.

Затѣмъ прощай, милый Іоганнъ Крейслеръ! Мнѣ кажется, что я больше не увижу тебя! Если ты уже не встрѣтишь меня, то, оплакавъ меня надлежащимъ образомъ, какъ Гамлетъ Іорика, напиши мирное hic jacet и поставь крестъ:

Этотъ крестъ служитъ также великою печатью моего посланія. Поэтому я подписываюсь: Я, какъ и ты,

Іоганнъ Крейслеръ,

ci-devant капельмейстеръ.

Донъ-Жуанъ.

Баснословное приключеніе странствующаго энтузіаста.

Я сладко спалъ, какъ вдругъ меня разбудили пронзительные звуки и громкій крикъ «Спектакль начинается!» Басы гудятъ, литавры гремятъ, трубы звучатъ, гобой отчетливо тянетъ A, скрипки настраиваются. Я протираю глаза. Что тутъ такое? Не обморочилъ ли меня неугомонный сатана? Нѣтъ! Я нахожусь въ нумерѣ гостиницы, гдѣ вчера вечеромъ остановился полуразбитый. Прямо надъ моимъ носомъ виситъ красивая кисть сонетки; я сильно дергаю ее, является слуга.

— Ради самого неба, — что это за музыкальный гамъ? Концертъ, что ли, даютъ въ этомъ домѣ?

— Ваше сіятельство (я за обѣдомъ выпилъ въ ресторанѣ шампанскаго!) вы, можетъ быть, не изволите знать, что эта гостиница соединена съ театромъ. Вотъ эта портьера ведетъ въ маленькій корридоръ, откуда вы сейчасъ же попадете въ 23 №: это ложа для пріѣзжихъ.

— Какъ? Театръ? Ложа для пріѣзжихъ?

— Да-съ, маленькая ложа, не болѣе, какъ для трехъ персонъ — только для знатныхъ господъ. Она вся оклеена зелеными обоями, спереди закрыта рѣшоткою, прилегаетъ къ самому театру. Если вашему сіятельству угодно — мы сегодня даемъ «Донъ-Жуана» знаменитаго господина Моцарта изъ Вѣны. Цѣна ложи — талеръ и восемь грошей: это мы поставимъ въ счетъ.

Послѣднія слова онъ говорилъ, уже открывая дверь ложи, такъ что я при словѣ «Донъ-Жуанъ» быстро вошелъ въ корридоръ. Для небольшого мѣстечка залъ былъ обширенъ, изящно украшенъ и роскошно освѣщенъ. Первые аккорды увертюры убѣдили меня, что превосходный оркестръ доставитъ мнѣ полное наслажденіе отъ геніальной оперы, если сколько-нибудь его поддержатъ со своей стороны пѣвцы. При andante охватилъ меня ужасъ мрачнаго подземнаго regno all piante *); душа моя наполнилась ужасными предчувствіями. Въ игривыхъ звукахъ фанфаръ въ седьмомъ тактѣ allegro я услышалъ ликованіе злодѣйства; я видѣлъ, какъ въ глубинѣ темной ночи огненные демоны простирали свои раскаленные когти — они подстерегали беззаботныхъ людей, весело танцовавшихъ на хрупкихъ подмосткахъ надъ бездонною пропастью. Моему умственному взору ясно представилась коллизія человѣческой природы съ темными, грозными силами, которыя осаждали смертнаго и ждали его погибели. Наконецъ буря утихаетъ; занавѣсъ взвился. Продрогшій, сердитый Лепорелло, закутавшись въ плащъ, выступаетъ въ ночной темнотѣ къ павильону: notte e giorno faticar *). Стало-быть, поютъ по-итальянски? — Здѣсь, въ нѣмецкомъ мѣстечкѣ, по-итальянски? Ah, che piacere! **), я услышу всѣ речитативы, всю оперу въ томъ видѣ, какъ ее задумалъ и создалъ великій маэстро! Вотъ вылетаетъ Донъ-Жуанъ; за нимъ Донна Анна, удерживая злодѣя за плащъ. Какая чудная у нея наружность! Эффектъ былъ бы сильнѣе, если бы она была повыше ростомъ, стройнѣе, имѣла болѣе величественную походку. — Что за прелестная у нея голова! — Глаза, изъ которыхъ сверкаютъ чуднымъ фейерверкомъ блестящихъ искръ любовь, гнѣвъ, ненависть, отчаяніе, и которые, подобно греческому огню, распаляютъ сердце неугасимымъ пламенемъ! Разсыпанныя пряди темныхъ волосъ извиваются волнистыми кольцами около ея шеи. Сильно бьется ея сердце, растерзанное ужаснымъ преступленіемъ. — Какой голосъ! Non sperar se non m'uccidi ***). — Звуки, вылитые изъ эѳирнаго металла, сверкаютъ, подобно молніи, посреди бури инструментовъ! — Напрасно Донъ-Жуанъ пытается освободиться. — Но развѣ хочетъ онъ этого! Отчего онъ не оттолкнетъ ее сильной рукою и не убѣжитъ? Можетъ быть, сознаніе преступленія лишило его силъ? Или въ его душѣ происходитъ борьба ненависти съ любовью и отнимаетъ у него мужество и силу? — Старикъ отецъ поплатился жизнью за безумное нападеніе въ темнотѣ на сильнаго противника; Донъ-Жуанъ и Лепорелло выступаютъ на сцену съ речитативами. Донъ Жуанъ сбрасываетъ свой плащъ и стоитъ въ красной бархатной одеждѣ, украшенной серебрянымъ шитьемъ. Мощная, великолѣпная фигура: лицо блеститъ красотой му-

*) „Царство слезъ“. Намекъ на *Адъ* Данте.

*) „Ночь и день работать“: такъ начинаетъ Лепорелло интродукцію оперы.

**) „Очень пріятно“.

***) „Не надѣйся убѣжать отъ меня“ — начало партіи Донны Анны въ 1 актѣ.

жества; рельефный носъ, пронзительные глаза, нѣжно очерченныя губы; особая игра лобнаго мускула надъ бровями придаетъ физіономіи что-то мефистофельское и, не отнимая у лица красоты, возбуждаетъ невольный ужасъ. Точно ему знакомо магическое искусство гремучей змѣи: очевидно, женщины, испытавъ его взглядъ, не могутъ отъ него оторваться и сами должны довершить свою гибель, увлекаемыя волшебною силой.—Длинный, тощій Лепорелло въ курткѣ съ красными и бѣлыми полосами, въ маленькомъ красномъ плащѣ и бѣлой шляпѣ съ краснымъ перомъ, суетится возлѣ своего господина. Черты его лица представляютъ странную смѣсь добродушія, плутовства, распутства и насмѣшливой дерзости; черныя брови какъ-то дико выдѣляются отъ сѣдѣющихъ волосъ на головѣ и бородѣ. Замѣтно, что старый негодяй состоитъ достойнымъ помощникомъ Донъ-Жуана.—Они благополучно перелѣзаютъ черезъ стѣну и убѣгаютъ.—Мерцаютъ факелы: появляются Донна Анна и Донъ Оттавіо;—элегантный, разряженный, прилизанный человѣчекъ; ему не болѣе 21 года. Вѣроятно, онъ жилъ въ качествѣ жениха Анны въ ея домѣ — иначе его нельзя было вызвать такъ скоро; въ началѣ тревоги, которую онъ, конечно, слышалъ, онъ могъ бы поспѣшить и спасти отца: но онъ счелъ долгомъ сначала нарядиться, да и вообще онъ неохотно станетъ выходить въ такое время.— «Ma qual mai s'offre, o Dei, spettacolo funesto agli occhi miei!» *). Въ ужасныхъ раздирающихъ звукахъ этого речитатива и дуэта слышится что-то больше, чѣмъ отчаяніе, возбужденное чудовищнымъ преступленіемъ. Эти звуки вырываются изъ потрясенной души не отъ одного только гнуснаго посягательства Донъ-Жуана, которое ему лишь угрожало гибелью, а отцу причинило смерть: эти звуки могутъ быть вызваны только страшною, смертельною внутренней борьбой.

Высокая, худощавая Донна Эльвира съ явными слѣдами нѣкогда большой красоты, теперь поблекшей, взываетъ къ вѣроломному Донъ-Жуану: «Tu nido d'inganni»**),и сострадательный Лепорелло остроумно замѣчаетъ: «parla come un libro stampato» ***). Когда онъ произнесъ эти слова, мнѣ показалось, что возлѣ меня кто-то сидитъ. Сзади легко можно было отворить дверь ложи и забраться въ нее—эта мысль ударила меня какъ ножемъ въ сердце: я такъ былъ счастливъ, что сижу одинъ въ ложѣ и могу безпрепятственно охватывать всѣми фибрами моего существа геніальное произведеніе, исполнявшееся въ такомъ совершенствѣ! Я впивался всѣми нервами, какъ полипъ щупальцами, въ оперу и жадно насыщался ею! Раздайся около меня одно лишь слово—къ тому же, пожалуй, еще глупое—и очаровательный моментъ моего поэтически-музыкальнаго вдохновенія былъ бы разрушенъ самымъ печальнымъ образомъ! Я рѣшился не обращать на моего сосѣда никакого вниманія и, совершенно углубившись въ представленіе, избѣгалъ всякаго слова, всякаго взгляда. Подперевъ голову рукою, обернувшись къ сосѣду спиной, смотрѣлъ я на сцену.—Продолженіе спектакля соотвѣтствовало превосходному началу. Маленькая, кокетливая, влюбчивая Церлина утѣшала нѣжными звуками и ласками добродушнаго простака Мазетто. Донъ-Жуанъ въ порывистой аріи «Fin ch'han dal vino» *) выказалъ свою распущенную натуру и издѣвался надъ окружающими его скромными людьми, видя въ нихъ предметъ для своей забавы—задѣвать ихъ и вносить гибель въ ихъ непритязательную жизнь. Въ это время лобный мускулъ двигался у него сильнѣе, чѣмъ прежде. Появляются маски. Ихъ терцетъ звучитъ молитвой, которая возносится къ небу чистыми, свѣтлыми лучами.—Затѣмъ поднимается средній занавѣсъ. Народъ весело гуляетъ, крестьяне и разныя маски, привлеченные праздникомъ Донъ-Жуана, сливаются въ веселую толпу.—Приходятъ три лица, поклявшіяся отомстить злодѣю. Картина все болѣе и болѣе принимаетъ шумный праздничный видъ; начинаются танцы. Церлина спасается, и при громовыхъ звукахъ финала Донъ-Жуанъ храбро выступаетъ съ обнаженною шпагой противъ своихъ враговъ. Онъ вышибаетъ изъ руки жениха хрупкую модную шпагу и вырывается на свободу, пробиваясь черезъ толпу простонародья, которую онъ разбрасываетъ, какъ храбрый Роландъ армію Цимоска**); крестьяне забавно летятъ кувыркомъ другъ черезъ друга.

Часто я ощущалъ позади себя нѣжное, теплое дыханіе и слышалъ шорохъ шелковаго платья: это обстоятельство могло бы навести на догадку о присутствіи какой-нибудь дамы; но я, совершенно погруженный въ поэтическій міръ, открытый для меня оперой, не обращалъ на это вниманія. Теперь, послѣ паденія занавѣса, я взглянулъ на мою сосѣдку.—Нѣтъ, никакія слова не выразятъ моего изумленія: позади меня стояла Донна Анна, въ томъ костюмѣ, въ какомъ я видѣлъ ее сію минуту на сценѣ, устремивъ на меня проницательный взоръ своихъ оживленныхъ глазъ.—Онѣмѣвъ, я уставился на нее; ея губы, казалось, сложились въ тихую, ироническую улыбку, въ которой я видѣлъ отраженіе моей глупой фигуры. Я сильно желалъ заговорить съ ней; но, вслѣдствіе изумленія, или, вѣрнѣе, ужаса, я не могъ шевель-

*) „Боже! какое печальное зрѣлище представляется моимъ глазамъ!“ (Речитативъ Д. Анны).

**) „Измѣнникъ“.

***) „Она говоритъ, какъ книга“.

*) „Пока ихъ головы отуманены виномъ... ты собирай красавицъ“.

**) „Неистовый Роландъ“, IX, 70.

нуть языкомъ. Наконецъ у меня, почти противъ воли, вырвались слова: «Какъ это вы очутились здѣсь?» Она тотчасъ отвѣчала на самомъ чистомъ тосканскомъ нарѣчіи, что, если я не понимаю и не говорю по итальянски, то она лишится удовольствія поддерживать со мной бесѣду, потому что она говоритъ только на этомъ языкѣ.—Ея милыя слова звучали подобно пѣснѣ. Когда она говорила, ея темносиніе глаза становились выразительнѣе; каждая искра, мелькавшая изъ нихъ, зажигала въ моей душѣ бурное пламя, отъ котораго пульсъ бился сильнѣе и всѣ фибры дрожали.—Безъ сомнѣнія, это была Донна Анна. Мнѣ не пришло въ голову сообразить, какъ она могла быть на сценѣ и сейчасъ же очутиться со мной въ ложѣ. Въ счастливой грезѣ соединяются иногда самыя невѣроятныя вещи; въ это время смиренная вѣра постигаетъ сверхъестественное и свободно причисляетъ его къ такъ-называемымъ естественнымъ явленіямъ жизни. Точно также и я въ присутствіи удивительной женщины очутился въ какомъ-то сонамбулизмѣ и понималъ таинственныя отношенія, которыя соединяли меня съ нею такою тѣсною внутреннею связью, что даже пребываніе ея на сценѣ не могло раздѣлить насъ.—Милый Теодоръ! съ какимъ удовольствіемъ я сообщилъ бы тебѣ каждое слово замѣчательнаго разговора, который теперь начался между мной и синьорой; но, желая записать ея слова по нѣмецки, я вижу, что каждое слово вяло и слабо, каждая фраза неповоротлива и неспособна передать ея легкую и пріятную тосканскую рѣчь.

Когда она говорила о «Донъ-Жуанѣ» и о своей роли, мнѣ впервые открывалась глубина геніальнаго произведенія, и я могъ ясно и отчетливо разсмотрѣть фантастическія видѣнія чуднаго міра. Она говорила, что музыка для нея—жизнь; что часто во время пѣнія она постигаетъ таинственныя, глубоко скрытыя движенія духа, которыхъ нельзя выразить никакими словами. «Да, я тогда постигаю ихъ,—продолжала она съ пылающими глазами, возвысивъ голосъ;—но возлѣ меня все остается холоднымъ и мертвымъ. Рукоплещутъ труднымъ руладамъ и удачнымъ пріемамъ,—и въ такія минуты ледяныя руки хватаются за мое пылающее сердце. Но ты, ты понимаешь меня; я знаю, что и тебѣ доступно чудное романтическое царство, гдѣ живутъ небесные, дивные звуки!»

«Прелестная, непостижимая — какъ ты можешь меня знать?»

«Въ твоей новой оперѣ, въ роли *** изображено волшебное сумасбродство вѣчно-жаждущей любви; вѣдь оно вышло у тебя прямо изъ сердца? Я поняла тебя. Въ звукахъ этой партіи твоя душа раскрылась предо мной! Да (тутъ она назвала мое имя), я вызвала тебя при моемъ пѣніи, я пѣла тебя и твои сердечныя мелодіи—я сама».

Раздался звонъ театральнаго колокольчика. Не нарумяненное лицо Донны Анны быстро поблѣднѣло; она провела рукой по сердцу, какъ бы почувствовавъ внезапную боль, и, проговоривъ тихо:—«Несчастная Анна — для тебя наступаютъ ужасныя минуты»,—скрылась изъ ложи.

Первый актъ вдохновилъ меня; но послѣ страннаго приключенія музыка подѣйствовала на меня совсѣмъ другимъ образомъ, который трудно передать словами. Мнѣ казалось, будто теперь для меня сбылось давно желанное осуществленіе прекрасныхъ грезъ изъ другого міра; будто таинственныя предчувствія вдохновенной души отчетливо перелились въ звуки. Казалось, я чуднымъ образомъ уже созерцаю то, что мнѣ прежде представлялось только въ мечтахъ. Во время сцены Донны Анны я ощущалъ тихое, теплое дыханіе, вѣявшее на меня, и трепеталъ, упоенный счастьемъ; глаза мои невольно закрылись; я чувствовалъ жгучій поцѣлуй на моихъ губахъ; этотъ поцѣлуй былъ не что иное, какъ вдохновенный, продолжительный звукъ, выражавшій стремленіе души къ безконечному, къ вѣчности.

Финалъ начался безпутнымъ весельемъ: «Già la mensa è preparata!» *) Донъ-Жуанъ, болтая, сидѣлъ между двухъ дѣвицъ и безпрестанно откупоривалъ бутылки, чтобы отдаться въ полную власть бушующимъ духамъ, которые были тамъ герметически заперты. Сцена представляла собою маленькую комнату съ большимъ готическимъ окномъ на заднемъ планѣ, сквозь которое зіяла ночная тьма. Уже въ то время, когда Эльвира напоминала измѣннику о всѣхъ его клятвахъ, въ окнѣ былъ виденъ частый блескъ молніи и слышался глухой рокотъ приближавшейся бури. Наконецъ раздается сильный стукъ въ дверь. Эльвира и дѣвицы убѣгаютъ, и при ужасныхъ аккордахъ подземнаго царства духовъ входитъ мощный мраморный колоссъ, въ сравненіи съ которымъ Донъ-Жуанъ кажется пигмеемъ. Земля дрожитъ подъ громовыми шагами великана. Среди бури, грома и завыванія демоновъ Донъ-Жуанъ кричитъ свое страшное «No!» Часъ его гибели наступилъ. Статуя исчезаетъ; комната наполняется густымъ дымомъ, въ которомъ летаютъ страшныя чудовища. Порою видно, какъ Донъ-Жуанъ мечется въ адскихъ мукахъ среди демоновъ. Раздается оглушительный взрывъ, точно страшный ударъ грома; Донъ-Жуанъ и демоны исчезли,—неизвѣстно, какъ! Лепорелло лежитъ безъ памяти въ углу комнаты. Отрадно дѣйствуетъ въ эту минуту появленіе остальныхъ лицъ, которыя напрасно ищутъ Донъ-Жуана, избавленнаго подземными силами отъ людской мести; кажется, что только теперь люди освобождены отъ ужасной власти адскихъ духовъ. Донна Анна совершенно измѣ-

*) „Вотъ столъ готовъ... начинайте музыку“.

нилась: смертная блѣдность покрывала ея лицо, взоръ былъ тусклъ, неровный голосъ дрожалъ. Но именно вслѣдствіе этого она произвела раздирающее впечатлѣніе въ небольшомъ дуэтѣ съ изящнымъ женихомъ, который теперь, счастливо освобожденный небомъ отъ опасной роли мстителя, хочетъ немедленно сыграть свадьбу.

Фугированный хоръ прекрасно закончилъ и объединилъ цѣлое произведеніе, и я въ небывалой экзальтаціи побѣжалъ въ мою комнату. Слуга пригласилъ меня отужинать въ ресторанѣ, и я машинально послѣдовалъ за нимъ. По случаю ярмарки общество было блестящее, и представленіе «Донъ-Жуана» было предметомъ разговоровъ. Вообще хвалили итальянцевъ и ихъ сильную игру; однако маленькія замѣчанія, лукаво высказанныя мѣстами, показывали, что никто даже не предчувствовалъ глубокаго смысла величайшей оперы. Донъ-Оттавіо очень понравился. Донна Анна показалась одному господину слишкомъ страстной. Онъ полагалъ, что на сценѣ слѣдуетъ держаться въ границахъ умѣреннаго изящества и избѣгать слишкомъ рѣзкихъ пріемовъ. Разсказъ о ночномъ приключеніи смутилъ его порядкомъ. Тутъ онъ взялъ щепотку табаку и съ неописуемо-глупой серьезностью посмотрѣлъ на своего сосѣда, который сказалъ: «Итальянка вообще довольно красивая женщина; только она мало заботится о костюмѣ и куафюрѣ; въ той сценѣ у нея распустился локонъ и закрылъ половину профиля!» Кто-то началъ потихоньку напѣвать «Fin ch'han dal vino», причемъ одна дама замѣтила, что менѣе всего она довольна Донъ-Жуаномъ: итальянецъ былъ очень мраченъ, слишкомъ серьезенъ и вообще не выдержалъ легкаго, веселаго характера своей роли.—Очень хвалили взрывъ въ концѣ оперы. Утомленный всей этой болтовней, я поспѣшилъ въ мою комнату.

Въ ложѣ для пріѣзжихъ № 23.

Тѣсно, душно мнѣ было въ моемъ узенькомъ нумерѣ! Я увѣренъ, что въ полночь я слышалъ твой голосъ, милый Теодоръ! Ты ясно назвалъ меня по имени, и мнѣ казалось, что я слышу легкій шелестъ около портьеры. Что могло удержать меня отъ вторичнаго посѣщенія того мѣста, гдѣ случилось со мной удивительное приключеніе? Можетъ быть, я увижу тебя и ту, которая теперь наполняетъ все мое существо!—Нѣтъ ничего легче, какъ вынести туда этотъ столикъ, двѣ свѣчи, письменный приборъ! Слуга приноситъ заказанный пуншъ, ищетъ меня; но комната пуста, портьера открыта. Онъ приходитъ въ ложу и въ недоумѣніи смотритъ на меня. По моему знаку онъ ставитъ напитокъ на столъ и удаляется, оглядываясь на меня вопросительно. Обернувшись къ нему спиною, я прислоняюсь къ борту ложи и смотрю въ пустынный залъ. Его архитектура, магически освѣщенная моими двумя свѣчами, покрылась странными отраженіями и представляетъ фантастическій видъ. По залу проходитъ вѣтеръ и колышетъ занавѣсъ.—О, если бы онъ поднялся! Если бы появилась Донна Анна, преслѣдуемая страшными чудовищами!—Я невольно вскрикиваю: Донна Анна! Крикъ раздается въ пустомъ пространствѣ. Но духи инструментовъ оркестра просыпаются. Слышится чудный дрожащій звукъ; кажется, онъ въ тихомъ журчаніи повторяетъ милое имя! Я не могу освободиться отъ тайнаго ужаса; но это нервное возбужденіе доставляетъ мнѣ отраду.

Наконецъ я собираюсь съ мыслями, мой милый Теодоръ, и чувствую себя въ состояніи показать тебѣ, хотя вкратцѣ, что я только теперь понялъ превосходное произведеніе божественнаго маэстро во всей его глубинѣ. Только поэтъ понимаетъ поэта; только романтическое настроеніе можетъ проникнуть въ романтическій міръ; только восторженный духъ, посвященный въ тайны поэзіи, можетъ понять то, что говоритъ ея избранникъ въ моментъ вдохновенія. Если разсматривать поэму («Донъ-Жуана»), не придавая ей глубокаго смысла и обращая вниманіе только на фабулу, то такимъ путемъ едва ли можно понять, какъ Моцартъ могъ сочинить къ такому либретто такую поэтическую музыку. Разгульный малый, чрезмѣрно любящій вино и женщинъ, шаловливо приглашаетъ на свой веселый ужинъ статую стараго отца, котораго онъ закололъ, защищая собственную жизнь; право, въ этомъ сюжетѣ не много поэзіи; по истинѣ надо признаться, что такой человѣкъ не стоитъ того, чтобы подземныя силы видѣли въ немъ особую находку для ада; да и мраморной статуѣ, одушевленной силою неба, не стоитъ утруждать себя слѣзать съ коня и идти увѣщевать грѣшника къ покаянію въ послѣднія минуты его жизни; наконецъ дьяволу не было надобности высылать своихъ лучшихъ сотрудниковъ, чтобы они доставили эту добычу въ его царство такимъ ужаснымъ образомъ. Повѣрь мнѣ, Теодоръ: природа одарила Донъ-Жуана, свое любимое дитя, всѣмъ тѣмъ, что наиболѣе приближаетъ человѣка къ Божеству. Она возвысила его надъ общею массой твореній, надъ этими, такъ сказать, фабричными работами, которыя выходятъ изъ мастерской въ грубомъ видѣ и подобны нулю, только тогда имѣющему цѣну, когда передъ нимъ поставлена цифра. Донъ-Жуану предназначено побѣждать и господствовать. Онъ одаренъ прекрасною тѣлесною организаціей; въ его груди теплится зародышъ предчувствія высшихъ силъ; у него великодушный характеръ и быстрый, ясный умъ. Но ужасныя

послѣдствія грѣхопаденія состоятъ въ томъ, что врагъ получилъ силу искушать человѣка и разставлять ему опасныя сѣти даже тогда, когда онъ, побуждаемый своею духовною природой, стремится къ Безконечному. Изъ этого конфликта божественной и демонической силы образуется идея земной жизни, а побѣда, одержанная въ конфликтѣ первою силой, представляетъ идею возвышенной, блаженной жизни. Тѣлесный и умственный складъ Донъ-Жуана побуждаетъ его стремиться къ жизненной дѣятельности, къ пользованію благами жизни; съ вѣчно пылающей страстью, отъ которой кровь его кипѣла въ жилахъ, онъ жадно и безъ устали бросался на всѣ явленія земнаго міра, въ которыхъ напрасно искалъ успокоенія! Конечно, здѣсь на землѣ ничто не возбуждаетъ такъ сильно человѣческія чувства, какъ любовь. Дѣйствуя тайно и сильно, она разстраиваетъ и преобразуетъ самыя основы нашего бытія. Что же удивительнаго, что Донъ-Жуанъ надѣялся въ любви усыпить свою страсть, раздиравшую его сердце, и что дьяволъ поймалъ его на этомъ? По хитрости исконнаго врага, въ душѣ Донъ-Жуана зародилась мысль, что уже на землѣ чувственною любовью возможно насытить то, что живетъ въ нашемъ сердцѣ только въ видѣ небеснаго обѣтованія и представляетъ собою именно то стремленіе къ Безконечному, которое непосредственно сближаетъ насъ со сверхъестественнымъ міромъ. Донъ-Жуанъ безъ устали перелетаетъ отъ прекрасной женщины къ еще болѣе красивой. Въ своей страсти онъ доходитъ до пресыщенія, до опьяненія наслажденіемъ, въ результатѣ чего получается разочарованіе: онъ постоянно думаетъ, что ошибся въ выборѣ, и вѣчно надѣется найти идеалъ окончательнаго успокоенія. Однако же напослѣдокъ онъ долженъ увидать, что вся земная жизнь хрупка и поверхностна. Но такъ какъ онъ относился къ людямъ съ горделивымъ презрѣніемъ, то, горько обманувшись въ томъ, что было для него всего дороже въ жизни, онъ возсталъ противъ самихъ людей, виновниковъ его разочарованія. Любовныя похожденія теперь уже не приносили ему успокоенія, но сдѣлались нечестивымъ поруганіемъ природы и Творца. Донъ-Жуанъ чувствовалъ себя выше толпы, глубоко презиралъ обычные взгляды на жизнь и жестоко смѣялся надъ людьми; по его мнѣнію, они могли ожидать отъ счастливой любви и увѣнчавшаго ее законнаго брака весьма неполнаго достиженія высшихъ желаній, которыя природа на бѣду вложила въ ихъ сердце. Главнымъ образомъ Донъ-Жуанъ возсталъ противъ женщинъ и, неся съ собою всюду гибель, дерзко выступилъ противъ невидимаго властителя судебъ, который казался ему не жалѣющимъ своихъ бѣдныхъ созданій. Въ каждомъ соблазнѣ влюбленной невѣсты, во всякомъ разстройствѣ счастія взаимно-любящихъ сердецъ Донъ-Жуанъ, озлобленный противъ природы и самого Творца, видитъ блестящую побѣду надъ враждебной силой и думаетъ, что все болѣе и болѣе даетъ просторъ своей жизни, сбрасывая съ нея тягостныя оковы! Дѣйствительно, онъ стремится вырваться изъ рамокъ обычной жизни, спѣшитъ вылетѣть изъ этого міра; — но отсюда ему предстоитъ только провалиться въ адъ. Соблазнъ Анны, съ сопровождающими его обстоятельствами, представляетъ высшій предѣлъ, до котораго онъ доходитъ.

Донна Анна выставлена въ соотвѣтствіе Донъ-Жуану, какъ женщина, чрезвычайно одаренная природой. Какъ Донъ-Жуанъ отъ природы удивительно мощный, превосходно организованный мужчина, такъ Донна Анна чудная, божественная женщина, и дьяволъ не имѣетъ никакой власти надъ ея чистою душой. Все искусство ада могло причинить ей только земную погибель. Когда сатана погубилъ ее, то, по небесному правосудію, онъ не смѣлъ откладывать исполненіе возмездія за эту жертву. Донъ-Жуанъ, издѣваясь надъ заколотымъ имъ старикомъ, приглашаетъ его статую на веселую пирушку; и вотъ, небесная сила, видя окончательное паденіе человѣка и скорбя о немъ, не отказывается придти въ лицѣ Командора и грознымъ образомъ призываетъ преступника къ покаянію. Но душа Донъ-Жуана такъ развращена и растерзана, что даже небесная благодать не можетъ заронить въ него свѣтлаго луча надежды и воспламенить въ немъ стремленіе къ перерожденію, къ лучшей жизни!

Конечно, ты удивился, мой Теодоръ, что я, говоря о Доннѣ Аннѣ, употребилъ слово «соблазнъ». Въ настоящую минуту, когда не хватаетъ словъ для выраженія мыслей и чувствъ, накопившихся въ глубинѣ души, я по возможности скажу тебѣ вкратцѣ, какъ мнѣ представляется въ музыкѣ, безо всякаго отношенія къ тексту, соприкосновеніе обѣихъ натуръ (Жуана и Анны) въ ихъ взаимной борьбѣ. Я уже замѣтилъ, что Анна выставлена въ соотвѣтствіе Донъ-Жуану. Несомнѣнно, что эта женщина — такое же совершенство природы, какъ Донъ-Жуанъ — была предназначена небомъ пробудить въ падшемъ человѣкѣ божественные элементы его природы, избавить его отъ отчаянія пустыхъ жизненныхъ стремленій и спасти посредствомъ любви, которой сатана воспользовался для его погибели. Но онъ увидалъ ее слишкомъ поздно, когда порокъ достигъ въ немъ уже высшей степени развитія: имъ овладѣла дьявольская страсть погубить ее. И она не спаслась! Когда онъ впервые вылетѣлъ съ нею на сцену, она уже пала! Пожаръ нечеловѣческихъ чувствъ, адское пламя бушевали въ ея груди, — всякое сопротивленіе было безполезно.

Только онъ могъ обольстить ее, только Донъ-Жуанъ могъ зажечь въ ней безумное сладострастіе, въ чаду котораго она обняла человѣка, носившаго въ душѣ страшную, гибельную ярость адскихъ духовъ. Но когда, послѣ преступленія, онъ хотѣлъ убѣжать, въ этотъ моментъ ее охватила мысль о собственной погибели и мучительно впилась въ нее, подобно ужасному чудовищу, изрыгающему смертельный ядъ. Смерть отца отъ руки Донъ-Жуана, союзъ съ холоднымъ, изнѣженнымъ, пошлымъ Донъ-Оттавіо, которымъ она когда-то увлеклась и сочла это увлеченіе любовью, наконецъ любовь къ Донъ-Жуану, которая обратилась теперь въ смертельную ненависть и бушуетъ въ ея душѣ разрушительнымъ пламенемъ,—все это раздираетъ ея грудь. Она чувствуетъ, что только гибель Донъ-Жуана можетъ доставить покой ея душѣ, истерзанной смертельными муками; но этотъ покой будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ея земною гибелью. Поэтому она настойчиво требуетъ мести у своего ледяного жениха; она сама преслѣдуетъ соблазнителя и становится покойнѣе лишь послѣ того, какъ подземныя силы унесли его въ Оркъ. Но она уже не можетъ уступить нетерпѣливому жениху, который желаетъ ускорить свадьбу: «Lascia, o caro, un anno ancora, allo sfoga del mio cor» *). Она не переживетъ этого года; Донъ-Оттавіо никогда не обниметъ ту, которую благочестіе спасло отъ жалкаго брака, способнаго превратить ее лишь въ невѣсту сатаны.

Какъ живо ощущалъ я все это въ глубинѣ моей души при раздирающихъ сердце аккордахъ перваго речитатива и при разсказѣ о ночномъ покушеніи! Даже сцена Донны Анны во 2 актѣ «Crudele»**), которую, при поверхностномъ разсмотрѣніи, относятъ только къ Донъ-Оттавіо, своими тайными созвучіями и невыразимыми соотношеніями тоновъ выражаетъ настроеніе души, уже отрицающее всякое земное счастіе. Въ самомъ дѣлѣ, что иное можетъ выражать загадочная прибавка, сдѣланная поэтомъ въ этой аріи, можетъ быть, безсознательно:

«Forse un giorno il cielo ancora sentirà pietà di me!» ***).

*) „Дай, милый, подождать мнѣ еще годъ, пока не успокоятся раны моего сердца“.

**) „Жестокая?... О, нѣтъ: я съ грустью отдаляю счастіе, котораго мы давно ждемъ, мой милый“. (Актъ 2, сц. 11).

***) „Можетъ быть, святое небо еще сжалится надо мною“. (Ibidem).

Бьетъ 2 часа! На меня вѣетъ теплое, электрическое дыханіе. Я чувствую нѣжный ароматъ тонкаго итальянскаго благоуханія, которое вчера заставило меня предположить присутствіе сосѣдки. Я испытываю какое-то сладостное, мирное настроеніе, которое я могъ бы выразить только въ гармоническихъ звукахъ. Вѣтеръ сильнѣе ходитъ по залу;—струны фортепіано въ оркестрѣ звенятъ... Небо! мнѣ кажется, будто откуда-то издали несется на крыльяхъ звучныхъ аккордовъ воздушнаго оркестра голосъ Анны: «Non mi dir, bell'idol mio!» *). Откройся, отдаленное, невѣдомое царство духовъ! Распахни для меня свои двери, Джиннистанъ, полный очарованія, полный дивныхъ чудесъ! Тамъ, у тебя, восторженная душа въ невыразимой небесной грусти, полной неизъяснимой отрады, находитъ осуществленіе того, что на землѣ составляло для нея предметъ лишь неясныхъ предчувствій! Пусти меня въ область твоихъ роскошныхъ видѣній! Чудная греза, несущая съ собой то ужасъ, то отраду для человѣка! освободи мой духъ, когда сонъ окуетъ тѣло свинцовыми оковами, и умчи меня на эѳирныя поля Джиннистана!

Эпилогъ: разговоръ за обѣдомъ въ ресторанѣ.

Разсудительный господинъ съ табакеркой (сильно постукивая пальцами по ея крышкѣ). Однако досадно: мы теперь долго не услышимъ оперы въ порядочномъ исполненіи! А отчего? Вслѣдствіе гибельной неумѣренности!

Личность съ физіономіей мулата. Да, конечно! Я часто говорилъ ей объ этомъ! Роль Донны Анны она всегда играла съ крайнимъ увлеченіемъ! Вчера она пришла въ совершенное изступленіе. Весь антрактъ она пролежала въ обморокѣ, и послѣ втораго акта съ ней были даже нервные припадки.

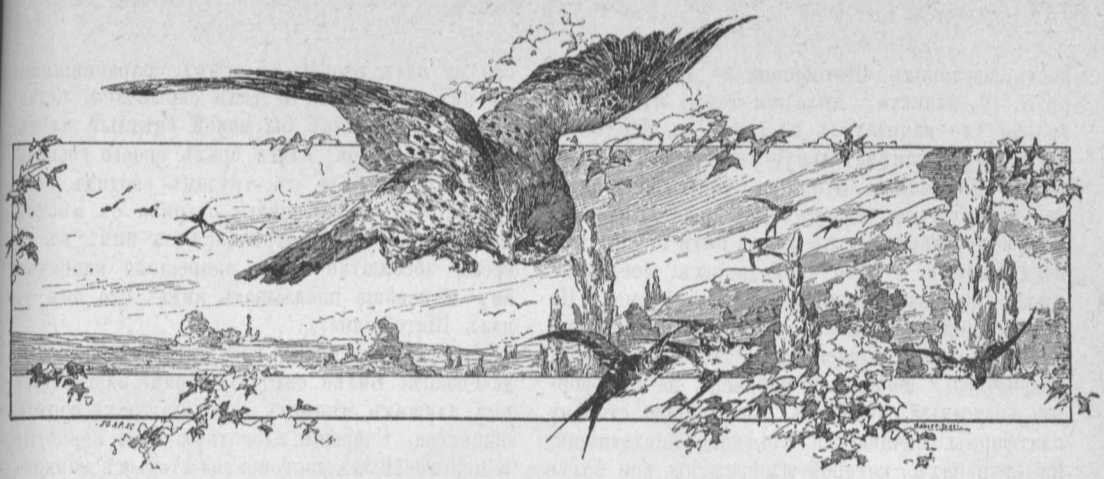
Незначительная фигура. Ахъ, скажите?!

Личность съ физіономіей мулата. Да, нервные припадки, и до того сильные, что ее даже нельзя было вынести изъ театра.

Я. Ради самого неба! Припадки не имѣли опасныхъ послѣдствій? Вѣдь мы скоро снова услышимъ синьору?

Разсудительный господинъ (вынимая щепотку табаку). Наврядъ ли, потому что сегодня утромъ ровно въ 2 часа синьора умерла.

*) „Не называй меня жестокою, мой милый!“ (Актъ 2, сц. 11).



Эженъ Сю.

(Окончаніе).

III.

Въ эпоху Іюльской монархіи, салоны имѣли довольно значительное вліяніе на литературу; я упомяну только о двухъ, мнѣ хорошо извѣстныхъ: салонѣ г-жи Рекамье и салонѣ герцогини де-Розанъ, достойной дочери знаменитой герцогини Дюрасъ, автора *Урики* и *Эдуарда*.

Эти два салона были и схожи, и не схожи другъ съ другомъ: схожи потому, что въ нихъ на ряду съ громкими аристократическими именами встрѣчались громкія имена въ литературѣ; различны потому, что у г-жи Рекамье литература, была, такъ сказать, хозяйкой и принимала у себя аристократію, тогда, какъ у герцогини де-Розанъ, литература была не болѣе какъ гостьей. Искусство имѣть салонъ очень тонкое и почти исчезнувшее искусство; поименованныя особы обладали этою тайной въ самой высокой степени; онѣ были изящны, но не импонировали этимъ и онѣ не хотѣли блистать сами, но давали блистать другимъ; будучи замѣчательно умными, онѣ устроили у себя культъ уму.

Нѣсколько словъ объ этихъ салонахъ будутъ не лишними, чтобы объяснить Эжена Сю.

Шатобріанъ былъ сначала божествомъ одного изъ салоновъ, а впослѣдствіи сдѣлался божествомъ и другого. Воспоминаніе о немъ было еще живо въ салонѣ герцогинѣ де-Розанъ, но у м-мъ де-Рекамье онъ былъ божествомъ видимымъ, настоящимъ, хотя и молчаливымъ. Сидя у камина въ своемъ широкомъ креслѣ, онъ взоромъ и физіономіей присутствовалъ при разговорѣ, но почти никогда не принималъ въ немъ участія; мнѣ онъ казался божествомъ молчанія. Трудно представить себѣ что-нибудь милѣе и изобрѣтательнѣе усилій м-мъ де-Рекамье доводить до слуха его все, что говорилось интереснаго вокругъ него. Каждое остроумное слово, каждый мало мальски интересный фактъ, разсказанный въ ея салонѣ, былъ подхваченъ ею и ловко преподнесенъ къ ногамъ предмета ея обожанія. Я слышалъ однажды изъ устъ ея слово, показавшее ея заботливость объ немъ. «Ничто такъ не сокрушаетъ меня, сказала она мнѣ однажды, въ потерѣ моего зрѣнія (ей угрожала слѣпота) какъ то, что я не могу болѣе читать на лицѣ г. Шатобріана, что ему нравится». Вотъ, скажутъ, слово очень трогательное для Селимены. Да потому что эта Селимена была женщина съ сердцемъ. Потому что эта Селимена довела дружбу до героизма! Хотите доказательствъ? Будучи уже въ старости, она вынесла операцію снятія катаракта. Хирургъ положительно воспретилъ ей движеніе и свѣтъ; но во время своего карантина она узнаетъ, что ея старый другъ Балланшъ заболѣлъ воспаленіемъ, что онъ при смерти и желаетъ пожать ей руку въ послѣдній разъ! Она моментально одѣвается, спускается внизъ, и, рискуя потерять зрѣніе и даже жизнь, переходитъ улицу, чтобы навѣстить его. Надѣюсь, это убѣдительно. Но возвратимся къ Шатобріану. Онъ пріѣзжалъ къ м-мъ де-Рекамье ежедневно въ три часа, и пилъ у нея чай въ обществѣ двухъ или трехъ самыхъ задушевныхъ пріятелей. Въ четыре салонъ открывался для посѣтителей и начиналась бесѣда разнообразная, веселая, безъ тѣни педантизма и съ абсолютной свободой мнѣній. Тамъ я однажды имѣлъ

честь заставить Шатобріана не то что говорить, а плакать. Дѣло въ томъ, что Рейно только что напечаталъ въ свѣтъ въ *Magazin Pittoresque* замѣчательную статью, подъ заглавіемъ *Лѣстница Жизни*. Старинная гравюра, которую вы можетъ быть знаете, изображаетъ эту лѣстницу въ формѣ пяти ступенекъ, восходящихъ и пяти нисходящихъ, соединенныхъ маленькою поперечною платформой. На восходящей лѣстницѣ представленъ во-первыхъ новорожденный младенецъ, затѣмъ ребенокъ, подростокъ, юноша, и наконецъ на платформѣ—взрослый человѣкъ. По другую сторону платформы начинается лѣстница нисходящая, на ступеняхъ которой изображены все болѣе и болѣе согбенные представители постепеннаго упадка человѣка вплоть до полнѣйшей дряхлости. Эта аллегорія человѣческой жизни возмущала Рейно: «это клевета на нашу расу, восклицаетъ онъ въ своей статьѣ, это значитъ относиться къ человѣку, какъ будто бы онъ состоитъ изъ одной плоти! Какъ можно втаптывать въ землю, въ грязь ступень, граничащую съ небесами? Какъ! Вы считаете упадкомъ человѣка въ то время, когда онъ всего ближе къ Богу? Лишь плохо проведенная жизнь кончается такимъ образомъ. Васъ обманываетъ разрушеніе организма, но вѣдь это одна видимость. То, что вы называете старостью, есть въ сущности начало вѣчной юности. Уничтожьте же эту лживую лѣстницу и возьмите за образецъ лѣстницу Іакова, которая идетъ отъ земли и восходитъ къ небесамъ!» Когда я дѣлился впечатлѣніемъ этой статьи, въ которой такъ могущественно проявляется душа Рейно, съ однимъ пріятелемъ,—ко мнѣ подошла м-мъ де-Рекамье и шепнула мнѣ на ухо:

«Прошу васъ, подѣлитесь вашими впечатлѣніями съ Шатобріаномъ».

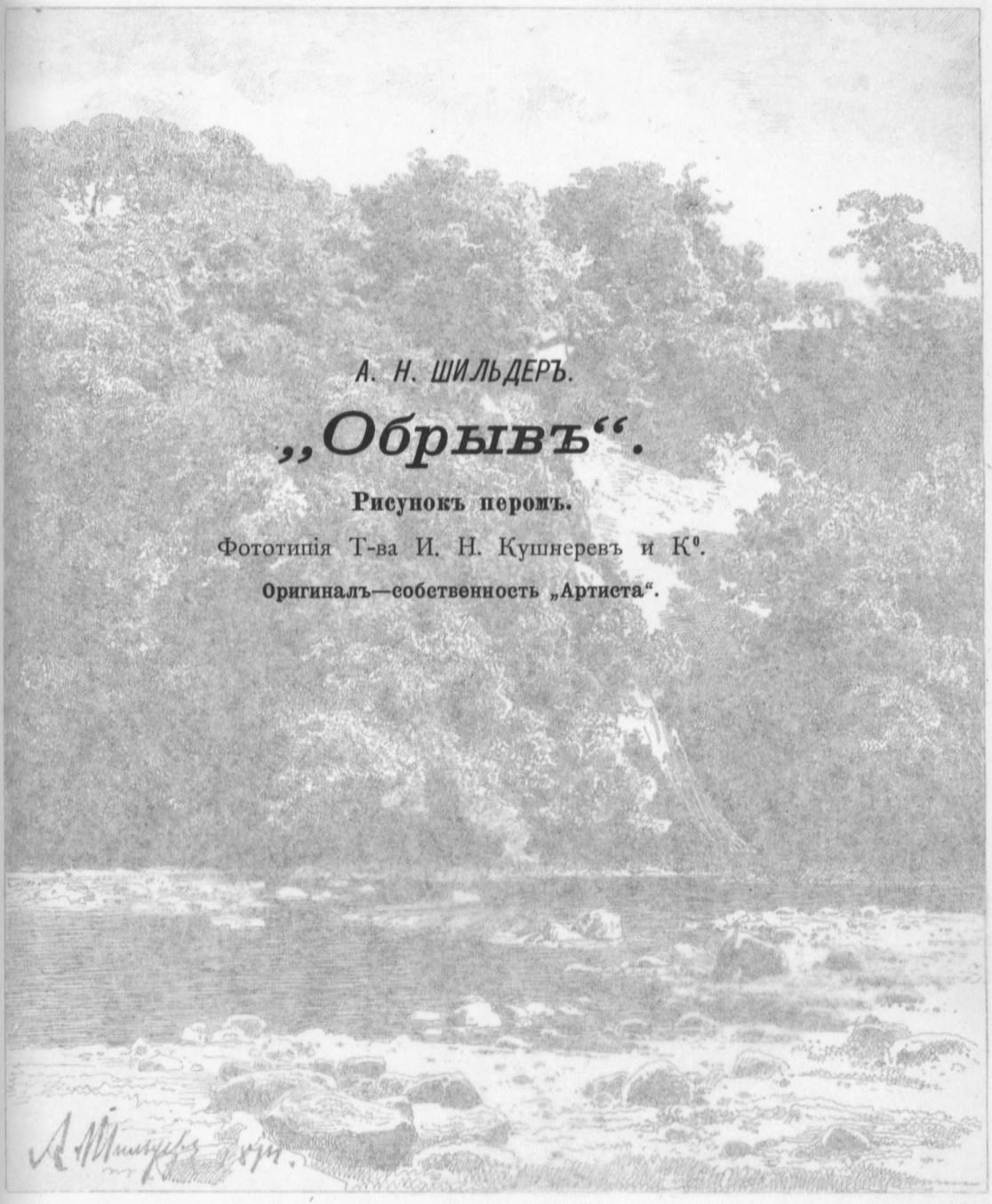
— Очень охотно, сказалъ я и, подойдя къ его креслу, передалъ, какъ умѣлъ, краснорѣчивыя слова Рейно. По мѣрѣ того, какъ я говорилъ, волненіе, овладѣвшее Шатобріаномъ, все болѣе и болѣе отражалось на его лицѣ; онъ молча пристально смотрѣлъ на меня, а когда я дошелъ до апофеоза старости, онъ взялъ меня за руку и я увидѣлъ какъ двѣ крупныя слезы скатились по его щекамъ.

«Mercі», сказала мнѣ тихо м-мъ де-Рекамье.

Въ эту минуту пробило пять часовъ; затѣмъ, по знаку м-мъ де-Рекамье, раздался звонокъ у камина; двери гостиной открылись и появился слуга Шатобріана. По обычаю, практиковавшемуся ежедневно, но который мнѣ случилось видѣть въ первый разъ, слуга пошелъ прямо къ креслу Шатобріана, взялъ его за спинку, направилъ къ двери. Шатобріанъ, все сидя, также молчаливо удалялся, влекомый сзади и обращенный лицомъ къ намъ, придавалъ своему лицу любезное выраженіе, бросая на насъ взоры, со всѣмъ сохранившимся въ нихъ блескомъ, и тихо скрывался, оставляя за собой какъ бы какой свѣтлый слѣдъ. Выйдя въ дверь, слуга бралъ своего господина подъ руки и съ трудомъ сводилъ этого дряхлаго и сгорбленнаго старика съ лѣстницы. Всякому, кто встрѣчался съ нимъ въ это время абсолютно было запрещено кланяться ему и вообще показывать видъ, что онъ узналъ Шатобріана.

Совершенно иного рода былъ салонъ м-мъ де-Розанъ. Болѣе свѣтскій, болѣе элегантный, онъ служилъ мѣстомъ свиданія трехъ сортовъ общества. Собраніе вдовствующихъ герцогинь и исполненныхъ достоинства старыхъ маркизъ, унаслѣдованнаго отъ матери, сообщало ея салону нѣкоторую важность, даже серьезность. Дочери ея, молодыя и прекрасныя, притягивали къ себѣ все, что было элегантнаго, изящнаго, веселаго въ тогдашнемъ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ; наконецъ любовь самой хозяйки дома къ искусствамъ собирала и избранное общество литераторовъ и музыкантовъ. Это была премилая смѣсь. Герцогиня де-Розанъ была замѣчательной предсѣдательницей этого разнообразнаго общества. Она была идеаломъ свѣтской дамы высшаго круга. Ея величественный ростъ, манеры, полная достоинства улыбка—все соотвѣтствовало ея роли. Она обладала способностью соединять свое общество, сохраняя вмѣстѣ съ тѣмъ разстояніе между отдѣльными лицами. Когда случалась свадьба въ обществѣ (Сенъ-Жерменское предмѣстье считало обществомъ только свое общество), у новобрачнаго не было заботы болѣе настоятельной, какъ представить свою молодую жену герцогинѣ де-Розанъ; это было какъ бы представленіе ко двору. Тамъ часто устраивались чтенія, давались концерты, которые всегда слушались внимательно. Герцогиня очень слѣдила за этимъ столько же въ интересахъ артистовъ, сколько и въ интересахъ своего салона. Салонъ ея былъ ея жизнью, ея гордостью, ея страстью; до послѣднихъ дней своей жизни, страдая неизлѣчимою болѣзнью, она заставляла поднимать себя среди дня, наряжалась, оспаривая у болѣзни то, что еще сохранялось пріятнаго въ ея физіономіи, и затѣмъ въ четыре часа появлялась въ гостиной граціозной, любезной, внимательной. Собранныя за день отдыха силы она растрачивала въ теченіе двухъ часовъ и платилась за это жестокими страданіями. Въ ея лицѣ роль свѣтской женщины была доведена до героизма. Ея салонъ былъ ея полемъ битвы, которое она покинула лишь для того, чтобы умереть.

Эженъ Сю едва показался въ l'Abbaye-aux-Bois, но очень интересовался тѣмъ, что объ немъ тамъ говорили. Для него было величайшей радостью услышать, что Шатобріанъ произносилъ его имя, и онъ не безъ волненія узна-



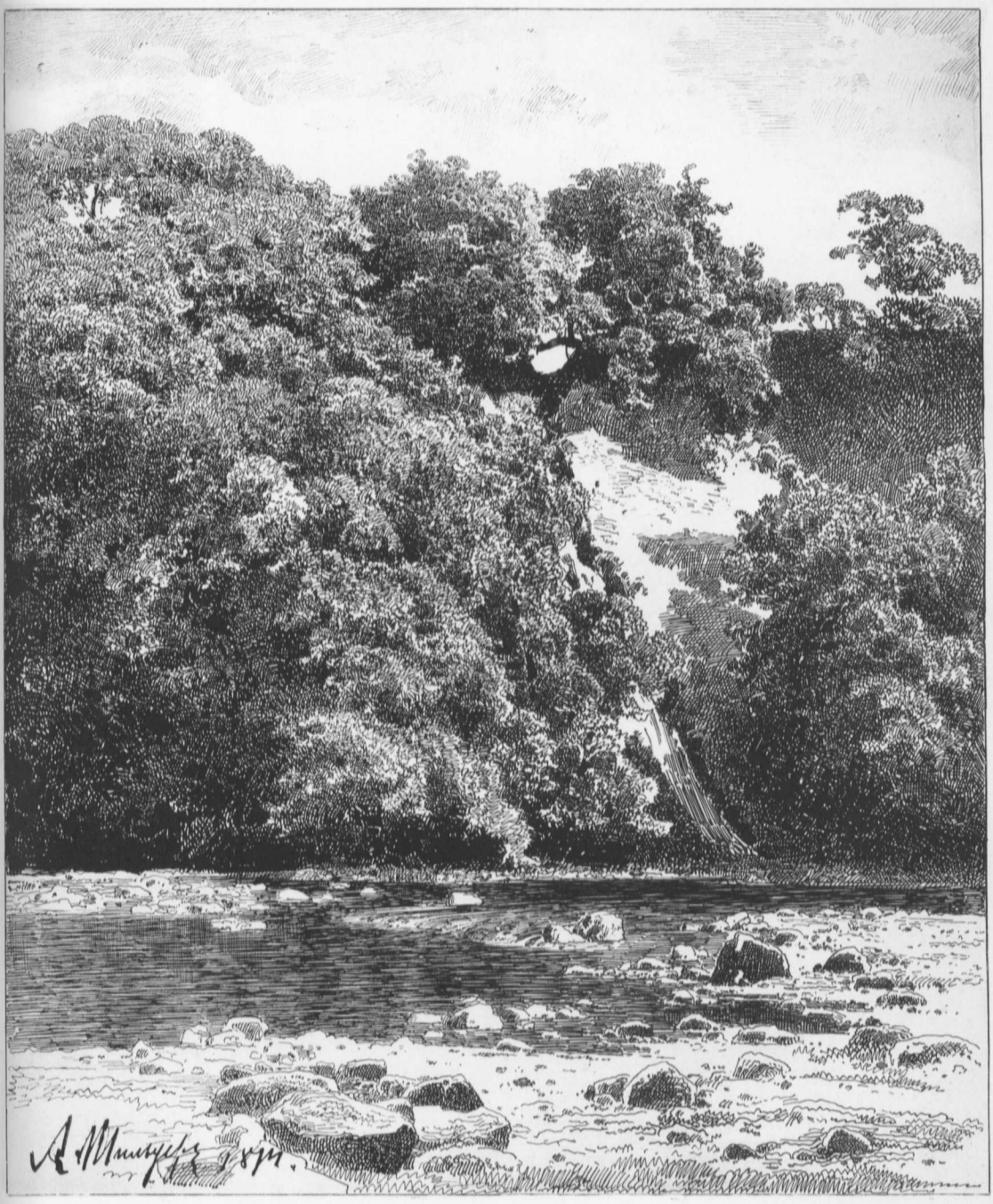
А. Н. ШИЛЬДЕРЪ.

„Обрывъ“.

Рисунокъ перомъ.

Фототипія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

Оригиналъ—собственность „Артиста“.



валъ отзывы салона м-мъ Рекамье, которые и доходили до салона герцогини де Розанъ. Тамъ его принимали съ почетомъ, восхваляли, покровительствовали ему. Первый экземпляръ всѣхъ его произведеній постоянно лежалъ на столѣ м-мъ де-Розанъ въ великолѣпномъ переплетѣ, украшенномъ ея гербомъ. Такое покровительство открыло ему всѣ салоны Сенъ-Жерменскаго предмѣстья. Г. Моле называлъ его своимъ юнымъ другомъ, и это вступленіе въ аристократическій кругъ обновило его талантъ, давши ему новые типы для наблюденія. Къ этой эпохѣ относятся его три великія произведенія, посвященныя изображенію изящнаго свѣтскаго общества: *Кукарача*, *Коатьенъ* и *Матильда*. Онъ не написалъ ничего столь блестящаго, столь оригинальнаго и смѣлаго, какъ характеръ *Крао* въ *Кукорача*, какъ первый томъ *Коатьена*, какъ личность *Урсулы* въ *Матильдѣ* и наконецъ характеристика восхитительнаго *Маркиза де-Леторьеръ*, который остается до сихъ поръ шедевромъ, хотя онъ сдѣлалъ величайшую неосторожность, давъ ему другое заглавіе — *Искусство нравиться*. Къ сожалѣнію, его собственный характеръ не выигралъ столько, сколько выигралъ его талантъ. Люди съ пылкимъ воображеніемъ нерѣдко впадаютъ въ ошибки, которыхъ причиной и оправданіемъ служитъ это самое воображеніе. Не должно судить поэтовъ, какъ другихъ людей. Голова ихъ легче воспламеняется: ихъ привлекаетъ все блестящее. Блескъ аристократическаго свѣта ослѣпилъ Эжена Сю. Онъ обезумѣлъ отъ блеска знатности, какъ будто самъ принадлежалъ къ знати. Этотъ столь скромный писатель соединялъ въ себѣ тщеславіе провинціальнаго дворянина съ тщеславіемъ настоящаго дэнди. Онъ не гордился своимъ замѣчательнымъ талантомъ, а чванился титуломъ, котораго не имѣлъ. Въ припадкѣ тщеславія, онъ велѣлъ нарисовать гербы на своихъ экипажахъ. Чтобы изображать изъ себя дворянчика, онъ преслѣдовалъ своими неистощимыми сарказмами буржуазную монархію Людовика Филиппа, что не помѣшало ему добиваться чести быть приглашеннымъ на охоту герцога Орлеанскаго. Когда его упрекали за это онъ отдѣлывался остротой: «Я присоединяюсь не къ орлеанской фамиліи, а къ ея сворѣ». И странное дѣло! Этотъ безпощадный насмѣшникъ дошелъ до того, что своими завитыми волосами, эксцентрическимъ туалетомъ и претензіей на изящество вызывалъ насмѣшки молодыхъ людей, которые не любили его и называли выскочкой можетъ быть потому, что женщины слишкомъ любили его. Онъ зналъ это и страдалъ отъ роли, которую игралъ въ свѣтѣ. Страданіе его усиливалось вслѣдствіе его провербіальной застѣнчивости. Сю былъ застѣнчивъ до того, что въ 1848 г., будучи избранъ народнымъ представителемъ, онъ не могъ сказать ни слова въ палатѣ, и вынужденный однажды прочесть громко докладъ въ полстраницы, просилъ одного изъ своихъ сотоварищей производить шумъ во время его чтенія, чтобы не было слышно словъ его. Женщины смущали его не менѣе трибуны. Сколько разъ, когда мы ужинали вдвоемъ, и рѣчь его блистала остроуміемъ и веселостью, онъ прерывалъ ея потокъ, чтобъ сказать мнѣ: «О, если бы я могъ такъ говорить въ свѣтѣ, потому, что вѣдь я очень хорошо говорилъ, не правда ли? я былъ очень забавенъ? Ну, а въ салонѣ я нѣмъ, какъ рыба, и глупъ, какъ пробка!» Надо полагать, что онъ выигрывалъ въ бесѣдѣ наединѣ, потому что пользовался большимъ успѣхомъ у женщинъ. Въ этомъ случаѣ наружность его не мало помогала его уму и таланту. Великолѣпные голубые глаза, густая шапка черныхъ какъ агатъ волосъ, характерныя брови, тонко очерченный ротъ и прекрасные зубы! Правда, общему впечатлѣнію вредилъ нѣсколько кривой и вздернутый носъ, о которомъ онъ выражался шутя: «Какъ досадно, что у меня такой противный носъ». Но этотъ недостатокъ въ свою очередь вознаграждался манерами знатнаго барина, которыя восхищали женщинъ и приводили въ отчаяніе мужчинъ.

Эженъ Сю имѣлъ не только вкусъ къ роскоши, онъ обладалъ, если можно такъ выразиться, геніемъ роскоши. Его безумная расточительность происходила столько же отъ его фантазіи, сколько отъ его характера. Онъ отличался такъ же изобрѣтательностью въ своихъ расходахъ, какъ и въ сюжетахъ своихъ романовъ. Эта плодовитость творчества, которая била ключемъ въ созданіи драматическихъ положеній, оригинальныхъ характеровъ и поэтическихъ сценъ, выражалась въ жизни въ придумываніи празднествъ, пиршествъ, мебели, упряжи, подарковъ. Иногда даже онъ забавлялся (шаловливость гамена никогда не покидала его), придумывая въ своихъ романахъ невозможную мебель и самыя фантастическія бездѣлушки, а его поклонницы разорялись, чтобы привести его фантазіи въ исполненіе.

Я подхожу теперь къ очень деликатному моменту. Одно изъ самыхъ поразительныхъ знаменій литературной знаменитости состоитъ въ томъ, что личность великаго писателя окружается цѣлою гирляндой женщинъ, которыя слѣдуютъ за нимъ не только какъ поклонницы, но и какъ адепты. Это нѣчто въ родѣ Магдалинъ... но не раскаявшихся. Чтобы пріобрѣсти литературную славу, мало одного генія; тутъ нуженъ геній исключительный, — геній, въ которомъ предѣлъ даетъ сторона романическая. У Вольтера, напр., не было такого генія можетъ быть потому, что у него было слишкомъ много здраваго смысла. Вольтеровскихъ женщинъ

не было, но зато были женщины Руссо, женщины Шатобріана, женщины Ламартина. Такія женщины-поклонницы были и у Эжена Сю. Обыкновенно учитель, которому онѣ поклоняются, сообщаетъ имъ свой отпечатокъ. Женщины Руссо были декламаторши; женщины Шатобріана отличались рыцарскимъ христіанскимъ настроеніемъ; женщины Ламартина соединяли въ себѣ религіозную экзальтацію и любовь; женщины Сю были скептичны, и, можно сказать, даже циничны. Распущенность его теорій о любви и адюльтерѣ имѣла свою долю въ его вліяніи на женщинъ. Онѣ любили его потому, что онъ льстилъ ихъ инстинктамъ, и, какъ всегда случается, онѣ, слѣдуя его теоріямъ, переступали черезъ край. Одна изъ нихъ, молодая и красивая, писала ему... я видѣлъ письмо: «Одинъ и тотъ же инстинктъ испорченности соединяетъ насъ». Другая, очень знатная дама и притомъ весьма красивая, принимаетъ его однажды вечеромъ наединѣ. Бьетъ одиннадцать, двѣнадцать, часъ... Все это время было употреблено Эженомъ Сю на убѣжденія своей прекрасной хозяйки въ своей страсти и на мольбу отвѣчать ему. Когда его мольбы стали слишкомъ настоятельны и пылки, она оставила его и сказала ему съ холоднымъ равнодушіемъ: «Теперь часъ утра, вы оставались наединѣ со мной болѣе трехъ часовъ; люди мои въ прихожей; карета ваша у крыльца; наше обоюдное тщеславіе удовлетворено; не покончить ли намъ на этомъ?» А вѣдь женщина эта была молода; ей минуло едва двадцать пять лѣтъ. Много говорили о томъ, что литература есть выраженіе общества; но нерѣдко общество есть отраженіе литературы. Эженъ Сю имѣлъ очень вредное вліяніе на небольшой кружокъ своихъ поклонницъ. Лучше другихъ, быть можетъ, изображалъ онъ лживость, изящество, пустоту, грацію, испорченность общества; но забылъ добродѣтели его. Въ изображеніи аристократіи онъ пропустилъ одну черту, именно аристократію сердца, тѣмъ не менѣе она существуетъ, и не составляетъ ли прелесть и правдивость романовъ Жюля Зандо, это именно тотъ прекрасный отблескъ благородства, который онъ разливаетъ на лицахъ молодыхъ дѣвушекъ-аристократокъ, старшей сестрой которыхъ была его М-ль де-Ла-Сегліеръ.

Ничего подобнаго нѣтъ у Эжена Сю. Онъ никогда не умѣлъ изобразить честную женщину. Честная женщина у него непремѣнно скучна. Вы помните эту несносную Матильду, такъ справедливо затмѣваемую развращенной Урсулой? Я не разъ говорилъ ему, смѣясь, что у него нѣтъ чутья добродѣтели. Да развѣ перо автора можетъ обладать тѣмъ, чего нѣтъ въ его сердцѣ? Я наблюдалъ у него вспышки любви, доходившія до страсти. Я видалъ, какъ онъ обливался слезами, рыдалъ объ измѣнѣ женщины, всего скорѣе какой-нибудь Урсулы. Въ самой любви ему нужна закваска порока. Но вмѣстѣ съ тѣмъ—странная вещь,—идеалъ такъ необходимъ для людей, одаренныхъ фантазіей, что едва только Эженъ Сю влюблялся въ одну изъ столь мало поэтическихъ женщинъ, какъ онъ начиналъ ее идеализировать. Я читывалъ письма его къ одной изъ нихъ; только и рѣчи, что объ ея великой душѣ! Въ молодости, у него была возлюбленная, извѣстная въ парижскомъ свѣтѣ своими похожденіями и своимъ неудержимымъ нравомъ. Подходя однажды къ своей квартирѣ, онъ видитъ, какъ изъ ея окна летитъ на него столикъ и другая мебель. Оказалось, что m-lle X. въ припадкѣ ярости вздумала разорить его квартиру. Несмотря на то, онъ хотѣлъ жениться на ней во что бы то ни стало. Наконецъ, въ пятьдесятъ лѣтъ онъ прислалъ мнѣ тетрадку стихотвореній, первыхъ имъ когда либо написанныхъ, которые были посвящены воспѣванію женщины, еще болѣе знаменитой, чѣмъ M-me X., и которую онъ сравнивалъ съ дѣвой Маріей.

Продолжая засѣдовать, мы подошли къ маленькой скамеечкѣ, весьма знакомой всѣмъ посѣтителямъ фонтана Станислава, и находящейся въ восхитительномъ уголкѣ лѣса. Когда мы усѣлись на ней, я сказалъ моему собесѣднику:

— Я выскажу вамъ одну вещь, которая безпокоитъ меня.

— Какую?

— Боюсь, не далъ ли я вамъ невыгодное понятіе объ Эженѣ Сю; мнѣ кажется, что я изобразилъ его только съ худой стороны. Я кажусь самому себѣ какъ бы Каиномъ, умерщвляющимъ своего брата.

— Я думаю,—отвѣтилъ онъ мнѣ, смѣясь,—что вы еще успѣете поправить дѣло, притомъ же вы открыли мнѣ въ Эженѣ Сю качество, котораго я въ немъ не подозрѣвалъ и которое перевѣшиваетъ всѣ его недостатки — именно искренность: въ немъ не было никакой рисовки! Онъ говорилъ противъ себя болѣе, чѣмъ могли бы сказать самые заклятые враги его.

— Вы коснулись одной изъ лучшихъ сторонъ характера Эжена Сю,—сказалъ я ему. Дѣйствительно, искренность его была безконечна и придавала ему какую-то наивную прелесть ребенка. Да! Какъ бы ни было странно это выраженіе, по отношенію къ автору *Матильды* и *Атаръ Гулля*, но дѣйствительно въ немъ было много дѣтскаго. Онъ былъ подвиженъ, и милъ, и лѣнивъ какъ ребенокъ; какъ ребенокъ, онъ каялся въ своихъ недостаткахъ, за что они ему и прощались, какъ ребенку; наконецъ, эта смѣсь недостатковъ, наивно признаваемыхъ и наивно забываемыхъ, образовала одну изъ самыхъ привлекательныхъ натуръ, которыя я когда либо зналъ, и нужно ли говорить, что эта особенная, одному ему свой-

ственная прелесть сопровождала Эжена Сю до самого момента его перерожденія.

— Значитъ мы подходимъ наконецъ къ нему!

— Мы стоимъ у его порога.

IV.

Неожиданный случай внезапно вырвалъ его изъ роскошной и свѣтской жизни. Случай этотъ, какъ вы догадываетесь, было разореніе. Въ три или четыре года онъ прожилъ все свое родовое имѣніе, наслѣдство и значительный доходъ отъ своихъ романовъ. Это несчастіе еще болѣе скрѣпило нашу дружбу. Случилось то же, что съ Берліозомъ: мой семейный очагъ послужилъ ему мѣстомъ убѣжища. Онъ ежедневно приходилъ ко мнѣ около двухъ часовъ, блѣдный, разстроенный, умоляя меня никого не принимать, потому что всякое постороннее лицо было для него ненавистно, и я не могу безъ содроганія вспоминать объ его слезахъ и рыданіяхъ.

— Какъ, плакать въ тридцать шесть лѣтъ объ растраченныхъ деньгахъ?

— О! не вините его! онъ потерялъ больше, чѣмъ деньги. Черезъ нѣсколько дней послѣ его разоренія, женщина, которую онъ обожалъ и которая постоянно упрекала его, что онъ недостаточно любитъ ее, бросила его окончательно. Это еще не все! Потерпѣвъ неудачу въ любви, онъ чувствовалъ, что одновременно пострадалъ и талантъ его.

Въ жизни артистовъ бываютъ моменты кризисовъ, знаменующіе паденіе или обновленіе таланта. Расину принадлежитъ глубокое изрѣченіе: «Если поэтъ въ сорокъ лѣтъ не находитъ болѣе новыхъ источниковъ вдохновенія, онъ умеръ для поэзіи». Эженъ Сю былъ именно въ такомъ же положеніи. Бытъ моряковъ былъ имъ исчерпанъ, равно какъ и жизнь свѣтская, ему нужна была новая сфера, наблюденіе, но такой сферы у насъ подъ рукой не было, и онъ чувствовалъ, что его фантазія изсякла, какъ и все остальное. Нѣтъ ни изобрѣтательности, ни идей, ни художественной формы! Онъ цѣлые часы просиживалъ за листомъ бумаги, и не могъ написать ни строки. Какъ теперь слышу, какъ онъ говорилъ мнѣ въ отчаяніи: «Моя карьера покончена, покончена навсегда! Мнѣ не о чемъ писать! У меня не остается даже наслажденія труда!» Чтобы успокоить его, хозяйка дома, которая одна могла опровергнуть всѣ теоріи Бальзака и доказать ему, что можно быть очаровательной и вмѣстѣ съ тѣмъ честной женщиной, садилась за рояль и пѣла ему только-что появившіяся тогда мелодіи Шуберта. Хотя онъ и не любилъ музыки такъ страстно, какъ я, но въ эти минуты она была ему по душѣ. Есть души, равно какъ и органы тѣла, которыя обладаютъ свойственнымъ больнымъ избыткомъ чувствительности, и часто вечеромъ, когда Эженъ Сю уходилъ отъ насъ, мы съ радостью замѣчали, что онъ уходилъ если не вполнѣ утѣшеннымъ, то не столь несчастнымъ.

Одно семейное событіе и случайный разговоръ вывели его изъ этого нравственнаго и умственнаго оцѣпенѣнія. Наша маленькая дочка серьезно заболѣла и излѣчилась отъ своей болѣзни почти чудеснымъ образомъ. Зрѣлище ли нашего отчаянія въ теченіе одиннадцати дней опасности, восторгъ ли нашъ при ея выздоровленіи — не знаю, но все, что Эженъ Сю видѣлъ и слышалъ въ нашемъ домѣ во время этого ужаснаго кризиса, сильно потрясло его душу. Онъ понялъ, что есть страданія болѣе чувствительныя, чѣмъ потеря денегъ, измѣна женщинъ или даже истощеніе творческой фантазіи; онъ почти стыдился своего горя при видѣ нашего! Двое изъ нашихъ друзей, Гудо и Шельхеръ, приходили къ намъ каждый вечеръ, чтобы провести съ нами ночь у постели умирающаго ребенка и помочь намъ въ этой отчаянной борьбѣ за дорогую жизнь. Эженъ Сю былъ тронутъ этой искренней дружбой и пожелалъ принять участіе въ нашихъ заботахъ; онъ не могъ видѣть равнодушно этого блѣднаго, умирающаго ребенка, лежавшаго на своей постелькѣ съ закрытыми глазами, съ разметанными въ безпорядкѣ волосами — ребенка, который за нѣсколько дней передъ тѣмъ такъ весело и безпечно ласкался къ нему! Когда наша дочка выздоровѣла, ему казалось, что съ нею онъ самъ выздоровѣлъ! Точно онъ сталъ вдыхать чистый и здоровый воздухъ! Сердце его укрѣпилось на почвѣ естественныхъ чувствъ и я услышалъ безъ удивленія, когда онъ однажды сказалъ мнѣ: «Вкусъ къ труду у меня возвращается. Я чувствую въ себѣ то, что должны чувствовать деревья подъ своей корой, въ мартѣ мѣсяцѣ, т.-е. силу растительности!» Затѣмъ продолжалъ, смѣясь, потому что страстно любилъ цвѣты: «Я положительно думаю, что я превратился въ розу remontante, и что мнѣ предстоитъ еще расцвѣсть въ августѣ! Одно, что безпокоитъ меня: я не нахожу сюжета! — Вы его найдете. — Да, но когда? Въ душѣ моей съ нѣкоторыхъ поръ поселилось дурное чувство, въ которомъ я едва смѣю признаться вамъ и которое смущаетъ меня. — Какое же чувство? — Вы хорошо знаете, что если есть женщины, которыхъ несчастье отталкиваетъ, то зато есть другія, которыхъ оно привлекаетъ. — И это, конечно, самыя лучшія. — Итакъ, одна изъ этихъ лучшихъ приходитъ ко мнѣ. При видѣ ея мнѣ невольно вспомнились прелестные слова Шекспира въ разсказѣ Отелло: «*Она полюбила меня за мои несчастья, а я ее за состраданье къ этимъ несчастьямъ*». Но одна горькая мысль отравила эту радость; и я не скрою отъ

васъ дурную черту души моей. Всю жизнь, и въ особенности послѣдніе три года, я выказывалъ большое презрѣніе къ женщинамъ, хитрилъ съ ними, прикидывался скептикомъ. И вотъ въ концѣ-концовъ маска превратилась въ лицо, игра въ дѣйствительность, которая сдѣлалась для меня подъ вліяніемъ послѣдней измѣны совершенною пыткой. Я не могу отрицать любовь ко мнѣ этой молодой женщины, но не могу и вѣрить ей! Знаю, что ей нѣтъ нужды обманывать меня, потому что она не можетъ получить отъ этого никакой выгоды. И все-таки, когда она выражаетъ мнѣ свою любовь, я говорю самъ себѣ: «Зачѣмъ она говоритъ мнѣ все это? Съ какой цѣлью? Чего она ждетъ отъ меня? Да вѣдь это ужасно! Представьте себѣ человѣка, который, глядя на ослѣпительную свѣжесть двадцатилѣтняго личика, увидѣлъ бы позади этихъ щечекъ скелетъ!»

Я внезапно прервалъ его: «Такъ вотъ вамъ и сюжетъ!—сказалъ я ему,—сюжетъ исполненный жгучаго интереса и притомъ новый! Скептикъ, страдающій отъ своего скептицизма! Обработка этого сюжета отлично подходитъ къ вашему таланту!—Вы думаете?—Я увѣренъ въ этомъ! Поступайте, какъ Гете, изображайте пережитое, рисуйте ваше разочарованіе... и кто знаетъ, можетъ быть, сами излѣчитесь, изображая его». Онъ послѣдовалъ моему совѣту, и съ такимъ успѣхомъ, что недѣли черезъ двѣ былъ начатъ его романъ *Артуръ*; произведеніе переходное, по временамъ обладающее такой силой психологическаго анализа, которую желалось бы чаще встрѣчать у Эжена Сю. Этотъ новый трудъ до того сильно захватилъ его, что нѣсколько времени спустя онъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ: я уѣзжаю изъ Парижа; я не могу здѣсь работать. Я занялъ денегъ и уѣзжаю миль за тридцать въ Солонью, въ обширное и безплодное помѣстье одного изъ моихъ родственниковъ, гдѣ я нанялъ и приспособилъ къ своему вкусу крестьянскій домикъ. Я дѣлаюсь отшельникомъ!»

Онъ дѣйствительно уѣхалъ черезъ три дня въ свою пустыню, но, какъ правдивый историкъ, я долженъ сказать, что уѣхалъ на почтовыхъ. И вотъ Эженъ Сю устроился въ деревнѣ. Одна изъ любопытнѣйшихъ чертъ въ его характерѣ была способность къ уединенію, какой я не зналъ ни у одного литератора. Долгія зимы, которыя онъ проводилъ въ полномъ одиночествѣ, вдали отъ всякаго жилища, посреди снѣговъ, скалъ и лѣсовъ не только не нагоняли на него скуки, напротивъ, оживляли его. Весь день въ его уединеніи раздѣлялся на двѣ части: девять часовъ труда и четыре—прогулки. Разъѣзжая по мѣстамъ, поросшимъ верескомъ и соснами, на маленькомъ пони, пріобрѣтенномъ въ обмѣнъ на великолѣпную серебряную вещь, и сопровождаемый большимъ борзымъ псомъ, котораго подарилъ ему графъ Дорсэ, онъ имѣлъ видъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ въ романахъ Вальтера Скотта.

Это было около 1841 г. Въ это время, если вы припомните, всплыли на свѣтъ Божій соціальныя идеи и вопросы пауперизма; умы начали интересоваться участью, нравами и страданіями рабочихъ классовъ; общественное вниманіе было обращено на народъ. Въ это время Эженъ Сю возвратился въ Парижъ. Одинъ смѣтливый издатель явился къ нему и принесъ англійское изданіе, гравюры и текстъ котораго были посвѣщены изображенію тайнъ: «Сочиненіе этого рода о Парижѣ имѣло бы огромный успѣхъ, сказалъ онъ. Не хотите ли написать нѣчто подобное?»

— Романъ съ иллюстраціями? — отвѣчалъ Эженъ Сю,—это мало соблазняетъ меня. Впрочемъ, подумаю».

Нѣсколько времени спустя, я получилъ отъ него въ деревнѣ небольшой картонъ съ двумя или тремя сотнями страницъ рукописи, съ слѣдующими словами, которыя я всегда хранилъ: «Мой добрый Эрнестъ»... Останавливаюсь на этой подписи, потому что она напоминаетъ мнѣ объ одной прелестной чертѣ въ характерѣ Эжена Сю: онъ былъ очень ласковъ и нѣженъ въ своихъ письмахъ къ друзьямъ. Онъ никогда не употреблялъ банальнаго выраженія: *мой милый другъ*, онъ называлъ васъ просто именемъ, къ которому присоединялъ эпитетъ добрый. Такъ писалъ онъ Шельхеру и Плейелю: *мой добрый Викторъ*, *мой добрый Камиль*, а въ молодости, сошедшись на дружескую ногу, съ очень умнымъ писателемъ г. де Форжомъ, называлъ его не иначе, какъ *мой добрый братъ*. Я остановился на этой подробности потому, что она бросаетъ свѣтъ на все, что было лучшаго въ душѣ Сю, и что спасло его. *Онъ на самомъ дѣлѣ былъ добрый и гуманный человѣкъ*. Но вернемся къ письму: «Мой добрый Эрнестъ, посылаю вамъ самъ не знаю что, но прочтите. *Можетъ быть, это очень глупо*. Мнѣ очень весело было писать это, но весело ли будетъ другимъ читать? Вотъ что сомнительно. Пожалуйста, скорѣй словечко въ отвѣтъ и скажите мнѣ свое мнѣніе». Я прочелъ. Первая глава была какъ бы прологомъ, который мало заинтересовалъ меня. Но когда начался самый романъ, когда началась первая, вторая, третья, четвертая глава, я почувствовалъ какъ бы прикосновеніе электрическаго тока, руки мои дрожали; я не читалъ, а пожиралъ рукопись! *Fleur de-Marie*, *le Chourineur*, *Школьный учитель*—это составляло половину перваго тома *Парижскихъ тайнъ*. Вы угадываете отвѣтъ мой. «Это превосходно! Это лучшее изъ вашихъ произведеній! Присылайте скорѣе продолженіе!» На что онъ отвѣтилъ мнѣ: «Я очень доволенъ вашимъ отвѣ-

томъ; но что касается продолженія, то я очень затрудняюсь выслать вамъ его, такъ какъ самъ не знаю его. Я писалъ все это, повинуясь инстинктивному влеченію и не зная, куда иду! Теперь я буду искать выхода». Выходъ этотъ помогла ему отыскать одна журнальная статья. При появленіи *Парижскихъ тайнъ* въ фельетонахъ *Débats*, Консидеранъ, редакторъ *Democratie Pacifique* назвалъ романъ Сю литературнымъ событіемъ. «Я понимаю, куда идетъ авторъ,— говорилъ онъ. (Онъ зналъ больше, чѣмъ самъ авторъ). Онъ вступаетъ на неизслѣдованный путь! Онъ предпринимаетъ изображеніе страданій и нуждъ рабочихъ классовъ! Г. Эженъ Сю былъ окрещенъ морскимъ романистомъ; съ этихъ поръ его будутъ величать романистомъ народнымъ». Какъ только я прочелъ эту статью, тотчасъ же послалъ къ Эжену Сю. «Мерсі,—отвѣтилъ онъ мнѣ, я получилъ. Я переговорилъ уже съ авторомъ ея и понялъ все». Съ этихъ поръ началось для Эжена Сю совсѣмъ новое существованіе. Онъ спустился въ низшій свѣтъ, какъ прежде поднимался въ высшій. Вмѣсто красной охотничьей куртки съ камеліей въ петлицѣ онъ купилъ себѣ фуражку, блузу, толстые башмаки, и сталъ отправляться по вечерамъ пѣшкомъ въ кабаки у заставы, въ сборища работниковъ, въ меблированныя квартиры, лачуги, больницы, живя народною жизнью, обѣдая въ грязныхъ тавернахъ и какъ бы углубляясь своимъ воображеніемъ во всю эту нищету, съ ея ненавистью и самоотверженіемъ.

— Позволяю себѣ прервать васъ,—сказалъ мнѣ мой собесѣдникъ,—чтобы попросить у васъ объясненія одного слова, которое вы произнесли и которое мнѣ показалось совсѣмъ непонятнымъ.

— Какое?

— То, что начиная Парижскія тайны, авторъ не зналъ куда идетъ. Какъ! неужели всѣ эти дѣйствующія лица, столь твердо поставленныя, шли не къ намѣченной цѣли?

— Нѣтъ. Сю всегда такъ писалъ. Случай былъ его руководителемъ. Приступая къ работѣ, онъ какъ бы бралъ лотерейный билетъ. Не онъ руководилъ перомъ, а оно увлекало его. Буквы, слова, выходившія изъ подъ его пера, были нѣчто въ родѣ кабалистическихъ знаковъ, говорившихъ ему: иди въ ту сторону! Самыя чернила его были такъ сказать симпатичныя чернила, ибо они имѣли свойство вдохновлять его. Ему случалось иногда придумывать главное дѣйствующее лицо романа, главнаго двигателя всего дѣйствія, въ концѣ тома и какъ бы нечаянно. Помните вы Родена въ *Вѣчномъ жидѣ?*

— Какъ не помнить! Это самая оригинальная личность во всемъ романѣ, главная пружина дѣйствія.

— А знаете ли вы, что онъ нашелъ эту главную пружину дѣйствія въ самомъ дѣйствіи! Однажды вечеромъ, въ концѣ рабочаго дня, когда онъ записывалъ послѣднія строки главы, передъ его фантазіей вдругъ, неизвѣстно какъ и почему, появился силуэтъ этого іезуита, грязнаго скряги, цѣломудреннаго циника, на которомъ вертится все произведеніе.

— Вы меня изумляете. Я до сихъ поръ думалъ, что всякій плодъ фантазіи долженъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ плодомъ размышленія, что всякая часть въ немъ, всякая подробность обдумана заранѣе, въ виду общей концепціи и конечной цѣли!

— Это безусловно вѣрно по отношенію къ произведеніямъ драматическимъ, потому что они представляютъ собой художественное цѣлое. Одна изъ первыхъ сценъ, которую прежде всего долженъ придумать драматическій писатель, это послѣдняя, т.-е. развязка, къ которой стремятся всѣ дѣйствія и почти всѣ слова дѣйствующихъ лицъ. Другое дѣло въ романѣ. Въ немъ допускаются обходы, уклоненіе отъ главной цѣли, эпизоды. Романисту позволяется развлекаться по пути, если только онъ сумѣетъ позабавить и насъ. Я могу назвать вамъ мастеровъ дѣла, которые начинали свои романы, какъ Эженъ Сю, не зная куда они придутъ. Что до него, то онъ былъ совершенно неспособенъ составить планъ или придумать сценарій. Если онъ никогда одинъ не сочинилъ театральной пьесы, то именно потому, что ее надо было сочинять. У такихъ натуръ соображеніе и расчетъ убиваютъ вдохновеніе. Именно эта неизвѣстность и безвыходность возбуждала фантазію Эжена Сю и дѣлали его творцомъ. Повѣрите, что въ нѣкоторыхъ большихъ романахъ ему случалось ставить своихъ дѣйствующихъ лицъ въ безвыходное положеніе въ концѣ фельетона, имѣющаго появиться завтра, не зная, какъ онъ выпутается въ *послѣзавтрашнемъ* фельетонѣ? Въ одинъ изъ такихъ случаевъ я получаю отъ него письмо, писанное какими-то іероглифами: «Мой добрый Эрнестъ, я въ затрудненіи! Прочти этотъ фельетонъ; чортъ знаетъ какъ я выведу изъ него моихъ дѣйствующихъ лицъ! Я буду у тебя въ шесть часовъ, мы пообѣдаемъ и поищемъ вмѣстѣ выхода».—«Но, несчастный, говорилъ я ему, когда онъ приходилъ, зачѣмъ же вы вдаетесь въ такія затрудненія?—Вы хорошо знаете почему: потому что я не умѣю писать иначе.—Но вѣдь я прочелъ твой проклятый фельетонъ. Положеніе дѣйствительно безвыходное.—Ба!—отвѣчалъ онъ мнѣ съ удивительнымъ хладнокровіемъ,—послушай, потолкуемъ хладнокровно. Представь себѣ, что въ такомъ положеніи очутились не вымышленные, но реальные люди. Вѣдь должны же они найти какой-нибудь выходъ. Дурной или хорошій, но все-таки выходъ. А потому по-

смотримъ, какъ бы они стали дѣйствовать». И вотъ мы толкуемъ, споримъ, придумываемъ, онъ, полный вдохновенія и прерывая отъ времени до времени свою рѣчь словами: «Можетъ ли быть что нибудь забавнѣе, какъ играть роль провидѣнія, фортуны; дѣлать счастливыхъ и несчастныхъ; обогатить того, разорить другого; отдать любимую женщину молодому человѣку, который не ожидаетъ этого! Вотъ почему я создалъ *Родольфа*, дѣйствующее лицо въ романѣ *Парижскія Тайны!* Родольфъ это романистъ въ дѣйствіи; я имѣю только два преимущества передъ нимъ: во-первыхъ, я имѣю право жизни и смерти надъ моими дѣйствующими лицами; затѣмъ, я знаю больше ихъ, что съ ними случится!» Наконецъ-то, послѣ двухъ-трехъ часовъ споровъ, разсужденій и волненій онъ уходилъ успокоенный, найдя что хотѣлъ.

— Вы обѣщали изобразить мнѣ существо оригинальное,—сказалъ мнѣ мой собесѣдникъ, и сдержали свое слово. Но до сихъ поръ я вижу только фантастическаго демократа. Но гдѣ же демократъ убѣжденный? Онъ измѣнилъ образцы, онъ рисуетъ работницъ, какъ прежде рисовалъ герцогинь; это вещь обыкновенная. Всѣ артисты поступаютъ такъ же.

— Вы сейчасъ увидите, что онъ сдѣлаетъ то, чего никто изъ нихъ не дѣлалъ.

V.

Трудъ возвратилъ ему успѣхъ, успѣхъ возвратилъ деньги, а съ деньгами вернулась прежняя элегантная и комфортабельная жизнь. Маленькій домикъ его въ улицѣ Пепиньеръ, преобразованный имъ въ дачу, наполненный цвѣтами, удовлетворялъ не только всѣмъ его потребностямъ, но его артистическимъ и свѣтскимъ вкусамъ. Знакомство его измѣнилось съ направленіемъ его таланта; общество герцогинь перестало быть его обществомъ, и уступило мѣсто сношеніямъ съ людьми, болѣе серьезными. Разъ въ мѣсяцъ онъ собиралъ у себя Шельхера, Губо, Камиля Плейеля и меня и называлъ насъ... квартетомъ друзей. Квартетъ— это вѣрное выраженіе, потому что каждый изъ насъ, такъ сказать, представлялъ различный инструментъ. Шельхеръ приносилъ съ собою неизмѣнные принципы чести и свободы, которые въ соединеніи съ его страстною любовью къ искусствамъ и его рыцарской вѣжливостью, дѣлали изъ этого защитника черныхъ расъ смѣшеніе спартанца и аѳинянина. Губо являлся съ своимъ универсальнымъ умомъ, который сдѣлалъ изъ него основателя профессіональнаго преподаванія во Франціи и автора *Игрока* и *Ришара Дарлингтона*. Что до Камиля Плейеля...

— Плейель, это фабрикантъ роялей?

— Онъ самый, вѣрьте мнѣ, что ни одинъ музыкальный инструментъ, вышедшій изъ его мастерскихъ, не звучалъ такъ гармонично, какъ его собственная душа. Онъ обладалъ всѣми привлекательными качествами, которыми мы восхищаемся въ артистахъ и всѣмъ великодушіемъ, которое мы въ нихъ предполагаемъ. Первоклассный пьянистъ, ученикъ Штейбеля, онъ усвоилъ себѣ традицію и стиль маэстро. Шопенъ часто говаривалъ: «Единственный человѣкъ въ наше время, который умѣетъ играть Моцарта, это Плейель, и когда онъ пожелаетъ исполнить со мной сонату въ четыре руки, я считаю это урокомъ для себя».

Эженъ Сю, какъ я говорилъ вамъ, имѣлъ естественный вкусъ къ музыкѣ; замѣтивъ это, Плейель приказалъ сдѣлать четыре колокольчика различныхъ тоновъ и повѣсилъ ихъ на шею четырехъ коровъ, пасшихся въ лугахъ Солоньи, чтобы они доставляли гуляющему пріятное впечатлѣніе полной гармоніи. Разговоръ Плейеля изобиловалъ интересными воспоминаніями о великихъ музыкантахъ. Онъ, между прочимъ, слыхалъ какъ импровизировалъ Бетховенъ! Фактъ этотъ весьма любопытенъ, а такъ какъ мы не драматурги и намъ дозволительны отступленія отъ главнаго сюжета, то вы простите мнѣ этотъ коротенькій эпизодъ. Однажды въ Вѣнѣ объявленъ былъ большой концертъ съ импровизаціей Бетховена. Плейель отправляется туда съ отцомъ; въ концѣ концерта является маэстро, садится за рояль, начинаетъ нѣсколькими незначительными нотами, пробуетъ нѣсколько аккордовъ, прерываетъ ихъ, переходитъ къ другимъ, покидаетъ ихъ и затѣмъ вдругъ, послѣ нѣсколькихъ безплодныхъ попытокъ, встаетъ, кланяется и уходитъ. Можете себѣ представить разочарованіе публики! Въ Вѣнѣ весь день только и говорили,что объ этомъ скандалѣ. На другой день, Игнатій Плейель, отецъ Камиля, сказалъ ему: «Пойдемъ-ка провѣдать Бетховена». Приходятъ; молодой человѣкъ дрожитъ на половину отъ восторга и на половину отъ страха: въ какомъ положеніи они застанутъ маэстро? Едва увидѣвъ ихъ, Бетховенъ сказалъ. «А, вотъ и вы! Были ли вы вчера въ концертѣ?—Да.—Ну, что же сказали эти глупцы? Они конечно назвали меня скотомъ? Они воображаютъ, что можно импровизировать, какъ шить башмаки, когда вздумается? Я пришелъ съ самыми лучшими намѣреніями, даже пробовалъ импровизировать, но вдохновеніе не явилось! Что же мнѣ было дѣлать? Оставалось одно: взять шляпу и уйти, что я и сдѣлалъ. Тѣмъ хуже для нихъ, если они ворчатъ». Говоря такимъ образомъ, онъ стоялъ подлѣ рояля, нервный, раздраженный, машинально блуждая лѣвой рукой по инструменту, ударяя то ту, то другую ноту, то однимъ пальцемъ, то двумя или тремя... Мало-по-малу, самъ того не замѣчая и не прерывая разговора, онъ кла-

детъ на рояль всю лѣвую руку... ноты слѣдуютъ за нотами... начинаетъ вырисовываться слабый контуръ мелодіи... Тутъ физіономія маэстро измѣняется, рѣчь его становится порывистой... интонація ея не сходится съ словомъ... Черезъ нѣсколько минутъ, онъ уже сидитъ за фортепіано и руки его бѣгаютъ по всему инструменту. Не чувствуя, если ли кто-нибудь въ комнатѣ, онъ склонился съ пылающимъ лицомъ надъ инструментомъ, извлекая изъ него звуки, пѣсни, стоны, и являя наконецъ Камилю незабвенное зрѣлище великаго художника, внезапно охваченнаго геніемъ, и выходящаго изъ самаго акта творчества блѣднымъ, трепещущимъ, истощеннымъ! Плейель былъ очарователенъ, передавая эту сцену; Бетховенъ какъ бы оживалъ въ его лицѣ и его голосѣ. Но Плейель-артистъ составлялъ лишь половину Плейеля-человѣка. Онъ былъ первоклассный администраторъ и полный страстной симпатіи къ Эжену-Сю, рѣшилъ обезпечить ему счастливый конецъ жизни. Онъ сдѣлался его повѣреннымъ. Обязанность была не изъ очень легкихъ, ибо расточительность Эжена Сю быстро снова повергла его въ денежныя затрудненія, въ долги, и ему грозило вторичное раззореніе. Камиль Плейель самовольно окружилъ его дружескимъ юридическимъ совѣтомъ; совѣтъ этотъ состоялъ изъ него, Губо и меня. На обязанности совѣта лежала конфискація всего, что онъ заработывалъ, ассигновка ежемѣсячнаго пенсіона, уничтоженіе безполезной роскоши, подведеніе счетовъ и расплата съ кредиторами впредь до окончательнаго погашенія долговъ! Сю покорялся этому дружескому деспотизму съ покорностью ребенка, тѣмъ болѣе что утрата самостоятельности, отчасти вознаграждалась возрастающимъ успѣхомъ его твореній и усиленіемъ его вліянія на рабочіе классы. Одно время онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ народнаго короля Парижа. Всякое его произведеніе встрѣчалось съ горячимъ восторгомъ и благодарнымъ энтузіазмомъ, которые иногда выражались довольно страннымъ и даже трагическимъ образомъ. Однажды вечеромъ, возвращаясь домой, онъ задѣлъ въ темнотѣ какой-то висящій предметъ; онъ зажигаетъ спичку и что же видитъ? Ноги человѣка, пробравшагося неизвѣстно какъ въ его прихожую, и повѣсившагося тамъ; онъ держалъ въ рукѣ слѣдующую записку: «Я съ отчаянія порѣшилъ покончить съ собой; мнѣ казалось, что смерть будетъ для меня менѣе тягостна, если я умру подъ кровлей того, кто насъ любитъ и защищаетъ!» Этотъ фанатизмъ къ Сю начался въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ появился въ свѣтъ эпизодъ, изъ исторіи семейства Морель.

— Морель гранильщикъ!—воскликнулъ мой собесѣдникъ. Потерянный алмазъ; отчаяніе этого честнаго человѣка, котораго обвинили въ воровствѣ; изгнаніе всей семьи! Это одна изъ лучшихъ главъ Парижскихъ Тайнъ!..

— Теперь я вамъ сообщу постскриптумъ къ этой главѣ. Когда Сю читалъ этотъ эпизодъ намъ, мы обливались слезами. Это было въ концѣ февраля. 25-го Плейель передалъ Сю 1800 франк. для уплаты по одному векселю; 28, въ послѣднее число, мы приходимъ всѣ четверо къ обычному ежемѣсячному обѣду. Первыя слова Плейеля были: «Ну что, кредиторъ приходилъ? Гдѣ квитанція въ уплатѣ 1800 фр?» Сю пробормоталъ что-то, смѣшался и отвѣтилъ ласковымъ голосомъ: «Мой милый Камиль, не сердись на меня, но...—Ты не уплатилъ! вскричалъ Плейель.—Я скажу тебѣ, мой милый Камиль, потому что... — Потому что, что? Опять какое-нибудь новое безумство! Въ самомъ дѣлѣ, ты невыносимъ! Я не обѣдаю съ вами, прощайте!» и Плейель встаетъ чтобы уйти. «Мой добрый Камиль, умоляю тебя останься! Я не могъ поступить иначе.— То-есть, ты не могъ воздержаться отъ какой-нибудь прихоти. Говори же, какое произведеніе искусства или какая дорогая бездѣлка прельстила тебя? Вѣроятно Фроманъ-Морисъ приходилъ и принесъ тебѣ... — Нѣтъ, нѣтъ, мой добрый Камиль, нѣтъ, Фроманъ-Морисъ не приходилъ и я не покупалъ у него ничего!—Въ такомъ случаѣ, на что же ты истратилъ деньги?—На это очень трудно отвѣчать.— Ну, такъ я узнаю это помимо тебя!—сказалъ Плейель, и закричалъ: Лоранъ (имя слуги)!— Лоранъ является.—«Кто приходилъ сегодня утромъ къ барину?—Бѣдный подрядчикъ столяръ съ женой и дѣтьми; кредиторы хотѣли захватить всю ему мебель и сдѣлать его банкротомъ. Несчастный человѣкъ обливался слезами и баринъ отдалъ его 1800 фр.» Мы были смущены. Слуга вышелъ, а Эженъ-Сю продолжалъ по прежнему тихимъ и сконфуженнымъ голосомъ: «Мой добрый Камилъ, этотъ несчастный былъ образцомъ честности. Честность и раззореніе его были мнѣ подтверждены человѣкомъ, котораго вы всѣ знаете и уважаете, г. Б. Эти 1800 фр. спасали ему честь его». — Не спорю, похвально дѣлать милостыню, продолжалъ Плейель, все еще нѣсколько ворча, но прежде чѣмъ быть великодушнымъ, надо платить свои долги: великодушіе—это роскошь; честность,—это долгъ. Вашъ кредиторъ, можетъ быть, также съ нетерпѣніемъ ждетъ своихъ тысячу восемьсотъ франковъ, онъ тоже, можетъ быть, нуждается въ нихъ! Чортъ возьми! нельзя позволять себѣ удовольствіе благодѣтельствовать другимъ, когда самъ долженъ». Эженъ-Сю слушалъ его съ поникшей головой, и отвѣтилъ: «Не надобно быть такимъ сердитымъ, мой милый Камиль. Ну, право же, я не могъ удержаться! Посуди самъ. Сегодня

утромъ мнѣ принесли корректуру главы объ Морелѣ. Когда я исправлялъ ее, мнѣ пришло въ голову, что эта глава была чѣмъ-то въ родѣ векселя, и что написавъ ее, я былъ не въ правѣ отвергать честнаго человѣка въ несчастьи!» Въ эту минуту у насъ всѣхъ навернулись на глазахъ слезы. Камиль взялъ его за руки и сказалъ: «Ты хорошо поступилъ! Ты лучше насъ, что же касается твоего кредитора, я беру на себя упросить его подождать».

Теперь вы видите,—сказалъ я моему собесѣднику, который былъ также тронутъ моимъ разсказомъ,—какимъ образомъ воображеніе Сю преобразовало его душу! Какъ она прониклась милосердіемъ и состраданіемъ! Обращеніе Сю въ демократизмъ объясняли расчетомъ; лучшимъ отвѣтомъ на это обвиненіе могутъ служить его поступки. Разъ попавши на истинную дорогу, онъ шелъ до конца, т.-е. до жертвы, до добровольнаго изгнанія. Избранный въ 1848 году въ народные представители, онъ занялъ мѣсто на лѣвой сторонѣ и въ первый же день, изъ любопытства, усѣлся рядомъ съ однимъ знаменитымъ поэтомъ. Во время обсужденія какого-то закона онъ разговаривалъ съ своимъ сосѣдомъ, и былъ удивленъ, когда тотъ, продолжая разговаривать, поднимаетъ руку, встаетъ, словомъ, подаетъ свой голосъ. «Развѣ вы слышали оратора? спрашиваетъ онъ своего сосѣда.—Нѣтъ я не слыхалъ ни слова. Такъ какъ же вы подавали свой голосъ?—О! это очень просто. Видите противъ насъ этого маленькаго человѣка въ очкахъ? Да.—Онъ мнѣ указываетъ какъ подавать мой голосъ. Такъ какъ мы всегда противнаго мнѣнія, то когда онъ встаетъ, я сижу; когда онъ сидитъ,—я встаю; я довѣряю ему, ибо знаю, что онъ слушаетъ и за меня».

Эженъ-Сю не относился съ такимъ индиферентизмомъ къ политическимъ вопросамъ. Онъ вносилъ сюда страстную пылкость и силу убѣжденія.

Когда наступило 2 декабря, онъ энергично протестовалъ противъ переворота, и былъ внесенъ Морелемъ въ списокъ депутатовъ, предназначенныхъ къ арестованію. Наполеонъ собственноручно вычеркнулъ его, вспомнивъ, что Эженъ-Сю былъ крестникъ его матери. Эженъ-Сю отказался отъ этой милости и отправился въ крѣпость Ванвъ вмѣстѣ съ другими депутатами. Когда декретъ объ изгнаніи былъ обнародованъ, его имени не было въ спискѣ, Наполеонъ вычеркнулъ его вторично. Эженъ-Сю также вторично отказался отъ милости, какъ отъ оскорбленія, и добровольно удалился въ изгнаніе въ Аннеси. Онъ прожилъ тамъ три года, постоянно работалъ, все болѣе и болѣе утверждаясь въ своихъ республиканскихъ принципахъ. Хотя онъ по моему мнѣнію слишкомъ далеко простиралъ свои радикальныя теоріи, но зато онъ исправлялъ ихъ своими дѣйствіями, отдавалъ часть своего заработка на помощь всѣмъ несчастнымъ, окружающимъ его.

Этотъ скептикъ, этотъ насмѣшникъ, этотъ матеріалистъ (всѣ эти эпитеты прилагались къ имени Эжена Сю) давалъ каждый годъ, не будучи вѣрующимъ католикомъ, значительную сумму священнику въ Аннеси на бѣдныхъ. Что же его обратило? Его собственное творчество!

Н. П.

„Венецейскій истуканъ“, д. 1-е, явл. 6-е.

Отелло.

Психологическій очеркъ.

Въ крошечной театральной уборной сыро и холодно. Передъ маленькимъ парикмахерскимъ зеркальцемъ, по обѣимъ сторонамъ котораго горятъ свѣчи, воткнутыя въ импровизированные, деревянные подсвѣчники, въ продранномъ креслѣ сидитъ трагикъ Безсоновъ и какъ-будто изучаетъ въ зеркалѣ свое лицо, прежде чѣмъ начать гримироваться. Сегодня онъ долженъ играть „Отелло“ и, вѣрно, придется употребить не мало искусства и красокъ, чтобы этому испитому, морщинистому лицу придать гордую выразительность Мавра.

За кулисами шумъ и суета. Рабочіе готовятъ сцену для перваго акта. Должна быть улица въ Венеціи. Помощникъ режиссера ругается, что продрали „воздухъ“ и кричитъ портного, чтобы вшить въ „воздухъ“ заплату, но портной одѣваетъ Яго и на зовъ помощника не обращаетъ никакого вниманія.

— Портной! Портной! Портной, чертъ тебя возьми!

— Ну, если чертъ его возьметъ,—тебѣ не легче будетъ, — возражаетъ ему суфлеръ.

— Портной!—не обращая вниманія на это резонное возраженіе, опять вопитъ помощникъ.

— Старо!

— Какъ этотъ воздухъ, — добавляетъ суфлеръ.

Но помощнику не до остротъ. Онъ хватаетъ за рукавъ перваго попавшагося рабочаго и требуетъ, чтобы повѣсили другой воздухъ.

— Да другого нѣтъ, Григорій Васильевичъ.

— Какъ нѣтъ? Гдѣ же онъ?

— Изъ него море сдѣлали.

— А, чертъ!.. Ну, что же теперь дѣлать-то? Нельзя же, чтобы воздухъ съ дырой былъ?!

— Дыру можно закрыть церковью, или деревомъ.

— Ну, ладно! Чертъ съ вами, а я не виноватъ!—въ отчаяніи махнувъ рукою, говоритъ помощникъ. — Ставьте церковь. Не у мѣста она будетъ, ну, да все едино: сойдетъ, а я пойду сценаріусъ дописывать.

Послѣднее замѣчаніе относится прямо къ Безсонову и служитъ отголоскомъ мнѣній почти всѣхъ актеровъ. Безсоновъ ничего этого не слышитъ и не чувствуетъ. Онъ продолжаетъ неподвижно сидѣть передъ зеркаломъ... Но вотъ онъ очнулся, провелъ рукою по своимъ густымъ, волнистымъ волосамъ и крикнулъ парикмахера.

Въ уборную вошелъ не сразу маленькій юркій парикмахеръ съ плоскимъ истасканнымъ лицомъ, съ черненькими усиками.

— Завиваться,—не глядя на него, сказалъ Безсоновъ.

— А я вамъ парикъ приготовилъ. У насъ Отелло завсегда въ парикѣ играютъ.

— Ну, всѣ играютъ въ парикѣ, а я безъ парика.

— Слушаю-съ,—съ явной насмѣшкой отвѣтилъ парикмахеръ и пошелъ за щипцами и лампочкой.

Безсоновъ оглянулъ уборную: она была ему знакома, и даже на стѣнѣ еще не успѣла стереться написанная черной масляной краской фамилія „Безсоновъ“. Теперь и надъ нею и подъ нею красовались другія надписи, болѣе отчетливыя. Очевидно, послѣ Безсонова въ этой уборной перебывало не мало народа. Онъ прочелъ фамиліи, большинство которыхъ были ему знакомы и презрительно процѣдилъ сквозь зубы: „Сапожники!“

Потомъ онъ подошелъ къ стѣнѣ, на которой висѣлъ приготовленный ему костюмъ, небрежно осмотрѣлъ его и, очевидно, остался недоволенъ имъ: костюмъ былъ старый, потертый, а трико засалено и кое-гдѣ заштопано.

Безсоновъ, не спѣша, снялъ съ себя клѣтчатый обшмыганный пиджакъ, очевидно, съ чужого плеча, и остался въ одной сорочкѣ, до нельзя измятой и весьма сомнительной чистоты. Вошелъ парикмахеръ съ лампочкой и щипцами.

— Однако, здѣсь холодновато,—замѣтилъ, какъ бы про себя, Безсоновъ.

— Константинъ Павловичъ (антрепренеръ) нарочно не велятъ до тепла топить, потому, какъ во первыхъ, надѣются на сборъ, а затѣмъ, говорятъ, въ теплѣ гримировка у артистовъ портится!—скаля гнилые зубы, отвѣтилъ парикмахеръ и попробовалъ на бумагѣ щипцы.

Безсоновъ, кстати, хотѣлъ спросить парикмахера, какъ обстоятъ дѣла въ кассѣ, но побоялся унизить себя этимъ вопросомъ. Къ тому же онъ былъ увѣренъ, что имя его сдѣлаетъ сборъ. Не можетъ быть, чтобы публика осталась равнодушной къ артисту, имя котораго гремѣло не только въ этомъ городѣ, гдѣ его нѣкогда, буквально, носили на рукахъ,—но по всей Россіи. Положимъ, это было давно. Положимъ, тогда онъ за каждый свой выходъ получалъ сотни рублей, а теперь ему чуть не изъ милости дали сыграть Отелло, но все-таки, публика не можетъ совсѣмъ забыть его! Предположенія Безсонова были совершенно основательны. Публика не забыла своего бывшаго любимца и билеты продавались бойко. Это обстоятельство, не шутя, безпокоило Лаврецкаго, сезоннаго мѣстнаго трагика, который уже порядкомъ надоѣлъ публикѣ своими дикими завываніями. Лаврецкій боялся, что Безсоновъ тряхнетъ стариной и этимъ окончательно уронитъ его въ глазахъ публики.

Послѣдніе три дня передъ спектаклемъ Лаврецкій искалъ случая напоить Безсонова, но это ему не удавалось, хотя Безсонову эта стойкость стоила страшнаго напряженія воли и не могла пройти даромъ. Онъ похудѣлъ, осунулся и испытывалъ мучительное состояніе невыразимой тоски и жажды. Аппетита у него не было, по ночамъ онъ не могъ спать и ему слышался голосъ, который, казалось, звалъ его нарушить данное себѣ тяжкое обѣщаніе и смѣялся надъ его твердостью.

Тогда Безсоновъ дѣлалъ себѣ впрыскиванія морфія и, мало-по-малу, забывался тяжелой дремотой безъ грезъ и сновидѣній. Если-бы это было при другихъ обстоятельствахъ, Безсоновъ не выдержалъ-бы и запилъ, но теперь онъ, во что бы-то ни стало, рѣшилъ на время перебороть свою пагубную страсть: ему, послѣ продолжительнаго разрыва со сценой, вдругъ еще разъ захотѣлось сыграть Отелло, еще разъ упиться восторгомъ публики и опьянить себя громомъ рукоплесканій и криковъ, и именно здѣсь, въ этомъ городѣ, такъ трагически знаменательномъ для него.

Откуда взялось у него это желаніе? Была-ли это, дѣйствительно, непреоборимая потребность артистическаго темперамента, какъ искра, вспыхнувшая при концѣ, потребность, Богъ вѣсть почему проснувшаяся въ его душѣ, или это было, просто, тщеславіе актера, предчувствовавшаго близкую гибель и желавшаго передъ окончательнымъ паденіемъ насытить этого грубаго и жаднаго звѣря?—Онъ самъ-бы не могъ дать въ этомъ отчета, но несомнѣнно было одно, что потребность эта была неодолима и Безсоновъ чуть не со слезами умолялъ антрепренера дать ему сыграть эту роль.

Впрочемъ, антрепренеръ противился этому только для вида, чтобы обезпечить себѣ трезвость Безсонова. На самомъ же дѣлѣ это предложеніе было ему на руку: онъ былъ убѣжденъ, что имя Безсонова сдѣлаетъ въ Энскѣ сборъ, хотя былъ почти увѣренъ, какъ и всѣ въ труппѣ, что Безсоновъ давно пропилъ свое дарованіе. Онъ боялся только одного; что Безсоновъ передъ спектаклемъ напьется.

Каково-же было его удивленіе, когда и на первую и на вторую репетицію Безсоновъ явился совершенно трезвымъ. Но то, что радовало антрепренера, не шутя пугало Лаврецкаго и его жену, которая должна была играть Дездемону.

До послѣдняго момента они надѣялись, что Безсоновъ запьетъ, но надежды ихъ не оправдались: Безсоновъ и въ день спектакля былъ совершенно трезвъ, о чемъ ихъ не замедлили увѣдомить тотчасъ-же по приходѣ Безсонова въ театръ.

— А ну, какъ онъ совсѣмъ броситъ пить? Чѣмъ чертъ не шутитъ!—подумали они оба, но это предположеніе было совершенно неосновательно: Безсоновъ не могъ дальше выдержать этой пытки и заранѣе ласкалъ себя надеждой тотчасъ же послѣ спектакля вознаградить себя за воздержаніе.

Это ожиданіе повергало его въ какой-

то трепетъ и кружило голову. Впрочемъ, у него въ головѣ и безъ того вотъ уже второй день творилось что-то странное: онъ забывалъ самыя обыденныя названія предметовъ и собственныя имена. Какая-то тупая боль по временамъ сверлила темя, подходила къ глазамъ и застилала ихъ туманомъ... Въ сердцѣ его, казалось, спутались двѣ змѣи и высасывали изъ него кровь; одна была, если можно такъ выразиться, змѣя тщеславія или таланта, другая—змѣя пьянства. Онѣ боролись у него въ сердцѣ и первая на время побѣдила, но онъ успокоивалъ вторую горячими обѣщаніями черезъ нѣсколько часовъ напоить ее до забвенія.

Въ то время, какъ парикмахеръ привычными щипцами дѣлалъ свое дѣло, Безсоновъ покрывалъ лицо толстымъ слоемъ бѣлилъ, оставляя только мѣсто для бороды и усовъ. Онъ дѣлалъ это почти автоматически, какъ-будто только вчера дѣлалъ то-же самое, какъ-будто не было десятилѣтняго перерыва его артистической дѣятельности, во время котораго онъ пилъ и пилъ безъ конца.

Послѣ бѣлилъ онъ пустилъ въ ходъ карминъ и коричневую краску... Только руки Безсонова дрожали, когда онъ сталъ подводить себѣ глаза и, порой, жженая пробка попадала совсѣмъ не туда, куда слѣдовало.

Жажда продолжала мучить его еще сильнѣе... Хотя бы рюмочку коньяку, или водки!.. Но нѣтъ!

Онъ хорошо зналъ, что если выпьетъ хоть каплю, то не остановится и запьетъ.

Безсоновъ взялъ стаканъ съ сахарной водой и жадно сдѣлалъ нѣсколько глотковъ. Послѣ этого онъ какъ-то сразу почувствовалъ облегченіе и по физіономіи его разлилось выраженіе удовлетвореннаго чувства. Руки его перестали дрожать: онъ легко справился съ затрудненіемъ и глаза его, все еще большіе и яркіе, еще сильнѣе выдѣлились на его лицѣ.

Опытный наблюдатель, пожалуй, могъ бы теперь замѣтить въ нихъ что-то загадочное и острое, но это „нѣчто“ можно было объяснить тяжело доставшейся побѣдой надъ собой, ожиданіемъ предстоящаго момента появленія на сценѣ.

Но Безсоновъ не особенно пристально думалъ объ этомъ: мысли его путались, безпорядочно перегоняя одна другую и цѣпляясь не въ послѣдовательной логической связи, а какъ-то странно, случайно и нелѣпо.

Это была какая-то бѣшеная скачка словъ, мыслей и воспоминаній, но изъ этого хаоса все чаще и чаще выскакивало одно воспоминаніе, воспоминаніе о томъ, какъ онъ въ первый разъ выступилъ передъ публикой въ роли Отелло. Онъ былъ еще очень молодъ и Дездемону играла его невѣста.

Это было нѣжное, маленькое созданіе съ бѣлокурыми волосами, съ ангельской улыбкой, съ черными большими глазами, которые были точно чужіе на ея кроткомъ, прелестномъ личикѣ: эти глаза изобличали натуру скрытную и вѣроломную. Но имъ нельзя было не вѣрить, когда всѣ остальныя черты были проникнуты чарующей нѣжностью, мягкостью и чистотою.

Да, она была уже его невѣстой, когда случилась эта страшная катастрофа.

Но тутъ воспоминанія Безсонова на время оборвались: какія-то разноцвѣтныя ленты завертѣлись вмѣсто нихъ, путаясь во всевозможные узоры и свиваясь въ какой-то клубокъ, который все росъ и росъ у него передъ глазами. Потомъ клубокъ этотъ укатился вдаль и Безсоновъ, нисколько не удивленный этимъ страннымъ перерывомъ, продолжалъ вспоминать печальную повѣсть своей первой любви.

Въ то время театръ посѣщалъ нѣкто Срывалинъ, помѣщикъ, богачъ, у котораго въ Энской губерніи находилось имѣніе. Это былъ блестящій красавецъ, проводившій почти всю свою праздную жизнь за-границей, прославившій себя безконечными побѣдами, дуэлями и разными скандальными исторіями, немножко усталый и непритворно разочарованный,—словомъ, одинъ изъ тѣхъ героевъ, которые неотразимо дѣйствуютъ почти на всѣхъ женщинъ.

Онъ пріѣхалъ въ Энскъ для полученія наслѣдства послѣ какой-то родственницы; церемонія эта требовала его личнаго присутствія въ Энскѣ, но вотъ она кончилась, а онъ все еще не уѣзжалъ и Безсоновъ понялъ, что Срывалинъ остался ради его невѣсты.

Онъ понялъ это еще и потому, что у нея стали замѣчаться одна за другою драгоцѣнности и она смѣло появлялась на сценѣ, вся залитая брилліантами, точно крошечное колибри.

Сначала она увѣряла Безсонова, что эти брилліанты—фальшивые и онъ вѣрилъ ей, но когда всѣ вокругъ стали громко говорить о средствахъ, какими они были добыты,—онъ пересталъ сомнѣваться въ основательности своихъ подозрѣній и ди-

кая, безумная ревность отравила его душу.

Какъ разъ къ этому времени относится его появленіе на сценѣ въ роли Отелло. О, зачѣмъ онъ тогда, дѣйствительно, не задушилъ ее?! Она разбила его жизнь и сдѣлала это съ такою равнодушною жестокостью, на которую способенъ развѣ только звѣрь.

Сначала она лгала и обманывала его, но потомъ это ей надоѣло и она тайкомъ уѣхала съ Срывалинымъ... Куда? Не все ли равно!

У Безсонова ни въ комъ не было больше нравственной поддержки и опоры. Онъ запилъ и быстро сталъ падать все ниже и ниже, пока не дошелъ до того, что за рюмку водки плясалъ передъ купцами на базарѣ.

О ней онъ ничего не слышалъ, но зналъ, что у нея долженъ былъ родиться отъ него ребенокъ.

Порою, мысль о его судьбѣ волновала Безсонова. Кто знаетъ, можетъ быть, если бы этотъ ребенокъ былъ съ нимъ, Безсоновъ не упалъ бы такъ низко. Любовь къ крошечному созданію спасла бы его и поддержала въ трудную минуту... Но эти мысли приходили ему на нѣсколько мгновеній и онъ лихорадочно спѣшилъ залить ихъ виномъ, какъ огненныя искры, которыя только жгутъ сердце.

И вдругъ... въ немъ снова проснулся человѣкъ и на этотъ разъ пробужденіе это должно было ознаменоваться крупнымъ событіемъ.

— Отелло! Отелло! Отелло! — точно молоткомъ застучало ему въ виски... — Отелло! Отелло!—отдавалось у него въ сердцѣ и Безсонову стало казаться, что онъ играетъ Отелло въ первый разъ, что чувства, которыя владѣли имъ тогда, владѣютъ и теперь съ тою же силою и напряженіемъ. — Отелло! Отелло! Да, онъ будетъ играть Отелло. Играть такъ хорошо, какъ не игралъ никто и никогда. Играть? Зачѣмъ же играть, когда онъ и есть настоящій Отелло!

Парикмахеръ, незамѣтно для артиста, успѣлъ уже наклеить ему бороду, и зеркало теперь ясно отражало смуглое лицо съ вьющимися въ мелкія кольца волосами и воспаленными черными глазами.

Оставалось одѣться. Портной быстро и ловко помогъ ему и черезъ какія-нибудь десять минутъ Безсоновъ былъ готовъ.

Онъ какъ будто сразу выросъ и окрѣпъ. Руки его уже не дрожали и стройныя ноги, охваченныя трико, были крѣпки и сильны, несмотря на нѣкоторую худобу.

Безсоновъ посмотрѣлъ на себя въ зеркало, гордо, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, грустно улыбнулся и взялъ въ руки роль.

Но въ это время на сценѣ происходило необычайное волненіе и замѣшательство: антрепренеръ взволнованно бѣгалъ взадъ и впередъ, отъ одного артиста къ другому, и безсвязно бормоталъ что-то. Изъ этого безсвязнаго бормотанія можно было, хотя не сразу, понять, что Лаврецкая отказалась отъ спектакля подъ видомъ болѣзни, замѣнить ее рѣшительно было некѣмъ и спектакль придется волей-неволей отмѣнить, а сборъ, какъ нарочно, полный. Антрепренеръ чуть не плакалъ съ горя. Этотъ спектакль могъ бы выручить его, да и артистовъ тоже; такъ какъ, вслѣдствіе плохихъ сборовъ, имъ было недоплачено чуть не за цѣлый мѣсяцъ. На голову Лаврецкой со всѣхъ сторонъ сыпались громкія проклятія, но бѣдѣ пособить этимъ было нельзя. Антрепренеръ уже пробовалъ чуть не на колѣняхъ убѣдить Лаврецкую играть, грозилъ ей отказомъ отъ службы, но къ мольбамъ она оставалась глуха, а противъ отказа выставляла контрактъ съ обезпеченіемъ солидной неустойки.

Тогда антрепренеръ послалъ къ ней театральнаго доктора, но докторъ заявилъ, что Лаврецкая совершенно здорова.

— Господи! Да что же это такое?! Неужели придется отказать?—чуть не плача лепеталъ антрепренеръ растерянно... — Хоть бы какая нибудь ледащенькая Дездемона нашлась!

Но Дездемоны, хотя бы даже и ледащенькой, не находилось.

Онъ бѣгалъ отъ одной актрисы къ другой, умоляя играть. Приставалъ даже къ комической старухѣ, особѣ лѣтъ подъ шестьдесятъ и, при этомъ, столь внушительныхъ размѣровъ, что изъ нея можно было бы выкроить трехъ Дездемонъ. Лѣтъ сорокъ тому назадъ она играла, дѣйствительно, Дездемону и на этомъ основаніи антрепренеръ упрашивалъ ее выручить товарищей.

Но та съ ужасомъ отказалась. Да она и не помнила изъ роли Дездемоны ни одного звука, кромѣ Богъ вѣсть почему уцѣлѣвшей въ памяти фразы: „Лишь для того я Мавра полюбила, чтобъ съ Мавромъ жить“. Но съ этой одной фразой далеко не уѣдешь.

Антрепренеръ зналъ почти всѣ роли изъ классическихъ пьесъ и, между прочимъ, изъ „Отелло“, такъ какъ долгое время былъ суфлеромъ. Онъ уже не шу-

тя сталъ подумывать, не нарядиться ли ему самому въ костюмъ Дездемоны и, если бы онъ былъ помоложе и не игралъ комиковъ, то очень можетъ быть, осуществилъ бы свою мысль, но главною помѣхою было весьма почтенныхъ размѣровъ брюшко, которое совсѣмъ ужъ не пошло бы къ Дездемонѣ.

Между тѣмъ, до начала спектакля оставалось не болѣе четверти часа. Публика на верхахъ уже собиралась. Слѣдовало дать первый звонокъ. Даже замѣнить пьесу другой было уже некогда. Антрепренеръ опустилъ въ отчаяніи свою голую, какъ билліардный шаръ, голову на руки и готовъ былъ отдать приказаніе объ отмѣнѣ спектакля, какъ вдругъ на сцену, тяжело дыша отъ волненія, вбѣжала лѣтъ семнадцати дѣвушка, маленькая и бѣлокурая, по фамиліи Брацлавова, которая только что поступила на сцену, въ началѣ этого сезона, и была на выходахъ.

Глаза ея горѣли и грудь волновалась. Она подошла къ антрепренеру и вызывающе сказала:

— Я могу сыграть Дездемону!

Антрепренеръ въ первое мгновеніе такъ и остолбенѣлъ.

— Вы?! — почти вскрикнулъ онъ, наконецъ, широко открывъ свои круглые рачьи глаза.

— Вы?!

— Вы?!

— Вы?!

Отдалось изъ всѣхъ угловъ.

— Да, я,—смѣло отвѣтила она. — Я знаю эту роль! Я ее учила... Я надъ ней работала.

Антрепренеръ глядѣлъ на свою избавительницу и не вѣрилъ собственнымъ глазамъ... Какъ? Эта дѣвочка, фамилія которой была ему едва знакома, она предлагаетъ играть Дездемону?!

Всѣ отнеслись къ этому предложенію съ недовѣріемъ, а нѣкоторые такъ даже съ насмѣшкой.

И, дѣйствительно, выходной актрисѣ играть Дездемону, да еще безъ репетиціи, это болѣе, чѣмъ смѣло.

Она замѣтила это недовѣріе и испугалась, что осуществленіе ея завѣтной мечты можетъ ускользнуть отъ нея на неопредѣленное время, что на сценѣ, какъ и въ жизни, самыя большія удачи доставляетъ случай, а такого счастливаго случая когда еще дождешься, а она была не изъ тѣхъ терпѣливыхъ натуръ, которыя твердо идутъ къ своей цѣли. Она не дала этому насмѣшливому и скептическому настроенію установиться и заговорила быстро и порывисто:

— Вы не вѣрите мнѣ? Вы думаете, что это хвастовство, что я не сыграю этой роли? О, увѣряю васъ, что я не провалюсь... Ну, хотите, я вамъ прочту нѣсколько стиховъ? Хотите?—вызывающе повторила она, боясь услышать отрицательный отвѣтъ и окидывая присутствующихъ жаднымъ сверкающимъ взглядомъ.

— Читайте!—уронилъ кто-то.

Артистка сбросила съ себя легкую кофточку и шапку. Роскошные, бѣлокурые волосы упали въ безпорядкѣ ей на лобъ. Огромные, черные глаза сверкали... Она подошла къ рампѣ... Всѣ невольно посторонились и замерли,—и вдругъ, въ напряженной тишинѣ, дрожа отъ волненія, зазвучалъ гибкій и мягкій голосъ.

„Свѣтлѣйшій дожъ, я доказала міру
Тѣмъ, что пошла открыто и безстрашно
Навстрѣчу всѣмъ превратностямъ судьбы,
Что для того я Мавра полюбила,
Чтобъ съ Мавромъ жить. Вѣдь сердце-то мое
Призванію его и покорилось.
Въ его лицѣ мнѣ духъ его являлся;
Я подвигамъ его и славѣ громкой
Свою судьбу и душу посвятила.
Поэтому, почтенные сеньоры...“

— Довольно! Довольно!—въ восторгѣ прервалъ ее антрепренеръ.—Вы—Дездемона! Она настоящая Дездемона, господа! Не правда ли? Даю честное слово, что, если вы хорошо сыграете эту роль, я въ пять разъ увеличу вамъ жалованье, и вы будете играть роли Лаврецкой.

Но этотъ восторгъ не всѣ раздѣляли одинаково. Не только подруги Брацлавовой, но даже артистки высшаго полета отнеслись не особенно сочувственно къ этому черезчуръ быстрому возвышенію. Артистическое самолюбіе болѣзненно и уродливо; оно никогда не примиряется съ превосходствомъ товарищескаго успѣха и происшедшее возбудило потому всеобщую зависть. Всѣ присутствующіе, за минуту передъ тѣмъ не находившіе для порицанія Лаврецкой достаточно оскорбительныхъ словъ,—всѣ они согласились бы теперь принять Лаврецкую съ распростертыми объятіями, чтобы только устранить талантливую, молоденькую дебютантку.

— Дездемона-то — Дездемона,— возразилъ, наконецъ, насмѣшливо кто-то,— а безъ репетиціи-то все-таки играть нельзя.

— Вздоръ! Пустяки! Можно! — закричалъ антрепренеръ.— Мы покажемъ мѣста и дѣло въ шляпѣ.

— Зачѣмъ? Не надо! Я знаю! Я была на всѣхъ репетиціяхъ и все замѣтила!— возразила Брацлавова.—Ради Бога, не без-

покойтесь! Я буду играть хорошо! Увѣряю васъ, что я буду играть хорошо!

Это увѣреніе было черезчуръ наивно и, даже дерзко, но въ ея голосѣ слышалось такое сильное убѣжденіе и мольба, что всѣ невольно поддались ему.

— Ну, вотъ, видите! Чего же лучше!— подхватилъ антрепренеръ. — Въ такомъ случаѣ идите и одѣвайтесь съ Богомъ! Вы во второй сценѣ... Успѣете, если даже сейчасъ начнемъ.

— А гдѣ-же костюмъ-то?—насмѣшливо замѣтилъ кто-то.

— Есть и костюмъ, есть. Онъ у меня дома... Я сейчасъ сбѣгаю за нимъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же? Можно послать за нимъ, а вы идите, гриммируйтесь!— сказалъ антрепренеръ, съ безпокойствомъ взглянувъ на артистку: ему пришла въ голову мысль: „А ну, какъ эта тоже улизнетъ отъ Дездемоны“, но стоило ему вспомнить ея просьбы, чтобы сразу успокоиться.

— Впрочемъ, скорѣе поѣзжайте! Извозчикъ въ мой счетъ,—совсѣмъ расщедрился онъ...

— Нѣтъ, я вѣдь рядомъ съ театромъ живу!—на ходу отвѣтила она, быстро исчезая за кулисой.

— Господи! Да это просто ангелъ мнѣ съ неба посланъ! И роль знаетъ, и костюмъ есть и все такое!—совсѣмъ расчувствовавшись бормоталъ антрепренеръ, глядя ей вслѣдъ, но вдругъ взглянувъ на часы, разомъ прервалъ эти чувствительныя размышленія крикомъ:

— Звонокъ!

Помощникъ режиссера далъ первый звонокъ. Въ оркестрѣ зазвучали инструменты. Антрепренеръ облегченно вздохнулъ и пошелъ предупредить о происшедшемъ Безсонова, но подойдя къ двери его уборной, онъ нахмурился: „Какъ бы еще этотъ не заартачился!“—подумалъ онъ, отворяя дверь и опять измѣняя выраженіе лица на самое ласковое и привѣтливое.

Прежде всего, чтобы обезоружить Безсонова, онъ сообщилъ артисту, что имя его сдѣлало полный сборъ и что онъ, антрепренеръ, съумѣетъ не остаться неблагодарнымъ и только послѣ этого подхода сообщилъ ему о замѣнѣ Дездемоны-Лаврецкой Дездемоной-Брацлавовой. При этомъ, онъ не поскупился на похвалы красотѣ и дарованію второй Дездемоны, но, къ его удивленію, Безсоновъ совершенно безучастно отнесся къ этому сообщенію и посмотрѣлъ на толстяка, какъ на ребенка, который досаждаетъ ему какими-то пустяками.

Но антрепренеру было не до того, чтобы вникать во всѣ эти тонкости: онъ былъ радъ-радешенекъ, что дѣло окончилось такъ благополучно и вышелъ изъ уборной, отирая съ лица обильно струившійся потъ.

Къ нему теперь мало-по-малу, начало уже возвращаться его самообладаніе, спокойствіе и разсудительность, и онъ втайнѣ уже пожалѣлъ о своемъ опрометчивомъ и скороспѣломъ обѣщаніи, данномъ артисткѣ. Но скоро это раскаяніе уступило мѣсто благоразумному сознанію, что вѣдь въ сущности-то говоря, ничто не можетъ помѣшать ему завтра отнестись къ артисткѣ какъ заблагоразсудится, такъ какъ онъ вѣдь не закрѣплялъ обѣщанія не только контрактомъ, но даже простой распиской.

Съ этою успокоительною мыслью онъ пошелъ справиться: пришла ли Дездемона и въ отвѣтъ услышалъ, что она уже почти одѣта.

— Молодецъ-дѣвка!—подумалъ онъ.— Если она, дѣйствительно будетъ сколько-нибудь удовлетворительна, то въ пять разъ не въ пять, а вдвое-то можно будетъ увеличить ей жалованье, а Лаврецкую по шапкѣ, такъ какъ у него есть докторское свидѣтельство, что она на самомъ дѣлѣ здоровехонька и, слѣдовательно, не имѣла права отказываться. Пусть-ка ищетъ неустойку при такихъ условіяхъ!

— Второй звонокъ!—бодро и уже совсѣмъ спокойно крикнулъ онъ, взглянувъ на часы и замѣтивъ, что до начала спектакля осталось всего только пять минутъ.

Раздался второй звонокъ. Оркестръ заигралъ.

Антрепренеръ оглянулъ сцену: все было на мѣстѣ. Онъ замѣтилъ на полу скорлупку подсолнечника, аккуратно поднялъ ее и долго затруднялся, куда бросить.

— Всѣ ли готовы къ первой картинѣ?— спросилъ онъ у помощника.

— Всѣ.

Тогда онъ подошелъ къ занавѣсу, взглянулъ въ дырочку, продѣланную въ немъ актерами, въ зрительный залъ и должно быть то, что увидѣлъ, было ему по душѣ, такъ какъ онъ плутовато подмигнулъ самъ себѣ глазомъ и безпечно, какъ итальянскій лаццарони, заложивъ свои короткія руки въ карманы клѣтчатыхъ панталонъ, обратился къ помощнику:

— Ну-съ, ангелочекъ мой, проанонсируйте, что по болѣзни г-жи Лаврецкой роль ея экспромтомъ исполнитъ г-жа... какъ бишь ее?..

— Брацлавова.

— Г-жа Брацлавова... Затѣмъ, зовите къ выходу Яго и Родриго и, съ Божьей помощью—начнемъ-съ!

Первая сцена перваго дѣйствія прошла, по обыкновенію, тихо. Кромѣ того, публика ждала появленія на сценѣ Безсонова и молодой дебютантки. Вѣсть о происшествіи съ нею скоро облетѣла всю публику и появленія ея поэтому ждали съ интересомъ.

„Живая перемѣна“ была сдѣлана, дѣйствительно, живо. На сценѣ появился Отелло. Оглушительный взрывъ апплодисментовъ привѣтствовалъ его, но у Безсонова было правило не отвѣчать на нихъ во время дѣйствія. Наконецъ, апплодисменты смолкли и дѣйствіе пошло своимъ порядкомъ.

По окончаніи этой сцены публика поняла, что талантъ Безсонова не только не погибъ, но какъ будто окрѣпъ еще болѣе. Его вызывали нѣсколько разъ, но это были только „цвѣтики“.

Третья сцена. Залъ Совѣта... Отелло торжественно-спокоенъ. Вотъ онъ началъ свой знаменитый монологъ: «Ея отецъ любилъ меня»... Свѣжо, какъ у юноши и мощно звучитъ его глубокій, гибкій голосъ; онъ полонъ такой нѣжностью, онъ такъ возвышенно и просто разсказываетъ, какъ онъ снискалъ любовь прекрасной Дездемоны, что каждому изъ зрителей становится ясно, какъ день, за что Дездемона полюбила этого ребенка, дикаря и героя съ его наивной, чистой и благородной душой...

Лаврецкій, пришедшій заранѣе посмѣяться надъ проваломъ своего соперника, потемнѣлъ отъ злости: онъ понялъ, что его игра проиграна и бѣсился въ душѣ....

„Она меня за муки полюбила,
А я ее за состраданье къ нимъ.
Вотъ чары всѣ, къ которымъ прибѣгалъ я.
Она идетъ, спросите у нея“,

закончилъ онъ, оборачиваясь къ двери, въ которую легкою, плывущею походкою входила Дездемона.

Публика безмолвствовала одно мгновенье, какъ будто все еще прислушиваясь къ звукамъ голоса Отелло, которые, казалось еще носились надъ нею и вдругъ, какъ одинъ человѣкъ, поднялась съ своихъ мѣстъ и апплодировала стоя. Это былъ такой почетный пріемъ, какого не добивался еще ни одинъ артистъ. Часть этихъ апплодисментовъ могла принять на свой счетъ и дебютантка; она была прекрасна и казалась бѣлою голубкою въ своемъ простомъ бѣломъ платьѣ. Ея бѣлокурые пышные волосы были завязаны греческимъ узломъ и падали на лобъ, изъ подъ котораго сверкали большіе черные глаза...

Съ безграничною любовью Отелло устремилъ на нее взоръ... Да, это была *она*! Другой на *ея* мѣстѣ и не могло быть!

Голосъ дебютантки зазвучалъ робко и неувѣренно, но съ каждой минутой она все болѣе и болѣе овладѣвала собой. Послѣ сцены въ залѣ Совѣта Дездемону и Отелло вызывали безъ конца. Успѣхъ обоихъ росъ съ каждымъ актомъ. Нѣкоторая неувѣренность и отсутствіе техники даже шли къ ней. Иной Дездемоны нельзя было и представить.

Что касается Отелло, онъ заставлялъ забывать о томъ, что публика присутствуетъ при представленіи на сценѣ. Правда, въ его игрѣ была какая-то неуловимая таинственность, но это еще болѣе очаровывало публику. Другіе артисты тоже воодушевились и спектакль шелъ концертомъ.

Старики, видѣвшіе Безсонова въ расцвѣтѣ его славы, гордились имъ теперь какъ своимъ дѣтищемъ и презрительно улыбались при упоминаніи о Лаврецкомъ.

Послѣ третьяго акта Брацлавовой былъ поднесенъ букетъ, а Безсонову лавровый вѣнокъ. Эти подарки были тѣмъ болѣе цѣнны, что поднесены они были экспромтомъ.

Публика особенно воодушевилась при поднесеніи вѣнка Безсонову. Всѣ какъ будто понимали, что такой спектакль не повторится и прощались съ артистомъ, заставлявшимъ переживать такія дивныя минуты. Но антрепренеръ думалъ иначе: послѣ каждаго акта онъ все набавлялъ и набавлялъ въ умѣ жалованье Брацлавовой и къ четвертому акту опять пришелъ къ своей первой цифрѣ, обѣщанной въ минуту радостнаго экстаза. Рѣшеніе его было теперь уже непоколебимо. Что касается Безсонова,—онъ рѣшился спасти его, т.-е., по просту говоря, — завербовать артиста въ свою труппу на хорошее жалованье и, мало по малу, отучить отъ пьянства. Въ каждомъ антрактѣ онъ бѣгалъ благодарить ихъ. Брацлавова съ горделивою радостью принимала его поздравленія и восторги публики, которая окружала теперь ее толпою. Ея мечты о славѣ сбывались такъ легко и неожиданно... Она, сирота, не знавшая ни отца, ни матери, воспитанная на половину въ людской господъ Срывалиныхъ, на половину въ сомнительномъ пансіонѣ, но чуть не съ колыбели грезившая о роскоши, поклоненіи и славѣ,—она уже горящими глазами всматривалась въ заманчивую даль, которая открывалась передъ нею и сердце ея расширялось въ гру-

ди, какъ бы готовясь вмѣстить цѣлый океанъ счастія и наслажденій.

Что касается до Безсонова, онъ велъ себя необычайно странно. Окончивъ свою сцену, онъ торопливо уходилъ въ уборную, запирался на ключъ и не пускалъ къ себѣ ни антрепренера, ни публику. Антрепренеръ объяснялъ это публикѣ тѣмъ, что Безсоновъ слишкомъ взволнованъ пріемомъ публики, втайнѣ же онъ опасался не выпиваетъ ли Безсоновъ у себя въ уборной и, каждый разъ въ началѣ акта, ожидалъ, что артистъ появится на сценѣ не въ своемъ видѣ и, еще менѣе, въ видѣ Отелло, но опасенія его были напрасны: очевидно, Безсоновъ не пилъ ни капли.

Артистъ игралъ такъ хорошо, что публика трепетала за Дездемону; всѣмъ становилось какъ-то не по себѣ, когда онъ обращался къ ней, охваченный безумною ревностію и, втайнѣ всѣ уже начинали желать, чтобы артистъ убавилъ немного естественности. Даже Дездемонѣ иногда становилось страшно при его взглядахъ, но она объясняла себѣ этотъ страхъ непривычкой къ сценѣ и въ антрактахъ, передавая всѣмъ свои впечатлѣнія, она смѣялась надъ собой.

Насталъ пятый актъ. Артисты держали публику въ своей власти. У всѣхъ зрителей застывала въ жилахъ кровь, по мѣрѣ того, какъ приближалась сцена смерти Дездемоны. Вотъ Дездемона и Отелло на сценѣ одни. Тишина такая, что слышенъ самый слабый шопотъ Отелло на сценѣ. Вотъ онъ подходитъ къ ея постели и говоритъ:

„О, я убью тебя, а послѣ снова
Начну любить...
Моя печаль,—печаль небесъ, она
Караетъ все, что любитъ...

Дездемона просыпается. Разговоръ между нею и Отелло полонъ потрясающаго трагизма. Онъ кажется безконечнымъ публикѣ.

— Дай мнѣ прочесть молитву! — умоляетъ Дездемона.

— Поздно!—отвѣчаетъ онъ.

И вслѣдъ затѣмъ тишину пронзилъ дикій, нечеловѣческій крикъ отчаянія и ужаса... Такъ нельзя кричать притворно... Вотъ донеслось хрипѣнье... Пауза затянулась на цѣлую вѣчность... У зрителей мутится въ глазахъ... Вотъ опять хрипѣніе... О, скорѣе бы конецъ. Эмилія кричитъ за сценой: „Сеньоръ! Сеньоръ! Скорѣе отоприте!“... Хрипѣніе снова, но слабое и судорожное... „Жива! Еще жива! О я жестокъ, но знаю милосердіе! Я не хочу продлить твоихъ мученій!.. Вотъ такъ! Вотъ такъ!“.

Хрипѣніе продолжалось и опять настала глубокая тишина...

— Довольно! — крикнулъ кто-то изъ публики.

Но сцена кончилась и безъ того... Шатаясь, отошелъ Отелло отъ своей жертвы и съ дикимъ взоромъ, съ блѣдностью, которая, казалось, пробивалась у него сквозь гриммировку, онъ заплетающимся, какъ у паралитика, языкомъ бормочетъ что-то... Но Дездемона почему то не говоритъ своихъ послѣднихъ словъ... Вотъ входятъ Монтано, Граціано, Яго и другіе... Онъ что-то говоритъ имъ, но публика почти не слушаетъ его. „Я былъ человѣкъ съ любовію безумною, но страстной!“—Звучатъ его слова... Вѣяніе смерти носится съ ними по залѣ...

„Съ поцѣлуемъ
Я убивалъ тебя и съ поцѣлуемъ
Я смерть свою встрѣчаю близъ тебя!“

Кончилъ онъ монологъ и, выхвативъ кинжалъ, изо всей силы ударилъ имъ себя въ грудь.

Деревяшка разлетѣлась въ куски и, вдругъ... дикій, безумный хохотъ раздался по залѣ.

— Онъ съ ума сошелъ! — вскрикнулъ кто-то.

Публика вскочила съ своихъ мѣстъ.

— Занавѣсъ!

Занавѣсъ упалъ при тревожномъ шопотѣ толпы и дикомъ хохотѣ Отелло... Но вотъ публика замерла. За сценой послышался испуганный женскій крикъ...

— Полицію! — глухо сказалъ кто-то оттуда.

Публика въ ужасѣ хлынула къ выходу, страшась найти подтвержденіе своихъ догадокъ и вдругъ, по театру, какъ молнія, разнеслась вѣсть, что Безсоновъ въ припадкѣ умопомѣшательства задушилъ артистку.

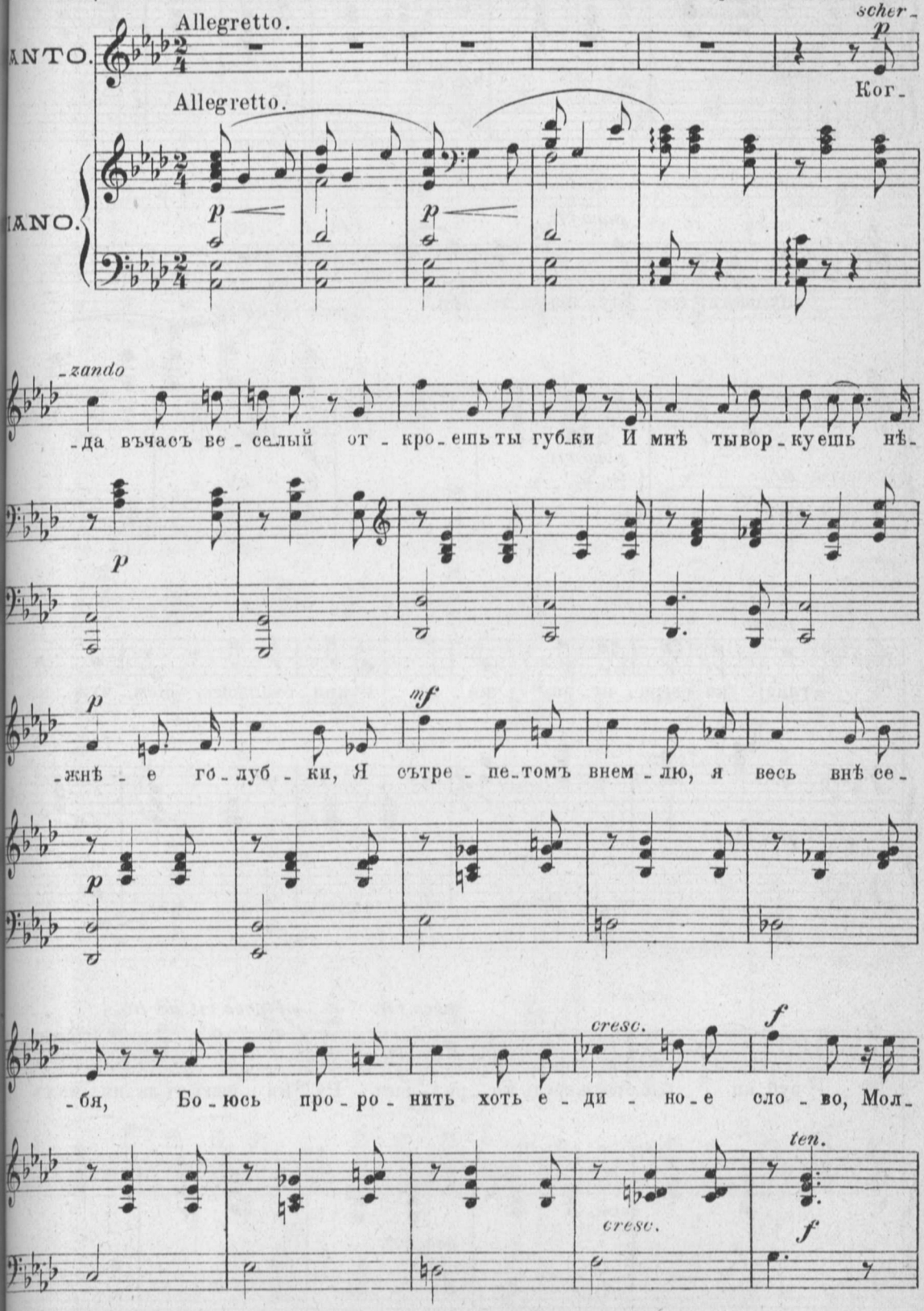
А. М. Ѳедоровъ.

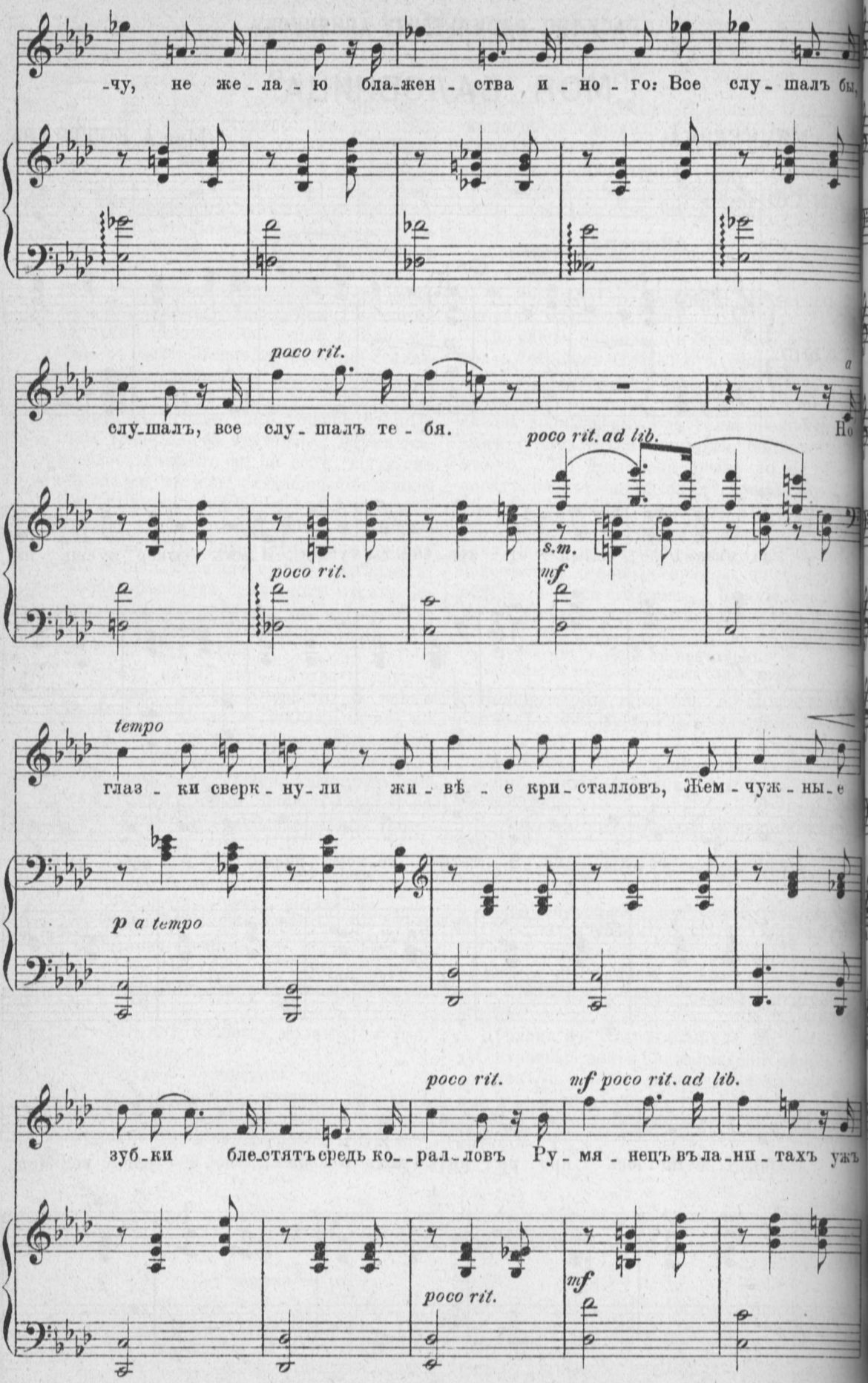
Посвящается

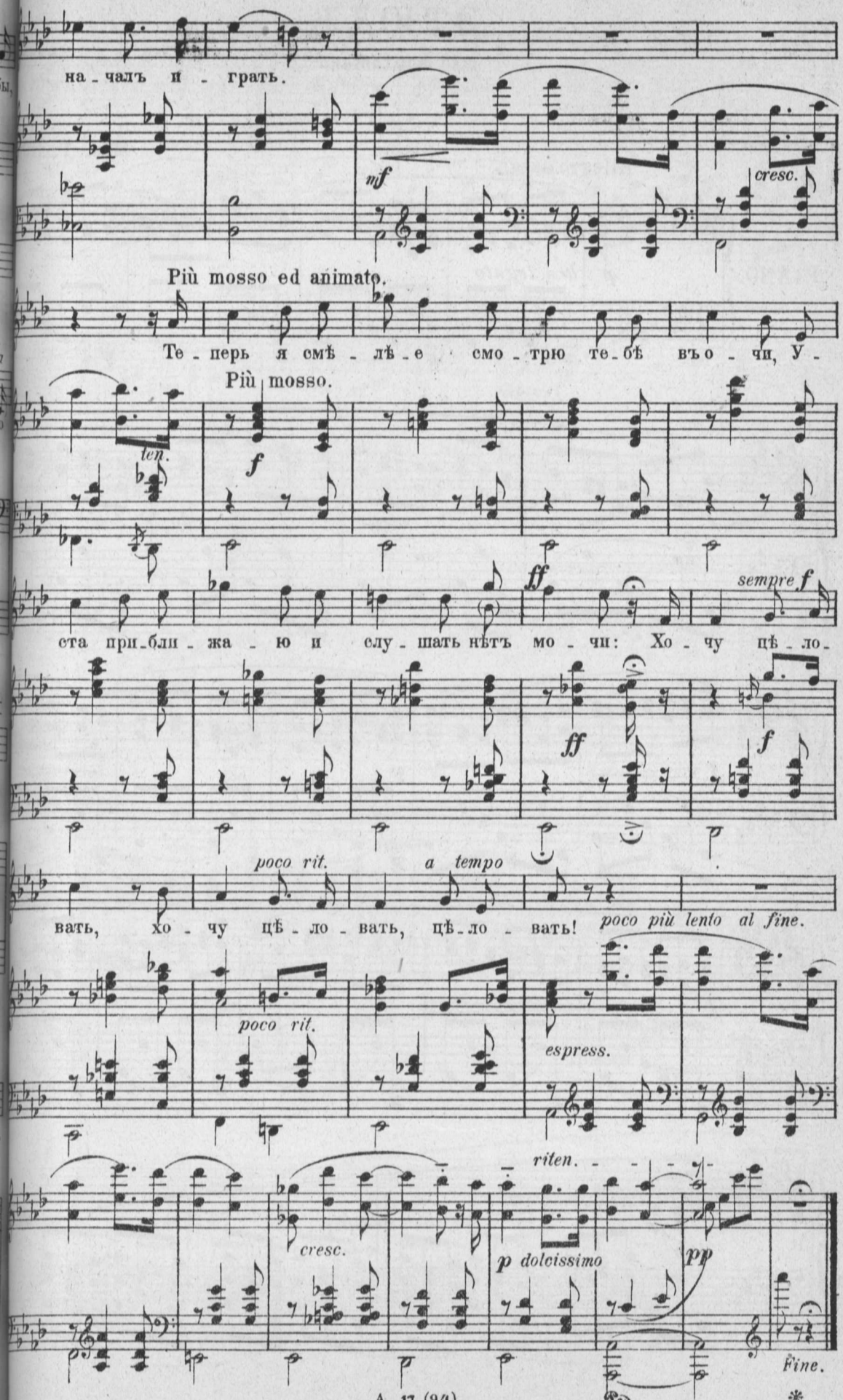
ВАСИЛІЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ АННЕНКОВУ.

„МОЯ БАЛОВНИЦА."

ова МИЦКЕВИЧА. Муз. А. КОПТЯЕВА.



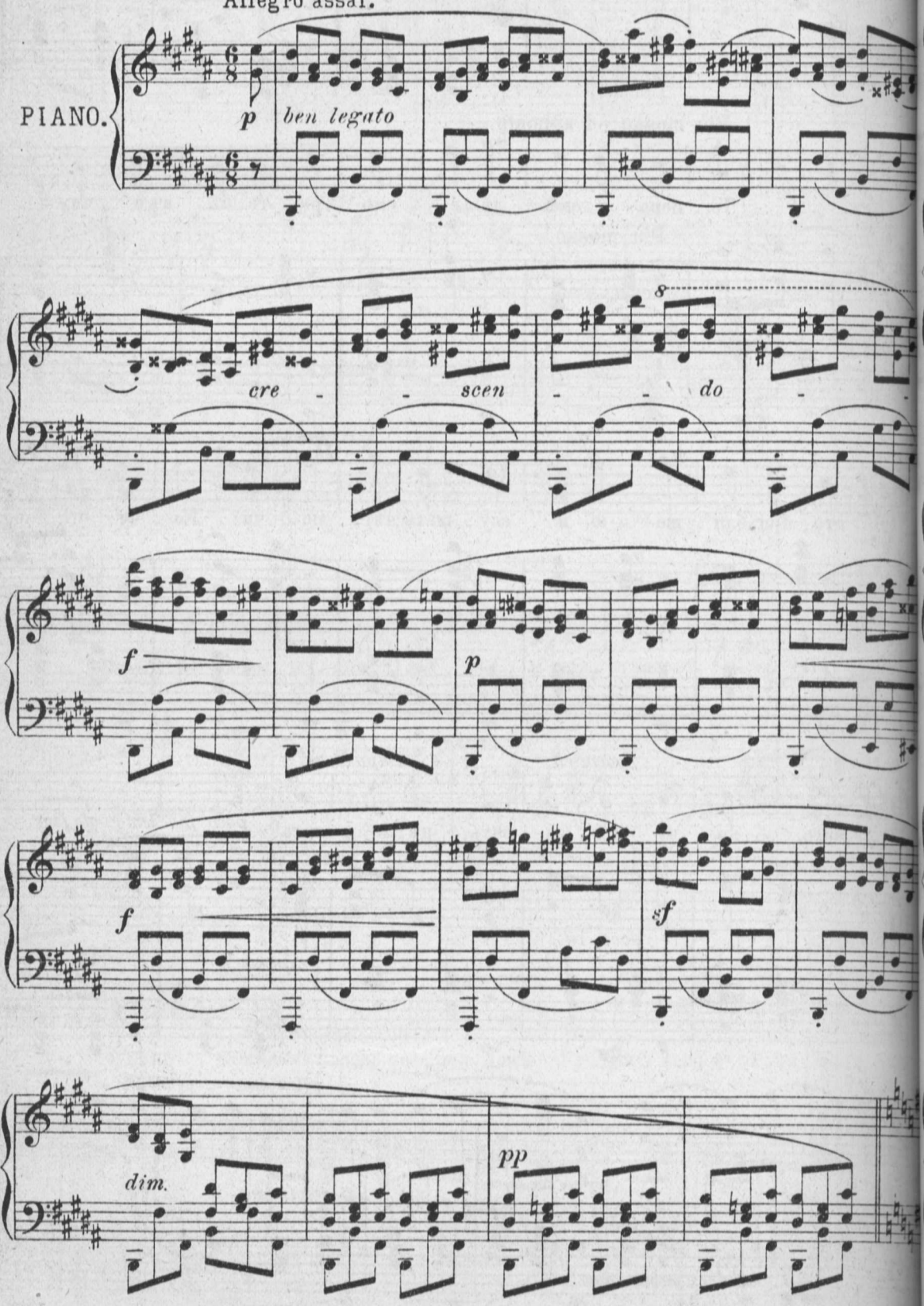

-чу, не же-ла-ю бла-жен-ства и-но-го: Все слу-шалъ бы,
poco rit.
слу-шалъ, все слу-шалъ те-бя.
poco rit. ad lib.
s.m.
poco rit.
mf
tempo
глаз-ки сверк-ну-ли жи-вѣ-е кри-сталловъ, Жем-чуж-ны-е
p a tempo
poco rit.
mf poco rit. ad lib.
зуб-ки блестятъ средь ко-рал-ловъ Ру-мя-нецъ въ ла-ни-тахъ ужъ
poco rit.
mf

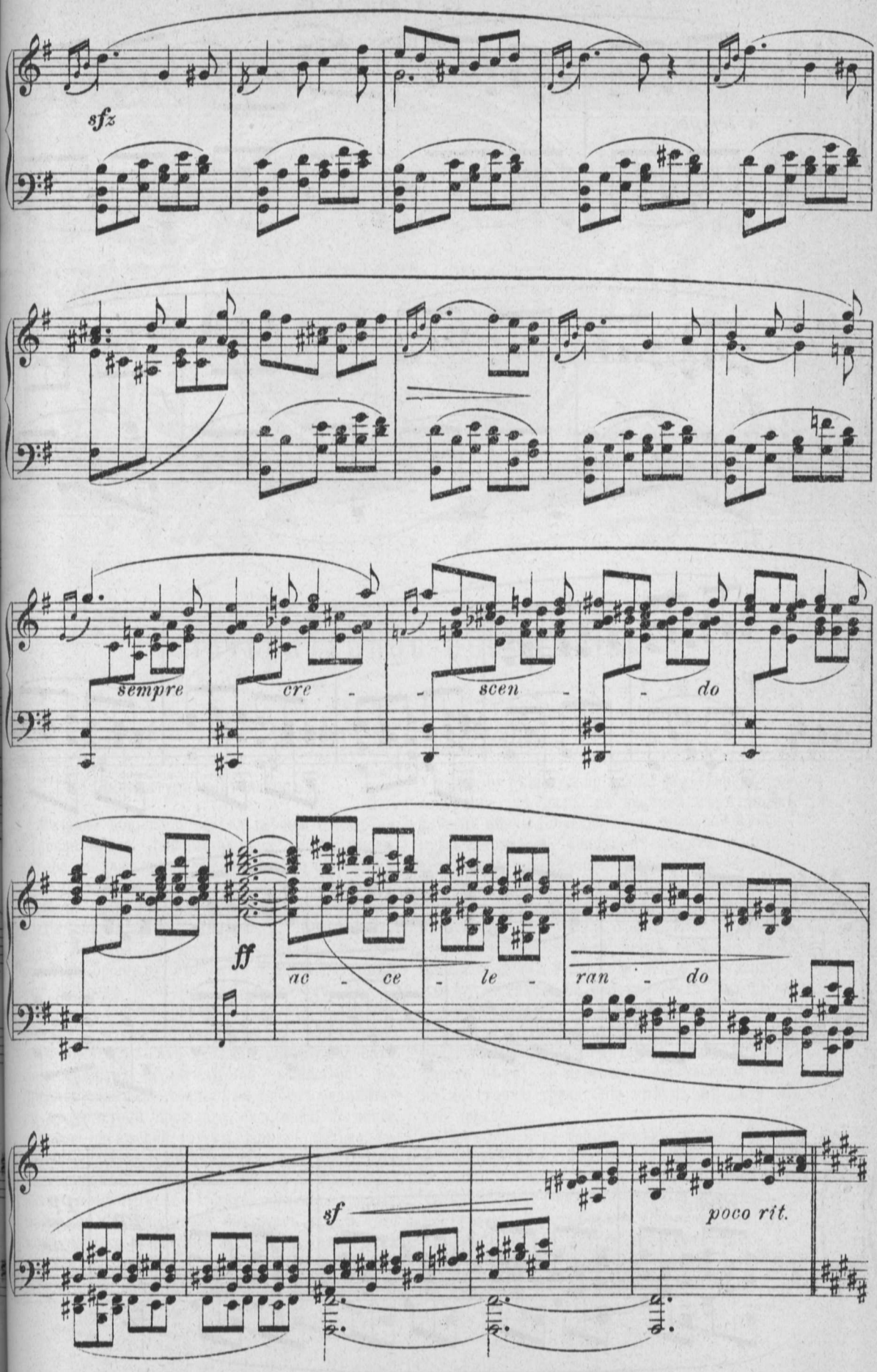

на - чалъ и - грать.
mf
cresc.
Più mosso ed animato.
Те - перь я смѣ - лѣ - е смо - трю те - бѣ въ о - чи, У -
Più mosso.
len.
f
ff
sempre f
ста при - бли - жа - ю и слу - шать нѣтъ мо - чи: Хо - чу цѣ - ло -
ff
f
poco rit.
a tempo
вать, хо - чу цѣ - ло - вать, цѣ - ло - вать!
poco più lento al fine.
poco rit.
espress.
riten.
cresc.
p dolcissimo
pp
Fine.

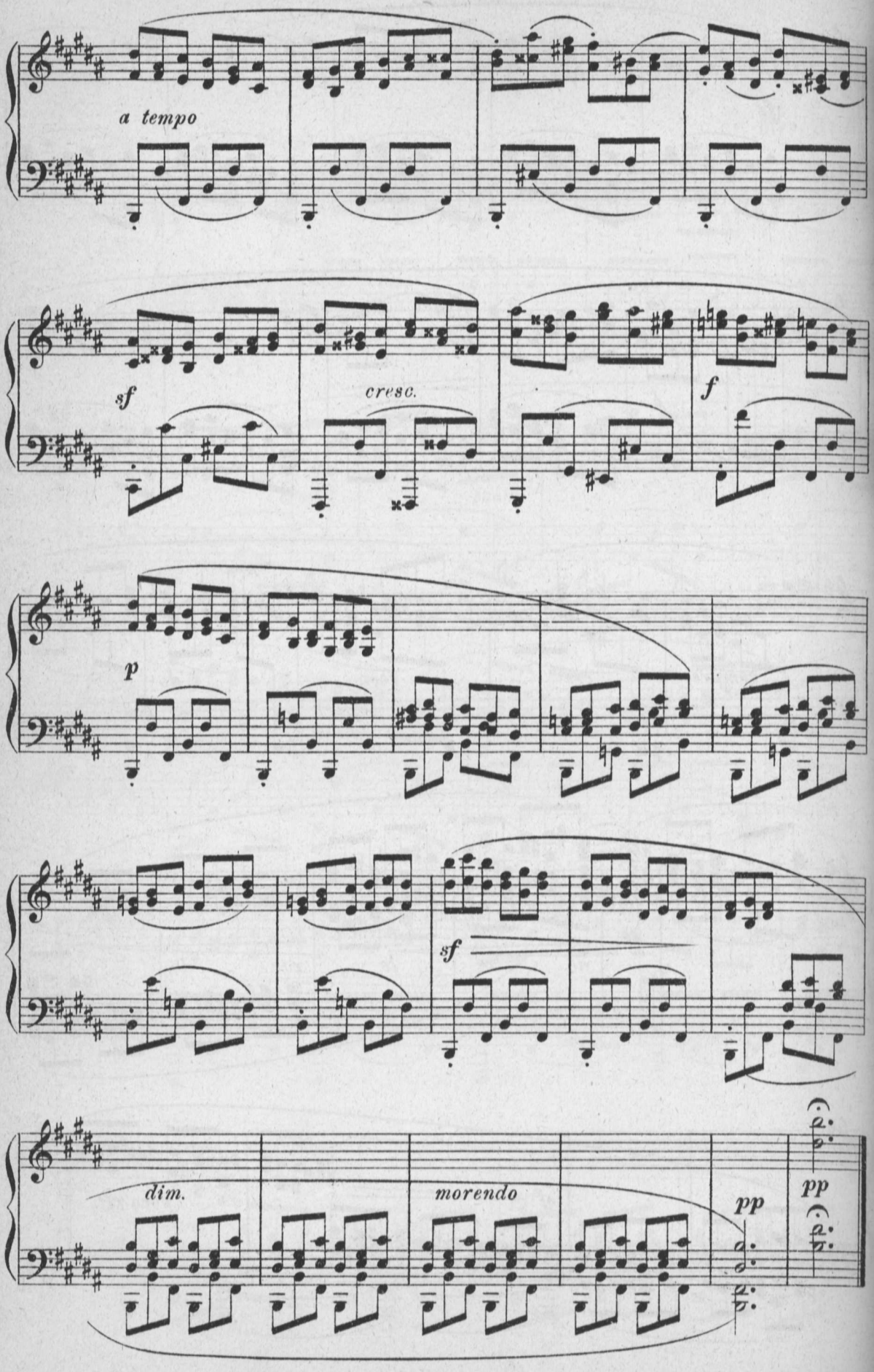
ЭТЮДЪ

для фортепіано.

Муз. Т. ПОСТ




sfz
sempre
cre - - scen - - do
ff
ac - ce - le - ran - do
sf
poco rit.


a tempo
sf
cresc.
f
p
sf
dim.
morendo
pp
pp

Литературное обозрѣніе.

Замѣтки читателя.

Литература инстинктовъ.

Недавно появилась весьма любопытная французская книга. Любопытна она не по имени автора, и даже не по содержанію, а по своему общему характеру, по духу, ее проникающему. Авторъ—René Doumic, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ современныхъ критиковъ. Повидимому, слава Лемэтра не даетъ ему покоя. Онъ выпустилъ брошюру *Portraits d'écrivains*, нѣчто въ родѣ *Contemporains*, потомъ собраніе театральныхъ рецензій подъ заглавіемъ *De Scribe à Ibsens. Causeries sur le théâtre contemporain:* это должно соотвѣтствовать фельетоннымъ *Impressions* — Лемэтра. Но пресловутый фельетонистъ не любитъ заниматься литературой прошлаго, онъ, какъ истинное дѣтище парижской газеты, живетъ только сегодняшнимъ днемъ. Думикъ хочетъ быть разностороннимъ. Онъ издалъ *Исторію французской литературы*—громкое заглавіе и довольно жиденькое содержаніе; обѣщаетъ кромѣ того монографіи о Ламартинѣ и Жоржъ Зандѣ. Какъ видите, цѣлая библіотека, и странно, почему Думикъ не раздѣляетъ лавровъ Лемэтра. Его *Causeries* рѣшительно выше фельетоновъ его соперника: въ нихъ, по крайней мѣрѣ, можно уловить ясную, опредѣленную мысль и серьезную готовность понять и оцѣнить произведенія даже иностранцевъ: все это совершенно недоступно пѣвцу парижскихъ водевилистовъ. Книга, о которой мы намѣрены говорить, — продолженіе *Portraits d'écrivains*. Это—*Ecrivains d'aujourd'hui*, менѣе сильные, чѣмъ Альфонсъ Додэ и Золя, но не менѣе популярные. Мы остановимся на разсужденіяхъ автора по поводу Мопассана, Лоти и все того же Лемэтра. Даже для русскаго читателя идеи критика не представляютъ живого интереса. Новаго въ нихъ ничего нѣтъ,—а пересказывать взгляды Думика не стоитъ труда. Мы имѣемъ въ виду нѣчто другое.

Прочесть беллетристическую книгу и изложить свои впечатлѣнія—это еще не большой подвигъ и отнюдь не поднимаетъ критика надъ уровнемъ заурядnаго читателя. Такъ именно и поступаетъ Лемэтръ и его соревнователи. Пробѣгутъ страницу, другую, схватятъ листъ бумаги и набросаютъ нѣсколько фразъ со всевозможными знаками препинанія, потомъ еще двѣ

страницы и еще нѣсколько фразъ. Въ результатѣ—*Impressions* или *Causeries*. Остается пожалѣть, что не всѣ учителя французскихъ гимназій и не всѣ парижскіе лавочники обладаютъ одинаковою смѣлостью: трудно и представить, сколько бы тогда у насъ было Лемэтровъ, Сарсэ и tutti quanti.

Думикъ не далеко ушелъ отъ этой компаніи, недаромъ онъ падаетъ ницъ предъ славой Лемэтра и, какъ увидимъ, восторгается такими его достоинствами, что за любое изъ нихъ «критика» слѣдуетъ выбросить изъ литературы. Но нынѣшніе французы совершенно на особый манеръ понимаютъ искусство и критику.

Во всемъ мірѣ едва ли какой народъ возбуждаетъ столько разговоровъ, сколько французы. Они своего рода *enfants gâtés* всѣхъ пяти частей свѣта. Такъ ведется уже не одно столѣтіе. И надо отдать справедливость, были времена, когда дѣйствительно французы заслуживали всякихъ привилегій. Но, къ сожалѣнію, привилегіи стали ихъ неотъемлемою собственностью и въ концѣ XIX вѣка мы все еще продолжаемъ вѣрить, что надъ Франціей носится геній Вольтера или Гюго. На самомъ дѣлѣ великіе «отцы» отвернулись бы съ отвращеніемъ отъ нынѣшнихъ «дѣтей». Неотразимый смѣхъ Вольтера превратилъ бы въ прахъ всѣхъ этихъ декадентовъ и символистовъ, а пламенный стихъ Гюго заклеймилъ бы позоромъ «писателей импрессіонистовъ», ни во что не вѣрующихъ, пищущихъ ради забавы бульварной толпы и въ интересахъ разнообразія мѣняющихъ чувства и мысли буквально по часамъ и минутамъ. Что общаго между надоѣдливымъ нытьемъ анемичныхъ выродковъ и былою восторженною вѣрой въ торжество разума и свѣта? Что осталось отъ стариннаго французскаго остроумія, естественной веселости, переполнявшей здоровый жизнерадостный организмъ, и болѣзненными потугами взвинтить измочаленные нервы какимъ-нибудь фокусомъ, часто отвратительнымъ и противоестественнымъ? Возьмите Рабле и Золя, Лафонтэна и Мопассана. Это писатели по существу одной и той же породы.

Рабле не любитъ стѣсняться ни въ картинахъ, ни въ словахъ. Это почти «естественный человѣкъ», съ изумительною откровенностью вводящій васъ въ самые потаенные углы человѣческой жизни. Но вы все прощаете ему: вы чувствуете могучій живой трепетъ органической силы, образы сами нескончаемою вереницей тѣснятся въ воображеніи поэта и онъ первый искренно, отъ всей души, упивается игрой своей фантазіи. А новѣйшій натуралистъ въ сравненіи съ этимъ стихійнымъ творцомъ выходитъ какимъ-то фабрикантомъ запрещенныхъ продуктовъ. Сколько усилій, сколько чисто ремесленническихъ пріемовъ, чтобы измыслить и нарисовать соблазнительную сценку! И въ результатѣ *натуральный* герой предъ созданьемъ Рабле все-таки не болѣе какъ blasé, опоенный наркотическими средствами; то же самое Лафонтэнъ и Мопассанъ.

У одного исконный «галльскій духъ» блещетъ міріадами ослѣпительныхъ искръ цѣлый міръ смѣха и свѣта, и надъ этимъ міромъ царитъ мудрый юморъ вдохновеннаго поэта, страстно влюбленнаго въ смѣхъ и свѣтъ. Здѣсь даже легкомысліе такъ забавно, вольность языка такъ граціозна и изящна, смѣлость творчества до такой степени непосредственно наивна, что всякое слово осужденія замираетъ на устахъ очарованнаго читателя... А новый представитель «галльскаго духа» Мопассанъ,—милый Мопассанъ!—щебечутъ читательницы и критики, въ родѣ Лемэтра и Думика,—на самомъ дѣлѣ одинъ изъ самыхъ безотрадныхъ живописцевъ глубочайшей прозы человѣческаго существованія.

Esprit gaulois преображается у него въ холодный разъѣдающій анализъ, французская веселость превращается въ горькую иронію и часто едва замаскированную желчную насмѣшку надъ бѣдностью и ничтожествомъ человѣческой природы. Неизмѣримо желаннѣе для насъ негодующій вопль сатиры, чѣмъ эта спокойная улыбка, таящая убѣжденное, застывшее отчаяніе въ человѣкѣ, въ его «лучшей части». Кто удостоиваетъ насъ гнѣвомъ, въ томъ еще не погибла надежда на наше исправленіе; но кто невозмутимо, порой съ состраданіемъ смотритъ на нашу жизнь, на насъ самихъ, въ томъ давно уже погасла послѣдняя искра надежды. Языческій поэтъ римскаго упадка, неутомимый пѣвецъ любовныхъ наслажденій,—не забылъ въ своихъ стихахъ о *pars melior*, о *лучшей части* и вдохновеннѣйшую книгу свою закончилъ надеждой, что онъ «духомъ будетъ носиться выше созвѣздій» *) и слава его не погибнетъ... А писатель конца XIX вѣка не хочетъ знать ни о чемъ кромѣ «худшей части», кромѣ тѣла и животной чувственности, и съ безгранично-жестокимъ наслажденіемъ выворачиваетъ наизнанку все, что хотя бы на минуту могло показаться въ человѣкѣ человѣческимъ, а не скотскимъ.

Но на этомъ не кончается тлетворная работа новой литературы. Писатель-художникъ можетъ тяготѣть къ извѣстному сорту явленій вслѣдствіе исключительныхъ личныхъ, можетъ быть болѣзненныхъ наклонностей. Между имъ и публикой стоитъ критика. Она обязана указать на внутренній смыслъ тяготѣній, сдѣлать логическіе выводы изъ авторскихъ, не всегда со-

*) Стихи Овидія въ *Метаморфозахъ*:

Parte tamen meliore mei super alta perennis
Astra ferar nomenque erit indelebile nostrum.

знательныхъ, дѣйствій и опредѣлить мѣсто писателя съ культурной точки зрѣнія. Только въ этомъ и смыслъ критики, а втолковывать читателямъ, что прекрасно и что художественно, значитъ играть роль Полонія объясняющаго, что день есть день, а ночь есть ночь. Красота и художественность—вопросы вкуса, а не убѣжденія, и кому природа не дала органа эстетики, тому не помогутъ никакіе трактаты и теоріи.

Но нынѣшніе французскіе критики совершенно иначе смотрятъ на дѣло. «Критика—средство читать книги съ бо́льшимъ удовольствіемъ». Только удовольствіе,—и больше ничего. Такая фанатическая погоня за «пріятнымъ чтеніемъ» съ теченіемъ времени притупляетъ читателя и онъ начинаетъ наслаждаться прямо вопреки здравому смыслу и даже инстинкту здороваго организма. Это какая-то манія эпикуреизма, изумительная способность приспособляться къ какимъ угодно авторскимъ фантазіямъ. Если ужъ совсѣмъ нельзя придти въ восторгъ, то изобрѣтается особый медоточивый жаргонъ, спасающій одинаково и *нашихъ* и *вашихъ* и въ сущности ничего не выражающій. Предъ вами неизмѣнно мурлыкающая физіономія оригинальнаго сластолюбца, смакующаго не столько чужое произведеніе, сколько свой собственный даръ все покрывать лакомъ шаблонной лести. Именно такое впечатлѣніе производитъ характеристика Лемэтра у Думика и собственныя разсужденія Думика о модныхъ французскихъ беллетристахъ.

Начнемъ съ Мопассана, самаго интереснаго и, несомнѣнно, самаго талантливаго изъ трехъ выше названныхъ.

Мопассанъ, какъ извѣстно, кончилъ сумасшествіемъ. Такой конецъ подготовлялся въ теченіе цѣлой жизни. Можно сказать,—писатель переживалъ безконечную нравственную агонію. Какъ она сказывалась въ личной жизни писателя—неизвѣстно или почти неизвѣстно. Мопассанъ отличался необычайною скрытностью и не любилъ распространяться ни о себѣ, ни о своей жизни. Остается судить по его произведеніямъ. Извѣстны они всѣмъ и весьма многіе совершенно преклоняются предъ искусствомъ Мопассана. Чѣмъ же собственно Мопассанъ создалъ себѣ горячихъ поклонниковъ? Мы говоримъ, конечно, только о *сознательно* поклоняющихся. Сѣрая толпа, издающая разные нечленораздѣльные звуки по поводу модныхъ кумировъ, въ счетъ не идетъ. Обратимся къ Думику: онъ—восторженный поклонникъ Мопассана и въ то же время стремится отдать отчетъ въ своихъ чувствахъ.

Онъ прежде всего хвалитъ Мопассана за разрывъ съ натурализмомъ Золя. Но самый мотивъ похвалы—въ высшей степени характеренъ: Золя беретъ свои типы въ слишкомъ низменныхъ областяхъ, рисуетъ каррикатуры и пускаетъ въ ходъ слишкомъ грубый стиль. Ни малѣйшаго намека на общій нравственный смыслъ произведеній Золя. Судъ произносится исключительно съ точки зрѣнія читательскаго удовольствія.

Мопассанъ порвалъ съ натурализмомъ, но удержалъ именно его внутренній смыслъ. Онъ крайне неохотно объясняетъ тайны своего творчества и тѣмъ дороже эти рѣдкія откровенія. «Я чувствую», пишетъ Мопассанъ, «какъ во мнѣ трепещетъ нѣчто, свойственное всѣмъ видамъ животныхъ, всѣ инстинкты и всѣ смутныя вожделѣнія низшихъ тварей. Я люблю землю, какъ они, а не какъ вы—люди; я люблю, не восхищаясь ею, не поэтизируя и не превознося ея. Я люблю животною и глубокою любовью, презрѣнною и въ то же время священною,—люблю все, что живетъ, все, что мыслитъ, все, что у меня предъ глазами. Все это, не возмущая моего духа, волнуетъ мои взоры и мое сердце: все — дни, ночи, рѣки, моря, бури, лѣса, зори, взглядъ и тѣло женщинъ».

Можно подумать,—это возвышенный пантеизмъ: чувства поэта дѣйствительно обнимаютъ весь міръ. Но это совершенно другое сліяніе съ міромъ, чѣмъ, напримѣръ, у Гете. Недаромъ рѣчь заканчивается «взглядомъ и тѣломъ женщины», и поэтъ откровенно говоритъ о «животной любви». Правда, онъ прибавляетъ нѣчто на счетъ мысли и «священной любви». Но на то онъ и поэтъ, чтобы разукрасить самое элементарное чувство обычною мишурой лиризма. Какъ это можно *мыслъ* любить животною любовью? И что «священнаго» въ страстномъ увлеченіи «инстинктами низшихъ тварей?»

Думикъ поясняетъ теорію Мопассана. Мопассанъ любитъ изображать именно моменты животности. Представимъ компанію, только что совершившую обильное жертвоприношеніе всѣмъ языческимъ божествамъ. Мозгъ отуманенъ винными парами и дымомъ сигаръ, всѣ плотскія вожделѣнія взбудоражены—и вотъ здѣсь талантъ писателя развертывается на просторѣ. Курительная комната мужчинъ послѣ роскошнаго объѣдѣнія—самая благодарная сцена для инстинктовъ. Здѣсь что ни герой, то представитель земли—безъ идеализаціи и поэзіи. Мопассанъ безъ всякихъ иллюзій, безъ всякой пощады рисуетъ это человѣчество *en deshabillé*. Вы скажете,—не весь же міръ въ этой курильнѣ... Но для поэта здѣсь центръ и сущность современнаго общества. Мужчина—чувственный эгоистъ, а женщина—вѣчная мученица преступныхъ вожделѣній. *Пасть*—въ этомъ одномъ словѣ вся біографія женщины изъ какой бы то ни было среды. *Соблазнить*—единственное назначеніе мужчины.

Мопассанъ не только не хочетъ знать мыслящихъ существъ,—онъ мысль прямо считаетъ бѣдствіемъ человѣческаго рода. Онъ не вѣритъ

въ побѣды человѣческаго ума, духовный прогрессъ для него не существуетъ. Человѣческая мысль все равно какъ лошадь въ циркѣ или муха въ закупоренной бутылкѣ. Это сравненія самого Мопассана и ими онъ хочетъ показать, до какой степени безцѣльно заниматься чѣмъ-либо другимъ, кромѣ тѣла и инстинктовъ. Даже Руссо не чертилъ болѣе мрачной картины исторіи культуры, чѣмъ Мопассанъ. Знаніе и наука совершенно безполезны: все равно причины всѣхъ причинъ не узнаешь. Искусство—банальное повтореніе вещей, по существу скучныхъ и печальныхъ. Законы только освящаютъ отвратительные обычаи и преступные предразсудки, сама цивилизація—не что иное, какъ усовершенствованная война. И все зло въ умственной работѣ. Не существуй мысли, на землѣ не было бы несчастія. Животныя, лишенныя способности мыслить, свободны отъ страданій.

Это буквальное воспроизведеніе идей Руссо, съ одной разницей: женевскій философъ все-таки вѣрилъ въ нѣкоторый идеалъ, даже негодуя на современнаго человѣка. Этотъ человѣкъ явился въ результатѣ всевозможныхъ извращеній, ему предшествовало нѣчто лучшее, даже совершенное. А потомъ дикарь Руссо не лишенъ высокой вѣры. Въ немъ воплотилась во всей полнотѣ истинно-человѣческая чуткость и безграничная гуманность XVIII-го вѣка. Это—*существо чувствительное*, *l'être sensible*: такъ называетъ его самъ авторъ,—а современный естественный человѣкъ только *существо чувственное*, просто *bête*—того или другого пола. И вотъ физическая жизнь этого *bête* составляетъ центръ вожделѣній новаго автора. Чѣмъ больше у человѣка развита мозговая жизнь, тѣмъ меньше его уважаетъ Мопассанъ. Таково буквальное заявленіе французскаго критика. Съ грѣхомъ пополамъ Мопассанъ дѣлаетъ исключеніе для артистовъ и писателей,—исключительно по корпоративному чувству. У него совсѣмъ нѣтъ героевъ, того, что мы называемъ высшей культуры—de culture supérieure. О свѣтскихъ франтахъ нечего, конечно, и говорить. Правда, они съ обычною отвагой претендуютъ на званіе господъ утонченно цивилизованныхъ, но даже веселые французскіе критики снисходительно улыбаются въ отвѣтъ на эти претензіи, а Мопассанъ слишкомъ уменъ, чтобы не видѣть всей смѣхотворности и фальши во всѣхъ будто бы «развитыхъ» вкусахъ и «изысканныхъ» удовольствіяхъ. Если бы презрѣніе Мопассана къ культурѣ ограничилось салонами и разными maisons dorées,—это было бы только заслугой писателя. Но дѣло въ томъ, что ему прямо ненавистна какая бы то ни было духовная дѣятельность. Это странно слышать отъ человѣка, создающаго себѣ славу литературнымъ трудомъ. Но въ наше время не рѣдкость такое самоистребленіе. Вздумается иному оригиналу проповѣдовать чуть не навуходоносорскій образъ жизни въ эпоху Божьяго гнѣва,—и въ то же время подъ рукой пользоваться всѣми благами культуры и весьма существенными результатами подвижнической проповѣди...

Изощренный вкусъ любитъ крайности и притомъ пикантныя. Мопассанъ, напримѣръ, повергалъ въ ужасъ своихъ коллегъ, въ родѣ Альфонса Додэ, невѣроятнымъ привередничествомъ по части гастрономіи, и въ то же время обожалъ мускулы первобытныхъ людей и непосредственные инстинкты животныхъ. Имбирное варенье Мопассана у другого представителя новѣйшаго одичанія можетъ превратиться во что угодно, но сущность останется та же. У человѣка окончательно расшатаны нравственныя основы, онъ видитъ, какъ спокойно и благополучно прозябаютъ существа, неповинныя ни въ какой «культурѣ» и «мозговой работѣ», себя же онъ, конечно, просто по человѣческой слабости, не можетъ не считать самымъ роскошнымъ цвѣтомъ и въ то же время благороднѣйшею жертвой современной цивилизаціи. Ясно, виновата культура, если человѣку пріѣлись варенья всѣхъ сортовъ и у него кромѣ того разбиты нервы и одряхлѣли мускулы. Скучающій эгоистъ непремѣнно врагъ мысли и прогресса, что, конечно, не мѣшаетъ ему привередничать по части самоновѣйшихъ изобрѣтеній въ области пріятнаго.

Эгоистическія вожделѣнія всегда легко прикрыть привлекательнѣйшей дымкой: представить свое привередничество въ формѣ тоски по природѣ и естественности, по неосуществимымъ прелестямъ полудикаго существованія. Тѣмъ болѣе, что и предшественникъ имѣется геніальный: у Руссо непочатый уголъ какихъ угодно идиллическихъ изліяній на счетъ состоянія, которое, по словамъ самого же изобрѣтателя, «не существуетъ, никогда не существовало и никогда не будетъ существовать».

При новѣйшемъ скептицизмѣ мудрено восторгаться миѳическими созданіями фантазіи: и авторы рѣшили задачу просто и удобно. Да здравствуетъ плоть и все, что исходитъ отъ нея и возвращается къ ней! Это и есть идеалъ, противоположный цивилизаціи и мозговой работѣ. Къ нему обязательно сводится каждое проявленіе человѣческой жизни,—иначе оно «неестественно» и «болѣзненно».

Мопассанъ, какъ романистъ и притомъ французскій, долженъ исключительно заниматься вопросами любви. Задолго до увлекательнаго автора философы Шопенгауэръ и Гартманъ изобразили съ большимъ эффектомъ, что это въ сущности за демонъ. Выходило ни болѣе ни менѣе, какъ слѣпое раздраженіе чувственности, непремѣнно грубое и пошлое. Роль самихъ

влюбленныхъ оказывалась до крайности жалкой и ничтожной; они любятъ и страдаютъ ради удовлетворенія внѣшней стихійной силы и въ своихъ восторгахъ такъ же смѣшны, какъ смѣшно въ баснѣ самохвальство бумажнаго змѣя, рѣющаго на высотѣ по волѣ шалуна-мальчишки. Мопассанъ отлично усвоилъ всѣ эти соображенія, повторилъ ихъ не одинъ разъ, наговорилъ, конечно, не мало банальностей въ родѣ такихъ, напримѣръ, страшныхъ словъ: глубокій взглядъ красавицы—не что иное, какъ игра хрусталика, очаровательная улыбка—просто складка губъ и блескъ здоровыхъ зубовъ, грація движеній—случайная гармонія формъ. Все это въ сущности только странныя, но совершенно безвредныя слова. Какое дѣло человѣчеству, что представляетъ солнце — шаръ изъ расплавленной и газообразной матеріи или колесницу бога Аполлона? Солнечный лѣтній день остается все такимъ же прелестнымъ днемъ,—и новые народы, узнавшіе множество, повидимому, удручающе прозаическихъ вещей о природѣ,—именно и создали истинную, неисчерпаемую поэзію природы, почти невѣдомую античнымъ грекамъ и римлянамъ. На что, кажется, поэтичнѣе миѳа о Діанѣ и Эндиміонѣ,—но сравните количество и достоинство гимновъ, посвященныхъ лунѣ въ эпоху, когда вѣрили въ этотъ миѳъ и въ вѣка, когда убѣдились, что Діана и Эндиміонъ ни болѣе ни менѣе какъ грубо матерьяльный шаръ, можетъ быть, даже безжизненный и холодный... Нѣтъ, поэзія нисколько не зависитъ отъ физики и естествознанія. Ученый, изучившій хрусталикъ несравненно основательнѣе Мопассана, все таки можетъ придти въ восторгъ отъ женскаго взгляда и, пожалуй, не хуже иного поэта прочтетъ въ немъ «бездну невѣдомаго блаженства». Не знанія вредятъ поэзіи, а нѣчто другое. И еще вопросъ,—что поэтичнѣе: хрустальное небо эллина или безконечность, наполненная безчисленными мірами, паны и сатиры или вереницы могучихъ творческихъ процессовъ, совершающіяся ради едва замѣтнаго цвѣтка?..

Наивенъ авторъ, думающій испугать человѣческое воображеніе хрусталиками и формами,—но не одна наивность тамъ, гдѣ люди способны успокоиться на подобномъ вздорѣ и заявить съ демонически-мрачнымъ или философски-глубокомысленнымъ видомъ: нѣтъ ничего, кромѣ тѣла и чувственныхъ оргій, все прочее—«музыка». Золя *музыкой* называетъ вообще все идеальное, все, что не пахнетъ парижскимъ рынкомъ и будуаромъ кокотки, у Мопассана то же самое слово выражаетъ все духовное, сердечное, лирическое.

Вообразите же, что единственная утѣха человѣка—его тѣло начинаетъ измѣнять. А это особенно скоро совершается у современныхъ воздыхателей по естественной простотѣ и невинности. Что остается несчастному? Страшный призракъ смерти для него неизмѣримо страшнѣе, чѣмъ для всякаго другаго. Онъ возстаетъ предъ нимъ въ каждой морщинѣ, въ каждомъ сѣдѣющемъ волосѣ, въ тускнѣющемъ взорѣ... Каждый моментъ волосокъ съ Дамокловымъ мечемъ натягивается все сильнѣе,—и обреченная жертва начинаетъ мучиться въ нравственной агоніи задолго до наступленія физической. Мопассанъ—одинъ изъ этихъ мучениковъ.

Онъ самъ разсказываетъ, что съ пятнадцати лѣтъ онъ чувствовалъ приближеніе смерти, съ каждымъ мѣсяцемъ, съ каждымъ днемъ онъ опускался будто домъ, готовый обрушиться. Каждый шагъ, каждый вздохъ—открывали ему все яснѣе и яснѣе грозную перспективу. Съ пятнадцати лѣтъ жить будто наканунѣ казни! А иногда несчастному казалось, что смерть подходила къ нему совсѣмъ близко и ему хотѣлось протянуть руки, оттолкнуть ее.

Герои Мопассана—такіе же обреченные. Они оплакиваютъ былой румянецъ своихъ щекъ, минувшій блескъ глазъ, содрогаются при мысли, что всѣ эти прелести превратятся въ прахъ... Представьте себѣ на самомъ дѣлѣ — къ вамъ пришелъ взрослый и, повидимому, умственно нормальный субъектъ и принимается философствовать по поводу своего облысѣвшаго черепа... И смѣшно, и жалко, а между тѣмъ у Мопассана это и есть настоящая трагедія. И онъ правъ. Былъ у человѣка одинъ капиталъ — румяное лицо да черныя кудри, пропало все это,—пропалъ и человѣкъ. Въ головѣ и въ груди у него со дня рожденія ничего не было или онъ постарался самому себѣ нашептать страшныхъ словъ,—въ родѣ мозжечекъ и сѣрое вещество, артеріи и кусокъ мяса. Эти слова успокоили его на счетъ *идей* и *чувствъ*, т.-е. примирили его съ отсутствіемъ и тѣхъ и другихъ.

Еще было бы лучше, если бы «сѣрое вещество» и «кусокъ мяса» совсѣмъ не реагировали. Тогда человѣкъ не имѣлъ бы представленія о смерти,—другое и едва ли не самое убѣдительное основаніе—завидовать положенію животнаго. Мопассанъ именно и ведетъ къ этому заключенію. Чѣмъ сильнѣе умъ борется противъ животнаго элемента въ человѣкѣ, чѣмъ энергичнѣе онъ побѣждаетъ инстинктъ, тѣмъ больше обнажается предъ нимъ ужасъ смерти.

Замѣтьте, въ этой идеѣ по существу опять ничего нѣтъ оригинальнаго. Въ прошломъ вѣкѣ изобрѣтатели «естественнаго человѣка» величайшимъ счастьемъ его считали полную свободу отъ страха смерти. Только злополучная умственная дѣятельность вызвала этотъ страхъ. Все это вы подробно можете прочесть, напримѣръ, у Гердера, но поэтъ XVIII-го вѣка не могъ придти къ отчаянію и маразму. У него прославленіе инстинктовъ играло роль больше полемическаго оружія противъ утонченныхъ

уродствъ современнаго общества, и самъ онъ отнюдь не ощущалъ желанія сосредоточиться на физіологическихъ процессахъ и мускулахъ: слишкомъ высоко онъ цѣнилъ «мозговую работу» и глубоко вѣрилъ въ ея результаты.

У новѣйшаго писателя—тоска по инстинктамъ не имѣетъ въ виду никакихъ воинственныхъ предпріятій. Это—Іовъ, сидящій на гноищѣ. Въ глазахъ больного нѣтъ ничего драгоцѣннѣе здоровья. И всѣ эти рѣчи въ честь свѣжаго тѣла, желѣзныхъ мускуловъ, всемогущаго желудка—совершенно искренни. Но не въ этомъ еще зло, а въ томъ, что дальше подобныхъ благъ ничего и знать не хочетъ современный человѣкъ. Умственная работа портитъ пищевареніе, ослабляетъ мускулы, разстраиваетъ нервы и, слѣдовательно, мѣшаетъ наслаждаться жизнью въ животномъ смыслѣ слова: долой все это!—Смерть цивилизаціи, потому что она выдвигаетъ на сцену какіе-то другіе интересы помимо имбирнаго варенья и женскаго тѣла.

Таково міросозерцаніе Мопассана. Нашъ критикъ излагаетъ его съ большою откровенностью и даже понимаетъ смыслъ его. «Печаль Мопассана», пишетъ Думикъ, «лишаетъ насъ всякой надежды и мечты, заставляетъ насъ сгибаться подъ бременемъ унизительнаго и суроваго рабства».

Это очень энергичныя, но справедливыя слова. Какой же общій, нравственный и культурный выводъ дѣлаетъ авторъ? Никакого. Вмѣсто вывода критикъ распространяется о внѣшней красотѣ произведеній Мопассана. Въ этой красотѣ и заключается тайна чарующаго вліянія «печальнаго» беллетриста. Она совершила настоящее чудо,—облекла розовою сіяющею дымкой пессимистическую бездну. Мопассанъ пишетъ такъ художественно и остроумно, что никому и на умъ не приходитъ всматриваться въ самую глубь этой живописи. Такой обманъ зрѣнія постоянно происходитъ съ такъ называемою большою публикой, и особенно читательницами—спеціальной публикой Мопассана.

Намъ, напримѣръ, припоминается судьба одного изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній драматической литературы—*Свадьбы Фигаро*. Оно подвергало жесточайшей критикѣ рѣшительно всѣ основы современной жизни, осмѣивало все, что до послѣдняго дня считалось священнымъ, открывало, однимъ словомъ, пропасть предъ вѣковыми порядками. И ничего подобнаго не замѣтили именно тѣ, въ кого были направлены ядовитыя стрѣлы Фигаро. Они беззаботно смѣялись его остротамъ и шуткамъ: грозная драматическая основа пьесы совершенно ускользнула отъ ихъ вниманія.

То же самое повторяется и въ наше время.

Мопассанъ безконечно милъ и забавенъ. Въ Парижѣ его фамильярно называли даже «шалуномъ». И все потому, что его разсказцы производятъ впечатлѣніе наркотическаго напитка и большинство изъ нихъ можетъ быть пересказано между двумя рюмками ликера. Даже когда авторъ закончилъ свою творческую дѣятельность безумiемъ,—онъ все таки остался пріятнымъ художникомъ, артистомъ, забавнымъ сказочникомъ. Дыханіе смерти, таящееся едва ли не въ каждой строкѣ, имъ написанной, не смущаетъ толпу, она не чуетъ этого дыханія, и сплошной похоронный маршъ ей кажется плясовымъ мотивомъ.

А между тѣмъ, Мопассанъ хоронитъ рѣшительно все, что только и краситъ жизнь, что только и можетъ дать человѣку силы жить бодро и мужественно въ виду неизбѣжнаго конца. Мопассанъ удивлялся, какъ могутъ люди смѣяться, наслаждаться, быть веселыми, вѣчно памятуя о смерти. По его мнѣнію, единственное объясненіе: люди слишкомъ разсѣяны и ослѣплены окружающею жизнью, иначе они обезумѣли бы отъ безпрерывной бойни, совершаемой смертью.

Да, при философіи инстинктовъ жить счастливо или просто спокойно можно только легкомысленнымъ и слѣпцамъ, или животнымъ, и то до тѣхъ поръ, пока тѣло не отказывается удовлетворять инстинктамъ. Разъ эта граница перейдена,—ничего нѣтъ жалче и отвратительнѣе былого жреца «любви безъ любовной музыки», или по еще болѣе точному выраженію новаго писателя,—«любви по французски»—*l'amour à la française*.

Теперь вдумайтесь въ эти факты независимо отъ французскихъ выраженій, неизмѣнно смахивающихъ на каламбуры, какъ бы серьезенъ ни былъ предметъ. Писатель открыто выставилъ своимъ идеаломъ *человѣка животное*, правда прирученное, мирное животное, но отнюдь не цивилизованное: на этомъ признакѣ особенно настаиваетъ авторъ. Въ человѣческой природѣ, по его мнѣнію, все равно ничего нѣтъ идеальнаго, все, что зовется этимъ словомъ,—лицемѣріе, ложь, сознательный или невольный обманъ. Поэтому, лучше всего безъ прикрасъ и безъ риторики брать жизнь, какъ она есть. Писатель стремится унизить умственную дѣятельность, отвергнуть какія бы то ни было благодѣянія культуры, низвести всю міровую систему къ куску животрепещущаго мяса... И что же? Его привѣтствуютъ не какъ художника, вскрывающаго язвы и пошлости современнаго человѣка, а какъ увеселителя, добраго малаго. Человѣку говорятъ: ты низшая тварь (собственное выраженіе Мопассана),—какимъ бы возвышеннымъ созданіемъ ты ни прикидывался; мало этого, ничѣмъ инымъ, кромѣ твари, ты и быть не можешь. И вотъ человѣкъ, выслушавши комплименты, горячо благодаритъ за нихъ и требуетъ повторять ихъ

почаще. Такъ это оригинально и забавно! «Créature inférieure!»...

Судите сами, на какой ступени нравственнаго развитія должна стоять эта *créature*...

Но *твари*—еще куда бы ни шли. Удивительно, что критикъ, прекрасно понимающій философію Мопассана, не видитъ въ ней ничего кромѣ личной прихоти писателя. Правда, онъ говоритъ мелькомъ объ эпохѣ «чрезмѣрной цивилизаціи и глубокой усталости,—объ эпохѣ, когда литература меньше чѣмъ когда-либо заботится о внутренней жизни». Но вѣдь эпоха—звукъ пустой. Эпохи создаются людьми, и усталость не падаетъ съ неба. Кромѣ того, не въ усталости дѣло. Чтобы восхищаться Мопассаномъ съ точки зрѣнія пріятнаго времяпрепровожденія, требуется нѣчто другое помимо усталости. Чтобы за блестящей формой и наивнымъ остроуміемъ не замѣтить цѣлой бездны отчаянія мало быть усталымъ и «чрезмѣрно цивилизованнымъ». И что это значитъ эпоха *чрезмѣрно цивилизованная*? Развѣ мы уже перешли предѣлы возможной культуры и совершили все, что въ силахъ человѣческихъ? Очевидно, и критика понимаетъ цивилизацію какъ то странно, въ родѣ своего рода эпидемической болѣзни, имѣющей разныя формы развитія. Казалось бы, никогда нельзя быть *чрезмѣрно цивилизованнымъ*, но для современнаго француза это возможно, потому что цивилизація, по его мнѣнію, сосредоточивается главнымъ образомъ въ такихъ центрахъ, какъ *Opera comique*, *Moulin rouge*, *Maison dorée*...

При такой «философіи исторіи» трудно, конечно, разобраться въ прелестяхъ мопассановской поэзіи и оцѣнить его тоску по инстинктамъ, его органическій страхъ смерти. И критикъ спокойно кладетъ перо и переходитъ къ другому, не менѣе краснорѣчивому знамени своего времени.

Пьеръ Лоти гораздо менѣе популяренъ, чѣмъ Мопассанъ и далеко не такъ талантливъ. Но въ послѣднее время ему посчастливилось, особенно со времени избранія его въ «безсмертные». Лоти прежде всего прославился неслыханною академическою рѣчью. Параллель ей можно найти развѣ только въ отдаленномъ прошломъ. Лѣтъ полтораста тому назадъ нѣкій поэтъ Помпиньянъ съ академической трибуны напалъ на писателей. Эта безпримѣрная измѣна была вызвана соображеніями, не имѣвшими ничего общаго съ литературой. Лоти не напалъ на писателей, но весьма искренне заявилъ, что онъ не имѣетъ съ ними ничего общаго. Правда, онъ самъ пишетъ, но никогда ничего не читаетъ и врядъ ли въ состояніи отличить одного «безсмертнаго» отъ другого.

Это вышло весьма неожиданно и не особенно любезно для представителей науки и искусства, только что принявшихъ въ свою среду какого-то «естественнаго человѣка». Трудно сказать,—хотѣлъ ли Лоти пококетничать предъ отборнѣйшею парижскою публикой, или говорилъ отъ души, воспитанный на открытыхъ моряхъ, подъ тропическими небесами.

Лоти блистательно поддержалъ свою репутацію ходячаго курьеза, оказался настоящимъ ребенкомъ, идиллическимъ дѣтищемъ золотого вѣка. Его все тѣшитъ,—и турецкій костюмъ, и всякій другой маскарадъ. Онъ забавляется своими шалостями и выдумками, какъ дитя... Опять спросите вы: искренне это? Французы не задаютъ никакихъ вопросовъ, а просто любуются на взрослаго гражданина республики, сохранившаго всю душевную свѣжесть и милое ребячество счастливѣйшаго возраста.

Лоти смотритъ на жизнь необыкновенно просто, даже проще чѣмъ Мопассанъ. Тотъ могъ впадать въ грусть и желчную иронію. Лоти совершенно невѣдомы такія сложныя чувства. Онъ также преклоняется предъ физическою силой, ловкостью, предъ мускулами и инстинктами,—но дѣлаетъ это безъ всякаго отвлеченнаго процесса. Его, напримѣръ, осчастливилъ такой эпизодъ. Однажды директоръ цирка увидѣлъ мускулы Лоти и промолвилъ: «какъ жаль, что ваше воспитаніе началось такъ поздно». Лоти этимъ комплиментомъ былъ польщенъ едва ли не больше, чѣмъ избраніемъ въ Академію. По крайней мѣрѣ, о директорѣ цирка онъ не перестаетъ вспоминать съ чувствомъ глубокаго удовольствія, а писателей и литературу, не стѣсняясь, клеймитъ презрѣніемъ.

По его словамъ, онъ чувствуетъ ко всему печатному непреодолимое отвращеніе. Въ школѣ онъ терпѣть не могъ писать сочиненія,—и все-таки сталъ и остается писателемъ. Легко представить культурныя и житейскія воззрѣнія этого философа. Мопассанъ только проповѣдовалъ жизнь инстинктовъ, Лоти — усиливается осуществить эту проповѣдь. Ему это не особенно трудно. Онъ морякъ, всю жизнь проводитъ вдали отъ установившейся культурной жизни, посѣщаетъ острова дикарей — и всякій разъ переживаетъ сильнѣйшіе припадки чувствительности, когда ему приходится побывать гдѣ-нибудь на Таити или помечтать въ тропическомъ лѣсу. Ему ничего не стоитъ—сбросить съ себя все, что навязано человѣчеству тридцативѣковою культурой и «вернуться къ простымъ чувствамъ первобытнаго человѣка», даже больше — къ «чувствамъ допотопныхъ животныхъ южныхъ морей». Это для Лоти самая симпатичная характеристика его личности и таланта. Чѣмъ дальше отъ цивилизаціи, тѣмъ лучше, чѣмъ ближе къ животному, тѣмъ ближе къ совершенству. У Мопассана отрицаніе человѣчности и умственной дѣятельности идетъ все-таки путемъ логической

мысли, правда призрачно-логической и комически-научной, — но все-таки сохраняется хотя нѣкоторая тѣнь душевнаго безпокойства. У Лоти—все необыкновенно просто и непосредственно. Онъ является въ современное общество съ дѣтски-изумленными глазами и пріостановившись на минуту, чтобы взглянуть на культурныхъ чудаковъ, принимается давать представленія изъ быта полинезійцевъ.

Всѣ герои Лоти—дѣти природы. Они переполнены физическою жизнью, и совершенно лишены нравственной. Ихъ одолѣваютъ инстинкты и они страшно мучаются, если по какимъ-нибудь причинамъ нельзя развернуться во всю ширь. И замѣтьте, это отнюдь не стремленіе, овладѣвающее иногда культурнымъ человѣкомъ, порвать съ обычнымъ ходомъ трудовой жизни и дать вздохнуть удрученному организму, не тѣ періодическія «встряски», которыя рекомендуетъ Спенсеръ людямъ умственнаго труда. Нѣтъ. Герой Лоти — просто животное, вѣчно здоровое и незнакомое ни съ какими другими процессами, кромѣ пищеваренія, сна, бѣшеныхъ скачковъ и безсмысленнаго рева. Для него мысль—то же самое, что клѣтка, и общество, говорящее членораздѣльною рѣчью, — своего рода сторожъ этой клѣтки.

Но это не все. Лоти не такъ простъ, чтобы рисовать звѣрей на свободѣ во всей ихъ первобытной красотѣ. Онъ все-таки родился во французской провинціи, а не въ лѣсахъ Новой Зеландіи,—а главное онъ *сочиняетъ*, пишетъ о дикаряхъ не для дикарей, а для парижскихъ дамъ. И вотъ изобрѣтается соусъ, давно уже извѣстный въ той же французской литературѣ: соусъ на половину изъ слезъ, на половину изъ дѣтскаго дѣланнаго лепета, но непремѣнно сантиментальнаго. Французскіе буржуа и особенно буржуазки—исконные охотники до слезливости и чувствительности. Онэ нажилъ милліоны на этихъ національныхъ свойствахъ. Но онъ изображалъ тѣхъ же буржуа,—Лоти приготовилъ блюдо гораздо пикантнѣе. Черкешенка—узница константинопольскаго гарема, черногорка, пастушка козъ, какой нибудь разбойникъ, африканецъ, таитянинъ — все не то, что какой-нибудь торговецъліонскимъ бархатомъ.

Въ результатѣ,—опять предъ нами Руссо, только безъ его громаднаго таланта, безъ его могучей оригинальной мысли, такъ сказать Руссо въ упрощенномъ видѣ: его *слезы* и его *l'homme naturel*. Оружіе крайне нехитрое и врядъ ли особенно отличающееся отъ старинныхъ пасторалей на слезливой приправѣ. Былые мужички въ русыхъ кудряхъ и крестьянки въ башмачкахъ съ красными каблучками—тѣ же «дикари» Лоти. Одна только разница: пасторальные герои—большіе философы и резонеры, а таитяне и разбойники Лоти — только чистенькія, вымытыя, ручныя, отлично выдрессированныя животныя.

Посмотрите, напримѣръ, какъ *любятъ* эти созданьица! Ничего, кромѣ чувственнаго инстинкта, они въ любви не признаютъ. Для нихъ она исключительно физическое удовольствіе. Женщина — простой матеріалъ, отнюдь не человѣкъ. У нея только и мыслей, какъ бы показаться красивѣе своему господину. Онѣ вѣчно причесываются, румянятся, охорашиваются передъ зеркаломъ: иныхъ занятій Лоти для женщинъ не подозрѣваетъ... На первый взглядъ, все это неимовѣрно скучно и прямо отвратительно. Но на что же слезливый соусъ? На что младенческій сюсюкающій лепетъ?

И вотъ какая нибудь собачка или кошечка, фигурирующая у Лоти въ роли романической героини,—трогаетъ даже «безтрепетныя сердца» парижанокъ. Каждой изъ нихъ совершенно доступенъ «поэтическій» образъ жизни героинь Лоти. Правда, ни одна изъ нихъ не обладаетъ наивностью какой нибудь Азіадэ, черкешенки или африканки. Но зато—какая же дама откажется сыграть роль *grande naïveté*? И чѣмъ дальше великолѣпная читательница Лоти отъ пастушеской невинности золотого вѣка, тѣмъ она пламеннѣе станетъ восторгаться «дѣтьми природы» и съ неподражаемою граціей вторить ихъ лепету.

На свѣтѣ, конечно, никогда не существовали и не существуютъ герои и героини Лоти,—но въ томъ то ихъ и прелесть для общества «чрезмѣрно цивилизованнаго» и «уставшаго». «Дикари» въ литературѣ XVIII вѣка, при всемъ развитіи инстинктовъ, преслѣдовали публику безконечными разсужденіями на жгучіе вопросы современной дѣйствительности. Въ наше время такого «дикаря» не потерпѣли бы. И Лоти это отлично понялъ. Онъ взялъ старый чужой образъ и передѣлалъ его сообразно вкусамъ людей, ко всему равнодушныхъ, кромѣ инстинктовъ. Писатель пошелъ дальше. Надо было сообщить извѣстную привлекательность естественному человѣку. Умнымъ его показывать нельзя: скучно,—явить его во всей естественной красотѣ—непоэтично и непрактично. Пусть онъ будетъ просто младенцемъ, но со всѣми способностями къ полной физіологической жизни. Онъ будетъ такой же любитель «тѣла», какъ и современный развратникъ, но будетъ любить—идиллически, творить не вѣдая что творить, въ сущности воплощать въ себѣ извѣстный типъ авантюристокъ, умѣющихъ до конца жизни сохранять на своемъ лицѣ улыбку ангельской кротости и младенческаго непониманія вещей.

Это — совершеннѣйшая форма лицемѣрія, и необыкновенно удобная. Ни автору, ни его читателямъ не выгодно разоблачать тонкую махинацію,— это значило бы разоблачить са-

нихъ себя и вмѣсто райскаго острова Таити очутиться снова на итальянскомъ бульварѣ. И авторъ ведетъ свою линію вполнѣ сознательно. Критикъ пытается оправдать его въ разныхъ фантазіяхъ по поводу дикарей: Лоти—не историкъ и не антропологъ, не обязанъ, слѣдовательно, держаться фактической правды. Но такой правды никто отъ беллетриста и не требуетъ. Тѣмъ строже онъ долженъ соблюдать другую, *общую*, *внутреннюю* правду, не уродовать природы и не сочинять своихъ «естественныхъ явленій». Лоти—такому энтузіасту «естественнаго человѣка»—это позволительно менѣе чѣмъ кому-либо. Сказать, что онъ пользуется своими воспоминаніями какъ поэтъ, не значитъ освободить его отъ всѣхъ законовъ логики, географическихъ и историческихъ истинъ. Его дикарь экзотическій продуктъ больной фантазіи, *homunculus*, составленный въ ретортѣ новаго химика изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ, и эти элементы притомъ вступили въ соединеніе не подъ вліяніемъ химическаго сродства, а подъ давленіемъ причудливыхъ капризовъ писателя и его публики.

Съ поразительною наивностью авторъ подрываетъ всякій реальный смыслъ у своихъ вымысловъ, и на этотъ разъ совершенно естественно,—обнаруживая въ своихъ герояхъ такихъ же *blasés*, какими занимается Мопассанъ и какими переполненъ—не островъ Таити, а сама міровая столица. Произведенія Лоти дышатъ тою же назойливою жалобой на недолговѣчность физическихъ силъ и тѣлесной красоты. Тотъ же страхъ смерти, тотъ же кошмаръ несчастныхъ, ежеминутно ощущающихъ дрожь предъ всепоглощающимъ прахомъ. Милое созданіе, составленное изъ костей и мяса, непрестанно трепещетъ за каждый атомъ своей плоти, потому что съ исчезновеніемъ этихъ атомовъ исчезаетъ все. Такъ думаютъ даже писатели, оставляющіе свои имена на книгахъ, пріобрѣтающихъ громкую славу. Все это ничто въ сравненіи съ одной минутой физіологическаго наслажденія мимолетнаго праздника инстинктовъ... Стоики проповѣдовали презрѣніе къ славѣ, взывая къ нравственному достоинству личности, — теперь, безъ всякой проповѣди, презираютъ безсмертіе и высшую власть идеи—по равнодушію, даже ненависти къ «мозговой работѣ».

И если бы это презрѣніе исходило отъ какихъ-нибудь насынковъ природы, бездарностей,—оно не стоило бы и вниманія. Но Лоти—очень талантливъ, увлекателенъ часто не менѣе Мопассана. Картины природы онъ умѣетъ рисовать оригинально, ярко и въ высшей степени разнообразно. Французскій языкъ—новый, литературный—далеко не можетъ назваться богатымъ. Авторъ умѣетъ извлекать изъ него всѣ соки, создавать удивительныя комбинаціи красокъ и оттѣнковъ. Это въ полномъ смыслѣ стилистъ-художникъ. Во Франціи отличный стиль—заурядное явленіе, но у Лоти онъ, кромѣ того, своеобразенъ, живописенъ, искристъ. Морскими описаніями Лоти можно зачитываться; такою свѣжестью и жизненною правдой вѣетъ отъ каждой фразы, часто отъ повторенія однихъ и тѣхъ же выраженій. И вотъ за этимъ-то блестящимъ нарядомъ скрывается сынъ усталаго вѣка, истинное дитя нравственнаго и идейнаго упадка.

Чудное море и сверкающая красотою природа томитъ поэта смертной тоской—о ничтожествѣ, о нирванѣ, объ исчезновеніи безъ слѣда. И эта тоска порождена все тѣмъ же страхомъ смерти. Лучше не жить, чѣмъ вѣчно чувствовать себя жертвой, надъ которой занесенъ ножъ.

Любопытны послѣднія слова статьи Думика о Лоти. Онъ справедливо замѣчаетъ: если романы Лоти стяжали такую широкую популярность,—несомнѣнно, они явились во-время. У Лоти есть не только читатели, но и друзья. Думикъ и характеризуетъ эту компанію. «Лоти такъ же, какъ они, чувствуетъ отвращеніе къ устарѣлой цивилизаціи, онъ усталъ жить и трепетать предъ смертью, вѣчно жаждетъ ощущеній, томится нескончаемою скукой, ему надоѣли всѣ люди, особенно онъ самъ себѣ, и стремится къ небытію. Подобно своимъ читателямъ, онъ пытается обольстить себя призракомъ простоты, иллюзіей наивности. Онъ настоящій сынъ своего вѣка».

Это справедливыя разсужденія. Но, къ сожалѣнію, высказаны они совершенно равнодушно и холодно. Критикъ ясно видитъ полнѣйшую расшатанность нравственной жизни писателя, указываетъ, какъ онъ будто утопающій хватается за призраки и иллюзіи, какъ за соломенки, т.-е., подобно всякому больному, живетъ фальшивой игрой воображенія, развлекаетъ себя всякою мишурой. И вдругъ послѣ всего этого критикъ прибавляетъ: «Заслуга Лоти въ томъ, что онъ освѣжилъ литературу пресыщенія, расширивъ предѣлы, въ которыхъ она задыхалась, ввелъ въ нее мечту, примирилъ ее съ поэзіей».

Такое заключеніе совершенно не вяжется съ предыдущей характеристикой. Что же это за мечта—рядомъ со страхомъ смерти? И какая можетъ быть польза тамъ, гдѣ авторъ завѣдомо сочинительствуетъ ради развлеченія уставшаго читателя, изобрѣтаетъ возбудительныя средства для дряблаго организма. Правда, Лоти прекрасно описываетъ природу, но она все-таки остается для него громадною бойней... Ему отовсюду слышатся предсмертные стоны, каждая отдѣльная черта великой богини приводитъ его въ восторгъ, но лишь только онъ окинетъ

взглядомъ всю ея фигуру и пристально всмотрится въ ея глаза, онъ, какъ легендарный юноша, поднявшій покрывало божества, падаетъ въ смертномъ ужасѣ и отчаяніи.

Такъ иногда дѣти и женщины, пораженные глубокимъ горемъ, на минуту забываются, встрѣчая интересное зрѣлище или слушая увлекательную рѣчь, но нѣсколько мгновеній и предъ ними возстаетъ грозный призракъ несчастья и тоска еще сильнѣе налегаетъ на нихъ, и міръ кажется имъ еще безотраднѣе. То же самое у Лоти. Современаго blasé многое сближаетъ съ незрѣлымъ возрастомъ: у него то же отсутствіе ясныхъ представленій о собственныхъ желаніяхъ, та же перемѣнчивость настроеній, тѣ же рѣзкіе переходы отъ полнаго упадка духа къ свѣтлому идиллическому счастью. Но и счастье это вызываетъ въ васъ скорѣе жалость, чѣмъ удовольствіе. Остроты и шутки Мопассана и чувствительныя изліянія Лоти производятъ впечатлѣніе сцены въ глубинѣ мрачной и зловѣщей, но передъ зрителями освѣщенной на нѣсколько минутъ бенгальскимъ огнемъ. Огонь быстро погасаетъ, и мракъ въ глубинѣ еще гуще, еще тоскливѣе. Въ эти минуты Мопассанъ и Лоти начинаютъ жаловаться на смерть и взывать къ нирваннѣ...

Таковы два представителя новой литературы. У нихъ громадная публика и именно чувства, питаемыя этою публикой къ любимымъ авторамъ, особенно должны интересовать насъ. У Мопассана, мы видѣли, читатели находятъ неисчерпаемый источникъ легкихъ удовольствій. Для нихъ это *poésie legère*, одинаково полезная и послѣ шумнаго бала, и развеселой оргіи, и въ безсонную ночь. Авторъ не вызываетъ никакихъ болѣзненныхъ ощущеній ни у блѣднолицой красавицы, ни у румянаго франта. Для всѣхъ онъ—«милый» Мопассанъ. Лоти то же самое. Его книги для свѣтскихъ сильфидъ въ родѣ зеркала, отражающаго мельчайшій капризъ избалованной фантазіи. Читательница, надушенная до одуренія и нарумяненная до неприличія,—рядомъ съ Лоти сколько угодно можетъ позировать въ роли черкешенки или черногорской пастушки, а какого нибудь ami воображать доблестнымъ дикаремъ съ Таити или съ африканскаго берега. Какія удивительныя сцены могутъ разыгрываться въ воображеніи, давно привыкшемъ ко всякой лжи! Какое наслажденіе какой-нибудь парижской Гретхенъ конца XIX вѣка превращаться въ мечтахъ въ идиллическое, наивное созданіе, безропотно покорное волѣ «любимаго человѣка!..» И все это угощеніе предлагается въ превосходно написанной книжечкѣ, обязательнымъ авторомъ, предупреждающимъ своихъ умственно-примитивныхъ поклонницъ и поклонниковъ, что онъ самъ не выноситъ ничего серьезнаго, ничего не читаетъ и ничего знать не знаетъ, кромѣ гарема и тропическаго лѣса. А что онъ на женщину смотритъ съ точки зрѣнія турецкаго паши,—за это сами женщины не станутъ обижаться, именно на него, такого чувствительнаго и легкомысленнаго Лоти.

И литература нравственнаго одичанія владычествуетъ невозбранно. Когда какой-нибудь нѣмецкій юнкеръ провозгласитъ, что въ кулакѣ—все международное право, мы станемъ жестоко возмущаться, и особенно искренне возмущаются по ту сторону Рейна. Но когда писатель публично заявляетъ, что, по его мнѣнію, самая завидная и достойная судьба акробата и гладіатора, что въ мускулахъ весь смыслъ жизни, а въ инстинктахъ — всѣ условія счастья, это кажется вполнѣ безобиднымъ, даже весьма забавнымъ. И такъ думаетъ не только стадная публика, а даже тѣ, у кого, повидимому, взглядъ достаточно изощренъ. И они видятъ кое-что, но только мимоходомъ: отмѣчаютъ фактъ и проходятъ дальше, будто оффиціальные блюстители порядка: было столько то кражъ, столько то убійствъ, а впрочемъ все обстоитъ благополучно. Въ такомъ тонѣ ведутся критическія разсужденія о современной литературѣ. А между тѣмъ всѣ декламаціи Шопенгауера и Гартмана дѣтскія сказки сравнительно съ творчествомъ одного Мопассана. Шопенгауэръ умѣлъ отлично примирять удовлетвореніе всякихъ инстинктовъ съ презрѣніемъ къ жизни, а Гартманъ самъ написалъ едва ли не лучшее опроверженіе своей системы. Мопассанъ кончилъ совершенно иначе. И если онъ не отказывался брать отъ жизни все, чѣмъ она можетъ подарить любимаго и знаменитаго писателя,—въ его радостяхъ не было такой холодной увѣренности, практическаго разсчета, какъ у нѣмецкаго пессимиста. Шопенгауэръ искалъ наслажденій настойчиво, съ неослабною энергіей, у Мопассана, вѣроятно, минуты полнаго самозабвенія отравлялись ѣдкою тоской или неотвязнымъ трепетомъ передъ грознымъ *ничто*. Такъ, часто за однимъ столомъ одинъ пьетъ вино, спокойно смакуя и наслаждаясь, а другой—спѣша и волнуясь, будто заливая мучительный огонь въ груди... И все-таки Шопенгауэра боялись и до сихъ поръ боятся. Статистики даже старались доказать, что количество самоубійствъ увеличилось со времени широкаго распространенія идей пессимистической философіи. Но никому не пришло въ голову изслѣдовать, что означаетъ популярность такихъ авторовъ, какъ Мопассанъ и Лоти? Почему общераспространенный взглядъ на нихъ стоитъ въ явномъ противорѣчіи съ истиннымъ смысломъ ихъ произведеній! Нельзя же помириться на ничего не значущихъ заявленіяхъ критиковъ на счетъ «устарѣвшей цивилизаціи», великаго множества людей, чувствующихъ отвращеніе ко всѣмъ и прежде все-

го къ себѣ самимъ. Что же—дальше?—Наступитъ молодая цивилизація? Или такъ и рѣшить вмѣстѣ съ Мопассаномъ и Лоти: счастье въ отсутствіи мысли, назначеніе человѣка въ развитіи мускуловъ и удовлетвореніи инстинктовъ? По крайней мѣрѣ, средняго пути не указывается ни поэтами, ни ихъ критиками.

Впрочемъ, жизнь сама поспѣшила отвѣтить и произвела изумительный продуктъ—мыслящаго служителя инстинктовъ, разсуждающаго героя цирка. Это именно и есть «знаменитый» критикъ Лемэтръ.

Намъ уже не разъ приходилось говорить объ этомъ законодателѣ парижскихъ бульваровъ. Интересно послушать его почитателя. Результаты получаются весьма странные. Какъ бы рѣзко мы ни судили о Лемэтрѣ, Думикъ, одушевленный искреннею цѣлью—похвалить своего учителя, низводитъ его на гораздо низшую ступень литературной и общественной дѣятельности.

Лемэтръ понимаетъ критику весьма просто: это—средство читать книги съ возможно бо̀льшимъ удовольствіемъ. Въ *удовольствіи* единственная цѣль Лемэтра. Дальше онъ ничего не знаетъ и знать не хочетъ. Это гастрономъ литературы и любитъ только свѣжія блюда. Критическое искусство простирается только на современную ему литературу, о писателяхъ, уже сошедшихъ со сцены, онъ не хочетъ и не умѣетъ судить. Это еще небывалый жанръ, настоящее эстетическое репортерство. И Лемэтръ хочетъ быть солиднымъ репортеромъ. Онъ, конечно, не стѣсняется какими-либо принципами, свободно опровергаетъ себя на одной и той же страницѣ, если это ему *пріятно*. У него настроеніе мѣняется чаще чѣмъ апрѣльская погода. Въ одномъ только отношеніи вкусъ Лемэтра довольно постояненъ. Критикъ любитъ все умѣренное, спокойное, т.-е. попросту банальное и по возможности «близкое къ землѣ». Все, что не удовлетворяетъ этимъ условіямъ, что нѣсколько выше буржуазнаго будничнаго опыта,—Лемэтръ считаетъ чудовищнымъ и мистическимъ. Отсюда его презрѣніе ко всему славянскому, какъ элементу фантастическому. Философскія обобщенія Леметру прямо ненавистны. Онъ понимаетъ только практическія идеи и осуществимыя немедленно на мѣстѣ силами перваго встрѣчнаго. Думикъ это называетъ «une sagesse pratique et à portée de la main». Послѣднимъ словомъ чуднаго и современнаго Лемэтръ считаетъ достопримѣчательности Парижа и самихъ парижанъ.

Онъ, какъ истый провинціалъ, по цѣлымъ днямъ готовъ глазѣть на столичныя диковинки. Во время выставки, напримѣръ, Лемэтръ давалъ самые подробные отчеты—о чемъ бы вы думали? О промышленности? О научно-практическихъ успѣхахъ человѣческаго ума? Нѣтъ—о свѣтящихся фонтанахъ. На нихъ сосредоточивалось все вниманіе и сочувствіе критика. Въ день національнаго праздника Лемэтръ не покидаетъ бульваровъ. Ему до тонкости извѣстны всѣ увеселенія столицы, начиная съ Moulin Rouge,—и онъ относится къ нимъ съ одинаковымъ благоговѣніемъ. Именно съ благоговѣніемъ. Требуется, только въ извѣстномъ зрѣлищѣ присутствіе *l'esprit parisien*,—и Лемэтръ падаетъ ницъ. Для него водевилисты Blum и Toché гораздо выше какой угодно «славянщины»—будь это Достоевскій, гр. Толстой. Даже бульварные хроникеры занимаютъ почетное мѣсто въ критическомъ сердцѣ Лемэтра. И онъ самъ изнываетъ въ вѣчной тоскѣ—быть настоящимъ парижаниномъ.

Что же это значитъ?

Прежде всего изгнать изъ литературы всякую опредѣленную мысль, имѣть въ виду единственную цѣль — забаву и удовольствіе. Все равно, какой бы цѣной это ни покупалось. Шутовствомъ — пусть будетъ шутовство, уличнымъ жаргономъ — пусть будетъ уличный жаргонъ. Лемэтръ боится серьезности, какъ смертнаго грѣха, и прямо трепещетъ при одной мысли, что его заподозрятъ въ желаніи что-нибудь доказать и чему-нибудь научить. Поэтому онъ всѣ свои статьи строитъ по оригинальному плану. Въ статьѣ три части: двѣ изъ нихъ уничтожаютъ другъ друга, а третья уничтожаетъ обѣ первыя. Это хаосъ. Нѣтъ, скажетъ Думикъ, это просто игра: c'était un jeu.

Вамъ трудно понять, какъ это можно играть собственными мыслями и сужденіями, если человѣкъ находится въ здравомъ умѣ и твердой памяти. Оказывается, можно и съ большимъ успѣхомъ. Вотъ нѣсколько фразъ Думика. Ихъ мы рѣшаемся выписать въ подлинникѣ. Онѣ своего рода profession de foi современныхъ наслѣдниковъ Вольтера и Гюго. «C'était un jeu. Il s'y amusait à exécuter une exercice qu'il exécutait très bien. Il se complaisait dans sa propre virtuosité. Il y mettait de la gageure et du défi. Il a chagriné par là quelques esprits sérieux. Et il s'est acquis la faveur du public». Коротко и ясно. Авторъ ходилъ колесомъ предъ почтенною публикой и стяжалъ ея признательность. А ему больше ничего и не требуется. Это «милый скептикъ», развлекающійся изящною игрой въ противорѣчія. Правда, Думикъ эту игру называетъ пустой, vain, но она, несомнѣнно, изящна и, главное, мила.

Для самого Лемэтра такое emploi въ высшей степени удобно. Онъ врагъ всякой работы, всякихъ умственныхъ усилій. Онъ отъ природы лѣнивъ и притомъ чувственно лѣнивъ: лѣность для него наслажденіе. Опять Думикъ выражается очень красиво и точно: «c'est chez lui une indolence et une mollesse naturelles, une paresse voluptueuse, un goût presque sen-

suel de se laisser aller et de se laisser vivre». Критика для Лемэтра—одно изъ средствъ услаждать это dolce far niente. Она призываетъ къ дѣлу не умъ, а ощущенія. *Sensations!*—этотъ вопль носится надъ современною толпой blasés на улицѣ и въ литературѣ. Лемэтръ беретъ фактъ какъ онъ есть. И это ему ничего не стоитъ. Онъ самъ расовый blasé, родился съ непобѣдимымъ отвращеніемъ къ мышленію и съ ненасытною жаждой пріятныхъ ощущеній.

Какъ вамъ нравится эта фигура? Но это еще не всё. Кто ощущенія ставитъ единственною цѣлью своей жизни, тотъ можетъ дойти до поразительныхъ результатовъ. Лемэтръ хочетъ нравиться и достигаетъ этого средствами, заимствованными у парижскихъ кокотокъ. Онъ поминутно впадаетъ въ развязный тонъ особы, стоящей выше предразсудковъ, вдругъ ни съ того ни съ сего начинаетъ среди статьи діалогъ съ актеромъ или авторомъ, обращается къ нимъ на ты. Съ языка окончательно разшалившагося критика слетаютъ фразы въ родѣ: «As-tu fini, espèce d'échauffé!»... «Eh, va donc»... И вы ясно видите, какъ репортеръ хлопаетъ по плечу пріятеля на пространствѣ цѣлаго фельетона. Оба довольны другъ другомъ, и читатель въ лицѣ Думика, заявляетъ: «cela nous amuse».

Но вѣдь при такой манерѣ держать себя что же можно сказать пріятелю насчетъ его таланта и успѣховъ? Какъ это ни странно, но оказывается,—Лемэтръ ничего и не говоритъ. Въ одной изъ своихъ статей онъ сообщилъ публикѣ, что невозможно говорить откровенно о людяхъ, съ которыми часто встрѣчаешься за однимъ столомъ. И въ виду этого Лемэтръ изобрѣлъ особый языкъ, темный и загадочный для другихъ, и понятный только для самого критика и господъ, сидѣвшихъ съ нимъ за однимъ столомъ. Но публика не обижается. Опять таки въ лицѣ Думика она признается, что часто не понимаетъ дѣйствительнаго смысла отзывовъ Лемэтра,—но для нея достаточно, что ключъ къ нимъ существуетъ, хотя бы только для одной милой компаніи съ критикомъ во главѣ.

Все это едва вѣроятно, а между тѣмъ фактъ не только признанный, но даже, можно сказать, увѣнчанный общественною признательностью и славой. Иначе и быть не можетъ. Публика Мопассана и Лоти непремѣнно должна приходить въ восторгъ и отъ Лемэтра. Онъ тождественной природы съ ними и въ этомъ смыслѣ исповѣдуется публично въ своихъ нравственныхъ принципахъ, въ сущности въ полнѣйшей нравственной безпринципности.

Лемэтръ также горячій поклонникъ инстинктовъ и физіологическихъ процессовъ. Для него человѣкъ — полуживотное — совершенство, не подлежащее критикѣ. Онъ, конечно, не высоко цѣнитъ всякую умственную дѣятельность, даже если вопросъ затрогиваетъ его лично. Профессію писателя онъ считаетъ послѣдней, какую онъ выбралъ бы, если бы ему предоставили выборъ. «Что значатъ наши мелкія ничтожныя умственныя удовольствія предъ великими животными радостями физической жизни!»... такъ восклицаетъ Лемэтръ, отнюдь не желая морочить читателей. Нѣтъ. Онъ совершенно серьезно тоскуетъ по кожѣ, обросшей волосами, по лѣсной берлогѣ, по неудержимому разгулу инстинктовъ. Онъ любитъ вести разговоры о любви и женщинѣ. И то и другое рисуется ему съ точки зрѣнія «великихъ животныхъ радостей». Женщина должна быть особой женскаго пола,—и больше ничего. Ея человѣческіе задатки—вздоръ и погибель для ея истиннаго назначенія — увеличивать въ мірѣ сумму «животныхъ радостей».

Вы видите, критика не далеко отстала отъ беллетристики. Если угодно,—пошла дальше: Лемэтръ для проповѣди инстинктовъ пользуется все-таки отвлеченными разсужденіями и не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ своихъ намѣреній. Въ его лицѣ одичаніе литературы дошло до откровеннаго цинизма. Иной разъ трудно повѣрить, какъ рука могла подняться у нормальнаго человѣка на такія пошлости. Но этого мало. Сущность вопроса заключается въ успѣхѣ этихъ пошлостей. Лемэтръ, признанная литературная сила,—не авторитетъ, потому что онъ самъ не знаетъ во что вѣруетъ и что признаетъ,—а любимый забавникъ читателей, достигшихъ «крайняго предѣла цивилизаціи».

Думикъ придаетъ громадное значеніе самой личности Лемэтра. Онъ считаетъ фельетоннаго шута прямо воплощеніемъ современнаго человѣка. Народился этотъ человѣкъ недавно, но успѣлъ размножиться и наполнить землю, по крайней мѣрѣ, французскую.

Поколѣніе силы и страсти сошло со сцены. Люди вѣры и твердыхъ принциповъ исчезли. Мы гораздо скромнѣе, не рѣшаемся ничего положительно утверждать, ни во что не вѣримъ, и ничѣмъ особенно не возмущаемся и не восторгаемся. Ничего нѣтъ на свѣтѣ достовѣрнаго и прочнаго. Лемэтръ, напримѣръ, взялъ ради забавы (s'est amusé) нѣкоторыя пьесы «старыхъ» авторовъ—Ожье и Дюма и продѣлалъ надъ ними процессъ современнаго умственнаго и нравственнаго растлѣнія. Оказалось, герои, слывшіе злодѣями, далеко не злодѣи, и съ другой стороны симпатичныя личности вовсе ужъ не такъ симпатичны. Наивны были, поэтому, авторы и ихъ публика, произносившіе рѣшительные приговоры надъ добродѣтелью и порокомъ. Мы люди умные, должны воздерживаться отъ всякихъ сужденій. Мы должны имѣть въ виду, что истинное и нравствен-

ное сегодня — завтра окажется ложью и грѣхомъ. Рѣшать вопросы общаго направленія безцѣльно, по просту глупо. Жизнь стихія, мы должны слѣдовать за ней безъ криковъ, безъ возмущеній. Единственное положительное правило,— страдать возможно меньше и наслаждаться возможно больше. Какъ именно страдать и наслаждаться, мы уже знаемъ: только инстинктами, по образцу дикаря и животнаго. «Мы не герои, не святые». Живемъ мы, правда, въ обществѣ и уйти изъ него не можемъ. Но отъ этого вопросъ не мѣняется. Инстинкты можно удовлетворять гдѣ угодно, нужно только умѣть приспособиться къ извѣстной средѣ. Вкусы и моды, господствующіе въ обществѣ, въ данное время, должны быть нашимъ закономъ. Величайшее несчастіе человѣка показаться въ смѣшномъ видѣ. Даже насмѣшки глупцовъ убійственны для умнаго.

Что же особенно смѣшно въ наше время? Нравственность, вообще духовная жизнь! Мы ее именно и должны скрывать отъ посторонихъ, если она какъ-нибудь случайно заведется у насъ, должны иронизировать надъ всѣмъ, что не признается общественнымъ мнѣніемъ,—т.-е. въ наше время, что не клонится къ удовлетворенію инстинктовъ.

Правила до такой степени любопытны, что мы опять приводимъ ихъ въ подлинныхъ выраженіяхъ критика.

«Bien sûr, nous ne sommes pas des héros. Et nous ne sommes pas des saints. Nous n'avons pas renoncé du monde. Nous tenons à son opinion. Les railleries elles mêmes des sots ne nous laissent pas indifférents. Or, comme la vertu tient dans le monde un assez pauvre état, et comme la bonté n'a pas cessé d'y être un peu ridicule, nous appliquons à cacher au plus profond de nous ce qu'il y a de meilleur en nous. L'ironie nous y est d'un merveilleux secours».

Весьма опредѣленный идеалъ «*L'honnête homme*». Почтенный человѣкъ, по этой программѣ, весьма похожъ на римлянина эпохи упадка. Такъ замѣчаетъ Думикъ. Намъ кажется,—нѣтъ нужды искать такъ далеко аналогій. Въ концѣ прошлаго вѣка въ обществѣ, именно въ le monde, господствовалъ тотъ же типъ. И также въ воздухѣ носилась тоска по «естественному состоянію». Но тогда она таила въ себѣ сѣмена обновленія и искренней вѣры въ лучшее будущее. Теперь—«все спокойно». «Естественный человѣкъ» берется только какъ образецъ животнаго существованія. Этотъ элементъ долженъ быть усвоенъ, но рядомъ съ нимъ должны процвѣтать лицемѣріе и эгоизмъ, потому что уничтожить общество нельзя, а дать волю инстинктамъ можно только съ помощью этихъ двухъ силъ...

Мы съ возможною точностью воспроизвели міросозерцаніе популярнѣйшихъ французскихъ писателей. Мы видѣли рѣдкую гармонію вдохновеній искусства и идей критики по самымъ основнымъ вопросамъ человѣческой жизни. *Мораль* до такой степени проста и прозрачна, что выводы доступны всякому читателю, не ослѣпленному «почти женскимъ кокетствомъ», «*une coquetterie presque féminine*» — «забавныхъ и милыхъ» авторовъ. Выводовъ можно сдѣлать множество, но едва ли не самый обидный выпадетъ на долю «обольщенныхъ». Обольстители стремятся инстинктъ и животность водворить на мѣсто всѣхъ человѣческихъ качествъ, пріобрѣтенныхъ культурой, создать изъ себя и изъ своей публики жертвъ безсознательныхъ порывовъ и непреодолимыхъ «естественныхъ» вожделѣній, а сама эта публика идетъ на приманку, даже не всегда понимая, что именно скрывается за всей граціей и кокетствомъ писателя. «Малые сіи» вообще достойны состраданія, но когда они «малы» по собственному ослѣпленію и нравственной дряблости—они внушаютъ только отвращеніе.

Ив. Ивановъ.

Современное обозрѣніе.

Московскій лѣтній сезонъ.

Для московскаго любителя театровъ посѣщеніе загородныхъ лѣтнихъ зрѣлищъ имѣетъ свой особый интересъ.

Тутъ вы можете познакомиться съ новыми, наростающими дарованіями въ лицѣ любителей, довольно охотно допускаемыхъ въ это время въ среду настоящихъ, профессіональныхъ и опытныхъ артистовъ. Тутъ вы можете познакомиться и съ новыми сторонами въ талантѣ того или иного артиста, котораго вы видали зимой, по большей части въ однообразныхъ роляхъ какого-нибудь узкаго спеціальнаго emploi: актеръ «простакъ» появляется передъ вами въ характерныхъ роляхъ болѣе обширнаго репертуара; второй любовникъ выступаетъ въ первыхъ роляхъ, комикъ пробуетъ свои силы въ драмѣ.

Словомъ лѣтніе театры—это, въ своемъ родѣ, и школа, и мѣсто пробы дарованій.

Кромѣ того, лѣтомъ имѣютъ возможность наѣзжать въ Москву, на гастроли, и разныя провинціальныя силы и извѣстности.

Конечно, это все интересно для любителя. Но публика, ищущая лѣтомъ отдыха для своихъ утомленныхъ нервовъ на вольномъ воздухѣ, на лонѣ природы, въ лѣсу, на лугу, не особенно охотно стремится въ душный, обыкновенно крытый театръ, а потому со стороны сборовъ, или «презрѣннаго металла», артистамъ приходится здѣсь плохо: играй сколько хочешь, сколько твоей душенькѣ угодно, въ чемъ угодно и какъ угодно, а на счетъ денегъ не взыщи.

Одному только театру посчастливилось въ этомъ отношеніи больше, чѣмъ другимъ: это въ селѣ Богородскомъ, что за Сокольниками.

Тутъ нерѣдко бывали полные сборы, а иногда зрительная зала переполнялась до того, что публику сажали на приставные стулья и лавки, и вся площадь оркестра была занята зрителями.

Здѣсь играло драматическое товарищество подъ управленіемъ Р. Р. Вейхеля. Это—старый знакомый Москвы, никогда изъ нея не выѣзжающій и спеціально занимающійся около 15-ти лѣтъ устройствомъ любительскихъ спектаклей во время зимнихъ сезоновъ, и спектаклей съ настоящими актерами—въ лѣтнее время. Онъ хорошо изучилъ московскую публику и ея вкусы, чѣмъ и объясняется, между прочимъ, его побѣда надъ своими лѣтними соперниками.

Репертуаръ въ Богородскомъ театрѣ былъ вполнѣ удовлетворительный, серьезный: тутъ

ставились комедіи Островскаго, «Горькая судьбина» Писемскаго, «Свадьба Кречинскаго», пьесы Пальма, Шпажинскаго, Суворина, князя Сумбатова и т. д.

Участвовали: г-жи Морская, Медвѣдева, Гонецкая, Матрозова, Халатова; гг. Вольскій, Красовъ, Неволинъ, Чинаровъ, Кондратьевъ, Николаевъ, Потемкинъ, Большаковъ, Бѣжинъ и друг.

Заманкой для публики были гастроли г-жи Волгиной и г. Рощина-Инсарова. Г-жа Волгина имѣла большой успѣхъ въ роляхъ: Кондоровой («Нищіе духомъ»), Татьяны Рѣпиной, Кумы Настасьи («Чародѣйка»), Лизаветы («Горькая судьбина»), и пр. Г. Рощинъ-Инсаровъ имѣлъ еще больше успѣха. Онъ въ короткое время завладѣлъ всѣми симпатіями публики. За тотъ срокъ, въ теченіе котораго онъ отсутствовалъ изъ Москвы, талантъ его замѣтно выросъ, выровнялся и, такъ сказать, возмужалъ. Естественность, искренность,—вотъ качества, благодаря которымъ онъ такъ трогаетъ, а мѣстами и потрясаетъ душу зрителя. Особенно ему удаются тѣ мѣста, гдѣ надо передать взрывъ благороднаго негодованія или страстное объясненіе въ любви. Въ прощальномъ своемъ спектаклѣ, 7-го августа, онъ выступилъ въ роли, которой еще ни разу не исполнялъ въ теченіе всей своей артистической дѣятельности. Это была симпатичная роль Филиппа Дерблэ въ драмѣ Жоржа Онэ «Горнозаводчикъ». Онъ, видимо, робко приступалъ къ этой роли. Оно и не мудрено: какъ мы слышали, пьеса была разыграна съ двухъ репетицій. И, тѣмъ не мѣнѣе, Дерблэ вышелъ живымъ человѣкомъ, а артистъ имѣлъ большой успѣхъ.

Съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ, что въ труппѣ выдѣлилась молодая, начинающая артистка, г-жа Морская. Еще не такъ давно, не болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ, она была выпущена изъ театральной школы г. Ѳедотова, а между тѣмъ она совсѣмъ освоилась со сценой. Это несомнѣнно даровитая артистка, не лишенная того «огня», о которомъ такъ мечталъ Несчастливцевъ. Въ послѣднемъ спектаклѣ, въ названной выше пьесѣ Онэ, намъ пришлось убѣдиться въ этомъ присутствіи у нея «огня» когда она въ сценѣ передъ дуэлью такъ страстно, такъ порывисто молитъ Филиппа Дерблэ отказаться отъ поединка. Молодой артисткѣ можно было бы сдѣлать одно замѣчаніе по части техники: она напрасно усиленно напираетъ на нѣкоторые отдѣльные согласные звуки и какъ-то растягиваетъ и удваиваетъ ихъ.

Пришлось намъ видѣть и другого молодаго артиста, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ очень юнъ и выступалъ впервые у г. Корша въ выходныхъ роляхъ. Теперь онъ сформировался, пріобрѣлъ развязность и смѣлость и выступаетъ уже въ замѣтныхъ роляхъ. Это г. Чинаровъ. Онъ довольно удаченъ въ роляхъ фатовъ. Только ему слѣдовало бы меньше заботиться о срываніи дешевыхъ аплодисментовъ и не ударяться въ шаржъ.

Театръ въ «Новомъ Кунцевѣ» потерпѣлъ совершенно незаслуженную участь: онъ стоилъ гораздо большаго участія публики, чѣмъ какой-либо изъ другихъ театровъ. Здѣсь игралo товарищество, подъ режиссерствомъ г. Бориславскаго и при участіи такихъ артистовъ, какъ: гг. Варравинъ, Вольфъ, Вехтеръ, Бориславскій, Валентиновъ, г-жа Рябова, Вронская-Бориславская и проч. Нельзя пожаловаться и на репертуаръ, который состоялъ изъ хорошихъ и серьезныхъ пьесъ. Были и гастроли г-жи Волгиной, г-жи Рыбчинской и г. Рощина-Инсарова.

Г-жа Рыбчинская очаровала публику въ роли Елены въ «Злобѣ дня». Мы ея не видали нѣсколько лѣтъ и съ радостью должны замѣтить, что за этотъ срокъ талантъ ея еще болѣе развился: въ ея игрѣ прибавилось въ немалой степени то, въ отсутствіи чего ее иногда упрекали и не безъ основанія. Въ пьесѣ г. Потѣхина она играла съ рѣдко встрѣчавшимся у нея темпераментомъ и выполняла массу оттѣнковъ. Благородство, изящность, трогательность въ изображеніи нравственныхъ мукъ, чувства гадливости, презрѣнія, униженія, состраданія,—вся эта смѣна разнородныхъ волненій, изъ которыхъ слагалось душевное состояніе Елены, были неподражаемо переданы г-жей Рыбчинской. Такія артистки, какъ она, поддерживаютъ высокій девизъ реализма, начертанный на знамени русской сцены, въ отличіе ея отъ западной, которая до сихъ поръ не вышла изъ рамокъ искусственной, условной, традиціонной игры.

На той же сценѣ игралъ и г. Валентиновъ съ присущимъ ему живымъ юмористическимъ талантомъ,—не безъ шаржа, впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.

Въ комедіи Островскаго «Лѣсъ» намъ пришлось въ отвѣтственной роли Счастливцева увидѣть г. Попова. Лѣтъ 12 тому назадъ мы его знали хорошимъ любителемъ, часто игравшимъ въ Нѣмчиновскомъ и Секретаревскомъ театрахъ, въ роляхъ простаковъ и водевильныхъ комиковъ. Въ его исполненіи Счастливцевъ производилъ впечатлѣніе, нѣсколько отличное отъ того типа, который въ разныхъ варіантахъ создавался до сихъ поръ на провинціальныхъ сценахъ. Это забитый, измученный человѣкъ, который разыгрываетъ изъ себя шута вовсе не изъ любви къ искусству, а подъ давленіемъ гнетущей нужды. И, въ противоположность обычаю, г. Поповъ избѣгаетъ утрировокъ и излишняго ломанія. Такимъ серьезнымъ отношеніемъ къ искусству г. Поповъ обязанъ,

конечно, продолжительному пребыванію съ дѣтства въ Москвѣ, гдѣ ему удалось видѣть хранителей лучшихъ и благороднѣйшихъ традицій родного театра, славныхъ покойниковъ: Самарина, Шумскаго, Садовскаго и Живокини.

Въ селѣ Кусковѣ дѣйствовала труппа артистовъ подъ управленіемъ С. П. Ланина. Преобладала легкая комедія. Театръ оживлялся только при появленіи г. Разсказова, пріѣзжавшаго на нѣсколько гастролей.

В. Е.

Оркестровые вечера г. Арендса на Сокольничьемъ кругу.

ремя вечерами (восьмымъ, девятымъ и десятымъ), о которыхъ намъ на этотъ разъ приходится вести бесѣду, окончился задуманный циклъ десяти лѣтнихъ оркестровыхъ концертовъ г. Арендса.

Въ составъ программы восьмого вечера (8 іюля) вошли слѣдующія оркестровыя пьесы «Тишь на морѣ и счастливое плаваніе» — Мендельсона, «Сонъ Маріи» — г. Ильинскаго, прелюдія къ «Иродіадѣ» — Масснэ, «венгерскій» танецъ (№ 2) — Брамса и «русская» съ «трепакомъ» — г. А. Рубинштейна (въ инструментовкѣ г. Кленовскаго).

Какъ еще до сихъ поръ интересна давно извѣстная увертюра Мендельсона, превосходно иллюстрирующая въ звукахъ небольшое стихотвореніе Гете «Meeresstille und glückliche Fahrt». *Adagio* («Морская тишь») отлично рисуетъ безпредѣльную ширь моря, спокойнаго въ началѣ, потомъ же волнующагося и превращающагося хоть и въ грозную, но не враждебную для мореплавателя стихію. Вторая часть — «счастливое плаваніе» — колоритное, съ прекрасною фактурой написанное *allegro*. Удивительно хороша первая часть увертюры по подбору тематическихъ фразъ и по общей гармонической красотѣ (замѣчательна педаль у скрипокъ).

Объ «интермеццо» г. Ильинскаго мы уже говорили не разъ. Оно не блещетъ оригинальностью замысла и концепціи, но написано со вкусомъ, въ хорошемъ вѣрномъ настроеніи. Скажемъ еще въ пользу инструментовки г. Ильинскаго: его пьеса нисколько не утратила въ звуковой красотѣ оттого, что ее пришлось слушать въ громадномъ, полуоткрытомъ павильонѣ, не особенно благопріятствующемъ нормальнымъ условіямъ акустики.

Прелюдія къ «Иродіадѣ» написана деликатно и тонко; гармонизація ея, при всемъ изяществѣ, тоже не претендуетъ на оригинальность. Самостоятельнаго значенія она не имѣетъ и болѣе умѣстна при сценическомъ исполненіи оперы, нежели въ концертной залѣ.

Танецъ Брамса, сыгранный г. Арендсомъ, не изъ самыхъ интересныхъ.

Переложеніе рубинштейновской пьесы выполнено г. Кленовскимъ очень умѣло и талантливо: ярко-колоритная инструментовка во многомъ послужила на пользу самой композиціи. Отъ мастерского сочетанія и разнообразнаго чередованія инструментальныхъ группъ получились очень удачные звуковые эффекты. Вопросъ, насколько музыка Рубинштейна проникнута «русскимъ духомъ», — оставляемъ въ сторонѣ.

Исполненіе названныхъ пьесъ было вообще хорошо, детально отдѣлано и говорило въ пользу основательной срепетовки. Особенно въ этомъ отношеніи пріятно было прослушать увертюру Мендельсона.

Въ качествѣ солистки въ этомъ вечерѣ участвовала оперная артистка г-жа Нума (Соколова), лирическое сопрано средней силы, артистка, которая пѣвала въ Италіи и составила себѣ имя въ нашей провинціи (Тифлисъ, Саратовъ).

Г-жа Нума имѣетъ артистическія данныя, чтобы съ успѣхомъ фигурировать на концертной эстрадѣ. У нея симпатичный и свѣжій, нѣсколько металлично звучащій голосъ, ровный и одинаково красивый во всѣхъ регистрахъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ верхнихъ предѣльныхъ нотъ, которыя къ тому же брались пѣвицей съ нѣкоторымъ напряженіемъ. Исполненіе обличало въ артисткѣ многіе пріемы раціональной школы, музыкально осмысленную, хотя довольно однообразную фразировку и отчетливую дикцію. Темперамента и нѣкоторой выразительности въ пѣніи также нельзя отнять у г-жи Нума; но не слѣдуетъ вдаваться въ искусственную слезливость и этимъ портить благородный характеръ фразировки. Пѣвица ин-

тонировала вообще правильно; нѣкоторыя незначительныя колебанія при передачѣ послѣднихъ пьесъ, исполненныхъ на *bis*, не могутъ идти въ счетъ при оцѣнкѣ ея музыкальности.

Выборъ пьесъ заслуживаетъ похвалы: г-жа Нума, по программѣ, спѣла двѣ оперныя аріи Чайковскаго, изъ «Чародѣйки» и «Іоланты», и мало здѣсь извѣстный романсъ Длусскаго «И ночь, и любовь, и луна». Красивый нумеръ изъ «Чародѣйки» приняли, однако, холодно, хотя переданъ онъ былъ выдержанно, музыкально и съ правильной интонировкой. Вина въ томъ, быть можетъ, аккомпаниментъ, самъ по себѣ очень интересный, но крайне цвѣтистый и слишкомъ широко охватывающій солистку; слѣдовало дирижеру значительно умѣрить его силу. Арія изъ «Іоланты» и романсъ Длусскаго разогрѣли публику. Изъ спѣтаго артисткой сверхъ программы наиболѣе пріятное впечатлѣніе произвела на насъ хорошенькая, весьма не лишенная оригинальности, «персидская пѣсня» г. Рубинштейна. Художественная простота и цѣльность передачи и здѣсь доставили пѣвицѣ заслуженный артистическій успѣхъ. Разъ впрочемъ (въ романсѣ «Ночь»—Рубинштейна) г-жа Нума попробовала щегольнуть вставной высокой нотой—и этимъ нѣсколько нарушила симметричность звукового рисунка.

Увертюра къ «Тангейзеру»—Вагнера, рапсодія—Лало и двѣ небольшія оркестровыя пьесы—Чайковскаго (элегія на смерть И. В. Самарина) и Пьернэ («Маршъ оловянныхъ солдатиковъ»)—вошли въ составъ программы девятаго вечера, который, по случаю дурной погоды, былъ данъ послѣ значительнаго перерыва (26-го іюля). Говоря нѣсколько строчекъ выше объ исполненіи инструментальныхъ нумеровъ прошлаго вечера, мы съ сочувствіемъ коснулись основательной детальной срепетовки оркестра, дѣлающей честь добросовѣстности г. Арендса. Можемъ и теперь констатировать прекрасную въ этомъ смыслѣ передачу увертюры Вагнера, но вмѣстѣ съ тѣмъ должны пожалѣть, что у дирижера не было въ распоряженіи вдвое болѣе оркестровыхъ музыкантовъ именно для этой композиціи, задуманной въ грандіозномъ стилѣ и большихъ размѣрахъ.

Насколько увертюра къ «Тангейзеру» декоративна, настолько тонко филигранна по отдѣлкѣ рапсодія француза Лало. Она по музыкальному содержанію своему имѣетъ несомнѣнный интересъ и можетъ до извѣстной степени служить образцомъ новой французской школы. И этотъ нумеръ былъ проведенъ г. Арендсомъ съ довольно тонкими нюансами.

Исполненіе поэтической элегіи Чайковскаго насъ не совсѣмъ удовлетворило: мы желали бы слышать ее въ болѣе одухотворенномъ видѣ. Дѣтски забавный «маршъ оловянныхъ солдатиковъ», сыгранный послѣ элегіи, насъ сразу оторвалъ отъ той мечтательности, къ которой невольно располагаетъ созерцательное настроеніе прелестной вещицы Чайковскаго.

Для этого вечера были приглашены пѣвица г-жа Храповицкая (меццо-сопрано) и піанистка г-жа Шервинская.

Г-жа Храповицкая уже нѣсколько знакома нашей публикѣ по своему неоднократному участію въ здѣшнихъ концертахъ и по двукратному дебюту въ Большомъ театрѣ (весною въ 1893 году въ роли Зибеля и въ сценѣ Ратмира «Чудный сонъ»). Тогда же мы говорили объ ея прекрасномъ голосовомъ матеріалѣ, умѣло направленномъ солидною школою (г-жа Храповицкая ученица г-жи Александровой-Кочетовой) и объ ея первыхъ успѣхахъ.

За это время артистка подвинулась значительно впередъ: голосъ ея сталъ ровнѣе въ регистрахъ и самое исполненіе сдѣлалось увереннѣе. Но пѣвицѣ, конечно, слѣдуетъ еще поработать надъ фразировкою и вообще болѣе глубоко вникать въ смыслъ исполняемаго: не достаточно довольствоваться шаблонными пріемами чистаго пѣнія, нужно стремиться къ наиболѣе разнообразной передачѣ пьесы, умѣть проникнуться духомъ ея, вложить въ исполненіе теплоту и задушевность и этимъ оживить звуковые образы. До такихъ предѣловъ артистичности г-жа Храповицкая еще не дошла. Умѣть соразмѣрять свои силы и распоряжаться экономно при расходованіи ихъ—тоже важный факторъ успѣха. Г-жѣ Храповицкой имъ не слѣдуетъ пренебрегать: это обезпечиваетъ правильность интонаціи. Г-жа Храповицкая выборомъ главнаго нумера, съ которымъ выступила на Сокольничьей эстрадѣ, не зарекомендовала себя съ серьезной стороны: она дебютировала романсомъ Зибеля «Разскажите вы ей, цвѣты», слишкомъ, конечно, избитымъ, чтобы имъ заинтересовать кого бы то ни было; къ тому же исполненію ея не доставало выразительности. Гораздо пріятнѣе было слушать романсы: «То было раннею весной»—Чайковскаго, «Ты помнишь-ли?» и «Нѣтъ, обманула васъ молва»—г-жи Кочетовой, хотя вокальное толкованіе ихъ тоже оставляло желать многаго. Публика принимала г-жу Храповицкую радушно, особенно во второмъ отдѣленіи вечера. Кромѣ названнаго послѣдняго романса г-жи Кочетовой, ею на bis еще были спѣты «Габанера» изъ оперы «Кармэнъ» и старинный, непритязательный романсъ Клемма.

Г-жа Шервинская также уже не впервые выступаетъ передъ нашей публикой. На этотъ разъ мы слышали въ ея исполненіи извѣстный концертъ (*g-moll*) Мендельсона съ аккомпаниментомъ оркестра и, на *bis*: довольно оригинальный танецъ «Bourrée»—Силаса и вальсъ изъ оперы «Фаустъ»—Гуно въ блестящемъ переложеніи Листа.

Г-жа Шервинская хорошая виртуозка: весьма большая бѣглость и толковое умѣнье распоряжаться педалью, довольно пріятный, хотя и не сильный тонъ и мягкое туше—вотъ ея отличительныя свойства. Исполненіе ея въ разсматриваемомъ вечерѣ было нѣсколько суетливо и не всегда выдержано въ ритмѣ, но все-таки довольно элегантно и изящно. Въ передачѣ второй части мендельсоновскаго концерта (andante) чувствовался недостатокъ поэзіи и пѣвучести: г-жа Шервинская играла на довольно плохомъ инструментѣ; публика однако принимала ее съ шумными апплодисментами и вызывала по нѣскольку разъ послѣ каждой пьесы.

Десятый оркестровый вечеръ, данный 29 іюля, имѣлъ преобладающій инструментальный интересъ. Исполнялись первая симфонія Бетховена (*C-dur*), сюита изъ балета «Щелкунчикъ»—Чайковскаго и небольшая, но очень благозвучная «Ночь въ Лиссабонѣ»—Сенъ-Санса.

Распространяться о первыхъ двухъ композиціяхъ, конечно, нѣтъ никакой надобности: кому онѣ у насъ неизвѣстны?

Симфонія прошла гладко и стройно, съ традиціонными темпами и въ нюансахъ, съ которыми вполнѣ можно мириться. Еще удачнѣе было исполненіе сюиты Чайковскаго и вещицы Сенъ-Санса: она, какъ и нѣкоторые нумера сюиты, была повторена.

Безъ солиста и этотъ вечеръ не обошелся: таковымъ былъ г. Чупрынниковъ (лирическій теноръ), окончившій въ прошломъ году курсъ своего музыкальнаго образованія въ здѣшней консерваторіи и недавно ангажированный на петербургскую Маріинскую сцену.

По типу голоса и характеру школы и исполненія, г. Чупрынниковъ напоминаетъ г. Аренсона. Скромныя вокальныя средства его могутъ еще развиться, если молодой пѣвецъ серьезно будетъ слѣдить за собою. У г. Чупрынникова легкій, подвижной голосъ съ симпатичными, хотя и слабыми, верхами, довольно хорошо поставленными. Въ среднемъ регистрѣ горловой оттѣнокъ не позволяетъ пѣвцу придавать звуку естественную полноту и мягкость.

Въ пользу артиста говорятъ его музыкальность, нѣкоторый вкусъ во фразировкѣ, а также вполнѣ точная и правильная интонація. Изъ двухъ пьесъ, исполненныхъ имъ по программѣ (арія Радамеса изъ «Аиды» и поэтичная пѣсня Левко изъ «Майской ночи» — г. Римскаго-Корсакова), вторая болѣе подходитъ къ его голосовымъ средствамъ и произвела въ общемъ весьма хорошее впечатлѣніе. Очень, очень жаль, что г. Чупрынниковъ спѣлъ прелестно инструментованную пьесу подъ аккомпаниментъ фортепіано. Арія Радамеса слишкомъ сильна для пѣвца и напрасно онъ началъ съ нея свой дебютъ. Выборъ пьесъ, исполненныхъ на bis (ихъ было четыре), оказался болѣе или менѣе удачно сдѣланнымъ и доставилъ г. Чупрынникову значительный успѣхъ. Вотъ ихъ перечень: «Не требуй пѣсенъ отъ пѣвца»—Глинки, романцетта изъ «Гарольда»—г. Направника, «Рыбачка,—Мейербера и баркаролла («Плыви моя гондола»)—г. Корещенко. Съ послѣдней молодой артистъ выступалъ уже не разъ передъ Московскою публикой.

Въ заключеніе нѣсколько словъ по поводу отчета о вечерахъ г. Арендса въ прошлой книжкѣ нашего журнала. Рецензенту приходится извиняться передъ читателями: спѣшность авторской корректуры помогла нѣсколькимъ опечаткамъ вкрасться въ строчки его работы. Исправляемъ важнѣйшее. Рядомъ съ мало извѣстной «Sérénade Catalane» пропущена фамилія ея автора; это—талантливый Лакомбъ, французскій композиторъ послѣдняго времени, довольно плодовитый, но незаслуженно игнорируемый. Далѣе при разборѣ увертюры г. Балакирева говорится, что въ красивой оболочкѣ ея формъ «заключены мысли одна другой счастливѣе, одна другой *обаятельнѣе*». Послѣднее слово замѣнено ошибочно другимъ «*обстоятельнѣе*». Самое же курьезное получилось тамъ, гдѣ говорится про голосъ г. Преображенскаго. «Голосъ артиста звучалъ отлично: нѣкоторая сухость и вялость тембра, какъ будто чувствовавшіяся въ началѣ концерта, вскорѣ исчезли, когда пѣвецъ распѣлся». Такъ написалъ авторъ; но изъ подъ типографскаго пресса, вмѣсто «вялость» явилась «веселость».

—

Предлагаемый отчетъ былъ уже написанъ, какъ состоялся на Сокольничьемъ кругу сверхкомплектный (одиннадцатый) концертъ г. Арендса, «прощальный», какъ о немъ оповѣстили нѣкоторыя газеты. Онъ имѣлъ свою особую физіономію. Солистомъ его былъ опять г. Преображенскій. И на этотъ разъ артистъ собралъ массу посѣтителей, которые признавали только его одного и, можно сказать, забыли всякую мѣру въ выраженіи своихъ симпатій къ артисту. Эти овація, правда, имѣли стихійный характеръ, но онѣ же опять обнаружили всю невмѣняемость публики, когда дѣло касается художественныхъ интересовъ. Г. Преображенскій напр. поетъ на bis прелестный романсъ г. Балакирева «Взошелъ на небо мѣсяцъ ясный», а публика, ни на что не взирая, мѣшаетъ пѣвцу пѣть, а другимъ—его слушать и громогласно требуетъ аріозо изъ «Паяцевъ». Партитуры этой оперы къ несчастію любителей «Паяцевъ» не оказалось на лицо—и желаніе публики не могло быть выполнено: вмѣсто пресловутаго «смѣха» г. Преображенскій спѣлъ «Травушку» Варламова. Но публика не унималась: когда г. Арендсъ началъ играть маршъ Мендельсона

(Hochzeitsmarch), которымъ нужно было окончить вечеръ, поднялся такой шумъ и крикъ, раздались въ публикѣ такія энергичныя требованія спѣть изъ «Паяцевъ», что дирижеру пришлось посреди пьесы сойти съ эстрады, чтобы на ней уже болѣе не появляться!

Двѣ оперныя аріи, спѣтыя солистомъ—каватина изъ «Жидовки» и «Думка» изъ «Гальки» (неправда ли, какъ то и другое ново?) переданы были въ общемъ хорошо; первая, однако, не съ тою законченностью, къ которой насъ пріучили многіе другіе исполнители ея. Пѣсня Фауста изъ «Вальпургіевой ночи» (въ оперѣ Гуно), исполненная два раза, серенада — Чайковскаго и «La donna é mobile» (!)—вотъ чѣмъ г. Преображенскій еще угощалъ свою аудиторію. Вердіевскую канцону «о красавицѣ» можно было бы оставить въ покоѣ: она и по складу своему не въ характерѣ этого пѣвца; пусть уже г. Мазини и др. ею тѣшатся. Но обидно за Чайковскаго и за г. Балакирева, попавшихъ въ такую странную компанію.

Въ составъ оркестровой части программы вечера, кромѣ марша Мендельсона, вошли увертюра «Альманзоръ»—г. Арендса, «вальсъ-фантазія»—Глинки и музыкальная картина «Іоаннъ IV»—г. Рубинштейна,—пьесы, о которыхъ у насъ въ свое время не разъ говорилось. Онѣ были сыграны очень тщательно и удостоились аплодисментовъ со стороны тѣхъ, кто посѣщалъ эти вечера ради музыки, а не ради Леонкавалло.

Г. Арендсъ, при появленіи на эстрадѣ, былъ встрѣченъ оркестровымъ тушемъ. Кромѣ того ему поднесенъ лавровый вѣнокъ.

W.

Брамто. Souvenir du première empire.

Провинціальныя корреспонденціи.

Архангельскъ. *(Отъ нашего корреспондента).* 8-го іюля закончились гастроли оперетной труппы во главѣ съ артисткой М. К. Львовой. За два мѣсяца были поставлены слѣдующія оперетты: „Цыганскій баронъ“—3 раза, „Сердце и рука“ — 2 раза, „Корневильскіе колокола“—2 раза, „Пѣвецъ изъ Палермо“, „Хаджи-Муратъ“ — 2 раза, „Прекрасная Елена“ „Бѣдный Іонафанъ“—2 раза, „Вице-Адмиралъ“ „Птички пѣвчія“ „Трубадуръ“ „Фаустъ“ „Цыганскія пѣсни“, „Красное солнышко“ „Аскольдова могила“—2 раза, „Мушкатеры“, „Нищій студентъ“, „Путешествіе въ Китай“, и прощальнымъ спектаклемъ въ бенефисъ М. К. Львовой „Орфей въ аду“. Сборъ былъ полный; бенефиціанкѣ поднесли букетъ изъ розъ, что на нашемъ сѣверѣ большая рѣдкость, и брилліантовый полумѣсяцъ. Въ общемъ, по Архангельску, дѣла были очень хорошія. Изъ остальныхъ персонажей успѣхъ имѣлъ теноръ г. Гарденинъ, обладающій хорошимъ голосомъ.

Варшава. *(Отъ нашего корреспондента).* Нынѣшній лѣтній сезонъ довольно благопріятенъ для лѣтнихъ театровъ. За исключеніемъ загородныхъ театровъ „Променеда“ и въ лѣскѣ „Чистомъ“, въ остальныхъ даются ежедневныя представленія, привлекающія достаточно публики, особенно, въ праздничные и субботніе дни. Надо сказать, что этимъ „театрикамъ“ приходится очень тяжело. Съ одной стороны, требуются не малые расходы на обстановку, относительно которой публика избалована казенными театрами. Съ другой же стороны, помимо обычныхъ расходовъ, таковые должно уплачивать четвертую часть сбора въ пользу дирекціи правительственныхъ театровъ. Надо удивляться какъ только эти театры умудряются вести дѣло и даже ставить новые пьесы, какъ наприм. „Легкая нажива“, пьесу изъ народнаго быта не лишенную достоинствъ, комедію „Точка надъ буквою і“, претенціозное названіе которой не оправдывается содержаніемъ и проч. Относительно репертуара должно сказать что мелодрамы преобладали и давали сборъ. Вообще же шли: „Дѣти осужденнаго“, мелодрамма извѣстная въ русскомъ переводѣ подъ названіемъ „Ліонскій курьеръ“, „Дѣти Тумры“ и „Внукъ Тумры“; обѣ послѣднія пьесы составляютъ какъ-бы продолженіе пьесы „Хижина на краю деревни“, передѣланной изъ повѣсти Крашевскаго и какъ-бы образуютъ трилогію; „Легкая нажива“, „Дѣти Пепы“, „Дитя стараго рынка“ (Les chiffoniers), пьесы съ couleur local: „Прогулка по Варшавѣ“. „Тайны Варшавы“, „Какъ плачутъ и смѣются въ Варшавѣ“, „Сапожникъ аристократъ“, „Черемаши“, народная пьеса, „Робертъ и Бертрамъ“, комедія съ пѣніемъ и танцами, оперетки: „Прекрасная Елена“, „Боккаччіо“, „Цыганскій баронъ“, „Дочь рынка“, „Праздникъ во Флоренціи“, „Суламитъ“, „Колдунья“, мозаичный спектакль подъ мудренымъ названіемъ „Драматическій букетъ“, изъ оперетъ и водевилей и проч. Репертуаръ казеннаго драматическаго театра въ Саксонскомъ саду состоялъ, преимущественно, изъ переводныхъ французскихъ пьесъ. Шли такія произведенія, какъ „Le demi-monde“ Дюма, „Le battaille des dames ou un duel d'amour“ и проч. Премированная пьеса „Яковъ Варва“ быстро сошла со сцены; болѣе продолжительное время удержалась возобновленная комедія „Укрощеніе строптивой“, въ которой такъ были хороши въ Москвѣ г. Ленскій и г-жа Ѳедотова въ роляхъ Петруччіо и Катерины. Въ настоящее время стала репертуарной пьесой драма Сарду „Фереоль“, сюжетъ коей напоминаетъ извѣстную пьесу Дьяченко „Жертва за жертву“. Кстати, нельзя не остановиться на такомъ явленіи, что ни одно изъ произведеній русскихъ драматурговъ или композиторовъ не исполняется на сценахъ Варшавскихъ Правительственныхъ театровъ и даже не существуетъ переводовъ таковыхъ. Это представляется тѣмъ болѣе страннымъ, что репертуаръ драматическаго казеннаго театра, преимущественно, составляется изъ переводныхъ пьесъ и притомъ почти исключительно французскихъ. Позволительно, думаемъ, выразить пожеланіе, чтобы дирекція Варшавскихъ театровъ озаботилась о постановкѣ классическихъ произведеній русскихъ авторовъ, и имѣвшихъ наибольшій сценическій успѣхъ пьесъ, въ переводѣ коихъ должны бы оказать содѣйствіе правительственный университетъ и лучшія польскія литературныя силы. Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ можно бы теперь же поставить оперу Рубинштейна „Демонъ“, которая съ успѣхомъ идетъ на итальянскихъ оперныхъ сценахъ; желательно было бы также видѣть балетъ А. Рубинштейна „Виноградная лоза“, дав-

но извѣстный въ Германіи или балетъ Чайковскаго „Спящая красавица“, наиболѣе удачный въ сценическомъ отношеніи. — Несомнѣнно, что подобный починъ встрѣтилъ бы въ Варшавѣ самое благосклонное отношеніе со стороны истинныхъ любителей сценическаго искусства и обезпечилъ бы матеріальный успѣхъ. Переходя къ дѣятельности опереточнаго театра, должно замѣтить, что въ Варшавѣ оперетки, понравившіяся публикѣ, даются большое число разъ подрядъ и затѣмъ долго не сходятъ съ репертуара. Такъ оперетка „Тирольскій продавецъ птицъ“ достигаетъ до двухсотаго представленія. Въ текущій сезонъ имѣли успѣхъ фарсъ „Тетка Карла“ и водевиль „Бѣдная дѣвица“, которая бы стала богатою, если бы имѣла долю въ сборахъ за представленія ея; въ послѣднее же время, почти, ежедневно дается оперетка „Оберъ-Штейгеръ“ съ оригинальнымъ либретто. Балетныя представленія въ Варшавѣ лѣтомъ ставятся на открытой сценѣ дворцоваго Лазенковскаго театра. Даются балеты, не требующіе сложной постановки, какъ-то: Жизель, Робертъ и Бертрамъ и проч. Въ текущемъ сезонѣ три раза шло одно и то же представленіе: 1) Персидскіе танцы, 2) Дѣтскій балетъ и 3) Свадьба въ Ойдовѣ, а въ 4-й разъ поставлено: 1) 2-е д. балета „Панъ Твардовскій“, 2) Дѣтскій балетъ и 3) балетъ „Четыре времени года“. — Вообще въ Варшавѣ нѣтъ недостатка въ сценическихъ зрѣлищахъ, *но о народныхъ спектакляхъ нѣтъ и помину*. Между тѣмъ, Варшава—славится своимъ благоустройствомъ и попеченіемъ о нуждахъ простаго класса, и въ ней процвѣтаютъ народныя столовыя и чайныя и иныя общественныя и благотворительныя учрежденія и предпріятія. Полагаемъ неизлишнимъ указать на совершенно пустынный паркъ на Прагѣ, какъ на удобное мѣсто для устройства въ Варшавѣ народнаго театра и народнаго сада съ различными увеселеніями и развлеченіями.

Екатеринбургъ (*отъ нашего корреспондента*). Недавно посѣтило нашъ городъ Товарищество артистовъ Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ, причемъ распорядителемъ явился г. Далматовъ. Въ составъ Товарищества взошли г-жи Потоцкая, Кускова, Ручкина, Медвѣдева и др. и гг. Далматовъ, Нильскій, Никольскій, Лирскій и пр., режиссеромъ состоялъ г. Евгеньевъ. Спектаклей въ Екатеринбургѣ Товарищество дало шесть, причемъ шли слѣдующія пьесы: 1) „Въ старые годы“, 2) „Гость“, „Первая муха“, 3) „Спорный вопросъ“, „Сорванецъ,“ 4) „Ревизоръ“, 5) „Медовый мѣсяцъ“, „Медвѣдь“ и 6) „Дворянское гнѣздо“, „Изъ-за мышенка“ (въ бенефисъ г-жи Потоцкой). Валового сбора за шесть спектаклей было до 3300 рублей, что при нашемъ крошечномъ театрѣ и особенно во время лѣтняго сезона нужно считать явленіемъ необычнымъ.

Большимъ успѣхомъ и симпатіями публики пользовались, и совершенно заслуженно, г-жа Потоцкая и г. Долматовъ.

Нельзя не пожелать, чтобы провинцію чаще и и чаще посѣщали артисты „образцовыхъ“ сценъ, но желательно было бы видѣть въ составѣ такихъ труппъ не случайныхъ исполнителей, приглашаемыхъ распорядителямъ Товарищества, а ихъ же сотрудниковъ по тѣмъ же театрамъ, гдѣ служатъ и они. А то получается впечатлѣніе не совсѣмъ благопріятное, такъ какъ подъ фирмою „Императорскихъ артистовъ“ скрываются довольно заурядные провинціальные артисты, игра которыхъ ничѣмъ выдающимся не отличается. Не мѣшало бы также помнить, что въ провинціи живетъ не мало людей, хорошо знакомыхъ съ драматическою литературой и видѣвшихъ многія произведенія въ прекрасной обстановкѣ тѣхъ же императорскихъ театровъ, и не привозить съ собой гардеробнаго хлама, выдавая его за костюмы столичныхъ сценъ. У насъ, напр., въ „Ревизорѣ“ всѣ чиновники являлись къ Хлестакову въ какихъ то невозможныхъ цвѣтныхъ фракахъ, а не въ мундирахъ, какъ это требуется пьесой,—съ этимъ можно было бы помириться, но что самое главное, и не простительное для артистовъ Императорскихъ театровъ,— это сокращеніе текста комедіи. Я не говорю о купюрахъ, а разумѣю выбрасываніе цѣлыхъ фразъ, хорошо знакомыхъ каждому образованному русскому посѣтителю театровъ, изъ той комедіи, которая была и есть лучшимъ произведеніемъ въ нашей драматической литературѣ.

На предстоящій сезонъ антрепренеромъ является у насъ г-жа Понизовская, снявшая театръ на три года. Сказать что-нибудь о составѣ труппы теперь нельзя, такъ какъ ангажементы артистовъ еще не сдѣланы.

Публика очень жалѣетъ, что не остался г. Медвѣдевъ, державшій здѣсь антрепризу въ теченіе семи лѣтъ и приглашавшій въ свои труппы выдающихся артистовъ, какъ напр. г. Давыдовъ, г. Фадѣевъ, Самойловъ-Мичуринъ, Тинскій, Риваль и др., г-жи Шаровьева, Морева, Піунова-Шмитгофъ, Фадѣева и мног. другія. Выиграетъ ли отъ такой перемѣны наша публика—вопросъ открытый.

Курскъ (*отъ нашего корреспондента*). Въ нашемъ городѣ, послѣ нѣкотораго перерыва возобновило свои дѣйствія общество любителей музыкальнаго и драматическаго искусствъ. Предсѣдателемъ правленія общества избранъ А. Н. Невѣровъ, товарищемъ его П. А. Ивановъ, членами Правленія: Н. В. Никольскій, К. Н. Дзуника, М. В. Еншерловъ, Л. В. Кирѣевскій, Н. А. Лоскутовъ, Н. Г. Самойловъ, С. Н. Ступинъ и І. А. Горновскій. Общество сняло на три года городской зимній театръ, который, по условію съ городомъ, совершенно заново отдѣлываетъ внутри, а сцену обставляетъ новыми декораціями. Работы по ремонту театра уже начались и къ концу августа театръ будетъ окончательно готовъ, такъ что въ началѣ сентября общество предполагаетъ начать спектакли. Программа дѣятельности намѣчена весьма разнообразная: въ нее входятъ драматическія и оперныя представленія, концерты, музыкально вокальныя утра, литературные вечера и пр. На должность директора оркестра и хора приглашенъ извѣстный артистъ и композиторъ П. А. Щуровскій, а о режиссерѣ для руководительства драматическимъ отдѣломъ общества правленіе ведетъ дѣятельную переписку съ нѣкоторыми извѣстными артистами.

Майкопъ, Кубан. обл. (*отъ нашего корреспондента*). Давно не было въ Майкопѣ труппы. Зимняго театра здѣсь нѣтъ, лѣтомъ же давались спектакли въ клубной ротондѣ, но вслѣдствіе разныхъ недоразумѣній, происшедшихъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ между артистами и директорами клуба, было сдѣлано постановленіе—не сдавать болѣе ротонды никому изъ артистовъ и самую сцену разобрать. Въ нынѣшнемъ году постановленіе это отмѣнено, явились предприниматели г-жа Ромазевичъ и г. Александровъ, сняли ротонду у города за 300 руб. въ годъ, съ обязательствомъ устроить сцену съ разными къ ней приспособленіями, и вотъ 15 мая открылись, послѣ долгаго антракта, двери храма Мельпомены. Составъ труппы: *Ж. пер.* г-жи Воронина, Кольцова, Прянишникова и Шубина. *М. пер.* гг. Александровъ, Вестеръ, Волынцевъ, Воронинъ, Дасѣвичъ (суфлеръ, онъ же и распоря-

дитель), Михайловъ, Николаевъ и Шубинъ-Славскій. Съ Троицы вступилъ въ Товарищество еще г. Викторовъ, онъ же и режиссеръ. Репертуаръ перваго мѣсяца: „Мужья одолѣли“, „Клятвопреступникъ“, „На бойкомъ мѣстѣ“, „Въ горахъ Кавказа“, „Изломанные люди“, „Ревизоръ“, „Бѣшеныя деньги“, „Завоеванное счастье“, „Испанскій дворянинъ“, „Судебная ошибка“, „Скандалъ въ благородномъ семействѣ“, „Ванька-ключникъ“, „На жизненномъ пиру“. Сбора всего за мѣсяцъ было 1799 р. 95 к., на кругъ вышло по 128 р. 56 к. каждый спектакль. Товарищество выработало, за вычетомъ 60% въ пользу арендаторовъ театра и расхода за библіотеку и выписку ролей, по $40\frac{1}{2}$ коп. на рубль, при высшемъ окладѣ въ 200 марокъ и низшемъ въ 50 марокъ.

Труппа публикѣ нравится. Г-жѣ Шубиной, въ день ея бенефиса („На жизненномъ пиру“. „Бѣдовая бабушка“) поднесли букетъ. О дальнѣйшемъ ходѣ у насъ театральнаго дѣла, а также о дѣятельности двухъ любительскихъ кружковъ, играющихъ зимой то въ клубѣ, то въ училищѣ, поговорю въ слѣдующемъ письмѣ.

Муромъ. (*Отъ нашего корреспондента*) Театральное дѣло въ Муромѣ поставлено въ очень тѣсныя рамки. Горожане довольствуются рѣдкими спектаклями любителей, представленіями заѣзжихъ концертантовъ, фокусниковъ и пр. и спектаклями труппъ, пріѣзжающихъ въ городъ на ярмарочное время. Музыкально-драматическій кружокъ, основанный недавно и дающій свои спектакли въ приспособленномъ къ этому помѣщеніи мѣстнаго клуба, не проявляетъ особенно усиленной дѣятельности, какую можно было бы ожидать отъ него при отсутствіи въ Муромѣ постояннаго театра. Исторія муромскаго театра въ недалекомъ прошломъ представляетъ факты печальнаго положенія театральнаго дѣла въ нашей провинціи и невѣжественнаго отношенія къ сценическому искусству со стороны мѣстнаго общества. Лѣтъ тридцать тому назадъ Муромскимъ городскимъ головой былъ, покойный теперь, купецъ Ермаковъ, оставившій по себѣ въ Муромѣ память капитальными учрежденіями, преслѣдовавшими цѣли общественной пользы. Его иниціативѣ Муромъ былъ обязанъ и постройкой постояннаго городского театра, на подмосткахъ котораго долгое время подвизались провинціальныя труппы. Театръ пользовался успѣхомъ, но послѣ смерти Ермакова дѣла театра начали клониться къ упадку. Театръ былъ устроенъ недурно, но такъ какъ онъ былъ деревянный, то скоро началъ требовать ремонта. Городское общественное управленіе отказывало въ средствахъ на этотъ ремонтъ и театръ началъ понемногу разрушаться. Такъ какъ театръ стоялъ на краю оврага, то одна изъ его пристроекъ стала осѣдать, и тогда рѣшено было признать театръ опаснымъ въ строительномъ отношеніи и дать ему другое назначеніе. За рѣшеніемъ послѣдовало исполненіе и въ бывшемъ храмѣ драматическаго искусства водворились конюшни драгунскаго полка, квартировавшаго въ Муромѣ.

Вторымъ фазисомъ въ области театральнаго дѣла въ Муромѣ было устройство ярмарочнаго театра. Ярмарка въ Муромѣ, продолжающаяся съ 23 іюня по 3 іюля, привлекаетъ много торговаго люда, и поэтому существованіе театра въ это время можно считать болѣе или менѣе обезпеченнымъ. Муромскій городской ярмарочный театръ построенъ лѣтъ десять назадъ артистомъ г. Кострубо-Корицкимъ при содѣйствіи нѣкоторыхъ изъ мѣстныхъ гражданъ. Онъ находится за городомъ, близъ ярмарочной площади, и представляетъ собою деревянное зданіе, приспособленное для представленій только лѣтомъ. Полный сборъ въ театрѣ достигаетъ 300 руб. По окончаніи срока аренды театръ перешелъ въ собственность города и съ тѣхъ поръ всегда въ ярмарочное время занятъ пріѣзжими труппами артистовъ, дѣлающими сравнительно хорошіе сборы. Въ нынѣшнемъ году въ ярмарочномъ театрѣ давала спектакли труппа драматическихъ артистовъ, прибывшая изъ Иваново-Вознесенска, подъ управленіемъ А. К. Мартынова. Сборы были хорошіе и мѣстная публика осталась вполнѣ удовлетворенной спектаклями.

Нижній-Новгородъ. (*Отъ нашего корреспондента*). Іюнь мѣсяцъ въ нашемъ городѣ прошелъ безъ всякихъ театральныхъ представленій и только въ іюлѣ начались таковыя. Небольшой труппой было дано нѣсколько спектаклей въ театрѣ Смирновскаго сада. Затѣмъ было дано два благотворительныхъ спектакля (въ пользу колоніи малолѣтнихъ преступниковъ) кружкомъ любителей. На первомъ шли „Въ чужомъ пиру похмѣлье“ Островскаго и водевиль: „Въ погонѣ за прекрасной Еленой“, а на второмъ—„На порогѣ къ дѣлу“ С. Соловьева и „Мотя“ Тарновскаго. Пьесы эти для любителей были разыграны не дурно, но публики на обоихъ спектакляхъ было мало, особенно же на второмъ, который, кажется, даже не покрылъ всѣхъ расходовъ. Вообще предъярмарочное время, іюнь и первая половина іюля, является въ Нижнемъ временемъ самымъ неблагодарнымъ въ театральномъ отношеніи. И публика, и предприниматели ожидаютъ ярмарки, на которую съѣзжается множество народа, притомъ денежнаго и склоннаго бросать деньги, чѣмъ и пользуются предприниматели. Впрочемъ, вкусы ярмарочнаго населенія особенные и, чтобы угодить ему (можно сказать словами изъ „Прекрасной Елены“), веселѣй надо быть. Какъ показали опыты прежнихъ лѣтъ, драматическія представленія въ Большомъ ярмарочномъ театрѣ особеннаго успѣха не имѣютъ и нѣсколько большій успѣхъ имѣютъ представленія оперныя. Въ значительной степени, оперные спектакли поддерживаются на ярмаркѣ городской публикой, которая во множествѣ бываетъ въ ярмарочномъ театрѣ. Громадная масса ярмарочнаго населенія предпочитаетъ театру гостинницы (въ родѣ „концертнаго зала“ Омона) съ разнаго рода увеселеніями. Кромѣ Большого ярмарочнаго театра, открылись на ярмаркѣ, съ 31-го іюля, спектакли въ бывшемъ Эденъ-театрѣ (гдѣ раньше давалъ свои представленія фокусникъ Шенкъ). Театръ этотъ названъ теперь „Общедоступнымъ Русскимъ Драматическимъ театромъ“, и играетъ въ немъ труппа провинціальныхъ драматическихъ артистовъ подъ дирекціей г. Николаева-Судобина. Репертуаръ этого театра еще хорошо не опредѣлился, но такъ какъ это театръ „Общедоступный“, то видно желаніе угодить на вкусы, сравнительно мало развитые. Въ анонсѣ о спектакляхъ говорится, что труппа намѣрена ставить пьесы „исторически-помпезныя“. На первомъ спектаклѣ такими пьесами явилась драма Гедеонова: „Смерть за Царя и отечество или осада Москвы Литвой“ и „Коронованіе царя Бориса“ (сцена изъ трагедіи А. Толстого: „Царь Борисъ“, которая, оторванная отъ цѣлаго, потеряла всякій смыслъ); а на второмъ: „Левъ Франціи и смерть генія или слава за гробомъ“. Рядомъ съ этимъ даются и такія пьесы, какъ „Вторая молодость“ г. Невѣжина, „Дѣвичій переполохъ“ г. Крылова и даже „Бѣдность не порокъ“ Островскаго, такъ что, въ концѣ концовъ, театръ этотъ, подъ флагомъ помпезности, проводитъ и сравнительно хорошія пьесы. Въ пьесѣ Островскаго выступилъ, между прочимъ, нѣкогда извѣстный провинціальный ар-

тистъ-трагикъ г. Любскій, въ послѣднее время рѣдко выступающій на сценѣ... Сборы въ этомъ театрѣ (всего пока дано три спектакля) весьма невелики, очевидно труппа еще не успѣла заинтересовать публику, хотя въ общемъ труппа эта вполнѣ сноснал. На послѣднемъ спектаклѣ, отыскивая всякіе способы заинтересовать публику, директоръ труппы началъ ставить водевили съ пѣніемъ подъ названіемъ оперетокъ, какъ напримѣръ „Женское любопытство“ г. Л. Яковлева и „Кумъ Мирошникъ или сатана въ бочкѣ“. Ярмарка любитъ пѣніе и пляску и весьма возможно, что этимъ ему удастся привлечь публику въ свой театръ, хотя для пѣнія въ труппѣ нѣтъ, кажется, сколько-либо хорошихъ голосовъ. Въ концѣ концовъ, если бы даже попытка основать на ярмаркѣ общедоступный театръ не удалась, несомнѣнно, что она имѣетъ за себя будущее.

— *(Отъ нашего корреспондента).* Съ 20 іюля начались въ здѣшнемъ обширномъ ярмарочномъ театрѣ русскіе оперные спектакли товарищества, именующаго себя „Товариществомъ артистовъ Императорской оперы“. Названіе это только частію вѣрно, ибо только нѣкоторые артисты товарищества служатъ или служили въ дѣйствительности въ Императорскихъ театрахъ въ Москвѣ и Петербургѣ и во главѣ его стоитъ артистъ московской оперы, П. Г. Вельяшевъ. Кромѣ московскихъ силъ въ товариществѣ имѣется много даровитыхъ, не безъизвѣстныхъ въ провинціи артистовъ, никогда не пѣвшихъ на столичныхъ сценахъ, но безъ которыхъ эта антреприза едва-ли могла осуществиться и держаться прочно. Въ оркестрѣ и хорѣ, которые, кстати сказать, организованы прекрасно, преобладаютъ члены московской оперной труппы Большого театра. Но капельмейстеръ товарищества, В. О. Шпачекъ, не изъ московской артистической корпораціи, что не мѣшаетъ ему однако быть талантливымъ и умѣлымъ руководителемъ ввѣреннаго ему оркестра. Режиссерскою стороною завѣдуетъ г. Боголюбовъ. Спектакли въ ярмарочномъ театрѣ посѣщались пока довольно усердно, особенно за послѣдніе дни и, будь ансамбль въ большемъ соотвѣтствіи со строгими художественными требованіями, какъ это было при П. М. Медвѣдевѣ, державшемъ здѣсь образцовую оперу во время ярмарки 1886 г., сборы были бы еще значительнѣе. И сценировка и монтировка не во всемъ удовлетворительны: нѣкоторыя оперы поставлены очень прилично, другія (наприм. „Снѣгурочка“ и отчасти „Русланъ“) гораздо хуже, такъ что не даютъ никакой иллюзіи. Въ труппѣ отсутствуетъ балетъ; нельзя же имѣющуюся на лицо одну танцующую пару (г-жа Мелановская и г. Виттигъ) назвать балетомъ? Опера держится на солистахъ, какъ это бываетъ обыкновенно у насъ въ предпріятіяхъ временныхъ и срочныхъ и когда дѣло созидается на скорую руку или же съ меркантильною цѣлью. Впрочемъ послѣднее, къ чести артистовъ, здѣсь не имѣетъ мѣсто и, какъ видно, „товарищество“ не хлопочетъ о барышахъ.

Въ составъ товарищества вошли слѣдующіе артисты: г-жи Инсарова, Эйхенвальдъ, Шоръ и Марина (сопрано), г-жи Зотова и Руджіери (для меццо-сопранныхъ и контральныхъ партій), гг. Вельяшевъ и Кассиловъ (тенора), гг. Гончаровъ и Максаковъ (баритоны), гг. Градцовъ, Трубинъ и Трезвинскій (басы) и нѣсколько персонажей для второстепенныхъ ролей. Съ открытія спектаклей по 3-е августа поставлены были слѣдующія оперы: „Жизнь за Царя“, „Демонъ“ (два раза съ гг. Максаковымъ и Гончаровымъ), „Паяцы“, „Кармэнъ“, „Русалка“, „Снѣгурочка“, „Риголетто“, „Фаустъ“, „Русланъ“, „Пиковая дама“ и „Аида“. „Жизнь за Царя“ служила, какъ и всегда и почти всюду, достойнымъ и подходящимъ началомъ спектаклей и привлекла довольно много публики; сборъ дошелъ до 1,000 рублей. Опера Глинки шла съ слѣдующимъ распредѣленіемъ: Антонида—г-жа Марина, Ваня—г-жа Зотова, Сабининъ—г. Кассиловъ и Сусанинъ—г. Трезвинскій.

Изъ названныхъ исполнительницъ удачнѣе другихъ была г-жа Зотова, хотя партія Вани слишкомъ низка для ея голоса и требуетъ вообще большей силы и энергіи какъ въ пѣніи, такъ и игрѣ. Для г-жи Мариной Антонида не по силамъ; необходимо пѣть эту партію строго, классически-выдержанно. Г. Кассиловъ хорошо давалъ голосъ въ главныхъ своихъ фразахъ. Наибольшій и, отчасти, заслуженный успѣхъ имѣлъ г. Трезвинскій; сильный, красивый голосъ его подходитъ къ характеру партіи Сусанина. Артисту слѣдуетъ пріучиться къ болѣе разнообразной фразировкѣ и заняться отдѣлкою игры; нѣтъ у него той типичности, съ которой—наприм. г. Ильяшевичъ проводитъ роль Сусанина. Интересъ новизны для нашихъ коренныхъ жителей имѣла постановка двухъ русскихъ оперъ: Глинки („Русланъ и Людмила“) и Римскаго-Корсакова („Снѣгурочка“). Оперы эти здѣсь никогда не шли, и нужно ставить „товариществу“ въ большую заслугу именно такой выборъ. „Снѣгурочка“ шла 26 іюля. Можно и должно пожалѣть, что нашъ оркестръ слишкомъ немногочисленъ, чтобы выразить и передать всю прелесть тонкой, но сложной и трудной партитуры этой оперы. Постановка тоже такова, что зрителю приходилось многое дорисовывать въ своемъ воображеніи. Если „Снѣгурочку“ тѣмъ не менѣе прослушали съ интересомъ, то нужно это приписать солистамъ, изъ которыхъ нѣкоторые были почти на высотѣ авторскихъ требованій. Г-жа Эйхенвальдъ (Снѣгурочка) прямо создана для этой роли; будь ея голосъ помягче и фразировка поэтичнѣе—это была бы идеальная исполнительница роли. Г-жа Руджіери (Лель) спѣла недурно свою пѣсню, но по фигурѣ и по игрѣ не подходитъ къ этому образу. Слаба также была г-жа Марина въ роли Купавы. Г. Вельяшевъ (царь Берендей), г. Максаковъ (Мизгирь) и, частью, г. Кассиловъ (бобыль) и исполнители басовыхъ партій были удовлетворительны и поддерживали ансамбль. „Русланъ“ (спектакль 31 іюля) прошелъ менѣе удачно, особенно въ отношеніи ансамбля. И солисты не были на высотѣ задачи. Въ спектаклѣ участвовали г-жа Шоръ (Людмила), г-жа Инсарова (Гориславa), г-жа Руджіери (Ратмиръ), г. Вельяшевъ (финнъ и Баянъ), г. Трубинъ (Русланъ), г. Градцовъ (Фарлафъ) и г. Трезвинскій (Свѣтозаръ). Артисты дѣлали, что могли; не ихъ вина, если роли не подходятъ къ индивидуальности исполнителей. Все-таки, повторяемъ, надо считать постановку геніальнѣйшей оперы Глинки на нашей сценѣ похвальнымъ дѣломъ. Будемъ и тѣмъ довольны, что столь высокіе образцы русскаго творчества, какъ „Русланъ“ и „Снѣгурочка“, пробили себѣ путь еще на одну провинціальную сцену. Нѣтъ сомнѣнія, что мы ихъ когда-нибудь увидимъ въ подобающей постановкѣ и съ еще лучшими толкователями и тогда онѣ окончательно привьются къ нашей публикѣ. Г-жа Маркова и теноръ г. Кошицъ (изъ московской оперы) и баритонъ Маріинской сцены г. Яковлевъ, которыхъ, какъ мы сообщали въ прошлой книжкѣ „Артиста“, ожидали сюда на гастроли, не пріѣхали и вѣроятно спектакли пройдутъ безъ нихъ. На мѣсто послѣдняго приглашенъ былъ г. Гончаровъ.

„Товарищество“ г. Вельяшева пробудетъ здѣсь до 15 или 20 августа. По окончаніи этихъ спек-

таклей начнется въ этомъ же театрѣ, серія оперныхъ представленій подъ руководствомъ г. Бѣльскаго. Они продолжатся до 2 или 5 сентября.

Новочеркаскъ. (*Отъ нашего корреспондента.*) Послѣ многолѣтней антрепризы С. И. Крылова въ настоящемъ сезонѣ Новочеркасскій лѣтній театръ перешелъ къ г. Депюи. Съ самаго же начала своей дѣятельности г. Депюи сдѣлалъ ошибку, сдавъ театръ драматическому Товариществу г. Ягеллова. Мы называемъ это ошибкой потому, что невозможно было ожидать, чтобы новочеркасская публика стала интересоваться драматическими представленіями какой бы то ни было *лѣтней* труппы непосредственно послѣ блестящаго зимняго сезона драм. Товарищества Н. Н. Синельникова. Кромѣ этого а ргіог'наго заключенія справедливость требуетъ замѣтить, что труппа г. Ягеллова оказалась слабой по своему составу: за исключеніемъ самого режиссера-распорядителя, еще раньше извѣстнаго нашей публикѣ за весьма талантливаго и опытнаго артиста, — въ ней оказались одни полезности. Естественно, что дѣла этой труппы пошли плохо и даже гастроли г. Чарскаго съ его классическимъ репертуаромъ поправили ихъ незначительно, — чему, впрочемъ, помимо плохого ансамбля, способствовала и дождливая погода, стоявшая у насъ до послѣднихъ чиселъ іюня.

Зато въ зимнемъ театрѣ въ то же время три спектакля балетной труппы съ г-жей Гейтенъ во главѣ дали прекрасные сборы.

По отъѣздѣ труппы г. Ягеллова нашъ лѣтній театръ около 3 недѣль пустовалъ совсѣмъ, если не считать разныхъ «большихъ гуляній“ съ фейерверками и одного спектакля, устроеннаго 29 іюня бывшими и настоящими учениками Московскаго филармоническаго училища, при участіи любителей, поставившихъ „Лѣсъ“ Островскаго.

Затѣмъ, 10 іюля, къ намъ явилась малорусская труппа г. Саксаганскаго, поставившая въ 6 спектакляхъ сряду слѣд. пьесы: 1) „Круты та да не перекручуй“, 2) Лымеривна, 3) „Суженаго конемъ не объѣдешь“ и „Запорожецъ за Дунаемъ“, 4) Цыганка Аза“, 5) Палывода XIX стол., и 6) „Сорочинскій ярмарокъ“. Наиболѣе удачнымъ въ артистическомъ отношеніи вышелъ 3-й спектакль. Пьеса„ Суженаго конемъ не объѣдешь“ оказалась хорошо знакомой всѣмъ театраламъ: это просто почти дословный переводъ извѣстной пьесы Эркм. Шатріана „Другъ Фрицъ“. Г. Карый замѣнилъ только нѣмцевъ малороссами и выпустилъ нѣкоторыя философскія разсужденія раввина, оставивъ все остальное въ полной неприкосновенности. Пьеса смотрѣлась съ живымъ интересомъ тѣмъ болѣе, что и разыграна она была съ полнымъ ансамблемъ. „Цыганка Аза“, поставленная у насъ впервые, не произвела на публику того впечатлѣнія, какое она производитъ, судя по театральнымъ рецензіямъ, при исполненіи заглавной роли г-жей Заньковецкой.

Взявъ прекрасные сборы, труппа г. Саксаганскаго уѣхала отъ насъ 15 іюля, и театръ нашъ вновь пустуетъ.

Въ настоящее время въ Новочеркаскѣ, въ самомъ центрѣ города, заканчивается постройкой зданіе для безплатныхъ воскресныхъ народныхъ чтеній, народн. библіотеки и читальни, воздвигаемое на частныя пожертвованія комиссіей по устройству народныхъ чтеній подъ предсѣдательствомъ Е. И. Криндича. (Е. И. Криндичъ, Е. Г. Боковъ и А. П. Леоновъ—строительная комиссія, М. К. Калмыковъ — казначей, А. И. Золотаревъ, Я. П. Ратмировъ и А. И. Ляборинскій—ревизіонная комиссія). Въ зданіи имѣется обширный залъ, заключающій въ себѣ до 600 нумерованныхъ мѣстъ для зрителей; непосредственно къ залу примыкаетъ устроенная на возвышеніи за аркой большая эстрада, которая легко можетъ быть превращаема въ сцену. Зданіе окончательно будетъ отдѣлано въ сентябрѣ текущаго года, и тогда же начнутся въ немъ воскресныя чтенія съ туманными картинами. Желая пользоваться такимъ прекраснымъ помѣщеніемъ и для народнаго театра, и вмѣстѣ съ тѣмъ добывать средства для содержанія своего зданія, комиссія по устройству чтеній избрала изъ своей среды нѣсколько лицъ (Ѳ. Г. Кашменскій, И. Н. Ефремовъ, Я. П. Ратмировъ и И Т. Семеновъ), которымъ и поручила выработать правила сдачи въ наемъ своего зала для концертовъ и спектаклей. Эти лица, какъ мы слышали, предполагаютъ вновь образовать въ Новочеркаскѣ музыкально-драматическое общество, распавшееся лѣтъ 5 тому назадъ главнымъ образомъ по неимѣнію подходящаго помѣщенія, и время отъ времени устраивать платные для публики спектакли и концерты.

Что выйдетъ изъ этого благого намѣренія, сказать заранѣе, конечно, трудно; но во всякомъ случаѣ нельзя не согласиться, что дѣло это при единодушіи устроителей можетъ дать прекрасные во всѣхъ отношеніяхъ результаты. Новочеркасское общество очень нуждается въ подобномъ разумномъ и полезномъ развлеченіи какъ отъ трудовъ, такъ и отъ бездѣлья.

Рязань. (*Отъ нашего корреспондента*). Рязань никогда особенно не славилась, какъ „театральный“ городъ, т. е. такой, въ которомъ публики, интересующейся театромъ и посѣщающей спектакли, вполнѣ достаточно для того, чтобы театральное дѣло не давало постояннаго убытка. Доказательствомъ большаго или меньшаго равнодушія рязанской публики къ театру можетъ служить уже и то обстоятельство, что на подмосткахъ мѣстнаго городскаго театра около десяти лѣтъ не давались спектакли и самое зданіе театра, очень удовлетворительное для провинціи, было превращено въ складъ съѣстныхъ припасовъ для войскъ. Среди предпринимателей въ теченіи десяти лѣтъ не нашлось ни одного, который бы рискнулъ на извѣстную затрату для реставрированія театра и возобновленія въ немъ спектаклей, а среди рязанской публики интересъ къ театру не былъ настолько силенъ, чтобы за возобновленіе театра взялось само мѣстное общество. Сравнительная близость Москвы, съ театрами которой знакомо большинство рязанской состоятельной публики, способствовала отчасти притупленію въ рязанцахъ интереса къ своему мѣстному театру. Тѣмъ не менѣе, когда въ прошломъ зимнемъ сезонѣ рязанскій городской театръ, заново отдѣланный, былъ открытъ, публика проявила такое сочувствіе къ сценическому искусству, на которое трудно было разсчитывать при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Товарищество драматическихъ артистовъ, начавшее спектакли по открытіи театра въ половинѣ зимняго сезона, заработало значительно больше рубля на паевой рубль, что за прошлый сезонъ было рѣдкимъ явленіемъ и для сценъ большихъ, дѣйствительно „театральныхъ“, городовъ. Десятилѣтнимъ отсутствіемъ постоянныхъ спектаклей главнымъ образомъ объясняется матеріальный успѣхъ прошлаго сезона въ Рязани. Подъ вліяніемъ отчасти этого успѣха возникъ въ Рязани и новый театръ, лѣтній, принадлежащій артисту И. Е. Самарину, распорядителю Товарищества, игравшаго въ Рязани въ теченіи зимняго сезона. Новый театръ построенъ въ саду клуба велосипедистовъ, на Мальтинской улицѣ, и представляетъ собою легкое лѣтнее зданіе, устроенное, однако, съ удоб-

ствами зимнихъ театровъ. Въ зрительномъ залѣ, кромѣ партера, рядъ ложъ, балконъ и галлерея. Сцены и уборныя вполнѣ помѣстительны. Театръ даетъ до 400 руб. сбора. Открытіе лѣтняго театра явилось для Рязани совершенной новинкой и до сихъ поръ есть всѣ основанія думать, что сезонъ рязанскаго лѣтняго театра закончится благополучно. До первой половины іюля Товарищество получило приблизительно половину паевого рубля, что для лѣтняго сезона, въ такомъ городѣ, какъ Рязань, представляетъ maximum возможнаго матеріальнаго успѣха. Въ составъ Товарищества, сформированнаго г. Самаринымъ вошли слѣдующія лица: г-жи Полякова, артистка Императорскаго Московскаго театра, Нипина-Петипа и Харитонова, артистка Императорскаго Московскаго театра, Любомирская Лялина, Медвѣдева и др., гг. Самаринъ, Кегель-Королевъ, Стенинъ, Житовъ, Грубинъ, Старковъ, Шуваловъ, Лунинъ и др. Для открытія сезона, 22 мая, поставлена была комедія „Игра въ любовь“. Въ слѣдующіе спектакли, которые ставятся по три раза въ недѣлю, были поставлены: „Лѣсъ“, „Со ступеньки на ступеньку“, „Дочь вѣка“, „За монастырской стѣной“ „Перчатка“, „Татьяна Рѣпина“, „Ни минуты покоя“, „Мертвый сильнѣе живого“, „На жизненномъ пиру“ и др.

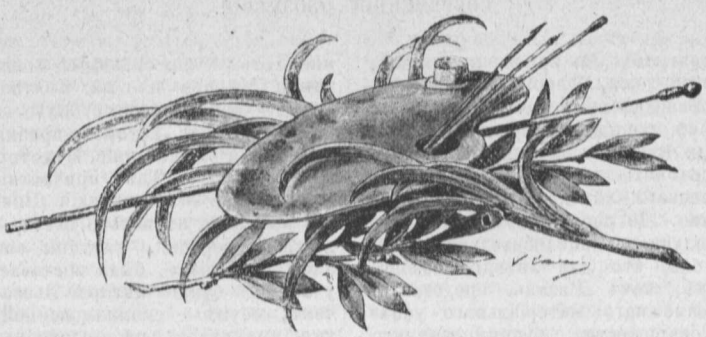
Относительно зимняго сезона можно сказать, что до сентября мѣсяца зимній театръ остается за г. Хржановскимъ, а въ чьи руки перейдетъ потомъ, неизвѣстно.

Томскъ (*отъ нашего корреспондента*). Съ 28 іюня въ Томскѣ на открытой сценѣ, въ саду одного частнаго владѣльца, арендуемымъ артистомъ С. В. Брагинымъ, даетъ представленія малороссійская труппа Мирова-Бедюха. Труппа эта состоитъ изъ 20 персонажей и, хотя въ ней нѣтъ особенно выдающихся силъ, тѣмъ не менѣе, большая часть состава принадлежитъ къ опытнымъ, хорошимъ артистамъ. Нѣкоторые изъ нихъ, кромѣ того, обладаютъ недурными голосами. Какъ на болѣе выдающихся, слѣдуетъ указать: на г-жъ Мирову, Коваленко и Виламову и гг. Ванченко, Мирославскаго, Левченко и Мирова. Спектакли ставятся ежедневно, а по субботамъ даются музыкально-литературные вечера. Публика охотно посѣщаетъ спектакли и малороссы, вообще, пользуются у насъ успѣхомъ. Къ сожалѣнію, хорошимъ сборамъ много мѣшаетъ ненастная дождливая погода. Многіе изъ Томичей разъѣхались по дачамъ — въ мѣстности, отстоящія отъ города на 6—10 верстъ, - и въ ненастье, разумѣется, тащиться съ дачи въ городъ, чтобъ только видѣть малороссовъ, не всякій рѣшится, и въ дождливые дни садъ г. Брагина поэтому иногда пустѣетъ. Пока малороссы дали 15 спектаклей, считая съ музыкальными вечерами, и исполненіе, за малыми исключеніями, было вполнѣ удовлетворительное. Пьесы исполнялись съ большимъ ансамблемъ, при безукоризненномъ знаніи ролей. Какъ на солистовъ, мы укажемъ на г. Левченко, у котораго хотя и не сильный, но въ высшей степени пріятнаго тембра баритонъ. У г. Ванченко—хорошій басъ, хотя нѣсколько рѣзкій. Симпатичными, хоть и не сильными голосами, обладаютъ также Мировъ и г-жи Квитко и Виламова. На драматическихъ роляхъ болѣе выдается г-жа Мирова, въ игрѣ которой пробиваются и сильныя чувства, и одушевленіе. Нѣкоторые изъ артистовъ и сами авторы. Такъ причастны литературѣ гг. Ванченко и Мирославскій (Винниковъ). Послѣдній написалъ нѣсколько пьесъ. Одна изъ нихъ— „Козаче сердце“, картины казацкой жизни въ 3-хъ дѣйствіяхъ, была поставлена 7-го іюля, съ участіемъ самаго автора. Пьеса оказалась, впрочемъ, неумѣло скомпанованной, и черезъ-чуръ ужъ смахиваетъ на мелодраму—съ бьющими на дурной эффектъ, раздирательными и ходульными, сценами. Въ пьесѣ фигурируютъ гайдамаки и изображается рядъ убійствъ. Но пьеса, все-таки, смотрѣлась охотно, благодаря введеннымъ въ нее хоровому пѣнію и пляскамъ, которыя исполняются труппой, вообще, превосходно — съ удалью и одушевленіемъ. Пѣніемъ и народной пляской, какъ извѣстно, изобилуютъ большинство малороссійскихъ пьесъ, а это-то и привлекаетъ смотрѣть ихъ, искупая часто бѣдность ихъ содержанія и однообразіе его. Болѣе удовлетворительно была исполнена „Наталка Полтавка“, Котляревскаго, и привлекла значительное число публики. Очень хорошъ былъ г. Мирославскій — въ роли Вознова и типичны гг. Ванченко — Макогоненко и Мировъ – Микола. Иногда малороссы ставятъ и русскіе водевили. Такъ, живо и бойко былъ разыгранъ ими фарсъ Мансфельда „Съ мѣста въ карьеръ“. Малороссійская труппа пробудетъ у насъ до 18 августа и, затѣмъ, намѣрена предпринять путешествіе въ Восточную Сибирь— Красноярскъ, Иркутскъ и попутные города. Зимній сезонъ откроется у насъ не ранѣе 1 сентября. Что еще будетъ — драма или оперетка – положительно неизвѣстно; но антрепренеръ театра г. Брагинъ предполагаетъ сформировать смѣшанную труппу—драматическую и опереточную.

Тула. (*Отъ нашего корреспондента*). Нашъ лѣтній сезонъ начался 6-го мая. Для открытія поставлено было „Арсеній Гуровъ“ и „Простушка и Воспитанная“. Составъ труппы слѣдующій: г-жи Вольская, Медвѣдева, Потѣхина, Мещерская, Тернова, Виницкая, Курганова, Глушковская, Турская, и друг. Гг. Потѣхинъ, Ге, Правдинъ, Залѣсовъ, Спасскій, Марковскій, Петровъ, Владиміровъ, Бѣловъ, Романовскій и друг.

Въ первые спектакли поставлены были слѣдующія пьесы: „Гамлетъ“, „Дочь русскаго актера“, „Арказановы“, „Вольная волюшка“, „Русскія пѣсни въ лицахъ“, „Ни минуты покоя“, „Гамлетъ Сидоровичъ и Офелія Кузьминишна“, „Христофоръ Колумбъ“, „Рабочая слободка“, „Новоселье“, „Клубъ холостяковъ“, „Отелло Сидоровичъ и Дездемона Кузьминишна“, „Дочь 2-го полка“, „Медвѣдь“, „Разбойники“, „На порогѣ великихъ событій“, „Послѣ думскаго засѣданія“, „Золотая рыбка“, „Она помѣшала“, „Мамаево нашествіе“, „Скандалъ въ благородномъ семействѣ“, „Лѣсъ“, „Бракоразводный процессъ“, „На рельсахъ“, „Двѣ сиротки“ и 30 іюня „Дитя природы“.

Публика посѣщаетъ театръ вяло и неохотно.



Художественное обозрѣніе.

Лѣтнія выставки въ **Мюнхенѣ** являются въ настоящее время самымъ выдающимся событіемъ художественной жизни Западной Европы.

Выставка стараго Союза художниковъ открылась въ Стеклянномъ Дворцѣ 1 іюня н. с.; молодое общество Сецессіонистовъ на одинъ день опередило враждебный лагерь.

Ко времени открытія обѣихъ выставокъ, одинъ важный вопросъ волновалъ кружокъ Сецессіонистовъ: какъ отнесется правительство къ нынѣшней выставкѣ? Опять ли, какъ было въ прошломъ году, министръ исповѣданій станетъ игнорировать Сецессіонную выставку, и не сдѣлаетъ на ней обычныхъ пріобрѣтеній въ казну? Министръ принадлежитъ къ сторонникамъ Стараго Союза и относился до сихъ поръ къ молодому кружку съ явнымъ недоброжелательствомъ. Сецессіонисты обратились къ нему съ оффиціальнымъ запросомъ, на какомъ основаніи правительство не покупаетъ картинъ общества, но отвѣтъ получился неопредѣленный. Теперь дѣла приняли другой, болѣе благопріятный оборотъ, вѣроятно, подъ давленіемъ принца-регента Баваріи, Луитпольда, который принялъ гонимыхъ художниковъ подъ свое покровительство. Въ коммиссіи, назначенной для покупки картинъ отъ правительства, участвуютъ представители стараго Союза и члены новаго общества; изъ послѣднихъ назначены Францъ Штукъ и Мюллеръ.

На нынѣшней лѣтней выставкѣ Сецессіонистовъ принцъ пріобрѣлъ для себя картину Кенига: *Въ фруктовомъ саду*, а для королевской Пинакотеки куплено громадное полотно Франца Штука: *Война*, и венеціанскій видъ *Ponte San Andrea*, *Chioggia*, предсѣдателя кружка, Людвига Дилля: Такимъ образомъ, общество Сецессіонистовъ, благодаря поддержкѣ регента, добилось оффиціальнаго признанія со стороны враждебнаго лагеря. Можетъ быть, это обстоятельство подѣйствуетъ примирительно на взаимныя отношенія мюнхенскихъ художниковъ, которыя въ послѣднее время дошли до крайней враждебности.

Выставка Сецессіонистовъ и въ этомъ году по интересу, богатству и разнообразію выставленныхъ картинъ превосходитъ выставку Стекляннаго Дворца, и потому мы переходимъ прежде всего къ ея обозрѣнію.

Когда въ прошломъ году въ первый разъ появились Сецессіонисты передъ судомъ публики, они произвели сильное впечатлѣніе главнымъ образомъ въ силу того, что блистали оригинальностью, смѣлостью замысла и безукоризненной техникой. Въ нынѣшнемъ году эта особенность выступаетъ еще ярче. Въ прошломъ году Сецессіонисты выставили 800 произведеній; въ нынѣшнемъ году они ограничились 400-ми. Строгій выборъ ихъ жюри и на этотъ разъ не измѣнился; весенняя выставка уже свидѣтельствовала о томъ, какъ добросовѣстно относятся члены жюри къ своему долгу; на лѣтней выставкѣ мы видимъ то же явленіе. Она, пожалуй, еще интереснѣе прошлогодней, не смотря на сравнительную малочисленность картинъ. Сецессіонисты стремятся придать своимъ выставкамъ строго-художественный характеръ, и это заслуживаетъ особеннаго вниманія въ наши дни, когда выставки все болѣе и болѣе опускаются и падаютъ до значенія торговаго предпріятія, гдѣ картины свидѣтельствуютъ не о художественныхъ стремленіяхъ, идеалахъ и исканіяхъ страны, а просто повѣшены для того, чтобъ нашелся выгодный покупатель. Вотъ этого характера торговаго оборота мы не находимъ у Сецессіонистовъ, и если они въ такой незначительный промежутокъ времени, какъ два года, успѣли пріобрѣсти такое громадное значеніе въ Германіи, то причина этого кроется въ ихъ глубоко-безкорыстномъ, чисто-художественномъ отношеніи къ своей духовной миссіи. Впечатлѣніе, производимое ихъ выставками, прежде всего серьезное, благородное и изящное; они хотятъ давать и даютъ *произведенія искусства*, ревниво оберегая свои выставки отъ тривіальныхъ элементовъ. Такимъ образомъ они достигли уже очень многаго—они стали во главѣ всего художественнаго движенія современной Германіи, придали ему жизнь, блескъ и оригинальность, и, можетъ быть, въ недалекомъ будущемъ они будутъ названы творцами художественнаго возрожденія Германіи.

Участіе иностранныхъ художниковъ на выставкѣ Сецессіонистовъ въ нынѣшнемъ году оказалось гораздо слабѣе, нежели въ прошломъ. Первое мѣсто принадлежитъ шотландцамъ, у которыхъ столь многому научились мюнхенскіе художники; они представлены цѣлой фалангой знаменитыхъ именъ, Геркомеръ, Уайтлэндъ, Гамильтонъ, Левери, Пэтерсонъ, Маколей, Стивенсонъ—занимаютъ цѣлую залу. Въ другой залѣ картины бельгійской и голландской школы (братья Марисъ, Израэльсъ, Куртенсъ и др.), третья отведена скандинавскимъ художникамъ, тоже не мало повліявшимъ на Сецессіонистовъ, особенно относительно композиціи и техническихъ пріемовъ (изъ нихъ слѣдуетъ отмѣтить: Лильефорса, Анкаркрону, Ларсона, Бьерка и др.). Бельгійцы при-

влекаютъ общее вниманіе исключительно мистическимъ характеромъ своихъ картинъ, достигающимъ высшаго своего выраженія въ произведеніяхъ Леона Фредерика и Кнопфа.

Затѣмъ слѣдуютъ нѣмецкіе художники. Кромѣ мюнхенцевъ, мы встрѣчаемъ представителей Карлсруэ, Штутгарта, Веймара и Берлина. Но главное первенствующее мѣсто среди нихъ занимаютъ сами мюнхенцы, въ числѣ 78 — почти половина всѣхъ экспонентовъ.

Одной изъ лучшихъ картинъ является большое полотно *Франца Штука — Война*. Оно напоминаетъ апокалипсическихъ всадниковъ Дюрера и Корнеліуса. По бранному полю, покрытому окровавленными трупами, ѣдетъ всадникъ съ мечемъ правосудія въ рукѣ; вдали виднѣется зарево разореннаго города. Война совершаетъ свое тріумфальное шествіе. Картина производитъ глубокое, неотразимое впечатлѣніе. *Уде*, другой замѣчательный членъ Общества, выставилъ картину — *Явленіе Христа Магдалинѣ*, причемъ по своему обыкновенію перенесъ событіе въ современную среду. Картина блещетъ необыкновенной красотой колорита, но не прибавляетъ ничего къ славѣ художника; она напоминаетъ прежнія его произведенія. *Арнольдъ Беклинъ* выставилъ на этотъ разъ особенно много. Прежде всего онъ далъ *Распятіе*, написанное еще въ 1873 году, но тогда не нашедшее сочувствія среди художниковъ. Теперь взгляды на значеніе различныхъ мотивовъ творчества измѣнились, и картина Беклина встрѣчена съ тѣмъ вниманіемъ, котораго она заслуживаетъ. Отличительной ея особенностью является яркость и богатство колорита, которымъ отличаются вообще всѣ произведенія этого художника. Кромѣ *Распятія* онъ выставилъ еще *Діану*, преслѣдуемую сатирами (пріобрѣтена для галлереи Беренса въ Гамбургѣ), и собственный портретъ, сдѣланный въ 1873 году. Хороша картина *Анетсбергера*, *Св. Губертъ*, написанная въ стилѣ старинныхъ германскихъ художниковъ, Буркмайра или Гольбейна. *А. Келлеръ* далъ чудесный этюдъ луннаго свѣта: *Мученица*, умирающая на крестѣ и озаренная луной. Того же художника большое *Распятіе* и *Лѣсная нимфа* принадлежатъ къ лучшимъ картинамъ выставки. Такимъ же прекраснымъ колористомъ является *Л. Гертерихъ*, въ своей картинѣ: *Дѣвушка за клавесиномъ*. Здѣсь мы находимъ удивительную нѣжность тоновъ и тонко-выраженное мечтательное и наивное настроеніе. Библейскаго исторія о прародителяхъ вдохновила двухъ художниковъ, но какъ различно! Каждый изъ нихъ остался самобытнымъ и вѣрнымъ себѣ. *Экстеръ* изобразилъ Еву въ видѣ призрачнаго, фантастическаго существа, рождающагося изъ ребра Адама; вторая картина изображаетъ ее въ моментъ искушенія подъ древомъ познанія добра и зла; въ третьей мы видимъ Адама и Еву изгнанными изъ рая. Всѣ три картины производятъ впечатлѣніе чего то туманнаго, фантастическаго. Совсѣмъ иначе отнесся къ своему сюжету *Людвигъ Гофманъ*. Его картина — глубокій психологическій этюдъ, представляющій душевное состояніе первыхъ людей послѣ грѣхопаденія. Другой сюжетъ, излюбленный старыми мастерами и вновь сдѣлавшійся популярнымъ среди современныхъ художниковъ, — *святая Цецилія за органомъ*, нашелъ себѣ выраженіе въ картинахъ *Тома* и *Вольца*. Послѣдній представилъ св. Цецилію, сидящей за органомъ подъ сводами открытой колоннады; странное впечатлѣніе производитъ свѣтло-зеленое небо съ фіолетовыми облаками, видимое за колоннами; оно придаетъ всей картинѣ оттѣнокъ чудесности. Изъ картинъ, посвященныхъ изображенію человѣческаго труда, интересны произведенія *Калкрейта*, *Кенига*, *Гельцеля*, *Шмеделя и Шмидта*, давшихъ прекрасныя изображенія жизни нѣмецкой деревни; всѣ они отличаются глубокой правдивостью въ трактованіи сюжета и нигдѣ не впадаютъ въ анекдотическій или сантиментальный жанръ. Прекрасенъ также евангельскій сѣятель на картинѣ *Тома*.

Отдѣлъ пейзажной живописи заслуживаетъ не меньшаго вниманія. Венеціанскій видъ *Дилля* говоритъ о силѣ таланта своего автора; нѣсколько видовъ Мюнхена и баварской деревни могутъ быть названы лучшими изъ пейзажнаго отдѣла. Художники Карлсруэ и Штутгарта также выставили прекрасные пейзажи. Слабѣе другихъ отдѣлъ портретной живописи, какъ это было и въ прошедшемъ году. Лучшіе портреты принадлежатъ кисти *Замберигера*, *Циммермана* и *Кунцендорфа*. Въ этой области пальма первенства принадлежитъ иностраннымъ экспонентамъ, главнымъ образомъ англичанамъ и шотландцамъ; послѣдніе выставили цѣлый рядъ прекрасныхъ портретовъ, отличающихся тѣмъ особеннымъ оттѣнкомъ благородства и изящества, который такъ свойственъ шотландской школѣ. Наоборотъ, портреты бельгійскихъ натуралистовъ блещутъ здоровымъ но иногда и грубоватымъ реализмомъ; бельгійскіе художники, если они не символисты, стремятся изображать людей такими, какими они ихъ видѣли въ будничной обстановкѣ.

Слѣдуетъ отмѣтить появленіе цѣлаго ряда замѣчательныхъ картинъ изъ жизни животныхъ; среди нихъ интересны картины молодого художника *Гейдена*, *Вейсаупта* и *Дюгеля*.

Въ первыя недѣли по открытіи выставки она пополнялась запоздалыми экспонатами; до сихъ поръ она, такъ сказать, не установилась. Все еще пустуетъ зала, предназначенная для французской школы. Французскіе художники пришлютъ свои картины тогда, когда закроются парижскіе Салоны. Однако, несмотря на ихъ отсутствіе, духъ французскаго искусства чувствуется во многихъ произведеніяхъ мюнхенскихъ художниковъ и съ особенной силой проявляется въ отдѣлѣ бельгійской школы. И мюнхенцы, и бельгійцы во многомъ обязаны Франціи. Она научила ихъ колориту, блеску *plein-air'a*, а въ области изображенія тѣла и до сихъ поръ остается неподражаемой; французскимъ же художникамъ обязана молодая Германія и высокимъ подъемомъ художественной мысли, который проявляется въ содержаніи картинъ. Молодые нѣмецкіе художники стали строже и серьезнѣе въ выборѣ сюжета; они избѣгаютъ все банальное, поверхностное — еще недавно царившее во всей нѣмецкой живописи — и обратились къ настоящему художественному творчеству. Содержаніе большинства картинъ стало глубокимъ, то поэтическимъ, то философскимъ; оно свидѣтельствуетъ о томъ, что сами художники достигли высокой степени развитія и не желаютъ больше отставать отъ духовной жизни своего вѣка, — о чемъ такъ сѣтуетъ Пьеръ Сандозъ, извѣстный французскій критикъ, укоряя молодыхъ французскихъ художниковъ въ недостаткѣ духовнаго развитія.

Общество съ большой симпатіей относится къ дѣятельности кружка Сецессіонистовъ. Въ первые же дни по открытіи выставки было продано много картинъ. Кромѣ уже упомянутыхъ правительственныхъ пріобрѣтеній были куплены частными лицами картины: *Бекера — Вилла на берегу моря*; *Бёклина — Тритонъ*; *Кутча — Островъ на Тибрѣ*; *Степсъ — Воспоминанія странника*; акварель *Уальтона — Лондонскіе туманы*; портретъ (пастель) *Фр. Штука*; рисунки *Кнопфа* и *Огенса*, гравюры *Эллена* и *Убелоде*.

Вотъ краткій обзоръ выставки Сецессіонистовъ.

Среди множества безусловно хорошихъ картинъ мы видимъ большое число такихъ, которыя въ самомъ дѣлѣ достойны глубокаго удивленія и сочувствія. Строгій характеръ выставки можетъ быть не придется по вкусу толпѣ; она найдетъ больше для себя доступнаго въ Стекляномъ дворцѣ; но мюнхенскіе сецессіонисты не смущаются этимъ. Можетъ быть въ недалекомъ будущемъ имъ придется сдѣлать нѣкоторыя уступки духу времени и матеріальнымъ соображеніямъ; пока они удовлетворяются однимъ идейнымъ, отвлеченнымъ успѣхомъ. Прекраснымъ дополненіемъ къ большимъ парадным выставкамъ служатъ еженедѣльныя выставки въ прелестно устроенномъ домѣ Общества, гдѣ по субботамъ можно видѣть картины, этюды, эскизы и рисунки членовъ; тамъ все просто, по домашнему, тамъ можно заглянуть въ интимную жизнь кружка, въ его жизнерадостную, бодрую дѣятельность.

Выставка общества мюнхенскихъ художниковъ въ Стекляномъ дворцѣ по количеству выставленныхъ картинъ превосходитъ выставку Сецессіонистовъ; но интересъ, представляемый ею, не можетъ быть сравненъ съ значительностью Сецессіонной выставки. Въ Стекляномъ дворцѣ громадную роль играетъ отдѣльная зала, гдѣ находятся картины знаменитаго Ленбаха; безъ нея выставка не имѣла бы такого выдающагося значенія. Обозрѣніе ея мы оставимъ до слѣдующаго раза; теперь обратимся къ другимъ явленіямъ въ художественной жизни Германіи.

Изъ книгъ, появившихся здѣсь за послѣднее время, представляетъ общій интересъ книга Кенигсбергскаго профессора Конрада Ланге—*О художественномъ воспитаніи юношества*. Почтенный авторъ касается вопроса, который уже давно требуетъ рѣшенія, а именно вопроса о томъ, какъ необходимъ художественный элементъ при воспитаніи юношества. Въ наше время это уже не можетъ быть названо роскошью; искусство занимаетъ слишкомъ видное мѣсто въ общественной жизни, чтобы школа могла совершенно игнорировать его. Кромѣ высокаго воспитательнаго значенія искусства, надо принять еще во вниманіе постоянно возрастающую въ обществѣ потребность имѣть хорошихъ ремесленниковъ, чтобы поднять художественную промышленность страны, развитіе которой идетъ съ небывалою доселѣ быстротой. Но и помимо такихъ чисто практическихъ цѣлей, художественный элементъ въ воспитаніи важенъ еще потому, что онъ способствуетъ гармоническому развитію личности. Какое же средство и какія пути къ художественному воспитанію? спрашиваетъ почтенный авторъ книги. Уроки рисованія въ томъ видѣ, въ какомъ они являются въ гимназіяхъ, не удовлетворяютъ серьезнымъ требованіямъ. Орнаментальный и геометрическій курсъ рисованія не можетъ возбудить въ ученикѣ ничего другого, кромѣ отвращенія; извѣстно, что уроки рисованія считаются самыми скучными и пустыми. Почему? Потому что въ этомъ рисованіи совершенно отсутствуетъ художественный элементъ. Дитя сидитъ надъ скучною и безжизненною геометрическою фигурой и не понимаетъ ея значенія; не удивительно, что ученики стараются развлекаться посторонними предметами. Только крупный талантъ можетъ перенести эту сухую подготовку. Удивительно, замѣчаетъ Ланге, что до сихъ поръ не проникли въ школу копіи съ рисунковъ знаменитыхъ художниковъ, наприм., изданныя Брокманомъ въ Мюнхенѣ копіи съ этюдовъ Каульбаха, Габріеля Макса, Ленбаха и другихъ современныхъ живописцевъ. Надо вспомнить слова Леонардо да Винчи: *художникъ пріучаетъ свою руку, копируя рисунки хорошихъ мастеровъ.* Ланге особенно возстаетъ противъ ученыхъ разглагольствованій объ искусствѣ, имѣющихъ въ Германіи широкое распространеніе. Исторіи искусства нечего дѣлать въ гимназіи, точно также какъ философіи, логикѣ и психологіи. Нѣтъ надобности читать въ старшихъ классахъ *Лаокоона* Лессинга. Только взглядъ на границы живописи и поэзіи можетъ быть признанъ правильнымъ въ настоящее время, всѣ другія теоріи Лессинга устарѣли и часто отибочны, и потому могутъ только дать ученикамъ ложныя понятія объ искусствѣ. Ланге особенно возстаетъ противъ черченія. Оно годится только для архитекторовъ и для лицъ, желающихъ посвятить себя художественной промышленности. Для воспитательныхъ цѣлей гораздо важнѣе дать ребенку художественное наслажденіе, ту иллюзію, которая одна способна заинтересовать его. Мальчикъ 15 лѣтъ рисуетъ съ отвращеніемъ орнаменты и любитъ неумѣлою рукой срисовывать то, что видитъ передъ собою. Ланге совѣтуетъ ввести въ гимназію рисованіе съ фигуръ, но не классическихъ, а вполнѣ реальныхъ; антики надо оставить для высшей школы, гдѣ они будутъ освѣщены критическимъ пониманіемъ. Обученіе искусству должно заканчиваться въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Главная мысль книги та, что преподаваніе рисованія требуетъ совершенно новой постановки. Ученики должны изучать тотъ міръ художественныхъ стремленій и созданій, который насъ окружаетъ. *они должны выучиться понимать своихъ современниковъ.* Книга Ланге представляетъ значительный интересъ для всякаго, кому близко дѣло художественнаго воспитанія юношества.

Въ Штутгартѣ, у издателя Гофмана, появилось въ продажѣ прекрасное собраніе орнаментовъ изъ жизни животныхъ Г. Штурма (*Tierleben in Ornament*, entworfen von G. Sturm); цѣна каждому выпуску 6 марокъ. Это изданіе, отличающееся замѣчательною роскошью, представляетъ попытку разработать новые мотивы въ орнаментѣ. Розетки, пальметки и мэандры греческой орнаментики и готическіе гербы съ грифами и другими необычайными созданіями фантазіи уже успѣли достаточно надоѣсть; ощущается потребность въ новыхъ мотивахъ, богатымъ источникомъ которыхъ представляется природа. Штурмъ съ рѣдкимъ мастерствомъ употребляетъ самыхъ обыкновенныхъ животныхъ, какъ орнаментныя украшенія; подъ его увѣреннымъ и смѣлымъ перомъ они выростаютъ какъ живые со всѣми особенностями, свойственными каждому изъ нихъ. Къ таланту художника присоединяется тонкая наблюдательность натуралиста, и потому серія его рисунковъ является выдающимся фактомъ въ области орнамента.

* * *

Послѣднее время во **Франціи** вмѣстѣ съ возрожденіемъ стиля *рококо* и *барокко* замѣчается большой интересъ не только къ блестящей наполеоновской легендѣ, но и къ предшествовавшему революціи королевскому режиму. Предметомъ изученія является особенно прекрасная королева Франціи, жизнь которой была такъ блестяща въ началѣ и такъ трагично закончилась на эшафотѣ. Марія-Антуанета дѣлается мало-по-малу трогательною героиней въ глазахъ современныхъ французовъ, успѣвшихъ за цѣлое столѣтіе позабыть объ ужасахъ и гнетѣ тогдашняго режима. Теперь въ жизни королевы стараются подмѣтить черты страданія и достоинства, почти героизма. Подъ вліяніемъ такого настроенія въ обществѣ, весною этого года, была затѣяна интересная выставка предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ Маріи-Ан-

туанетѣ; выставка эта имѣла громадный успѣхъ и явилась какъ бы воплощеніемъ вкусовъ и взглядовъ одной части французскаго общества. Она состоялась въ галлереяхъ Зедельмайера и продолжалась больше мѣсяца. Конечно, лучше было бы видѣть ее въ залахъ Тріанона, гдѣ все говоритъ объ этой далекой эпохѣ,—въ аппартаментахъ королевы, въ которыхъ такъ легко представить себѣ ее, принцевъ и блестящую свиту. Владѣлецъ галлереи постарался, насколько было возможно, воскресить обстановку того времени. Мебель, бронзы, вазы, статуэтки, фарфоръ—все подобрано подъ стиль Людовика XVI. Первый отдѣлъ выставки составленъ изъ предметовъ, которые принадлежали королевѣ до 1789 года. Цѣлая коллекція медальоновъ, съ миніатюрами короля, королевы, маленькаго дофина и другихъ лицъ королевской фамиліи, работы Соважа, Реньо, Кампана, Дюмона и др. привлекаетъ вниманіе зрителей. Тутъ же выставленъ молитвенникъ королевы, наивныя письма молодой дофины къ матери, двѣ книги со счетами модистки, веретено, выточенное Людовикомъ XVI, ножъ, которымъ онъ подрѣзалъ деревья въ Версальскомъ паркѣ и мн. др. Затѣмъ слѣдуютъ предметы, имѣющіе отношеніе къ послѣднимъ годамъ королевы: игрушки, забавлявшія дофина въ тюрьмѣ Тампля, черный шелковый чулокъ королевы, найденный на кладбищѣ недалеко отъ ея могилы, кольца, въ которыя заключены волосы короля и королевы, наконецъ, платье узниковъ въ послѣдніе дни передъ казнью. На ряду съ множествомъ подобныхъ предметовъ, напоминающихъ эту эпоху, встрѣчается цѣлый рядъ портретовъ Маріи Антуанеты работы знаменитыхъ художниковъ того времени. Императоромъ австрійскимъ присланъ на выставку портретъ Маріи Антуанеты въ дѣтствѣ, изображающій ее передъ клавесиномъ. Затѣмъ слѣдуетъ портретъ работы Дюплесси, гдѣ она изображена уже женою французскаго дофина. Дальше мы видимъ ее окруженной семьею, и наконецъ цѣлый рядъ портретовъ, относящихся къ періоду Тріанона, на которыхъ она является то въ королевскомъ, то въ простомъ батистовомъ платьѣ (какъ на портретѣ работы г-жи Виже-Лебренъ). Къ 1790 году относится неоконченная пастель Кошарскаго, гдѣ королева гораздо серьезнѣе и кажетъ почти старухой. Интересны также эскизы Кошарскаго, представляющіе королеву въ Тамплѣ. Ужасное впечатлѣніе производитъ набросокъ Давида, гдѣ онъ изобразилъ королеву на пути къ эшафоту.—Выставка богата вообще произведеніями данной эпохи, даже не имѣющими прямого отношенія къ Маріи Антуанеттѣ. Такъ, достойны вниманія портреты Фрагонара (особенно Дидро), маленькія картины Грёза, гуаши Бодуэна, мраморные бюсты Софи Арну и Каліостро работы Гудона, бюстъ г-жи Дюбарри работы Пажу и мн. друг. художественныхъ предметовъ.

Вопросъ о полихроміи, т. е. о раскрашиваніи скульптурныхъ произведеній и о составленіи ихъ изъ различныхъ матеріаловъ, возбуждаетъ въ настоящее время во Франціи оживленныя пренія. Какъ извѣстно, на послѣдней выставкѣ Салона Марсова поля пріобрѣтена правительствомъ группа художника Дампта: *Фея Мелюзина и рыцарь Раймондэнъ*; эта группа, заслужившая общее одобреніе, составлена изъ золота, слоновой кости и стали. Можетъ ли скульпторъ пользоваться различными матеріалами для своихъ произведеній, и, если онъ избираетъ мраморъ, можетъ ли онъ его раскрашивать? Вотъ вопросъ, который возбуждаетъ самые оживленные толки. Ученые своими трудами доказали, что древніе греки раскрашивали свои мраморныя статуи и любили составлять ихъ изъ различныхъ матеріаловъ (знаменитая Паллада Фидія). Попытки создать что-нибудь въ этомъ родѣ были произведены за послѣднее время въ Вѣнѣ (Тоберенцъ) и въ Парижѣ (Жеромъ). Тоберенцъ раскрашивалъ свои статуэтки изъ терракотты, подражая тѣмъ статуямъ, которыя были извлечены изъ земли при раскопкахъ въ Танагрѣ и которыя, какъ извѣстно, отличаются нѣжными тонами красокъ. Подобное же подражаніе танагрійскимъ статуэткамъ представляютъ работы Жерома. Французскій художникъ подражаетъ древнимъ грекамъ даже въ угловатости линій; такъ, его *дѣвушка* вполнѣ выдержана въ архаическомъ стилѣ; она теперь находится въ Луксембургскомъ Музеѣ. Заслуживаетъ вниманія еще другое произведеніе Жерома, который ради полихроміи забросилъ живопись; это—его статуя *Беллона*, составленная изъ самыхъ различныхъ матеріаловъ. Впечатлѣніе, производимое ею, непріятное, даже отталкивающее. Художникъ дошелъ до того крайняго предѣла, когда созданная отвлеченной работой мысли вещь уже перестаетъ быть художественнымъ произведеніемъ. Лицо Беллоны, выражающее изступленную злобу, сдѣлано изъ желтоватой слоновой кости; ротъ гнѣвно раскрытъ, въ глазныя впадины вставлены стеклянные зрачки. Ноги и руки выточены также изъ слоновой кости. Развѣвающаяся драпировка вылита изъ бронзы, на груди богини вызолоченная броня. Въ рукѣ, грозно поднятой, сверкаетъ настоящій мечъ. Самое отталкивающее въ этомъ дѣтищѣ нездоровой фантазіи художника—это брови надъ стеклянными глазами, сдѣланныя изъ настоящихъ волосъ, и настоящіе волосы, выбивающіеся изъ подъ шлема. Можетъ ли быть названа эта статуя художественнымъ произведеніемъ? Конечно нѣтъ. Впечатлѣніе ужаса, которое она производитъ на зрителя, не заключаетъ въ себѣ ничего художественнаго; стоитъ только вспомнить группу Лаокоона, чтобы увидѣть всю разницу между истинно художественнымъ произведеніемъ и этой дикой Беллоной. Вопросъ о полихроміи рѣшается такимъ образомъ самъ собою; чутье художника должно указывать ему тѣ границы, за которыми исчезаетъ всякая художественная иллюзія.

* * *

Лѣтній сезонъ въ **Лондонѣ** ознаменовался открытіемъ въ залахъ Burlington Club выставки картинъ Феррарской школы. Эта выставка обнимаетъ собою періодъ между XIV и XVI столѣтіями и является добавленіемъ къ апрѣльской выставкѣ картинъ другихъ итальянскихъ школъ возрожденія. Правленіе клуба изящныхъ искусствъ собрало и на этотъ разъ весьма цѣнныя произведенія, хотя критика отмѣчаетъ нѣкоторыя неточности въ обозначеніи авторовъ картинъ. Итальянскіе художники Феррарской школы далеко ушли отъ угловатости и первобытности ранняго возрожденія. Англійская критика съ особенной настойчивостью останавливается на этомъ фактѣ и выражаетъ желаніе, чтобы англійскіе современные художники освѣтились у этого источника отъ крайностей подражанія примитивнымъ итальянцамъ. Къ послѣднимъ еще относится по манерѣ письма *Марко Цоппо*, въ картинахъ котораго чувствуется византійское вліяніе. Одна изъ выставленныхъ картинъ Цоппо свидѣтельствуетъ о сильномъ вліяніи на него Козимо Тура; въ ней угловатыя линіи исчезли. Рисунокъ значительно смягчился. Самымъ интереснымъ представителемъ эпохи quatrocento является безъ сомнѣнія *Эрколе-де-Роберти*, представленный тремя маленькими картинами изъ различныхъ періодовъ его творчества.

Къ ранней порѣ принадлежитъ его *Pietà*, присланная Ливерпульской академіей. Хороши два портрета *Коста*, особенно второй, изображающій въ энергическихъ чертахъ писателя Фіера. Многочисленныя картины съ подписью *Франчіа*, конечно, не принадлежатъ кисти этого мастера; онѣ только иллюстрируютъ плодотворную дѣятельность его мастерской, гдѣ работало болѣе двухсотъ учениковъ. Кисти самого Франчіи принадлежитъ безъ сомнѣнія только портретъ Біанкини. *Гарофало* представленъ довольно слабо. Только двѣ картины изъ коллекціи Норсбрука (*Св. Іаковъ* и „*Кірово*“) хорошо характеризуютъ его творчество. Напротивъ, *Мантеньи* и *Досси* представлены цѣлымъ рядомъ прекрасныхъ картинъ. Три картины послѣдняго присланы на выставку королевской галлереей Гэмптонъ-Корта. Поэтическое настроеніе этого художника особенно ярко проявляется въ фантастическихъ картинахъ, напоминающихъ пѣсни Аріосто, его друга и соотечественника. Особый интересъ представляетъ громадный запрестольный образъ изъ коллекціи лорда Уимборна, которому на выставкѣ отведено почетное мѣсто. Онъ изображаетъ въ натуральную величину Св. Дѣву съ Младенцемъ и Іосифомъ, окруженную ангелами. Картина помѣчена 1520 годомъ и представляетъ настоящій шедевръ *Ортолано*.

Нѣсколько картинъ, приписываемыхъ *Перуджино* (вѣроятно работы его учениковъ), и сомнительныхъ *Корреджіо* (одинъ изъ нихъ присланъ королевой Викторіей) заключаютъ собою выставку. Маленькій отдѣлъ медалей, среди которыхъ интересна медаль работы Виторе Пизано 1444 года, является прекраснымъ добавленіемъ ея.

Въ общемъ выставка представляетъ громадный интересъ для желающихъ познакомиться съ этимъ періодомъ итальянской живописи и дѣлаетъ честь клубу изящныхъ искусствъ, взявшему на себя такую серьезную задачу.

Репетиція „Madame Sans-Gêne“ въ присутствіи Сарду.

Художественныя новости.

Во второй половинѣ минувшаго мая управленіе *Императорскаго историческаго музея*, приступая къ отдѣлкѣ вновь проектированнаго „Московскаго“ зала въ стилѣ временъ до Іоанна III-го, избрало комиссію для поѣздки въ нѣкоторые города съ цѣлью снятія слѣпковъ съ древнихъ внутреннихъ и наружныхъ фресокъ, сохранившихся на старинныхъ церквахъ и соборахъ, имѣющихъ украсить собою осуществленный залъ съ историческими памятниками московской эпохи. 29-го іюля предпринята уже экскурсія въ г. Звенигородъ для вышеуказанной цѣли комиссіею, состоящею изъ товарища предсѣдателя историческаго музея, извѣстнаго историка И. Е. Забѣлина, архитектора П. С. Бойцова и скульптора-художника И. И. Севрюгина.

Послѣднее время хранилища *Историческаго музея* обогатились множествомъ древнихъ рѣдкостей, въ числѣ которыхъ, между прочимъ, пріобрѣтены: печатный часословъ съ записью царевны Ирины Михайловны, костяная икона Іоанна Предтечи, икона съ изображеніемъ 140 частицъ мощей; рукописи: „Дьяконовы вопросы“, „Сказаніе Аврама Палицына“, „Златоструй“, рукописная Минея XV в.; акварельный рисунокъ: „Монархическій колоссъ“; писанная красками на холстѣ картина, изображающая „аллегорію грѣхопаденія“; рукописная азбука XVIII в.; части мѣднаго посоха съ финифтью, мѣдный кувшинъ 1754 г., кожаныя миска и блюдечко, три деревянныхъ стакана; чудной работы финифтяная чернильница; разныя древности изъ Болгарскаго городища Казанской губерніи: серебряные браслеты, обломки бусъ, розетки, круглое бронзовое зеркало и множество другихъ бронзовыхъ, костяныхъ и желѣзныхъ предметовъ.

Московское археологическое Общество, по слухамъ, пріобрѣтаетъ частный музей кн. М. А. Накашидзе, находящійся въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ.

Московское общество любителей художествъ приступило къ собиранію матеріаловъ для проектируемой выставки изображеній Христа въ ихъ историческомъ развитіи, начиная отъ первыхъ вѣковъ христіанства до нашего времени, въ картинахъ, рисункахъ, гравюрахъ и фотографіяхъ. Общество обращается съ просьбою о доставленіи матеріаловъ и какихъ-либо указаній ко всѣмъ художникамъ, ученымъ и любителямъ, интересующимся этимъ вопросомъ, каковыя будутъ приниматься до 1-го октября текущаго года.

Въ настоящее время закончили до осени свои занятія комиссіи по графическимъ искусствамъ состоящія при учебномъ отдѣлѣ *Политехническаго музея*. Въ закончившихся засѣданіяхъ комиссіи по рисованію были разсмотрѣны и окончательно одобрены выработанныя въ теченіе послѣдняго года образцовыя коллекціи по рисованію, которыя дадутъ возможность всякому преподавателю, пришедшему въ музей, увидѣть, что необходимо ему имѣть для правильнаго обученія рисованію, избѣгая лишняго, въ образцовомъ исполненіи и при небольшой затратѣ. Составленіе подобной коллекціи особенно важно для иногородныхъ преподавателей. Изъ подобныхъ коллекцій въ настоящее время выработаны коллекціи проволочныхъ фигуръ, геометрическихъ тѣлъ и тѣлъ для комбинацій. Послѣднія двѣ коллекціи, по указаніямъ комиссіи, были исполнены фирмою „Сотрудникъ школъ“, которая ознакомила также комиссію съ изготовленною ею новою мебелью для рисовальнаго класса. Коллекція гипсовыхъ орнаментовъ, вазъ, головъ и т. п. выработана пока лишь въ общихъ чертахъ, и работы по составленію ея продолжатся въ теченіе будущаго учебнаго года. Составленъ также списокъ имѣющихся въ продажѣ наилучшихъ пособій и руководствъ для учениковъ и учителей. Кромѣ того, обсуждались вопросы о преподаваніи перспективы, о пособіяхъ для первоначальнаго знакомства учениковъ съ цвѣтами, о преподаваніи элементарнаго курса рисованія, о методикѣ рисованія и о рисованіи какъ общеобразовательномъ предметѣ. Была осмотрѣна также и одобрена принесенная въ даръ музею Ю. Ф. Брокманомъ и составленная И. В. Гусаревымъ коллекція гипсовыхъ моделей стильныхъ прототиповъ и комбинацій. Благодаря дѣятельности организованной въ концѣ прошлаго года комиссіи по чистописанію, собраніе коллекцій по этому предмету является богатымъ и имѣетъ по интересующему всѣхъ въ настоящее время вопросу о прямомъ письмѣ большое количество заграничныхъ изданій и ученическія тетради заграничныхъ школъ. Занимаясь разработкою этого вопроса, комиссія собираетъ пока матеріалъ и свѣдѣнія о результатахъ, пользуясь указаніями доктора Н. В. Зака, сдѣлавшаго сообщеніе въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій комиссіи, въ которомъ, кромѣ того, обсуждались вопросы о размѣрѣ буквъ при обученіи чистописанію на всѣхъ ступеняхъ обученія, объ употребленіи транспаранта, о пособіяхъ для письма, объ единообразіи въ начертаніи буквъ, о нормальномъ образцѣ тетрадей, и т. п. Въ одномъ изъ засѣданій докторъ В. П. Окороковъ познакомилъ членовъ комиссіи съ устройствомъ школьной мебели.

Большая часть засѣданій комиссіи по черченію была посвящена разработкѣ матеріала для таблицъ, могущихъ служить для составленія стѣнныхъ таблицъ для класснаго обученія и какъ руководство для самообученія; затѣмъ обсуждались вопросы о нормальномъ чертежномъ столѣ, о составленіи матеріала для преподаванія черченія въ женскихъ гимназіяхъ, и были одобрены ко-

миссіей выработанныя коллекція линейныхъ тѣней и моделей для наглядnаго обученія проекціонному черченію, согласно программѣ министерства народнаго просвѣщенія для ремесленныхъ училищъ.

По слухамъ, на будущей *академической выставкѣ* появится пять полотенъ И. К. Айвазовскаго. Одна изъ картинъ интересна тѣмъ, что онъ вводитъ въ марину жанръ. Эта картина изображаетъ „Утро на торговомъ пароходѣ"—и въ ней почти нѣтъ моря, такъ какъ три четверти полотна отведено пароходной палубѣ.

Художникъ-иллюстраторъ *М. А. Зичи* вернулся изъ заграничной поѣздки, а также изъ путешествія по берегамъ Крыма, которое онъ совершилъ передъ отправленіемъ въ зарубежныя страны. Онъ привезъ съ собой массу всевозможныхъ этюдовъ и видовъ, которыми намѣренъ воспользоваться для цѣлей галлереи картинъ и типовъ, для иллюстраціи своихъ путешествій, которыя въ скоромъ времени должны появиться въ печати.

По слухамъ, *въ Петербургѣ* организовался небольшой пока кружокъ молодыхъ художниковъ, задавшихся цѣлью совершать экскурсіи по наиболѣе замѣчательнымъ и чѣмъ-либо выдающимся мѣстамъ нашего обширнаго отечества, описывать эти мѣстности и иллюстрировать свои описанія рисунками, снятыми прямо съ натуры. Описанія эти должны, главнымъ образомъ, отличаться обширностью и художественностью иллюстрацій. Въ средѣ названнаго нами кружка художниковъ находятся гг. Тюменевъ, Рябушкинъ, Павловъ. Описаніе первой ихъ экскурсіи, совершенной прошлымъ лѣтомъ, появилось въ видѣ статьи г. Тюменева „Въ верховьяхъ Волги" въ „Историческомъ Вѣстникѣ" текущаго года. Путешественники отъ истоковъ Волги добрались до Ржева. Нынѣшнимъ лѣтомъ они продолжатъ экскурсіи по Волгѣ и дадутъ дальнѣйшее ихъ описаніе.

Петербургскіе художники изъ числа непризнанныхъ, т. е. такихъ, произведенія кисти которыхъ бракуются обыкновенно комиссіей академическихъ выставокъ—въ будущемъ сезонѣ совершенно не желаютъ отдавать свои картины на судъ академическаго жюри, они рѣшили не пытать счастья, а прямо устроить свою выставку, и даже устроить ее ранѣе открытія выставокъ передвижной и академической.

Извѣстный маринистъ *Боголюбовъ*, на-дняхъ пріѣхавшій въ Петербургъ изъ Парижа, привезъ съ собою новую картину, изображающую „Гибель парохода во время бури въ Нѣмецкомъ морѣ". Это полотно профессоръ предполагаетъ выставить вмѣстѣ съ другими своими произведеніями въ Одессѣ, во время юбилейныхъ празднествъ.

Центральное училище техническаго рисованія барона Штиглица командируетъ, по словамъ „Нов.", въ началѣ августа за границу 7 учениковъ-рисовальщиковъ для усовершенствованія въ художественномъ образованіи.

Ко времени открытія *Всероссійской выставки* въ 1896 году въ Нижнемъ-Новгородѣ будетъ устроенъ постоянный художественный музей. Въ послѣднее время, по порученію вице-президента Императорской академіи художествъ, велись переговоры о пріисканіи въ Н.-Новгородѣ помѣщенія для постояннаго художественнаго музея. Какъ на самое подходящее помѣщеніе, вполнѣ безопасное въ пожарномъ отношеніи, указываютъ на Дмитріевскую башню въ Кремлѣ, которая не потребовала-бы ни большихъ приспособленій, ни ремонта. Объ уступкѣ этой башни подъ помѣщеніе музея, возбуждено будетъ ходатайство у подлежащихъ вѣдомствъ. Можно надѣяться, что къ удовлетворенію такого ходатайства не встрѣтится препятствій. Многіе художники обѣщали уже, въ случаѣ осуществленія этой мысли, свои картины въ нижегородскій музей.

Нѣсколько времени тому назадъ въ *Одессѣ* была выставка картинъ покойнаго художника Н. Г. Богданова. Выставку посѣтило всего 84 чел. 6-го іюля, по претензіи г. Метеринскаго, картины эти, принадлежащія вдовѣ художника, М. Богдановой, были описаны судебнымъ приставомъ. Всего описано 145 картинъ (стоимостью около 2.500 р.), оцѣненныхъ въ 25 р., т. е. около 17 к. картина, не исключая и тѣхъ, которыя въ бронзированныхъ рамахъ. Претензія Метеринскаго не превышаетъ 300 руб.

Въ Пензѣ недавно приступлено къ работамъ по сооруженію зданій для рисовальной школы, которая устраивается на капиталъ, пожертвованный Н. Д. Селиверстовымъ. Зданіе школы будетъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ городскихъ сооруженій. Постройка окончится, какъ полагаютъ, не ранѣе трехъ лѣтъ; ею завѣдуетъ комиссія подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства.

Къ 15-му августа ожидается открытіе въ *Ростовѣ* художественной передвижной выставки.

Національная Галлерея въ Берлинѣ обогатилась нѣсколькими цѣнными картинами. Пріобрѣтены рисунки углемъ покойнаго баталиста Блейбтрей, эскизы проф. Виснискаго, три акварели Прелля и пейзажъ Детмана *Послѣ дождя*.

Администрація *Берлинской Національной галлереи* устроила недавно интересную выставку работъ американскихъ ксилографовъ. Всего выставлено до 300 листовъ. Выставка имѣетъ особое значеніе для тѣхъ лицъ, которыя не знакомы съ иллюстрированными изданіями Нью-Іорка (напр. *Harper's, Scribner's* и др.). Европа не можетъ еще конкурировать въ этомъ отношеніи съ Америкой; причина этого лежитъ отчасти въ маломъ развитіи вкуса у публики, которая удовлетворяется и плохими иллюстраціями, при условіи дешевизны изданія. Въ вышепоименованныхъ нью-іоркскихъ журналахъ рѣзанные по дереву рисунки представляютъ вполнѣ художественныя работы, и ксилографы нерѣдко даютъ не копіи, а оригинальныя произведенія, точно также, какъ гравера самостоятельно создаютъ гравюры. Американскіе ксилографы достигли такого совершенства въ своемъ искусствѣ, что свободно подражаютъ геліогравюрѣ, офорту, гравюрѣ на мѣди, фотогравюрѣ и рисунку тушью или перомъ. Особенно хорошо передаютъ они нѣжные тона картинъ Милле, Добиньи и Даньянъ-Бувръ.

Союзъ берлинскихъ художниковъ обнародовалъ недавно отчетъ за послѣдній годъ своей дѣятельности. Число членовъ возросло до 1622. Союзъ пріобрѣтаетъ на собственныя средства картины и скульптурныя произведенія своихъ членовъ; къ своимъ задачамъ онъ относитъ распространеніе и исполненіе копій съ выдающихся картинъ въ видѣ гравюръ и офортовъ. Въ нынѣшнемъ году вышелъ первый сборникъ такихъ снимковъ. Союзъ хлопочетъ о соединеніи съ прусскимъ Обществомъ художниковъ и надѣется принести въ исполненіе свое намѣреніе въ настоящемъ году.

Д-ръ Вёрманъ, директоръ *Дрезденской* картинной галлереи, намѣревается въ скоромъ времени выпустить въ продажу серію копій съ важнѣйшихъ произведеній галлереи. Серія будетъ состоять изъ 300 листовъ съ критическимъ очеркомъ на каждомъ изъ нихъ. Примѣчанія будутъ составлены Вёрманомъ.

На предстоящую въ *Дрезденъ* выставку записалось уже 900 художниковъ (2000 картинъ). Въ отдѣлѣ скульптуры пока только 70 ваятелей. Отъ

министерства внутреннихъ дѣлъ предполагается назначить 3 золотыя медали и 9 серебряныхъ, какъ преміи за лучшія произведенія въ обоихъ отдѣлахъ. Картина *Мантеньи—Христосъ въ Гевсиманскомъ саду* куплена для Лондонской Національной галлереи при распродажѣ колекціи Норсбрука. Затѣмъ изъ коллекціи лорда Истлэка пріобрѣтены: *Мадонна съ Младенцемъ—Ф. Липпи* (приписываемая Боттичелли); *Мадонна Боргоньоне*; диптихъ *Эрколе ди Роберти*—Поклоненіе волхвовъ и Страсти Христовы; *Мадонна* съ св. Іоанномъ и Екатериной, кисти *Превитали*. Пріобрѣтенія сдѣланы по выбору новаго директора галлереи, проф. Пойнтера.

Администраціей *Лейпцигскаго* городского музея сдѣланы на выставкѣ Сецессіонистовъ слѣдующія пріобрѣтенія: Геркомера—*Переселенцы въ Нью Іоркъ*, Леемпольса—*Въ церкви*, Пэтерсона—*Видъ въ Шотландіи*. Въ Стекляномъ дворцѣ куплены картины Кронберга—*Градоначальникъ* и триптихъ Вальтера Фирле—*Вѣра*.

Союзъ *мюнхенскихъ* художниковъ утвердилъ смѣту на постройку художественнаго дворца. Зданіе обойдется въ 900,000 марокъ.

Общество нѣмецкихъ *акварелистовъ* недавно устроило въ *Мюнхенѣ* выставку работъ своихъ членовъ. Выставка заслужила одобрительные отзывы печати и охотно посѣщалась публикой. Выставлены работы Скарбина, Венгеля, Детмана, Бартельса, Фрица, Кампфа и Германна.

Администрація Мюнхенской Пинакотеки пріобрѣла недавно картину Луки Синьорелли, изображающую Мадонну съ Младенцемъ. Картина принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ Синьоерлли.

Интересно дѣло, недавно разбиравшееся въ *мюнхенскомъ* судѣ. Въ журналѣ: *Bayerisher Kurier* появился критическій отзывъ о портретѣ художника Науена, писанномъ г-жей Бознанской, его ученицей. Критикъ, не касаясь технической стороны портрета, позволилъ себѣ обсуждать изображенное на немъ лицо, называя его представителемъ вырожденія, однимъ изъ жалкихъ экземпляровъ современной цивилизаціи. Науенъ счелъ себя оскорбленнымъ и подалъ въ судъ жалобу на редактора. Судъ приговорилъ послѣдняго къ штрафу въ 100 марокъ и опубликованію рѣшенія, на томъ основаніи, что портретъ не есть жанровая картина, сюжетъ которой можетъ быть обсуждаемъ критикой; обыкновенно въ каталогѣ значатся только инціалы изображеннаго лица, это доказываетъ, что оно желаетъ остаться неизвѣстнымъ.

Мюнхенскій художникъ Полмье изобрѣлъ складной ящикъ для пересылки картинъ. Ящикъ выставленъ для осмотра въ вестибюлѣ Стекляннаго дворца. Аппаратъ приспособленъ для картинъ разныхъ величинъ (60 сантим. разницы), полотно хорошо защищено и не можетъ подвергнуться тѣмъ поврежденіямъ, которыя часто останавливаютъ художника и заставляютъ его отказаться отъ посылки. Изобрѣтатель предлагаетъ устроить выдачу на прокатъ подобныхъ ящиковъ.

Князь Лихтенбергъ пріобрѣлъ для своей колекціи картину Уде: *Прощаніе Товіи*.

По слухамъ, требующимъ подтвержденія, фотографъ *Цинкъ* въ Готѣ изобрѣлъ способъ фотографированія съ передачею красокъ предметовъ. Изобрѣтатель намѣревается сдѣлать докладъ на съѣздѣ фотографовъ въ Франкфуртѣ на Майнѣ.

Конгрессъ по вопросамъ исторіи художествъ назначенъ въ *Кельнѣ* на сентябрь этого года.

Въ *Вѣнѣ* недавно открыта австрійскимъ художественнымъ союзомъ очень интересная выставка. Гвоздемъ ея являются двѣ картины Фр. Купка, сюжетомъ которыхъ служитъ жизнь Гейне. Въ отдѣлѣ пейзажей привлекаютъ вниманіе картины Зиндинга. Тутъ же выставлены уже знакомыя вѣнцамъ картины Ахенбаха, Грильона, Брожика, Петенкофена, Штука и рядъ рисунковъ и акварелей.

Австрійская императрица заказала въ *Лугано* братьямъ Кіатоне памятникъ покойному наслѣдному принцу Рудольфу. Памятникъ будетъ поставленъ въ саду императорской виллы на островѣ *Корфу*.

Успѣхъ, который два года тому назадъ выпалъ на долю выставки въ Прагѣ, побудилъ галичанъ заняться организаціей подобной же выставки въ *Львовѣ* въ 1894 году. Когда полтора года тому назадъ было объявлено, что группа вліятельныхъ лицъ намѣрена заняться устройствомъ выставки, то эта мысль была съ энтузіазмомъ принята всѣмъ галиційскимъ обществомъ, которое тотчасъ же энергически принялось за осуществленіе этого проекта. Во главѣ предпріятія сталъ князь Адамъ Сапѣга, въ составъ же комитета, устраивающаго выставку, вошли представители всей интеллигенціи края безъ различія партій и политическихъ убѣжденій. Львиная доля заслуги въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ вице-президенту города Львова г. Здиславу Мархвицкому. Открытіе выставки послѣдовало 6 іюня въ присутствіи эрцгерцога Карла Людовика. Протекторъ выставки, императоръ Францъ-Іосифъ, пріѣзжаетъ въ Львовъ въ октябрѣ.

Выставка раздѣляется на тридцать четыре группы; каждой группой завѣдуетъ спеціальная секція правленія выставки, въ составъ котораго входитъ болѣе тысячи человѣкъ.

Массу публики, особенно пріѣзжей, привлекаетъ художественный отдѣлъ, распадающійся на три части: на историческую выставку польскаго искусства, на галлерею современной польской живописи и скульптуры и на „мавзолей“ Матейки. Историческая или ретроспективная выставка представляетъ картину развитія польскаго искусства, начиная со временъ правленія короля Станислава Августа Понятовскаго до 1887 года. 1882 годъ принятъ за границу между ретроспективной и современной выставкой, потому что въ этомъ году польское искусство въ первый разъ выступило въ Краковѣ какъ нѣчто цѣлое, въ полномъ своемъ составѣ. Отдѣлъ современнаго польскаго искусства не такъ богатъ, какъ бы этого слѣдовало ожидать. Несмотря на всѣ усилія комитета выставки, въ павильонѣ искусствъ очень мало картинъ Семирадскаго, Брандта, Бакаловича, Билинской, Хэлмонскаго и нѣкоторыхъ другихъ свѣтилъ польской живописи, завоевавшихъ себѣ европейскую извѣстность; нѣтъ также картинъ представителей варшавскаго импрессіонизма—Подковинскаго, Панкевича и др.

Изящный „мавзолей“, заключающій въ себѣ почти всѣ произведенія недавно умершаго величайшаго польскаго и одного изъ извѣстнѣйшихъ въ Европѣ художниковъ – Яна Матейки, представляетъ great attraction художественнаго отдѣла. „Мавзолей“ раздѣляется на двѣ части: въ первой собраны его громадныя картины—„Костюшко подъ Рацлавицами“, „Битва подъ Грюнвальдомъ“, „Люблинскій сеймъ“, „Рейтанъ“, „Жанна д'Аркъ“, „Присяга“, „Исторія цивилизаціи въ Польшѣ“, „Станьчикъ“ и друг., а во второй находится безчисленное количество его геніальныхъ проэктовъ, набросковъ, этюдовъ, эскизовъ и т. д.

Всѣ сельскія общины высылаютъ на свой счетъ на выставку дѣтей и народныхъ учителей.

Независимо отъ выставки, въ Львовѣ происходятъ различные съѣзды.

Французское правительство сдѣлало весьма значительныя пріобрѣтенія въ Салонахъ этого года. Въ отдѣлѣ живописи куплены: *Послѣ борьбы*, Арюсъ; *Когда вы кончите?*—Бержере; *Золотое вре-*

мя года—Будо; *Восходъ луны* — Бувэ; *Кларнетистъ*—Бюсси; *Сырой лѣсъ*—Кабри; *Въ ноябрѣ*—Роза; *Бекассины*—Корнеліусъ; *Дома*—Крошьеръ; *Желаніе*—Демарэ; *Обѣтованная земля*—Дестремъ; *Часъ омовенія*—Дюэ; *Пѣсня водъ*—Эліота; *Фра Анджелико*—Фландренъ; *Осенній вечеръ*—Ферри. Въ другомъ салонѣ также по отдѣлу живописи: Гаро—*Прудъ;* Жильберъ — *Ювелиръ;* Генётъ — *Сумерки;* Гримленъ — *Пейзажъ;* Гери — *Зимній вечеръ;* Журдейль—*Восходъ солнца;* Леру—*Жанна и Анна;* Палэнъ—*Сиротки*; Пикаръ—*Сладкое ожиданіе;* Пуанъ—*Чистые сны*; Кентонъ—*Видъ въ Оверни;* Ришмонъ—*Ангелы, служащіе монахамъ*; Соважъ—*Покинутый монастырь*; Сульс—*Рабочіе на Луарѣ*. Въ отдѣлѣ скульптуры сдѣланы также крупныя пріобрѣтенія. Куплены скульптуры Алуара, Бартоломе, Дальпайра, Ломбара, Марьотона, Мишеля, Ривьера, Сейса.

Въ залахъ школы изящныхъ искусствъ въ *Парижѣ* выставлены въ настоящее время работы художниковъ на полученіе отъ Академіи Prix de Rome. Выставлены работы по живописи, скульптурѣ, архитектурѣ и гравированію.

Въ галереѣ *Баркъ* въ *Парижѣ* открылась VII-я выставка картинъ импрессіонистовъ и символистовъ.

Въ галереяхъ *Дюранъ-Лафитъ* состоялась въ іюлѣ мѣсяцѣ выставка картинъ французской школы.

Луврскому музею пожертвованы рисунки: Рембрандта—*Цѣна крови*, Кампаньолы—*Іоаннъ Крестителъ* и Леонардо да Винчи—*Поклоненіе волхвовъ*.

Въ *Парижѣ* воздвигнутъ на набережной Конти памятникъ Кондорсэ. Бронзовый бюстъ Кондорсэ, работы художника Перрэнъ, былъ выставленъ въ Салонѣ 1892 года.

Въ *Тюильерійскомъ саду* воздвигнутъ памятникъ художнику Франсуа Бушэ, работы скульптора Обэ (Aubé).

Администраціей *Парижской Національной библіотеки* пріобрѣтенъ первый томъ знаменитой рукописной библіи, принадлежавшей Филиппу Красивому. Второй томъ этой рѣдкой книги уже съ давнихъ поръ составлялъ собственность библіотеки.

Въ *Луврскомъ музеѣ* выставлена коллекція фаянсовъ, пожертвованная г. Жиродо (Giraudeau).

Въ *Парижѣ* окончательно сформировалось новое *Народное обществэ* любителей изящныхъ искусствъ (Société populaire des Beaux-Arts) подъ предсѣдательствомъ Пюви де Шаванна, Бонна и бывшихъ министровъ Буржуа и Пуанкаре. Назначены члены коммиссіи для пріобрѣтенія картинъ и скульптуръ, въ составъ которой входятъ такіе знаменитые художники, какъ напр. Каролюсъ Дюранъ, Дусе, Бенжаменъ Констанъ, Жерве, Ролль и др. Общество поставило цѣлью развитіе въ публикѣ художественнаго вкуса и покупку произведеній для поддержки и ободренія художниковъ.

Въ *Парижской Salpetrière* предполагается поставить памятникъ умершему въ прошломъ году Шарко. Открыта подписка во Франціи, въ Берлинѣ и Гейдельбергѣ.

На засѣданіи французскаго *Société nationale des Beaux Arts*, подъ предсѣдательствомъ Пюви де Шаванна, избраны членами общества: художники: *Александръ*, *Симонъ*, *Калло*, *Косто*, *Мелэ*, *Ришонъ-Брюне*, *Грассэ*, *Кройе*, *Ла-Гэ*, *Гютри*, *Коллэ*, *Ж. Руссо;* скульпторы: *Бурдель*, *Малербъ*, г-жа *Клодель*; граверъ *Пайаръ*; архитекторы: *Бенувиллъ*, *Шэнъ*, *Соважо*, *Брюно*.

Рядъ картинъ *Дж. Тиссо*, *Жизнь Іисуса Христа*, выставленный въ *Парижскомъ Салонѣ* этого года и встрѣтившій сочувственные отзывы критики, пріобрѣтенъ фирмой Мамъ за громадную цѣну, чтобы не допустить продажу картинъ англійской фирмѣ. Гг. Мамъ намѣреваются выпустить въ свѣтъ прекрасное изданіе этихъ картинъ, воспроизведенныхъ самыми совершенными способами, какіе существуютъ въ наше время.

Въ послѣднемъ *Салонѣ* всѣхъ привлекаетъ къ себѣ скульптура С. М. Юзорова. Статуя его изображаетъ „Мать надъ колыбелью ребенка“. Виконтъ де-Боэ купилъ эту статую за 15,000 франковъ.

Въ аукціонномъ залѣ Жоржа Пети, въ Парижѣ продана картина *Делакруа*, *Положеніе во гробъ*, за громадную сумму 88000 франк.; *Добиньи* (*Прачки*) купленъ за 68000 Фр., *Тройонъ* (*Водопой*)—за 40000 фр.

На Монмартрскомъ кладбищѣ въ *Парижѣ* воздвигнутъ памятникъ извѣстному художнику баталисту Альфонсу Невилль, работы скульптора Сенъ Видаля.

Petit journal даетъ слѣдующія любопытныя цифры, касающіяся положенія живописи во Франціи: всего художниковъ насчитывается 22.357 человѣкъ, они покрываютъ красками ежегодно приблизительно 15 квадр. километровъ холста. Работа каждаго изъ нихъ равняется среднимъ числомъ 680 километрамъ. Не удивительно, что печать поднимаетъ вопросъ о художественномъ перепроизводствѣ.

Въ *Реймсѣ* недавно сдѣлано открытіе, имѣющее значеніе для исторіи французской живописи. Найдена большая картина французскаго художника Ле-Ненъ (Le Nain), отличающаяся отъ другихъ его работъ размѣрами изображенныхъ на ней лицъ. Картина представляетъ въ натуральную величину двухъ дѣтей, которые поссорились изъ-за найденнаго гнѣзда.

Въ маленькомъ городкѣ *С.-Жерменъ въ Лэ* открылась ежегодная выставка, въ которой участвуютъ такія свѣтила французской живописи, какъ напримѣръ, Детайль, Гарпиньи, Фуасъ, Гери, Левассеръ, Тенъ Кате Сибъ, Вателенъ и мн. др.

Въ музеѣ города *Лана* (Laon) открыта новая картина Рубенса, писанная на мѣди и изображающая посѣщеніе Елисаветы Св. Дѣвою. Картина помѣчена 1606 годомъ и носитъ подпись Рубенса. Она отправлена въ Парижъ для подтвержденія ея достовѣрности.

Въ *Брюсселѣ*. въ Клубѣ Рубенса, открыта выставка картинъ современныхъ и старинныхъ бельгійскихъ художниковъ.

Русскій скульпторъ Вальженъ сдѣланъ кавалеромъ ордена Почетнаго Легіона.

Въ обществѣ изящныхъ искусствъ въ *Лондонѣ* открыта выставка 200 акварелей художника Гарпера, представляющихъ виды Палестины.

У М. Денторна, въ *Лондонѣ*, выставлены новыя картины знаменитаго англійскаго художника-символиста Уаттса.

Новая картина Альмы-Тадемы—*Весна*, изображающая древне-римское народное празднество, послана художникомъ въ *Берлинъ*.

Состоявшаяся въ залахъ Гильдголля, въ *Лондонѣ*, выставка картинъ ознаменовалась однимъ крупнымъ нововведеніемъ: она была открыта и въ воскресные дни. Множество посѣтителей (за пять воскресныхъ дней перебывало 18.000 человѣкъ) доказали, что такое нововведеніе желательно, и встрѣчено англійскою публикой весьма сочувственно.

Графтеновская галлерея, въ Лондонѣ экспонирующая въ нынѣшнемъ сезонѣ исключительно только типы красавицъ, производитъ сенсацію не только въ Лондонѣ, но и во всемъ мірѣ. Масса иностранцевъ спѣшатъ теперь покинуть континентъ, чтобъ насладиться этимъ собраніемъ дивныхъ картинъ и не менѣе дивныхъ гравюръ, посвященныхъ женщинѣ и культу красоты. Въ каталогѣ имѣется всего 280 большихъ нумеровъ и 550 миніатюръ. Среди не англичанъ выдѣляются: картины Боттичелли „La bella Simonetta“,

Ганса Гольбейна „Маргарита Тюдоръ“, „Королева шотландская“, Веронезе, восемь полотенъ Ванъ-Дика,—Рембранда—„Портретъ жены“, двѣ картины Кауфмана, въ томъ числѣ „Герцогиня Девонширская“, Каульбаховская „Принцесса Алиса Гессенская“, собственность королевы Викторіи, и т. д.

Въ галлереяхъ Валадонъ, въ *Лондонѣ*, состоялась выставка картинъ французскаго художника Тройона (Troyon).

У Кристи, въ *Лондонѣ*, недавно продавалась коллекція покойнаго Гиббонса. Картина *Каллинса Гнѣздо морскихъ птицъ* продано за 6500 марокъ, *Констэбля Ярмутъ* за 10290 м., пейзажъ *Гэйнсборо* за 94500 м., Марина *Тернера* за 25200 м., и портретъ работы *Рейнольдса* за 14070 марокъ При продажѣ другой коллекціи въ томъ же аукціонномъ залѣ, цѣны были не менѣе высоки. Такъ, за картину *Купера* получено 420 фунт. стерл., за пейзажъ *Линнеля* 651 ф. ст., за пейзажъ *Кюпа* 225 ф. ст. за пейзажи *Гоббемье* 250, 325 и 619 ф. стерл.; картина *Рюйсдаля* дала 525 ф. ст., *Вуверманъ* — 283 ф. ст., *Грёзъ* (голова дѣвушки въ бѣломъ платьѣ) 178 ф. ст., *Гирландайо* (Мадонна съ младенцемъ) 357 ф. ст., *Франц-Гальсъ* — 103 ф. ст., и маленькая картина *Мурильо*, изображающая ангеловъ, несущихъ митру, продана за 131 ф. ст.

При продажѣ гравюръ получены слѣдующія цѣны: *Морленъ*, Тайная Вечеря Л. де-Винчи 63 ф. ст., Деревня, Рембрандта 38 ф. ст., *Стрэнджъ*, Карлъ I Ванъ-Дика 43 ф. ст., *Лукасъ*, Долина Додгэма Констэбля 93 ф. ст.

Домъ въ *Миланѣ*, гдѣ жилъ знаменитый итальянскій романистъ, Мавцони, украшенъ въ настоящее время фресками работы художника Кампи. Фрески изображаютъ сцены изъ произведеній романиста.

Знаменитая базилика Санъ-Петроніо въ *Болоньѣ* превращена въ музей. Изъ хранящихся въ ней предметовъ искусства особенную цѣнность представляютъ прекрасные образцы ювелирнаго искусства временъ Возрожденія, замѣчательныя миніатюры, кресты, паникадила и пр.

Въ августѣ мѣсяцѣ будетъ воздвигнутъ въ *Віареджіо близъ Флоренціи* памятникъ погибшему около этого мѣста поэту Шелли. Статуя поэта принадлежитъ рѣзцу проф. Луккези.

На международной выставкѣ въ *Барцелонѣ* ассигновано мѣстнымъ магистратомъ 50,000 песетъ на покупку художественныхъ произведеній, причемъ 30,000 песетъ назначено на покупку картинъ.

На международной выставкѣ въ *Барцелонѣ* почетная награда присуждена мюнхенскому художнику Ленбаху, за выставленный имъ портретъ инфанты, донны-Пацъ.

На мѣсто покойнаго Ф. Мадрацо, хранителемъ *Мадридскаго музея* назначенъ художникъ Пальмароли.

Въ *Нью-Іоркѣ* вскорѣ открывается выставка, устраиваемая неграми штатовъ Небраска, Іова и Канзасъ. Негры эти образовали недавно общество „африканско-американскаго союза выставокъ“, которое поставило себѣ цѣлью цѣлымъ рядомъ выставокъ въ Соединенныхъ Штатахъ показать степень культуры негровъ. На выставкѣ будутъ произведенія исключительно однихъ негровъ. Особенно обширенъ женскій отдѣлъ, въ которомъ фигурируютъ акварели, масляныя картины и изящныя рукодѣлія. По почину проживающихъ въ Америкѣ нѣмцевъ, въ Нью-Іоркѣ будетъ воздвигнутъ памятникъ Генриху Гейне. Избранный для этой цѣли комитетъ вошелъ въ соглашеніе съ берлинскимъ скульпторомъ Гертеромъ, который уступаетъ Нью Іорку проектъ памятника, предназначавшійся для Дюссельдорфа. Памятникъ обойдется въ 35,000 долларовъ, собрать которые комитетъ надѣется путемъ подписки среди живущихъ въ Америкѣ нѣмцевъ. На распродажѣ съ публичнаго торга коллекціи Гаро, остались некупленными всего двѣ картины, за которыя требовали по 100,000 франковъ, а именно: „Смерть Сарданапала“—Делакруа и „Мастерская художника“—Курбе. Всѣ остальныя были проданы въ первый-же день. Высшая цѣна выручена за полотно Каролюса Дюрана: „Въ оттепель“ (16,000 франковъ), и за картину Энгра: „Ахиллъ въ своей палаткѣ“ (18,000 франковъ).

Въ *Алжирѣ*, при раскопкахъ окола Делиса, найдена большая базилика (40 метровъ длины), относящаяся къ V или VI вѣку. Стѣны ея покрыты барельефами, капители сорока колоннъ украшены орнаментами. Въ алтарѣ найдены монолиты, служившіе языческими жертвенниками и свидѣтельствующіе о томъ, что базилика, по всей вѣроятности, была построена на мѣстѣ прежняго языческаго храма.

Некрологи.

Скончались: бывшій профессоръ археологическаго института *Дмитрій Ивановичъ Прозоровскій*. Покойный заслужилъ своими научными трудами имя одного изъ лучшихъ русскихъ метрологовъ. Его труды и изслѣдованія по древней метрологіи, палеографіи, нумизматикѣ, филологіи и исторіи считаются цѣнными вкладами въ русскую историко-археологическую литературу. Изъ его многочисленныхъ литературныхъ трудовъ назовемъ „Лекціи по русской метрологіи“, „Новгородъ и Псковъ“, „Монета и вѣсъ“, „О кунахъ“ и др. Когда былъ основанъ археологическій институтъ, Н. В. Калачовъ предложилъ покойному чтеніе лекцій по метрологіи и палеографіи.

Пилльеймъ, проф. въ Мюнхенѣ.

Филиппъ Пано, въ Парижѣ.

Джонъ Таге Эвертъ, родомъ шведъ, въ Парижѣ.

Тешендорфъ, членъ академіи, въ Берлинѣ.

Пьеръ Муссе, жанристъ.

Жанъ Каррізесъ, скульпторъ, въ Парижѣ. Его произведеніе *Les Epaves* привлекло общее вниманіе въ 1878 г.

Жакъ Франсъ (Поль Лекре) скульпторъ, въ Парижѣ, извѣстный бюстомъ Республики.

Жакъ Лусто (Loustau), одинъ изъ старѣйшихъ французскихъ художниковъ, въ Шеврёзѣ.

Жозефъ Шерэ, скульпторъ, удостоенный на послѣдней выставкѣ Марсова поля ордена Почетнаго легіона за выставленныя вазы: *Женщины, преслѣдуемыя бабочками*, *Рыбачки* и *Чистка*.

Калдеръ Маршалль, членъ англійской королевской академіи, скульпторъ.

Луи Бонна, директоръ академіи въ Намюрѣ.

Германъ Эрнеке, художникъ, въ Берлинѣ.

Вильямъ Гартъ, пейзажистъ, въ Нью-Іоркѣ.

Альфредъ Брамто, художникъ, въ Парижѣ, ученикъ Бугеро.

Сципіонъ Ванутелли, въ Римѣ. Извѣстенъ, какъ лучшій колористъ Италіи. Его картины: *Савонарола*, *Погребеніе Джульеты* и *Конецъ свободы Сіены* выставлены въ римскомъ Капитоліи.

Гюставъ-Викторъ Кузенъ, пейзажистъ въ Парижѣ.

Шарль Тшагенни, извѣстный своими картинами изъ жизни животныхъ, въ Бельгіи.

Коммандоръ *Висконти*, директоръ музеевъ Ватакана и Латеранскаго дворца, въ Римѣ.

Викторъ Бестосъ, лучшій изъ современныхъ скульпторовъ Португаліи и извѣстный художникъ. Изъ его произведеній замѣчательны: громадная картина *Бартоломео Діацъ открываетъ мысъ Доброй Надежды* и статуя Камоэнса въ Лиссабонѣ.

Германъ Шлессеръ, художникъ въ Римѣ.

Музыкальныя новости.

Заграница.

Экспертомъ отъ Россіи на всемірную выставку въ **Антверпенѣ**, по отдѣлу свободныхъ искусствъ, министерствомъ финансовъ назначенъ В. И. Главачъ.

Въ **Бременѣ** образовался комитетъ съ докторомъ Бультгауптомъ во главѣ, который задался цѣлью построить въ этомъ городѣ театръ исключительно для духовныхъ оперъ А. Г. Рубинштейна.

Театръ этотъ будетъ готовъ къ будущей веснѣ: его предполагается открыть цѣлымъ рядомъ представленій духовной оперы „Христосъ“; послѣ нея вѣроятно будетъ даваться „Моисей“.

Для бременскихъ спектаклей приглашенъ оркестръ мѣстнаго филармоническаго Общества въ 120 человѣкъ и хоръ въ 250 человѣкъ. Первыми представленіями будетъ дирижировать, конечно, самъ авторъ.

Въ **вѣнскомъ** придворномъ оперномъ театрѣ дана была въ началѣ этого года ораторія Листа „Святая Елисавета“. По словамъ мѣстныхъ газетъ, впечатлѣніе, произведенное сценическимъ представленіемъ сочиненія, для сцены не предназначеннаго, было громадно.

— Въ придворномъ оперномъ театрѣ въ **Вѣнѣ** въ сезонѣ 1893—94 гг. дано было 63 оперныхъ спектакля. Наибольшее число разъ шли „Паяцы“ (27 р.), потомъ „Сельская честь“ (18 р.), затѣмъ опера „Поцѣлуй“—Сметана (12 р.) и „Кармэнъ“ (10 р.). Изъ нѣмецкихъ оперъ чаще всѣхъ данъ былъ „Корабль-Призракъ“—Вагнера (9 р.). Цифры, не очень рекомендующія вкусы вѣнцевъ.

Въ октябрѣ текущаго года въ **Вѣнѣ** будетъ праздноваться 25-лѣтній юбилей Іоганна Штрауса. Для устройства юбилейныхъ празднествъ образованъ особый комитетъ. Въ нихъ будутъ принимать участіе всѣ вѣнскіе театры, которые въ день юбилея поставятъ оперетки Штрауса, а оперный театръ дастъ спеціальный балетъ, въ которомъ будетъ исполняться музыка талантливаго композитора. Юбилей предполагается праздновать цѣлую недѣлю, въ теченіе которой будутъ устроены также популярные концерты изъ произведеній юбиляра.

Новая трехъактная опера „Andrea del Sarto“ Баравалле, поставленная на этихъ дняхъ впервые въ **Генуѣ**, имѣла бурный успѣхъ.

Мѣстныя газеты сообщаютъ, что **Италія** въ предстоящемъ сезонѣ наводнена будетъ новинками. Изъ новыхъ произведеній возвѣщены: 57 оперъ, 32 оперетки, 96 драмъ, 24 водевиля, 28 фарсовъ, 13 балетовъ, 3 пантомимы и одна комедія. Въ число это не вошли произведенія, писанныя на разныхъ жаргонахъ для народныхъ театровъ.

Изъ 96 драмъ— 57 оригинальныхъ итальянскихъ, остальныя переводныя: съ французскаго—17; съ нѣмецкаго—8, съ скандинавскаго—7, съ испанскаго—5, съ венгерскаго—2.

Лѣтніе симфоническіе концерты (Gürzenich-Konzerte) въ **Кельнѣ** дали не мало интересныхъ новинокъ. Въ послѣднемъ изъ этихъ концертовъ исполнялась въ первый разъ: симфоническая поэма „Каинъ“ (по стихотворенію Байрона) — Франца Кесселя, съ большимъ блескомъ инструментованная. Другая композиція, исполнявшаяся тамъ же, „Симфоническая фантазія“—Эвальда Штрессера написана подъ вліяніемъ Брамса. Отличнымъ концертнымъ нумеромъ оказалась также увертюра къ оперѣ „Рубинъ“—д'Альберта.

Въ **Краковѣ** недавно скончалась княгиня Марцеллина Радзивиллъ, 67 лѣтъ отъ роду. Покойная была выдающаяся піанистка, одна изъ наиболѣе замѣчательныхъ ученицъ Шопена, который учился въ Варшавѣ на счетъ ея отца. Когда Шопенъ умиралъ въ Парижѣ 17-го октября 1849 года, княгиня сидѣла у его изголовья и за нѣсколько минутъ до смерти композитора, по его просьбѣ, сѣла за фортепіано и стала играть. Она также сочиняла музыкальныя пьесы.

Комитетъ по сооруженію въ **Лейпцигѣ** памятника композитору Шуману получилъ на дняхъ отъ неизвѣстнаго поклонника его музыки солидный вкладъ въ размѣрѣ 60,000 марокъ.

Въ **Лондонѣ** состоялся съ большимъ успѣхомъ концертъ русскаго піаниста г. Бартенева. Программа этого концерта, даннаго въ Princes'Hall въ Пиккадилли заключала въ себѣ между прочимъ также нѣсколько пьесъ Чайковскаго, гг. Рубинштейна, Балакирева и самого концертанта (Romance sans paroles). Лондонская музыкальная печать съ большимъ уваженіемъ говоритъ о дарованіи русскаго молодого піаниста.

Въ **Миланѣ** въ театрѣ „Dal Verme“ недавно поставлена новая опера въ трехъ актахъ съ прологомъ „Магометъ II“ Лоренца Фабриса; опера выдержала съ успѣхомъ нѣсколько спектаклей и давалась кромѣ Милана въ Венеціи и Тріестѣ.

Манцинелли, одинъ изъ способнѣйшихъ капельмейстеровъ Италіи, пишетъ по заказу, для музыкальнаго фестиваля въ **Норвичѣ**, оперу „Геро и Леандръ“. Авторъ либретто—Арриго Бойто.

Новая симфонія Антона Дворжака недавно исполнена была въ лѣтнемъ концертѣ въ **Нью-Іоркѣ**. Заглавіе симфоніи: „Aus der Neuen Welt“.

Парижская академія недавно раздѣлила денежный призъ Кастнеръ-Бузо (въ 2000 франковъ) на двѣ половины и присудила одну часть Жюльену Тьерзо за книгу „Rouget de Lisle, son oeuvre et sa vie“ и авторамъ Субизу и Малербу за ихъ книгу „Histoire de l'opera comique“.

Въ парижской „Opéra Comique“ будущей зимой будетъ представлена въ первый разъ комическая опера „La vivandière“, либретто Анри Кэна (Cain), музыка Годара (Godard).

Сенъ-Сансъ получилъ званіе коммандора ордена Почетнаго легіона.

Верди въ настоящее время занятъ сочиненіемъ балетной музыки къ своему „Отелло“. Онъ долженъ написать эту музыку для парижской Большой оперы, въ которой теперь „Отелло“ готовится къ постановкѣ, такъ какъ по уставу этого театра всякая опера, дающаяся въ немъ, обязательно должна имѣть балетные нумера.

Профессоръ **пештской** музыкальной школы Шеллеръ демонстрировалъ новый родъ фортепіано—смычковый (Streichclavier); инструментъ издаетъ скрипичные звуки всѣхъ оттѣнковъ.

Въ пятомъ концертѣ музыкальнаго общества въ **Христіаніи**, въ іюнѣ съ большимъ успѣхомъ была исполнена увертюра „Ромео и Джульетта“—Чайковскаго.

Петербургъ.

Спектакли русской оперы открываются въ этомъ сезонѣ, какъ всегда, 30-го августа, но въ Михайловскомъ театрѣ, по случаю ремонта Маріинскаго театра, и будутъ даваться въ немъ до октября. 2-го октября предполагается начало оперныхъ и балетныхъ спектаклей въ Маріинскомъ театрѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ начало абонементовъ русской оперы. Въ Михайловскомъ же театрѣ съ октября оперные спектакли будутъ даваться самостоятельно два раза въ недѣлю. Вновь поставлены будутъ оперы: „Дубровскій“—г. Направника, „Орестейя“—г. С. Танѣева и „Пѣснь торжествующей любви“—г. А. Симона. Возобновляются: „Майская ночь“—г. Римскаго-Корсакова, „Лалла-Рукъ“—Давида и „Волшебный стрѣлокъ“—Вебера. Кромѣ того, будутъ даваться: „Жизнь за царя“, „Русланъ и Людмила“—Глинки, „Юдифь“, „Вражья сила“—Сѣрова, „Князь Игорь“—Бородина, „Демонъ“—г. А. Рубинштейна, „Евгеній Онѣгинъ“, „Пиковая Дама“, „Іоланта“—Чайковскаго, „Аида“, „Риголетто“, „Фольстафъ“—Верди, „Джіоконда“—Понкіелли, „Мефистофель“—Бойто, „Сельская честь“—Масканьи, „Паяцы“—Леонкавалло, „Черное домино“—Обера, „Гугеноты“, „Іоаннъ Лейденскій“—Мейербера, „Ромео и Юлія“—Гуно, „Кармэнъ“—Бизэ, „Манонъ“—Масснэ, „Тангейзеръ“ и „Лоэнгринъ“—Вагнера. Въ Михайловскомъ театрѣ будутъ ставиться преимущественно небольшія оперы.

Опера англійскаго композитора де Лара, „Эмми Робсаръ“ (вѣрнѣе „Эми Робсертъ“), данная на дняхъ въ **Акваріумѣ** однимъ очень понравилась, другимъ не понравилась вовсе, но всѣ согласны на томъ, что это во всякомъ случаѣ произведеніе даровитаго музыканта и что выдающаяся сторона ея—страстность и романтичность, которою она проникнута. Всѣ любовные эпизоды производятъ впечатлѣніе. Драматическимъ мѣстамъ не хватаетъ силы. Де Лара находился подъ вліяніемъ французскихъ композиторовъ и отчасти Вагнера. Онъ повидимому сознательно пренебрегаетъ формами прежняго Верди и вообще итальянцевъ. Квинтетъ однако же съ хоромъ во второмъ дѣйствіи, напоминаетъ знаменитый секстетъ въ „Лючіи“ и производитъ эффектъ. Эффектенъ также монологъ баритона „L'Ambition“; онъ вызвалъ рукоплесканія и былъ биссированъ. Въ общемъ эта опера представляетъ интересъ и слушается съ удовольствіемъ.

Въ воскресенье, 24-го іюля, въ театрѣ **Аркадія** оперною труппою, подъ управленіемъ г. Лентовскаго, представлена въ первый разъ фантастическая опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ Оффенбаха—„Сказки Гофмана“. Либрето Ж. Барбье переведено съ французскаго г. Арбенинымъ неудачно. Опера смотрится съ интересомъ. Оркестръ подъ управленіемъ г. Труффи играетъ съ увлеченіемъ; солисты большею частью молодыя силы, съ вокальной стороны заслуживаютъ похвалы. Недуренъ также мужской хоръ. Кромѣ г. Лодія, имѣвшаго заслуженный успѣхъ, понравились г-жа Андреева-Вергина, легкое колоратурное сопрано, гг. Бастуновъ (баритонъ) и Шляпинъ (красивый basso-cantante). Второстепенныя роли (г-жи М. Бауэръ и Плотницкая, г. Давыдовъ) способствовали ансамблю. Нѣкоторые нумера оперы были повторены. Постановка тщательная, декораціи свѣжи; особенно эффектны декораціи перваго дѣйствія (таверна) и 3-го дѣйствія (видъ ночью на Ріальто).

Въ понедѣльникъ, 25-го іюля, въ закрытомъ театрѣ данъ сборный, оперно-балетный спектакль, состоявшій изъ третьяго дѣйствія „Фауста“, третьяго дѣйствія „Риголетто“, 2-й картины четвертаго дѣйствія „Жизни за Царя“ и 4-й картины изъ феэріи-балета „Козракъ“. Въ „Фаустѣ“ появились г-жа Плотницкая („Маргарита“), гг. Агульникъ (Фаустъ) и Шаланинъ (Мефистофель). Г-жа Плотницкая была не въ голосѣ; оба пѣвца успѣли выказать вокальныя средства и школу.

Г-жа Андреева-Вергина справилась прекрасно съ партіей Джильды. То же можно сказать и о г. Миллерѣ—Риголетто.

Въ шедшемъ затѣмъ отрывкѣ изъ „Козрака“ появилась балерина г-жа Сарси, протанцовавшая всѣ свои pas съ граціозной воздушностью и увѣренностью, хотя къ звѣздамъ первой величины ее причислить нельзя.

Въ **Крестовскомъ саду** господствуетъ безобразная оперетка и болѣе чѣмъ откровенные куплеты. Но рядомъ съ этими грубыми развлеченіями тамъ есть оркестръ румынскихъ цыганъ подъ управленіемъ Падуріана. Въ оркестрѣ не болѣе 10 человѣкъ; онъ состоитъ изъ скрипокъ, контрабаса, цимбалъ и стариннаго румынскаго духового инструмента, называемаго „палъ“ (въ классической древности этотъ инструментъ назывался флейтой „Пана“). Этотъ инструментъ съ большимъ успѣхомъ введенъ въ оркестръ г. Римскимъ-Корсаковымъ въ его волшебной операѣ „Млада“ (въ сценѣ появленія Клеопатры). Румынскій артистъ, играющій на этомъ инструментѣ, дѣлаетъ просто чудеса. Самъ дирижеръ—хорошій скрипачъ съ сочнымъ, красивымъ тономъ. Оркестръ играетъ польки, вальсы и попури изъ цыганскихъ, русскихъ и малорусскихъ пѣсенъ. Исполненіе замѣчательное по чистотѣ, отчетливости и необыкновенному увлеченію.

Въ **Петергофскомъ** театрѣ, по случаю бракосочетанія Великаго Князя Александра Михаиловича съ Великою Княжною Ксеніею Александровною, данъ былъ, 25-го іюля, спектакль-gala, представившій по роскоши и блеску рѣдко виданное явленіе. Спектакль начался актомъ оперы Гуно „Ромео и Джульетта“. Партію Ромео пѣлъ г. Фигнеръ, а партію Джульетты—г-жа Фигнеръ. Вслѣдъ

за вокальнымъ отдѣленіемъ слѣдовалъ балетъ гг. Петипа и Иванова, съ музыкою Дриго, „Пробужденіе Флоры“. Въ балетѣ есть нѣсколько красивыхъ нумеровъ-соло: для арфы (исп. г. Цабель) и для скрипки (исп. г. Ауэръ). Либретто этого новаго балета заключается въ слѣдующемъ: Ночь. Флора и ея нимфы спятъ. Ихъ оберегаетъ Діана. Ночная прохлада тревожитъ сонъ нимфъ, а появленіе Аквилона и затѣмъ росы пробуждаютъ Флору. Подъ вліяніемъ холода, нимфы взываютъ къ помощи Авроры, которая, лаская Флору, возвѣщаетъ скорое появленіе Аполлона. Появленіе бога свѣта оживляетъ растительное царство. Восхищенный красотою Флоры, Аполлонъ указываетъ ей на Зефира, говоря, что, по волѣ боговъ, Флора будетъ его супругою. Появленіе купидоновъ и амуровъ. Вѣстникъ боговъ—Меркурій, возвѣщаетъ, что Юпитеръ благословляетъ союзъ Флоры съ Зефиромъ и что Ганимедъ и Геба несутъ имъ кубокъ съ нектаромъ вѣчной молодости. Затѣмъ появляется кортежъ Вакха, съ сатирами, фавнами и вакханками. Балетъ заканчивается апофеозомъ, изображающимъ Олимпъ со всѣми богами. Въ балетѣ роли были розданы слѣдующимъ образомъ: Флоры—г-жѣ Кшесинской 2; Діаны—г-жѣ Леоновой, Аквилона—г. Горскому, Авроры—г-жѣ Іогансонъ; Аполлона—г. Герду; Зефира—г. Легатъ 1; Меркурія—г. Легатъ 3; Ганимеда—г. Куссову; Гебы—г-жѣ Куличевской; Купидона—г-жѣ Трефиловой; Бахуса—г. Сальяникову 1 и Аріона—г-жѣ Кшесинской 1.

Балетъ эффектно поставленъ. Въ немъ масса ласкающихъ взоръ и полныхъ граціи тѣлодвиженій. Костюмы и декораціи художника Базарова положительно безподобны Если же къ нимъ еще прибавить свѣтовые электрическіе эффекты, то всѣмъ станетъ ясно, какое чудное зрѣлище представлялъ балетъ. Въ особенности эффектны кортежъ и апоѳеозъ.

Передъ спектаклемъ на мѣстахъ были разложены весьма изящно изданныя на шероховатой, голубой бумагѣ афиши спектакля. На обложкѣ въ рамѣ изъ орнамента стиля Людовика XV помѣщенъ черный государственный гербъ, а внизу въ щиткѣ иниціалы Августѣйшихъ новобрачныхъ. Въ большой рамѣ обложки—рисунокъ подъ акварель, изображающій видъ на Императорскій дворецъ отъ Императорской пристани.

Театръ, благодаря убранству, былъ неузнаваемъ. Вокругъ него тянулись роскошные ажурные павильоны въ стилѣ Людовика XV. На ихъ пологихъ и сквозныхъ крышахъ по борту поставленъ былъ цѣлый рядъ небольшихъ вазъ этого же стиля, которыя чередовались съ характерными медальонами и другими предметами орнаментики этого стиля. По одной линіи стѣнъ, на высотѣ въ двѣ сажени, отдѣлялись крупныя окна съ рамами изъ красиваго орнамента. По деревяннымъ, окрашеннымъ въ ярко-зеленый цвѣтъ рѣшоткамъ стѣнъ вился плющъ и экзотическія, ползучія растенія Императорскихъ оранжерей. По стѣнамъ извивалась линія тепличныхъ растеній, красиво сгруппированныхъ съ живыми цвѣтами. Нижній карнизъ экзотической декораціи украсила золотая рѣшотка. На полу красное сукно, а вверху бронзовыя люстры съ хрустальными подвѣсками и цѣпями. Въ люстрахъ масса электрическихъ лампъ. Наружный фасадъ этихъ павильоновъ былъ также роскошно убранъ группами тепличныхъ растеній и эффектно сгруппированными флагами. Отъ этихъ павильоновъ, выступая нѣсколько впередъ, устроено парадное антрэ, утопавшее въ зелени, цвѣтахъ и флагахъ, построенное также въ стилѣ Людовика XV. На фронтонѣ театра красовался громадный двуглавый орелъ изъ массы электрическихъ лампъ; подъ нимъ лира.

Павловскій вокзалъ. Съ 1 по 20 іюля оркестръ г. Галкина между прочимъ исполнилъ послѣднюю (шестую) симфонію Чайковскаго, менуэтъ и фугу изъ C-dur'наго квартета Бетховена, увертюру „Фаустъ“—Вагнера и „Waldweben“ изъ его „Зигфрида“, „Тассо“—Листа, „алжирскую“ сюиту Сенъ-Санса, три нумера изъ „Flibustiee“ г. Кюи и 2-ой вальсъ г. Глазунова. Послѣдній, какъ новинка, останавливаетъ на себѣ наше вниманіе. Онъ посвященъ оркестру Павловскаго вокзала. Музыка его мила, граціозна, мелодична, свѣжа: привлекательны въ вальсѣ интересныя гармонизаціи и блестящая оркестровка, въ которой такъ силенъ нашъ талантливый композиторъ. Во всемъ произведеніи, явившемся плодомъ свѣтлаго, жизнерадостнаго настроенія, сказывается сильная рука симфониста, отлично владѣющаго техникою. Превосходно сыгранный г. Галкинымъ вальсъ понравился слушателямъ и имѣлъ успѣхъ.

Въ блестящей же оркестровкѣ г. Глазунова явился аккомпаниментъ къ могучему романсу Мусоргскаго—„Царь Саулъ“, музыкально спѣтому г. Анненковымъ. Въ концертѣ 20 іюля приняла участіе чета Фигнеръ, что, конечно, привлекло особенно много публики, на этотъ разъ принужденной впрочемъ рукоплескать своимъ любимцамъ за репертуаръ болѣе чѣмъ когда-нибудь легковѣсный и малозначительный.

Бенефисъ **Ораніенбаумскаго** капельмейстера г. Тульчіева привлекъ много публики, что объясняется прекрасною программой бенефиснаго концерта и отличнымъ составомъ участвовавшихъ.

При сравнительно небольшомъ составѣ оркестра, оркестровые нумера прошли подъ управленіемъ г. Тульчіева стройно и музыкально. Между ними назовемъ „испанскую“ увертюру г. Балакирева, увертюру къ „Руслану“ Глинки, „1812 годъ“ Чайковскаго, „Садко“ г. Римскаго-Корсакова и др.

Изъ солистовъ главное вниманіе слушателей обратила на себя музыкальнымъ пѣніемъ и отличной обработкой голоса г-жа Энквистъ, обладающая рѣдкимъ по красотѣ сопрано, мягкимъ, звучнымъ и ровнымъ во всѣхъ регистрахъ; съ безупречною музыкальностью артистка исполнила арію Гориславы изъ „Руслана“ Глинки, романсы: „Заря“ г. Кюи, „Средь шумныхъ дней“ и „День-ли царитъ“ Чайковскаго и др. Талантливая пѣвица и дирижеръ имѣли очень большой успѣхъ.

Москва.

Въ **Большомъ театрѣ**, между другими новинками, поставлена будетъ опера „Неронъ“—г. Рубинштейна.

Въ зданіи общаго офицерскаго собранія (въ лагерѣ на Ходынскомъ полѣ) состоялся 3 го августа послѣдній въ лѣтнемъ сезонѣ музыкальный вечеръ, который привлекъ массу посѣтителей и прошелъ съ шумнымъ успѣхомъ. Въ вечерѣ участвовали: г-жа Соколова-Фрелихъ (контральто), г-жа Нума (лирическое сопрано), баритонъ г. Соколовъ, віолончелистъ г. Потаповъ, г. Лясковскій (корнетъ à piston) и артистъ Малаго театра г. Васильевъ. Въ этомъ же зданіи, въ главномъ залѣ, гдѣ имѣется сцена, въ теченіи лѣта давались драматическіе спектакли. Руководилъ ими въ качествѣ режиссера г. Вехтеръ. Всѣхъ спектаклей было семь.

Работы по постройкѣ театра г. Солодовникова, на Большой Дмитровкѣ (о которомъ мы упомянули въ № 38 „Артиста“), подвигаются быстро впередъ. Снаружи театръ будетъ вѣроятно готовъ въ концѣ сентября или въ началѣ октября; внут

ренняя отдѣлка закончится не ранѣе конца декабря. Когда начнутся спектакли, еще не рѣшено. Театръ будетъ освѣщенъ электричествомъ; въ немъ устраиваются всѣ новѣйшія приспособленія, и онъ разсчитанъ на 3.100 мѣстъ для зрителей Кромѣ партера, въ немъ будутъ 4 яруса ложъ. Театръ арендованъ г. Парадизомъ.

Театръ бывшій **„Парадизъ“** снятъ на пять лѣтъ нижегородскимъ антрепренеромъ и основателемъ втораго театральнаго агентства въ Москвѣ Д. А. Бѣльскимъ.

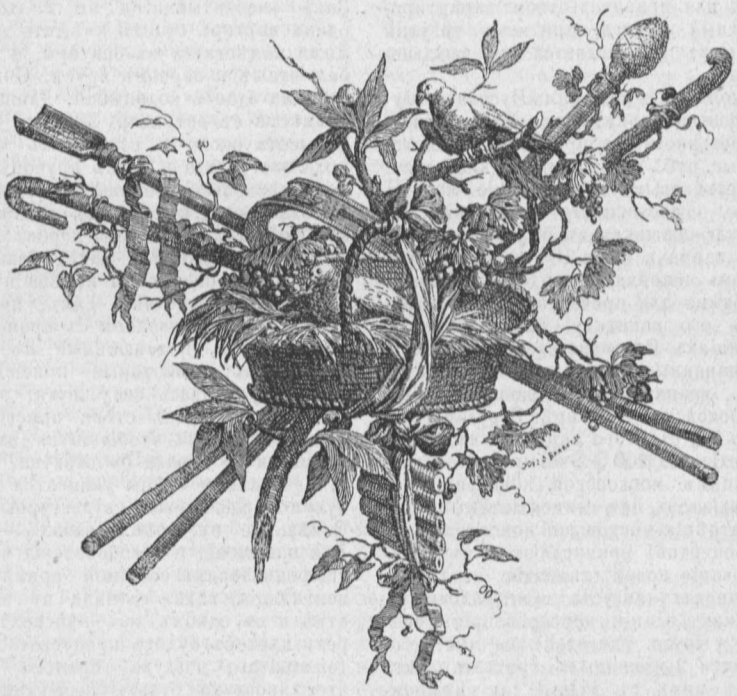
Въ Московской консерваторіи Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества учреждается одна стипендія имени П. И. Чайковскаго на проценты съ пожертвованнаго московскою городскою думою капитала, заключающагося въ пяти $4^1/_2$ % облигаціяхъ Кіево-воронежской желѣзной дороги, по тысячѣ рублей каждая, всего на сумму пять тысячъ рублей. Капиталъ этотъ хранится въ московской конторѣ Государственнаго банка. Проценты съ капитала выдаются ежегодно полностью одному изъ окончившихъ полный курсъ московской консерваторіи. Избраніе лица, которому выдается это пособіе, предоставляется директору московской консерваторіи, съ утвержденія московской городской управы. Могущіе образоваться остатки отъ процентовъ съ капитала по настоящей стипендіи причисляются къ капиталу для увеличенія размѣра стипендіи. По мѣрѣ выхода вышеозначенныхъ облигацій въ тиражъ погашенія, пріобрѣтаются, взамѣнъ погашенныхъ, государственныя или правительствомъ гарантированныя процентныя бумаги, при чемъ могущій оказаться излишекъ причисляется къ выдаваемымъ процентамъ.

Въ Московской консерваторіи Русскаго Музыкальнаго Общества учреждаются 14 стипендій имени С. М. Третьякова, на проценты съ капиталовъ: а) въ 50 тыс. руб., завѣщанныхъ дѣйст. стат. сов. С. М. Третьяковымъ въ вѣдѣніе московскаго городскаго общественнаго управленія для этой цѣли и заключающихся въ 5% облигаціяхъ 2-го восточнаго займа и б) въ 10 т. руб., пожертвованныхъ сыномъ покойнаго, кандидатомъ правъ П. С. Третьяковымъ для присоединенія къ завѣщанному отцомъ его капиталу, заключающихся въ $4^1/_2$% облигаціяхъ Рязанско-уральской желѣзной дороги. Означенные капиталы, всего на сумму 60 тыс. руб., хранятся въ московскомъ казначействѣ и московской конторѣ Государственнаго банка. Изъ % съ этого капитала выдаются ежегодно стипендіи, по 200 р., четырнадцати ученикамъ и ученицамъ московской консерваторіи. Избраніе стипендіатовъ или стипендіатокъ предоставляется усмотрѣнію московской консерваторіи. Остатки отъ процентовъ причисляются къ капиталу для образованія новой стипендіи.

Въ первыхъ числахъ августа приступлено къ сломкѣ теперешнихъ зданій консерваторіи (центральнаго дома и двухъ флигелей), на мѣстѣ которыхъ выстроятся 2 каменныхъ трехъэтажныхъ дома: одинъ изъ нихъ съ залами для симфоническихъ и квартетныхъ собраній займетъ всю лѣвую отъ воротъ сторону, центральную часть и часть правой стороны и будетъ выходить и на Большую Никитскую, и въ Средне-Кисловскій переулокъ; другой домъ-флигель станетъ на остальной части правой стороны (фасадомъ на Никитскую). Передній дворъ со стороны Никитской сохранитъ свою форму амфитеатра; останется также и срединный скверъ, только снято будетъ часть деревьевъ на немъ, чтобы открыть фасадъ зданія; отчасти съ той же цѣлью уничтожатся ворота и желѣзная рѣшетка съ Никитской. На скверѣ проэктируется воздвигнуть памятникъ Н. Г. Рубинштейну и П. И. Чайковскому. Лѣвую половину большого дома (отъ центральнаго подъѣзда и огромнаго вестибюля) займутъ: въ нижнемъ этажѣ—контора, пріемная, директорская, инспекторская, профессорская, пріемная доктора, отдѣльныя раздѣвальни для учениковъ и учениць и помѣщеніе подъ магазинъ (подобное же помѣщеніе будетъ устроено и въ первомъ этажѣ флигеля); во второмъ и третьемъ— обширные классы, учительская, библіотека, малый концертный залъ для квартетныхъ собраній на 500 человѣкъ и квартира директора. Кромѣ ученическаго подъѣзда, въ этой части зданія устроятся еще два отдѣльныхъ подъѣзда для публики. Центральный же подъѣздъ крытый и съ колоннадой, будетъ вести въ обширный вестибюль, а оттуда черезъ парадную лѣстницу въ правую половину зданія, гдѣ расположится огромный залъ для симфоническихъ собраній, фойе, гостинная, помѣщенія для капельмейстера, артистовъ, хора, оркестра, двѣ большія раздѣвальни въ достаточномъ разстояніи отъ входа, изолированныя такимъ образомъ отъ притока холоднаго воздуха и раздѣленныя для удобства публики на отдѣленія, соотвѣтственно различнымъ категоріямъ мѣстъ въ залѣ, и др. помѣщенія. Въ лѣвой части зала, близъ эстрады — роскошная ложа для лицъ Царской Фамиліи, съ особымъ подъѣздомъ со стороны Средне-Кисловскаго переулка; съ того же переулка будетъ еще второй подъѣздъ для публики, а для артистовъ особый — съ Никитской. Залъ разсчитывается на 2 тысячи человѣкъ; одинъ партеръ будетъ вмѣщать до тысячи лицъ. Ложи помѣстятся въ бенуарѣ, а амфитеатръ—въ бель-этажѣ и первомъ ярусѣ. Обширная эстрада сдѣлана будетъ подвижной. Длина зала 14 саж., а вмѣстѣ съ эстрадой 20 саж., ширина 10 саж. и высота около 8 саж., такъ что поверхность пола этого зала и двухъ ярусовъ амфитеатра будетъ нѣсколько превышать площадь большого зала Благороднаго собранія, считая пространство за колоннами и площадь хоровъ. При устройствѣ обѣихъ концертныхъ залъ, большого и малаго, примѣнятся различныя новѣйшія приспособленія современной акустики. Такъ, напримѣръ, потолокъ сдѣлается двойной съ промежуточнымъ слоемъ воздуха, подвѣшанный къ металлическимъ стропиламъ; нѣкоторыя приспособленія позволятъ регулировать силу звука; противоположная подвижной эстрадѣ стѣна приспособлена будетъ такимъ образомъ чтобы звуки отъ нея не отражались и не давали бы отзвука, а замирали — и т. п. Боковыя стѣны украсятся колоннадой, статуями и различными скульптурными украшеніями. Освѣщеніе въ обѣихъ залахъ — электрическое. Для освѣженія и возобновленія воздуха во время симфоническихъ собраній примѣнится такая же вентиляція, какая сдѣлана въ варшавскомъ театрѣ и въ одномъ изъ вѣнскихъ театровъ: черезъ партеръ будетъ пропускаться струя чистаго тепловатаго воздуха, причемъ самое движеніе этого воздуха будетъ неощутимо для публики. Отопленіе въ обоихъ домахъ— частью паро-водяное, частью духовое. Наконецъ, правый флигель отведется подъ квартиры инспектора, служащихъ и служителей, общежитіе учениковъ и торговое помѣщеніе (въ 1 этажѣ). Постройка будетъ производиться по планамъ и смѣтамъ академика архитектуры В. П. Загорскаго. Стоимость ея простирается до 550 тыс. руб.; въ эту сумму войдутъ 400 т. р., ассигнованные Правительствомъ, и часть капитала, пожертвованнаго Г. Г. Солодовниковымъ. Закончить всю постройку предполагается въ 1896 году. Въ ожиданіи же своего новаго зданія для консерваторіи нанято помѣще-

ніе бывшаго реальнаго училища г. Хайновскаго въ д. кн. Голицина, противъ Храма Христа Спасителя. („Курьеръ П. и Т.“).

Въ **„Аркадіи“** съ начала лѣтняго сезона давали оперетки. Культивировался старинный опереточный репертуаръ, до извѣстной степени, отъ времени до времени, освѣжаемый новинками, вродѣ „Секрета сатаны“ — Феррона, гдѣ недурная музыка только отчасти выручаетъ плохо составленное либретто. Все это исполнялось болѣе или менѣе съ ансамблемъ, но далеко не блестяще. Въ труппѣ, между тѣмъ, имѣлись хорошія силы: г-жа Раисова, обращающая не столько на сценическую, сколько на вокальную сторону исполненія,—въ общемъ нравилась; г. Бураковскій— комикъ не безъ дарованія, г. Чабанъ — вялъ, но поетъ со вкусомъ; наконецъ, въ спектакляхъ принимали участіе давнишнія московскія любимицы— г-жи Бѣльская и Зорина, и покинувшій оперу для оперетты — г. Форесто. Шагъ, на который рѣшился только что названный баритонъ, положительно надо привѣтствовать: лучше быть первымъ въ опереттѣ, чѣмъ занимать невидное положеніе въ оперѣ. Мы помнимъ г. Форесто по его московскимъ дебютамъ у г. Лентовскаго въ театрѣ г. Шелапутина. И тогда онъ мило пѣлъ, изящно держался на сценѣ, но яркости ни въ голосовыхъ средствахъ, ни въ созиданіи драматическихъ образовъ у г. Форесто замѣтно не было. Въ опереткѣ же онъ выше всѣхъ на голову и какъ голосъ, и какъ пѣвецъ. Въ послѣднее время, вѣроятно, настояніями г. Форесто, соскучившагося въ опереттѣ по оперѣ, труппа „Аркадіи“ берется за такія отвѣтственныя вещи, какъ „Кармэнъ“. Конечно, опера Бизэ опереточнымъ силамъ не по плечу, да и самъ г. Форесто здѣсь какъ будто снова сталъ ниже.



Хроника.

Заграничная хроника.

Англія. Сара Бернаръ въ настоящее время съ своей труппой даетъ спектакли въ провинціальныхъ городахъ Англіи. Чтобы выиграть время, труппа обѣдаетъ и спитъ, а также дѣлаетъ репетиціи въ вагонахъ желѣзной дороги. По выходѣ изъ вагоновъ артисты должны тотчасъ же играть свои пьесы. Для себя Сара Бернаръ имѣетъ два особыхъ вагона. Въ воскресенье труппа ея уѣхала изъ Лондона въ Эдинбургъ, гдѣ уже играла въ понедѣльникъ. Въ теченіе недѣли разсчитано окончить турнэ въ Манчестерѣ. Оттуда знаменитая артистка спѣшитъ въ Парижъ для переговоровъ съ Сарду по поводу его новой исторической драмы, которую предполагается поставить въ театрѣ „Renaissance“ при открытіи сезона.

Элеонора Дузе, какъ сообщаютъ иностранныя газеты, заключила контрактъ съ однимъ изъ импрессаріо на три года; она предпринимаетъ артистическое путешествіе сначала въ Англію, затѣмъ въ Германію и въ Россію и, наконецъ, въ Америку.

Антверпенскій съѣздъ представителей печати рѣшилъ устроить въ Парижѣ постоянный союзъ журналистовъ, который служилъ бы объединительнымъ звеномъ между всѣми союзами представителей печати.

Въ **Баденѣ** близъ Вѣны отравилась любимица вѣнской публики, артистка Елена Горакъ. Передъ самымъ представленіемъ, въ которомъ она должна была участвовать, она приняла ціанъ-кали. Причина – тоска по мужѣ, который недавно скончался въ больницѣ для душевно-больныхъ. Директору театра Горакъ оставила слѣдующую записку: „Не сердитесь, что я такимъ способомъ нарушаю контрактъ. Горе мое слишкомъ велико“.

Берлинъ. Въ берлинскихъ газетахъ былъ помѣщенъ протестъ нѣмецкихъ драматурговъ противъ попытки урѣзать ихъ права, предпринятой на съѣздѣ антрепренеровъ и интендантовъ придворныхъ театровъ. Антрепренеры полагаютъ, что гонораръ драматурга, доходящій до 10 процентовъ валового сбора, слишкомъ великъ, и хотятъ ограничить его максимумъ въ 5 процентовъ; драматическіе писатели отвѣчаютъ, что они въ такомъ случаѣ не дадутъ своихъ пьесъ антрепренерамъ, примкнувшимъ къ направленному противъ писателей союзу. Литературная собственность писателя стоитъ выше интересовъ предпринимателей, для которыхъ театръ только источникъ ихъ наживы: антрепренеры предлагаютъ также сократить тантьемы драматурговъ въ воскресные спектакли, очевидно желая сдѣлать театръ болѣе доступнымъ по цѣнѣ воскресной публикѣ, а писатели и тутъ не перестаютъ возмущаться. Они уже образовали свой особый комитетъ, къ которому принадлежатъ Вильденбрухъ, Зудерманъ и еще 2–3 драматическихъ писателя средней извѣстности. Остальные 77 протестантовъ публикѣ мало извѣстны. Гауптмана и молодежи, примыкающей къ нему, мы среди негодующихъ писателей не встрѣчаемъ.

Берлинскія газеты сообщаютъ, что Кокленъ, уѣзжая изъ Мюнхена, выразилъ желаніе дать нѣсколько спектаклей въ Берлинѣ. Онъ получилъ отъ принца-регента Баварскаго Луитпольда золотую медаль, выдаваемую за заслуги въ области „наукъ и искусства“.

Въ **Болоньѣ** на этихъ дняхъ дали въ первый разъ рядъ представленій духовной драмы „Христосъ“ — соч. Бовіо. Мѣста на всѣ спектакли были взяты нарасхватъ. Но на самыхъ представленіяхъ присутствовали только журналисты и полицейскіе чиновники; всѣ остальныя мѣста пустовали. Случилось это благодаря тому, что клерикалы скупили всѣ билеты, чтобы никто не могъ попасть въ театръ. Такъ какъ труппа, связанная контрактомъ, не могла долго оставаться въ Болоньѣ, то маневръ этотъ вполнѣ удался.

Въ домашней библіотекѣ князя Меттерниха въ **Вѣнѣ** найденъ весьма цѣнный манускриптъ, принадлежащій перу знаменитаго испанскаго драматурга Лопе-де-Вега; драма „Королева донна Марія“ нигдѣ не была напечатана и никто о ней не зналъ. Мадридская академія, узнавъ объ этой цѣнной и рѣдкой рукописи, просила позволенія у князя Меттерниха скопировать ее и получила согласіе. Теперь драма эта войдетъ въ полное собраніе сочиненій Лопе-де-Вега, издаваемое названной академіей.

Три года тому назадъ Зигмундъ Броди, собственникъ венгерской газеты *Neues Pester Journal*, пожертвовалъ капиталъ для выдачи, черезъ каждые три года, преміи въ 3,000 флориновъ лицу, за которымъ будутъ признаны особо выдающіяся заслуги передъ отечествомъ на поприщѣ журнальной дѣятельности. Недавно состоялось первое присужденіе этой преміи венгерской академіей наукъ, которая единогласно присудила ее извѣстному публицисту Францу Пульскому. (F. Pulszky).

Италія. 25-го апрѣля 1895 г. (нов. ст.) Италія будетъ чествовать трехсотлѣтіе смерти Торквато Тассо. По этому поводу профессоръ болоньскаго университета Анджело Солерти приго-

товляетъ новую біографію великаго поэта. Для нея авторъ впервые воспользуется цѣнными данными, заключающимися въ 500 документахъ, доселѣ не изданныхъ. Книга будетъ украшена фотогравюрами со всѣхъ извѣстныхъ портретовъ Тассо.

Извѣстный итальянскій актеръ-трагикъ Эрнесто Росси обвиняетъ драматурга Ибсена въ плагіатѣ. Именно, онъ увѣряетъ, что Ибсенъ все содержаніе своей пьесы „Врагъ народа“ взялъ изъ одной пьесы недавно умершаго итальянскаго писателя Риккардо Кастельвеккіо. Пьеса, изъ которой Ибсенъ взялъ содержаніе для своего произведенія, называется „Il medico condotto“.

Итальянское правительство отозвало своего консула въ **Копенгагенѣ** за то, что онъ осудилъ въ датскихъ газетахъ недавнее изгнаніе датскихъ авторовъ изъ Шлезвигъ-Гольштейна.

Въ **Львовѣ** собрался на-дняхъ съѣздъ польскихъ писателей и журналистовъ. На этотъ съѣздъ приглашены были и представители чешской печати съ извѣстнымъ поэтомъ Верхлицкимъ во главѣ. Чешскіе гости удостоились на съѣздѣ восторженной встрѣчи. Въ честь ихъ произнесены были рѣчи, въ которыхъ много говорилось о славянской солидарности.

Въ **Марселѣ**, въ тамошнемъ „Альказарѣ“ дается теперь злободневная пьеса, сюжетомъ для которой взятъ эпизодъ при Баньелѣ изъ войны 1870 г. Герой этого эпизода — Казимиръ Перье, овладѣвшій подъ непріятельскими пулями тѣломъ павшаго командира, майора Дампьерра. Финалъ пьесы изображаетъ въ апоѳеозѣ избраніе Казимира Перье президентомъ республики, среди траура по Карно.

Изъ **Милана** сообщаютъ, что Сонцоньо — извѣстный издатель молодыхъ итальянскихъ композиторовъ, принялъ на себя управленіе театромъ „Ла-Скала“. Въ сентябрѣ въ Миланѣ-же откроется воздвигнутый имъ „Международный театръ“.

Нью-Іоркъ. Въ нью-іоркскомъ „Tegace Garden Theater“ даются въ настоящее время въ сокращенномъ видѣ всѣ извѣстнѣйшія шекспировскія трагедіи въ одинъ вечеръ.

„Гамлета“ играютъ десять минутъ, „Короля Лира“ — восемь минутъ, а „Ричарда III“ ухитряются отыграть въ три минуты! Всего болѣе времени уходитъ на „Ромео и Джульетту“. Эту трагедію играютъ двѣнадцать минутъ.

Поощренные успѣхомъ этого „цикла“, американцы подумываютъ уже о подобномъ же циклѣ пьесъ Ибсена.

Въ **Парижѣ**, съ 23-го іюля, по 23-е ноября (нов. ст.) этого года, открыта во дворцѣ Промышленности международная выставка по книгопечатанію и бумажному производству. Предназначенные для выставки предметы будутъ распредѣлены по слѣдующимъ 14 группамъ: 1 — бумага; 2—продукты для печатанія; 3—механизмы; 4—отпечатанные предметы; 5—фотографія и графическія производства, съ нею связанныя; 6—книгоиздательское и книгопродавческое дѣло; 7—брошюрованіе и переплетное мастерство; 8—художественныя изданія; 9—повременная печать; 10—ретроспективная выставка; 11—коллекціи, соціальная экономія; 12—мебель, помѣщенія для книгъ; 13—различныя производства и 14—изобрѣтенія. На выставкѣ приметъ участіе французское министерство народнаго образованія колекціей его изданій въ 1889 года и, въ томъ числѣ, извѣстіями комитета по историческимъ и научнымъ изслѣдованіямъ, трудами по географіи, отчетами о научныхъ экспедиціяхъ и т. п.

Парижскія газеты занимаются уже театральными новинками предстоящаго сезона. Въ Comédie Française назначены къ постановкѣ новыя пьесы Леметра, Ришпена, Дюма и Мельяка. Въ „Одеонѣ“ пойдетъ пьеса г-жи Юдиси Готье, судя по названію—„Барыня“—изъ русской жизни. Въ „Ренесансѣ“, у Сары Бернаръ, готовится новая пьеса Сарду, историческая, изъ средневѣковой жизни, и, кромѣ того, „Въ отчемъ домѣ“ Зудермана.

На дняхъ въ Парижѣ происходило въ театральномъ мірѣ торжество. Артисты парижской „Comédie Française“ чествовали своего старѣйшаго товарища, актера Го по случаю его пятидесятилѣтней артистической дѣятельности. Въ память этого юбилея выбита золотая медаль, поднесенная товарищами Го. На одной сторонѣ медали изображенъ Мольеръ, а на другой—надпись въ честь Го. Во время торжественнаго завтрака, даннаго артистами въ день юбилея, было произнесено много тостовъ и рѣчей. Говорили, между прочимъ, Мунэ-Сюлли и Жюль Кларети.

Кокленъ заключилъ на зиму окончательное условіе съ театромъ „Жимназъ“. Ему гарантирована поспектакльная плата въ 500 фр.

Директоръ парижскаго „Свободнаго театра“ Антуанъ намѣренъ предпринять со своей труппой, какъ уже знаютъ наши читатели, большое турнэ по Европѣ. Турнэ будетъ совершено въ три пріема. Первое путешествіе будетъ продолжаться съ октября по декабрь. Труппа посѣтитъ Бельгію, Германію, Австрію и Данію. Вернувшись въ Парижъ и пробывъ тамъ мѣсяцъ, Антуанъ отправится въ Италію и вернется въ мартѣ снова въ Парижъ. Въ апрѣлѣ Антуанъ предполагаетъ дать рядъ спектаклей въ Россіи.

Въ **Сиднеѣ** была поставлена недавно оперетка Зуппэ, „Фатиница“, причемъ всѣ исполнители были негры и только единственная „бѣлая“ фигурировала въ одной изъ ролей. Оперетка имѣла большой успѣхъ и исполнители вызвали восторженные апплодисменты со стороны публики.

Въ **Софіи** праздновалось на-дняхъ пятидесятилѣтіе появленія въ свѣтъ первой газеты на болгарскомъ языкѣ.

Франція. Кандидатомъ во французскую академію на кресло умершаго Леконтъ-де-Лиля выступаетъ Анри Гуссе.

Извѣстный театральный критикъ газеты „Temps“ Франсискъ Сарсэ находитъ, что упадокъ современнаго театра отчасти зависитъ отъ злоупотребленій генеральными репетиціями и даровыми спектаклями для представителей печати. Поэтому онъ предлагаетъ упразднить генеральныя репетиціи. Газета „Figaro“ обратилась за разъясненіемъ этого вопроса къ извѣстному драматургу Александру Дюма.

Дюма отвѣтилъ слѣдующимъ письмомъ:

„Сарсэ правъ. Онъ тысячу разъ правъ, что хочетъ упразднить генеральныя репетиціи. До него того же требовалъ съ криками и трубными гласами Сарду. Мы всѣ этого требовали. Но мы плѣнники традицій, установленныхъ нашей слабостью и слабостью директоровъ театровъ. Мы подчинены этому обычаю и будемъ терпѣть его до тѣхъ поръ, пока какой-либо энергическій директоръ не осмѣлится вернуться къ истинѣ.

„Истина же состоитъ въ томъ, чтобы о пьесѣ давали отчеты въ печати лишь тогда, когда пьеса будетъ окончена, а это бываетъ только въ вечеръ перваго представленія.

„Генеральная репетиція“ — ни болѣе ни менѣе какъ кража мысли писателя. Ахъ, еслибъ я управлялъ театромъ „Comédie Française“, то, клянусь вамъ, не сталъ бы колебаться. И тутъ нечего бояться какихъ-либо репрессалій. Критика, во избѣжаніе потери своего кредита, вынуждена была бы во что бы то ни стало вернуться въ театръ, и

притомъ „Комедія“ имѣетъ свою публику и своихъ обычныхъ посѣтителей, а противъ нихъ печать безсильна, какъ показываетъ приключеніе съ авторомъ комедіи „Cabotins“.

„Вы мнѣ говорите о томъ, что въ такомъ случаѣ критическіе отчеты будутъ появляться лишь на другой день послѣ спектакля. Ну что же, ваши собратья будутъ лишь скорѣе писать, если имъ уже непремѣнно хочется немедленно оповѣстить своихъ читателей. Они будутъ писать свои статьи между полуночью и 2 часами утра“.

Сарду сказалъ сотруднику этой газеты: — „Я одинъ изъ первыхъ протестовалъ противъ злоупотребленія генеральными репетиціями, которыя вредны директорамъ театровъ, авторамъ, пьесамъ, зрителямъ и даже самимъ критикамъ. Во время возбужденнаго мною процесса противъ газеты „Gil Blas“, изъ-за пьесы моей „Tosca“, мой адвокатъ г. Тезенъ уже разсмотрѣлъ этотъ вопросъ всесторонне и выигралъ. Теперь же я уже не хочу поднимать снова этого вопроса. Съ меня довольно и прежнихъ униженій.

Провинціальная хроника.

Астрахань. За іюнь играющее здѣсь оперное товарищество получило, за вычетомъ обязательныхъ расходовъ, по 42 коп. за рубль.

Бердичевъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ въ мѣстномъ театрѣ г. Загера давало спектакли малорусское товарищество, г. Садовскаго, съ участіемъ г-жи Заньковецкой. Всѣхъ спектаклей дано было около 20-ти съ большимъ матеріальнымъ успѣхомъ.

Въ виду того, что на постройку въ **Варшавѣ** опернаго казеннаго театра не хватило ассигнованныхъ средствъ, министерство внутреннихъ дѣлъ рѣшило ассигновать, изъ имѣющагося въ его распоряженіи особаго фонда, 300 тысячъ рублей. Ассигнованіе это уже утверждено Государственнымъ Совѣтомъ.

Воронежъ. Какъ извѣстно, Воронежъ—родина двухъ народныхъ поэтовъ, Кольцова и Никитина. Кольцову въ Воронежѣ поставленъ памятникъ, его именемъ названы городская библіотека и скверъ, но для памяти Никитина земляки его ничего до сихъ поръ не сдѣлали. Теперь, по иниціативѣ одного частнаго лица, возникла мысль пріобрѣсти изъ частныхъ рукъ библіотеку для чтенія, принадлежавшую прежде Никитину, и, пополнивъ ее, устроить общедоступную „Никитинскую библіотеку“.

По свѣдѣніямъ „Дона“, дѣла обоихъ опереточныхъ театровъ, въ городскомъ саду и „Эрмитажѣ“, идутъ плохо. Отъ труппы потребовано 10% сбора для образованія фонда на случай уплаты лицамъ, состоящимъ въ труппѣ на жалованьи.

Вятскій театръ до сихъ поръ остается не сданнымъ. Зданіе театра, а также вся театральная обстановка, костюмы и библіотека находятся въ распоряженіи кружка любителей сценическаго искусства.

Южныя газеты сообщаютъ денежные результаты путешествія по Россіи г-жи Савиной и ея Товарищества. Спектакли закончились въ **Екатеринославлѣ** 15-го іюля. За 2 мѣсяца и 13 дней взято 32,000 р. валового сбора, причемъ было дано 55 спектаклей по Волгѣ, Кавказу и Крыму. За всю поѣздку Товарищество (г-жи Свободина-Барышева, Соловьева, Терсова, Лидина, Лебедева и гг. Агаревъ, Неждановъ, Рюминъ, Каширинъ, Чинаровъ, Чернышевъ и Бородай) получили полнымъ рублемъ и суточныя, а г-жа Сазина получила до 9,000 руб.

Зимній театръ въ **Екатеринбургѣ** снятъ извѣстной артисткой Т. И. Понизовской.

Желязовая Воля. Работы по постройкѣ памятника Шопену въ Желязовой Волѣ, Сохачевскаго уѣзда, Варшавской губ. подвинуты значительно. Открытіе памятника назначено на 18-е августа.

18-го мая состоялась закладка каменнаго театра въ **Иркутскѣ**, въ присутствіи главнаго начальника края, исправляющаго должность губернатора, городского головы, членовъ театрально-строительнаго комитета и другихъ лицъ. Зданіе строится почти исключительно на частныя пожертвованія. Послѣ пожара, бывшаго 28-го октября 1890 года и истребившаго построенный въ 1873 году театръ, иркутскій генералъ-губернаторъ взялъ на себя починъ въ сборѣ пожертвованій на сооруженіе новаго театральнаго зданія. На призывъ къ пожертвованіямъ, по словамъ „Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, откликнулись очень многіе, и уже къ началу 1892 года было прислано въ распоряженіе иркутскаго генералъ-губернатора 141,600 р. Всего-же ко дню закладки театральнаго зданія поступило: пожертвованій 153,400 р., страховой преміи за сгорѣвшій театръ 28,151 р. 73 к., и наросло процентовъ 16,348 р. 60 к., а всего 197,900 р. 33 коп. Изъ этой суммы израсходовано до настоящаго времени на заготовленіе строительныхъ матеріаловъ и проч. 36,243 руб. 18 к. Сооруженіе театра находится въ вѣдѣніи Иркутскаго театрально-строительнаго комитета и производится хозяйственнымъ способомъ, съ отдачей отдѣльныхъ работъ на подрядъ. Театральное зданіе сооружается по проекту профессора В. А. Шретера, удостоенному преміи на конкурсѣ.

Составъ оперной труппы въ **Кіевѣ** на будущій сезонъ вполнѣ опредѣлился; антрепренеромъ и главнымъ дирижеромъ состоитъ г. Пагани; труппа же организована изъ слѣдующихъ артистовъ: г-жи Зыбина (драм. сопрано), Веселовская (лирич. сопр.). Маршадъ (лир. и колор. сопр.), Корецкая и Азерская (меццо-сопрано) и гг. Преображенскій и Медвѣдевъ (тенора на драм. партіи,—будутъ чередоваться), Морской и Борисенко (лиртенора), Виноградовъ, Свѣтловъ и Образцовъ (баритоны), Горяиновъ и Островидовъ (басы).

Предполагаемыя новыя для Кіева оперы: „Искатели жемчуга“ Бизэ, „Ромео и Джульета“ Гуно и „Вертеръ“ Масснэ (съ г. Медвѣдевымъ въ главной партіи); изъ русскихъ оперъ называютъ „Юдиѳь“ Сѣрова и „Снѣгурочку“ г. Римскаго-Корсакова. Главный режиссеръ г. Дума.

Въ Кіевѣ опереточное Товарищество Н. Н. Киселевича дѣлаетъ блестящія дѣла и будетъ играть до конца августа здѣсь, а затѣмъ уѣзжаетъ въ Ростовъ-на-Дону. Артистическое Товарищество артистовъ, образованное г. Медвѣдевымъ, посѣтило города: Таганрогъ, Ростовъ-на-Дону, Ставрополь, Тифлисъ, Кутаисъ, Батумъ, Ѳеодосію, Одессу и Кіевъ, сдѣлавъ, за два мѣсяца вояжа, около 40 тысячъ руб. валового сбора. Путевыя издержки членовъ труппы съ перевозкою багажа стоили Товариществу 6 тысячъ рублей. Одного авторскаго гонорара заплачено было свыше тысячи рублей.

Маіоренгофъ (близъ Риги). Здѣшними лѣтними концертами (съ симфоническою программою) въ этомъ сезонѣ дирижируетъ извѣстный капельмейстеръ г. Рудольфъ Буллерьянъ. 4 августа состоялся, при многочисленной публикѣ, бенефисъ его. Въ составъ программы его концерта вошли: увертюра „Фаустъ“—Вагнера, симфонія (н. 5)—Бетховена, увертюра „1812 годъ“—Чайковскаго

и еще двѣ оркестровыя пьесы. Г. Буллерьянъ провелъ всѣ эти номера съ присущимъ ему увлеченіемъ, съ осмысленною, интересною фразировкою и требуемою тонкою отдѣлкою техническихъ деталей. Талантливый, симпатичный дирижеръ былъ въ теченіи всего вечера, предметомъ шумныхъ овацій: онъ получилъ вѣнки и весьма цѣнные подарки. Въ концертѣ г. Буллерьяна участвовали скрипачъ г. Васильевъ, віолончелистъ г. Дубинскій (изъ московской консерваторіи) и кларнетистъ г. Розановъ. Всѣ имѣли значительный, заслуженный успѣхъ.

Нижегородскій театръ на предстоящій зимній сезонъ 1894—95 г. арендованъ И. И. Собольщиковымъ-Самаринымъ, подъ управленіемъ котораго велось театральное дѣло на артельныхъ началахъ и въ минувшемъ сезонѣ 1893—94 гг. и дало слѣдующіе результаты: валовой сборъ— 24,417 руб. 89 коп.; за исключеніемъ всѣхъ расходовъ, выдано Товариществу 12,348 р. 22 коп., изъ нихъ раздѣлено на паи 9,222 руб. 52 к., и выдано бенефиціантамъ 3,125 р. 63 к. На кругъ заработано, безъ бенефисовъ 57³/₄ к. на пай, съ раскладкой бенефисовъ до 96 к. на пай, — при высшемъ окладѣ вознагражденія въ 400 паевъ. На предстоящій сезонъ г. Собольщиковъ-Самаринъ нашелъ возможнымъ уменьшить вечеровой расходъ на 15 р. отъ каждаго спектакля, т.-е. въ сезонъ, при 75 спектакляхъ на 1,125 р., что при уменьшенной арендѣ театра, противъ прошлаго года на 800 руб. даетъ Товариществу всего 1,925 р. которые будутъ раздѣлены на паи, въ добавленіе къ заработку въ видѣ чистой прибыли. Труппа еще не въ полномъ составѣ. Театръ отдѣлывается заново, на ремонтъ выдано 10,000 рублей.

Изъ **Полтавы** пишутъ, что тамъ закончилось артистическое турнэ труппы Императорскаго Александринскаго театра, съ В. Н. Давыдовымъ во главѣ. Труппа побывала въ Одессѣ, Харьковѣ, Курскѣ, Кіевѣ, Орлѣ, Николаевѣ, Херсонѣ, Кременчугѣ, ставя „Ревизора“, „Горе отъ ума“, „Мертвыя души“, „Плоды просвѣщенія“, „Дворянское гнѣздо“, „Свадьбу Кречинскаго“ и „Коварство и любовь“. Первые 43 спектакля дали 42,460 руб. валового сбора. Распорядителемъ Товарищества былъ Г. М. Лебедевъ.

Одесса. Матеріальные итоги гастролировавшихъ въ одесскомъ городскомъ театрѣ труппъ выразились въ слѣдующихъ цифрахъ. Петербургское драматическое товарищество подъ управленіемъ г. Медвѣдева дало въ Одессѣ восемь спектаклей и выручило валового сбора 6,662 руб. или по 833 руб. за спектакль. Московская балетная труппа за четыре спектакля получила валового сбора 2,428 руб. или по 607 руб. среднимъ числомъ за каждый спектакль. Артистка г-жа Горева находится въ настоящее время въ Одессѣ. Артистка серьезно занемогла среди своихъ гастролей въ Крыму и прибыла въ Одессу для леченія.

Орелъ. 6-го іюля мѣстный комитетъ народныхъ чтеній, въ день десятилѣтія со дня кончины Ивана Сергѣевича Тургенева, между прочимъ, постановилъ обратиться къ орловской Думѣ съ просьбою ходатайствовать о всероссійской подпискѣ на памятникъ Тургеневу въ Орлѣ. Дума въ скоромъ времени сдѣлала соотвѣтствующее постановленіе, и теперь ея ходатайство увѣнчалось успѣхомъ. Высочайше разрѣшено открыть при орловской городской управѣ всероссійскую подписку на памятникъ И. С. Тургеневу въ Орлѣ. Теперь уже отъ сочувствія общества зависитъ болѣе или менѣе скорое осуществленіе мысли мѣстнаго комитета народныхъ чтеній.

Въ г. Орлѣ лѣтній театральный сезонъ открылся только 17-го іюля. Циркъ, существовавшій здѣсь съ весны понесъ громадные убытки и антрепренеру для расплаты съ артистами пришлось приступить къ распродажѣ лошадей. Теперь на мѣсто цирка во вновь отстроенномъ городскомъ театрѣ открыла свои представленія труппа драматическихъ артистовъ подъ управленіемъ г. Соколова-Жамсонъ. Въ день открытія театръ былъ переполненъ публикой.

Директоръ городского театра въ **Ригѣ**, Максъ Мартерштейгъ, намѣренъ нынѣшнею осенью поставить трилогію Софокла—„Эдипъ“ съ музыкой берлинскаго капельмейстера Феликса Вейнгартнера.

— Съ разрѣшенія министерства народнаго просвѣщенія учениками рижской городской гимназіи недавно дано было въ городскомъ театрѣ представленіе трагедіи Софокла „Антигона“ на греческомъ языкѣ и деньги, вырученныя отъ продажи билетовъ, въ количествѣ 522 р. 25 коп., отправлены въ Грецію, въ комитетъ вспомоществованія жителямъ города Ѳивъ, пострадавшимъ отъ землетрясенія.

Находившаяся до сихъ поръ въ рукахъ нѣсколькихъ лицъ антреприза Александровскаго сада въ **Ростовѣ-на-Дону** переходитъ къ артисту А. Д. Давыдову.

Въ Саратовѣ готовятъ къ постановкѣ оперу „Снѣгурочка“—г. Римскаго-Корсакова.

Севастополь. 5-го іюля на севастопольскомъ кладбищѣ состоялось открытіе памятника артисту М. В. Аграмову, умершему въ прошломъ году. Памятникъ сооруженъ по подпискѣ.

Старая-Русса. Театръ Старорусскаго минеральнаго курорта въ нынѣшнемъ сезонѣ посѣщается весьма охотно. Директоромъ его состоитъ профессоръ Х. Ю. І. Затценгаферъ и режиссеромъ артистъ В. К. Травскій. На этихъ дняхъ поставленная драма Гангофера и Брозинера „Свадьба въ Валени“ (Цыганка Занда) въ перев. А. Морозова привлекла полный театръ публики. Театръ отдѣланъ заново, и освѣщается въ нынѣшнемъ сезонѣ электричествомъ.

Ставрополь-Кавказскій. На предстоящій зимній сезонъ театръ А. Иванова сданъ въ аренду г-жѣ Лавровской, нѣсколько лѣтъ уже держащей антрепризу ставропольскаго театра.

Харьковъ. Артистъ М. М. Петипа, будетъ служить будущій зимній сезонъ въ харьковскомъ драматическомъ театрѣ. Антреприза опернаго театра въ Харьковѣ, послѣ смерти А. Ф. Картавова, перешла въ руки бывшаго капельмейстера г. Картавова г. Эспозито. Артисты, хоръ и оркестръ опернаго товарищества, сформированнаго покойнымъ Картавовымъ для поѣздки по югу, вернулось въ Харьковъ. Товарищество блестяще закончило свои дѣла. Всѣ члены товарищества, за уплатою расходовъ, получили свои паи полнымъ рублемъ. Главные члены этого товарищества ведутъ переговоры о снятіи Тифлисскаго казеннаго театра. Г. Кропивницкій, въ настоящее время участвуетъ въ Харьковѣ въ театрѣ „Тиволи“ съ товариществомъ малороссійскихъ артистовъ.

Юрьевъ. 23-го іюня капиталы и имущество закрытаго эстонскаго литературнаго общества постановлено распредѣлить между ученымъ эстонскимъ обществомъ, эстонскими студентами, эстонскими народными школами и на изданіе эстонскихъ пословицъ и пѣсенъ.

Въ **Казани** 4-го іюля умерла писательница и переводчица Серафима Никитична Бажина, работавшая съ 1867 г. и до послѣдняго времени въ „Женскомъ Вѣстникѣ“, „Петербургскомъ Листкѣ“, „Словѣ“, „Дѣлѣ“, „Русскомъ Богатствѣ“, „Наблюдателѣ“, „Дѣтскомъ чтеніи“ и въ другихъ журналахъ. Года два назадъ ея разсказы для дѣ-

тей были изданы отдѣльнымъ сборникомъ подъ общимъ названіемъ „Блуждающіе огоньки“.

Петербургъ.

Главноуправляющій Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи увѣдомилъ, что по соглашенію, состоявшемуся между нимъ и министрами Императорскаго Двора, внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, предоставлено управленію Красносельскаго театра производить благотворительный сборъ въ пользу вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи съ посѣтителей спектаклей, даваемыхъ въ означенномъ театрѣ въ лѣтнее время, на тѣхъ же основаніяхъ, на коихъ онъ производится, согласно § 10 утвержденныхъ 20 августа 1892 г. правилъ взиманія сбора съ публичныхъ зрѣлищъ и увеселеній въ Императорскихъ театрахъ.

Главное управленіе по дѣламъ печати увѣдомляетъ, что лица, желающія пріобрѣсти вновь напечатанный, исправленный по 1-е января текущаго года второй дополнительный списокъ драматическихъ сочиненій на русскомъ языкѣ, безусловно дозволенныхъ къ представленію, могутъ выписывать таковой изъ конторы типографіи министерства внутреннихъ дѣлъ, прилагая по 25 к. за экземпляръ.

Дирекція театровъ съ будущаго года выпускаетъ при своемъ „Ежегодникѣ“ прибавленія, въ которыхъ будутъ разрабатываться вопросы, содѣйствующіе поднятію благосостоянія нашихъ сценъ, и печататься исторія нашего театра. Эти прибавленія предполагается также иллюстрировать, помѣщая въ нихъ портреты дѣятелей сцены минувшаго времени.

Вице-директоромъ департамента иностранныхъ исповѣданій назначенъ цензоръ д. с.с. П. И. Альбединскій, мѣсто-же послѣдняго займетъ И. М. Литвиновъ.

Приступлено къ капитальному ремонту Каменно-островскаго театра. Театръ этотъ много лѣтъ стоитъ „безъ дѣла“.

Къ Петергофскому театру пристраиваются съ наружной стороны боковыя галлереи. Работы быстро подвигаются. Судя по тому, что приходится видѣть, наружныя стѣны галлерей будутъ рѣшетчатыя и при убранствѣ цвѣтами и электрическомъ освѣщеніи театръ будетъ имѣть эффектный видъ.

На будущей недѣлѣ въ театрѣ начнутся уже репетиціи новаго балета М. Петипа „Bal champêtre“, съ музыкой Дриго. Въ балетѣ заняты всѣ лучшія солистки.

Товарищество Императорскихъ петербургскихъ артистовъ подъ управленіемъ П. М. Медвѣдева сдѣлало за два мѣсяца около 40,000 руб. валового сбора. Путевыя издержки членовъ труппы съ перевозкою багажа стоили Товариществу 6,000 р.

На-дняхъ, драматической цензурой разрѣшена къ представленію новая комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ С. В. Танѣева, подъ названіемъ: „Первый мужъ“. Сюжетъ комедіи заимствованъ съ французскаго. Пьеса поступила въ театрально-литературный комитетъ.

Въ балетной труппѣ съ 1-го августа увеличено жалованье нѣсколькимъ танцовщицамъ и танцовщикамъ, а именно: г-жамъ Куличевской, Кусковой, Кшесинской 1-й, Носковой, Рыхляковой, Скорсюкъ, Татариновой, Ивановой, Обуховой и Тивольской, г. Облакову I, Кшесинскому II и Ширяеву. Кромѣ того г-жа Преображенская переведена въ 1-й разрядъ танцовщицъ.

Императорская русская драматическая труппа подготовляетъ для спектаклей въ театрѣ Краснаго Села старинную комедію, передѣланную съ французскаго покойнымъ К. А. Тарновскимъ, съ музыкой и пѣніемъ, подъ названіемъ: „Съ молотка“. Главныя роли въ пьесѣ поручены г-жѣ П. Васильевой и г. Сазонову. Лѣтъ двадцать назадъ комедія пользовалась большимъ успѣхомъ какъ на сценахъ Императорскихъ, такъ и въ провинціи. Возобновленная комедія, вѣроятно, будетъ перенесена для зимняго сезона и на александринскую сцену.

Въ Красносельскомъ театрѣ предположено дать шесть спектаклей, начиная этотъ счетъ съ 29-го іюля. Послѣдній спектакль назначенъ 7-го августа. Между прочими пьесами, имѣется въ виду еще поставить: „Встрѣча“, ком. въ 1 дѣйств., соч. П. П. Гнѣдича, съ г-жею Н. Васильевою и г. Ленскимъ въ главныхъ роляхъ; новую комедію въ 1 дѣйств. „Молнія ударила“, соч. г-жи Шимкевичъ; затѣмъ повторить ком. А. С. Суворина „Не пойманъ, не воръ“ и дать два раза фарсъ „Первая муха“, съ новымъ распредѣленіемъ нѣкоторыхъ ролей.

Въ Красносельскомъ театрѣ 19 іюля, въ 1-й разъ въ этомъ сезонѣ выступила М. Г. Савина въ пьесѣ „Не пойманъ, не воръ“. Благодаря живому исполненію г-жи Савиной и г. Сазонова, эта пьеса доставила удовольствіе зрителямъ, чего нельзя сказать про другую вещь („Жена Сократа“), дававшуюся въ этотъ вечеръ. Кромѣ того были даны „Русскіе романсы въ лицахъ“ съ г-жею Пуаре и г. Панчинымъ.

Гастроли г-жи Волгиной въ озерковскомъ театрѣ не состоятся за болѣзнью артистки, которой врачи предписали отдыхъ на южномъ берегу Крыма. Артистка вернется въ Петербургъ лишь осенью.

Владѣлецъ Панаевскаго театра г. Гюнтеръ вслѣдствіе большихъ расходовъ, сопряженныхъ съ перестройкой театра, оставилъ этотъ планъ, и на будущій зимній сезонъ Панаевскій театръ сданъ имъ саратовскому оперному Товариществу г. Горина-Горяинова.

Контрактъ дирекціи съ балериной Леньяни на будущій сезонъ подписанъ съ 1-го октября. Слухи о командировкѣ петербургскихъ балеринъ на гастроли въ Москву, не оправдывается, такъ какъ съ устройствомъ оперныхъ спектаклей въ Михайловскомъ театрѣ, въ Маріинскомъ вновь будетъ увеличено количество балетныхъ представленій. Для г-жи Леньяни возобновляютъ балетъ „Конекъ-Горбунокъ“.

Въ Стрѣльнинскомъ дворцовомъ паркѣ, въ среду, 29-го іюня, устроено было гулянье въ пользу мѣстнаго отдѣла Императорскаго россійскаго общества спасанія на водахъ и на усиленіе средствъ комитета для сбора пожертвованій въ пользу заведеній с.-петербургскаго совѣта дѣтскихъ пріютовъ. На открытой сценѣ былъ разыгранъ фарсъ Мясницкаго — „Заяцъ“.

Первый драматическій спектакль, поставленный во вторникъ, 5-го іюля, въ стрѣльнинскомъ театрѣ, оказался довольно удачнымъ. Данная для начала спектакля комедія Чернышева „Женихъ изъ долгового отдѣленія“, исполненная гг. Славянскимъ, Нероновымъ, Долинскимъ и г-жею Погребовой, прошла не безъ успѣха.

Главною пьесою спектакля была комедія-фарсъ: „Кто въ лѣсъ, кто по дрова“, оказавшаяся переводомъ извѣстнаго водевиля „Les femmes nerveuses“.

Въ пятницу, 22-го іюля въ **Озеркахъ** состоялся бенефисъ г. Киселевскаго, который выступилъ въ роли Опольева — одной изъ лучшихъ въ репертуарѣ этого артиста, въ комедіи г. Пальма: „Старый баринъ“. Г. Киселевскій художест-

венно изобразилъ типъ безпечнаго барина-аристократа стараго закала. По случаю бенефиса г. Киселевскаго, Озерковскій театръ былъ переполненъ. Бенефиціанту были поднесены два лавровыхъ вѣнка и нѣсколько цѣнныхъ подарковъ.

Въ заключеніе была поставлена пьеса М Шимкевичъ „На скользкомъ пути“ принятая сочувственно публикой. Пьеска эта, литературно написанная, затрогиваетъ хотя и не новый, но вѣчно живой вопросъ, стоящій передъ лицомъ неподготовленной къ труду и серьезной жизни дѣвушки: рѣшиться ли на „выгодную партію“, или предпочесть „бракъ по любви“ съ бѣдностью въ придачу? Авторъ не рѣшаетъ этого вопроса ни въ ту, ни въ другую сторону, но затронутая тема создаетъ нѣсколько весьма благодарныхъ сценическихъ эффектовъ и возбуждаетъ вниманіе зрителей.

8-го іюля въ бенефисъ суфлера Ю. Д. Стахова была поставлена неигранная еще здѣсь комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ „Потерянная честь“.

Въ среду, 13-го іюля, въ удѣльномъ собраніи въ бенефисъ г-жи Черновской была поставлена драма „Кинъ“. Роль Анны Демби исполнила г-жа Глѣбова, бенефиціантка выступила въ роли акробатки.

24-го іюля, въ удѣльномъ собраніи была поставлена новая пьеса г. Морозова „Супруги XIX столѣтія“.

Къ пятидесятилѣтію со дня смерти И. А. Крылова однимъ изъ артистовъ казенной сцены написана трехъактная пьеса „Басни Крылова въ лицахъ“.

Въ Михайловскомъ театрѣ предполагается произвести нѣкоторыя приспособленія на сценѣ для начинающихся здѣсь съ осени оперныхъ спектаклей. Будутъ расширены и улучшены машинныя помѣщенія, такъ какъ въ операхъ зачастую требуются, какъ и въ балетахъ, быстрыя превращенія и перемѣны. Декораціи, аксесуары и костюмы, необходимые для назначенныхъ здѣсь къ постановкѣ по репертуару оперъ, будутъ перевезены сюда изъ складовъ еще лѣтомъ.

Г-жа Марія Шимкевичъ перевела съ польскаго пьесу въ 4-хъ дѣйствіяхъ Казиміра Залевскаго „Права сердца“, пользующуюся большимъ успѣхомъ на варшавской сценѣ.

Въ озерковскомъ театрѣ пойдутъ слѣдующія пьесы: „Идеалисты“, драма, передѣланная г. Дрониным изъ романа покойнаго Маркевича „Четверть вѣка назадъ“; комедія г. Немировода „Въ погонѣ за нравственностью“; фарсъ г. Мясницкаго „Сгоряча“ и г. Морозова „Супруги конца XIX вѣка“; драма Зудермана „Гибель Содома“; комедія г. Гославскаго „Метель“ и драма „Цыганка Занда“.

Товарищество артистовъ подъ управленіемъ В. Н. Давыдова, какъ теперь сообщаютъ, за 30 спектаклей взяло сборовъ 29,460 рублей, т. е. почти по 1,000 рублей за спектакль. Полные сборы давали пьесы: „Ревизоръ“, Мертвыя души“, „Плоды просвѣщенія“, „Коварство и любовь“ и отчасти „Дворянское гнѣздо“.

На-дняхъ состоялось распоряженіе о дозволеніи ввоза въ Россію многихъ томиковъ извѣстной „Bibliothèque Nationale“ для продажи ихъ на общихъ основаніяхъ. Такимъ образомъ, мелкія стихотворенія Вольтера, многія вещи Дидро и Ламмене, избранныя сочиненія Шамфора, становятся отнынѣ вполнѣ общедоступными въ видѣ миніатюрныхъ книжечекъ по 10 коп. цѣною. Означенное разрѣшеніе послѣдовало по личному ходатайству французскаго посланника графа Монтебелло.

Покинувшій Императорскую сцену артистъ В. П. Далматовъ гастролируетъ въ настоящее время въ гор. Ревелѣ, принимая участіе въ спектакляхъ труппы, составленной преимущественно изъ бывшихъ учениковъ и учениць казеннаго театральнаго училища, играющихъ въ нынѣшнемъ году въ Ревелѣ подъ управленіемъ бывшаго же ученика школы г. Дмитріева.

Авторъ „Рокового шага“ и „Забубенной головушки“ г. Карѣевъ поставилъ въ пятницу, 24 іюня, въ Озерковскомъ театрѣ, въ бенефисъ декоратора г. Матусевича, еще неигранную въ нашей столицѣ комедію „Глухонѣмой“. Пьеса не имѣла успѣха, не смотря на стараніе артистовъ разыграть комедію съ надлежащимъ ансамблемъ и пониманіемъ ролей. Сюжетъ произведенія г. Карѣева заключается въ томъ, что нѣкій князь Кречетовъ-Соколинскій убѣдясь, что онъ любимъ женщинами только на словахъ и благодаря его богатству, рѣшился примѣнить для отысканія искренно любящей и не падкой до титула и богатства дѣвушки, весьма странное, хотя и довольно оригинальное средство, рекомендованное его пріятелемъ Макаренко. Онъ покидаетъ столицу, ѣдетъ въ одно изъ имѣній, принадлежащихъ бабушкѣ князя и тамъ въ домѣ управляющаго дяди Макаренко представляется этимъ послѣднимъ, какъ бѣдный художникъ и... глухонѣмой отъ рожденія. Понятно, что предъ глухонѣмымъ не стѣсняются въ выборѣ выраженія и говорятъ про него вслухъ и въ его присутствіи то, что не говорятъ нормальному человѣку. Такимъ способомъ князь нашелъ подходящую для себя искреннюю, чистую, добрую, безкорыстную, простую дѣвушку, оказавшуюся, точно какъ во французскихъ романахъ, дочерью графа. Въ заключеніе спектакля давали сценку Тургенева—„Вечеръ въ Сорренто“.

Въ Сестрорѣцкѣ процвѣтаютъ въ настоящее время любительскіе спектакли, исполняемые большею частью учащейся молодежью. 17 іюля были поставлены: шутки для дѣтскаго театра „Именитые подарки“— Глазунова, „Бабье дѣло“— Канаева, картина лагерной жизни, „Секретное предписаніе“. Всѣ три пьесы проведены молодыми „артистами“ удовлетворительно. Публика относится къ спектаклямъ съ интересомъ.

Театръ въ Любани посѣщается публикой весьма охотно. Для усиленія сборовъ рискуютъ ставить такія трудныя пьесы, какъ напримѣръ „Свадьба въ Валени“ („Цыганка Занда“), данная въ послѣдній спектакль.

Въ дачномъ мѣстечкѣ „Коломяги“, получившемъ въ это лѣто особое оживленіе, благодаря приморской жел. дорогѣ, въ особомъ театральномъ павильонѣ парка графини Орловой-Денисовой, ставятся еженедѣльно подъ режиссерствомъ С. В. Смирнаго спектакли, съ участіемъ многихъ не безъизвѣстныхъ по частнымъ сценамъ артистовъ и любителей. Первые три спектакля состояли изъ комедій: „Вольная вташка“, „Женихъ изъ долгового отдѣленія“, „Бѣшеныя деньги“ и „На законномъ основаніи“, и новой одноактной пьески— „Поспѣшишь — людей насмѣшишь“. Наибольшій успѣхъ выпалъ на долю г-жъ Марголиной, Славичъ и Райдиной и гг. Васильева, Берникова, Александрова, Ленскаго и др.

Обошедшій всѣ лѣтнія сцены, фарсъ „Умная дурочка“, появился и на открытой сценѣ Крестовскаго сада. Въ заглавной роли появившаяся г-жа Красовская много содѣйствуетъ успѣху пьесы, а также г. Самаринъ-Быковецъ въ роли жениха-старца, очень комиченъ. Фарсъ очень нравится публикѣ.

Въ воскресенье, 24 іюля, въ Беклешовомъ саду состоялся бенефисъ артистки М. А. Свѣтловой,

въ который была поставлена извѣстная трагедія Шпажинскаго „Чародѣйка“ съ бенефиціанткою въ заглавной роли. Не смотря на то, что такія пьесы въ жару смотрятся съ трудомъ, публики набралось въ садъ довольно много, которая отнеслась благосклонно къ исполненію, которое, къ слову сказать, было очень старательное. Особенно выдвинулась на первый планъ сама бенефиціантка, которую вызывали нѣсколько разъ.

На открытой сценѣ „Аркадіи“ 19-го іюля шла въ первый разъ новая пьеса: „Доброе дѣло добраго помѣщика“, имѣвшая большой успѣхъ. Роль Михаила Дмитріевича (Бѣлаго генерала) игралъ г. Славинъ, который былъ прекрасно гримированъ и весьма недурно провелъ роль. Весь остальной персоналъ поддерживалъ ансамбль.

Въ общедоступномъ саду „Америка“ въ воскресенье, 3-го іюля, подъ режиссерствомъ г. Глѣбова, разыгранъ былъ очень удачно народный водевиль въ 1 д. „Соперники“, служащій продолженіемъ „Ночного“. Въ „Соперникахъ“ выведены состарившіяся дѣйствующія лица „Ночного“ Ванька и Дунька. Пьеска смотрится очень легко и изобилуетъ комическими положеніями.

Русская драматическая труппа, подвизающаяся на открытой сценѣ Акваріума очень стройно разыгрываетъ одноактныя пьески, изъ которыхъ большимъ успѣхомъ пользуется поставленная недавно подъ названіемъ „Офранцузились“!

Москва.

Открытіе спектаклей на сценѣ Малаго театра состоится 16-го августа. Начало репетицій съ 5-го августа.

Первой новинкой на сценѣ Малаго театра будетъ комедія Эмиля Ожье въ 4-хъ дѣйствіяхъ „Сіятельный зять“, передѣлка съ французскаго г. М. Главныя роли будетъ играть Е. К. Лешковская, О. А. Правдинъ и А. И. Южинъ.

Пьеса П. М. Невѣжина „Непогрѣшимый“ предполагавшаяся къ постановкѣ на сценѣ Малаго театра въ прошломъ сезонѣ и снятая съ репертуара,—будетъ одной изъ новинокъ нынѣшняго сезона. Пьеса эта будетъ напечатана въ одной изъ слѣдующихъ книгъ нашего журнала.

Открытіе спектаклей въ театрѣ Корша по обыкновенію послѣдуетъ 15-го августа; репетиціи начинаются съ 10-го августа. Вновь въ составъ труппы приглашены: г-жи Лодина (инженю) г-жа Бауеръ младшая, дочь извѣстаго цитриста г. Бауеръ, на водевили съ пѣніемъ, г-жа Серебрякова (комическая старуха), гг. Добровольскій (фатъ), Звѣздичъ (резонеръ), Тарховъ (комикъ-резонеръ), Петровскій, Тугановъ, Григорьевъ и Мирновъ (2-ой любовникъ). Сезонъ открывается пьесой Соловьева и Островскаго „Женитьба Бѣлугина“ съ дебютантомъ Добровольскимъ въ роли Агишина. Въ первую обычную пятницу предполагается къ постановкѣ „Школы просвѣщенія“ Сезонъ утреннихъ праздничныхъ спектаклей для учащейся молодежи открывается 21-го августа „Грозой“ Островскаго.

Одной изъ новинокъ этого сезона въ театрѣ г. Корша будетъ драма Фосса „Александра“, которая пойдетъ подъ названіемъ „Осужденная“ въ бенефисъ г-жи Ю. И. Журавлевой.

Въ теченіи сезона въ театрѣ г. Корша будетъ поставлена драма „Васантасэна“, пользовавшаяся большимъ успѣхомъ за-границей, съ г-жей Яворской въ заглавной роли.

Въ ноябрѣ исполнится 40 лѣтъ со дня первой постановки на сценѣ Малаго театра пьесы А. В. Сухово-Кобылина „Свадьба Кречинскаго“.

Служившій два сезона въ театрѣ О. А. Корша актеръ г. Ильковъ на будущій зимній сезонъ приглашенъ на амплуа первыхъ комиковъ въ Ригу въ русскую драматическую труппу Е. А. Щербаковой.

На открытой сценѣ театра „Фантазія“ поставлена въ первый разъ комедія-шутка въ 4-хъ дѣйствіяхъ—„Въ сумасшедшемъ домѣ“ Е. Л. и Д. Гаринa. Комедія имѣла успѣхъ.

Балетмейстеръ г. Саракко, въ театрѣ „Фантазія“, поставилъ въ свой бенефисъ (6-го іюля) трехъактный балетъ „Брама“. Музыка балета не изъ затѣйливыхъ, сюжетъ поэтиченъ и благодаренъ для исполнителей главныхъ ролей, если таковые обладаютъ мимическимъ талантомъ. Богъ Брама, изгнанный изъ небесныхъ сферъ, обреченъ скитаться на землѣ, пока не найдется женщина, которая изъ любви къ нему готова всѣмъ пожертвовать. Таковой оказывается жрица Падмона, которую вмѣстѣ съ Брамою сожигаютъ на кострѣ. Оканчивается балетъ апоѳеозомъ. Падмона и Брама, озаренные лучами солнца, въ облакахъ, соединены навсегда. Поставленъ балетъ недурно и хорошо срепетованъ. Въ спектаклѣ участвовали обѣ главныя солистки—г жа Сальморэджи (Падмона) и г-жа Гантенбергъ. Бенефиціанта, въ заглавной роли принимали очень радушно. Онъ получилъ цѣнный подарокъ отъ директора театра и большой медальонъ съ брилліантами отъ членовъ балетной труппы. Публики было много; въ общемъ балетъ прошелъ успѣшно и смотрѣлся не безъ удовольствія.

Театръ бывшій Парадизъ, на Никитской, снятъ на 5 лѣтъ нижегородскимъ антрепренеромъ С. А. Бѣльскимъ, который откроетъ сезонъ представленіями новой труппы лиллипутовъ.

Г. Щукинымъ заключенъ контрактъ на 12 лѣтъ съ владѣльцемъ театра въ Каретномъ ряду. Въ настоящее время уже приступлено къ работамъ, которыя ведутся подъ наблюденіемъ архитектора-академика В. П. Загорскаго, по проекту котораго будетъ строиться новое зданіе московской консерваторіи. При театрѣ будетъ разбитъ большой садъ. Зрительный залъ значительно расширится. Г. Щукинымъ уже законтрактованы труппы Мунэ-Сюлли, Росси и извѣстнаго англійскаго актера Ирвинга. Съ будущаго лѣта г. Щукинъ устраиваетъ и садъ, который, такимъ образомъ, замѣнитъ „Эрмитажъ“, весьма близкій по мѣстоположенію отъ мошнинскаго театра.

Устройство спектаклей въ Нѣмецкомъ клубѣ на предстоящій зимній сезонъ принялъ на себя провинціальный артистъ А. М. Каралли-Торцовъ.

Турнэ по Россіи балетной труппы Л. Н. Гейтенъ, приближаясь къ концу, сопровождается меньшимъ матеріальнымъ успѣхомъ, чѣмъ вначалѣ. Сдѣлавъ прекрасные сборы на низовьяхъ Волги, въ Закавказьѣ, на Сѣверномъ Кавказѣ и въ Черноморскомъ округѣ, труппа черезъ Новороссійскъ проѣхала на Донъ и послѣ Новочеркасска и Ростова-на-Дону посѣтила Таганрогъ, гдѣ вслѣдствіе лѣтняго затишья пришлось уменьшить число заранѣе объявленныхъ спектаклей. Посѣтивъ порты Азовскаго моря и города Крымскаго полуострова, гдѣ лѣтомъ съѣздъ незначителенъ, труппа переплыла въ Одессу, въ которой имѣла небольшой матеріальный успѣхъ, собравъ за 4 спектакля только 2,428 руб. Цифра крайне скромная, если принять во вниманіе огромные расходы по перевозкѣ труппы и оркестра, ихъ багажа и т. д. Имѣя всюду до Одессы огромный артистическій успѣхъ Л. Н. Гейтенъ и ея труппа въ Одессѣ не вызвали восторговъ. Въ милліонномъ одесскомъ театрѣ г жа Гейтенъ, при всѣхъ достоинствахъ ея личнаго исполненія, не могла разсчитывать на успѣхъ со своей скромной обстановкой. Изъ Одессы труппа

г-жи Гейтенъ поѣхала въ Кишиневъ, Елисаветградъ, Кіевъ, Кременчугъ, Полтаву и Харьковъ. По этому обратному маршруту приходится заключить, что г-жа Гейтенъ оставила мысль везти балетъ въ Константинополь и возвращается черезъ Харьковъ и Курскъ въ Москву. Г-жа Гейтенъ можетъ поставить себѣ въ заслугу то обстоятельство, что она первая ознакомила русскую провинцію съ искусствомъ Терпсихоры. Насколько тамъ объ этомъ искусствѣ смутны представленія,—видно хотя бы изъ такого факта, что въ Баку и послѣ пріѣзда труппы туземное армянское общество признало почему то балетъ зрѣлищемъ неприличнымъ, и не только дамы, но и мужчины изъ денежной армянской аристократіи со второго спектакля въ театръ не ходили.

Московскій артистъ Гаринъ обратился въ газеты съ слѣдующимъ симпатичнымъ заявленіемъ:

М. г.,—пишетъ онъ,—состоя уполномоченнымъ Общества для пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ, я впродолженіи десяти лѣтъ наглядѣлся на множество примѣровъ тяжкой нужды артистовъ, доходившихъ иногда до нищеты послѣ большой извѣстности и собственной театральной антрепризы. Всего тяжелѣе положеніе стариковъ, которымъ нуженъ теплый уголокъ и пропитаніе.

По возможности Общество помогаетъ обращающимся къ нему сценическимъ дѣятелямъ. Но давно уже выяснилась необходимость основанія пріюта или инвалиднаго дома для ветерановъ такой трудной и изнуряющей силы профессіи, какъ трудъ актера. Чтобы сдѣлать починъ въ этомъ настоятельно нужномъ дѣлѣ и собрать для него фондъ, я приступаю къ изданію литературнаго сборника. Нѣсколько литераторовъ и ученыхъ уже обѣщали мнѣ свое содѣйствіе; позвольте при посредствѣ вашей уважаемой газеты обратиться съ просьбой о поддержкѣ и къ другимъ писателямъ, сочувствующимъ нуждамъ нашихъ артистовъ. Хочется вѣрить, что найдутся они, эти добрые, отзывчивые люди...

Адресъ: Москва, уголъ Тверской и Садовой, д. Орловыхъ, кв. № 28, Дмитрію Викторовичу Гарину.

Разсмотрѣніе рукописей принялъ на себя небольшой кружокъ лицъ съ нѣкоторымъ именемъ въ литературѣ, пожелавшихъ помочь мнѣ въ дѣлѣ изданія.

Артистъ Императорскихъ театровъ *Д. Гаринъ.*

Одному изъ петербургскихъ букинистовъ-антикваровъ, какъ сообщаетъ „Пет. Лист.“, удалось найти подлинныя (собственноручныя) рукописи Андрея Тимофеевича Болотова въ числѣ 54 тетрадей. Часть этихъ рукописей была напечатана въ историческомъ журналѣ „Русская Старина“. Рукописи эти представляютъ дневникъ Болотова, обнимающій періодъ 1738—1830 гг.

Редакція газеты „Восточное обозрѣніе“ предполагаетъ ознаменовать память Н. М. Ядринцева изданіемъ „Сборника“ имени покойнаго. Въ составъ „Сборника“ войдутъ портреты и біографія покойнаго, его научные труды, публицистическія статьи, фельетоны и др. статьи, не вошедшія ни въ одинъ изъ его капитальныхъ трудовъ, но имѣющій научный или общественный интересъ; статья объ Ядринцевѣ и его сочиненіяхъ, воспоминанія о немъ и т. п. Вырученныя отъ продажи „Сборника“ деньги пойдутъ на образованіе капитала для учрежденія при томскомъ университетѣ стипендіи имени Н. М. Ядринцева.

Въ письмѣ, присланномъ редактору „Артиста“ по поводу помѣщенныхъ въ 37 № журнала воспоминаній Сальвини о пребываніи его въ Россіи, *Очевидецъ* дѣлаетъ поправку къ разсказу итальянскаго трагика о томъ, что онъ, будучи въ Саратовѣ, передъ отъѣздомъ своимъ далъ спектакль въ пользу артистовъ, оставшихся безъ гроша денегъ, когда дѣло антрепризы распалось. „Фактъ этотъ переданъ немного не такъ, говоритъ авторъ письма (на отвѣтственности котораго мы оставляемъ его сообщеніе). Послѣ Харькова, гдѣ г. Сальвини получилъ отъ семнадцати спектаклей ровно 17 тысячъ руб., труппа г-жи Пальчинской, съ г. Сальвини во главѣ, поѣхала въ Саратовъ. Здѣсь дѣла были хуже, сборы меньше, и, весьма естественно, спектакли не могли продолжаться, такъ какъ гастролеру надо было платить 1000 руб. поспектакльно. Г. Сальвини, не дополучивъ за одинъ или за два спектакля, отказался играть. Тогда артисты, игравшіе съ нимъ, дѣйствительно обратились къ нему за помощью и просили сыграть въ ихъ пользу одинъ спектакль, но г. Сальвини отказался, заявивъ, что, если бы онъ захотѣлъ благотворить, то сдѣлалъ бы это не въ Россіи, а у себя на родинѣ. Это его подлинныя слова. Артисты остались не причемъ, а г. Сальвини преблагополучно уѣхалъ за-границу.

КАТАЛОГЪ

118 ДРАМАТИЧЕСКИХЪ СОЧИНЕНІЙ,

напечатанныхъ въ №№ 1—39 журнала „Артистъ“ и №№ 1—10 „Дневника Артиста“.

	№№ кн. „Артиста“.
„Арсеній Гуровъ“, др. въ 5 д. В. М. Михеева („Пр. Вѣстн. 92 г. № 48)	19
„Бабье дѣло“, ш. въ 2 д. А. Н. Канаева (90 г. № 202)	7
„Безпутный“, драма въ 5 д. А. Пинеро, перев. съ англійскаго. (94 г. № 97)	35
„Безъ исхода“, пьеса въ 1 д. Ек. Лѣтковой (93 г. № 144) „Дневникъ Артиста“ №	7
„Безъ руля“, др. въ 3 д., въ стихахъ. О. Н. Чюминой (93 г. № 11 и 33)	26
„Безъ кинжала“, ш. въ 1 д. В. Р. Щиглева (90 г. № 202)	7
„Богатѣй“ („Кротость — что бѣлая зорька“) ком. въ 4 д. Е. П. Гославскаго (92 г. № 7)	18
„Божья коровка“, ком. въ 4 д. П. Д. Боборыкина (90 г. № 12)	4
„Борьба за существованіе“, піеса въ 5 д. А. Додэ, перев. Э. Э. Матерна (90 г. № 12)	4
„Братъ и сестра“, пьеса въ 1 д. В. Гете, перев. Э. Э. Матерна (92 г. № 7)	18
„Василекъ“, ком. въ 4 д. В. А. Крылова (90 г. № 283)	11
„Венецейскій истуканъ“, карт. московск. жизни XVII в., въ 4 д. П. П. Гнѣдича (93 г. № 247)	30
„Вильгельмъ Тэль“, др. въ 5 д. Шиллера, переводъ А. А. Крилль (93 г. № 123)	22—25
„Водоворотъ“, др. въ 5 д. И. В. Шпажинскаго (90 г. № 12)	3
„Вольная волюшка“, др. въ 5 д. И. В. Шпажинскаго (91 г. № 31)	12
„Встрѣча“, карт. въ 1 д. П. П. Гнѣдича (91 г. № 276)	17
„Всякому свое“, ком. въ 4 д. Н. В. Казанцева (90 г. № 202)	5
„Втируша („L'Intruse“), др. въ 1 д. М. Метерлинка, пер. Е. Н. Клетновой (93 г. № 88)	28
„Въ дѣтской“ ком. въ 1 д. Т. Л. Щепкиной-Куперникъ (94 г. № 156)	36
„Въ неравной борьбѣ“, др. въ 4 д. Влад. А. Александрова (91 г. №№ 233 и 120)	16
„Въ слѣдующій разъ“, сценка-монологъ въ 1 д. Гренe-Данкура, перев. съ французск. Ѳ. А. Куманина (90 г. № 202). (Въ отдѣльн. изд. нашего журнала—91 г. № 31).	8
„Въ сонномъ царствѣ“, ком. въ 4 д. И. Я. Гурлянда 90 г. № 202)	8
„Въ старые годы“, др. въ 5 д. И. В. Шпажинскаго 89 г. № 258)	1
„Въ царствѣ поэтовъ“, ком.-ф. въ 2 д. В. Корнеліевой (92 г. № 271)	24
„Вѣчность въ мгновеніи“. Драматическій этюдъ въ 1 д. Т. Л. Щепкиной-Куперникъ (93 г. № 33)	25
„Гамлетъ“, траг. В. Шекспира, переводъ П. П. Гнѣдича	19—21
и „Дневникъ Артиста“ №№	1—4
„Гастролерша“, шутка въ 1 д. Ивана Щеглова (90 г. № 228)	9
„Гибель Содома“, др. въ 5 д. Г. Зудермана, пер. П. К. (92 г. № 242)	23
„Гость“, др. въ 2 д. Эдуарда Брандеса, перев. П. Ганзена (92 г. №№ 48 и 79)	19
„Графъ де Ризооръ“ („Patrie“), др. въ 5 д. и 7 к. Викторьена Сарду. Пер. Н. Ѳ. Арбенина	24
„Гусь лапчатый“, др. въ 5 д. И. А. Салова (90 г. № 283)	11
„Дармоѣдка“, ком. въ 5 д. И. А. Салова (90 г. № 202)	8
„Двѣ семьи“, ком. въ 5 д. Эмиля Ожье, перев. И. Л. Щеглова (92 г. № 216)	22
„День въ Петербургѣ“, сцены въ 3 картинахъ М. И. Чайковскаго (93 г. № 88)	28
„Докторъ Штокманъ“, др. въ 5 д. Г. Ибсена, перев. Н. Мировичъ (91 г. №№ 120 и 233)	15
„Донъ Карлосъ, инфантъ испанскій“, тр. въ 5 д. Шиллера. Приспособленный для сцены переводъ И. Н. Грекова. Съ рисунками костюмовъ гр. Ѳ. Л. Соллогуба.	1—4
„Донъ Фернандо, стойкій принцъ“, тр. въ 5 д. Кальдерона, перев. Н. Ѳ. Арбенина (91 г. № 94)	12—14
„Елка“, ком. въ 1 д. Влад. И. Немировича-Данченко (92 г. № 216 и 242)	23
„Женскій вопросъ“, фарсъ въ 2 д. Л. Фульда, перев. Н. Ѳ. Арбенина (92 г. № 48)	20
„Жизнь“, пьеса въ 4 д. И. Н. Потапенко и П. А. Сергѣенко (94 г. № 58.)	33
„Жизнь Илимова“, будничная др. въ 5 карт. В. С. Лихачева (91 г. № 233)	15
„Жоржинька“, ком.-фарсъ въ 2 д. Чека (91 г. № 94). (Въ отдѣльн. изданіи нашего журнала—91 г. № 120).	14
„Жрица искусства“, ком. въ 4 д. Е. П. Карпова (91 г. № 59)	14
„За золотымъ руномъ“, сцены изъ похода современныхъ аргонавтовъ въ 4 д., А. Лугового (93 г. № 33)	25
„Золотая рыбка“, ком. въ 3 д. И. А. Салова и И. Н. Ге (90 г. № 12)	3
„Изломанные люди“, пьеса въ 4 д. Вл. А. Александрова. (93 г. № 123)	29
„Ирэнъ“, ком. въ 1 д. Т. Л. Щепкиной-Куперникъ. (93 г. № 123) „Дневникъ Артиста“ №	6
„Компаньоны“, ком. въ 4 д. П. М. Невѣжина (91 г. № 276 и 92 г. № 7)	18
„Кража“, др. этюдъ въ 1 д. кн. Д. П. Голицына (Муравлина) (90 г. № 228)	9
„Лебединая пѣсня“, („Калхасъ“), др. этюдъ въ 1 д. А. П. Чехова (89 г. № 274)	2
„Лѣтняя картинка“, въ 1 д. Т. Л. Щепкиной-Куперникъ (92 г. № 242)	23
„Мамаево нашествіе“, ком.-шут. въ 3 д. Ив. Щеглова (90 г. № 283)	10
„Maman“, ком. въ 2 д. С. Н. Терпигорева (Сергѣя Атавы) (90 г. № 12)	3
„Медвѣдь“, ш. въ 1 д. А. П. Чехова (90 г. № 202)	6
„Метель“, ком. въ 3 д. Е. П. Гославскаго (94 г. № 77)	34
„Молодость Людовика XIV“, ком. въ 5 д. А. Дюма (отца), перев. А. Ѳ. Крюковскаго (93 г. № 88)	27
„Молчаніе“, шутка въ 1 д. В. В. Билибина (91 г. № 31)	12
„Мужъ и жена“, ком. въ 5 д. О. К. Снѣжина. (93 г. № 123)	29
„Муравейникъ“, к. въ 2 д. Н. Криницкаго (92 г. № 97 и 216) „Дневникъ Артиста“ №	4
„Мышеловка“, ш. въ 1 д. И. Л. Щеглова (89 г. № 258)	1
„Навожденіе“, ком. въ 3 д. Н. Криницкаго и А. Воронежскаго (92 г. № 79)	21
„Наединѣ“, (Unter vier Augen) ком. въ 1 д. Л. Фульда (93 г. № 221) „Дневникъ Артиста“ №	10
„Невидимка“ (La dama duende), к. въ 3 дняхъ, Кальдерона перев. съ испанскаго	39
„Не всякому, какъ Якову“, картина сельской жизни въ 1 д., Е. П. Гославскаго (91 г. № 59)	13
„Нежданный гость („Жакъ Дамуръ“), др. въ 1 д. Зинника (передѣлано изъ романа Эмиля Золя), перев. съ франц. И. Л. Щеглова (90 г. № 202)	5
„Ненастье“, ком. въ 1 д. П. П. Гнѣдича (91 г. № 59)	11
„Новое дѣло“, ком. въ 4 д. Влад. Ив. Немировича-Данченко (90 г. № 283). (Въ отдѣльномъ изданіи нашего журнала—91 г. № 31)	10
„Озимь“, др. въ 4 д. А. А. Лугового (90 г. № 202)	7
„Осенняя роза“, ком. въ одномъ актѣ Огюста Доршена, переводъ съ франц. А. Н. Михеевой (92 г. № 98) „Дневникъ Артиста“ №	1
„Осколки минувшаго“, ком. въ 5 д. и 6 картин., передѣлана изъ повѣсти Вс. Крестовскаго (псевдонимъ) „Въ ожиданіи лучшаго“ И. Н. Ге. (91 г № 233)	16
„Папенькина дочка“ (Lolo's Vater), ком. въ 3 д. А. Ларонжа (93 г. № 203) „Дневникъ Артиста“ №	9
„Перекати поле“, ком. въ 4 д. П. П. Гнѣдича (90 г. № 12). (Въ отд. изд. наш. жур.—90 г. № 228)	4
„Плагіатъ“, ком. въ 1 д. К. С. Баранцевича (90 г. № 202)	6
„Подъ властью сердца“, др. въ 5 д. И. Н. Лодыженскаго (89 г. № 274)	2
Подъ душистой вѣткой сирени“, ком. въ 1 д. В. Корнеліевой (92 г. № 189) „Дневн. Арт.“ №	5
„По кровавымъ слѣдамъ“, фарсъ въ 1 д. Г. Н. Грессера (90 г. № 283)	10
„По ревизіи“, этюдъ въ 1 д. М. Л. Кропивницкаго (91 г. № 94)	14
„Порывъ“, др. въ 4 д. Н. О. Ракшанина (91 г. №31).	12
„Праздникъ въ Сольгаугѣ“, др. въ 3 д. Ибсена (93 г. № 33)	26
„Предложеніе“, шут. въ 1 д. А. П. Чехова. (90 г. № 12)	3
„Предразсудки“, ком. въ 4 д. М. И. Чайковскаго. (93 г. № 270)	31
„Привѣтствіе искусствъ“, лирическая сцена Шиллера, перев. Н. Ѳ. Арбенина	2
„Приступомъ“, сцены въ 2 д. И. В. Шпажинскаго (90 г. № 202)	5
„Пуганая ворона“, сцены В. Щигрова (92 г. № 142) „Дневникъ Артиста“ №	3

	№№ кн. „Артиста“.
„Рабочая слободка“, др. въ 4 д. **Е. П. Карпова** (91 г. № 276)	17
„Разладъ“, др. въ 4 д. **В. А. Крылова** (89 г. (№ 274)	2
„Ранняя осень“, др. въ 4 дѣйст. **Е. П. Карпова** (91 г. № 59). (Въ отдѣл. изд. нашего журнала—(91 г. № 31)	13
„Расплата“, др. въ 4 д. **Е. П. Гославскаго** (93 г. № 270)	31
„Рай земной“, ком. въ 5 д. Е. П. Карпова (94 г. № 58.)	33
„Ревнивый актеръ“, монологъ въ стих. **гр. Ѳ. Л. Сологуба** (89 г. № 258)	1
„Револьверъ“, ком. въ 1 д. **В. В. Билибина** 90 г. № 283)	10
„Родина“ („Heimat“), др. въ 4 д. **Германа Зудермана** перев. съ нѣмецк. **Ѳ. А. Куманина** (93 г. № 144) . . . . . „*Дневникъ Артиста*“ №	8
„Самъ у себя подъ стражей“, ком. въ 3 дѣйств. Донъ Педро Кальдерона дель Барка, приспособленный къ сценѣ перев. **С. А. Юрьева** (91 г. № 276)	15—17
„Сарданапалъ“, тр. **Байрона**, перев. **О. Н. Чюминой** (90 г. № 283)	9—11
„Сафо“, трагедія въ 5 д. **Ф Грильпарцера**, переводъ **Н. Ѳ. Арбенина**. (93 г. № 123)	26—29
„Сельская честь“, сцены изъ итальян. народн. жизни, въ 1 д. **Д. Верга**, пер. **А. А. Веселовской** (93 г № 247)	30
„Семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ“ ш. въ 1 д. **Хеля**, перев. **Н. Ѳ. Арбенина** (90 г. № 202)	6
„Сестра Нина“, др. въ 4 д. **П. М. Невѣжина** (94 г. № 156).	38
„Симфонія“, ком. въ 5 д. **Модеста И. Чайковскаго** (90 г. № 228)	9
„Скитальцы“, сцены въ 5 д. **Н. С. Генкина** (90 г. № 202)	6
„Старая погудка на новый ладъ“, ком. въ 1 д. въ стихахъ **О. Н. Чюминой** (90 г. № 202)	6
„Степной богатырь“, др. въ 5 д. **И. А. Салова** (92 г. № 216)	22
„Стоячія воды“, карт. совр. жизни въ 3 д. **П. П. Гнѣдича** (90 г. № 228)	9
„Съ бою“, ком. въ 4 д. **П. Д. Боборыкина** (91 г. № 59)	13
„Сѣверные богатыри“, др. въ 4 д. **Г. Ибсена**, перев. **Н. Мировичъ** (92 г. № 48)	20
„Темная сила“, др. въ 5д. **И. В. Шпажинскаго** (94 г. № 7)	32
„Трагикъ поневолѣ“, ш. въ 1 д. **А. П. Чехова** (90 г. № 202)	7
„Трактирщица“, ком. въ 3 д. **К. Гольдони**, пер. **Гливенко** (94 г. № 156)	37
„Турусы на колесахъ“, ш. въ 1 д. **И. Л. Щеглова** (90 г. № 202)	7
„Угасшая искра“, др. сцены въ 3 д., въ стих., **О. Н. Чюминой** (92 г. № 79)	21
„Уголокъ Москвы“, ком. въ 4 д. **Вл. А. Александрова** (91 г. № 276)	17
„Уѣздный Шекспиръ“, ком. въ 1 д. **И. Я. Гурлянда** (90 г. № 202)	6
„Федра“. тр. **Ж. Расина**, перев. **М. П. С—го** (90 г. № 202)	5—7
„Фотографъ любитель“, ш. въ 1 д. **Э. Э. Матерна** (90 г. № 202)	6
„Цѣпи“, др. въ 4 д. **кн. А. И. Сумбатова** (89 г. № 258)	1
„Честь“, ком. въ 4 д. **Зудермана**, перев. съ нѣмецк. **Н. К.** (91 г. № 233)	16
„Шашни“, шутка въ 1 д. **Н. Криницкаго** (92 г. № 142) . . . . . „*Дневникъ Артиста*“. №	2
„Эллида“, др. въ 5 д. **Г. Ибсена**, перев. **В. М. Спасской** (91 г. № 94)	14

Отдѣльные №№ журнала „**Артистъ**“ продаются по **2** рубля, а „**Дневника Артиста**“ по **1** рублю.

Выписывающіе изъ конторы редакціи за пересылку не платятъ.

Экземпляры **№№ 1** и **4** журнала „*Артистъ*“ **всѣ распроданы.** („Перекати поле“, ком. въ 4 д. П. П. Гнѣдича напечатана отдѣльнымъ изданіемъ. Цѣна **1** р. **50** к.).

Вышепоименованныя пьесы разрѣшены къ представленію безусловно—соотвѣтствующіе №№ «Правительственнаго Вѣстника» указаны въ скобкахъ.

Полусвѣтъ.

Комедія въ пяти дѣйствіяхъ

Александра Дюма.

Переводъ **Е. В. Кашперовой.**

Къ представленію дозволено. Петербургъ 3-го февраля 1894 года № 783.

Разрѣшеніе постановки на сценѣ зависитъ отъ мѣстнаго агента Общ. Рус. Драм. Писателей.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Оливье де Жаленъ (Olivier de Jalin).
Де Нанжакъ, Раймондъ (De Nanjac).
Ипполитъ Ришонъ (Richon).
Маркизъ де Тоннеренъ (De Tonnerins).
Баронесса Сюзанна д'Анжъ (d'Ange).
Графиня де Верніеръ (de Vernières).
Валентина де Сантисъ (de Santis).
Марселла (Marcelle).
Софи — горничная.
1-ый слуга.
2-ой слуга.
3-ій слуга.

Дѣйствіе происходитъ въ Парижѣ. 1-ое и 5-ое дѣйствія у Оливье. 2-ое—у графини. 3-ье и 4-ое—у Сюзанны.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Гостиная у де Жаленъ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Графиня и Оливье.

Графиня. Такъ вы мнѣ обѣщаете, что эта исторія не будетъ имѣть послѣдствій?

Оливье. Конечно. Иначе и быть не можетъ.

Графиня. Я рѣшилась пріѣхать сама къ вамъ съ этой просьбой, рискуя встрѣтить ее у васъ Богъ знаетъ съ кѣмъ.

Оливье. У меня такое дурное знакомство?

Графиня. Говорятъ.

Оливье. Ошибаются. У меня бываютъ только ваши друзья.

Графиня. Лестно для моихъ друзей.

Оливье. Во всякомъ случаѣ въ вашемъ поступкѣ нѣтъ ничего предосудительнаго. Въ вашемъ домѣ у двухъ изъ вашихъ друзей за ландскнехтомъ произошло маленькое недоразумѣніе. Объясненіе оказалось неизбѣжнымъ. Оно будетъ у меня, какъ секунданта Мокруа. Очень естественно, что вы пріѣзжаете ко мнѣ, чтобы уладить дѣло.

Графиня. Все это такъ, но я должна скрыть свое посѣщеніе... Мнѣ бы очень не хотѣлось, чтобы весь Парижъ зналъ, что у меня играютъ. Если дѣло приметъ дурной оборотъ, то послѣдуетъ судебное разбирательство... Порядочной женщинѣ неприлично фигурировать на судѣ, даже въ качествѣ свидѣтельницы, а тѣмъ болѣе попасть въ газеты. Пожалуйста уладьте дѣло. Ну, а если это невозможно, то, изъ дружбы ко мнѣ, придумайте такую причину, которая не имѣла бы никакого отношенія ко мнѣ. У меня играютъ для забавы, а вовсе не для ссоръ.

Оливье. Хорошо. Слушаю-съ.

Графиня. Затѣмъ, такъ какъ m-me Сантисъ все нѣтъ, я уѣзжаю.

Оливье. Какъ, m-me Сантисъ хочетъ меня почтить?

Графиня. Она узнала, что я ѣду къ вамъ; я, говоритъ, не прочь увидать нашего повѣсу, я заѣду за вами. Впрочемъ она, вѣроятно, забыла объ этомъ по разсѣянности. Я не могу дольше ждать. Прощайте... Однако, что же вы ничего не спросите о моей племянницѣ? А она такъ много велѣла вамъ передать.

Оливье. Хорошаго?

Графиня. Конечно.

Оливье. Очень любезно съ ея стороны.

Графиня. Конечно любезно! Развѣ это ея обязанность? Она знаетъ отлично, что вы на ней не женитесь.

Оливье. О-о! Нѣтъ!

Графиня. Ну, мой милый, вы могли попасться и хуже.

Оливье. Попасться всегда скверно.

Графиня. Во всякомъ случаѣ у насъ есть лучше васъ.

Оливье. Вы увѣрены?

Графъ. Вашъ родъ не древній, и вы не богаты.

Оливье. Тридцать тысячъ годоваго дохода

Графиня. Въ бумагахъ?

Оливье. Въ имѣніяхъ.

Графиня. А-а-! Это недурно! Но у васъ семья?

Оливье. У каждаго есть семья. У меня одна мать, которая вышла вторично замужъ. Я судился съ вотчимомъ за отцовское наслѣдство, когда сталъ совершеннолѣтнимъ. Теперь мы видимся рѣдко и, кажется, мать меня не особенно любитъ. Вдова съ дѣтьми не должна вторично выходить замужъ. Вычеркивая изъ своей жизни имя отца, она становится почти чужой и дѣтямъ... Вотъ отчего, милѣйшая графиня, будучи предоставленъ самому себѣ въ юности, я надѣлалъ столько глупостей и долговъ. Долги я уплатилъ впослѣдствіи... А теперь я слишкомъ благоразуменъ, чтобы жениться на вашей племянницѣ несмотря на то, что она очаровательна и имѣетъ огромное достоинство— она сирота... А было мгновенье, что я чуть было не женился!

Графиня. Вы?

Оливье. Да, я... Я просто на просто чувствовалъ, что влюбляюсь, и продолжай я ходить къ вамъ, какъ честный человѣкъ, я кончилъ бы тѣмъ, что сдѣлалъ предложенье, а это было бы безуміемъ.

Графиня. Потому что она бѣдна?

Оливье. Это мнѣ рѣшительно все равно. Я бы никогда не женился на деньгахъ. Нѣтъ... Есть другая причина.

Графиня. Какая?

Оливье. Мы, свѣтскіе люди, вовсе не такъ глупы, какъ кажемся: мы трэбуемъ отъ невѣсты того, что тщетно ищемъ у чужихъ женъ. И чѣмъ больше мы живемъ, тѣмъ сильнѣе желаемъ полнаго невѣдѣнія жизни въ женѣ. Барышни остроумныя и независимыя до свадьбы превращаются въ отвратительныхъ женъ. Посмотрите на m-me Сантисъ.

Графиня. Но Марселла вовсе не похожа на Валентину: у нихъ совершенно разные характеры.

Оливье. M-me Сантисъ не живетъ съ мужемъ, котораго никто не знаетъ, скомпрометирована сама и компрометируетъ своимъ знакомствомъ. Однако все это не мѣшаетъ ей быть самой близкой пріятельницей вашей племянницы. Развѣ m-me Сантисъ можетъ быть подругой двадцатилѣтней дѣвушкѣ?

Графиня. Что жъ дѣлать! Состоянія у меня нѣтъ, а у Марселлы такъ мало развлеченій... M-me Сантисъ любитъ театръ... у нея экипажъ... Марселла пользуется этимъ... Она не дѣлаетъ ничего дурного!

Оливье. Да, но она даетъ поводъ думать, что она его дѣлаетъ, а потомъ и дѣйствительно станетъ дѣлать дурное.

Графиня. Ну, мой другъ!..

Оливье. Вы сдѣлали ошибку. Вы должны были довѣрить вашу племянницу маркизу де Тоннеренъ три года тому назадъ, когда она вышла изъ пансіона и онъ предлагалъ ей жить вмѣстѣ съ его дочерью. У нея было бы подходящее общество и конечно она сдѣлала бы хорошую партію. Теперь же это весьма сомнительно.

Графиня. Я не могла съ ней разстаться, я была слишкомъ привязана къ ней.

Оливье. Это эгоизмъ, въ которомъ вы раскаетесь. Когда-нибудь она васъ упрекнетъ въ немъ.

Графиня. Ну, это вздоръ. Черезъ два мѣсяца она будетъ замужемъ, если захочетъ, и будетъ прелестной женой... Жена всегда то, что изъ нея сдѣлаетъ мужъ.

Оливье. То же самое можно сказать и о мужьяхъ: утѣшеніе небольшое... За кого же вы хотите ее выдать?

Графиня. За молодого человѣка.

Оливье. Они любятъ другъ друга?

Графиня. Нѣтъ, но это пустяки. Въ бракѣ привычка убиваетъ любовь, когда она есть, и рождаетъ, когда ея нѣтъ.

Оливье. Вашими устами говоритъ Ларошфуко... Откуда этотъ молодой человѣкъ?

Графиня. Латуръ представилъ его мнѣ.

Оливье. Знакомый Латура?.. Не можетъ быть ничего порядочнаго.

Графиня. Повѣрьте, я сумѣю отличить порядочнаго человѣка. За этого ручаюсь вамъ: онъ именно то, что нужно для Марселлы. Онъ молодъ, лѣтъ 32-хъ, не больше, военный, имѣетъ чинъ, благородную наружность и никого родныхъ, кромѣ сестры, которая уже овдовѣла и живетъ весьма уединенно въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ. У него тысячъ двадцать годового дохода. Свободенъ, какъ вѣтеръ, и можетъ жениться хоть завтра. Въ Парижѣ онъ не знакомъ ни съ кѣмъ, кромѣ Латура, Марселлы и меня. Случай прекрасный, и я увѣрена, что вы со мной согласитесь, когда узнаете его.

Оливье. Значитъ я увижу этого господина?

Графиня. Сегодня же: онъ секундантъ Латура.

Оливье. Это тотъ самый де Нанжакъ, карточку котораго я вчера нашелъ у себя? Онъ будетъ сегодня въ три часа.

Графиня. Онъ самый... Будьте любезны—вамъ это иногда удается,—если вы сойдетесь съ Нанжакомъ, въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго, и онъ заговоритъ съ вами о Марселлѣ, не говорите ему всего вздора, который вы сейчасъ говорили.

Слуга. *(докладываетъ).* Г-жа Сантисъ.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ же и Валентина

Графиня. Идите же, дитя мое! Откуда вы?

Валентина. Ахъ, не спрашивайте... Я думала и не кончу... *(Оливье).* Какъ поживаете?

Оливье. Превосходно!

Валентина. Ко мнѣ пришла портниха мѣрять платье. Какое у меня для завтрашнихъ балговъ платье!... Вы увидите! Затѣмъ я заказала парный экипажъ и велѣла себѣ показать кучера: онъ англичанинъ, очень приличный... Потомъ заѣхала къ домохозяину. Вы знаете, я переѣзжаю... Что вы здѣсь платите?

Оливье. Три тысячи.

Валентина. Да, но вы живете въ новомъ кварталѣ... это—пустыня. Здѣсь зарѣжутъ—никто не услышитъ... Я бы здѣсь умерла со скуки. Я наняла прелестную квартиру къ бель-этажѣ, въ улицѣ Мира. 7500 франковъ и хозяинъ оклеитъ обоями на свой счетъ... Зала будетъ красная съ золотомъ, спальня желтая штофная, а въ будуарѣ голубой китайскій атласъ. Я мѣняю всю обстановку. Будетъ очаровательно!

Оливье. Чѣмъ же вы будете платить?

Валентина. Какъ чѣмъ? Развѣ у меня нѣтъ приданаго?

Оливье. Не думаю, чтобы отъ него много осталось при вашемъ образѣ жизни.

Валентина. У меня еще тысячъ тридцать. *(Графинѣ.)* Если вамъ понадобятся деньги, рекомендую вамъ моего повѣреннаго, m-r Мишеля. Мнѣ не хотѣлось ждать продажи имѣнія, я отдала ему всѣ бумаги и онъ далъ мнѣ впередъ пять тысячъ франковъ по 8 процентовъ. Это не много?.. и сейчасъ я получу остальную сумму.

Оливье. Это такой маленькій, худенькій, съ усами? Въ шитыхъ рубашкахъ и эмалевыхъ запонкахъ?

Валентина. У него очень приличный видъ.

Оливье. Это зависитъ отъ того, гдѣ вы съ нимъ встрѣтитесь. Вы знаете, что онъ воръ? Я занималъ у него до своего совершеннолѣтія. Если вы у него въ рукахъ, ваши тридцать тысячъ растаютъ живо. А потомъ? Когда ихъ не будетъ?

Валентина. У меня есть мужъ. Пускай онъ назначитъ мнѣ содержанье, иначе я вернусь къ нему.

Оливье. Счастливецъ! Вѣрно ему и не снится такое счастье! А вдругъ онъ откажется?

Валентина. Не смѣетъ!.. мы не разведены. Я могу вернуться, когда захочу. Онъ долженъ будетъ меня принять! Да онъ будетъ очень радъ: онъ до сихъ поръ влюбленъ!

Оливье. Это любопытно.

Валентина. А вотъ увидите... Когда нибудь надо кончить!.. Гдѣ же я еще была?.. Больше нигдѣ. Я вернулась Елисейскими полями; сколько тамъ народу! Я встрѣтила тамъ всѣхъ этихъ господъ: молодаго Боншана, графа де-Бріадъ, m-r Казово... Я позвала ихъ завтра пить чай. Вы придете?

Оливье. Mercі, не могу.

Валентина. Я взяла ложу на сегодняшій вечеръ. Расплатилась съ портнихой, я ее мѣняю—она шьетъ только на актрисъ... Ну вотъ все, что я сдѣлала... *(Графинѣ.)* Ахъ, вѣдь мы обѣдаемъ во вторникъ у Кальвилло? Онъ справляетъ новоселье—у него прекрасный домъ. Меня просили пригласить дамъ. Вы пріѣдете съ Марселлой?—Будетъ весело!

Оливье. *(Смотря на Валентину.)* Бѣдная женщина!

Валентина. Что съ вами?

Оливье. Я жалѣю васъ.

Валентина. Отчего?

Оливье. Потому что вы достойны сожалѣнья. Если вы сами этого не понимаете, не буду терять времени на объясненья.

Валентина. Ахъ кстати, я хотѣла у васъ что-то спросить.

Оливье *(въ сторону).* Она даже не слыхала, что я ей сказалъ! Вертушка! *(Ей.)* Что вы хотѣли спросить?

Валентина. Вы ничего не знаете о m-me д'Анжъ?

Оливье. А что?

Валентина. Она не писала вамъ изъ Бадена?

Оливье. Нѣтъ.

Валентина *(смѣется.)* Вы говорите это мнѣ? Мнѣ, которая... Ха-ха-ха!

Оливье. Вамъ, которая?..

Валентина. Вѣдь я отправляла письма на почту. Не смотрите, что я такая сумасшедшая— я умѣю хранить чужую тайну. Она писала вамъ очаровательныя письма! *(Смѣется).*

Оливье. Отчего вы смѣетесь?

Валентина. Потому что вы скрытничаете со мной, а я знаю больше васъ.

Оливье. Вотъ ужъ двѣ недѣли какъ я не получалъ никакихъ извѣстій.

Валентина. Такъ... Съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхала.

Оливье. А вамъ она писала?

Валентина. Она никогда не пишетъ. *(Смѣется ему въ лицо).*

Оливье. *(Смотритъ пристально на ея глаза.)* Что это у васъ?

Валентина. Гдѣ?

Графиня. Онъ хочетъ васъ подразнить.

Оливье. Вокругъ глазъ совсѣмъ черно.

Валентина. Вы хотите сказать, что я подвожу глаза и брови? Половина моихъ знакомыхъ думаетъ, что я мажусь.

Оливье. А другая половина увѣрена въ этомъ.

Валентина. Вы съ ума сошли?

Оливье. Вы не бѣлитесь?

Валентина. Я пудрюсь рисовой пудрой, какъ всѣ женщины...

Оливье. И румянитесь?

Валентина. Никогда.

Оливье. Никогда?

Валентина. Чуточку вечеромъ [и то очень *рѣдко.*

Оливье. И вы не подводите глаза?

Валентина. Вѣдь это мода!

Оливье. Во всякомъ случаѣ не для порядочной женщины.

Валентина. Что за бѣда, если это ко мнѣ идетъ? Всѣ знаютъ, что я порядочная женщина.

Оливье. Это видно по всему.

Графиня. Ну, поѣдемте. Вы ужасная болтушка.

Валентина *(графинѣ.)* Хотите посмотрѣть мою квартиру?

Графиня. Съ удовольствіемъ, я свободна.

Валентина *(Оливье.)* Поѣдемте съ нами. Я посовѣтуюсь съ вами относительно драпировокъ.

Оливье. Мнѣ нельзя, я жду...

Валентина. Кого?

Оливье. Пріятеля.

Валентина. Котораго зовутъ?

Оливье. Зачѣмъ вамъ знать?

Валентина *(равнодушно.)* Такъ, чтобы сказать что-нибудь!

Оливье. Его зовутъ Ипполитъ Ришонъ. Онъ десять лѣтъ путешествовалъ. Недѣлю тому назадъ вернулся въ Парижъ. У его отца была обширная торговля масломъ. Ну вотъ и все— довольны вы? Вы его знаете?

Валентина *(смущенно.)* Нѣтъ.

Графиня. Онъ женатъ?

Оливье. Женатъ, женатъ, не безпокойтесь.

Валентина. Вы знакомы съ его женой?

Оливье. И съ ней и съ его сыномъ.

Валентина. *(съ удивленіемъ.)* У него есть сынъ?

Оливье. Пяти или шести лѣтъ. Почему это васъ такъ удивляетъ?

Валентина. Гдѣ онъ живетъ?

Оливье. Онъ живетъ въ улицѣ Лиль, № 7. Вы хотите его видѣть? Подождите минуту—я вамъ представлю его.

Валентина. Нѣтъ, нѣтъ, не хочу!

Оливье. Что съ вами?

Валентина. Ничего. Прощайте.

Слуга. Г-нъ Ришонъ.

Оливье *(Валентинѣ.)* Хотите?

Валентина. Нѣтъ, нѣтъ! *(Опускаетъ вуаль и проходитъ мимо Ипполита, отвернувшись. Уходитъ съ графиней).*

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Оливье и Ипполитъ.

Оливье. Какъ поживаешь?

Ипполитъ. Ничего. А ты?

Оливье. Превосходно. А жена?

Ипполитъ. Всѣ здоровы .. Кто эта дама?

Оливье. М-me Сантисъ.

Ипполитъ. Валентина?!

Оливье. Ты съ ней знакомъ?

Ипполитъ. Лично—нѣтъ, но я зналъ хорошо ея мужа.

Оливье. Значитъ она въ самомъ дѣлѣ замужемъ?

Ипполитъ. Законнѣйшимъ образомъ.

Оливье. А-а? Вотъ какъ? По ея мнѣнію виноватъ мужъ.

Ипполитъ. Дѣйствительно онъ виноватъ, но въ томъ, что женился на ней, потому что кажется она пустилась во всѣ тяжкія.

Оливье. Этого нельзя сказать—она женщина воспитанная, но она не упускаетъ случая.

Ипполитъ. Ты съ ней близко знакомъ?

Оливье. Просто знакомъ. Она заѣхала ко

мнѣ за барыней, которую ты видѣлъ съ ней. Когда я назвалъ тебя, она измѣнилась въ лицѣ, но говоритъ, что не знаетъ тебя.

Ипполитъ. Мы съ ней никогда не встрѣчались, но она знаетъ, что мнѣ вся ея жизнь извѣстна.

Оливье. Гдѣ же m-r Сантисъ?

Ипполитъ. Его не такъ зовутъ. Это ея дѣвичья фамилія, которую она приняла, разойдясь съ мужемъ, потому что мужъ запретилъ ей носить его имя.

Оливье. Чѣмъ она провинилась?

Ипполитъ. Она обманула мужа, безумно въ нее влюбленнаго. Она была обворожительна и безъ всякихъ средствъ. Женихъ былъ богатъ, влюбленъ, молодъ, очень застѣнчивъ и не осмѣливался сдѣлать предложенье. Другъ, который ввелъ его въ домъ невѣсты, предложилъ себя въ свахи—тотъ согласился. Предложеніе приняли, другъ былъ однимъ изъ свидѣтелей.

Оливье. А ты былъ другимъ?

Ипполитъ. Да... Черезъ шесть мѣсяцевъ меня навѣстилъ ея мужъ. У него были неопровержимыя доказательства, что его жена любовница того самаго друга, который ихъ женилъ. Онъ дрался съ нимъ на дуэли, убилъ его и уѣхалъ, оставивъ женѣ 200 тысячъ и запретивъ ей носить его имя. Съ тѣхъ поръ они не видались. Этому ужъ десять лѣтъ.

Оливье. Гдѣ же ея мужъ?

Ипполитъ. Онъ за границей. Я встрѣтилъ его въ Германіи два мѣсяца тому назадъ.

Оливье. Онъ разлюбилъ жену?

Ипполитъ. Мнѣ кажется.

Оливье. Она утверждаетъ, что онъ все еще влюбленъ и отъ нея зависитъ вернуться къ нему.

Ипполитъ. Она ошибается. А кто эта старая барыня, которая ушла вмѣстѣ съ нею?

Оливье. Нѣкогда достойная женщина. Потребность роскоши и веселья втянула ее понемногу въ сомнительное общество. Она разорила мужа, который избралъ благую часть и умеръ лѣтъ десять или двѣнадцать тому назадъ. Нѣсколько старыхъ друзей, акціи, купленныя, когда онѣ упали и проданныя, когда онѣ поднялись; кое-какія крохи отъ прежняго состоянія: вотъ ея средства къ жизни. У нея очень хорошенькая племянница, которую она хочетъ выдать замужъ и этимъ позолотить свои развалины. Къ сожалѣнію, не найдутъ никакъ мужа. Въ ожиданіи она борется изо всѣхъ силъ. Она даетъ вечера, на которыхъ такъ и чувствуется, что денегъ нѣтъ, и что на другой день продадутъ или заложатъ какую-нибудь драгоцѣнность, чтобы заплатить за розовыя свѣчи, пуншъ и мороженое. Молодые люди съѣдаютъ мороженое, выпиваютъ пуншъ, присылаютъ конфектъ на новый годъ и женятся на дѣвушкахъ высшаго круга. При встрѣчѣ съ графиней и ея племянницей они едва кланяются, чтобы не знакомить ихъ съ женами и матерями.

Ипполитъ. M-me Сантисъ пріятельница этой дамы?

Оливье. Развѣ она можетъ бывать въ другомъ обществѣ?

Ипполитъ. Правда... Ты мнѣ писалъ, что я могу услужить тебѣ? Въ чемъ дѣло?

Оливье Который часъ?

Ипполитъ. Два.

Оливье *(звонитъ)*. Чтобы намъ не мѣшали, мнѣ нужно распорядиться.

Ипполитъ. Пожалуйста не стѣсняйся. Я не спѣшу. *(Лакей входитъ.)*

Оливье *(отдавая слугѣ письмо)*. Вы отнесете это письмо графу де Лорнанъ. Вы знаете его? Если его нѣтъ, вы отдадите письмо графинѣ. Идите. *(Слуга уходитъ)*.

Ипполитъ. Ты что-же, пишешь письма, которыя могутъ читать и мужъ и жена?

Оливье. Нѣтъ, только жена. Но, чтобы не компрометировать ее, оно адресовано на имя мужа.

Ипполитъ. А если оно попадетъ въ его руки?

Оливье. Ахъ ты простакъ! Мужъ въ деревнѣ.

Ипполитъ. Ловко! У тебя можно поучиться.

Оливье. Рекомендую тебѣ этотъ способъ. Въ первый и послѣдній разъ прибѣгаю къ нему и то ради дамы.

Ипполитъ. Увѣренъ ли ты въ этомъ?

Оливье. Исторія очень простая. Назову тебѣ дѣйствующихъ лицъ, чтобы ты видѣлъ, что мужу нечего опасаться за жену, а женѣ нечего опасаться меня. Прошлую осень... знаешь ли, преопасное время года въ особенности въ деревнѣ, гдѣ уединеніе развиваетъ фантазію, гдѣ каждый упавшій листъ—элегія, когда хочется быть чахоточнымъ, чтобы не выходить изъ общаго тона меланхолической природы...

Ипполитъ. Знаю, знаю. «Падающіе листья» сочиненіе Мильвуа, книга 1-я, страница 21. Я тоже былъ чахоточный.

Оливье. Конечно. Чахотка и конная гвардія послѣ 1830 года: кто не проходилъ черезъ это... Такъ прошлой осенью, меня представили графинѣ де-Лорнанъ, которая гостила октябрь въ деревнѣ у матери моего пріятеля; да, у матери Мокруа, о которомъ мы говорили. Конечно по традиціи: мужъ отсутствуетъ, она воздушная блондинка, сентиментальная, поэтичная. Я за ней ухаживаю и убѣждаюсь, что влюбленъ. Возвращаемся въ Парижъ. Я знакомлюсь съ мужемъ.

Ипполитъ. Дуракъ!

Оливье. Напротивъ, премилый человѣкъ, лѣтъ 40. Мы скоро полюбили другъ друга и черезъ двѣ недѣли я сталъ лучшимъ другомъ мужа и совершенно забылъ о женѣ. И вдругъ, представь себѣ, эта женщина, которая не подава-

ла мнѣ ни малѣйшей надежды, которая такъ же способна на интригу, какъ... *(Не находитъ словъ.)*

Ипполитъ. Подыщешь сравненіе въ другой разъ.

Оливье. Вдругъ вообразила, что я посмѣялся надъ ней и тѣмъ оскорбилъ ея самолюбіе... Однимъ словомъ вчера пишетъ мнѣ, что мужъ ея уѣхалъ на нѣсколько дней, что ей нужно объясниться со мной и ждетъ меня сегодня въ два часа. Я сжегъ ея письмо и вмѣсто ненужнаго и неловкаго объясненія написалъ ей правду, что я предпочитаю быть ея другомъ что я недостаточно люблю ее, или наоборотъ слишкомъ люблю, чтобы совратить ее съ пути истиннаго. Конечно, она подосадуетъ на меня, зато честь ея спасена, а это что-нибудь да значитъ.

Ипполитъ. Очень благородно!

Оливье. У меня не было никакой задней мысли, клянусь тебѣ! Должно быть я много пожилъ, или я въ самомъ дѣлѣ порядочный человѣкъ, но я рѣшился не дѣлать больше ни маленькихъ, ни большихъ низостей, которыя любовь яко бы оправдываетъ. По моему постыдно, отвратительно бывать у человѣка, жать ему руку, называть его другомъ и отнимать у него жену. Тѣмъ хуже для тѣхъ, кто думаетъ иначе!

Ипполитъ. Великолѣпно!

Оливье. Каковъ есть.

Ипполитъ. Ты влюбленъ въ другую женщину?

Оливье. Ты скептикъ.

Ипполитъ. Сознайся.

Оливье. Боже мой, конечно я...

Ипполитъ. То-то, думаю: «сей цѣломудренный Іосифъ долженъ имѣть на это какую-нибудь причину». Знаю я эту красавицу?

Оливье. Нѣтъ. Она уѣхала на воды до твоего возвращенья въ Парижъ. Во всякомъ случаѣ я не назову ея потому, что она женщина изъ общества.

Ипполитъ. Ну, полно!

Оливье. По крайней мѣрѣ, она это говоритъ. Она свободна, выдаетъ себя за вдову, ей лѣтъ двадцать, очень элегантна, умна и умѣетъ соблюдать приличіе. Она ограждена отъ опасности въ настоящемъ и огорченій въ будущемъ. Она изъ тѣхъ женщинъ, которыя предвидятъ всѣ случайности связи и играютъ въ любовь съ улыбкой на устахъ и съ заранѣе готовыми фразами до тѣхъ поръ, пока имъ захочется перемѣны. Я принялъ эту связь, какъ путешественникъ, который не спѣшитъ и соглашается ѣхать на почтовыхъ вмѣсто желѣзной дороги. Это веселѣе и можно остановиться когда хочешь.

Ипполитъ. Давно это длится?

Оливье. Шесть мѣсяцевъ.

Ипполитъ. И будетъ длиться?

Оливье. Пока ей угодно.

Ипполитъ. До твоей женитьбы?

Оливье. Я никогда не женюсь.

Ипполитъ. Это всѣ говорятъ, а потомъ... *(Входитъ слуга).*

Слуга. Сударь!

Оливье. Что такое?

Слуга *(тихо).* Пріѣхала барыня, которая путешествовала.

Оливье *(показывая сосѣднюю комнату).* Попросите туда, я сейчасъ къ ея услугамъ.

Ипполитъ. Это она?

Оливье. Да.

Ипполитъ. Я ухожу.

Оливье. Когда мы увидимся?

Ипполитъ. Когда хочешь.

Оливье. Постой! Какъ же?.. А Мокруа? Мы обо всемъ говорили, кромѣ дѣла.

Ипполитъ. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ забыли! Вотъ дураки!

Оливье. Нельзя ли въ единственномъ числѣ?

Ипполитъ. Съ удовольствіемъ. Какой ты дуракъ!

Оливье. О-о! Мы остримъ?

Ипполитъ. Иногда.

Оливье. Вотъ въ чемъ дѣло. Мокруа поссорился за игрой съ нѣкимъ Латуромъ въ домѣ m-me Верніеръ, которую ты видѣлъ у меня. Въ три часа у меня будетъ секундантъ Латура. Если онъ пришлетъ одного секунданта, мы дѣло уладимъ. Если же нѣтъ, мы опять сойдемся, и надо будетъ по два секунданта съ каждой стороны. Можно сойтись сегодня же вечеромъ. Конечно лучше кончить сейчасъ. Гдѣ тебя искать, если будетъ нужно?

Ипполитъ. До шести дома, а отъ шести до восьми будемъ обѣдать, если хочешь въ Англійскомъ кафе.

Оливье. Отлично. Заѣзжай за мной въ шесть.

(Ипполитъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Оливье и Сюзанна.

Оливье *(идетъ къ боковой двери, которая отворяется).* Какъ! Это вы? *(Протягиваетъ ей руку.)*

Сюзанна *(давая ему свою, съ улыбкой).* Я.

Оливье. Вы не умерли?

Сюзанна. Совершенно здорова, какъ видите.

Оливье. Когда вы пріѣхали изъ Бадена?

Сюзанна. Недѣлю тому назадъ.

Оливье. Недѣлю?

Сюзанна. Да.

Оливье. Вотъ какъ?.. И я вижу васъ только сегодня!.. Тутъ что-то кроется.

Сюзанна. Можетъ быть. *(Пауза.)* Скажите, вы все также умны?

Оливье. Еще поумнѣлъ.

Сюзанна. Съ которыхъ поръ?

Оливье. Съ вашего возвращенія.

Сюзанна. Это почти комплиментъ!

Оливье. Почти.

Сюзанна. Тѣмъ лучше.

Оливье. Отчего?

Сюзанна. Оттого, что я не прочь побесѣдовать, вернувшись изъ Бадена.

Оливье. Развѣ въ Баденѣ не бесѣдуютъ?

Сюзанна. Въ крайнемъ случаѣ говорятъ.

Оливье. Однако незамѣтно, чтобы вамъ ужъ очень хотѣлось бесѣдовать. Вы вернулись недѣлю тому назадъ, а я васъ вижу только сегодня.

Сюзанна. Я была въ деревнѣ и только сегодня пріѣхала въ Парижъ;—никто не знаетъ о моемъ возвращеніи... Ну-съ? И такъ ума у васъ все столько же? Мы это увидимъ.

Оливье. Въ чемъ дѣло?

Сюзанна. Ахъ, Боже мой: хочу сдѣлать вамъ одинъ вопросъ: хотите жениться на мнѣ?

Оливье. На васъ?

Сюзанна. Слишкомъ много удивленья—это невѣжливо!

Оливье. Вотъ фантазія!

Сюзанна. Значитъ не хотите. Не будемъ больше говорить объ этомъ... Мы съ вами больше не увидимся. Я уѣзжаю.

Оливье. Надолго?

Сюзанна. Надолго.

Оливье. Куда же вы ѣдете?

Сюзанна. Очень далеко.

Оливье. Вы интригуете меня!

Сюзанна. Между тѣмъ, это очень просто. Каждый день кто-нибудь ѣдетъ: для этого придуманы желѣзныя дороги и пароходы.

Оливье. Конечно... Ну, а я?

Сюзанна. Вы?

Оливье. Да, я?

Сюзанна. Вы... Вы останетесь, я думаю, въ Парижѣ.

Оливье. А-а!

Сюзанна. Если вамъ не придетъ охота самому ѣхать.

Оливье. Съ вами?

Сюзанна. О, нѣтъ!

Оливье. Значитъ—конецъ?

Сюзанна. Чему?

Оливье. Мы другъ друга больше не любимъ?

Сюзанна. А развѣ мы любили другъ друга?

Оливье. Мнѣ казалось.

Сюзанна. И я старалась вообразить себѣ это.

Оливье. Въ самомъ дѣлѣ?

Сюзанна. Всю жизнь я старалась полюбить, но до сихъ поръ это мнѣ не удавалось.

Оливье. Благодарю за себя.

Сюзанна. Не одного васъ.

Оливье. Благодарю за насъ.

Сюзанна. Я поѣхала въ Баденъ не какъ скучающая и праздная женщина; вовсе нѣтъ, а чтобы хорошенько обдумывать свое положеніе, какъ женщина благоразумная. Вдали отдаешь себѣ гораздо лучше отчетъ въ своихъ чувствахъ. Можетъ быть, вы имѣли для меня больше значенія, чѣмъ я хотѣла думать... мнѣ надо было испытать, могу ли я обойтись безъ васъ?

Оливье. И что же?

Сюзанна. Обошлась очень легко. Вы не послѣдовали за мной; въ вашихъ письмахъ не было ничего, кромѣ ума. Черезъ двѣ недѣли я была къ вамъ совершенно равнодушна.

Оливье. Въ вашихъ рѣчахъ огромное достоинство—ясность!

Сюзанна. Первой моей мыслью по возвращеніи было: не ѣхать къ вамъ для этого объясненія, а ждать случайной встрѣчи. Но мы съ вами люди умные... гораздо благороднѣе порвать разомъ, чѣмъ тянуть это положеніе. И вотъ я здѣсь... Хотите, чтобы наша притворная любовь обратилась въ настоящую дружбу?.. *(Оливье смѣется.)* Чему вы смѣетесь?

Оливье. Два часа тому назадъ я говорилъ, или вѣрнѣе писалъ тоже самое — только въ другихъ выраженіяхъ.

Сюзанна. Женщинѣ?

Оливье. Конечно.

Сюзанна. Прекрасной Шарлоттѣ Лорнанъ?

Оливье. Я незнакомъ съ этой дамой.

Сюзанна. Да?.. Въ послѣднее время передъ моимъ отъѣздомъ вы посѣщали меня не такъ аккуратно. Я сейчасъ же догадалась, что за вашими объясненіями съ извиненіями что-то кроется. Эта тайна могла быть только женщина! Разъ вы ушли, сказавъ, что вамъ необходимо навѣстить пріятеля. Я послѣдовала за вами до дома, въ который вы вошли, дала швейцару двадцать франковъ и узнала, что въ домѣ живетъ m-me Лорнанъ, которую вы посѣщаете каждый день. Не трудно—какъ видите! Вотъ тогда-то я и поняла, что не люблю васъ. Ваша измѣна не возбудила во мнѣ никакой ревности.

Оливье. Какъ же вы до сихъ поръ не сказали мнѣ ничего о m-me Лорнанъ?

Сюзанна. Если-бъ я заговорила, я должна была бы предложить вамъ выборъ между нею и мной. Конечно, вы принесли бы меня въ жертву, а самолюбіе мое страдало бы. Я этого не хотѣла.

Оливье. И вы ошиблись. Я дѣйствительно ходилъ къ m-me Лорнанъ, но она была и всегда будетъ для меня только другомъ.

Сюзанна. Мнѣ до того нѣтъ дѣла. Вы можете любить кого хотите, мнѣ нужна только ваша дружба. Согласны вы?

Оливье. Къ чему это, если вы уѣзжаете?

Сюзанна. Друзья гораздо рѣже и дороже издали.

Оливье. Говорите правду.

Сюзанна. Правду?

Оливье. Зачѣмъ вы ѣдете?

Сюзанна. Чтобы ѣхать.

Оливье. Другой причины нѣтъ?

Сюзанна. Нѣтъ.

Оливье. Такъ оставайтесь!

Сюзанна. Нѣтъ.

Оливье. Вы не хотите сказать причины вашего отъѣзда?

Сюзанна. Требовать взамѣнъ дружбы признанія—значитъ не дарить, а продать ее.

Оливье. Вы ходячая логика. Ну-съ, а до отъѣзда?

Сюзанна. Я проживу въ деревнѣ. Не зову васъ туда, потому что знаю, что вы тамъ скучаете.

Оливье. Отставка по всѣмъ правиламъ? Обязанности друга будутъ для меня нетрудны?

Сюзанна. Гораздо труднѣе, чѣмъ вы думаете. Я требую не той банальной дружбы, которую всѣ любовники предлагаютъ, расходясь, другъ другу, какъ ленту взаимнаго равнодушія. Я хочу настоящей, разумной дружбы, способной на преданность и защиту, если нужно, и главное, скромной. Вамъ, можетъ быть, придется одинъ только разъ доказать эту дружбу—этого будетъ достаточно, чтобы я ей повѣрила. Согласны?

Оливье. Согласенъ.

Слуга. Г-нъ Нанжакъ желаетъ васъ видѣть. Вотъ карточка. Онъ отъ г-на Латура и говоритъ, что вы его ждете.

Оливье. Да. Я сейчасъ къ его услугамъ.

Сюзанна *(слугѣ)*. Покажите карточку. *(Оливье передаетъ ей карточку.)* Это онъ. М-г Нанжакъ вашъ другъ?

Оливье. Я незнакомъ съ нимъ.

Сюзанна. Зачѣмъ онъ пріѣхалъ къ вамъ?

Оливье. Онъ секундантъ Латура, который поссорился съ однимъ изъ моихъ друзей.

Сюзанна. Какое странное совпаденіе!

Оливье. А что?

Сюзанна. Какъ мнѣ уйти незамѣченной?

Оливье. Вы сами знаете... Какъ вы взволнованы!.. Вы знакомы съ Нанжакомъ?

Сюзанна. Я познакомилась съ нимъ въ Баденѣ. Я говорила съ нимъ раза два или три.

Оливье. О-о! «Горю», какъ говорятъ въ petits jeux. Неужели Нанжакъ?..

Сюзанна. Вы бредите!

Оливье. Э! э!

Сюзанна. Если вамъ такъ хочется, зовите м-г Нанжака!

Оливье. Нисколько!

Сюзанна *(оправившись отъ волненія)*. Нѣтъ, зовите. Такъ лучше.

Оливье. Я право не понимаю... *(Даетъ знакъ слугѣ.)*

Слуга. Г-нъ Нанжакъ.

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣ же и Раймондъ.

Оливье *(идетъ ему на встрѣчу)*. Прошу извинить, что я заставилъ васъ ждать.

(Раймондъ кланяется, потомъ съ изумленіемъ и волненіемъ смотритъ на Сюзанну).

Сюзанна. Вы не узнаете меня, м-г Нанжакъ?

Раймондъ. Виноватъ... Мнѣ показалось, что это вы, но я боялся ошибиться.

Сюзанна. Когда вы пріѣхали изъ Бадена?

Раймондъ. Третьяго дня. Я хотѣлъ явиться къ вамъ сегодня, но можетъ быть, меня удержатъ совершенно непредвидѣнныя обстоятельства.

Сюзанна. Очень буду рада васъ видѣть у себя. До свиданья, мой милый Оливье. Такъ не забудьте же.

Оливье. Не безпокойтесь.

Сюзанна. *(Раймонду)*. Прощайте...До свиданья, надѣюсь. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Оливье и Раймондъ.

Оливье. Я къ вашимъ услугамъ. *(Приглашаетъ его садиться.)*

Раймондъ *(садится. Довольно сухо)*. Видите ли, дѣло очень просто: мой другъ де Латуръ...

Оливье *(перебивая)*. Простите, если я васъ прерву. М-г Латуръ вашъ другъ?

Раймондъ. Да. А что?

Оливье. Видите ли, иногда... Вы военный?

Раймондъ. Да.

Оливье. Военные иногда считаютъ себя не въ правѣ отказаться быть секундантомъ человѣка, котораго мало, а иногда и вовсе не знаютъ.

Раймондъ. Это правда. Мы рѣдко отказываемся отъ этого. Но я знаю Латура и считаю его своимъ другомъ. Развѣ онъ не заслуживаетъ этого? Вы это хотите сказать?

Оливье. Сохрани меня Богъ!.. Продолжайте.

Раймондъ. Латуръ былъ третьяго дня на вечерѣ у графини де Верніеръ. И я былъ съ нимъ. Играли въ ландскнехтъ. Тамъ же былъ молодой человѣкъ—нѣкто Мокруа.

Оливье. Мой другъ.

Раймондъ. Мокруа металъ... не знаю, такъ ли я сказалъ? Я самъ не играю и потому не знаю никакихъ техническихъ выраженій.

Оливье. Совершенно вѣрно.

Раймондъ. Мокруа сдалъ уже три или четыре раза, на столѣ было 25 луидоровъ. Латуръ проигралъ. Онъ уже много проигралъ въ теченіе вечера и денегъ у него больше не было. Тогда онъ проситъ Мокруа продолжать игру на слово. Мокруа передаетъ карты своему сосѣду съ правой стороны и говоритъ: «пасъ». Разумѣется, Латуръ увидѣлъ въ этомъ отказъ играть съ нимъ на слово, счелъ себя оскорбленнымъ и потребовалъ отъ Мокруа объясненія. Мокруа отвѣтилъ, что мѣсто неподходящее для подобныхъ объясненій, назвалъ васъ

и далъ вашъ адресъ. Латуръ просилъ меня попросить у васъ объясненія, въ которомъ ему отказалъ Мокруа.

Оливье. Разъясненія очень просты, и я надѣюсь, что результатомъ этого дѣла будетъ только наше знакомство, чрезвычайно пріятное для меня. Жоржъ не хотѣлъ оскорбить Латура, онъ имѣлъ полное право по правиламъ ландскнехта передать игру, если не хотѣлъ рисковать проиграть весь выигрышъ.

Раймондъ. Но онъ долженъ былъ это заявить раньше предложенія Латура.

Оливье. Онъ соображалъ.

Раймондъ. Я увѣренъ, что онъ сталъ бы продолжать игру съ другими; сталъ бы играть даже съ Латуромъ, если бы деньги были на столѣ.

Оливье. Не знаю. Мы должны разсуждать только о фактахъ и я долженъ повторить слова Мокруа, что онъ дѣлаетъ это въ игрѣ часто и всѣ это дѣлаютъ. На мѣстѣ Латура я не обратилъ бы на это никакого вниманія.

Раймондъ. Можетъ быть, у свѣтскихъ людей это и такъ, но у насъ военныхъ ..

Оливье. Виноватъ, я не зналъ, что Латуръ военный.

Раймондъ. Но я военный!

Оливье. Позвольте вамъ замѣтить, что дѣло касается не васъ и меня, а Латура и Мокруа: оба они не военные.

Раймондъ. Да, но разъ Латуръ выбралъ меня своимъ секундантомъ, я смотрю на дѣло, какъ на свое собственное.

Оливье. Простите—это ошибка. Я согласенъ, что секунданты должны заботиться о чести своихъ довѣрителей, какъ о своей собственной, но, по моему, прежде всего они обязаны стараться примирить враждующія стороны, или, по крайней мѣрѣ быть безпристрастными, чтобы въ случаѣ несчастья оградить себя отъ отвѣтственности. Достаточно разбирать факты, и не зачѣмъ дѣлать предположенія. Повѣрьте, что честь одна и та же какъ для мундира, который вы носите, такъ и для платья, которое я ношу. И сердце человѣческое всегда одно и то же. Но жизнь, по моему, слишкомъ серьезная вещь и разсуждать о ней надо серьезно. Вести хладнокровно на мѣсто поединка двухъ людей должно только въ крайнемъ случаѣ. Сойдемся, если хотите, въ другой разъ, потому что, откровенно говоря, вы сегодня, кажется, нѣсколько раздражены. Вашъ и мой другъ едва ли придутъ къ желанному соглашенію... Чего добраго, мы съ вами, по неизвѣстной мнѣ причинѣ, потому что я имѣю удовольствіе видѣть васъ въ первый разъ, изъ секундантовъ, желающихъ примирить противниковъ, сами обратимся въ противниковъ.

Раймондъ *(мѣняя тонъ)*. Вы правы: вопросъ личный заставилъ меня такъ разговаривать. Простите меня и позвольте мнѣ быть откровеннымъ.

Оливье. Прошу васъ, говорите.

Раймондъ. Я человѣкъ прямой и я буду васъ просить: будьте со мной искренни!

Оливье. Въ чемъ дѣло?

Раймондъ. Мы оба честные люди, мы однихъ лѣтъ, одного общества и, вѣроятно, мы бы давно встрѣтились и сошлись, если-бъ я не провелъ десять лѣтъ, какъ медвѣдь, въ Африкѣ. Не правда ли?

Оливье. Я начинаю это думать.

Раймондъ. Я долженъ былъ съ этого начать, вмѣсто того, чтобы поддаться дурному настроенію и заслужить отъ васъ легкій урокъ—справедливый и умный. Если бы я столкнулся съ такимъ же характеромъ, какъ мой, а не съ такимъ разсудительнымъ, какъ вашъ, мы перерѣзали бы другъ другу горло. Это было бы очень глупо!.. Позвольте мнѣ предложить вамъ нѣсколько щекотливыхъ вопросовъ, какъ будто бы я былъ вашимъ давнишнимъ другомъ! Даю вамъ слово—это умретъ между нами!

Оливье. Я къ вашимъ услугамъ.

Раймондъ. Благодарю васъ. Этотъ разговоръ можетъ имѣть вліяніе на всю мою жизнь!

Оливье. Я слушаю.

Раймондъ. Какъ имя особы, которая была здѣсь, когда я вошелъ?

Оливье. Баронесса д'Анжъ.

Раймондъ. Она женщина изъ общества?

Оливье. Да.

Раймондъ. Вдова?

Оливье. Вдова.

Раймондъ. Какія отношенія?.. Отвѣчайте мнѣ по чести, какъ бы я отвѣтилъ, если бы вы задали мнѣ этотъ вопросъ. Въ какихъ вы отношеніяхъ?

Оливье *(послѣ паузы)*. Въ самыхъ дружескихъ.

Раймондъ. Вы только другъ?

Оливье. Я только другъ.

Раймондъ. Благодарю васъ. Еще слово: зачѣмъ была у васъ m-me д'Анжъ? Одна дружба...

Оливье. Не даетъ права порядочной женщинѣ приходить къ порядочному мужчинѣ? Отчего же нѣтъ? Доказательство, что въ этомъ нѣтъ ничего дурного: m-me д'Анжъ не нашла нужнымъ скрыть свое посѣщеніе. Она могла уйти черезъ эту дверь; между тѣмъ она ушла открыто, сказавъ вамъ нѣсколько словъ.

Раймондъ. Правда... Мнѣ было необходимо это объясненіе, и, чтобы не быть въ долгу у васъ, я буду откровененъ и скажу вамъ все... Я служилъ офицеромъ въ Африкѣ и былъ довольно тяжело раненъ три мѣсяца тому назадъ. По выздоровленіи, я просилъ отпуска, чтобы поправиться. Двѣ недѣли тому назадъ, я пріѣхалъ въ Баденъ, увидалъ m-me д'Анжъ и просилъ меня ей представить... Она произ-

вела на меня сразу необыкновенное впечатлѣніе. Я послѣдовалъ за ней въ Парижъ и... я безумно влюбленъ въ нее! Она нисколько не поощряла меня! Она молода, красива, мнѣ хотѣлось знать, любитъ ли она кого-нибудь, потому что ея поведеніе въ Баденѣ было безупречно .. Вы поймете мое удивленіе, мое волненіе, когда я увидалъ ее здѣсь, у васъ! Мои справедливыя опасенія и наконецъ вспышку, успокоенную вашими разумными словами. Теперь вы также поймете, почему я прямо просилъ у васъ объясненія, которое вы мнѣ такъ любезно дали! Я надѣюсь, что мы съ вами еще увидимся! Прошу васъ считать меня своимъ другомъ и, если я могу быть вамъ чѣмъ-нибудь полезенъ, располагайте мной!

Оливье. Я вамъ сказалъ все, что долженъ былъ сказать; желаю вамъ успѣха.

Раймондъ. Что касается нашихъ противниковъ, я думаю—дѣло уладится.

Оливье. Я думаю также.

Раймондъ. Мы составимъ маленькій протоколъ нашего разговора, дадимъ имъ прочесть и дѣлу конецъ!

Оливье. Отлично. До завтра, если позволите. Я буду у васъ. Адресъ на вашей карточкѣ. Въ этотъ же часъ.

Раймондъ. До завтра. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Оливье и Ипполитъ.

Ипполитъ *(отворяя дверь)*. Можно войти?

Оливье *(смотря вслѣдъ Раймонду)*. Бѣдный малый!

Ипполитъ. Что случилось?

Оливье. Пропасть всякихъ исторій, кромѣ той, которую я предвижу.

Ипполитъ. А дѣло Мокруа?

Оливье. Кончено.

Ипполитъ. Тѣмъ лучше... А дама, которая пріѣхала съ водъ?

Оливье. Всѣ мои разсчеты на будущее рушились: Арлекинъ устроилъ дѣло хорошо, но Коломбина все разстроила!

Ипполитъ. Два разрыва въ одинъ день?

Оливье. Сначала одна... потомъ другая. Если-бъ Титъ былъ на моемъ мѣстѣ, онъ могъ бы рано лечь спать и не счелъ бы свой день потеряннымъ!

Ипполитъ. Со мной тоже кой-что случилось.

Оливье. Что такое?

Ипполитъ. Я получилъ отъ m-me Верніеръ слѣдующую записку: «Графиня де Верніеръ проситъ m-r Ришона сдѣлать ей честь провести у нея вечеръ въ ближайшую среду»... адресъ. Отгадай, что въ концѣ?.. «Отъ имени m-me Сантисъ» и тысяча любезностей! M-me Сантисъ, хочетъ, конечно, говорить о своемъ мужѣ.

Оливье. Что же ты отвѣтилъ?

Ипполитъ. Пока, ничего, но я пойду.

Оливье. И я съ тобой.

Ипполитъ. Ты тоже приглашенъ?

Оливье. Туда считаешь себя всегда достаточно приглашеннымъ. И потомъ тамъ затѣвается маленькая интрига, которую мнѣ очень хочется прослѣдить вблизи, тѣмъ болѣе, что ее хотятъ скрыть отъ меня... Ты голоденъ?

Ипполитъ. О, да!

Оливье. Ну, такъ идемъ обѣдать.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Гостиная въ домѣ г-жи Верніеръ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Графиня, слуга, *потомъ* **Сюзанна.**

Графиня *(слугѣ)*. Освѣтите будуаръ и мою спальню.

Слуга *(уходя)*. Баронесса д'Анжъ.

Сюзанна. Я не могла пріѣхать раньше, милая графиня! Ужасно трудно быть аккуратной, когда живешь въ деревнѣ. Я одѣвалась здѣсь у себя, но у меня такой безпорядокъ, какъ всегда послѣ отсутствія хозяйки. Завтра все войдетъ въ свою колею.

Графиня. Вы не опоздали: еще рано.

Сюзанна. Никогда не бываетъ рано, когда хочешь услужить.

Графиня. Очень мило, что вы такъ говорите... Вы получили мое письмо? Вы не претендуете на меня, за мою неделикатность?

Сюзанна. Что за церемоніи между друзьями! Свои люди—сочтемся! Вотъ то, о чемъвы просили. *(Передаетъ ей банковый билетъ.)* Если этого мало...

Графиня. Mercі, довольно; но мнѣ были необходимы эти деньги именно сегодня.

Сюзанна. Зачѣмъ вы не сказали мнѣ вчера?

Графиня. Я была увѣрена до послѣдней минуты, что получу деньги отъ повѣреннаго m-me Сантисъ: она обѣщала мнѣ это. Я узнала только въ полдень, что онъ не можетъ этого сдѣлать! Валентина сама очень стѣснена въ деньгахъ, такъ что я не могла къ ней обратиться. Съ вами я могу быть вполнѣ откровенной: мнѣ предъявили искъ и я боюсь описи... Нужно избѣжать скандала!

Сюзанна. Конечно! Надо сегодня же уплатить.

Графиня. Я пошлю мою горничную.

Сюзанна. Не надо посвящать прислугу въ эти дѣла.

Графиня. До завтра ждать нельзя: эти люди могутъ придти очень рано!

Сюзанна. Подите сами.

Графиня. А мои гости?

Сюзанна. Я приму ихъ за васъ. Во всякомъ случаѣ вы вернетесь до ихъ прихода. Кто у васъ будетъ?

Графиня. Валентина; какой-то Ришонъ, другъ ея мужа, котораго она просила позвать; Нанжакъ... Ахъ, если-бъ можно было устроить этотъ бракъ, мы были бы спасены! Потомъ Марселла, вы, я, маркизъ Тоннеренъ... Вотъ и всѣ, на кого я разсчитываю. Не знаю, придутъ ли Мокруа и Латуръ, если даже ихъ исторія и уладилась.

Сюзанна. Вы не приглашали Жалена?

Графиня. Онъ пересталъ бывать.

Сюзанна. А маркизъ Тоннеренъ будетъ?

Графиня. Онъ ничего не отвѣтилъ — значитъ будетъ.

Сюзанна. Ну, отправляйтесь скорѣе, я подожду.

Графиня. Ѣду... Черезъ двадцать минутъ я буду здѣсь... Боюсь, вы соскучитесь!.. Не оставить ли мнѣ Марселлу дома? Быть можетъ нѣтъ необходимости брать ее съ собой?

Сюзанна. При чемъ-же она-то?

Графиня. Видите-ли, мои дѣла очень запутаны... Нѣкоторыя вещи я могла спасти только переведя ихъ на другое имя... Тогда я, какъ опекунша, ввела Марселлу во владѣніе маленькимъ имѣніемъ, которое ей оставила мать. Она можетъ предъявить свои права на то, что у меня остается—это единственный законный исходъ! Это защититъ меня отъ новыхъ преслѣдованій... Но, можетъ быть, ей придется гдѣ-нибудь расписаться?

Сюзанна. Тогда возьмите ее съ собой.

Слуга. Маркизъ Тоннеренъ.

Сюзанна. Я займу его въ ожиданіи васъ.

Графиня. Хорошо... Я исчезаю—я ужъ не вырвусь, если его приму... Поговорите съ нимъ о Марселлѣ и Нанжакѣ... Онъ можетъ намъ помочь. *(Уходитъ. Маркизъ входитъ изъ другой двери).*

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Сюзанна и маркизъ.

Маркизъ. Кто это бѣжалъ?

Сюзанна. Сама хозяйка; ей необходимо съѣздить по дѣлу, но она сейчасъ же вернется.

Маркизъ. Не бѣда! Я, вѣроятно, ея не дождусь.

Сюзанна. Вы не хотите провести вечеръ съ нами?

Маркизъ. Не могу. Дочь вернулась изъ деревни и я долженъ везти ее сегодня къ брату. Я только потому и пріѣхалъ, что вы мнѣ писали.

Сюзанна. Мнѣ нужно было говорить съ вами, но я не хотѣла вызывать васъ въ деревню и злоупотреблять вашей добротой. Какъ здоровье вашей дочери?

Маркизъ. Благодарю васъ, хорошо.

Сюзанна. Вы мнѣ ея никогда не покажете? Мнѣ бы ужасно хотѣлось ее видѣть, хоть издали, такъ какъ ко мнѣ вы ее конечно не привезете.

Маркизъ. Милая Сюзанна, мы разъ навсегда объяснились по этому поводу; мнѣ кажется безполезно возвращаться къ этому вопросу. Вы хотѣли говорить со мной — я васъ слушаю.

Сюзанна. Вы мнѣ говорили, что что-бы ни случилось, вы всегда готовы помочь мнѣ.

Маркизъ. Я и теперь подтверждаю это.

Сюзанна. Но теперь вы говорите это такимъ холоднымъ тономъ, что мнѣ кажется, я напрасно положилась-бы на это обѣщаніе.

Маркизъ. Кажется, я никогда не обѣщалъ вамъ ничего, чего-бы не исполнилъ... Я говорю въ тонѣ, который приличествуетъ моему возрасту. Наступило время, когда приходится помнить, что мнѣ уже не двадцать и даже не сорокъ лѣтъ. Я долженъ казаться тѣмъ, что я есть, чтобы не быть смѣшнымъ—т.-е. старикомъ, и буду очень счастливъ, если могу услужить тѣмъ, которыхъ нѣкогда отягощалъ... тѣмъ, которые имѣли великодушіе не давать мнѣ это чувствовать!

Сюзанна. Тогда я вамъ отвѣчу въ томъ же тонѣ. Я вамъ всѣмъ обязана; вы—«мой благодѣтель», можетъ быть это забыли; я... я этого не забываю. Я могла быть просто вашимъ мимолетнымъ капризомъ—я удостоилась вашей любви!

Маркизъ. Сюзанна!

Сюзанна. Я была ничто—вы дали мнѣ положеніе! Вамъ я обязана тѣмъ, что занимаю мѣсто въ этомъ обществѣ, которое для женщины высшаго круга было-бы паденіемъ! А для меня, женщины низкаго происхожденія—это верхъ благополучія. Вы поймете, что положеніе, которымъ я всецѣло обязана вамъ, на которое я никогда не смѣла расчитывать, это положеніе неизбѣжно должно было породить во мнѣ честолюбивыя желанія. Теперь я должна: или пасть ниже прежняго, или подняться до верху, и только бракъ можетъ мнѣ дать то, чего мнѣ недостаетъ.

Маркизъ. Бракъ?

Сюзанна. Да.

Маркизъ. Вы честолюбивы!

Сюзанна. Не обезкураживайте меня. Я сама себѣ говорила тоже, что вы теперь думаете: что это вещь невозможная. Для этого надо найти человѣка:—настолько довѣрчиваго,

чтобы онъ повѣрилъ мнѣ; достаточно высокаго рода, чтобы ввести меня въ свѣтъ; храбраго, чтобы защищать меня; настолько влюбленнаго, чтобы отдать мнѣ всю жизнь и наконецъ молодаго, красиваго и интеллигентнаго, чтобы я могла его полюбить и чтобы онъ повѣрилъ моей любви!

Маркизъ. И вы нашли такого мужа?—Довѣрчиваго, благороднаго и влюбленнаго?

Сюзанна. Да.

Маркизъ. Достаточно молодого, чтобы повѣрить вашей любви къ нему?

Сюзанна. Достаточно молодаго, чтобы я могла его полюбить!

Маркизъ. Вы любите его?

Сюзанна. Люблю. Что дѣлать — совершенства вѣдь нѣтъ!

Маркизъ. И... онъ согласенъ жениться?

Сюзанна. Мнѣ стоитъ сказать слово для этого!

Маркизъ. Отчего-же вы не сказали его до сихъ поръ?

Сюзанна. Я хотѣла посовѣтоваться съ вами.

Маркизъ. Одного можно опасаться: чтобы этотъ обаятельный, повидимому, человѣкъ, не оказался спекулянтомъ. Можетъ быть, онъ прекрасно знаетъ ваше прошедшее, считаетъ васъ очень богатой женщиной и продаетъ вамъ единственное свое достояніе—имя. Это часто бываетъ.

Сюзанна. Онъ десять лѣтъ не былъ во Франціи и ничего не знаетъ изъ моего прошлаго. Онъ сейчасъ-же уѣдетъ, если хоть что-нибудь узнаетъ! У него двадцать или двадцать пять тысячъ годоваго дохода: слѣдовательно ему нѣтъ никакой надобности продавать себя, а самъ можетъ купить! Когда вы узнаете его имя...

Маркизъ *(прерываетъ)*. Я не хочу... я не долженъ его знать. Мое расположеніе къ вамъ простирается до того, чтобы желать исполненія вашихъ надеждъ, но... если вы назовете человѣка, случайно знакомаго, вы поставите меня въ необходимость или обмануть честнаго человѣка или предать васъ!

Сюзанна. Хорошо, по крайней мѣрѣ, что порядочные люди заботятся другъ о другѣ

Маркизъ. Что же вы рѣшили?

Сюзанна. Я рѣшила уѣхать: это благоразумнѣе. Но я должна быть полной хозяйкой своей жизни—я должна имѣть возможность покинуть Францію, можетъ быть Европу, если нужно, навсегда. Мой мужъ не долженъ даже подозрѣвать, что это бракъ по разсчету. Мнѣ нужно состояніе, приблизительно равное его состоянію и, которое можно было-бы реализировать въ два часа! Вы, какъ мой опекунъ, одинъ можете мнѣ сказать, какъ велико мое состояніе?

Маркизъ. До сихъ поръ у васъ было пятнадцать тысячъ дохода?

Сюзанна. Да.

Маркизъ. Это пятипроцентный доходъ съ 300 тысячъ франковъ.

Сюзанна. И этотъ капиталъ?

Маркизъ. Вы можете получить у моего нотаріуса, которому поручены ваши дѣла.

Сюзанна. Вы настоящій grand seigneur!

Маркизъ. Я разсчитываюсь.

Сюзанна. Я буду вамъ всѣмъ обязана! Даже счастьемъ, которое мнѣ дастъ другой!

Маркизъ. Умная женщина не бываетъ никому обязана.

Сюзанна. Это косвенный упрекъ?

Маркизъ *(цѣлуетъ у нея руку)*. Это генеральная расплата!.. Вы извините меня передъ графиней. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Сюзанна, слуга, *потомъ* **Раймондъ.**

Слуга. Г-нъ Нанжакъ.

Раймондъ. Я отъ васъ. Я надѣялся провести съ вами нѣсколько минутъ и затѣмъ проводить васъ сюда.

Сюзанна. Записка графини заставила меня поспѣшить. Надо было помочь.

Раймондъ. Оправданіе достаточное, если-бы оно вамъ было нужно. Когда я вошелъ, вы говорили съ графиней?

Сюзана. Нѣтъ, здѣсь былъ маркизъ Тоннеренъ.

Раймондъ. У него есть сестра?

Сюзанна. Да, графиня Обеней.

Раймондъ. Моя сестра очень хороша съ ней и съ самаго моего пріѣзда не даетъ мнѣ покоя: ей хочется ввести меня въ этотъ домъ, а я все отказываюсь. Къ чему это знакомство?

Сюзанна. У маркиза очаровательная дочь.

Раймондъ. Что-же мнѣ до этого?

Сюзанна. У нея будетъ четыре или пять милліоновъ приданаго.

Раймондъ. Такъ какъ я не намѣренъ на ней жениться, я совершенно равнодушенъ къ этому.

Сюзанна. Напрасно.

Раймондъ. Какъ-же я могу думать о m-lle Тоннеренъ, или вообще о какой-бы то ни было женщинѣ, когда я люблю васъ?

Сюзанна. Какое ребячество! Вы даже не знаете меня!

Раймондъ. Когда въ первый разъ видишь женщину, которую долженъ полюбить, ее любишь! Ее любишь, можетъ быть, раньше встрѣчи съ ней! Не разсуждаешь, а любишь! Любишь или сейчасъ, или никогда! Мнѣ кажется, что я люблю васъ десять лѣтъ!

Сюзанна. Положимъ. Но если любви не нужно времени, чтобы возникнуть, то оно необходимо ей, чтобы развиться... Хотя мы, женщины, и не вѣримъ въ вѣчность чувства, намъ

все-таки хочется думать, что оно не мимолетно... Вы говорите, что любите меня, а черезъ шесть недѣль уѣдете, чтобъ не вернуться, можетъ быть. Развѣ я похожа на женщину, у которой можетъ быть капризъ на одинъ мѣсяцъ? Если вы такъ думаете, вы оскорбляете меня!

Раймондъ. А что я говорилъ вамъ вчера?

Сюзанна. Вздоръ... что вы не хотите ѣхать... чтобы я была вашей женой. Послѣ этого прошла цѣлая ночь—хорошая совѣтница!

Раймондъ. Я не ѣду!.. Я подалъ министру прошеніе объ отставкѣ!

Сюзанна. Серьезно? Это безуміе! Не можетъ быть, чтобы вы не раскаялись черезъ годъ, черезъ мѣсяцъ, можетъ быть, въ той жертвѣ, которую вы принесли мнѣ! Говорю вамъ, какъ настоящій другъ! Вѣдь я передъ вами старая женщина! Мнѣ двадцать восемь лѣтъ! 28-ми лѣтняя женщина гораздо старше 30-ти лѣтняго мужчины. Я должна быть благоразумна за двухъ.

Раймондъ. Неужели надо пожить, какъ вы говорите, истрепать свое сердце въ низкой любви, чтобы имѣть право отдаться въ тридцать лѣтъ? Я благодарю Бога, что онъ далъ мнѣ въ юности дѣятельную жизнь, которая сохранила всѣ мои чувства нетронутыми въ томъ возрастѣ, когда мужчина можетъ вполнѣ оцѣнить любовь, сознательно любить! Вы смотрите на меня, какъ на ребенка! Сюзанна, десяти лѣтъ я потерялъ мать, которую обожалъ! Какъ бы не былъ молодъ, потеря матери ужасно старитъ, старитъ сразу! Неужели вы думаете, что военная жизнь, долгіе дни уединенія на берегу моря, ежедневныя опасности, воспоминанія о лучшихъ друзьяхъ, убитыхъ вокругъ меня, не сдѣлали меня серьезнѣе и не заставили прожить мои года вдвойнѣ?! У меня сѣдые волосы, Сюзанна! Я старикъ... любите меня!

Сюзачна. Но что будетъ со мной, если я васъ полюблю, а вы будете сомнѣваться во мнѣ, какъ тогда, когда вы встрѣтили меня у Жалена, съ которымъ я говорила о васъ? Если мнѣ придется бороться постоянно съ вашими подозрѣніями, съ вашей ревностью, что будетъ со мной?

Раймондъ. Мой разговоръ съ Оливье доказываетъ мою любовь! Гдѣ вы найдете искренно любящаго человѣка, который примирится съ недовѣріемъ къ любимой женщинѣ? Любовь не можетъ быть безъ уваженія!

Сюзанна. Вы правы. Я понимаю вашу ревность, хотя и упрекаю васъ. Я, можетъ быть сама бы ее чувствовала. Что мнѣ болѣе всего нравится, это увѣренность, что вы никогда не любили. Но еслибъ я была вашей женой, я хотѣла бы скрыть свою любовь, свое счастье отъ всѣхъ! Мнѣ бы хотѣлось забыть о существованіи этого общества, полнаго женщинъ болѣе молодыхъ и красивыхъ, чѣмъ я, которыхъ вы можете полюбить! Бракъ, какъ я его понимаю, есть вѣчное уединеніе!

Раймондъ Сюзанна, такъ люблю и я! Такъ хочу я быть любимымъ! Мы уѣдемъ, когда хотите!.. Хоть завтра и никогда не вернемся!

Сюзанна. Ахъ Боже мой! А ваша сестра? Что скажетъ она?

Раймондъ. Она скажетъ: если вы любите другъ друга, и она достойна тебя, женись.

Сюзанна. Но вѣдь она не знаетъ меня, мой другъ. Она воображаетъ меня молодой, красивой, окруженной семьей, которая станетъ ея семьей! Она не знаетъ, что я одинока, что нашъ бракъ разлучитъ ее съ вами, потому что мы уѣдемъ. Если бы она знала все это, она навѣрно дала бы вамъ тѣ же совѣты, что и я. Вы ее любите. Въ концѣ концовъ вы ей повѣрите!

Раймондъ. Сестра будетъ жить съ нами. Ей все равно, гдѣ ни жить.

Сюзанна. Сначала познакомьте насъ. Я хочу ей понравиться... я хочу пріобрѣсти ея уваженіе и любовь. Пусть она сама пожелаетъ этого брака!

Раймондъ. Все будетъ такъ, какъ вы хотите.

Сюзанна. А ваши друзья, съ которыми вы будете совѣтоваться?

Раймондъ. У меня нѣтъ друзей.

Сюзанна. А Жаленъ?

Раймондъ. Это—единственный! Вы согласитесь, что онъ заслуживаетъ моей дружбы? Это такое благородное сердце!

Сюзанна. Безъ сомнѣнія. Но наша репутація зависитъ иногда отъ такого пустяка! Вы будете говорить объ этомъ бракѣ и вдругъ, по той или другой причинѣ, бракъ не состоится! Въ какомъ фальшивомъ и смѣшномъ положеніи буду я!.. Если я васъ огорчу когда нибудь, подѣлитесь этимъ съ Оливье. Но до тѣхъ поръ храните все въ тайнѣ. Настоящее счастье то, о которомъ никто не знаетъ!

Раймондъ. Вы правы, всегда правы!.. Хотя Оливье вполнѣ заслуживаетъ моей откровенности, хотя мы четыре дня почти не разлучаемся, онъ не задалъ мнѣ ни одного вопроса и ваше имя не было произнесено ни разу! Я не скажу ни слова ни ему, ни сестрѣ... не такъ ли?

Сюзанна. Да.

Раймондъ. Какъ я васъ люблю!

Сюзанна. Идутъ!

Слуга. Г. Жаленъ, г. Ришонъ.

Сюзанна *(тихо)*. Оливье? Что ему здѣсь нужно?

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Тѣ же, Ипполитъ *и* **Оливье.**

Оливье. Какъ? Графини нѣтъ? Это называется принимать?

Сюзанна. Графиня сейчасъ вернется.

Оливье. Во всякомъ случаѣ она не могла найти лучшей замѣстительницы! И такъ какъ вы замѣняете хозяйку, баронесса, позвольте вамъ представить моего друга Ипполита Ришонъ. *(Ипполитъ и Сюзанна кланяются другъ другу. Раймонду.)* Какъ ваше здоровье, милый другъ?

Раймондъ. Превосходно.

Сюзанна. *(Раймонду и Оливье).* Какъ пріятно видѣть въ такой дружбѣ людей, которые не были знакомы недѣлю тому назадъ.

Оливье. Между порядочными людьми, баронесса, всегда есть невидимая связь, которая соединяетъ ихъ даже раньше, чѣмъ они узнали друга друга и которая легко обращается въ дружбу, какъ скоро они встрѣтятся... Раймондъ, позвольте вамъ представить моего хорошаго друга—теперь у меня ихъ два—Ипполитъ Ришонъ. Онъ очень много путешествовалъ, побывалъ въ Африкѣ, о которой вы можете побесѣдовать.

Раймондъ *(Ипполиту).* А-а! Вы знаете эту чудную страну, о которой говорятъ такъ много дурнаго? *(Отходятъ, разговаривая.)*

Оливье. *(Сюзаннѣ).* Я думалъ вы въ деревнѣ...

Сюзанна. Я вернулась сегодня вечеромъ.

Оливье. А-а!.. Что новаго?

Сюзанна. Ровно ничего.

Оливье. Тогда я вамъ скажу новость.

Сюзанна. Говорите.

Оливье. Нанжакъ въ васъ влюбленъ.

Сюзанна. Вы шутите?

Оливье. Онъ вамъ этого не говорилъ?

Сюзанна. Нѣтъ.

Оливье. О-о!.. Странно... Онъ мнѣ признался.

Сюзанна. Онъ избралъ самый длинный путь.

Оливье. Приготовьтесь выслушать признанье!

Сюзанна. Хорошо, что вы меня предупредили.

Оливье. Почему?

Сюзанна. Я дамъ ему понять, что онъ напрасно теряетъ время.

Оливье. Вы не любите его?

Сюзанна. Я?.. Вотъ идея!..

Оливье. Самую капельку?

Сюзанна. Ни капли.

Оливье. Однако какъ я ошибся! Но я очень доволенъ тѣмъ, что вы мнѣ сказали.

Сюзанна. Почему?

Оливье. Я вамъ скажу, когда мы будемъ одни.

Сюзанна. Поторопитесь—я уѣзжаю.

Оливье. Вѣдь вы еще не уѣхали?

Сюзанна. А кто удержитъ меня?

Оливье. Я... смѣю надѣяться.

Сюзанна. Берегитесь. Я попрошу защиты у m-me Лорнанъ!

Оливье. M-me Лорнанъ нѣтъ дѣла до меня. Вотъ уже третій день, какъ она не принимаетъ меня.

Сюзанна. Хотите я къ ней поѣду и помирю васъ?

Оливье. Вы?!

Сюзанна. Я.

Оливье. Вы думаете, она васъ приметъ скорѣе чѣмъ меня?

Сюзанна. Можетъ быть... Меня всегда принимаютъ, когда я этого хочу... *(Отходя.)* Къ вашимъ услугамъ!

Оливье *(про себя).* Похоже на угрозу. Увидимъ.

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣ же, графиня и Марселла.

Графиня *(входя).* Простите, господа!

Сюзанна. Ну что?

Графиня. Все улажено, mercі.

Марселла *(Сюзаннѣ).* Вы здоровы?

Сюзанна. Mercі, а вы, дитя мое?

Марселла. Совершенно здорова. Даже скучно, потому что, когда женщина здорова, ею никто не интересуется.

Сюзанна. Однако вы кашляли, когда ночевали у меня?

Марселла. О, это пустяки! Какъ я помню себя, у меня всегда насморкъ! Должно быть я простудилась при рожденіи.

Графиня *(Ипполиту, котораго Оливье представилъ ей).* Очень любезно, что вы пріѣхали по моему приглашенію. M-me Сантисъ, съ мужемъ которой вы знакомы...

Ипполитъ. Какъ же.

Графиня. M-me Сантисъ хотѣла говорить съ вами объ очень важномъ дѣлѣ... Она увѣрила меня, что вы будете такъ добры и пріѣдете ко мнѣ... Я очень люблю Валентину и мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы ей удалось.

Ипполитъ. Я сдѣлаю все зависящее отъ меня.

Марселла. А маркизъ Тоннеренъ не былъ?

Сюзанна. Онъ извиняется и для этого только заѣхалъ: у его сестры сегодня пріемъ.

Марселла. Мнѣ такъ хотѣлось его видѣть!

Графиня. Кстати, M-r Нанжакъ, вы обѣщали привезти вашу сестру.

Раймондъ. Она еще въ траурѣ и ей нездоровится. Какъ только она поправится, я тотчасъ же привезу ее.

Оливье *(Раймонду).* Послушайте...

Раймондъ. Что?

Марселла. M-r Нанжакъ!

Оливье. Я скажу потомъ.

Раймондъ *(Марселлѣ).* Что прикажете?

Марселла *(Оливье).* Уступите мнѣ m-r Нанжака на минуту. Я его сейчасъ же возвращу. *(Раймонду.)* Мнѣ нужно съ вами говорить... Только выдерните пожалуйста сначала булавку изъ шляпы.

Ипполитъ *(Оливье)*. Эта молодая женщина кажется неглупа?

Оливье. Это молодая дѣвушка: ты бы не догадался?

Марселла *(Раймонду)*. Вы знаете, что противъ васъ цѣлый заговоръ?

Раймондъ. Въ самомъ дѣлѣ?

Марселла. Да. Васъ хотятъ женить на мнѣ.

Раймондъ. Но...

Марселла. О, пожалуйста не говорите любезностей! Вы настолько же не хотите быть моимъ мужемъ, насколько я не могу быть вашей женой. Вы любите женщину, которая гораздо лучше меня. Видите—я догадалась... конечно я никому не скажу объ этомъ! А теперь, когда вамъ нечего бояться, пойдемте со мной. Тетя подумаетъ, что вы ухаживаете за мной, это доставитъ ей удовольствіе... Надо что-нибудь дѣлать для родныхъ! Я не злой человѣкъ и рѣшилась предупреждать всѣхъ несчастныхъ, которые не знаютъ, что ожидаетъ ихъ. Не мните мою шляпу! у меня только одна, да и за ту кажется не заплачено! *(Уходитъ съ Раймондомъ, смѣясь.)*

Графиня *(Сюзаннѣ)*. Дѣло, кажется, идетъ на ладъ!

Ипполитъ. Этотъ Нанжакъ имѣетъ видъ очень добраго человѣка.

Оливье. Прекрасный человѣкъ!.. Я постараюсь его спасти, хоть и буду можетъ быть раскаиваться потомъ.

Слуга. Г-жа Сантисъ.

Оливье. Это по твоей части.

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Валентина, графиня, Сюзанна, Оливье и Ипполитъ.

Графиня. Вы опять послѣдняя!

Валентина *(тихо графинѣ)*. Латуръ не отпускалъ меня. Я съ такимъ трудомъ вырвалась! Онъ не знаетъ, что я здѣсь... Ришонъ здѣсь?

Графиня. Вотъ онъ говоритъ съ Оливье.

Валентина. Ахъ, какъ бьется сердце!

Сюзанна. Смѣлѣй!

Оливье *(подходя къ Валентинѣ)*. Какъ поживаете?

Валентина. Благодарю васъ, хорошо.

Оливье. Что это вы сегодня такъ просто одѣты? Это очень идетъ къ вамъ. Сейчасъ я вамъ представлю моего друга, Ришона, такъ какъ вы пригласили его конечно для того, чтобы познакомиться съ нимъ?

Валентина. Представьте.

Оливье *(представляя)*. Ипполитъ Ришонъ, М-me Сантисъ.

Валентина. Мнѣ давно хотѣлось встрѣтиться съ вами.

Ипполитъ. Я рѣдко бывалъ во Франціи за послѣднія десять лѣтъ.

Валентина *(убѣдившись, что ихъ не слушаютъ)*. Ну, Ипполитъ, какъ вы думаете распорядиться относительно меня?

Ипполитъ. Относительно васъ?

Валентина. Да.

Ипполитъ. Такъ-же, какъ и до сихъ поръ.

Валентина. Но мое положеніе нестерпимо!

Ипполитъ. Отчего?

Валентина. Вы еще спрашиваете? Десять лѣтъ, какъ мы съ вами не видались, а между тѣмъ я ваша жена.

Ипполитъ. По закону.

Валентина. Вы любили меня.

Ипполитъ. Очень... Чуть не умеръ отъ этого! Но къ счастью, я остался живъ!

Валентина. А теперь?

Ипполитъ. Теперь?.. Теперь я такъ къ вамъ равнодушенъ, какъ будто вы никогда не существовали.

Валентина. Но вы пришли сюда, чтобы видѣть меня? Если бы вы были такъ равнодушны, вы бы не пришли.

Ипполитъ. Ошибаетесь. Потому-то именно я и пришелъ, что ничуть не боялся этой встрѣчи.

Валентина. Значитъ, вы не простите мнѣ никогда?

Ипполитъ. Никогда.

Валентина. И вы никогда не откроете мнѣ двери вашего дома?

Ипполитъ. Даже при желаніи, я бы не могъ этого сдѣлать теперь.

Валентина. Значитъ то, что говорятъ, правда?

Ипполитъ. А что говорятъ?

Валентина. Что мое мѣсто занято.

Ипполитъ. Да, людьми, которыхъ я люблю.

Валентина. Но, которыхъ я могу выгнать изъ вашего дома?

Ипполитъ. Вы хорошо знаете, что грозить могу только я; не забывайте этого! Послѣ трехъ лѣтъ горя, уединенія, отчаянья, впродолженіе которыхъ, если бъ въ вашемъ сердцѣ нашлось раскаяніе, одно слово или слеза, я бы вамъ все простилъ, потому что я любилъ васъ—послѣ трехъ ужасныхъ лѣтъ я пріобрѣлъ право жить, какъ я хочу! Въ случайной семьѣ я нашелъ счастье, котораго вы меня лишили... Видите, въ какое странное положеніе проступокъ жены можетъ поставить порядочнаго человѣка! Я знаю все, что вы дѣлали послѣ нашего разрыва. Вамъ теперь только вздумалось опять сойтись со мной. Вы растратили ваше состояніе въ безпорядочной и праздной жизни. Когда вы остались безъ средствъ, вы сказали себѣ: «Попробуемъ, не возьметъ ли меня мой мужъ. Пока вы здѣсь передо мной, я не слышу ни одного слова, которое бы шло отъ сердца! Нѣтъ и нѣтъ! Между нами все кончено разъ навсегда! Вы для меня умерли.

Валентина. Значитъ, вамъ все равно, что со мной будетъ?

Ипполитъ. Дѣлайте все, что вамъ угодно! Я васъ не люблю и огорчить меня вы не можете! Смѣшнымъ вы меня сдѣлать тоже не можете, потому что я честный человѣкъ!

Валентина. Это все, что мнѣ нужно было знать: вы будете причиной того, что случится.

Ипполитъ. Въ такомъ случаѣ, прощайте! По всей вѣроятности мы болѣе никогда не увидимся!

Марселла *(Ипполиту).* Вы уже уходите?

Ипполитъ. Да. *(Валентинѣ.)* Честь имѣю кланяться.

Валентина. Прощайте.

Графиня. Вы насъ покидаете? Это нелюбезно.

Ипполитъ. Я обѣщалъ вернуться рано.

Графиня. Отчего вы не привезли съ собой вашу супругу?

Ипполитъ. М-me Сантисъ пригласила только меня.

Графиня. Я принимаю по пятницамъ. Если вы и m-me Ришонъ захотите сдѣлать мнѣ удовольствіе выпить у меня чашку чая, я буду очень рада.

Ипполитъ *(Оливье).* Я буду у тебя завтра, мнѣ нужно говорить съ тобой. *(Кланяется и уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Тѣ же безъ Ипполита.

Марселла. Никогда нельзя разсчитывать на женатыхъ людей.

Раймондъ *(Оливье).* Вы что-то хотѣли мнѣ сказать.

Оливье. Да... Скажите, мой другъ, отчего вы перестали говорить о m-me д'Анжъ? Что сдѣлалось съ вашей любовью?

Раймондъ. Я отказался отъ нея.

Оливье. Уже?

Раймондъ. Да, я напрасно терялъ время.

Оливье. И вы съ этимъ такъ скоро примирились?

Раймондъ. Что дѣлать!

Оливье. Однако вы совсѣмъ дѣлаетесь парижаниномъ, я не ожидалъ отъ васъ столько благоразумія. Поздравляю васъ и позвольте вамъ дать совѣтъ.

Раймондъ. Какой?

Оливье. Вы обѣщали графинѣ привезти вашу сестру?

Раймондъ. Да.

Оливье. Не привозите ее.

Раймондъ. Отчего? Развѣ это не порядочный домъ?

Оливье. Я этого не говорю. Лучшій домъ не будетъ имѣть лучшей внѣшности. Но если поскрести эту внѣшность, вы увидите что подъ ней! Слушайте: *(громко)* мы сегодня увидимъ Латура?

Графиня. Онъ написалъ, что у него какое-то непредвидѣнное дѣло...

Марселла. Если бы тотъ, кто выдумалъ эти два слова: «непредвидѣнныя дѣла» взялъ привилегію на нихъ, онъ нажилъ бы много денегъ!

Оливье. Онъ можетъ быть и не лжетъ... Могло-же случиться, что онъ разъ сказалъ правду.

Марселла. Что онъ вамъ сдѣлалъ? Вы всегда говорите о немъ дурно, между тѣмъ какъ онъ говоритъ о васъ одно хорошее!

Оливье. Онъ только исполняетъ свой долгъ.

Валентина. Онъ премилый человѣкъ: приличный, элегантный, воспитанный... Не о всѣхъ это можно сказать.

Оливье. Слѣдовательно онъ обладаетъ всѣмъ. Свое состояніе онъ тратитъ щедрой рукой...

Валентина. Совершенно вѣрно.

Оливье. Онъ играетъ всѣ ночи и всегда выигрываетъ.

Графиня. Вы хотите сказать, что онъ мошенничаетъ?

Оливье. Нѣтъ. Я говорю только, что у него постоянное счастье въ картахъ: это не можетъ быть случайно.

Раймондъ. Не забывайте, Оливье, что я былъ секундантомъ Латура.

Оливье. Съ которымъ вы познакомились въ Баденѣ за табльдотомъ. Вы честный человѣкъ, Раймондъ, и вы думаете, что всѣ люди такіе же, какъ вы... Это опасно! Я никогда не согласился бы на дуэль, которую Латуръ будто-бы искалъ.

Сюзанна. Вы скажете, что онъ не храбръ? Онъ въ первый разъ дрался на дуэли восемнадцати лѣтъ и убилъ своего противника.

Графиня. Хорошее вступленіе въ жизнь!

Оливье. Въ жизнь другихъ, хотите вы сказать. Я не отрицаю храбрости г-на Латура, я только говорю, что такой порядочный человѣкъ, какъ Мокруа, не долженъ драться съ нимъ, а Нанжакъ не долженъ служить ему секундантомъ.

Сюзанна. Ну, милѣйшій Оливье, Латуръ и Мокруа другъ друга стоятъ.

Оливье. Нѣтъ, неправда. Латуръ величаетъ себя графомъ, а между тѣмъ онъ сынъ ростовщика, который оставилъ ему тысячъ пятьдесятъ. Съ этими деньгами сынокъ, благодаря игрѣ, устроилъ себѣ доходъ въ сорокъ тысячъ.

Валентина. Полноте! Онъ изъ прекрасной семьи.

Оливье. Изъ какой?

Валентина. Онъ потомокъ Овернскихъ Латуровъ.

Оливье. Онъ развѣ что потомокъ Латуровъ «держи—карманъ».

Марселла. Недурно сказано.

Оливье. Я право удивляюсь, что женщины,

которыя называютъ себя женщинами хорошаго общества...

Графиня. Которыя принадлежатъ къ нему, мой другъ.

Оливье. Которыя принадлежатъ къ нему, если хотите, такъ легко принимаютъ человѣка, котораго нигдѣ не принимаютъ. Кончится тѣмъ, что онъ заставитъ бѣжать всѣхъ порядочныхъ людей. Я увѣренъ, что Бріадъ и Боншанъ такъ же, какъ всѣ эти господа, какъ ихъ называетъ m-me Сантисъ, не пришли сегодня къ графинѣ именно потому, что боялись встрѣтиться съ Латуромъ.

Графиня. Ну, довольно объ этомъ. *(Пауза.)*

Оливье. Да... M-me Сантисъ! M-me Сантисъ!

Валентина. Ну?

Оливье. Ваша квартира готова?

Валентина. А вамъ зачѣмъ? Я не думаю, чтобы вы часто стали бывать у меня.

Оливье. Мерси... А вашъ мужъ?

Валентина. Мой мужъ?.. Онъ услышитъ еще обо мнѣ.

Оливье. Вѣроятно, это будетъ ему очень пріятно.

Валентина. Я заведу съ нимъ процессъ.

Оливье. Что жъ, это мысль! Остается узнать хороша ли она? Процессъ изъ за чего?

Валентина. А вотъ увидите. Я знаю объ немъ хорошенькія вещи и мой адвокатъ его обработаетъ. Въ концѣ концовъ я ему жена.

Оливье. Вашему адвокату?

Марселла. Мой другъ, вы бываете умны разъ въ недѣлю. Вчера былъ вашъ день: молчите сегодня.

Оливье. Недурно сказано!

Марселла. Пускай говорятъ, милая Валентина. Вы правы и вы выиграете процессъ, ручаюсь вамъ! Вы молчите, m-r Оливье?

Оливье. Разъ вы заговорили, я молчу. Я говорю только о томъ, что знаю, а такъ какъ я ничего не понимаю въ куклахъ, я не разговариваю съ маленькими дѣвочками.

Марселла. Это вы мнѣ говорите?

Оливье. Да, вамъ.

Марселла. Я говорю о томъ, о чемъ вы говорите. Когда взрослые люди говорятъ о нѣкоторыхъ вещахъ при маленькихъ дѣвочкахъ, маленькія дѣвочки имѣютъ право вмѣшиваться въ разговоръ. Наконецъ я уже не дѣвочка!

Оливье. Что же вы такое?

Марселла. Я женщина и говорю какъ женщина!

Оливье. Пожалуй вы еще скажете: какъ человѣкъ.

Марселла. Послушайте...

Валентина. Я бы удивилась, если-бъ вы не кончили дерзостью!

Графиня *(уводя Марселлу).* Вы заходите слишкомъ далеко!.. Этотъ ребенокъ не сдѣлалъ вамъ ничего!.. Если вамъ въ другой разъ захочется сказать кому-нибудь непріятное въ моемъ домѣ, скажите это мнѣ... одной мнѣ! Пойдемъ, Марселла! Пойдемте, m-r Нанжакъ!

Раймондъ. Я сейчасъ къ вашимъ услугамъ. *(Дамы уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Раймондъ и Оливье.

Оливье. Вы слышали, мой другъ? Привезете вы свою сестру къ m-me Верніеръ?

Раймондъ. Значитъ, все, что вы сказали, правда?

Оливье. Одна правда.

Раймондъ. Этотъ Латуръ?..

Оливье. Искатель приключеній.

Раймондъ. А m-me Сантисъ?

Оливье. Созданіе безъ сердца и разума, которая безчестила бы имя мужа, если бы мужъ не запретилъ ей носить его.

Раймондъ. А m-lle Сансено?

Оливье. Барышня, которую надо выдать замужъ; наивный продуктъ этой среды.

Раймондъ. Но въ какой средѣ находимся мы? По правдѣ сказать, я ничего не понимаю.

Оливье. Мой другъ, надо прожить столько, сколько прожилъ я во всѣхъ слояхъ парижскаго общества, чтобы разобрать всѣ оттѣнки... Объяснить это очень трудно!.. Любите вы персики?

Раймондъ. Персики!.. Люблю.

Оливье. Войдите когда-нибудь въ фруктовый магазинъ и спросите лучшихъ персиковъ. Торговецъ покажетъ вамъ корзину, въ которой чудные плоды лежатъ на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга и отдѣлены листьями, чтобы не испортиться отъ соприкосновенія. Спросите цѣну. Онъ вамъ скажетъ: 30 су штука, положимъ... Посмотрите кругомъ и вы навѣрно увидите другую корзину, наполненную точно такими же персиками, но лежащими близко одинъ къ другому, такъ что плодъ не весь виденъ. Спросите цѣну этихъ персиковъ. Вамъ отвѣтятъ: 15 су. Отчего же, естественно спросите вы, эти персики, такіе же крупные, спѣлые и вкусные стоятъ дешевле? Тогда онъ возьметъ осторожно двумя пальцами любой персикъ, повернетъ его и покажетъ вамъ чуть замѣтную черную точку, уменьшающую его цѣнность... Мой другъ, вы здѣсь въ корзинѣ съ персиками по 15 су штука! Всѣ женщины, окружающія васъ, имѣютъ или проступокъ въ прошломъ, или какое-нибудь пятно на имени; онѣ жмутся одна къ другой, чтобъ это было менѣе замѣтно. У нихъ то же происхожденіе, та же

внѣшность, тѣ же предразсудки, что и у женщинъ высшаго круга, но онѣ уже не принадлежатъ къ нему и образуютъ такъ-называемый полусвѣтъ—этотъ плювучій островъ среди парижскаго океана. Полусвѣтъ собираетъ и притягиваетъ все, что пало, все, что бѣжитъ съ твердой земли, не считая случайныхъ крушеній, которыя являются неизвѣстно какъ и откуда.

Раймондъ. Гдѣ же ютится полусвѣтъ?

Оливье. Незамѣтно вездѣ. Парижанинъ конечно отличитъ его сейчасъ.

Раймондъ. Но какъ узнать его?

Оливье. По отсутствію мужей. Полусвѣтъ полонъ замужнихъ женщинъ, мужей которыхъ никогда не видно.

Раймондъ. Какъ образовался полусвѣтъ?

Оливье. Это явленіе новое. Прежде супружеская измѣна, какъ мы ее понимаемъ, не существовала. Нравы были болѣе легки и для опредѣленія этой измѣны существовало слово гораздо болѣе грубое, которымъ Мольеръ пользовался не разъ. Слово это дѣлало мужа смѣшнымъ и не очень строго осуждало жену. Но, когда мужья, вооруженные сводомъ законовъ, получили право изгонять изъ семьи женъ, нарушившихъ обѣты, семейные нравы измѣнились и результатомъ этого явилось новое общество. Что же оставалось дѣлать скомпрометированнымъ и отверженнымъ женамъ?.. Первая выгнанная жена оплакивала и прятала свой грѣхъ въ строгомъ уединеніи. Вторая?.. Вторая отыскала первую и когда онѣ соединились, онѣ стали смотрѣть на свой грѣхъ, какъ на несчастье, на свое преступленье, какъ на ошибку и начали утѣшать и оправлывать другъ друга. Втроемъ онѣ соединились, чтобы пообѣдать. Вчетверомъ устроили кадриль!.. Вокругъ этихъ женщинъ понемногу стали группироваться: молодыя дѣвушки, начавшія свою жизнь паденіемъ; фальшивыя вдовы; женщины, носящія имена мужчинъ, съ которыми онѣ живутъ; законные супруги, много лѣтъ сожительствовавшіе прежде; наконецъ всѣ тѣ женщины, которыя не хотятъ быть тѣмъ, что онѣ есть, а хотятъ заставить думать, что онѣ были чѣмъ-то... Въ настоящее время это незаконное и очаровательное общество плѣнительно для молодыхъ людей. Тамъ любовь доступнѣе, чѣмъ наверху и дешевле, чѣмъ внизу.

Раймондъ. Къ чему же это поведетъ?

Оливье. Не знаю... Но подъ этой ласкающей внѣшностью, украшенной молодостью, красотой, богатствомъ; подъ этими кружевами, смѣхомъ, празднествами, любовью кроются страшныя драмы, скандалы, разоренія, безчестье семей, процессы, дѣти, отторгнутыя отъ матерей и принужденныя забыть ихъ, чтобы не презирать потомъ. Вмѣстѣ съ молодостью исчезаютъ ухаживатели; тогда изъ глубины прошедшаго является раскаяніе. Въ настоящемъ остается забвеніе и полное одиночество. Нѣкоторыя изъ этихъ женщинъ впиваются въ мужчинъ, которые имѣли глупость смотрѣть на нихъ серьезно и разбиваютъ ихъ жизнь, какъ нѣкогда разбили свою... Другія просто исчезаютъ безслѣдно... Иныя цѣпляются за жизнь, какъ графиня де-Верніеръ, и такъ и умираютъ между желаніемъ подняться и страхомъ опуститься еще ниже. Есть и такія, которыя, раскаявшись искренно, или испугавшись пустоты вокругъ себя, молятъ мужей во имя дѣтей, во имя интересовъ семьи, простить ихъ... Являются общіе друзья; находятъ какой-нибудь предлогъ: жена состарилась, объ ней больше не будутъ говорить, кое-какъ склеиваютъ обломки разбитой семьи; уѣзжаютъ на годъ, на два въ имѣніе, затѣмъ возвращаются... Свѣтъ закрываетъ глаза и принимаетъ отъ времени до времени съ задняго крыльца тѣхъ, которыя нѣкогда вышли черезъ парадныя двери.

Раймондъ. Неужели все это правда? Если бы баронесса слышала васъ, она была бы въ восторгѣ.

Оливье. Въ восторгѣ?

Раймондъ. Она говорила мнѣ то же самое.

Оливье. Она?

Раймондъ. Да. Конечно, менѣе остроумно.

Оливье *(про себя).* А-а, умно сдѣлано. *(Громко.)* Зачѣмъ же баронесса бываетъ въ этомъ обществѣ, если она его такъ хорошо знаетъ?

Раймондъ. Я задалъ ей тотъ же вопросъ. Она мнѣ отвѣтила, что ее привлекаетъ сюда дружба прежнихъ лѣтъ: m-me Сантисъ—подруга дѣтства. Она принимаетъ большое участіе въ m-lle Сансено и ей хочется вытащить ее изъ этой среды... Впрочемъ, она со всѣмъ этимъ скоро покончитъ.

Оливье. Какимъ образомъ?

Раймондъ. Это пока секретъ. Черезъ недѣлю вы узнаете большую новость.

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ же и Марселла.

Марселла. M-r Нанжакъ, m-me д'Анжъ проситъ васъ придти. *(Раймондъ уходитъ.)* Не уходите, m-r Жаленъ, мнѣ нужно съ вами говорить.

Оливье. Къ вашимъ услугамъ.

Марселла. Вы сейчасъ были со мной грубы и заставили меня плакать... Что я вамъ сдѣлала?

Оливье. Ровно ничего.

Марселла. Вы оскорбляете меня не въ первый разъ! Я знаю, что вы дурного мнѣнія обо мнѣ: мнѣ это сказали.

Оливье. Васъ обманули.

Марселла. Прежде вы относились ко мнѣ

не такъ; у васъ всегда было для меня доброе слово! Я почти повѣрила вашей дружбѣ... Вы были необособенно счастливы въ семьѣ и потому были со мной откровенны... У меня тоже были свои огорченія. Мы должны бы были сочувствовать другъ другу!.. Что вы имѣете противъ меня? За что можно меня упрекнуть?

Оливье. Я отношусь къ вамъ съ тѣмъ же сочувствіемъ, какъ и прежде. Но...

Марселла. Говорите, прошу васъ!

Оливье. Видите ли: молодая дѣвушка должна быть молодой дѣвушкой и должна заниматься только тѣмъ, что доступно ея возрасту. Бываютъ минуты, когда ваши разговоры ставятъ въ неловкое положеніе меня—мужчину! И я не знаю, что вамъ отвѣтить! Я съ грустью смотрю на воспитаніе, которое вы здѣсь получили и слушаю разговоры подобные давешнему!

Марселла. Значитъ ваша строгость происходитъ отъ участія? Благодарю васъ! Что же мнѣ дѣлать? . Не могу же я уйти отсюда!.. У меня нѣтъ ни отца, ни матери! Я разговариваю такъ, какъ всѣ вокругъ меня разговариваютъ вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ... Пожалуй нѣтъ большого несчастья въ томъ, что я живу въ этомъ обществѣ: видя каждый день какую-нибудь женщину, погибшую отъ ложнаго шага, можетъ я зато не сдѣлаю этой ошибки!

Оливье. Можетъ быть вы правы.

Марселла. Но для будущаго этого кажется недостаточно? Если вы интересуетесь мной, дайте мнѣ совѣтъ...

Оливье. Говорите!

Марселла. Что дѣлать дѣвушкѣ, какъ я, у которой нѣтъ семьи, нѣтъ состоянія, нѣтъ защитника, кромѣ единственной родственницы m-me Верніеръ, воспитанной въ этомъ обществѣ? Что ей дѣлать, чтобы не подпасть подъ дурное вліяніе и дурные совѣты?.. Не поддаться отчаянью? *(Пауза.)* Вы молчите... Вы можете пожалѣть меня, осудить меня, а дать совѣтъ вы не можете? Имѣю я теперь право сказать, что я уже не дѣвочка?

Оливье *(взволнованный)*. Простите меня!

Марселла. Я не только прощаю... благодарю васъ за то, что вы открыли мнѣ глаза, когда еще не поздно! Я васъ прошу объ одномъ: что-бы ни случилось, что-бы обо мнѣ ни говорили—заступитесь за меня! Взамѣнъ этого я обѣщаю вамъ остаться честной дѣвушкой. Можетъ быть, я когда-нибудь встрѣчу человѣка, который будетъ мнѣ признателенъ за это. Прощайте, m-r Оливье! Прощайте и еще разъ благодарю васъ! *(Протягиваетъ ему руку. Сюзанна входитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Тѣ же и Сюзанна.

Сюзанна. Съ удовольствіемъ вижу, что миръ заключенъ!

Марселла. Да, и я очень довольна! *(Уходитъ.)*

Оливье. Странная дѣвушка!

Сюзанна. Она васъ любитъ.

Оливье. Меня?

Сюзанна. Давно.

Оливье. Каждый день узнаешь что-нибудь новое!

Сюзанна. А я вотъ сейчасъ узнала, что на ваше слово полагаться нельзя.

Оливье. Какъ это? Что я сдѣлалъ?

Сюзанна. М-r Нанжакъ передалъ мнѣ вашъ разговоръ.

Оливье. Я не говорилъ о васъ!

Сюзанна. Говорить Нанжаку все то, что вы говорили, значитъ говорить дурное обо мнѣ. Хорошо, что я приняла мѣры!

Оливье. Что вамъ за дѣло, разъ вы его не любите?

Сюзанна. Почемъ вы знаете?

Оливье. Такъ вы его любите?

Сюзанна. Я обязана вамъ давать отчетъ?

Оливье. Можетъ быть!

Сюзанна. Значитъ война?

Оливье. Война, если хотите!

Сюзанна. У васъ мои письма: возвратите ихъ мнѣ.

Оливье. Я вамъ привезу ихъ самъ.

Сюзанна. Значитъ, до завтра?

Оливье. До завтра. *(Уходитъ.)*

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Гостиная въ домѣ Сюзанны.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Сюзанна и Софи.

Сюзанна. Нотаріусъ не приходилъ еще?

Софи. Нѣтъ, сударыня.

Сюзанна. Я уѣзжаю. Если кто-нибудь придетъ—пусть подождетъ.

Софи *(уходя)*. Къ вамъ барышня Сансено.

Сюзанна. Пусть войдетъ...

(Софи уходитъ, Марселла входитъ.)

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Сюзанна и Марселла.

Сюзанна. Чему я обязана удовольствіемъ васъ видѣть, дитя мое?

Марселла. Я вамъ не помѣшаю?

Сюзанна. Вы мнѣ никогда не мѣшаете. Вы знаете, что я васъ люблю и всегда рада быть вамъ полезной. Въ чемъ дѣло?

Марселла. Вы можете оказать мнѣ огромное одолженіе!

Сюзанна. Я слушаю.

Марселла. Вы имѣете большое вліяніе на маркиза Тоннеренъ.

Сюзанна. Онъ дружески относится ко мнѣ.

Марселла. Четыре или пять лѣтъ тому назадъ онъ предлагалъ тетѣ взять меня къ себѣ въ домъ и воспитать вмѣстѣ съ его дочерью, чтобы у нея была подруга однихъ лѣтъ.

Сюзанна. Онъ говорилъ мнѣ тогда объ этомъ. Но ваша тетушка отказала.

Марселла. Къ несчастью, да. Если бы она согласилась, я не была бы теперь поставлена въ такія условія!

Сюзанна. Что случилось?

Марселла. Я не хочу жаловаться на тетю. Она не виновата, что маленькое состояніе, которое мнѣ оставила мать, мало по малу ушло на разныя нужды... Если мы будемъ сводить счеты—должницей окажусь я, а не она! Есть заботы и привизанности неоплатныя!.. Но нужда портитъ лучшіе характеры... Вчера, послѣ вашего отъѣзда у насъ было очень тяжелое объясненіе, когда я сказала, что не люблю Нанжака и что ничего не сдѣлаю, чтобы быть его женой.

Сюзанна. Тѣмъ болѣе, что вы любите другаго.

Марселла. Можетъ быть!.. Послѣ нашего объясненія тетя предупредила меня, чтобы я больше не разсчитывала на ея помощь, если разстрою ея планы... Я не спала всю ночь и все думала, какъ бы устроиться, чтобы не быть ей въ тягость... и вспомнила о предложеніи маркиза. Я рѣшилась придти къ вамъ—вы такая добрая—попросите маркиза: не согласится ли онъ сдѣлать теперь для меня то, что онъ предлагалъ 4 года тому назадъ? Дочь его едва ли выйдетъ замужъ раньше года или двухъ лѣтъ—она живетъ довольно уединенно... Я буду очень любить ее и увѣрена, что и она меня полюбитъ... А выйдя замужъ, она возьметъ меня, можетъ быть, къ себѣ... Я увѣрена, что мой планъ удастся, если вы похлопочете! Я буду обязана вамъ если не блестящимъ положеніемъ, то независимой, скромной и тихой жизнью!

Сюзанна. Я увижусь сегодня съ маркизомъ.

Марселла. Въ самомъ дѣлѣ?

Сюзанна. Я сейчасъ поѣду и буду у него.

Марселла. Какая вы добрая!

Сюзанна. Напишите письмо...

Марселла. Я поѣду домой и пришлю вамъ письмо.

Сюзанна. Пишите здѣсь, пока я одѣнусь... Принесите письмо въ мою комнату, а потомъ подождите отвѣта... Я вернусь черезъ часъ.. *(Звонитъ.)*

Марселла. Лучше я пойду домой, а то я ушла съ горничной, не предупредивъ тетю—она будетъ безпокоиться.

Сюзанна *(слугѣ)*. Если придетъ г-нъ Жаленъ, попросите подождать и г-на Нанжака тоже. *(Слуга уходитъ. Марселлѣ.)* Боюсь, чтобы меня не задержали. Я жду васъ въ своей комнатѣ. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Марселла, *потомъ* **Оливье.**

Марселла *(садится писать)*. Мнѣ пришла блестящая мысль! Господи, помоги мнѣ!.. Я вѣрю, что Онъ поможетъ мнѣ. *(Пишетъ. Оливье входитъ, смотритъ молча на Марселлу. Марселла запечатываетъ письмо и встаетъ. Обернувшись, видитъ Оливье.)* Ахъ!

Оливье. Я испугалъ васъ, простите!

Марселла. Я никакъ не ожидала увидать васъ.

Оливье. Вы чѣмъ то очень довольны?

Марселла. Да. Въ моемъ сердцѣ зародилась надежда! Я очень рада, что вижу васъ, потому что этой надеждой я обязана вамъ! Со вчерашняго дня я вижу свое будущее совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ!

Оливье. Что-нибудь случилось?

Марселла. У меня нѣтъ отъ васъ секретовъ... Вы скоро все узнаете... До свиданья.

Оливье. Ужъ уходите?

Марселла. Я вернусь черезъ часъ. Вы будете еще здѣсь? Я попрошу баронессу васъ задержать! *(Беретъ его руку.)* Будьте всегда также искренни, какъ вчера! *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Оливье *одинъ.*

Оливье. Сердце женщины еще можно разгадать!.. Но честь и слава тому, кто разгадаетъ сердце дѣвушки!.. Вчера я Богъ знаетъ, что думалъ о ней!.. А сегодня? Какія чувства возбуждаетъ она во мнѣ? *(Вынимаетъ изъ кармана пакетъ писемъ.)* Пока похоронимъ мертвое прошлое и да не давитъ его земля! *(Пишетъ.)* «Баронессѣ д'Анжъ» *(Входитъ Раймондъ.)* Чортъ возьми! *(Прячетъ письма въ карманъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Оливье и Раймондъ.

Оливье. А! Это вы?.. А я только что говорилъ о васъ.

Раймондъ. Гдѣ и съ кѣмъ?

Оливье. Съ отцомъ Мокруа—я съ нимъ завтракалъ. То есть не я, а онъ говорилъ о васъ.

Раймондъ. Развѣ онъ меня знаетъ?

Оливье. Лично, нѣтъ; но онъ близокъ съ военнымъ министромъ и, какъ старый военный, интересуется всѣми, которые,какъ вы, съ честью носятъ свое званіе. Онъ спрашивалъ меня, какъ вашего знакомаго, отчего вы подали въ отставку? Я ему отвѣтилъ, что ничего не знаю ни про отставку, ни про причины. Я даже усумнился въ дѣйствительности факта; но оказывается министръ самъ говорилъ ему объ этомъ.

Раймондъ. Все это правда и если я вамъ ничего не говорилъ...

Оливье. Ваши тайны принадлежатъ вамъ, мой другъ. Я изъ дружбы интересуюсь вами, но не желаю быть нескромнымъ. Если вы пришли къ такому важному рѣшенію, какъ отставка, значитъ у васъ были важныя причины, которыя я, какъ другъ, напрасно оспаривалъ бы... Ну, какъ дѣла?

Раймондъ. Благодарю васъ. Вы уходите?

Оливье. Ухожу, потому что баронесса не возвращается.

Раймондъ. Дождемтесь ее вмѣстѣ, если хотите.

Оливье. Мнѣ некогда... у меня еще есть визитъ.

Раймондъ. Передать ей что-нибудь отъ васъ?

Оливье. Пожалуй, скажите ей, что я приносилъ то, что она просила.

Раймондъ. Какое таинственное порученье! Вы на меня сердитесь?

Оливье. Боже мой, за что?

Раймондъ. Вы ко мнѣ относитесь дружески и были въ правѣ удивиться и даже быть въ претензіи на меня за мою скрытность. Простите!.. Молчать просило меня лицо, которому я не могъ отказать!.. Я не только умолчалъ объ истинѣ, но вчера просто сказалъ вамъ неправду!.. Мнѣ это ужасно непріятно... я вамъ скажу все!..

Оливье. Пожалуйста, не говорите ничего, прошу васъ.

Раймондъ. Это дѣтская месть, мой милый Оливье! Я сегодня же хотѣлъ придти къ вамъ и просить васъ объ одолженіи.

Оливье. Объ одолженіи?

Раймондъ. Я женюсь.

Оливье. Вы?

Раймондъ. Я.

Оливье. На комъ?

Раймондъ. Отгадайте.

Оливье. Какъ же я отгадаю!

Раймондъ. Въ первое наше свиданье, я сказалъ, что все, что вы мнѣ сообщите, можетъ имѣть для меня огромное значеніе!.. Я женюсь на m-me д'Анжъ.

Оливье. На Сюзаннѣ?! *(Спохватившись.)* На баронессѣ?

Раймондъ. Да.

Оливье. Вы шутите?

Раймондъ. Нѣтъ, не шучу.

Оливье. Значитъ, это серьезнѣе?

Раймондъ. Какъ нельзя серьезно.

Оливье. Что же... эта мысль о бракѣ пришла ей?

Раймондъ. Нѣтъ, мнѣ!

Оливье. А-а! Ну, поздравляю васъ, мой другъ.

Раймондъ. Вы, кажется, удивлены?

Оливье. Признаюсь, я этого не ожидалъ... Я нисколько не сомнѣвался, что вы влюблены, хотя вы вчера и старались разувѣрить меня въ этомъ... Я даже подумалъ, что вы подали въ отставку, чтобы пробыть какъ можно дольше около m-me д'Анжъ... Но чтобы вы женились... мнѣ этого и въ голову не приходило!

Раймондъ. Отчего?

Оливье. Оттого, что бракъ, по моему, вещь очень серьезная!.. Когда дѣло идетъ о счастьи цѣлой жизни, мнѣ кажется, надо думать нѣсколько дольше, чѣмъ вы это дѣлаете!

Раймондъ. А я, такъ думаю наоборотъ. Когда встрѣчаешь въ жизни счастье—лови его скорѣй! Я свободенъ, безъ семьи, никогда не любилъ, мнѣ 32 года!.. M-me д'Анжъ тоже свободна, вдова, женщина высшаго круга, по вашимъ же словамъ!.. Мы другъ друга любимъ и женимся, кажется, просто?

Оливье. Очень просто... Когда же свадьба?

Раймондъ. По истеченіи законнаго срока. Пожалуйста, никому ни слова: баронесса не хочетъ, чтобы объ этомъ знали. Мы будемъ жить въ уединеніи. Она даже не хотѣла, чтобы свадьба была въ Парижѣ, но я настоялъ, имѣя васъ въ виду.

Оливье. Меня?

Раймондъ. Да, я разсчитываю на васъ, какъ на свидѣтеля.

Оливье. Меня?.. Въ свидѣтели вашего брака съ баронессой?.. Это невозможно!

Раймондъ. Вы отказываетесь?

Оливье. Но я уѣзжаю завтра!

Раймондъ. Вы мнѣ не говорили о своемъ отъѣздѣ?.. Странно... Что съ вами? У васъ такой смущенный видъ!..

Оливье. Дѣйствительно, я въ очень неловкомъ положеніи!

Раймондъ. Говорите, въ чемъ дѣло?

Оливье. Скажите мнѣ, Раймондъ, увѣрены ли вы, что, если я дамъ совѣтъ въ такомъ серьезномъ дѣлѣ—то это будетъ изъ одного желанія вамъ добра?

Раймондъ. Конечно.

Оливье. Въ такомъ случаѣ отложите свадьбу, пока еще есть время!

Раймондъ. Что вы хотите этимъ сказать?

Оливье. Какъ бы ни была велика любовь, нѣтъ надобности жениться, если можно обойтись безъ этого!

Раймондъ. Когда я вамъ говорилъ, что люблю m-me д'Анжъ, я забылъ сказать, что уважаю ее!

Оливье. Прекрасно, мой другъ! Не будемъ больше говорить объ этомъ. До свиданья.

Раймондъ. Вы не дождетесь баронессы?

Оливье. Нѣтъ, я вернусь.

Раймондъ. Оливье!

Оливье. Ну?

Раймондъ. Вы что-то скрываете.

Оливье. Ничего.

Раймондъ. Нѣтъ, скрываете.

Оливье. Послушайте, мой другъ, вы удивительный человѣкъ!

Раймондъ. Что же во мнѣ особеннаго?

Оливье. Съ вами невозможно говорить! Вы обращаете во зло то добро, которое вамъ хотятъ сдѣлать! При малѣйшемъ словѣ вы вспыхиваете, какъ порохъ, и отбиваете этимъ всякую охоту говорить. Я даю вамъ дружескій совѣтъ. Я считаю своимъ долгомъ дать его, а вы зажимаете мнѣ ротъ, какъ только вы умѣете это дѣлать! Мы, парижане, понимаемъ другъ друга съ полу-слова и не привыкли къ такимъ цѣльнымъ характерамъ... Вы меня просто пугаете!

Раймондъ. Пожалуйста не думайте, что служба солдата отняла у меня всякій разумъ. Я понимаю: вы хотите сказать, что всякое положеніе имѣетъ свою серьезную и комическую сторону? До сихъ поръ я считалъ свое положеніе серьезнымъ. Если оно комично и я этого не вижу, то виновата моя неопытность и конечно, дружба обязываетъ открыть мнѣ глаза... Повѣрьте, что я первый посмѣюсь надъ этимъ!

Оливье. Вы только такъ говорите, а смѣяться не станете.

Раймондъ. Вы не знаете меня... Каждый день люди обманываются... Самое лучшее, въ такомъ случаѣ—принять весело свое положеніе... Или все, или ничего! Вотъ мой девизъ.

Оливье. Честное слово?

Раймондъ. Честное слово!

Оливье. Ну, если это такъ, будемъ смѣяться...

Раймондъ. Я ошибся?

Оливье. Ошиблись.

Раймондъ. Она не любитъ меня?

Оливье. Я этого не говорю: напротивъ, я думаю, что она васъ очень любитъ. Но это не причина, чтобы жениться. Для нея это очень важно: такого мужа какъ вы, встрѣтишь не каждый день и долго надо искать, прежде, чѣмъ его найдешь!

Раймондъ. А баронесса? Что вы о ней знаете?

Оливье. Долгая исторія!.. И потомъ чужія дѣла меня не касаются. Все, что могу сказать: на женщинѣ, какъ m-me д'Анжъ, не женятся!

Раймондъ. Вотъ какъ?

Оливье. Надо пріѣхать изъ Африки, чтобы возымѣть эту идею.

Раймондъ. Вы открываете мнѣ глаза! Теперь я понимаю ея желанье скрыть нашъ бракъ, почему она не хотѣла вѣнчаться въ Парижѣ, почему предостерегала меня противъ васъ.

Оливье. Она знала, что я слишкомъ люблю васъ, чтобы допустить сдѣлать такую... вещь.

Раймондъ. Однако эта женщина ловка!.. Она овладѣла моимъ умомъ и сердцемъ!

Оливье. Надо отдать ей справедливость—она обворожительна! У нея блестящій умъ. Она выше всѣхъ женщинъ, окружающихъ ее, ужъ потому, что сумѣла втереться въ общество и занять тамъ положеніе... Не женитесь на Сюзаннѣ, но любите ее: она этого стоитъ!

Раймондъ. Вы говорите по опыту?

Оливье. Я?.. Я нѣтъ.

Раймондъ. Къ чему теперь скромность? Она была умѣстна въ первый день нашего знакомства, потому что вы не знали меня.

Оливье. Я сказалъ вамъ правду.

Раймондъ. Перестаньте!

Оливье. Честное слово: я дѣйствительно только другъ m-me д'Анжъ. Къ тому же, какъ вы справедливо замѣтили, я васъ не зналъ. Вы явились человѣкомъ, готовымъ разгромить все! Я вами еще не интересовался. Вотъ молодой человѣкъ, подумалъ я, влюбленный въ m-me д'Анжъ, ея настоящій или будущій любовникъ; онъ уѣдетъ мѣсяца черезъ два въ полной увѣренности, что онъ былъ любимъ свѣтской женщиной, затѣмъ, можетъ быть, будетъ убитъ. Добраго ему пути!.. Но теперь, когда я узналъ ваше сердце, вашъ характеръ и прямоту, вы мнѣ вдругъ говорите о женитьбѣ. Это, чортъ возьми, совсѣмъ другое дѣло!.. И мое молчаніе было бы предательствомъ, за которое вы потомъ могли бы потребовать отъ меня отчета! Теперь я не скрою отъ васъ ничего... Вы не сердитесь?

Раймондъ. Я?.. На васъ?.. Вы съ ума сошли! Напротивъ, я никогда не забуду услуги, которую вы мнѣ оказали...

Оливье. Отъ влюбленныхъ никогда не знаешь, чего ожидать.

Раймондъ. Я больше не люблю ея!

Оливье. Само собой разумѣется, что все сказанное останется между нами.

Раймондъ. Конечно... Что вы посовѣтуете мнѣ теперь?

Оливье. Ну, это ваше дѣло!

Раймондъ. Дѣло зашло такъ далеко, что надо найти поводъ.

Оливье. Въ такихъ случаяхъ всякій поводъ хорошъ. Въ рѣшительную минуту вы вдохновитесь. Наконецъ ей придется же выяснить свое положеніе... Вотъ вамъ и предлогъ.

Раймондъ. Какое положеніе?

Оливье. Чтобы быть вдовой, надо мужа, хоть и мертваго. Но мертваго мужа гораздо труднѣе найти, чѣмъ живого.

Раймондъ. Значитъ, она не вдова?

Оливье. Она никогда не была замужемъ.

Раймондъ. Вы въ этомъ увѣрены?

Оливье. Увѣренъ. Никто никогда не видалъ барона д'Анжъ!.. Если вы хотите вѣрныхъ свѣдѣній, обратитесь къ маркизу Тоннеренъ, тѣмъ болѣе, что ваша сестра съ нимъ знакома. Онъ долженъ знать всю подноготную. Конечно не выдавайте меня... Затѣмъ прощайте: если она застанетъ меня здѣсь, пожалуй заподозритъ. Она не должна знать нашего разговора.

Раймондъ. Тогда мнѣ не зачѣмъ исполнять ваше порученіе?

Оливье. Какое порученіе?

Раймондъ. Вы просили сказать, что принесете позже то, что приносили утромъ.

Оливье. Не говорите ничего.

Раймондъ. Что же это такое?

Оливье. Бумаги.

Раймондъ. Какія? Дѣловыя?

Оливье. Да.

Раймондъ. Важныя??

Оливье. Да. Прощайте!

Раймондъ. Послушайте, Оливье, вы знаете меня не первый день. Нехорошо, что вы не откровенны со мною до конца! Эти бумаги—письма? Сознайтесь. *(Молчаніе.)* Послѣ всего, что было сказано, чѣмъ больше вы мнѣ скажете, тѣмъ лучше!

Оливье. Ну да—это письма!

Раймондъ. Ея письма къ вамъ? Выходя замужъ, она хочетъ получить ихъ обратно? Говорите же... Докажите, что вы дѣйствительно мой другъ!

Оливье. Чѣмъ?

Раймондъ. Отдайте мнѣ эти письма.

Оливье. Вамъ?

Раймондъ. Да.

Оливье. Вы понимаете сами, что это невозможно!

Раймондъ. Отчего?

Оливье. Развѣ можно отдавать письма женщины?

Раймондъ. Это зависитъ отъ того, въ какихъ отношеніяхъ съ тѣмъ, кто ихъ проситъ.

Оливье. Какова бы ни была женщина, письма ея святы!

Раймондъ. Мнѣ кажется, ужъ поздно высказывать эти правила.

Оливье. Вы находите?

Раймондъ. Да. Разъ вы начали такого рода разоблаченіе, вы должны идти до конца!

Оливье. Я вижу, что я сдѣлалъ ошибку. Надо было молчать.

Раймондъ. Почему?

Оливье. Потому что вамъ вовсе не смѣшно! Потому что вы любите m-me д'Анжъ больше, чѣмъ сознаетесь: вы приняли веселый видъ, чтобы заставить меня говорить! Я не думалъ, что вы такъ ловки! Прощайте.

Раймондъ. Послушайте, Оливье, во имя нашей дружбы, отдайте мнѣ письма!

Оливье. Повторяю, что вы требуете отъ меня невозможнаго—поступка, недостойнаго насъ обоихъ!.. Вы меня удивляете!

Раймондъ. Я просто прошу доказать то, что вы говорили...

Оливье. Можете не вѣрить, если хотите.

Раймондъ. Еслибъ я былъ на вашемъ мѣстѣ, я бы это сдѣлалъ.

Оливье. Поклянитесь.

Раймондъ. Кля... *(Останавливается.)*

Оливье. Вотъ видите.

Раймондъ. Вы правы... Клянусь, я не прочту ихъ... Дайте письма, я ихъ отдамъ m-me д'Анжъ.

Оливье. Нѣтъ.

Раймондъ. Вы мнѣ не вѣрите?

Оливье. Боже меня сохрани!.. Послушайте, Раймондъ, вы никогда не простите мнѣ той горькой истины, которую я вамъ сказалъ. Я не раскаиваюсь... Я поступилъ такъ, какъ долженъ былъ поступить! Я долженъ былъ, или предупредить васъ, или помогать своимъ молчаніемъ m-me д'Анжъ. Я не могъ колебаться! Мнѣ кажется, того объясненія, которое было между нами, достаточно. Если по вашему этого мало—пусть будетъ такъ, какъ будто ничего не было говорено! Я пришелъ, чтобы отдать или оставить m-me д'Анжъ бумаги, которыя принадлежатъ ей съ той минуты, какъ она ихъ потребовала. Вотъ онѣ — запечатанныя... M-me д'Анжъ нѣтъ... Я кладу ихъ сюда, на столъ и вернусь черезъ пол-часа посмотрѣть, нашла ли она ихъ... Вы можете поступить, какъ вамъ заблагоразсудится. Я былъ вашимъ другомъ и буду имъ, пока вы этого хотите. Прощайте... или до свиданья. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Раймондъ *одинъ.*

Раймондъ *(идетъ къ двери).* Оливье!.. Во всякомъ случаѣ прошедшее этой женщины принадлежитъ мнѣ, потому что я даю ей свое имя!.. Прочтемъ письма... *(Кладетъ ихъ назадъ.)* Онъ правъ—это невозможно!

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Раймондъ и Сюзанна.

Сюзанна *(входя).* Я заставила себя долго ждать, мой милый?

Раймондъ. Нѣтъ... Впрочемъ я былъ не одинъ.

Сюзанна. Кто былъ здѣсь?

Раймондъ. Жаленъ.

Сюзанна. Отчего онъ не дождался меня?

Раймондъ. Онъ спѣшилъ, кажется.

Сюзанна. Онъ вернется?

Раймондъ. Черезъ полчаса. Гдѣ же вы были, моя дорогая?

Сюзанна. О, по самымъ скучнымъ дѣламъ! Но я не жалуюсь, такъ какъ это для васъ.

Раймондъ. Для меня?

Сюзанна. Для васъ, милостивый государь. Когда выходишь замужъ, надо чтобы дѣла были въ порядкѣ, не такъ ли? Я бы сожалѣла объ этомъ только тогда, если бы вы измѣнили ваши намѣренія.

Раймондъ. Нѣтъ еще.

Сюзанна А это можетъ случиться?

Раймондъ. Это будетъ зависѣть отъ васъ.

Сюзанна. Въ такомъ случаѣ мнѣ нечего бояться!.. Вы меня не разлюбили?

Раймондъ. Я люблю васъ больше, чѣмъ вы думаете!.. Гдѣ же вы были, Сюзанна?

Сюзанна. У своего нотаріуса. Мой мужъ долженъ знать мое состояніе.

Раймондъ. Дальше.

Сюзанна. Взяла метрическое свидѣтельство. Видите, я васъ не обманула—я старая: мнѣ 28 лѣтъ. *(Читаетъ.)* «Дитя женскаго пола, родилось 4 февраля 1818 года, въ 11 ч. вечера, дочь Ивана Гіацинта, графа Бервакъ и супруги его Жозефины-Генріетты де Круссероль»... Я хорошаго рода!.. И вотъ все, что осталось отъ двухъ первыхъ привязанностей моей жизни: кусокъ бумаги, сухой актъ—мало разборчивый, какъ надгробная эпитафія... Вотъ свадебный контрактъ. Не очень мнѣ было весело въ этотъ день, дорогой мой Раймондъ. Я не любила мужа и исполняла только желаніе родныхъ... Впрочемъ, я ни въ чемъ не могу упрекнуть барона; онъ былъ ко мнѣ очень добръ... Онъ былъ послѣдній представитель угасшаго рода. Наконецъ вотъ свидѣтельство о смерти моего мужа и мое право любить васъ открыто. Какъ видите, я уже восемь лѣтъ вдова. Прошедшее въ порядкѣ... Займемся будущимъ. Что съ вами? Вы чѣмъ-то озабочены.

Раймондъ. Дайте мнѣ эти бумаги.

Сюзанна. Съ удовольствіемъ. Только не потеряйте ихъ пожалуйста.

Раймондъ. Не безпокойтесь, я спрячу ихъ вмѣстѣ съ своими. Это все, что вы сдѣлали сегодня?

Сюзанна. Нѣтъ, я была еще у своего опекуна, маркиза Тоннеренъ, чтобы исполнить просьбу m-lle Сансено. Очень жаль, что мнѣ не удалось! Бѣдняжка придетъ за отвѣтомъ... Не знаю право, какъ ей сказать.

Раймондъ. Можно избѣжать этого.

Сюзанна. Какъ?

Раймондъ. Напишите ей. Это лучшій способъ передавать непріятныя извѣстія.

Сюзанна. Да, но... скучно писать.

Раймондъ. Смотря потому, кому пишешь... Любимому человѣку, напримѣръ...

Сюзанна. А! Это другое дѣло!

Раймондъ. А вы мнѣ ни разу не писали.

Сюзанна. Я вижу васъ каждый день, что же мнѣ вамъ писать? Впрочемъ вы ничего не потеряли—я пишу отвратительно, какія-то мушиныя лапки!

Раймондъ. Посмотримъ это отвратительное писаніе.

Сюзанна. Хотите непремѣнно?

Раймондъ. Хочу.

Сюзанна. Ну смотрите. *(Пишетъ.)* «Милое дитя». Фу, гадкое перо!.. «Я была у маркиза, но застала его не въ такомъ настроеніи, какъ ожидала. «*(Раймонду, который слѣдитъ, какъ она пишетъ.)* Ничего нельзя разобрать, неправда ли?

Раймондъ. Д-да... Дайте мнѣ эту записку.

Сюзанна. Зачѣмъ?

Раймондъ. Дайте.

Сюзанна. Возьмите.

Раймондъ *(внимательно разсматриваетъ письмо.)* Сюзанна, я забылъ сказать, что Жаленъ оставилъ вамъ маленькій пакетъ.

Сюзанна. Съ чѣмъ?

Раймондъ. Съ письмами.

Сюзанна. Письма? Какія письма?

Раймондъ. Письма, которыя вы у него просили.

Сюзанна. Я?

Раймондъ. Вы.

Сюзанна. Чьи письма?

Раймондъ. Ваши.

Сюзанна. Мои?!. Ничего не понимаю! Гдѣ эти письма?

Раймондъ. Вотъ они.

Сюзанна. Давайте.

Раймондъ. Сюзанна, позвольте мнѣ распечатать этотъ пакетъ!

Сюзанна. М-г Жаленъ велѣлъ передать мнѣ эти письма?

Раймондъ. Я уже сказалъ...

Сюзанна. Въ такомъ случаѣ распечатайте и читайте, если это васъ интересуетъ... Вы могли сдѣлать это и до моего возвращенія!.. Только объясните мнѣ потомъ, что все это значитъ?.. Я ровно ничего не понимаю!

Раймондъ. Я вамъ все объясню, или скорѣе мы объяснимся. *(Читаетъ одно изъ писемъ, сличаетъ его съ запиской Сюзанны.)*

Сюзанна. Ну что же?

Раймондъ. Здѣсь мистифируютъ кого-то!

Сюзанна. Вѣроятно меня, потому что я не понимаю ни слова изъ этой загадки.

Раймондъ. Посмотрите эти письма!

Сюзанна. Письма женщины!

Раймондъ. Прочтите.

Сюзанна *(читаетъ)*. Любовныя письма, хотя выраженія не особенно нѣжны... Ну что же?

Раймондъ. Вы не знаете, кто это писалъ?

Сюзанна. Какъ же я могу знать? Они не подписаны.

Раймондъ. Значитъ, эти письма писали не вы?

Сюзанна. Какъ я! Вы кажется съ ума сходите? Развѣ это похоже на мою руку? Я бы не прочь такъ писать—эта женщина пишетъ очень красиво!

Раймондъ. Что же значитъ эта ложь?

Сюзанна. Какая ложь? Послушайте, что же это однако все значитъ? Развѣ Жаленъ сказалъ, что эти письма писала я?

Раймондъ. Да.

Сюзанна *(съ негодованіемъ).* Что же? Значитъ, m-r Жаленъ былъ моимъ любовникомъ?

Раймондъ. Кажется.

Сюзанна. Онъ вамъ сказалъ?..

Раймондъ. Онъ далъ мнѣ это понять.

Сюзанна. Что значитъ эта шутка?

Раймондъ. Жаленъ не шутилъ.

Сюзанна. Онъ просто посмѣялся надъ вами!.. Вы солгали ему вчера... Онъ это замѣтилъ и отомстилъ вамъ сегодня!.. Я знаю Жалена лучше васъ: онъ не способенъ на подлость, а вѣдь это подлость! Онъ ухаживалъ за мной; у меня есть его письма; если хотите, я вамъ ихъ покажу... Кажется, мое замужество непріятно ему, потому что оно отнимаетъ у него всякую надежду... Но чтобы онъ хотѣлъ разрушить его клеветой... этого быть не можетъ!.. Я не знаю, что было, но Жалена я считаю положительно неспособнымъ на подлость.

Раймондъ. Увидимъ.

Сюзанна. Вы сомнѣваетесь?

Раймондъ. Все это надо выяснить! Вы клянетесь, что все, что говорилъ Жаленъ, неправда?

Сюзанна. Клясться?!. А-а! Я вижу тутъ не шутка, не клевета m-r Жалена, а измѣна съ вашей стороны!

Раймондъ. Измѣна?!

Сюзанна. Я вижу, вы раскаиваетесь?.. Проще было бы сказать мнѣ это прямо, чѣмъ пользоваться такимъ предлогомъ, который дѣлаетъ гораздо болѣе чести вашей изобрѣтательности, чѣмъ деликатности.

Раймондъ. Сюзанна, вы обвиняете меня въ нечестномъ поступкѣ!

Сюзанна. А вы въ чемъ обвиняете меня?

Раймондъ. Жаленъ сейчасъ придетъ и мы выяснимъ все.

Сюзанна. Какъ? m-r Жаленъ долженъ вамъ сказать, что я не была его любовницей, иначе вы не повѣрите моей невинности? За кого вы меня принимаете? Я люблю васъ, Раймондъ, но вашъ подозрительный и ревнивый характеръ пугаетъ меня! Это заставляетъ меня колебаться выдти за васъ!.. Но все-таки я надѣялась, что вы, по крайней мѣрѣ, уважаете меня!.. Я даже не хочу знать причины того, что произошло!.. Вы подвергли такому унизительному испытанію и мою любовь, и мое достоинство!.. Вы усомнились во мнѣ!.. Между нами все кончено!

Раймондъ. Моя ревность—доказательство моей любви! Я васъ люблю безумно, Сюзанна!!

Сюзанна. Я не хочу, чтобы меня такъ любили.

Раймондъ. Клянусь вамъ?

Сюзанна. Довольно!

Раймондъ. Сюзанна!

Софи. Барышня Сансено спрашиваетъ, можетъ ли она войти?

Сюзанна. Просите.

Раймондъ. Я не уйду. *(Марселла входитъ).*

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ же и Марселла.

Марселла *(входя).* Это я.

Сюзанна. Милости просимъ, дитя мое. *(Раймонду.)* Извините меня, m-r Нанжакъ: намъ нужно говорить.

Раймондъ. Когда я буду имѣть честь васъ видѣть?

Сюзанна. Когда я вернусь... Я ѣду вечеромъ и до отъѣзда не могу принять никого. *(Раймондъ кланяется и уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Сюзанна и Марселла.

Сюзанна *(слугѣ).* Если г-нъ Нанжакъ придетъ сегодня, вы скажете, что меня нѣтъ дома... Если онъ будетъ настаивать, скажите, что я не велѣла принимать. Ступайте. *(Слуга уходитъ.)* Ну... я видѣла маркиза... не могу вамъ сказать ничего утѣшительнаго, дитя мое: маркизъ очень расположенъ къ вамъ, но...

Марселла. Но отказалъ въ моей просьбѣ?

Сюзанна. Ему очень бы хотѣлось ее исполнить...

Марселла. Но условія свѣта не позволяютъ этого? Я объ этомъ думала... и, пожалуй, онъ правъ: онъ не можетъ взять къ дочери дѣвушку, находящуюся въ такихъ исключительныхъ условіяхъ, какъ я... Какъ счастлива m-lle Тонеренъ, что у нея есть отецъ, который охраняетъ ее!.. Благодарю васъ... простите меня за безпокойство.

Сюзанна. Мнѣ такъ хотѣлось это устроить. Маркизъ очень любитъ васъ; онъ сказалъ мнѣ, что готовъ оказать вамъ всякую помощь. Если бы васъ полюбилъ порядочный человѣкъ и отсутствіе состоянія явилось бы препятствіемъ къ вашему браку, онъ уничтожитъ это препятствіе.

Марселла. Я прошу поддержки, а не милостыни!

Сюзанна. Зачѣмъ вы такъ говорите! Это не хорошо! Отчаиваться не надо: можетъ быть человѣкъ, котораго вы любите, тоже полюбитъ васъ, а можетъ быть теперь уже любитъ... А разъ онъ васъ полюбитъ—что можетъ мѣшать вашему браку?

Марселла. Я не люблю никого!

Сюзанна. Ну хорошо...

Марселла. Вы ѣдете сегодня?

Сюзанна. Да.

Марселла. Значитъ мы больше не увидимся? Я никогда не забуду вашей доброты ко мнѣ!

Сюзанна. Я дамъ вамъ знать, гдѣ я; пожалуйста пишите мнѣ! Я всегда буду рада помочь вамъ, чѣмъ могу!

Марселла. Благодарю васъ. *(Цѣлуетъ Сюзанну.)* Прощайте!

Сюзанна. Прощайте... Не падайте духомъ!

Слуга. Г-нъ Жаленъ! *(Марселла хочетъ идти.)*

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Тѣ же и Оливье.

Оливье. Вы бѣжите отъ меня?

Марселла. Нѣтъ, нѣтъ! Я собиралась уходить.

Оливье. Отчего вы такая печальная?

Марселла. Часы бѣгутъ и не похожи одинъ на другой!.. Жить гораздо труднѣе, чѣмъ я думала, когда приходится бороться одной.

Оливье. А вдвоемъ? Развѣ я не другъ вашъ? Я не хочу видѣть васъ печальной! Позвольте мнѣ придти и вы мнѣ разскажете ваши горести!

Марселла. Я сдѣлаю все, что вы мнѣ посовѣтуете!

Оливье. Я скоро буду у васъ... можетъ быть сейчасъ! *(Жметъ ей руку. Марселла уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Сюзанна и Оливье.

Сюзанна. Какъ это трогательно!.. Очень бы хотѣла видѣть васъ женатымъ на m-lle Сансено послѣ того, что вы о ней говорили.

Оливье. Я не зналъ ея—теперь узналъ!

Сюзанна. Изъ этого слѣдуетъ, что не надо торопиться говорить дурное о людяхъ... По этому поводу намъ надо свести счеты.

Оливье. Какіе счеты?

Сюзанна. Пожалуйста не притворяйтесь—вы отлично понимаете!.. Вы говорили m-r Нанжаку, что онъ напрасно женится на мнѣ?

Оливье. Говорилъ.

Сюзанна. И вы сказали ему причину?

Оливье. Сказалъ.

Сюзанна. Откровенно, по крайней мѣрѣ. Тѣмъ не менѣе вы сдѣлали... какъ бы это сказать?.. Для такихъ поступковъ есть особое названіе.

Оливье *(какъ будто подыскиваетъ слово)*. Глупость?

Сюзанна. Нѣтъ.

Оливье. Неделикатность?

Сюзанна. Это называется под...

Оливье. Подлостью? Говорите, говорите!

Сюзанна. Да, подлость.

Оливье. Почему же это по вашему подлость?

Сюзанна. Потому что честный человѣкъ молчитъ объ этомъ!

Оливье. Это доказываетъ, что у васъ и у меня, слава Богу, разные взгляды на честь.

Сюзанна. Вы, конечно, были увѣрены, что Нанжакъ скроетъ отъ меня вашъ разговоръ?

Оливье. Да, я былъ увѣренъ, потому что онъ далъ мнѣ въ этомъ честное слово.

Сюзанна. Однако вы же дали мнѣ слово, что будете моимъ другомъ!

Оливье. Вашимъ другомъ, но не вашимъ сообщникомъ.

Сюзанна. Сообщникомъ? Сильно сказано! *(Смѣется.)* А знаете что?

Оливье. Что?

Сюзанна. Ваша выходка обратилась въ мою же пользу.

Оливье. Тѣмъ лучше! Значитъ я и долгъ свой исполнилъ, и вамъ услугу оказалъ.

Сюзанна. Онъ влюбленъ болѣе, чѣмъ когда нибудь.

Оливье. Вотъ какъ?

Сюзанна. Удивляюсь вамъ: вы такой умный человѣкъ и не видѣли, что попали въ ловушку!

Оливье. Въ ловушку?

Сюзанна. Ну, конечно, мой бѣдный другъ! Вы еще не знаете, что самая глупая женщина, а я не принадлежу къ такимъ, хитрѣе самаго умнаго мужчины?.. Послѣ вашего вчерашняго разговора съ Нанжакомъ, я догадалась, что вашей большой дружбы хватитъ не надолго и что, какъ только рѣчь зайдетъ о бракѣ, ваша честность объявитъ мнѣ войну... Надо было рѣшительнымъ ударомъ такъ уничтожить правду, чтобъ никакія клеветы въ будущемъ не имѣли значенія!.. Я попросила васъ возвратить мнѣ сегодня письма—кажется это должно бы было открыть вамъ глаза! Развѣ я принадлежу къ тѣмъ женщинамъ, которыя требуютъ назадъ свои письма? Вы, ничего не подозрѣвая, пришли такъ мило, съ письмами въ карманѣ... Я нарочно ушла изъ дома, чтобы оставить васъ вдвоемъ съ Нанжакомъ... Вы конечно исполнили долгъ честнаго человѣка: открыли ему, чѣмъ вы были для меня... Вы нашли способъ отдать ему мои письма.. Онъ никогда не видалъ моей руки и, когда я вернулась, онъ заставилъ меня писать при себѣ и сравнилъ почерки...

Оливье. Ну?

Сюзанна. Почеркъ конечно не похожъ и онъ увѣрился, что я жертва клеветы! Теперь онъ любитъ меня болѣе чѣмъ когда нибудь и у него одно желаніе: драться съ вами!.. Ай-ай-ай! Вы дожили до вашихъ лѣтъ и не знаете, что самое вѣрное средство поссориться съ другомъ, это говорить дурно о любимой женщинѣ, даже если можно это доказать?.. Я отказала ему за его подозрѣнія. . сказала, что не хочу его больше видѣть и уѣзжаю сегодня: однимъ словомъ все, что умная женщина можетъ сказать въ подобномъ случаѣ!.. Конечно сказала, что

никогда не буду его женой!.. Черезъ десять минутъ онъ будетъ здѣсь; черезъ недѣлю мы будемъ женаты: вотъ чѣмъ я вамъ обязана, мой другъ! Вы проиграли мнѣ пари!

Оливье. Значитъ у васъ два почерка?

Сюзанна. Съ меня довольно и одного.

Оливье. Такъ какъ же?

Сюзанна. Я женщина добрая и нисколько не сержусь на васъ: поэтому я разскажу вамъ все!.. Когда такая женщина, какъ я, употребила десять лѣтъ изо дня въ день, чтобы создать себѣ положеніе, она конечно прежде всего станетъ избѣгать всего, что можетъ разрушить результатъ ея страшныхъ усилій .. Манія писать въ этомъ случаѣ—самая гибельная вещь. Изъ ста женщинъ двѣ трети бываютъ скомпрометированы письмами, которыя онѣ писали... Письма женщинъ какъ будто на то и существуютъ, чтобы быть потерянными тѣмъ, кому они писаны, или украденными прислугой, отданными кому не слѣдуетъ или показанными всему свѣту!.. Въ любви писать очень опасно и кромѣ того безполезно... Слѣдуя этой теоріи я дала себѣ клятву не писать ни одного компрометирующаго письма и за эти десять лѣтъ сдержала слово!

Оливье. А письма, которыя я получалъ отъ васъ?

Сюзанна. Писала m-me Сантисъ, отчаянная любительница писать: это ея страсть! Она цѣлый день съ перомъ въ рукѣ!.. Мы не разлучались въ Баденѣ и я нѣсколько разъ пользовалась ея маніей, чтобъ отвѣчать на ваши письма, которыхъ я не читала... У нея очень красивый почеркъ, такой аристократическій, тонкій, длинный, какъ англійская леди на прогулкѣ—она получила очень хорошее воспитаніе... Такимъ образомъ вы, мой другъ, переписывались съ Валентиной! Не безпокойтесь, я не донесу вашему другу Ришону, а то пожалуй вы поссоритесь,

Оливье *(низко кланяется)*. Не знаю даже, что и сказать!.. Очень искусно...

Сюзанна. Теперь... будемъ говорить серьезно. По какому праву поступили вы такъ? Въ чемъ можете вы меня упрекнуть? Я поняла бы еще, еслибы Нанжакъ былъ другъ дѣтства, братъ! Вы знакомы съ нимъ восемь, десять дней... еслибъ еще вы сами не были заинтересованы... Вы можете поручиться, что оскорбленное самолюбіе не играетъ никакой роли? Вы меня не любите — я знаю; но всегда непріятно, когда женщина, которая васъ любила, говоритъ вамъ, что она васъ больше не любитъ... Неужели оттого, что вы за мной ухаживали и я была настолько довѣрчива, что вѣрила вамъ, считала васъ джентльменомъ, даже любила васъ,— вы будете препятствіемъ къ счастью всей моей жизни? Что я васъ скомпрометировала? разорила? обманула?.. Положимъ, строго говоря, я недостойна занять положеніе, къ которому стремлюсь... Ваше ли дѣло заграждать мнѣ путь къ нему?.. Нѣтъ, мой милый Оливье, это недобросовѣстно!.. Когда самъ пользовался слабостями человѣка, не слѣдуетъ обращать этого въ оружіе противъ него же! Человѣкъ, который былъ любимъ женщиной хоть сколько нибудь, когда эта любовь была безкорыстна, долженъ считать себя обязаннымъ на всю жизнь и, что-бы онъ ни сдѣлалъ для этой женщины— никогда это не сравнится съ тѣмъ, что она для него сдѣлала!

Оливье. Вы правы: я поддался дурному чувству ревности, можетъ быть, когда думалъ, что руковожусь однимъ чувствомъ долга... но на моемъ мѣстѣ каждый честный человѣкъ поступилъ бы также! Для Раймонда—я долженъ былъ говорить... для васъ—я долженъ былъ молчать! Арабская пословица вѣрно гласитъ: слово серебро, молчанье—золото!

Сюзанна. Вотъ все, что я хотѣла вамъ сказать. *(Вошедшей Софи.)* Что такое?

Софи. Тамъ г. Нанжакъ.

Сюзанна. Вѣдь я приказала...

Софи. Онъ хотѣлъ непремѣнно васъ видѣть. Я сказала, что вы не велѣли принимать. Онъ проситъ, если г-нъ Жаленъ здѣсь, чтобы онъ вышелъ къ нему.

Сюзанна. Проситe г-на Нанжака сюда.

Оливье. Вы примете его?

Сюзанна. Нѣтъ... Вы это сдѣлаете и скажете ему то, что вы сочтете своимъ долгомъ... Помните, что мы любимъ другъ друга и что, чего я хочу—я хочу! До свиданія! *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Оливье, *потомъ* **Раймондъ.**

Оливье. Ну... кончать, такъ кончать сейчасъ. *(Входящему Раймонду.)* Вы хотите говорить со мной? Баронессы нѣтъ дома и мы одни. Я васъ слушаю.

Раймондъ. Я не хочу забывать, что называлъ васъ своимъ другомъ, а между тѣмъ...

Оливье. Дальше.

Раймондъ. Вы обманули меня.

Оливье. Нѣтъ.

Раймондъ. Послушайте: я рѣшился не вѣрить никакимъ доказательствамъ, а между тѣмъ m-me д'Анжъ доказала мнѣ обратное тому, что вы говорили! Вы мнѣ сказали, что она никогда не была замужемъ?—Я видѣлъ свадебный контрактъ! Видѣлъ своими собственными глазами! Вы скажете мнѣ, что актъ поддѣльный?

Оливье. Нѣтъ.

Раймондъ. Вы мнѣ сказали, что она не вдова? – Я видѣлъ свидѣтельство о смерти ея мужа! Вы скажете, что этотъ актъ—вымыселъ?

Оливье. Нѣтъ.

Раймондъ. Я прямо отъ маркиза Тоннеренъ

онъ ничего не знаетъ о баронессѣ! Наконецъ эти письма, которыя яко бы она писала...

Оливье. На самомъ дѣлѣ писала не она: я это знаю теперь. Одна изъ пріятельницъ ея писала мнѣ отъ имени баронессы и объ смѣялись надо мной! Вы видите, что не я васъ обманулъ, а напротивъ обманутъ былъ я! Мнѣ казалось, что я обязанъ васъ предупредить и ошибся... Желая доказать, что я вашъ другъ, я доказалъ только себѣ, что я дуракъ!.. Я самъ былъ игрушкой другихъ!

Раймондъ. Значитъ вы берете назадъ свои слова?

Оливье. Все. Она хорошей семьи; она была замужемъ, баронесса, вдова; она васъ любитъ и вполнѣ достойна васъ: для меня же она никогда ничѣмъ не была. Всякій, кто скажетъ противное, будетъ клеветникомъ, потому что говорить то, чего не можешь доказать—значитъ клеветать! Прощайте, Раймондъ! Послѣ того, что было, мнѣ неудобно встрѣчаться съ баронессой. Я приду только въ томъ случаѣ, если она позоветъ меня. Не думаю, чтобы ей скоро пришла охота меня видѣть. Прошу васъ, не обвиняйте меня ни въ чемъ, кромѣ неловкости. Прощайте!

Раймондъ. Прощайте. *(Оливье уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Раймондъ и слуга.

Раймондъ. Я потребую отъ него удовлетворенія.

Слуга *(входя)*. Баронесса ушла изъ дому и вернется очень поздно.

Раймондъ. Я буду ждать! *(Садится.)*

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

У Сюзанны.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Сюзанна, слуга и маркизъ.

Слуга. Маркизъ Тоннеренъ.

Маркизъ. Здравствуйте, баронесса.

Сюзанна. А! Чему обязана удовольствіемъ васъ видѣть, маркизъ?

Маркизъ. Я пришелъ узнать, милая Сюзанна, все ли вы получили отъ моего нотаріуса?

Сюзанна. Благодарю васъ, все.

Маркизъ. Затѣмъ мнѣ хотѣлось знать, какъ вы поживаете?

Сюзанна. Очень хорошо.

Маркизъ. А ваша свадьба?

Сюзанна. Моя свадьба?

Маркизъ. Гдѣ она будетъ?

Сюзанна. Ахъ, я и забыла, что мы давно не видались! Вы ничего не знаете?

Маркизъ. Ничего.

Сюзанна. Вы были правы, маркизъ: есть вещи недостижимыя!.. Я была слишкомъ честолюбива!

Маркизъ. Вы сознаетесь?

Сюзанна. Что дѣлать? Приходится.

Маркизъ. Разскажите, въ чемъ дѣло?

Сюзанна. Насплетничали.

Маркизъ. Кто?

Сюзанна. Жаленъ, которому я такъ вѣрила!

Маркизъ. Онъ говорилъ съ Нанжакомъ?

Сюзанна. Вотъ какъ! Вы знаете имя?

Маркизъ. Знаю... Какъ же поступилъ Нанжакъ?

Сюзанна. Повѣрилъ Жалену... а потомъ, такъ какъ онъ любитъ меня, повѣрилъ мнѣ...

Маркизъ. А теперь?

Сюзанна. Теперь онъ любитъ меня попрежнему, но безъ довѣрія, съ ревностью, съ ежеминутными подозрѣніями, допросами и постояннымъ надзоромъ! А я... признаюсь я уже не въ силахъ идти на такую жизнь, хотя и стремилась къ ней страстно! Дрожать ежечасно, чтобы прошлое не обрушилось вдругъ на мою голову! Сочинять каждое утро новую ложь, чтобы опровергнуть ее вечеромъ!.. И вмѣстѣ съ тѣмъ любить искренно и законно! Это невозможно!.. Я чувствую, что у меня въ этой борьбѣ пропадаетъ не только энергія, но даже и любовь!.. Я больше не люблю Нанжака!

Маркизъ. Правда ли это?

Сюзанна. Вы единственный человѣкъ, которому я никогда не лгу!

Маркизъ. Вы не любите Нанжака?

Сюзанна. Я никого не люблю.

Маркизъ. Значитъ, бракъ не состоится?

Сюзанна. Нѣтъ... Я остаюсь свободной и уѣзжаю въ Италію! Тамъ не такъ строго спрашиваютъ женщину, откуда она. Если она не очень дурна, богата и прилично принимаетъ, то вѣрятъ всему, что она скажетъ... Я куплю виллу на Комскомъ озерѣ, буду бѣлиться и румяниться, какъ m-me Сантисъ, кататься по озеру въ звѣздныя ночи, заниматься байроновской поэзіей; буду разыгрывать непонятую женщину, принимать и покровительствовать артистамъ и въ концѣ концовъ выйду замужъ, если ужъ очень захочется, за какого-нибудь разореннаго итальянскаго князя, который спуститъ мое состояніе, заведетъ танцовщицу и сверхъ того будетъ меня бить! Неправда ли—я хорошо придумала? Такія жен-

щины, какъ я, не должны разсчитывать на лучшее!

Маркизъ. Когда же вы ѣдете?

Сюзанна. Черезъ три или четыре дня.

Маркизъ. Одна?

Сюзанна. Съ горничной.

Маркизъ. Нанжакъ знаетъ о вашемъ отъѣздѣ?

Сюзанна. Ничего не знаетъ.

Маркизъ. И вы не скажете ему, куда ѣдете?

Сюзанна. Если бы я хотѣла продолжать съ нимъ видѣться, я могла бы просто остаться въ Парижѣ. Я именно для того и уѣзжаю, чтобы порвать эти отношенія, невозможныя теперь и еще болѣе невозможныя въ будущемъ!

Маркизъ. Поздравляю васъ: это рѣшеніе дѣлаетъ вамъ честь! Вашъ умъ и здравый смыслъ привели васъ къ тому, къ чему бы васъ принудила необходимость.

Сюзанна *(разсѣянно.)* Какъ?

Маркизъ. Случай весьма некстати вмѣшивается въ дѣла, которыя его вовсе не касаются... Случаю угодно было, чтобы сестра Нанжака была пріятельницей моей сестры... Нанжакъ не скрылъ отъ нея своихъ намѣреній, а она въ свою очередь сообщила это моей сестрѣ: такимъ образомъ я узналъ имя, котораго не хотѣлъ слышать отъ васъ. Но это не все. Нанжакъ самъ приходилъ ко мнѣ съ разспросами о васъ. Я, какъ порядочный человѣкъ, предпочелъ молчать и предоставить вамъ самой выйти съ честью изъ этого щекотливаго положенія. Сегодня я пришелъ повторить еще разъ, что, какъ скоро я по независящимъ обстоятельствамъ узнаю имя вашего жениха, я открою ему всю правду... Хорошо, что я замедлилъ, потому что вы сами рѣшились не вступать въ этотъ бракъ. Все къ лучшему... если вы искренни.

Сюзанна. Завтра Нанжакъ будетъ свободенъ и вы можете выдать за него свою дочь, если хотите!

Маркизъ. Моя дочь тутъ непричемъ, милая Сюзанна: прошу васъ это помнить. Мы говорили серьезно?

Сюзанна. Совершенно серьезно.

Маркизъ. Будьте счастливы! Это мое послѣднее пожеланіе! Прощайте и не забудьте...

Сюзанна. Я ничего не забываю! *(Маркизъ уходитъ. Встрѣчается въ дверяхъ и кланяется съ входящей Валентиной).*

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Сюзанна и Валентина *(въ дорожномъ платьѣ).*

Валентина *(смотря вслѣдъ ушедшему маркизу.)* Это маркизъ Тоннеренъ?

Сюзанна. Да.

Валентина. Онъ еще молодецъ!

Сюзанна. Куда вы въ такомъ костюмѣ?

Валентина. Уѣзжаю.

Сюзанна. Куда? Когда?

Валентина. Черезъ часъ: я ѣду въ Лондонъ, оттуда въ Бельгію и Германію.

Сюзанна. Съ кѣмъ?

Валентина. Меня провожаютъ.

Сюзанна. А вашъ процессъ?

Валентина. Я раздумала. Когда я была по этому дѣлу у предсѣдателя, онъ посовѣтовалъ мнѣ оставить мужа въ покоѣ. И вотъ я уѣзжаю.

Сюзанна. Мы очень давно не видались.

Валентина. Некогда было, я дѣлала закупки для путешествія, потому что въ Англіи кажется ничего нельзя достать... Пришлось заплатить за годъ за квартиру, чтобы хозяинъ нарушилъ контрактъ и отпустилъ меня... Мебель я возвратила обойщику и свободна теперь, какъ вѣтеръ!

Сюзанна. И вы не могли заѣхать съ отвѣтомъ, который я просила?

Валентина. Вѣдь я вамъ писала! Развѣ вы не получили письма?

Сюзанна. Получила, но...

Валентина. Я вамъ все разскажу.

Сюзанна. Ну?

Валентина. Я написала m-me Лорнанъ письмо.

Сюзанна. Прекрасно.

Валентина. Я написала ей, конечно измѣнивъ свой почеркъ, что женщина, принимающая въ ней большое участіе, должна непремѣнно съ нею говорить, что дѣло касается Жалена, и назначила ей свиданье третьяго дня вечеромъ, прося разумѣется молчать...

Сюзанна. Она пришла на это свиданье?

Валентина. Пришла въ Тюльерійскій садъ, гдѣ оно было назначено... Было темно, я была подъ вуалью и меня нельзя было узнать... А я ее разсмотрѣла отлично, она очень красива!

Сюзанна. Что вы ей сказали?

Валентина. Какъ мы уговорились: что Оливье обманываетъ ее, что онъ влюбленъ въ m-lle Сансено и хочетъ жениться, что это безуміе, несчастье, такъ какъ молодая дѣвушка не достойна его... Конечно я сдѣлала видъ, что вѣрю въ одну дружбу со стороны m-me Лорнанъ. Впрочемъ она и на самомъ дѣлѣ только другъ, но она любитъ его и ревнуетъ.

Сюзанна. Вы говорили обо мнѣ?

Валентина. Она сама заговорила объ васъ. Я сказала ей, что вы все знаете и вдвоемъ можете разстроить этотъ бракъ. На мое предложеніе пріѣхать къ вамъ сговориться, она согласилась послѣ долгаго колебанія, но взяла слово, что у васъ никого не будетъ, когда она придетъ... Она будетъ здѣсь въ два часа. Бѣдная женщина совершенно потеряла голову. Кто бы подумалъ, что Жаленъ внушаетъ такія страсти!.. Знаете вы объ немъ что-нибудь?

Сюзанна. Знаю.

Валентина. Въ какихъ они отношеніяхъ съ Нанжакомъ?

Сюзанна. Они не видятся. Оливье написалъ мнѣ...

Валентина. Что?

Сюзанна. Что онъ любитъ меня и хотѣлъ разстроить мой бракъ изъ любви ко мнѣ...

Валентина. Можетъ быть это правда...

Сюзанна. Не знаю... Можетъ быть! Хотя у меня есть поводы думать, что это неправда... Онъ проситъ меня пріѣхать къ нему, чтобы сказать мнѣ что-то, чего нельзя сказать у меня.

Валентина. Пожалуй... тутъ какая-то хитрость.

Сюзанна. Во всякомъ случаѣ онъ въ очень дурныхъ отношеніяхъ съ Нанжакомъ.

Валентина. Если бы Нанжакъ нанесъ ему хорошій ударъ шпагой, чтобы отнять охоту вмѣшиваться въ чужія дѣла! Я просто возненавидѣла его!.. Онъ вооружилъ противъ меня Ипполита!.. Не стѣсняйтесь, милочка, если можете сдѣлать ему какую-нибудь гадость... Я беру отвѣтственность на себя!

Сюзанна. Будьте покойны: я ничего не забуду. Къ чему же оскорбленія, если ихъ прощать? М-r Жаленъ сказалъ между прочимъ Нанжаку, что порядочная женщина не можетъ бывать въ нашемъ обществѣ... Сегодня онъ встрѣтится у меня съ m-me Лорнанъ. Надѣюсь, это нѣсколько измѣнитъ его взглядъ...

Валентина. Онъ придетъ?

Сюзанна. Да.

Валентина. Вотъ взбѣсится!.. А если онъ не сдержится?

Сюзанна. Полноте! Малѣйшее слово и онъ будетъ имѣть дѣло съ Нанжакомъ. Не думаю, чтобы это было ему по вкусу... Урокъ будетъ принятъ молча.

Валентина. Какъ жаль, что я должна ѣхать. Ну, до свиданья. Вы мнѣ напишите въ Лондонъ poste restante, на имя Розы, моей горничной, Пока не буду въ безопасности, я не хочу, чтобы мужъ зналъ, гдѣ я... Какъ странно покидать Парижъ! Нигдѣ въ мірѣ нельзя такъ веселиться, какъ здѣсь! Но дѣлать нечего! Ну, прощайте.

Сюзанна. Вы мнѣ напишете?

Валентина. Непремѣнно... Прощайте... Такъ на имя Розы! *(Уходитъ. Одновременно изъ другой двери входитъ Нанжакъ).*

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Сюзанна и Раймондъ.

Сюзанна. Эту я тоже не стану принимать, когда выйду замужъ. *(Раймонду.)* Я жду васъ.

Раймондъ. Все готово.

Сюзанна. А контрактъ?

Раймондъ. Подпишемъ завтра.

Сюзанна. А когда мы ѣдемъ?

Раймондъ. Когда хотите.

Сюзанна. Значитъ, вы меня все еще любите?

Раймондъ. А вы, Сюзанна?

Сюзанна. Вы еще сомнѣваетесь? Вамъ мало доказательствъ? Люблю! Люблю!

Раймондъ. Видѣли вы еще Жалена?

Сюзанна. Нѣтъ. А что?

Раймондъ. Онъ шелъ въ вашу сторону съ своимъ пріятелемъ Ришономъ.

Сюзанна. Онъ идетъ ко мнѣ.

Раймондъ. Мнѣ кажется, вамъ не слѣдовало бы его принимать. Я васъ просилъ... вы мнѣ обѣщали...

Сюзанна. Онъ писалъ, что ему нужно говорить со мной. Я приму его, какъ будто ничего не было и даже сдѣлаю видъ, что ничего не знаю, а вамъ совѣтую забыть все это.

Раймондъ. Идите, распорядитесь относительно завтрашняго дня... Мнѣ хочется оффиціально извѣстить всѣхъ нашихъ друзей, также и Жалена... Я приму его... Я хочу быть первымъ, кого онъ встрѣтитъ въ вашемъ домѣ, чтобы онъ понялъ какъ себя впредь держать... Я сейчасъ за вами. *(Сюзанна уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Раймондъ, Оливье, Ипполитъ и слуга.

Слуга. Г-нъ Жаленъ. Г-нъ Ришонъ.

Раймондъ *(холодно кланяется).*

Оливье. Какъ ваше здоровье, Раймондъ?

Раймондъ. Благодарю васъ, прекрасно.

Оливье. Можно видѣть баронессу?

Раймондъ. Она сейчасъ придетъ и проситъ васъ подождать. *(Кланяется и уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Ипполитъ и Оливье.

Оливье. Каковъ видъ?

Ипполитъ. Ты долженъ былъ этого ожидать, идя сюда. Зачѣмъ ты пришелъ? Ты кажется развязался со всѣми интригами? Ты исполнилъ свой долгъ. Нанжакъ хочетъ во что бы то ни стало жениться на этой женщинѣ... Онъ не признаетъ никакихъ препятствій... пускай себѣ! По моему это тебя не касается.

Оливье. Ты совершенно правъ. Я рѣшился больше не вмѣшиваться въ это дѣло, хотя есть люди, которыхъ надо спасать противъ ихъ воли... Но женщина обыкновенно ни въ чемъ не знаетъ границъ и Сюзанна опять задѣваетъ меня: это не моя вина.

Ипполитъ. Ты искалъ только предлога, чтобы вернуться.

Оливье. Можетъ быть. Тѣмъ менѣе надо было давать мнѣ этотъ предлогъ.

Ипполитъ. Чѣмъ же она тебя такъ задѣла?

Оливье. М-me Лорнанъ получила отъ твоей жены анонимное письмо.

Ипполитъ. Отъ моей жены?

Оливье. Да. Почеркъ былъ измѣненъ, но я его узналъ: я дорого заплатилъ за эту науку. Въ этомъ письмѣ m-me Лорнанъ назначаетъ свиданье: я это узналъ отъ ея экономки, которая знаетъ мое участье къ m-me Лорнанъ... За этой продѣлкой кроется Сюзанна! Но берегись она у меня, если я не ошибаюсь, и она замышляетъ что-нибудь противъ m-me Лорнанъ. Не знаю, что я сдѣлаю, но я такъ разнесу ея брачныя затѣи, что будь я повѣшенъ, если она что-нибудь соберетъ!

Ипполитъ. Не арестовать ли мнѣ жену? Пока она вредила только мнѣ, я молчалъ, но, если она принялась за другихъ...

Оливье. Я самъ распутаю дѣло. Когда я узналъ про эти продѣлки, я просилъ Сюзанну пріѣхать ко мнѣ... Но она побоялась и назначила мнѣ свиданье сегодня у себя... Не шуми и предоставь мнѣ дѣйствовать. Не пройдетъ и часа, какъ рыбка будетъ на крючкѣ!

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Тѣ же и графиня Верніеръ.

Графиня. Гдѣ баронесса?..

Оливье. Что съ вами, графиня? Вы налетѣли, какъ ураганъ?

Графиня. Я внѣ себя.

Оливье. Для разнообразія я радъ васъ видѣть и въ такомъ состояніи: вы всегда такъ веселы!

Графиня. Я вовсе не шучу!

Оливье. Въ такомъ случаѣ отвѣчаю на вопросъ: баронесса съ Нанжакомъ и мы ее ждемъ.

Графиня *(отводя Оливье, Ипполиту).* Извините... *(Оливье.)* Вы знаете, что сдѣлала Марселла?

Оливье. Сказала Нанжаку, что не пойдетъ за него замужъ?

Графиня. Да.

Оливье. Потому что не любитъ его?

Графиня. Причина!.. Но это не все: сегодня утромъ вхожу къ ней въ комнату—пусто!

Оливье. Вы не нашли письма?

Графиня. Нашла: она пишетъ, что нашла средство не быть мнѣ въ тягость, чтобъ я не безпокоилась—мнѣ не придется краснѣть за нее!

Оливье. Она не пишетъ, что возвращается въ пансіонъ, гдѣ воспитывалась?

Графиня. Вы видѣлись съ ней?

Оливье. Я сейчасъ отъ нея.

Графиня. Гдѣ же вы были?

Оливье. Въ пансіонѣ.

Графиня. Какъ же это?

Оливье. Она писала мнѣ.

Графиня. Вамъ?

Оливье. Мнѣ.

Графиня. По какому поводу?

Оливье. Она дѣйствовала по моему совѣту.

Графиня. Зачѣмъ вы вмѣшиваетесь?

Оливье. Это касается меня.

Графиня. Вы же вѣроятно дали ей совѣтъ уѣхать изъ Парижа?

Оливье. Совершенно вѣрно. Она ѣдетъ завтра: начальница пансіона нашла ей мѣсто.

Графиня. Мѣсто?

Оливье. Въ Безансонъ, въ прекрасную семью. Она будетъ заниматься съ маленькой дѣвочкой англійскимъ языкомъ и музыкой за 800 франковъ жалованья, столъ и помѣщенье. Конечно, это не особенно весело, но она находитъ, что это честнѣе, чѣмъ искать жениховъ въ Парижѣ, играть въ ландскнехтъ и компрометировать себя! Я съ ней вполнѣ согласенъ.

Графиня. Нечего сказать! Доброе дѣло сдѣлали!.. Я ей напишу, чтобы она по крайней мѣрѣ перемѣнила имя! Дѣвушка изъ фамиліи Сансено! Дочь моего брата!.. Такъ ужасно компрометировать родню!.. Воспитательница!.. Отчего не горничная?

Оливье. Вы это называете компрометировать родныхъ? Тотъ, кто вамъ продалъ логику, милѣйшая графиня, укралъ ваши деньги... Навѣрно это Латуръ?

Графиня. Какъ же она выйдетъ замужъ послѣ такого скандала?

Оливье. Повѣрьте—гораздо скорѣе, чѣмъ у васъ.

Графиня. Она выбрала не тотъ путь!

Оливье. Всѣ пути ведутъ въ Римъ и самый длинный иногда бываетъ самый вѣрный!

Графиня. А вотъ увидимъ... Я сдѣлала для нея все, что могла!.. Во всякомъ случаѣ она только моя племянница!

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Тѣ же, Сюзанна, *потомъ* **Раймондъ и слуга.**

Сюзанна. Графиня, здравствуйте.

Графиня. Здравствуйте, мое дитя...

Сюзанна. Что съ вами?

Графиня. Разскажу послѣ... Я принесла вамъ долгъ.

Сюзанна. Ахъ, это не къ спѣху.

Графиня. Вы были такъ любезны... mercі... я получила деньги.

Сюзанна *(Ипполиту).* Очень мило, что вы вздумали меня навѣстить.

Ипполитъ. Я думалъ, что это неловко, но Оливье...

Сюзанна. Друзья Жалена—мои друзья.

Ипполитъ. Благодарю васъ.

Сюзанна *(Оливье).* И вы пришли?

Оливье. Конечно: вы приказали мнѣ явиться...

Сюзанна. Чтобы узнать, что вамъ нужно...

Оливье. Я написалъ вамъ...

Сюзанна. Что любите меня?

Оливье. Люблю.

Сюзанна. Для этого вы хотѣли заманить меня къ себѣ? Гм!.. Чтобы я встрѣтилась въ вашемъ домѣ съ Нанжакомъ, который былъ бы предупрежденъ?.. Какая дѣтская война деревянными пушками и хлѣбными ядрами! Вамъ хочется обезоружить меня?

Оливье. Вы мнѣ не вѣрите?

Сюзанна. Нѣтъ.

Оливье. Прощайте.

Сюзанна. Останьтесь: я хочу вамъ кое-что показать.

Оливье. Что такое?

Сюзанна. Это сюрпризъ. *(Во время этого разговора Раймондъ вошелъ и разговариваетъ съ графиней и Ипполитомъ. Графинѣ громко.)* Графиня, кажется, вы знаете нѣкую m-me Лорнанъ?

Графиня. Я была съ ней знакома, но потомъ мы какъ-то потеряли другъ друга изъ вида.

Сюзанна. Говорятъ, она необыкновенно добродѣтельна?

Графиня. Это правда.

Сюзанна. И очень разборчива на знакомства?

Графиня. У нея очень ограниченный кругъ знакомыхъ.

Сюзанна. Она сейчасъ будетъ здѣсь. M-r Нанжакъ, я васъ представлю очаровательной женщинѣ.

Оливье. Если она пріѣдетъ.

Сюзанна. Ахъ, я и забыла, что вы близко знаете m-me Лорнанъ!

Оливье. Поэтому-то я и держу пари, что она не пріѣдетъ. А если пріѣдетъ, то не войдетъ въ домъ!

Сюзанна. На что вы спорите?

Оливье. На что угодно! На то, на что порядочная женщина можетъ спорить—на конфекты и цвѣты.

Сюзанна. Я принимаю пари. *(Увидя входящаго слугу.)* Думаю, что выиграю его немедленно. *(Слугѣ.)* Что такое?

Слуга. Какая-то дама желаетъ васъ видѣть.

Сюзанна. Фамилія этой дамы?

Слуга. Она не хочетъ сказать.

Сюзанна. Скажите этой дамѣ, что я принимаю только тѣхъ, кто не скрываетъ своего имени. *(Слуга уходитъ.)*

Оливье *(Раймонду тихо).* Раймондъ, во имя нашей прежней дружбы, помѣшайте m-me Лорнанъ войти сюда!

Раймондъ. Почему?

Оливье. Отъ этого можетъ произойти большое несчастье!

Раймондъ. Для кого?

Оливье. Для многихъ.

Раймондъ. Я не имѣю ни малѣйшаго права распоряжаться въ домѣ m-me д'Анжъ. Она можетъ принимать кого ей угодно: меня это не касается!

Оливье. Хорошо!

Слуга *(входя).* Г-жа Лорнанъ проситъ васъ принять ее.

Сюзанна. Просите.

Оливье. Несчастная! *(Убѣгаетъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ же безъ Оливье.

Ипполитъ. Дай Богъ, чтобы вы не раскаялись въ своемъ поступкѣ, сударыня.

Сюзанна. Я никогда ни въ чемъ не раскаиваюсь. *(Раймонду, который хочетъ идти.)* Останьтесь... M-r Жаленъ предложитъ свою руку m-me Лорнанъ... Онъ проигралъ пари.. *(Раймондъ идетъ къ двери и сталкивается съ Оливье.)*

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ же и Оливье.

Раймондъ. Откуда вы?

Оливье. Ходилъ сказать m-me Лорнанъ, чтобы она не входила.

Раймондъ. По какому праву, позволили вы себѣ это?

Оливье. Всякій честный человѣкъ обязанъ помѣшать порядочной женщинѣ губить себя!

Сюзанна. Особенно, если эта порядочная женщина любовница этого честнаго человѣка!

Оливье. Вы лжете!

Раймондъ. Милостивый государь, вы оскорбляете женщину!

Оливье. Вотъ ужъ недѣля, какъ вы ищете ссоры со мной!.. Я пришелъ нарочно, чтобы дать вамъ этотъ случай!.. Вы думаете, что ударъ шпаги разрубитъ узелъ, въ который вы запутались?.. Будемъ драться: я къ вашимъ услугамъ!

Раймондъ. Мои секунданты будутъ у васъ черезъ часъ!

Оливье. Хорошо.

Раймондъ. Причина дуэли должна быть скрыта! *(Оба собираются уходить.)*

Сюзанна. Раймондъ!

Раймондъ. Я скоро вернусь! *(Уходитъ.)*

Оливье. Пойдемъ, Ипполитъ. *(Кланяются и уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Сюзанна и графиня.

Графиня. Что это значитъ?.. Вызовъ у васъ въ домѣ?.. Между такими друзьями?

Сюзанна. Ничего не понимаю.

Графиня. Но вы не допустите этой дуэли?

Сюзанна. Конечно не допущу.

Графиня. Не могу ли я быть полезна?

Сюзанна. Нѣтъ, merci.

Графиня. Такъ я пойду. Пожалуйста, дайте мнѣ знать обо всемъ.

Сюзанна. Непремѣнно. Заѣзжайте на дняхъ, а можетъ я сама буду у васъ.

Графиня. До свиданья. (*Уходя.*) Что это значитъ? (*Ушла.*).

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Сюзанна *одна, потомъ* **слуга и Софи.**

Сюзанна. Не ожидала отъ Оливье такой храбрости!.. Какъ пріятно видѣть порядочнаго человѣка!.. M-me Лорнанъ для него ничто... Что было бы, если бы онъ любилъ ее?

Слуга. Письмо.

Сюзанна. Хорошо. Идите. (*Распечатываетъ письмо.*) Отъ маркиза. (*Читаетъ.*) «Вы обманули меня. Несмотря на мое запрещеніе, вы все таки хотите выйти за Нанжака. Даю вамъ часъ, чтобы отказать ему. Если не найдете возможнымъ это сдѣлать, я разсказываю Нанжаку все»... О, это проклятое прошлое!.. Оно капля по каплѣ падаетъ мнѣ на голову!.. Неужели мнѣ никогда не удастся изгладить его? Я во всемъ сознаюсь... Нѣтъ! Буду бороться до конца! (*Звонитъ.*) Главное не терять времени! (*Пишетъ. Вошедшей Софи.*) Поди къ маркизу Тоннеренъ и передай ему письмо... въ собственныя руки. Запри эту дверь.

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Софи, Сюзанна и Раймондъ.

Софи. Г-нъ Нанжакъ.

Сюзанна (*спокойно закрываетъ бюваръ. Громко*). Идите, Софи, порученіе исполните потомъ. (*Софи уходитъ. Раймонду.*) Ну, что, мой милый?

Раймондъ. Былъ у двухъ офицеровъ просить ихъ въ секунданты: не засталъ. Я имъ написалъ.

Сюзанна. Раймондъ, я не допущу этой дуэли!

Раймондъ. Вы съ ума сошли, Сюзанна. Я готовъ разстраивать дуэль такихъ господъ, какъ Латуръ и Мокруа, но никогда не позволю сдѣлать этого съ собой! Жаленъ правъ: я его ненавижу!

Сюзанна. Откажитесь отъ меня, Раймондъ! Я вамъ ничего не принесла, кромѣ зла!

Раймондъ. Вы будете моей женой! Я поклялся въ этомъ себѣ и вамъ, и это будетъ!.. Но я могу умереть, не сдержавъ обѣщанья... Я этого не хочу! (*Садится къ столу. Хочетъ открыть бюваръ.*)

Сюзанна (*дѣлаетъ невольное движеніе*). Что вы хотите?

Раймондъ. Написать своему нотаріусу, чтобы онъ пришелъ, а вы отошлете письмо.

Сюзанна. Къ чему это?

Раймондъ. Что съ вами? Развѣ это не было рѣшено между нами?

Сюзанна. Да, но вы успѣете это сдѣлать.

Раймондъ. Напротивъ, у меня очень мало времени!

Сюзанна. Пустите, я дамъ вамъ все, что нужно для письма.

Раймондъ. Тутъ все есть.

Сюзанна. Нѣтъ.

Раймондъ. Вы писали, когда я вошелъ.

Сюзанна. Раймондъ, я прошу васъ не открывать бювара!

Раймондъ. Разъ вы пишете такія вещи, которыя нельзя читать, я не открою его.

Сюзанна. Опять подозрѣніе!

Раймондъ. Нѣтъ, Сюзанна, нѣтъ! Я уважаю ваши секреты.

Сюзанна. Откройте и читайте.

Раймондъ. Вы позволяете?

Сюзанна. Да. (*Раймондъ хочетъ открыть бюваръ, она останавливаетъ его.*) Вы такъ недовѣрчивы?

Раймондъ. Не вамъ меня упрекать. Вы позволили мнѣ посмотрѣть и я смотрю.

Сюзанна. Обѣщайте не смѣяться.

Раймондъ. Обѣщаю.

Сюзанна. Вы очень много узнаете, прочтя, что я готовлю для нашего путешествія...

Раймондъ. Что?

Сюзанна. Ахъ, Боже мой, тряпки: шитыя юбки, шелковыя платья, корсажи изъ собранной матеріи! Не правда ли, интересныя подробности для мужчины?

Раймондъ. Въ этомъ весь секретъ?

Сюзанна. Да.

Раймондъ. Значитъ, вы писали портнихѣ?

Сюзанна. Ни болѣе ни менѣе.

Раймондъ. Пока я искалъ секундантовъ, вы заказывали туалеты?.. Послушайте, Сюзанна, вы принимаете меня за дурака?

Сюзанна. Раймондъ!

Раймондъ. Я хочу знать, кому вы пишете.

Сюзанна. А-а! Вы такъ? Ну, такъ вы не узнаете! (*Открываетъ бюваръ и вынимаетъ письмо.*)

Раймондъ. Берегитесь!

Сюзанна. Угрозы?.. По какому праву, позвольте спросить? Слава Богу, я еще не ваша жена! Я здѣсь у себя и свободна въ своихъ поступкахъ, какъ вы въ своихъ! Развѣ я допрашиваю васъ? Развѣ я роюсь въ вашихъ бумагахъ?

Раймондъ (*хватая ее за руку*). Письмо!

Сюзанна. Не дамъ!.. Я не уступлю грубости!.. Я сказала правду: можете думать все, что хотите!

Раймондъ. Вы обманываете меня!

Сюзанна. Можетъ быть!

Раймондъ. Сюзанна!

Сюзанна. Довольно! Возвращаю вамъ слово и беру свое назадъ! Между нами все кончено!

Раймондъ. Вы уже разъ прибѣгли къ этому средству... я остаюсь!

Сюзанна. Съ кѣмъ я имѣю дѣло?

Раймондъ. Съ честнымъ человѣкомъ, который за свое честное имя требуетъ только искренности и которому вы поклялись, что васъ не въ чемъ упрекнуть! Я завтра буду защищать вашу честь, сомнительную для меня, на дуэли съ человѣкомъ, честность котораго для меня несомнѣнна! Я двѣ недѣли борюсь съ ложью и двуличіемъ однимъ оружіемъ: прямотой и довѣріемъ... и я рѣшился, наконецъ, узнать правду какими бы то ни было средствами! Если изъ этого письма я не узнаю всего, то по вашему волненію увѣренъ, что узнаю хоть что-нибудь! Я хочу прочесть это письмо! Отдайте его или я отниму его силой!

Сюзанна *(мнетъ и старается изорвать письмо).* Не отдамъ!

Раймондъ. Отдайте! *(Сжалъ ей руку.)*

Сюзанна. Вы поднимаете руку на женщину!

Раймондъ *(все болѣе и болѣе выходя изъ себя).* Письмо!

Сюзанна. Я не люблю васъ и никогда не любила!.. Я обманывала васъ!.. Теперь оставьте меня въ покоѣ!

Раймондъ. Письмо!.. *(Хочетъ насильно разжать ей руку.)*

Сюзанна. Раймондъ... я все скажу... Мнѣ больно... Я не виновата... Умоляю васъ во имя вашей матери! *(Раймондъ вырываетъ письмо.)* Негодяй!.. *(Падаетъ въ изнеможеніи на стулъ.)* Читайте!.. Но я отомщу — клянусь!

Раймондъ *(читаетъ съ волненіемъ).* «Умоляю васъ, не губите меня! Мнѣ нужно васъ видѣть, чтобы объяснить все! Обѣщаю сдѣлать все, что вы потребуете. Я не виновата, если Нанжакъ и я любимъ другъ друга: это мое единственное оправданье! Я завишу отъ васъ. Будьте великодушны—простите меня! Если онъ узнаетъ истину,—я умру отъ стыда. Обѣщаю вамъ не быть его женой, только бы онъ не зналъ ничего! Ждите меня: какъ только освобожусь, я...» *(Говоритъ.)* А я еще сомнѣвался... *(Закрываетъ лицо руками.)* Что я вамъ сдѣлалъ, Сюзанна? Зачѣмъ вы обманываете меня?.. Возьмите ваше письмо... Прощайте... *(Идетъ къ двери, опускается на кресло и рыдаетъ.)*

Сюзанна *(робко).* Раймондъ!

Раймондъ. Вы заставили плакать человѣка, который не плакалъ со смерти матери... Благодарю васъ... слезы облегчили меня.

Сюзанна *(съ кроткимъ упрекомъ).* Вы мнѣ изломали руки, Раймондъ.

Раймондъ. Простите—это низость! Но я любилъ васъ!

Сюзанна *(подходя къ нему).* Я тоже любила васъ.

Раймондъ. Если бы вы любили, вы не обманывали бы меня.

Сюзанна. Ни одна женщина на моемъ мѣстѣ не была бы откровенна съ вами. Я васъ любила, уважала и хотѣла того же отъ васъ. Я разскажу вамъ всю свою жизнь... Да, въ ней есть одно обстоятельство, которое я должна была скрыть... но только одно! Если-бъ вы знали: я не такъ виновата, какъ кажется! Вѣдь у меня нѣтъ никакой поддержки!.. Надо было вамъ сказать все—вотъ въ чемъ моя ошибка... Вы великодушны и простили бы меня... Теперь вы больше мнѣ не вѣрите? Но если я недостойна быть вашей женой,—вашей любви я стою за мою любовь... Что принуждаетъ меня теперь такъ говорить? *(Становится на колѣни и беретъ руку Раймонда.)* Раймондъ, вѣрь мнѣ, я люблю тебя!

Раймондъ. Кому вы писали?

Сюзанна. Вы будете искать ссоры съ этимъ человѣкомъ?

Раймондъ. Я не скажу ему ничего! Какъ его имя?

Сюзанна. Онъ не имѣетъ никакихъ правъ на меня, потому что знаетъ, что я люблю васъ.

Раймондъ. Зачѣмъ же онъ запрещаетъ вамъ быть моей женой?

Сюзанна. Когда вы успокоитесь, я все скажу.

Раймондъ *(встаетъ).* Прощайте.

Сюзанна *(удерживая его).* Я все скажу!

Раймондъ. Ну?

Сюзанна. Это письмо...

Раймондъ. Къ Оливье?

Сюзанна. Нѣтъ, клянусь тебѣ! Обѣщай мнѣ не искать дуэли съ нимъ.

Раймондъ. Обѣщаю.

Сюзанна. Я писала маркизу Тоннеренъ... *(Раймондъ дѣлаетъ движеніе изумленія и гнѣва.)* Раймондъ, поставьте себя на мѣсто бѣдной женщины, покинутой всѣми, которая находитъ неожиданнаго и тайнаго покровителя! Маркизу я обязана всѣмъ! Еслибъ ты зналъ... у меня никогда не было семьи?

Раймондъ. Значитъ, вашъ бракъ?..

Сюзанна. Ложь.

Раймондъ. А бумага, которую вы мнѣ показывали?

Сюзанна. Принадлежитъ молодой женщинѣ, умершей за границей безъ родныхъ и друзей.

Раймондъ. А ваше состояніе?

Сюзанна. Я получила его отъ маркиза.

Раймондъ. И этотъ позоръ вы мнѣ готовили взамѣнъ моей любви и моего довѣрія? Вмѣсто того, чтобы честно сознаться во всемъ, вы предлагаете мнѣ ворованное имя и состояніе, добытое цѣной безчестія! Неужели вы не

понимаете, что, еслибъ я узналъ это, будучи вашимъ мужемъ, я убилъ бы и васъ, и себя? Нѣтъ, Сюзанна, вы не любили меня! Вы даже не уважали меня!

Сюзанна. Да, я презрѣнная женщина... Я не стою вашей любви... Уѣзжайте Раймондъ, и забудьте меня.

Раймондъ. Вѣроятно, это не все?

Сюзанна. Все.

Раймондъ. А Оливье? Что васъ влекло къ нему—не нищета и одиночество? Если онъ былъ вашимъ любовникомъ, значитъ вы любили его, и этой любви я вамъ никогда не прощу!

Сюзанна. Оливье не былъ моимъ любовникомъ, вы это хорошо знаете!

Раймондъ. Клянитесь!

Сюзанна. Клянусь!

Раймондъ. И вы любите меня?

Сюзанна. Если бы не любила, я бы ни въ чемъ не призналась.

Раймондъ. Сюзанна, хотите доказать вашу любовь?

Сюзанна. Говорите.

Раймондъ. Отдайте маркизу все, что отъ него получили.

Сюзанна *(звонитъ)*. Съ радостью... Сейчасъ же! *(Беретъ изъ ящика бумаги, запечатываетъ ихъ. Лакею.)* Отнесите эти бумаги маркизу Тоннеренъ. Отвѣта не нужно.

Слуга. Маркизъ пріѣхалъ и поднимается по лѣстницѣ.

Сюзанна. Маркизъ?

Раймондъ *(слугѣ)*. Просите маркиза подождать. *(Слуга уходитъ. Сюзаннѣ.)* Дайте мнѣ бумаги: я самъ ихъ отдамъ!

Сюзанна. Вы пугаете меня.

Раймондъ. О, не бойтесь!.. Сюзанна, время еще есть!.. Выбирайте: сохраните эти бумаги и я уѣду, чтобы никогда не вернуться, или повторите вашу клятву... мы уѣдемъ вмѣстѣ, если я останусь живъ, и ваша прошлая жизнь до этой минуты будетъ забыта!

Сюзанна. Я сказала правду.

Раймондъ. О, Сюзанна, если бы вы знали, какъ я васъ люблю! *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Сюзанна *одна*.

Сюзанна. Я поставила на карту всю мою жизнь: и прошлое и будущее!.. Теперь одинъ Оливье можетъ погубить или спасти меня! Еслибъ онъ любилъ меня, какъ говоритъ... Ахъ!.. Какъ это странно!..*(Надѣваетъ шляпу. Уходя.)* А вотъ увидимъ!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

У Оливье.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Оливье *(пишетъ)* **и Ипполитъ.**

Ипполитъ *(входитъ и дотрогивается до его плеча)*. Это я.

Оливье *(запечатывая письмо)*. Ну что?

Ипполитъ. Исполнилъ всѣ порученья.

Оливье. Видѣлъ m-me Лорнанъ?

Ипполитъ. Я говорилъ съ ней черезъ экономку, потому что мужъ вернулся. Она теперь не можетъ выѣхать и написала тебѣ, чтобы узнать что-нибудь. Я сказалъ ей, что дуэли не будетъ.

Оливье. И то, что ея имя не будетъ произнесено? Конечно это болѣе всего и безпокоитъ ее?

Ипполитъ. Ошибаешься: страхъ за твою жизнь тревожитъ ее гораздо больше. Ты хотѣлъ ее спасти и достигъ этого... надѣюсь, тебя не удивитъ теперь ея боязнь быть скомпрометированной? Урокъ хорошій и она имъ воспользуется! Мнѣ тѣмъ легче было ее успокоить, что я и самъ совершенно спокоенъ.

Оливье. Какимъ образомъ?

Ипполитъ. Дуэли не будетъ.

Оливье. Отчего?

Ипполитъ. Есть новость. Я видѣлъ маркиза.

Оливье. Никакая новость не можетъ намъ помѣшать драться, если только Нанжакъ не извинится предо мной, что весьма сомнительно.

Ипполитъ. Это зависитъ отъ тебя.

Оливье. Говори яснѣе.

Ипполитъ. Я видѣлъ маркиза...

Оливье. И онъ отказывается быть моимъ секундантомъ?

Ипполитъ. Да.

Оливье. Я такъ и думалъ. Онъ тоже боится скомпрометировать себя.

Ипполитъ. Онъ совершенно правъ: эти дѣла не совмѣстны ни съ его возрастомъ ни съ положеніемъ. Наконецъ, у него дочь... Онъ видѣлъ Нанжака, который знаетъ все.

Оливье. Все?

Ипполитъ. Все, что касается маркиза. Онъ читалъ письмо, которое Сюзанна писала маркизу; послѣдовала очень бурная сцена между m-me д'Анжъ и Раймондомъ. Сюзанна была принуждена сознаться въ своихъ отношеніяхъ

къ маркизу. Раймондъ простилъ ей съ однимъ условіемъ, чтобы она возвратила маркизу все, что получила отъ него.

Оливье. И что же! Сюзанна исполнила это?

Ипполитъ. Кажется.

Оливье. Удивительно... Но какимъ же образомъ все это можетъ помѣшать нашей дуэли?

Ипполитъ. Деньги маркизъ получилъ отъ самого Нанжака и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы доказать Нанжаку, что бракъ его также какъ и дуэль невозможны, что Сюзанна недостойна быть его женой и что ты во всемъ этомъ велъ себя, какъ джентльменъ и настоящій другъ. Какъ ужасно, когда влюбленные находятся въ ложномъ положеніи: чѣмъ больше нападаютъ на предметъ его любви, тѣмъ болѣе онъ считаетъ себя обязаннымъ защищать его! Вотъ его слова маркизу: «Я возвращаю вамъ то, чѣмъ вы наградили m-me д'Анжъ. Этимъ я хочу сказать, что забываю ея прошлое по отношенію къ вамъ. Что касается Жалена: онъ увѣрялъ меня сначала, что былъ только другомъ m-me д'Анжъ, а потомъ увѣрялъ въ противномъ. Я смотрѣлъ на него какъ на друга, а онъ не счелъ своей обязанностью сказать мнѣ прямо: былъ онъ или не былъ любовникомъ этой женщины? Если онъ хоть сколько нибудь расположенъ ко мнѣ,—онъ долженъ это сдѣлать. Я протяну ему руку по прежнему, извинюсь передъ нимъ и никогда больше не увижу m-me д'Анжъ»... Ты видишь, что дуэль не имѣетъ больше смысла.

Оливье. Ты кончилъ?

Ипполитъ. Да.

Оливье. Спасибо тебѣ за добрыя намѣренія, но мы теряемъ только попусту время.

Ипполитъ. Почему?

Оливье. Потому что m-me д'Анжъ тутъ не причемъ. Ссора между мной и Нанжакомъ зашла слишкомъ далеко. Избѣгнуть дуэли путемъ обвиненія женщины, хотя бы и дѣйствительно виновной, недостойно порядочнаго человѣка. Предоставь все своему теченію. Нанжакъ болѣе достоинъ сожалѣнія чѣмъ я... Я его вполнѣ понимаю и отъ души пожалъ бы ему руку, а между тѣмъ... можетъ быть убью! Такова фальшивая логика законовъ чести: не я ихъ выдумалъ, но я обязанъ руководиться ими!

Ипполитъ. Убивать людей вовсе не весело! Я не могу забыть, глядя на жену, что я изъ за нея убилъ человѣка... Ты знаешь, что она сдѣлала?

Оливье. Нѣтъ.

Ипполитъ. Только что узналъ объ этомъ: она уѣхала съ Латуромъ, который оставилъ на биржѣ дефицитъ въ 400 тысячъ фр. Эта женщина должна была этимъ кончить и ни передъ чѣмъ не остановиться. Разъ она начала спускаться, она дойдетъ до послѣдней ступени паденія! Ей нельзя даже оправдать себя, какъ другія женщины, дурными примѣрами, нищетой, или невѣдѣніемъ!

Оливье. Однако два часа.

Ипполитъ. У насъ еще $^3/_4$ часа. Послѣ отказа маркиза я просилъ Мокруа и съ нимъ вмѣстѣ отправился къ секундантамъ Нанжака. Дуэль будетъ въ 3.

Оливье. Мѣсто поединка?

Ипполитъ. Пустошь за твоимъ домомъ. Тамъ никто не помѣшаетъ намъ и близко отсюда. Въ случаѣ несчастья можно перенести раненаго къ тебѣ.

Оливье. Какое оружіе?

Ипполитъ. Шпаги.

Оливье. Въ случаѣ несчастья со мной ты найдешь въ этомъ ящикѣ письмо, которое немедленно отвезешь m-lle Сансено. Она ѣдетъ сегодня вечеромъ—это письмо остановитъ ее.

Ипполитъ. Больше ничего?

Оливье. Ничего.

Ипполитъ. А m-me д'Анжъ?

Оливье. Ничего... Она придетъ сама.

Ипполитъ. Она предупредила тебя?

Оливье. Нѣтъ... но она знаетъ, что стоитъ мнѣ сказать слово и свадьба ея разстроится. Конечно, она увѣрена, что я скажу это слово и пойдетъ на все, лишь бы я молчалъ... Она будетъ здѣсь.

Ипполитъ. А знаешь, о чемъ я думалъ?

Оливье. Ну?

Ипполитъ. Ты былъ влюбленъ и теперь влюбленъ въ Сюзанну: не хочешь только сознаться.

Оливье *(улыбаясь).* Можетъ быть... Человѣческое сердце—загадка.

Слуга. Тамъ въ каретѣ молодая дама, которая хочетъ говорить съ вами. *(Подаетъ бумажку.)* Здѣсь написано ея имя.

Оливье *(читаетъ).* Марселла!.. Проси! *(Ипполиту.)* Пройди въ эту комнату: моя посѣтительница не хочетъ, чтобы ее видѣли .. Когда будетъ время идти,—постучи въ дверь.

Ипполитъ. Осталось только $^1/_2$ часа.

Оливье. Не безпокойся: мы во время будемъ на мѣстѣ. *(Ипполитъ уходитъ. Оливье встрѣчаетъ Марселлу у двери.)* Марселла, зачѣмъ вы пришли сюда?.. Какая неосторожность!

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Оливье и Марселла.

Марселла. Никто не видалъ меня! Да мнѣ все равно, что подумаютъ обо мнѣ! Сегодня вечеромъ я уѣзжаю, можетъ быть не вернусь никогда и не могла не повидаться съ вами!

Оливье. Я бы заѣхалъ къ вамъ до вашего отъѣзда.

Марселла. А если бъ вамъ нельзя было? Вы бы и не вспомнили обо мнѣ!

Оливье. Это упрекъ?

Марселла. Развѣ я имѣю право васъ упрекать? Развѣ я вашъ другъ? Стою ли я вашей откровенности? Развѣ вы повѣрили бы мнѣ свое горе? Вамъ захотѣлось бы пожать мнѣ руку на прощанье, если бы вы были въ опасности? Боже мой, какъ я несчастна!

Оливье. Что съ вами, Марселла?

Марселла. Вы будете драться... васъ можетъ быть убьютъ, а вы хотите, чтобы я была покойна? Вы спрашиваете, что со мной?!

Оливье. Откуда вы узнали?

Марселла. Отъ тети: она пришла отъ m-me д'Анжъ и сказала все. Вы деретесь изъ-за m-me Лорнанъ?

Оливье. Она ошибается.

Марселла. Если бы съ вами случилось несчастье, я узнала бы объ этомъ со всѣми вмѣстѣ? Вы даже не вспомнили обо мнѣ въ минуту опасности? Клянусь вамъ, будь я на вашемъ мѣстѣ, васъ, васъ одного позвала бы я на помощь! Вы должны были поступить также!.. Я не допущу этой дуэли!

Оливье. Какъ же вы это сдѣлаете?

Марселла. Я донесу на васъ первому встрѣчному полицейскому.

Оливье. По какому праву?

Марселла. По праву, которое имѣетъ всякая женщина: спасти того, кого она любитъ.

Оливье. Вы любите меня?

Марселла. Вы это знаете.

Оливье. Марселла!

Марселла. Кто однимъ словомъ заставилъ меня измѣнить всѣ мою жизнь? Кто заставилъ меня покинуть то общество, въ которомъ я жила? Для кого рѣшилась я похоронить себя въ глухой провинціи съ единственнымъ утѣшеніемъ, что вы будете уважать меня?.. Для кого женщина можетъ все это сдѣлать, какъ не для любимаго человѣка? Но въ глубинѣ души я уносила надежду: «быть можетъ это испытаніе? Когда онъ увидитъ, что я честная дѣвушка, когда я сдѣлаюсь такой, какой бы онъ хотѣлъ меня видѣть... кто знаетъ?.. Быть можетъ и онъ полюбитъ меня!» И вдругъ я узнаю, что вы деретесь изъ-за женщины!.. И вы думаете, что я допущу эту дуэль? Она можетъ ее допустить... та, которую вы любите!.. Но я, которая люблю васъ... никогда!..

Оливье. Послушайте, Марселла, если вы произнесете хоть слово, сдѣлаете хоть шагъ,— скажутъ, что я прикрылся женщиной, чтобы избѣжать дуэли! Клянусь, Марселла, такого позора я не переживу!

Марселла. Не скажу ни слова... я стану молиться!

Оливье. Идите отсюда, прошу васъ! Мы скоро увидимся.

Марселла. Дуэль будетъ сегодня? Поэтому вы отсылаете меня?

Оливье. Дуэли можетъ быть вовсе не будетъ... Вы любите меня и я хочу жить! Есть средство уладить все.

Марселла. Дайте слово, что сегодня не будетъ дуэли!

Оливье. Обѣщаю. *(Стукъ.)* Сейчасъ иду!

Марселла. Что это значитъ?

Оливье. Здѣсь одинъ изъ моихъ друзей.

Марселла. Вашъ секундантъ?

Оливье. Да.

Марселла. Я не оставлю васъ!

Оливье. Ипполитъ зоветъ меня, потому что тамъ наши секунданты, которымъ надо переговорить со мной.

Марселла. Мнѣ страшно!

Оливье. Слушайте, Марселла. Ваша мечта была также и моей мечтой! Я былъ счастливъ и гордъ, что могъ развить въ васъ добрыя чувства, которыя предугадывалъ! Мой добрый геній влекъ меня къ вамъ. Во мнѣ было необъяснимое желанье видѣть васъ достойной всякаго уваженія! То была потребность сердца, хотя я этого еще не сознавалъ. Вотъ все, что я могу сказать!.. Теперь, рискуя жизнью, я не имѣю права говорить о будущемъ.

Марселла. Оливье!

Оливье. Черезъ часъ все будетъ рѣшено. До тѣхъ поръ васъ не должны видѣть. Вернитесь къ графинѣ и ждите меня. Мы увидимся—обѣщаю вамъ! Я буду тамъ *(показываетъ на дверь)* и изъ этого дома я выйду только къ вамъ. Не падайте духомъ!.. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Марселла *(одна).* Боже мой! Будь надъ нами! *(Хочетъ идти. Сюзанна входитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Марселла, Сюзанна, *потомъ* **слуга.**

Сюзанна. Марселла!

Марселла. Вы?

Сюзанна. Какъ вы сюда попали?

Марселла. Я узнала о дуэли и прибѣжала.

Сюзанна. Вы видѣли Оливье?

Марселла. Видѣла.

Сюзанна. Когда назначена дуэль?

Марселла. Ея не будетъ, я надѣюсь!

Сюзанна. Какимъ образомъ?

Марселла. Есть средство.

Сюзанна. Какое?

Марселла. Не знаю... Оливье воспользуется имъ.

Сюзанна. Это средство—низость!

Марселла. Вы знаете его?

Сюзанна. Знаю... Оливье не погубитъ женщину, чтобы избѣжать дуэли! Онъ васъ обманулъ.

Марселла. Онъ?

Сюзанна. Что вы сказали ему, когда пришли?

Марселла. Сказала, что не хочу этой дуэли.

Сюзанна. И что вы любите его?

Марселла. Да.

Сюзанна. Что вы не оставите его, если онъ будетъ драться?

Марселла. Почемъ вы знаете?

Сюзанна. Я знаю все, что женщина можетъ сказать въ подобномъ случаѣ. И онъ обѣщалъ вамъ уладить дѣло?

Марселла. Да.

Сюзанна. Можетъ быть и онъ признался вамъ въ любви?

Марселла. Я это и такъ видѣла.

Сюзанна. Онъ обманулъ васъ!.. Ему надо было выиграть время!.. Онъ пошелъ драться!

Марселла. Нѣтъ, онъ тамъ!

Сюзанна. Вы увѣрены?

Марселла. Мнѣ стоитъ его позвать!

Сюзанна. Зовите!

Марселла *(зоветъ)*. Оливье!.. Оливье!

Сюзанна *(отворяя дверь)*. Видите: никого?

Марселла. Не можетъ быть!

Сюзанна *(звонитъ)*. Вы еще сомнѣваетесь? *(Слугѣ.)* Баринъ ушелъ?

Слуга. Ушелъ.

Сюзанна. Одинъ?

Слуга. За нимъ пришелъ г-нъ Мокруа и г-нъ Ришонъ.

Сюзанна. Онъ ничего не велѣлъ намъ передать?

Слуга. Ничего.

Сюзанна. Хорошо. *(Марселлѣ.)* Куда вы?

Марселла. Я отыщу его... Я его спасу!

Сюзанна. Гдѣ вы будете его искать? Вѣдь вы не знаете, гдѣ онъ? Какъ же вы спасете его? Будемъ ждать: это все, что мы можемъ сдѣлать! Оливье и Раймондъ теперь дерутся... Они оба храбры... Они ненавидятъ другъ друга... Одинъ изъ нихъ будетъ убитъ!

Марселла. Боже мой!

Сюзанна. Теперь слушайте. Оливье солгалъ: — онъ мнѣ тоже признался въ любви.

Марселла. Вамъ?.. Когда?..

Сюзанна. Два часа тому назадъ. Въ одну минуту я могу потерять все: любовь, состояніе... будущность! Если Раймондъ останется живъ, я спасена! Если онъ погибнетъ, любовь Оливье мое единственное спасенье! Если онъ не любитъ меня — я опозорена! И вы должны знать истину: одинъ и тотъ же человѣкъ признался въ любви намъ обѣимъ... Если онъ вернется живой, онъ долженъ застать здѣсь одну изъ насъ!.. Вы понимаете? Передъ обѣими онъ будетъ молчать... Другая будетъ слышать все за этой дверью... Я пойду туда... Если онъ повторитъ вамъ свое признанье, я пожертвую собой и уѣду молча... Отвѣчайте же!

Марселла. Я васъ не понимаю... Откуда у васъ такое хладнокровіе?.. Такое убійственное спокойствіе?!

Сюзанна. Слышите?

Марселла. Что?

Сюзанна. Экипажъ.

Марселла. Это онъ!!

Сюзанна. Спрячьтесь! Случилось несчастье!

Марселла. Я хочу его видѣть!

Сюзанна. Я вамъ говорю — прячьтесь!.. Это онъ!.. Оливье!

Марселла. Спасенъ!.. Живъ!.. Теперь, пошли мнѣ, Боже, какое хочешь страданье!

Сюзанна *(толкая ее въ сосѣднюю комнату)*. Да уходите же!

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Сюзанна, Оливье, *потомъ* **Марселла и Раймондъ.**

Оливье *(слабымъ голосомъ)*. Сюзанна?

Сюзанна. Вы не ждали меня?

Оливье. Ждалъ.

Сюзанна. Вы ранены?

Оливье. Пустяки.

Сюзанна. А Раймондъ?

Оливье. Сознайтесь, Сюзанна, что я былъ правъ. Обманулъ я его?

Сюзанна. Нѣтъ... Что-жъ дальше?

Оливье. Я поступилъ, какъ честный человѣкъ? Отвѣчайте!

Сюзанна. Да... Къ чему все это?

Оливье. Кого изъ насъ двухъ считаете вы правымъ?

Сюзанна. Васъ.

Оливье. Значитъ его смерть несчастье, а не преступленіе?

Сюзанна. Его смерть?

Оливье. Да, его смерть... Послушайте, Сюзанна: когда вы пришли сюда и сказали мнѣ, что болѣе не любите меня, во мнѣ заговорила ревность. Я хотѣлъ казаться равнодушнымъ, я улыбался, но я любилъ васъ какой-то странной, фатальной любовью, которую вы умѣете внушать всѣмъ вашимъ поклонникамъ: маркизу Тоннеренъ — этому старику, который даже дочь забылъ для васъ; Раймонду, который вѣрилъ вамъ одной, не хотѣлъ ничего знать и рѣшился скорѣе убить меня, чѣмъ разочароваться въ васъ!.. Такъ знайте же: я хотѣлъ помѣшать вашему браку, я разсказалъ все Раймонду... На поединкѣ я забылъ, что онъ мой другъ и... убилъ человѣка, руку котораго я жалъ недѣлю тому назадъ!.. Все это я сдѣлалъ, чтобы вы не принадлежали ему... потому что я любилъ васъ... люблю и теперь! Я въ одно мгновенье лишилъ васъ всего, и я верну вамъ все!.. Мы должны принадлежать другъ другу! Не покидайте меня... уѣдемъ вмѣстѣ!

Сюзанна *(долго смотритъ на него)*. Согласна... Уѣдемъ!

Оливье *(обнимаетъ ее)*. Наконецъ! *(Разражается смѣхомъ.)* Ну и задалъ же я себѣ трудъ!

Сюзанна. Что съ вами?

Оливье. Вы проиграли, милый другъ: сморите!

Сюзанна *(увидавъ Раймонда, входящаго съ Ипполитомъ)*. Раймондъ!

Марселла *(вбѣгаетъ и бросается въ объятья Оливье)*. Ахъ!

Оливье. Прости мнѣ, милое дитя: я долженъ былъ спасти друга!

Раймондъ. Благодарю васъ, Оливье. Дѣйствительно, я сошелъ съ ума! Вы заботились обо мнѣ до конца! Васъ не остановило ни мое ослѣпленіе, ни моя незаслуженная ненависть, ни даже рана—къ счастью, неопасная!.. Между мной и этой дамой нѣтъ ничего общаго!.. Прошу васъ, избавьте меня отъ неудовольствія обращаться къ ней лично. *(Даетъ ему бумаги.)* Сведите наши счеты. *(Марселла подходитъ къ Раймонду, который беретъ ее дружески за руки. Оливье подходитъ къ Сюзаннѣ.)*

Сюзанна. Вы негодяй!

Оливье. О-о! Пожалуйста безъ громкихъ словъ. Когда играешь жизнью и честью двухъ людей, надо умѣть проигрывать съ достоинствомъ. Я далъ себя ранить, чтобы доказать правду!.. Не я мѣшаю вашему браку, а условія свѣта, по которымъ честный человѣкъ можетъ жениться только на честной женщинѣ... Вы проиграли партію... но не все: Раймондъ возвращаетъ вамъ состояніе, которое вы изъ-за него потеряли.

Сюзанна. Давайте... *(Рветъ бумагу, смотря на Раймонда.)* Я хотѣла его имя, а не состояніе .. Черезъ часъ я покину Парижъ и уѣду изъ Франціи! *(Раймондъ дѣлаетъ видъ, что не слышитъ.)*

Оливье. Чѣмъ же вы будете жить? Вы возвратили все маркизу?

Сюзанна. Не знаю, какъ это случилось: я была такъ взволнована, отдавая бумаги m-r Нанжаку... Послѣ его отъѣзда я нашла большую часть ихъ на столѣ... Прощайте, Оливье! *(Уходитъ.)*

Оливье. Сколько добра могла бы сдѣлать эта женщина, если бы употребила только часть ума и способностей, которые пошли на дурное!

Раймондъ *(Марселлѣ)*. Я увѣренъ, что вы будете счастливы... вы выходите замужъ за честнѣйшаго человѣка.

Ж-Д-Т -82

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ВТОРОЙ (1894) ГОДЪ

ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА

„Русскій Художественный Архивъ".

Подписная цѣна:

Съ доставкою и пересылкою . . . . . **12** р. въ годъ.
Безъ доставки и пересылки въ Москвѣ и Петербургѣ . . . . . **10** „ „ „
За границу . . . . . **15** „ „ „

Безъ доставки и пересылки подписка принимается только въ Москвѣ, въ Редакціи, 2-я Мѣщанская, д. Перлова, и въ Петербургѣ, Невскій, № 4, магазинъ Беггрова, а также въ магазинахъ Вольфъ.

Для желающихъ допускается разсрочка: 4р. при подпискѣ, 3 р. предъ полученіемъ II-го вып., 3 р. предъ полученіемъ III-го вып. и остальные предъ полученіемъ IV-го. Служащіе могутъ подписываться черезъ своихъ казначеевъ, уплачивая по 1 р. въ мѣсяцъ.

Кромѣ того, печатается **20** экземпляровъ веленевыхъ по **25** р. за экземпляръ.

МОСКВА, 2-я МѢЩАНСКАЯ, д. ПЕРЛОВА.

Издатель **В. А. Головинъ.** Редакторъ **А. П. Новицкій.**

СОДЕРЖАНІЕ:

I-го выпуска: Исторія Школы Живописи, Ваянія и Зодчества въ Москвѣ. ст. *А. А. Благовѣщенскаго.* Письмо Г. И. Уткина къ Т. А. Каменецкому. Мутеръ.—Исторія живописи въ XIX столѣтіи. Русское искусство. Переводъ съ нѣмецкаго. Матеріалы къ описанію галлереи П. М. Третьякова *А. П. Новицкаго.* Библіографія. Сомовъ. Императорскій Эрмитажъ. Т. П. ст. *А. Н.* Современная лѣтопись.

Снимки съ произведеній А. Лосенко, Сороки, А. Г. Венеціанова, В. В. Боровиковскаго, А. Л. Витберга.

II-го выпуска: Исторія Школы Живописи, Ваянія и Зодчества въ Москвѣ, ст. *А. А. Благовѣщенскаго.* Окончаніе. — Теофилъ Готье. Путешествіе въ Россію. Матеріалы для иконописи. Сообщено *И. Е. Забѣлинымъ.* Уставъ Императорской Академіи Художествъ.

Снимки съ произведеній А. Е. Егорова, В. А. Тропинина, В. Г. Шварца.

III-го выпуска: Первый художественный журналъ въ Россіи, статья *А. П. Новицкаго.* Теофилъ Готье. Путешествіе въ Россію. Окончаніе. Матеріалы для иконописи. Сообщено *И. Е. Забѣлинымъ.* Окончаніе. Первый Съѣздъ русскихъ художниковъ и любителей художествъ въ Москвѣ. 1894 г.

Снимки съ произведеній В. К. Шебуева, А. Г. Варнека, М. Н. Воробьева, С. Ф. Щедрина, К. П. Брюллова, К. Ив. Рабусъ.

Запасные фонды.
1651.
1921

ИЗДАНІЕ
ТЕАТРАЛЬНОЙ БИБЛІОТЕКИ
С. Ѳ. Разсохина:
„СЦЕНА“.

„**Сцена**“ состоитъ исключительно изъ драматическихъ произведеній, драмъ, комедій, водевилей, шутокъ и фарсовъ, дозволенныхъ къ представленію драматическою цензурой и при томъ не требующихъ слишкомъ сложной постановки. „**Сцена**“ выходитъ отдѣльными выпусками, по одной пьесѣ въ каждомъ выпускѣ.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВЫХЪ ВЫПУСКОВЪ:

Выпускъ I. „**Антонъ Горемыка**“. Сцены въ 3 т., передѣланы изъ повѣсти Д. В. Григоровича того же названія В. А. Крыловымъ. Исполн. въ 1-й разъ на сценѣ Императорскаго Александринскаго театра 1 ноября 1893 г.

Выпускъ II. „**Не пойманъ—не воръ**“. Пословица въ 1 д. А. С. Суворина. Исполнена въ 1-й разъ на сценѣ Императорскаго Александринскаго театра 23 ноября 1893 г.

Выпускъ III. „**Цыганка Занда**“. Драма въ 4 д., соч. Гангофера и Марко Брусинера, перев. Мари Ватсонъ. Исполнена въ 1-й разъ на сценѣ Императорскаго Александринскаго театра 19 октября 1893 г.

Выпускъ IV. „**Наши дѣти**“. Ком. въ 3 д. Генри І. Байрона, пер. съ англ. К. Ф. Лычагова. Исполнена въ 1-й разъ на сценѣ театра Ф. А. Корша, 19 ноября 1893 г.

Выпускъ V. „**Сердце-Загадка**“. Ком. въ 3 д. Л. Иванова. Исполн. въ 1-й разъ на сценѣ театра Ф. А. Корша, 21 января 1894 г.

Выпускъ VI. „**Діана Форпари**“. Драма въ 4 д. В. П. Буренина.

Выпускъ VII. „**Борьба за счастье**“. Драма въ 5 д. С. Ковалевской и А. Леффлеръ, перев. съ шведскаго М. Лучицкой. Исполнена въ 1 разъ на сценѣ театра Ф. А. Корша, 19 февраля 1894 г.

Выпускъ VIII. „**Мармеладовъ**“. Сцена изъ романа Ѳ. М. Достоевскаго „Преступленіе и наказаніе“ въ передѣлкѣ В. Н. Андреева-Бурлака; съ фототипіей артиста въ 7 позахъ Мармеладова. Къ представленію дозволена безусловно. „Правительств. Вѣстн.“ № 99 отъ 5 мая 1891 г.

Выпускъ IX. „**Саранчу гоняли**“. Сцены въ 2 д. И. М. Баранова. Къ представленію дозволено. Петербургъ, 13 апрѣля, 1894 г. № 1456.

Выпускъ X. „**Александра**“. Драма въ 4 д. Р. Фосса, автора драмы „Ева“. Переводъ съ нѣмецкаго С. Ѳедорова и Д. Мансфельда. Къ представленію дозволено. Петербургъ, 2 іюля, 1894 г. № 2272.

Послѣдующіе выпуски будутъ выходить по мѣрѣ ихъ напечатанія.

Цѣна 5 руб., съ пересылкою 6 руб., при выпискѣ наложеннымъ платежомъ 6 руб. 50 коп. Отдѣльно каждый выпускъ 1 руб., съ пересылкою 1 руб. 25 коп.

С. Разсохинъ.

МОСКВА, Тверская ул., прот. пассажа Постникова, д. Сушкина.

Театральная библіотека и литографія С. Ѳ. Разсохина.

ДРАМАТИЧЕСКІЕ СБОРНИКИ,
ИЗДАННЫЕ
ТЕАТРАЛЬНОЮ БИБЛІОТЕКОЮ
С. Ѳ. Разсохина.

Вильде, Н. Сборникъ пьесъ. I томъ. Содержаніе. „**Вѣтерокъ**“. Драма въ 5 д. „**Молодежь**“. Ком. въ 3 д. „**Званый вечеръ съ итальянцами**“. Оперетка въ 1 д. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р. М. 1879 г.

Мансфельдъ, Д. Драматическія сочиненія и переводы. Три тома. Содержаніе. Томъ I-й: „**Послѣдній выходъ**“. Драма въ 4 д. „**И онъ во всемъ же виноватъ!**“ Фарсъ въ 1 д. „**На волоскѣ отъ преступленья**“. Шут. въ 1 д. „**Одна бѣда другую**

накликаетъ". Ком. въ 4 д. „Стрекоза". Ком. въ 1 д. „Прогадалъ". Фарсъ въ 2 д. Томъ II: „Стефи-Жираръ". Бытовая картинка изъ американской жизни въ 1 д. „Женихи-покойники", Шутка въ 1 д. „Поздняя жатва, или двадцать лѣтъ послѣ смерти". Драма въ 4 д. „По Сенькѣ шапка". Сценка изъ купеческаго быта въ 1 д. „Рано пташечка запѣла". Шутка въ 1 д. „„Всякому зерну своя борозда". Ком. въ 3 д. „Мученикъ страсти". Драма въ 3 д. Томъ III: „Золотая ручка". Фарсъ въ 4 д. „Гнилые устои". Драма-комедія въ 5 д. „Пріютскія дамы". Бытов. сцены въ 4 д. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к., съ перес. 2 р. М. 1886 г.

Пальмъ, А И. Драматическія сочиненія. I томъ. Содержаніе: „Старый баринъ". Ком. въ 5 д. „Нашъ другъ Неклюжевъ". Ком. въ 5 д. „Очертя голову". Сцены въ 4 д. „Милочка". Ком. въ 5 д. „Грѣшница". Драма въ 4 д. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. М. 1893 г.

Плещеевъ, А. I томъ. Содержаніе: „Застрахованная жена". Ком.-шутка въ 1 д. „Проказница". Ком. въ 1 д. „Пять рублей награжденія". Монологъ. „Столѣтній любовникъ". Шут. въ 1 д. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 35 к. М. 1880 г.

Старицкій, М. Малороссійскій театръ. I томъ. Содержаніе: 1) „Сырочиньскій ярмарокъ", ком. опер. въ IV д. 2) „За двома зайцами", міщ. ком. въ IV д. 3) „Якъ ковбаса та чарка—то минетця и сварка". Вод. въ I д. 4) „Ой не ходы Грыцю, та на вечерныци". Др. оперет. въ IV д. 5) „По коднему". Вод. въ 1 д. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к. М. 1890 г.

Старицкій, М. П. Малороссійскій театръ. Томъ 2. Содержаніе: „ Крути, та не перекручуй". Ком. въ 5 діяхъ. „Цыганка Аза". Драма въ 4 діяхъ. „Ничъ пидъ Ивана Купала". Драма въ 5 діяхъ. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. М. 1893 г.

Тарновскій К. „Театръ". Два тома. Содержаніе. Томъ I: „Воробушки". Ком. въ 3 д. „Милые бранятся — только тѣшатся". Вод. въ 1 д. „Квартъ отъ дамы". Вод. въ 1 д. Томъ II: „Когда-бъ онъ зналъ!" Романсъ въ 2 д. „Каково вѣется—таково и мелется". Вод. въ 2 д. „Мотя". Вод. въ 1 д. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к., съ перес. 2 р. М. 1878 г.

Три комедіи для любителей драматическаго искусства. I домъ. Содержаніе: „Б-а-ба". Ком. въ 1 д. М. Ѳедорова. „Жена-совершенство". Ком. въ 1 д. М. Анисимова. „Призраки любви". Ком. въ 2 д. М. А. Ц. 1 р. 50 к. М. 1878 г.

Ѳедоровъ П. Сочиненія и переводы. I томъ. Содержаніе: „А. и Ф.". Шутка въ 1 дѣйствіи. „Архиваріусъ". Вод. въ 1 д. „Бабушкинъ внучекъ". Вод. въ 1 д. „Бархатная шляпка". Вод. въ 1 д. „Буря въ стаканѣ воды". Ком. въ 1 д. „Въ чужомъ глазу сучекъ мы видимъ"... Вод. въ 1 д. „Выдалъ дочку замужъ". Вод. въ 1 д. „Гони любовь въ дверь—она войдетъ въ окно". Ком. въ 1 д. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. М. 1875 г.

Шпажинскій, И. Драматическія сочиненія. Томъ 2-й. Содержаніе: „Вольная волюшка". Драма въ 5 д. „Въ старые годы". Драма въ 5 д. „Простая исторія". Драма въ 5 д. „Жертва". Драма въ 5 д. „Чародѣйка". Трагедія въ 5 д. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. М. 1893 г.

Ѳедотовъ, А. Монологи для сцены. Содержаніе: I. „Стрѣлочникъ". II. „Охотникъ". Ц. 1 р. М. 1887 г.

Сочиненія по теоріи драматическаго искусства.

Васильевъ, С. Драматическіе характеры комедіи „Горе отъ ума". Опытъ разбора отдѣльныхъ ролей, какъ пособіе при ихъ исполненіи. Выпускъ I. Молчалинъ. Выпускъ II. Софья. Выпускъ III. Лиза. Выпускъ IV. Фамусовъ. Съ приложеніемъ полной роли и рисунка костюма. Ц. каждому выпуску 1 р. М. 1891 г.

Кафтыревъ, С. Первое знакомство со сценой. Краткое руководство къ изученію драматическаго искусства. Содержаніе: Предисловіе I. Драматическая поэзія и искусство. II. Театръ, его устройство и значеніе. III. Актеръ, его средства и амплуа. IV. Роль и ея изученіе. V. Двѣ школы въ драматическомъ искусствѣ. VI. Гримировка и костюмировка. VII. Мелочи сценической постановки и исполненія. VIII. Спектакль. Въ приложеніи: Систематическій указатель лучшихъ сочиненій на русскомъ языкѣ, относящихся къ теоріи и исторіи драматическаго искусства. Ц. 75 к., съ перес. 1 р. М. 1873 г.

Библіографическій указатель безусловно дозволеннымъ къ представленію драматическимъ сочиненіямъ, разсмотрѣннымъ драматическою цензурою съ 1-го апрѣля 1891 по 1-е апрѣля 1893 г. Ц. 50 к.

Первые уроки гримировки. Необходимое руководство для всякаго начинающаго въ драматическомъ искусствѣ. Ц. 50 к. М 1879 г.

300 пьесъ въ краткомъ ихъ содержаніи, съ обозначеніемъ дѣйствующихъ лицъ и декорацій. Самое лучшее руководство при выборѣ пьесъ для любительскихъ спектаклей. Подробно разсказано содержаніе каждой піесы, также указаны число лицъ, декораціи и проч. и проч. Ц. 2 р. М. 1873 г.

Устройство сцены для домашнихъ и любительскихъ спектаклей. Сокращенное руководство въ чертежахъ. Ц. 50 к. М. 1873 г.

ЗАКАЗЫ ИСПОЛНЯЮТСЯ ПО ПОЧТѢ, СЪ НАЛОЖЕННЫМЪ ПЛАТЕЖОМЪ.

Библіотека открыта: въ будни — отъ 9 ч. утра до 8 часовъ вечера, въ праздники — отъ 10 до 4 час.; съ 1 апрѣля по 1 сентября: въ будни—отъ 9 час. утра до 7 вечера, въ праздники—отъ 10 час. до 3 часовъ.

Адресъ для писемъ и телеграммъ: Москва, библіотека Разсохина.

КАТАЛОГЪ ЖЕЛАЮЩИМЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

гг. антрепренеровъ и ищущихъ ангажемента артистовъ.

Александрова, Александра Александровна (Шишкевичъ), grande dame и драматическая старуха.—Петербургъ, Больш. Садовая, д. № 53, кв. № 6.

Алмазова, Екатерина Ивановна, оперная пѣвица меццо-сопрано контральто съ репертуаромъ, ищетъ ангажемента въ антрепризу или въ товарищество.—Адресъ: Тифлисъ, Садовая ул., № 33.

Авраменко, Владиміръ Ивановичъ, исполняетъ 1-я роли стариковъ въ комедіяхъ.—Адресъ: г. Чугуевъ, Харьковской губ., доктору Шебалину, для передачи В. И. Авраменко.

Аксаковъ-Михайловскій, В. В., бытовой резонеръ, комикъ-резонеръ и куплетистъ съ большимъ репертуаромъ, свободенъ на зимній сезонъ 189⁴/₅ года.—Адресъ: контора Бѣльскаго.

Алибина-Самойлова, Н. Л., героиня, свободна на сезонъ 189⁴/₅ г.—Адресъ: въ контору Бѣльскаго въ Москвѣ.

Афанасьева, Евгенія Алексѣевна, драматическая героиня, ищетъ ангажемента на лѣто.—Воронежъ, Тулиновская ул., д. Кутниковой.

Бертенсонъ-Инсаровъ, В. А., баритонъ, учен. проф. Петца въ Миланѣ, пѣвшій на итальянскихъ сценахъ, имѣющій большой репертуаръ оперъ, какъ иностранныхъ, такъ и русскихъ, предлагаетъ свои услуги гг. оперным антрепренерамъ.—Milano via Durini, № 1, artista di Canto, W. Bertenson.

Боринъ, М. И. комикъ простакъ, характерныя роли, водевили. Настоящ. адресъ: Г. Керчь, Таврической губ., Константиновская ул., д. Кисланова. Постоянный адресъ: Г. Москва, Адресный столъ, помощн. начальника И. И. Каменскому, перед. М. Борину.

Брянчанинова, Эмилія Семеновна, драматическая героиня, сильно драматическія роли (свободна на зимній сезонъ). Г. Орелъ, Центральная гостиница.

Вильгельмининъ, И. М., суфлеръ и **Селиванова, А. С.,** на роли пожилыхъ grandes dames и комическихъ старухъ, ищутъ мѣста на зимній сезонъ 189⁴/₅ г.—Адресъ: г. Славянскъ, Курзалъ Минеральныхъ водъ.

Воскресенскій-Озерковъ, Александръ Александровичъ, драматическій резонеръ, а также полезенъ въ дивертисментахъ и опереткахъ на баритонныя партіи. Жалованье 75 руб. и бенефисъ. На зимній сезонъ предлагаю театральные костюмы и библіотеку болѣе 1000 піесъ. Постоян. адресъ: г. Вологда, Подлѣсная улица, № 11.

Гаврилова, А. Е., аккомпаньяторша и компримаріо; можетъ дублировать драматическое сопрано. Ставрополь-Кавказскій, А. Е. Гавриловой, до востребованія.

Генбачевъ-Городолинъ, Владиміръ Семеновичъ, простакъ, комикъ и характерныя роли; свободенъ на зимній сезонъ.—Таганрогъ, соб. домъ.

Головинская, Александра Васильевна, ingénue dramat., свободна на зимній сезонъ.—Г. Темрюкъ, Кубан. обл., Владиміру Петровичу Волобуеву, съ передачей Головинской.

Гудзь, И. К., комикъ буффъ. Драма, комедія и оперетка, русская и малорусская. (Голосъ баритонъ).—Г. Херсонъ, Александровская ул., Забалка, И. Гудзю.

Дальфэнъ-Катковъ Н. И., комикъ и полезенъ въ дивертис., свободенъ на зиму. — Адресъ: Москва, Брестская ул., д. Посальскаго, кв. № 2.

Золотаревъ, Даніилъ Афанасьевичъ, драм. и комич. резонеръ и **Золотарева, Ольга Даниловна,** 2-я роли ingénue, ищутъ мѣста.—Адресъ: Вышній-Волочекъ, Екатерининская улица, д. Олениной.

Колобовъ, Леонидъ Николаевичъ, простакъ-фатъ, свободенъ на предстоящій зимній сезонъ. адресъ: Москва, театральная контора Д. А. Бѣльскаго; временный— г. Вологда, Золотушная набережная, д. Крыловой.

Крамовъ, Александръ Іосифовичъ, исключительно комикъ-буффъ и типичныя роли стариковъ. Свободенъ на зимній сезонъ, до 15 сент. Г. Тамбовъ, Большая ул., д. Волокитина.

Кравотынскій, Петръ Силовичъ, арт. Императорскихъ театровъ. Драм. любовникъ и характ. 100 руб. въ мѣсяцъ. Г. Выборгъ, Выборгскій форштадтъ, д. Иванова.

Кольцова, К. К., комическая старуха, если необходимо, то и драматическая, свободна на зимній сезонъ.—Г. Майкопъ, Кубанской области, театръ.

Либаковъ, Я. М. (Любинъ), резонеръ, бытовыя и характерныя роли, свободенъ на лѣтній сезонъ.—Г. Ломжа, театръ.

Людмиловъ С., и **Кунѣгинъ Н.,** кларнетистъ (играетъ 1-го или 2-го кларнета) и трombонистъ, ищутъ мѣста, согласны играть и въ опереткѣ. Адресъ до 25 августа: г. Тамбовъ, 1-я Долевая ул., д. Полякова, М. И. Евдокимовой для передачи.

Миловидовъ, Александръ Григорьевичъ, второй любовникъ и водевильныя роли и **Нельская, Марья Гавриловна,** драматическая энженю и драматическая грандъ-дамъ—свободны на зиму 1894 года.—Адресъ: Москва, Тверская-Ямская, д. Грачева, кв. № 3, Коцкера, для А. Г. Миловидова.

Мирскій, Борисъ Юрьевичъ (драматическій любовникъ) и **Изборская, Августина Ипполитовна** (ingénue dr.), свободны на зимній сезонъ 94—95 г.—Г. Екатеринбургъ, Главный проспектъ, уголъ Водочной, д. Машановой.

Михайловъ, Михаилъ Осиповичъ, опереточный теноръ. Свободенъ на зимній сезонъ. Орелъ, Центральная гостиница.

Михайловская, А. А., молодая, начинающая артистка. На роли ingénue dramatique— Херсонъ, Забалка, Александровская ул., И. Гутю для А. М.

Натальскій, Петръ Іосифовичъ, роли вторыхъ любовниковъ, фатовъ и водевильныя, свободенъ на зимній сезонъ.—Адресъ; Екатеринбургъ, до востребованія.

Никитинъ-Фабіанскій, Ф. П., резонеръ и комикъ-резонеръ, свободенъ на лѣтній и зимній сезоны.—Адресъ: г. Черниговъ, гостиница „Югъ“.

Николаевъ, Н. В., комикъ-резонеръ или комикъ-буффъ, свободенъ на зимній сезонъ.—Г. Майкопъ, Кубанской области, театръ.

Новскій, В. И., предлагаетъ свои услуги на зимній сезонъ на роли простаковъ. **Новская, Т. В.**, кассиршей съ залогомъ.—Адресъ: Новочеркасскъ, Ольгинская ул., № 1-й.

Пальчикова, Надежда Викторовна, быв. артистка Императорскихъ театровъ, сильно драматическія роли и серьезная комедія.—Г. Мензелинскъ, Уфимской губ.

Пархомовичъ-Викторовъ, Викторъ Михайловичъ, на роли фатовъ и резонеровъ. До половины сентября—Майкопъ, Куб. Обл. На зиму свободенъ.

Райскій, Левъ Борисовичъ, роли молодыхъ людей, 2-хъ простаковъ-комиковъ и стариковъ, свободенъ на зимній сезонъ 1894/95 г.—Адресъ до 1-го сентября: г. Мелитополь, Таврич. губ. Лѣтній городской театръ.

Расторго, М., jeune-premier на драматическія и комическія роли, свободенъ съ декабря, на весь конецъ зимняго 94—95 г. сезона. Согласенъ съ дебюта.— Адресъ: г. Херсонъ, Расторго, до востребованія.

Семеновъ, Ф., опытный суфлеръ ищетъ мѣсто на лѣтній и зимній сезоны сего года. Желательно бы на югъ. Адресъ письменно: С.-Петербургъ, Моховая улица, домъ № 26, квар. № 3-й.

Сибирскій, К. С., jeune premier драматическій и комическій, и **Прозорова, О. А.**, водевильная и комическая ingénue свободны на зимній сезонъ 1894 и 1895 гг. и ищутъ ангажемента.—Адресъ: С.-Пбургъ, Почтамтъ, до востребованія, К. С. Сибирскому.

Сѣверскій, Ник. Георг. драмат. любовникъ и простакъ, свободенъ на предстоящій зимній сезонъ. Объ условіяхъ справиться въ конторахъ Е. Н. Разсохиной или Д. А. Бѣльскаго.

Толина, Полина Николаевна, комическая старуха.— Москва, близъ 1 Мѣщанской, Протопоповскій пер., въ Братолюбивомъ Обществѣ, д. Локалова, квартира № 6.

Ураловъ, Иванъ Константиновичъ, снявъ на зиму Псковскій театръ проситъ желающихъ служить у него въ товариществѣ въ теченіе зимняго сезона 1894—95 г., адресоваться въ г. Стародубъ, Лѣтній театръ на его имя.

Филоновъ, Владиміръ Всеволодовичъ, 2-й комикъ-простакъ (оперетка и драма и куплетистъ), свободенъ на зимній сезонъ 1894 года.—Адресъ: г. Замостье, Люблинской губ. Театръ.

Фохтъ, Сергѣй Петровичъ, 2-й комикъ, простакъ, характерныя роли и акцентныя, помощникъ режиссера. Жалованье 50 руб. на марки 75—100 р. адресъ: Живодерка, д. Огурцова, кв. № 14. Ѳеодору Александровичу Петрову для передачи С. П. Фохтъ.

Хватовъ, А. С., суфлеръ. Рыбинскъ, Гавань.

Цюрупа, А. Д., комикъ-резонеръ и бытовыя роли. Кромѣ драмы и комедіи можетъ играть въ опереткѣ.—Г. Херсонъ, Богородицкая улица, домъ Островскаго.

Чаровъ, Михаилъ Николаевичъ роли 2-хъ любовниковъ и водевильныхъ простаковъ съ пѣніемъ, свободенъ на зимній сезонъ 1894/5 г.—Казань, Судебная палата В. С. Щедрову, съ передачею артисту Чарову.

Шперлингъ, Александръ Михайловичъ, художникъ-декораторъ, свободенъ на зимній сезонъ 1894/95 г.—Адресъ до 1-го сентября: г. Мелитополь, Таврич. губ. Лѣтній городской театръ.

Г. Кручининъ, снялъ на зимній сезонъ театръ въ Ташкентѣ (оперетка и феерія).

Въ Маріуполь, въ Товарищество на лѣто нужны артисты и артистки. Адресовать: Маріуполь, лѣтній театръ, **А. Ф. Санову**. На отвѣтъ марку.

Въ г. **Вологду** на предстоящій зимній сезонъ приглашены въ составъ драматической труппы слѣдующія лица: О. С. Таманцева, В. И. Иванова, Е. П. Колышева, Ф. И. Щеглова, Д. П. Громова, Е. Н. Свѣтлова, Н. В. Потоцкая, Е. В. Жданова, С. А. Катарскій, Н. Н. Вишневскій, Д. И. Поляковъ, В. А. Сабуровъ, Н. С. Денисовъ, К. Н. Костинъ. Нужны: драмат. любовникъ, простакъ съ голосомъ, резонеръ и второй комикъ. Адресоваться къ администратору Товарищества Алексан. Иван. **Громову**, въ г. Вологду, театръ. На отвѣты прилагать марки.

Въ книжныхъ и оружейныхъ магазинахъ, а также на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ продается

КАРМАННЫЙ ОХОТНИЧІЙ КАЛЕНДАРЬ

и СПРАВОЧНО-ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

на 1894 годъ.

Н. Ю. Анофріева (изданія годъ 2-ой).

Цѣна: въ роскошномъ переплетѣ—1 р. **20** к., въ художественной оберткѣ—**80** к.

Выписывающіе отъ составителя (крѣпость Ивангородъ) капитана Анофріева за пересылку не платятъ. Можно пользоваться наложеннымъ платежомъ. Отзывы печати 1893 г.: „Нов. Вр.“ 18 февр.; „Окраина“ 10 марта; „Кавказъ“ 19 марта; „Русск. Охотн.“ 11 сент.

СОБРАНІЕ
ИНСТРУКТИВНЫХЪ И САЛОННЫХЪ
ПЬЕСЪ
РАЗЛИЧНЫХЪ АВТОРОВЪ.

Составилъ съ подробными знаками исполненія (фразировкою и апликатурою)

В. В. ПУХАЛЬСКІЙ,

директоръ Кіевскаго Отдѣленія ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Музыкальнаго Общества.

		P.	K.
1.	**BISET.** 1-er Menuet de l'Arlesienne	—	50
2.	**DURAND, A.** Op. 79. Annete et Lubin.	—	40
3.	„ Op. 84. Gavotte . .	—	50
4.	**DURAND, I.** Murmure. Romance .	—	40
5.	**GODARD.** Op. 53. № 1. En courant	—	75
6.	„ Op. 54. 2-e. Mazurka. .	—	50
7.	„ Op. 55. № 6. Bergers et Bérgères	—	50
8.	„ Op. 56. 2-e. Valse . . .	—	50
9.	„ Op. 83. Au matin . . .	—	50
10.	„ Op. 108. 2-e. Scherzetto	—	50
11.	„ Op. 109. 3-e. Gavotte .	—	50
12.	**GRIEG.** Op. 38. № 1. Berceuse .	—	40
13.	„ Op. 43. № 1. Papillon. .	—	40
14.	„ Op. 46. № 3. La danse d'Anitra	—	50
15.	„ Op. 47. № 3. Mélodie .	—	50
16.	„ Op. 47. № 6. Danse norvégienne	—	25
17.	**GUIRAUD.** Scherzo	—	40
18.	**JENSEN.** Op. 17. № 7. Nachmittagsstille	—	25
19.	„ Op. 17. № 11. Irrlichten	—	40
20.	„ Op. 21. № 4. Murmelndes Lüftchen	—	50
21.	„ Op. 32. № 9. Sérénade.	—	40
22.	**KIEL.** Mélodie	—	25
23.	**KIERCHNER.** Op. 7. № 6. Albumblatt	—	25
24.	„ Op. 16. № 7. Allegretto.	—	25
25.	„ Op. 16. № 8. Marche	—	40
26.	„ Op. 21. № 1. Aquarelle	—	40
27.	„ Op. 21. № 26. Aquarelle	—	40
28.	„ Op. 26. № 1. Albumblatt	—	25
29.	**MARMONTEL** Autrefois Musette .	—	40
30.	„ Courante	—	40
31.	**MASSENET.** Op. 10. № 3. Barcarolle.	—	40
32.	**MASSENET.** Op. 10. № 5. Mélodie	—	25
33.	„ „Manon“ Entr'acte .	—	40
34.	**MOSZKOWSKI.** Op. 7. № 2. Moment musical .	—	75
35.	„ Op. 21. № 3. Caprice espagnol .	—	50
36.	„ Op. 38. № 3. Mazourka	—	50
37.	„ Op. 41. Gondoliera	—	75
38.	„ Op. 45. № 2. Guitarre . . .	—	75
39.	**PADEREWSKI.** Op. 5. № 2. Mazourka . . .	—	50
40.	„ Op. 16. № 2. Mélodie	—	50
41.	**PESSARD.** Op. 20. № 6. Valse Rêveuse	—	40
42.	„ Op. 20. № 7. Les peureuses.	—	50
43.	„ Op. 20. № 19. Courante	—	40
44.	„ Op. 20. № 21. Pastorale	—	25
45.	„ Op. 26. № 13. Arlette	—	50
46.	„ Op. 26. № 20. Valse-Capricieuse	—	40
47.	**POUCHALSKI** Op. 4. Au crépuscule	—	75
48.	**PRIBIK.** Sérènade russe.	—	50
49.	**RAFF.** Op. 54. № 1. Valse. . .	—	50
50.	**RHEINBERGER.** Op. 5. № 6. Toccatina	—	40
51.	**SAINT-SAËNS.** Bagatelle	—	25
52.	**SCHARWENKA.** Op. 43. № 3. Menuetto	—	40
53.	„ Op. 63. № 1. Capriccietto. . . .	—	50
54.	„ Op. 65. № 3. Barcarolle. . . .	—	40
55.	„ Op. 63. № 5. Nocturne.	—	50
56.	**THOMAS.** Mignon. Gavotte . . .	—	40
57.	**THOME.** Op. 37. Passacaille. . .	—	50
58.	„ Op. 71. La Naiade . . .	—	50
59.	„ Op. 109. Gavotte et Musette.	—	50
60.	**WACHS.** Allegro. Fantaisie . . .	—	50

ИЗДАНІЕ

КНИЖНАГО И МУЗЫКАЛЬНАГО МАГАЗИНА

Л. ИДЗИКОВСКАГО

ВЪ КІЕВѢ.

Гг. учащимся дѣлается **ЗНАЧИТЕЛЬНАЯ УСТУПКА.**

XVI годъ. О ПОДПИСКѢ годъ XVI.

на еженедѣльный художественный и юмористическій журналъ карикатуръ

„ШУТЪ“

на 1894 годъ.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ЖУРНАЛЪ „ШУТЪ“ ПОМѢЩАЕТЪ:

Болѣе **трехсотъ** раскрашенныхъ рисунковъ (хромолитографія).
Болѣе **тысячи** карикатуръ—перомъ и карандашемъ.
Не менѣе **семисотъ** столбцовъ разнообразнаго юмористическаго текста.
Тысячи стихотвореній, разсказовъ, анекдотовъ, курьезовъ, шарадъ, задачъ, ребусовъ и т. п.
Карикатуры-рецензіи на всѣ новыя пьесы, даваемыя на сценахъ столичныхъ театровъ.
Карикатуры на художественныя выставки, скачки, маскарады, гонки и т. п.
Портреты выдающихся героевъ дня.

Въ каждомъ номерѣ журнала, въ теченіе года, будетъ печататься:

„ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ ИЗВѢСТНЫХЪ ЛИЧНОСТЕЙ“,

Безплатная премія для годовыхъ подписчиковъ:

„ЦАРЕВИЧЪ МАЙ“

(СКАЗКА О ЛЮБВИ).

Текстъ Алёши Чудиловича.

10 ГЛАВЪ ВЪ СТИХАХЪ СЪ РОСКОШНЫМИ РИСУНКАМИ.

Условія подписки съ перес. и дост.:	**Условія подписки безъ перес. и дост.:**
На годъ . . . . . **7 р.**	На годъ . . . . . **6 р. 50 к.**
На 6 мѣсяцевъ . . . . . **4** »	На 6 мѣсяцевъ . . . **3** » **50** »
За границу . . . . . **10** »	
Разсрочка по соглашенію съ конторой.	Адресъ редакціи: С.-Петер. Спасская, 17

За пересылку преміи приплаты не полагается.

За редактора—издатель **Р. Голике.**

Продолжается пріемъ подписки на 1894 годъ

на ежемѣсячный литературный и научный журналъ

„РУССКОЕ БОГАТСТВО“,

издаваемый **Н. В. Михайловской и О. Н. Поповой.**

СОДЕРЖАНІЕ ВЫШЕДШИХЪ №№ 1—7.

I ОТДѢЛЪ: 1) Деревенскія панорамы. **Н. Гарина.** 2) Черты изъ жизни Пепко. Очерки **Д. Мамина-Сибиряка.** 3) Дочери Командора. Романъ **Іонаса Ли.** 4) Послѣдыши. **А. Яблоновскаго.** 5) Идеалистъ. Разсказъ **Леноэ Фоконнеръ.** 6) Друзья. Романъ. **А. С. Шабельской.** 7) Морскіе силуэты. **К. М. Станюковича.** 8) Захолустье. Изъ записокъ школьной учительницы. **С. С. Арцимовичъ.** 9) Идиллія. Разсказъ **Ю. Лентовскаго.** 10) Парадоксъ. Очеркъ **Вл. Г. Короленко.** 11) Терніи славы. Разсказъ **Юліи Безродной.** 12) Веселый парень. Крестьянская повѣсть. **Бьернштерне-Бьернсона.** 13) Gaudeamus igitur! Разсказъ **Евгенія Чирикова.** 14) Стихотворенія **С. Александрова, А. Колтановскаго, В. Н. Ладыженскаго, Д. Л. Михаловскаго.** 15) Подворное и общинное хозяйство. Статистическія параллели. **Н. А. Карышева.** 16) Судьбы русской философіи. **М. М. Филиппова.** 17) Біологическіе очерки. **В. А. Фаусека.** 18) Прикрѣпленіе крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVIII столѣтіи. **В. Мякотина.** 19) Два парламента. **М. М. Ковалевскаго.** 20) Очеркъ колонизаціоннаго движенія въ Акмолинскую область. **С. Ф.** 21) Современная женщина и ея положеніе въ Западной Европѣ и въ Америкѣ. **Б. Ф. Врандта.** 21) Земскій кадастръ и земская статистика. **Н. О. Анненскаго.** 23) Глѣбъ Ивановичъ Успенскій. Біографическая замѣтка **Дм. Васина.** 24) Очерки народно-юридическаго быта Алтайскаго горнаго округа. **С. Л. Чудновскаго.** 25) Проповѣдникъ религіозной терпимости въ XVI вѣкѣ. **И. В. Лучицкаго.**

II ОТДѢЛЪ: 1) Податные очерки. Вятская и Нижегородская губ. **П. А. Голубева.** 2) Новая попытка экономическаго обоснованія исторіи. **Н. И. Карѣева.** 3) Письма съ дороги. **С. Н. Кривенко.** 4) Новый курсъ политической экономіи. **В. Г. Яроцкаго.** 5) Иностранная литература. (Наполеонъ и женщины) **Э. П.** 6) По поводу IX съѣзда естествоиспытателей и врачей въ Москвѣ. **В. К. Агафонова.** 7) Земская статистика на праздникѣ русской науки. **Д. И. Рихтера.** 8) Нѣчто объ условіяхъ нашего хозяйственнаго развитія. **Николая —она.** 9) Юридическая безпомощность крестьянъ. **Н. Дружинина.** 10) Заброшенныя дѣти. **В. Л. Виштока.** 11) Къ вопросу о поземельномъ устройствѣ крестьянъ Зап. Сибири. **Н. Ю. Осипова.** 12) Промыслы осташей. **И. М. Красноперова.** 13) Безъ руля. Замѣтка по поводу процесса графа Соллогуба. **С. Н. Кривенко.** 14) Задачи экономической политики въ области сельско-хозяйственнаго производства. **А. Вѣлевскаго.** 15) Запоздалыя свѣдѣнія и письма о голодѣ 1891—92 гг. **Н. Рубакина, М. Изгоева, И. Г.** 16) Къ вопросу о нуждахъ народной промышленности. **С. Н. Кривенко.**

ПОСТОЯННЫЕ ОТДѢЛЫ: а) Народно-хозяйственные наброски. **Н. А. Карышева.** б) Хроника внутренней жизни. **С. Н. Южакова.** в) Хроника заграничной жизни. **В. Т.** г) Новыя книги. д) Литература и жизнь. **Н. К. Михайловскаго.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ доставкой и пересылкой 9 руб., безъ доставки 8 руб., за границу 12 руб.

Уступокъ съ подписной цѣны никому не дѣлается.

Подписныя деньги слѣдуетъ **исключительно** адресовать: въ Контору журнала **„РУССКОЕ БОГАТСТВО“ С-Петербургъ, Бассейная, 10.**

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Въ конторѣ журнала имѣются **полные экземпляры** „Русскаго Богатства“ за 1893 г. Цѣна съ перес. 9 руб.

Редакторы: *П. В. Быковъ, С. И. Поповъ.*

ОТКРЫТА ПОЛУГОДОВАЯ ПОДПИСКА НА

„Екатеринославскія Губернскія Вѣдомости“.

„Екатеринославскія Губернскія Вѣдомости“ выходятъ **ежедневно,** кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ И ДОСТАВКОЙ:

На полгода	4	руб.	50 коп.
На три мѣсяца	2	„	50 „
На одинъ мѣсяцъ	—	„	90 „

Подписка принимается: а) въ конторѣ редакціи при Губернской типографіи (Проспектъ), б) въ Екатеринославскомъ городскомъ полицейскомъ управленіи, в) у гг. частныхъ приставовъ г. Екатеринослава и г) у гг. исправниковъ и становыхъ приставовъ Екатеринославской губерніи.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ.

За напечатаніе въ *оффиціальной части* „Губернскихъ Вѣдомостей“ казенныхъ объявленій взимается: 1) о пригульныхъ животныхъ и недѣйствительности документовъ по 1 р. 50 к.; 2) о назначеніи торговъ по подрядамъ и поставкамъ за каждыя 50 строкъ въ одномъ столбцѣ по 1 р. 50 к.; 3) за объявленія по всѣмъ вообще судебнымъ дѣламъ по 3 р.; 4) о продажѣ движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ по 3 руб. за каждое продаваемое имѣніе.

За напечатаніе въ неоффиціальной части частныхъ объявленій взимается за мѣсто, занимаемое строкой петита, въ одномъ столбцѣ, на первой страницѣ въ 1-й разъ—20 к. и послѣдующіе—по 15 к., на четвертой страницѣ въ 1-й разъ—15 к. и послѣдующіе—10 к. При многократномъ помѣщеніи объявленія дѣлается уступка по соглашенію.

За разсылку объявленій особыми приложеніями взимается по 7 руб. съ тысячи.

1-го АВГУСТА ВЫШЛА И РАЗДАЕТСЯ VIII КНИЖКА ЖУРНАЛА

„СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ".

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ. I. ПѢСНИ МОРЯ. **О. Петерсона.** II. СВЯЗКА ПИСЕМЪ А. И. ГЕРЦЕНА 1838—1840 гг. **Е. Некрасовой.**— III. У МАКАРЬЯ. Стихотвореніе **В. Уманова-Каплуновскаго.**— IV. СОВРЕМЕННАЯ ЮФЕЯ. Романъ **Іоанаса Ли.** Переводъ съ датскаго **В. Фирсова.**—V. ЖОРЖЪ ЗАНДЪ. Глава изъ исторіи новаго французскаго романа. Очеркъ I. **П. Вейнберга.** — VI. НЕГОДОВАНІЕ. Стихотвореніе **Ѳ. Соллогуба.**—VII. НА РАЗНЫХЪ ДОРОГАХЪ. (Романъ въ 3-хъ частяхъ). Часть третья. Гл. I—III **Вас. Немировичъ-Данченко.**— VIII. СТАРЫЙ САДЪ. Изъ посмертныхъ стихотвореній **П. Свободина.**—IX. МЕЧЕТЬ ВЕЛИКАГО КАЛИФА. **Изъ путевого альбома русскаго туриста. Б. Корженевскаго.**—X. „НАДЪ УГРЮМОЙ ДАЛЬЮ ЛѢСА". Стихотвореніе **Н. Соколова.**—XI. СЕМЕЙСТВО ПОЛАНЕЦКИХЪ. Романъ. Часть вторая. **Генриха Сенкевича.** (Переводъ съ польскаго. **М. Кривошеева**).—XII. ЗАПИСКИ А. О. СМИРНОВОЙ. (Изъ записныхъ книжекъ 1826—1845 гг.). Планы о заграничномъ путешествіи Гоголя.—Пушкинъ въ роли управляющаго.—Пушкинъ о Бейлѣ, Наполеонѣ и французской буржуазіи. — Разговоръ о музыкѣ и воспоминанія Н. Смирнова. — XIII. ЖЕНИТЬБА КАБУСА. Разсказъ **Ольдена.** Переводъ съ нѣмецкаго **Э. Р.**—XIV. ВНѢШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ НАРОДА. Народныя библіотеки и музеи, народныя чтенія, дѣятельность обществъ по народному образованію въ Россіи и въ другихъ странахъ. **Ф. Ч.**—XV. ГОМОЧКА. Повѣсть **В. Дмитріевой.**—**ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.** I. ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ. ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ. Отвѣтъ „Русскому Обозрѣнію" и „Московскимъ Вѣдомостямъ".—Почему „Сѣверный Вѣстникъ" „примыкаетъ къ либеральному лагерю" и почему нѣкоторые „либеральные органы ведутъ противъ него полемику".— „Новороссійскій Телеграфъ" о современныхъ журналистахъ. — Г-жа Желиховская о Казимірѣ великомъ.—„Прибалтійскій листокъ" и „Московскія Вѣдомости" объ эстонскихъ празднествахъ въ Юрьевѣ.— Человѣкъ ищетъ гдѣ лучше. **Л. Прозорова** — II. ПИСЬМО ИЗЪ АМЕРИКИ. Общественная борьба противъ нужды и безработицы въ Соединенныхъ Штатахъ. В. **Макъ-Гаханъ.**—III. ПИСЬМО ИЗЪ АНТВЕРПЕНА. Международный конгрессъ журналистовъ. **Н. Э—съ.**—IV. ЛЕГКОЕ РАЗРѢШЕНІЕ ТРУДНЫХЪ ЗАДАЧЪ. **М. Петрова.** — V. КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ. А) КРИТИКА. А. И. Смирновъ. Эстетика, какъ наука о прекрасномъ въ природѣ и искусствѣ.— В. Шербюлье. Искусство и природа.— Wiliam Knight. The Philosophy of the Beautiful.—Esther Wood. Daute Rossetti, and the pre-raphaelite movement. — Б) БИБЛІОГРАФІЯ. I. Литература. II. Общественныя науки. III. Естествознаніе и медицина. IV. Педагогія и дѣтскія книги. — VI. ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ. Анархизмъ передъ судомъ науки — Е. А. Баратынскій.— Гр. Л. Толстой о Гюи-де-Мопасанѣ.— Сенсаціонный романъ.— VII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Льготы по образованію при отбываніи воинской повинности.—Законъ о ссудахъ дворянскаго банка на покупку имѣній въ западномъ краѣ.— Преобразованіе государственнаго банка.— Обложеніе акцизомъ виноградныхъ винъ.— Еще о литературной конвенціи. — VII. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ. Бесѣды болгарскихъ дѣятелей съ корреспондентомъ русской газеты.—„Греческій прожектъ".—Законъ объ анархистахъ и закрытіе сессіи французскихъ палатъ.—Рабочіе союзы и анти-Пулльмонскій стройкъ въ Соединенныхъ Штатахъ. **Л. Полонскаго.**—IX. КНИГИ, поступившія въ редакцію для отзыва.—X. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Условіе подписки на 1894 г.		По полугодіямъ.		По четвертямъ года.			
	На годъ.	Январь. Іюль.		Январь.	Апрѣль.	Іюль.	Окт.
Безъ доставки въ Спб., въ конторѣ журнала	12 р. — к.	6 р. — к.	6 р. — к.	3 р. — к.	3 р. — к.	3 р. — к.	3 р.
Съ доставкой въ Спб. . .	12 „ 50 „	6 „ 50 „	6 „ — „	3 „ 50 „	3 „ — „	3 „ — „	3 „
Съ перес. въ Имперіи . .	13 „ 50 „	7 „ — „	6 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „
За границей.	15 „ — „	8 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	3 „

Подписка на всѣ означенные сроки. **Разсрочка** платежей. **Служащіе** могутъ вносить помѣсячно за ручат. казначеевъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ **въ Главной Конторѣ**, *Спб., Троицкая, 9,* и **въ Московск. отдѣл.**, Тверская, д. Сазикова, въ Спб., въ кн. маг. **Фену**, въ Москвѣ, въ конт. **Н. Печковской**, во всѣхъ кн. маг. **Карбасникова, Новаго Времени** и др.

Съ 1-го декабря 1893 г. открыто **отдѣленіе редакціи и конторы „Сѣв. Вѣстн."** *въ г. Москвѣ, по Тверской, д. Сазикова.*

Издательница *Л. Я. Гуревичъ.* Редакторъ *М. Н. Альбовъ.*

Стр.

XVII. ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ 192

XVIII. ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ НОВОСТИ 197

XIX. МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ 202

XX. ХРОНИКА 207

XXI. „ПОЛУСВѢТЪ“ ком. въ 5 д. **А. Дюма**, пер. **А. Е. Кашперовой** . . . .

XXII. „ВЪ АНТРАКТѢ“, карт. **М. П. Клодта**, фотот. Шереръ и Набгольцъ .

XXIII. „ВЪ УБОРНОЙ“, рис. **Л. О. Пастернака**, фототипія К. А. Фишера .

XXIV. „ОБРЫВЪ“, рис. перомъ **А. Н. Шильдера**, фотот. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К⁰ .

Отъ редакціи.

Контора редакціи „Артиста“ (Москва, у Арбатскихъ воротъ, д. Шмидтъ. *Телефонъ № 890*) **открыта** ежедневно, отъ 10 до 3 часовъ.—Личныя **объясненія съ редакторомъ и издателемъ** по понедѣльникамъ и пятницамъ отъ 12 до 2 час. дня.

Редакція **отвѣчаетъ только на тѣ письма**, къ которымъ приложены почтовыя марки.

За перемѣну адреса уплачивается 25 коп. **Билеты на полученіе журнала высылаются** только тѣмъ иногороднимъ подписчикамъ, которые приложатъ при высылкѣ подписки—19 коп. почтовыми марками.

Жалобы на неполученіе какой-либо книги журнала обращаются **исключительно** въ редакцію, съ указаніемъ нумера, напечатаннаго на адресѣ подписчика, и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала не была получена.—Жалобы должны быть сообщаемы въ редакцію не позже полученія слѣдующей книги.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка по 50 коп. съ годового экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставленнымъ ими подпискамъ не допускается.

Доставленныя въ редакцію **статьи** должны быть подписаны авторомъ и снабжены его адресомъ.—Статьи, присланныя въ редакцію безъ обозначенія условій гонорара, считаются безплатными.—**Гонораръ** уплачивается **только** за статьи, уже напечатанныя въ журналѣ, и по истеченіи двухъ недѣль со дня выхода книжки. **Авансы не выдаются.**—Сочиненія, принятыя для напечатанія въ журналѣ, подлежатъ, въ случаѣ надобности, **сокращенію и исправленію.**—Сочиненія, признанныя редакціей неудобными къ помѣщенію въ журналѣ, **возвращаются** авторамъ безъ объясненія причинъ.—**Обратная пересылка** такихъ произведеній ихъ авторамъ производится на счетъ авторовъ.—Сочиненія, признанныя редакціей неудобными для напечатанія въ журналѣ, **хранятся** въ редакціи въ теченіе **шести** мѣсяцевъ и затѣмъ уничтожаются; мелкія же статьи, объемомъ менѣе печатнаго листа журнала, храненію не подлежатъ.

Дозволено цензурою. Москва, 17 августа 1894 г.

„АРТИСТЪ“

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕМѢСЯЧНО, ДВѢНАДЦАТЬ РАЗЪ ВЪ ГОДЪ

книжками отъ 25 до 35 листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:	Безъ доставки.	Съ доставкой и пересылкой.	За границу.
На годъ	10 р.	12 р.	16 р.
На полгода	6 р.	7 р.	8 р.
Вмѣстѣ съ „Театральною Библіотекой“:			
На годъ	13 р.	16 р.	18 р.
На полгода	8 р.	10 р.	11 р.

Редакція и главная контора въ Москвѣ,—у Арбатскихъ вор., д. Шмидтъ.

Телефоны: Редакціи № 890, Главной конторы—№ 1490.

☞ **ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА:** при подпискѣ на одинъ „Артистъ“ 2 руб. и затѣмъ **ЕЖЕМѢСЯЧНО по 1 руб.** до полной уплаты всей подписной суммы, а при подпискѣ на „Артистъ“ съ „Театральною Библіотекою“—3 руб. и затѣмъ ежемѣсячно по 2 руб. до полной уплаты всей подписной суммы.

Другихъ условій разсрочки не допускается.

Для учителей рисованія и учащихся въ спеціально-театральныхъ, музыкальныхъ и художественныхъ школахъ подписная цѣна на „Артистъ“ на годъ 9 р., съ пересылкой 10 р.

Отдѣльные нумера „Артиста“ по 2 рубля.

ОБЪЯВЛЕНІЯ въ „Артистъ“ принимаются послѣ текста съ платою за каждый разъ 25 руб. за цѣлую страницу; 15 руб. за половину; 10 р. за $^1/_4$ и 5 руб. за $^1/_8$ страницы.

Подписка принимается и отдѣльные нумера продаются **въ конторѣ редакціи: „Артиста“ (Москва, у Арбатскихъ воротъ, д. Шмидтъ.** *Телефонъ № 1490*). **Въ книжномъ магазинѣ журнала „Артистъ“ (Москва, Страстной бульваръ, домъ Адельгеймъ.** *Телефонъ № 502*), **въ отдѣленіи конторъ: въ Кіевѣ въ книжномъ магазинѣ Идзиковскаго (Крещатикъ), и въ Томскѣ въ кн. маг. П.И.Макушина,**—въ кн.маг.„Новаго Времени“, Карбасникова и Т-ва Вольфъ, въ конторѣ Н. Н. Печковской (Москва, Петровскія линіи) и въ музыкальномъ магазинѣ г. Бесселя и, кромѣ того, въ книжной лавкѣ Московскаго Большого театра, и въ Театральной Библіотекѣ С. Ѳ. Разсохина, а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ, музыкальныхъ и эстампныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ; въ Казани у г. Дубровина; въ Костромѣ у г. Бекенева; въ Варшавѣ у г. Карбасникова; въ Орлѣ и Курскѣ у г. Кашкина.

Иногородніе благоволятъ обращаться исключительно въ контору редакціи.

Издатель Н. В. Новиковъ. Отвѣтственный редакторъ Е. Е. Коршъ.